This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PA-28
K-43

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Kirevski, P. V.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(изданнымъ 1-мъ безъ измѣненій).

3404.

МОСКВА.
Въ Типографіи П. Бахметева, на Малой Дмитровкѣ, № 14.
1868.

PG3113
K532
1868

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

Дозволено Цензурой. Москва. Февраля 19-го. 1868 г.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1860 года, января 16-го дня, XXII засѣданіе; пунктъ 9-й. «Д. Членъ К. С. Аксаковъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Николай Алексѣевичъ Елагинъ изъявилъ свое согласіе на предоставленіе оному права издать собраніе пѣсень брата его, покойнаго Члена Общества П. В. Кирѣевскаго. Положено: немедленно приступить къ приготовленію сего изданія, для чего и просить г. Предсѣдателя о полученіи рукописей отъ Н. А Елагина.»

— Февраля 23-го дня, XXVI засѣданіе; пунктъ 5. «Д. Членъ К. С. Аксаковъ сообщилъ Обществу, что дѣло о передачѣ Обществу права на изданіе собранія народныхъ пѣсень покойнаго П. В. Кирѣевскаго братьями покойнаго В. А. и Н. А. Елагиными приведено къ окончанію, при чемъ В. А. Елагинъ выразилъ желаніе принять участіе въ трудахъ по сему изданію и могущіе получиться за покрытіемъ издержекъ по изданію, барыши отъ онаго считаетъ необходимымъ обратить въ пользу малолѣтнихъ наслѣдниковъ покойнаго.— Положено: изъявивъ полное согласіе на означенныя желанія В. А. Елагина, приступить къ изданію.»

— Февраля 29-го дня, XXVII засѣданіе; пунктъ 2. «Д. Членъ К. С. Аксаковъ представилъ Обществу полученныя имъ отъ В. А. Елагина рукописи собранія пѣсень покойнаго П. В. Кирѣевскаго, передаваемыя Обществу для изданія оныхъ.—Положено: а) выразить В. А. Елагину искреннюю признательность за предоставленіе Обществу права изданія оныхъ и б) изданіе поручить Д. Членамъ К. С. Аксакову, П. А Безсонову и В. И. Далю, при участіи, согласно пункту 5-му протокола 23-го февраля, В. А. Елагина.»

— Марта 11-го дня, XXIX засѣданіе; пунктъ 7. «Въ составъ Коммиссіи для изданія собранія народныхъ пѣсень покойнаго П. В.

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1860-й годъ. — *Касаются 1-го изданія.*

Кирѣевскаго и состоящей изъ Д. Членовъ К. С. Аксакова, П. А. Безсонова и В. И. Даля, при содѣйствіи В. А. Елагина, избраны Д. Члены Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и С. А. Соболевскій.»

— Марта 15-го дня, XXX засѣданіе; пунктъ 4. «Читанъ докладъ Коммиссіи для изданія Сборника народныхъ пѣсень П. В. Кирѣевскаго, съ изложеніемъ плана, которому Коммиссія полагаетъ слѣдовать при семъ изданіи.—Положено: планъ Коммиссіи одобрить и за тѣмъ приступить къ изданію въ возможно-скоромъ времени.»

— Мая 7-го дня, XXXV засѣданіе; пунктъ 5. «По случаю печатанія перваго выпуска Собранія пѣсень П. В. Кирѣевскаго, положено: а) издать его въ числѣ 1,200 экземпляровъ; б) цѣну экземпляру назначить по 50 к. сер.; в) 100 экземпляровъ онаго оставить въ Обществѣ для раздачи Членамъ безплатно, согласно § 6 Устава; г) продажу книги начать въ сентябрѣ сего года и д) всѣ распоряженія по напечатанію и продажѣ сего изданія возложить на Д. Члена П. А. Безсонова.»

*

—1867 года, 9 Марта, CCXXXI засѣданіе, пунктъ 5 *). Опредѣлено: «Перепечатать безъ измѣненій первый выпускъ Пѣсень въ числѣ *шестисотъ* экземпляровъ и просить Д. Ч. П. А. Безсонова взять на себя трудъ по этому изданію.»

—Ноября 25, CCXLIII засѣданіе, пунктъ 5. «Общество, по докладу Д. Ч. П. А. Безсонова, принимая во вниманіе, что печатаніе 1.200 экз. книгъ представляетъ болѣе выгодъ, нежели печатаніе 600 экз., опредѣлило: первый выпускъ Пѣсень Кирѣевскаго перепечатать въ количествѣ 1.200 экземпляровъ.»

*

*) Касается 2-го изданія. Отпечатано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

I.

Пѣсни Былевыя.

Время Владимірово.

Выпускъ 1.

Илья Муромецъ,

богатырь-крестьянинъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

По мысли, руководившей постоянно П. В. Кирѣевскимъ, Коммиссія, издающая нынѣ Сборникъ его пѣсень, не ограничивается тѣмъ, что нашла въ бумагахъ покойнаго, но присоединяетъ сюда въ пополненіе и другія пѣсни изъ печатныхъ изданій, а гдѣ нужно, въ *Приложеніяхъ* къ выпуску, помѣщаетъ Сказки, Историческія показанія, Преданія, и т. п.

Изданіе должно бы собственно начинаться народными *Стихами*, или духовными пѣснопѣніями народа: но они помѣщены уже были самимъ Собирателемъ, 1848 года, въ № 9-мъ Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, а дополнительная тетрадь къ нимъ, заключавшая разнорѣчія (варіанты), къ сожалѣнію, доселѣ числится потерянною. Потому, въ настоящемъ случаѣ является—

Отдѣлъ I-й. Пѣсни Былевыя (называемыя у насъ также Былинами, Побывальщинами, Старинами, и т. д.): то есть сперва Богатырскія, и за тѣмъ Историческія въ тѣсномъ смыслѣ, заканчивающіяся особыми пѣснями—*Безъимянными*,

о безъимянныхъ витязяхъ и молодцахъ, удальцахъ и разбойникахъ.

I-й Выпускъ этого отдѣла, изъ времени Владимірова, — Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ.

Всѣ пѣсни, сюда вошедшія, при которыхъ нѣтъ замѣтки о заимствованіи изъ какого-либо прежняго, печатнаго изданія, принадлежатъ Сборнику П. В. Кирѣевскаго. Когда онѣ вошли въ него, какое занимали мѣсто въ его составѣ, въ какомъ найдены видѣ, и тому подобные вопросы рѣшены будутъ въ послѣдствіи, по окончаніи настоящаго изданія и при обозрѣніи всего Сборника, тѣмъ болѣе, что самъ уже Собиратель предложилъ общія свѣдѣнія по этому дѣлу въ Предисловіи къ отпечатаннымъ Стихамъ (въ Чтеніяхъ) и во Вступленіи къ Былевымъ пѣснямъ, которое мы помѣстили вслѣдъ за симъ.

Все, что записано или переписано собственною рукою П. В. Кирѣевскаго, или же носитъ явные слѣды его пересмотра, все то отпечатано съ буквальною точностію, въ самомъ даже правописаніи и възнакахъ препинанія. Не простирая никакого притязательнаго права на то, что̀ вышло уже *готовымъ* изъ рукъ самого Собирателя, настоящее изданіе удовольствовалось только тѣмъ, что дозволило себѣ, въ текстѣ такихъ пѣсень, *отдѣлить иногда красную строку*, или же *поставить въ скобкахъ* тѣ стихи, которые явно внесены въ пѣсню позднѣе или нейдутъ къ ея собственному составу.

Всѣ *замѣчанія П. В. Кирѣевскаго,* прибавленныя къ пѣснямъ, оставлены также неприкосновенными, съ отмѣткой: *Зам. П. В. Кир.*

Въ замѣнъ того, при остальныхъ пѣсняхъ изъ Сборника

и другихъ печатныхъ изданій, языкъ, разумѣется, удержанъ въ точности, но *правописаніе, раздѣленіе стиховъ,* и т. п., въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнено по усмотрѣнію.

Примѣчанія печатныхъ изданій, какія, въ полномъ или сокращенномъ видѣ, сочтены необходимыми или важными, удержаны всѣ съ отмѣткой: *Прим. 1-го изд.*

Всѣ остальныя соображенія касательно текста, состава пѣсень, языка, и т. п., принадлежащія *настоящему изданію,* отмѣчены буквою *О* (Общество Л. Р. Сл.).

При всѣхъ вообще пѣсняхъ принято: *въ началѣ* ихъ, въ скобкахъ, отмѣчать *мѣстность,* гдѣ онѣ записаны (за исключеніемъ сборника Кирши Данилова или Др. Росс. Стихотвореній, извѣстныхъ всякому по ихъ печатному изданію), а *въ концѣ—кѣмъ* записано, доставлено, или *гдѣ* передъ тѣмъ напечатано.—Гдѣ же, изъ Сборника П. В. Кирѣевскаго, нѣтъ этихъ отмѣтокъ, о тѣхъ пѣсняхъ высказаны будутъ объясненія въ послѣдствіи, при обзорѣ состава цѣлаго Сборника.

Если *разнорѣчія* не нарушаютъ *цѣлости* пѣсни, а напротивъ дѣлаютъ ее отдѣльнымъ и особымъ *цѣлымъ,* въ такомъ случаѣ пѣсни оставлены въ ихъ видѣ и помѣщены въ послѣдовательномъ порядкѣ одна за другою, по мѣрѣ ихъ сродства, хотя бы самаго близкаго. Сводить же разнорѣчія изъ нѣсколькихъ пѣсень къ тексту одной главной, принято тамъ лишь, гдѣ вся разница ихъ *въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ* словахъ и оборотахъ. Въ настоящемъ выпускѣ напечатана въ семъ послѣднемъ видѣ одна лишь пѣсня, 7-я въ разрядѣ II-мъ, тѣмъ болѣе, что она сведена уже изъ разнорѣчій въ бумагахъ Собирателя *).

---

*) Въ сводъ не внесены только ничтожныя разнорѣчія, вѣрно или нѣтъ прибавленія къ пѣсни въ Моск. Телеграфѣ 1827 г. № 23, стр. 108, 109.

Правила, здѣсь изложенныя, приняты не только для предлежащаго выпуска, но и для всего послѣдующаго изданія.

Порядокъ, въ которомъ размѣщены одна за другою пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, и самыя *основанія* этого порядка, объяснены на концѣ выпуска, послѣ Приложеній, въ особой *Замѣткѣ.*

Коммиссія отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

*

ВСТУПЛЕНІЕ

къ Былевымъ пѣснямъ.

П. В. Кирѣевскаго *).

Историческихъ народныхъ пѣсенъ дошло до насъ немного, если сравнить ихъ количество съ огромною массою пѣсенъ другихъ разрядовъ, и это едва ли могло быть иначе,— не смотря на живое участіе, которое Русской народъ всегда принималъ въ событіяхъ отечества.—Именно тотъ слой народа, который шелъ во главѣ *историческаго* движенія Россіи и потому естественно былъ ближайшимъ хранителемъ изустнаго историческаго преданія, — съ начала прошедшаго вѣка принялъ на долго направленіе, неблагопріятное для сохраненія родныхъ воспоминаній; а остальной народъ, и до сихъ поръ еще не отвыкшій пѣть народныя пѣсни, могъ сохранить въ памяти только немногіе отпечатки главныхъ

*) Напечатано имъ въ Московскомъ Сборникѣ, 1852 г., т. I, по случаю изданія двухъ Былевыхъ пѣсень (между прочимъ объ Ильѣ Муромцѣ), которыя покойный Собиратель называлъ обыкновенно *Историческими.—О.*

эпохъ исторіи. — Подобное же явленіе, но еще раньше, чѣмъ у насъ и еще гораздо сильнѣе, совершилось въ Польшѣ, гдѣ не уцѣлѣло ни одной исторической народной пѣсни.

Историческія пѣсни, находящіяся въ моемъ Собраніи, относятся ко временамъ св. Владиміра, съ именемъ котораго въ народной памяти сливаются и пѣсни, относящіяся къ такъ называемому удѣльному періоду; есть пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ, объ царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ и о Петрѣ; но царствованіе Петрово можно назвать и границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, которыя, послѣ Петра, продолжали возникать только среди Волжскаго и Донскаго казачества. Правда, что поются въ народѣ пѣсни о семилѣтней войнѣ, о Турецкихъ и Шведскихъ войнахъ Екатерины, о войнѣ 1812 года, и многія другія; но эти пѣсни разительно отличаются ото всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ: онѣ лишены всякого поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытные памятники времени.

Замѣчательно, что первыя, полумиѳическія времена Русской исторіи уцѣлѣли въ народныхъ пѣсняхъ свѣжѣе, нежели послѣдующія; между тѣмъ какъ пѣсенъ объ тѣхъ событіяхъ, которыя такъ глубоко потрясали Россію во времена Татаръ и Самозванцевъ, — осталось мало. Можетъ быть это потому, что, переходя изъ устъ въ уста, древнее преданіе, по мѣрѣ своей отдаленности, богаче украшается радужными цвѣтами поэзіи; а можетъ быть потому, что и народъ, какъ отдѣльный человѣкъ, въ счастливыя эпохи внутренней тишины — но тишины, разумѣется, основанной не на усыпленіи, а на зиждительной сосредоточенности его духовныхъ стремленій — бываетъ доступнѣе для впечатлѣній глубокихъ и прочныхъ, нежели въ эпохи бурныхъ торжествъ, или ожесточенной борьбы.

Въ пѣсняхъ о Іоаннѣ Грозномъ народъ сохранилъ воспоминаніе только о свѣтлой сторонѣ его характера. Онъ поетъ о славномъ завоеваніи Казани и Астрахани; о православ-

номъ царѣ, которому преклоняются всѣ орды Татарскія; объ его любви къ Русскому народу и его радости, когда Русской удалецъ, на его свадебномъ пиру, поборолъ его гордаго шурина, Черкасскаго князя; но не помнитъ ни объ его опричникахъ, ни объ другихъ его темныхъ дѣлахъ. Такая память народа, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полное вниманіе историковъ.

Особенно замѣчательно совершенное почти отсутствіе пѣсенъ объ эпохѣ такъ называемаго Татарскаго ига. По крайней мѣрѣ въ моемъ Собраніи Пѣсенъ (а оно, безъ преувеличенія, должно быть названо очень многочисленнымъ), нѣтъ ни одной, которую бы можно было несомнѣнно отнести къ этому времени. Такое отсутствіе воспоминаній объ этой эпохѣ можетъ служить сильнымъ свидѣтельствомъ противъ лицъ, называющихъ это несчастное время эпохою Татарскаго владычества,* или ига, а не эпохою Татарскихъ опустошеній, какъ было бы справедливѣе. Иноземное владычество, особенно долговременное, необходимо проникаетъ во всѣ отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народный духъ и не можетъ не оставить воспоминаній неизгладимыхъ. Могло бы оно вовсе истребить пѣсни въ Русскомъ народѣ; но, при существованіи такого огромнаго богатства народныхъ пѣсенъ и преданій, не могло бы стереть подобныя воспоминанія.

—

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОБРАНІЕ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

I.

1

(Симбирской губерніи и уѣзда, село Языково).

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцять три года;
Пришли къ нему нища братія,
Самъ Ісусъ Христосъ, два Апостола:
«Ты пойди, Илья, принеси испить!»
—Нища братія, я безъ рукъ безъ ногъ!—
Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!»
Илья сталъ вставать—ровно встрѣнаный;
Онъ пошёлъ—принёсъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать:
Ему нищи отворачиваютъ:
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
—Отъ земли столбъ былъ да до нёбушки,
—Ко столбу было золото кольцё,
—За кольцё бы взялъ, Святорусску поворотилъ!—
«Ты поди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья сталъ имъ поднашивать,

Они Ильѣ отворачиваютъ;
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
25. Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
—Во мнѣ силушки половинушка.—
«Проводи, Илья, насъ въ чисто́ поле,
«Во чисто́ поле, къ высоку́ бугру,
30. «Къ высоку́ бугру, ко раскатисту.»
На бугрѣ Илья отдохнуть прилёгъ.
Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ.

Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
Богатырёмъ сильнымъ могучіимъ *).
35. Онъ и сталъ Татаръ попытывать.
Выѣзжалъ къ нему младъ Тата́рченокъ,
Младъ Тата́рченокъ, бусурма́нченокъ,
На своемъ конѣ богатырскіемъ;
Онъ тугой лучёкъ натягивалъ,
40. Кленову́ стрѣлу накладывалъ,
Онъ стрѣлялъ въ Илью во бѣлу́ю грудь;
Не попалъ онъ во бѣлу́ю грудь,
А попалъ онъ во добра́ коня,
Во добра коня богатырскаго:
45. «Младъ Тата́рченокъ бусурманченокъ!
«Кабы мать твоя не кума была,
«Ябы бы взялъ тебя за праву́ руку,
«Я закинулъ бы во синё море!»
Онъ садился же на добра́ коня,
50. На добра коня богатырскаго,
Онъ поѣхалъ же во чисто́ поле
Ко тому Соловью ко разбойничку.
То пришли ко Ильѣ три дороженьки,
А межъ трехъ дорогъ бѣлъ горю́чь камень,

---

*) Эти четыре стиха, явно сбитые пѣвцомъ, записаны такъ:
На бугрѣ Илья отдохнуть прилёгъ.
Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
Богатырёмъ сильнымъ могучіимъ;
Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ.—*О.*

3

55. А на камешкѣ подписано:
На Восходъ ѣхать, быть богатому;
Ежли на́ Полдни, быть женатому;
На Западъ ѣхать, быть убитому.
Тутъ мое житье все и скончилось.

*

2.

(Тамъ же).

Охъ вы люди, люди добрые,
Шабры *) мои приближённые!
Вы прійдите посидѣть ко мнѣ,
Вы скажите мнѣ про старое.
5. Про старое про бывалое,
Про того ли Илью Муромца,
Илью Муромца сынъ Ивановича.

Онъ въ сидня́хъ сидѣлъ ровно тридсять лѣтъ,
Тридсять лѣтъ и три года;
10. Онъ пошёлъ гулять по Салфѣ рѣкѣ,
По Салфецкому круту бе́режку;
Выѣзжалъ Илья на высокъ бугоръ,
На высокъ бугоръ на раскатистый.
Разставлялъ шатёръ—полы бѣлыя;
15. Раставя шатёръ, сталъ огонь сѣчи́;
Высѣча́ огонь, сталъ раскладывать;
Разложа огонь, сталъ кашу варить;
Сваря кашу, расхлёбывать;
Расхлебавъ кашу, сталъ почивъ держать.
20. Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ,
На двѣнадсять дёнъ, на двое суточки.
Гдѣ не взялся . . . . . Тата́рченокъ,
Тата́рченокъ бусурма́нченокъ;
Онъ взошёлъ въ шатёръ, самъ дивуется:

*) Шабры—сосѣди.—*О.*

25. « Еще быть это Илья Муромецъ *).
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
« Соннаго мнѣ убить—не честь не хвала,
« А разбудить его—не сладити.»
Цапъ царапъ его во бѣлую грудь!
30. Онъ не попалъ злодѣй во бѣлую грудь.
Онъ попалъ злодѣй въ чуденъ золотъ крестъ;
Отъ креста копье загибалося.
Ото сна Илья пробуждается,
Злу Татарченку издивляется:
35. —Еще что это . . . . . за Татарченокъ!
—Въ вышину онъ злодѣй пять аршинъ,
—А въ ширину злодѣй коса сажень,
—Голова на нёмъ какъ пивной котёлъ,
—Во лбу глаза по большой чашѣ.—
40. Онъ и снёсъ съ него злодѣя буйну голову
По его могучи плеча.

*

3.

(Симб. губ., г. Сызрань, с. Языково).

Охъ вы люди мои, люди добрые,
Люди добрые, шабры ближніе!
Вы скажите мнѣ про старое,
Про старое про бывалое,
5. Про стараго козака Илья Муромца!
Какъ старый козакъ въ походъ ходилъ
Подъ тоё ли же подъ матушку
Подъ Софу рѣку;
Какъ коня сѣдлалъ, какъ съ двора съѣзжалъ;
10. Онъ бралъ свою збрую ратную,
Копьё Морзомецкое **),
Выѣзжалъ онъ во далече во чисто поле,

---

*) Надо быть—это Илья Муромецъ.—*О.*
**) Мурзамецкой: Мурзинское, отъ Мурзы.—*О.*

Наѣзжалъ онъ въ чистомъ полѣ диковинку:
Разъѣзднýю походнýю красну дѣвицу.
15. Не доѣхавши онъ остановится:
«Охъ ты гой еси, душа ли красна дѣвица!
«Охъ ты чтó една въ чистомъ полѣ казакуешь?
«Какого ты роду, царскаго или барскаго,
«Или сильнаго роду княженецкаго?»
20. Возгóворитъ красна дѣвица:
—Охъ ты гой еси, старый казакъ Илья Муромецъ!
—Я не царскаго роду, и не барскаго,
—И не сильнаго роду княженецкаго:
—Я жила была у батюшки дочь гостиная,
25. —Я бѣжала красна дѣвица со новыхъ сѣнéй,
—Отъ того Олёши Поповича,
—Отъ насмѣшника пересмѣшника.—
Возгóворитъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Охъ ты гой еси, душа ли красна дѣвица!
30. « Охъ ты чтó мнѣ давно не сказалася?
« Я бы съ Олёшей перевѣдался,
« Я бы снялъ съ Олёши буйну голову.»
Подъѣзжаетъ старый казакъ ко Софѣ рѣкѣ,
Къ тому ли мосточку калинову;
35. Онъ разставливаетъ свой полотнянъ шатёръ,
Разставимши шатёръ, сталъ кашичку варить,
Сварёмши кашичку, онъ позавтракалъ,
Онъ позавтракамши, сталъ почивъ держать.
Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ.
40. Изъ далеча далеча изъ чистá поля
Не ясенъ соколъ тутъ вылётывалъ,
Не черной воронъ тутъ выпорхивалъ,
Выѣзжаетъ тутъ злой Татáрченокъ,
Злой Татарченокъ басурманченокъ,
45. Подъѣзжаетъ онъ ко бѣлу шатру,
Раскрываетъ у шатра полу правую,
Онъ и бьетъ добраго молодца, не жалуетъ;
Далъ онъ ему девять ранъ,
Десятую хотѣлъ смертную:
50. Ударилъ онъ его въ ретивó сердце.

Не угодилъ-то онъ ему въ ретиво́ сердце,
Угодилъ-то онъ его въ зла́тый чу́дный крестъ.
Отъ креста копье загибалося,
Отъ сна добрый молодецъ пробуждается,
55. Онъ и сталъ старый казакъ на рѣзвы́ ноги:
« Охъ ты гой еси, злой Татарченокъ,
« Что́ ты меня бьешь соннаго, аки мертваго,
« А сидящаго, аки дряхлаго?
« Мы бы съ тобой такъ могли побаталиться,
60. « А между собою похвастаться!»
Онъ и взялъ его за рѣзвы́ ноги,
Онъ и кинулъ его во чисто́ поле,
Повыше дерева стоячаго,
Пониже облака ходячаго.

*

4

(Оренбург. губ., Уфимскаго уѣзда, село Новосёлки).

Далече, далеченько въ чистомъ полѣ,
Еще подалѣ во раздольѣ.
Выѣзжалъ туто удалъ молодецъ,
Удалъ молодецъ Илья Муромецъ.
5. Онъ раскинулъ уже полотнянъ шатеръ,
Онъ раскинувши сталъ почивъ держать.
Издалече, изъ чиста поля,
Выѣзжалъ туто удалъ молодецъ,
Удалъ молодецъ, бѣлъ Борисъ Козловъ.
10. Онъ натягивалъ свой ту́гій лукъ,
Онъ накладывалъ кленову стрѣлу,
Цѣлится бить Илью Муромца.
Онъ и бьетъ Илью по бѣлу лицу,
По бѣлу лицу, по румяному.
15. Какъ возговоритъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Илья Муромецъ:
«Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
«Добрый молодецъ, бѣлъ Борисъ Козловъ!

«Ты не бей меня по бѣлу лицу,
20. «По бѣлу лицу, по румяному:
«Я стопчу тебя на добрымъ конѣ,
«На добрымъ конѣ, богатырскіемъ.»

*

5.

(Сузунскій заводъ, въ Алтайскомъ горномъ округѣ *).

Что по край было синя́ морѣ,
На богатырской на за́ставѣ,
Стояли тутъ пять бога́тырей:
Перво́й—Илья Муромецъ,
5. Второй—Колыванъ сынъ Ивановичъ,
Третій—Самсонъ Васильевичъ,
Четвертый—Добрыня Никитичъ младъ,
А пятый—Алёша Поповичъ.
Не пропускали они ни коннаго,
10. Ни коннаго и ни пѣшаго,
Ни царскаго, ни боярскаго:
Ни звѣря рыскучаго,
Ни птицы летучей.
Младъ ясенъ соколъ летитъ—
15. —Перо выронитъ:
Добрый мо́лодецъ бѣжитъ—
—Головой вершитъ **).

На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго,
20. На восходѣ-то солнца яснаго.

---

*) Округъ сей занимает самую большую часть Томской губерніи; первоначальное Русское его населеніе образовалось изъ жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерній, въ началѣ прошлаго столѣтія.—*Прим. 1-го изд.*

**) *Головой вершить*—жизнь покончить: сложить голову. *Вершить* — кончить начатое дѣло, сводить шатромъ или конусомъ стогъ. *зарод* сѣна. *Пора уже стогъ вершить; дѣло завершено. То же.*

От сна Илья пробужается.
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошолъ Илья на Днѣпръ-рѣку,
На Днѣпръ-рѣку умыватися,
25. А самъ смотритъ во чисто́ поле́.
Завидѣлъ онъ до́бра мо́лодца,
Подъ молодцомъ конь какъ бы лютой звѣрь,
На конѣ молодецъ какъ ясенъ соколъ;
Хороша управа *) молодецкая,
30. Хороши доспѣхи богатырскіе.
По праву руку летитъ ясе́нъ соколъ;
Въ рукахъ держитъ мо́лодецъ третра-перо **),
Сквозь пера не видно лица бѣлаго.
Не могъ признать Илья добра молодца.
35. Приходилъ Илья ко бѣлымъ шатрамъ,
Выходилъ Илья середи круга́,
Говорилъ онъ таковы слова:
«Братцы вы мои, товарищи!
«Кто изъ васъ удалѣе всѣхъ?
40. «У кого конь порыскучѣе,
«Бѣжать за удалымъ добрымъ мо́лодцомъ,
«Распросить его о дѣдинѣ, отчинѣ,
«И чей такой добрый мо́лодецъ?—
«Царь или царевичъ,
45. «Король или королевичъ,
«Или Русской могучій богатырь?
«Если Русской богатырь—то побрататься,
«А невѣрный—поразвѣдаться.»
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ:
50. —Я, братцы, поудалѣе всѣхъ,
—У меня конь порыскучѣе.—
Побѣжалъ Алеша за добрымъ мо́лодцомъ;
Бѣжалъ онъ день до вечера,

---

*) Хороша *управа* молодецкая—посадка.—*Прим. 1-го изд.*

**) *Третра—перо.* Разумѣть, кажется, должно опахало. Собственное же значеніе *третра* мнѣ неизвѣстно.—*Прим. 1-го изд.* Вабило, чѣмъ манять соколa.—*О.*

Темную ночь до бѣла́ свѣта́.
55. Догоняетъ онъ добраго мо́лодца
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго;
Кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
«Ты постой, постой, добрый молодецъ!
60. «Ты или Русской богатырь,
«Или засельщина-деревеньщина;
«Ты или коня укралъ, или мужика убилъ,
«А сюда заѣхалъ—хвастаешь,
«Чужимъ именемъ называешься?»
65. Тутъ-то Бориску за бѣду стало́,
За великую досаду показалося;
Поворачивалъ коня какъ люта́ звѣря́,
На встрѣчу къ Алешѣ Поповичу;
Беретъ Алешу за бѣлы́ руки́,
70. Снимаетъ его съ добра коня,
Вынимаетъ шелепугу *) подорожную,
Стегалъ онъ Алешу Поповича
И садилъ его на добра́ коня.
Ѣдетъ Алеша пьянъ, шатается,
75. Ко сѣдельной лукѣ приклоняется.
Завидѣлъ Алешу Илья Муромецъ:
«Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ,
«Не пей ты зелена вина,
«Не ѣшь сладки кушанья.»
80. Отвѣчаетъ Алеша Ильѣ Муромцу:
—Радъ бы я не пить зелена вина
—И не ѣсть сладки кушанья:
—Напоилъ-то меня добрый молодецъ до́ пьяна,
—Накормилъ онъ меня до́ сыта
85. —Той шелепугой подорожною.—
Хваталъ тутъ Илья своего коня,
Побѣжалъ онъ за добрымъ мо́лодцомъ;

---

*) *Шелепуга* или *шелепъ*—широкій толстый ремень, употребляемый вмѣсто плети. — *Примѣч. 1-го изд.* — Отъ *шлепать*. Плеть: плеть съ обвязанной пулей; кистень; палица. -*О.*

Бѣжалъ онъ день до вечера:
Нагналъ его на разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
90. На восходѣ солнца яснаго.
Ударились они палицами боевыми:
Палицы ихъ разгоралися,
Въ рукахъ изломалися.
Скакали они съ добрыхъ коней,
95. Схватывались они за бѣлы́ руки́.
Тутъ-то Бориско на носокъ востёръ *),
Сшибалъ Илью на сыру землю́
И садился ему на бѣлы́ груди́,
Говорилъ Ильѣ таковы слова:
100. «Ты базы́га, базы́га **) старая!
«За чѣмъ ты на малаго отрока напущаешься?»
Беретъ его Илья на бѣлы́ руки́,
Стаетъ на рѣзвы́ ноги́,
Металъ его выше дерева стоячаго,
105. Ниже облака ходячаго,
Подхватывалъ его на руки.
Тутъ-то Бориско пріужахнулся,
Говорилъ онъ таковы слова:
«Ты охота, охота молодецкая!
110. «Полетай-ко охота къ моей матушкѣ,
«Спроси-ко у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться?»
—Говорила я тебѣ, дитя, наказывала:
—Гдѣ ты съ Ильей съѣдешься,—
—Только ты ему низко кланяйся:
115. —По́ роду тебѣ онъ отецъ родной.—

(Записано Д. П. Соколовымъ. Изъ прибавленій къ Извѣстіямъ II-го отд. Акад Наукъ т. II).

*

*) *На носокъ востёръ*: ловкій, въ борьбѣ на носокъ.—*Прим. 1-го изд.*
**) *Базыга* - хрычъ, глуздырь.— *То же.*

6.

(Кирша Даниловъ. Древн. Росс. Стихотворенія).

Какъ изъ славнаго города, изъ Кіева
Поѣзжали два могучіе богатыри:
Поѣзжалъ Илья Муромецъ
Со своимъ братомъ названымъ,
5. Съ молодымъ Добрынею Никитичемъ.
А и будутъ они во чистомъ полѣ,
Какъ бы сверхъ тоя рѣки Череги,
Какъ бы будутъ они у матушки у Сафатъ рѣки:
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
10. «Гой еси ты, мой названой братъ,
«Молодой Добрынюшка Никитичь младъ!
«Поѣзжай ты за горы высокія,
«А и я, дескать, поѣду подлѣ Сафатъ рѣки.»
И поѣхалъ Добрыня на горы высокія,
15. И наѣхалъ онъ Добрынюшка Никитичь младъ бѣлъ шатеръ,
И начался *) Добрынѣ какой сильной могучій богатырь.
Изъ того шатра полотнянаго
Выходила тутъ баба Горынинка.
Заздорилася баба Горынинка.
20. Молодой Добрыня Никитичь,
Скочилъ Добрыня со добра коня,
Напущался онъ на бабу Горынинку;
Учинилася бой-драка великая:
Они тяжкими палицами ударились.
25. У нихъ тяжкія палицы разгоралися:
И бросили они палицы тяжкія,
Они стали уже драться рукопашнымъ боемъ.—
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
А ѣздилъ онъ подлѣ Сафатъ-рѣки,
30. И наѣхалъ онъ туто бродучій слѣдъ—
И поѣхалъ и по тому слѣду бродучему,
А наѣзжаетъ онъ богатыря въ чистомъ полѣ.

---

*) *Начался*—начаялся.—*О.*

Онъ Збута Бориса Королевича.
А на втапоры Збутъ Королевичь младъ
35. И отвязывалъ стремя вожья выжлока *),
Со руки опускаетъ ясна сокола,—
А самъ ли то выжлоку наказываетъ:
«А тепере мнѣ не до тебя пришло;
«А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ.
40. «И корми ты свою буйну голову.»
И ясну соколу онъ наказываетъ:
«Полети ты, соколъ, на сине море
«И корми свою буйну голову:
«А мнѣ молодцу не до тебя пришло.»
45. Наѣзжаетъ Илья Муромецъ Ивановичь.
Какъ два ясна сокола слеталися,—
И наѣхалъ Збутъ Королевичь младъ.
Напущается онъ на стараго,
На стара козака Илью Муромца,
50. И стрѣляетъ Илью во бѣлы груди,
Во бѣлы груди изъ туга лука;
Угодилъ Ильѣ онъ во бѣлу грудь.
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь
Не бьетъ его палицей тяжкою,
55. Не вымаетъ изъ налушна **) тугой лукъ.
Изъ колчана калену стрѣлу,
Не стрѣляетъ онъ Збута Бориса Королевича,—
Его только схватилъ во бѣлы руки
И бросаетъ выше дерева стоячаго.
60. Не видалъ онъ, Збутъ Борисъ Королевичь,
Что того ли свѣту бѣлаго
И тоя-то матушки сырой земли,—
И назадъ онъ летитъ ко сырой землѣ;
Подхватилъ Илья Муромецъ Ивановичь
65. На свои онъ руки богатырскія,
Положилъ его да на сыру землю;

---

*) *Вожья выжлока: вожій выжелокъ*—охотничій песъ, котораго водятъ съ собою: *стремя*—съ стремя, съ стремени.—*О.*

**) *Налушно*, налучно. *Налушно* и *сайдакъ*—чехолъ на лукъ.—*О.*

И сталъ Илья Муромецъ спрашивать:
«Ты скажись мнѣ, молодецъ, свою дядину, отчину.»
Говоритъ Збутъ Борисъ Королевичь младъ:
70. —Кабы у тебя на грудяхъ сидѣлъ,
—Я споролъ бы тебѣ старому груди бѣлыя. —
И до того его Илья билъ, покуда правду сказалъ.
А и взговоритъ Збутъ Борисъ Королевичь младъ:
«Я того Короля—Задонскаго.»—
75. А втапоры Илья Муромецъ Ивановичь,
Глядючи на свое чадо милое,
И заплакалъ Илья Муромецъ Ивановичь:
«Поѣзжай ты, Збутъ Борисъ Королевичь младъ,
«Поѣзжай ты ко своей, ты ко своей сударынѣ матушкѣ;
80. «Кабы ты попалъ на нашихъ Рускихъ богатырей,
«Не отпустили бы тебя они живаго отъ Кіева.»
И поѣхалъ тутъ Збутъ Королевичь младъ
И пріѣхалъ тутъ Збутъ Королевичъ младъ
Ко тому царю Задонскому,
85. Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матушкѣ, а сталъ свою удачу разсказывать:
«А и гой еси, сударыня матушка!
«Ѣздилъ я, Збутъ Королевичь младъ,
«Къ Великому Князю Владиміру:
90. «На его потѣшныхъ лугахъ,
«И наѣхалъ я въ полѣ стараго,
«И стрѣлялъ его во бѣлы груди.—
«И схваталъ меня старой въ чистомъ полѣ,
«Меня чуть онъ не забросилъ за облако,—
95. «И опять подхватилъ меня на бѣлы груди.»
Еще втапоры его матушка,
Того Короля Задонскаго,
Разилася о сыру землю,
И не можетъ во слезахъ слово молвити:
100. —Гой еси ты, Збутъ Борисъ Королевичь младъ!
—Почто ты напущался на стараго?
—Не надо бы тебѣ съ нимъ дратися,
—Надо бы съѣхаться въ чистомъ полѣ,
—И надо бы тебѣ ему поклонитися

105. —О праву руку до сырой земли;
—Онъ по роду тебѣ батюшка, старой казакъ
—Илья Муромецъ сынъ Ивановичь.—
И поѣхалъ онъ на горы высокія,
А искати онъ брата названаго
110. Молода Добрынюшку Никитича.
И дерется онъ съ бабой Горынинкой,—
Едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ *).
Говоритъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
« Гой еси, мой названой братъ,
115. « Молодой Добрынюшка Никитичь младъ!
« Не умѣешь ты, Добрыня, съ бабой дратися:
« А бей ты бабу . . . . . по щекѣ,
« Пинай . . . . . .
. . . . . .»
120. А и втапоры покорилася баба Горынинка;
Говоритъ она, баба, таковы слова:
« Не ты меня побилъ, Добрыня Никитичь младъ,
« Побилъ меня старой козакъ
« Илья Муромецъ единымъ словомъ. »
125. И скочилъ ей Добрыня на бѣлы груди,
И выдергивалъ чингалище **) булатное,
Хочетъ спороть ей груди бѣлыя,—
И молится баба Горынинка:
« Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичь!
130. « Не прикажи ты мнѣ рѣзать груди бѣлыя.
« Много у меня въ землѣ останется злата и серебра. »
И схваталъ Илья Добрыню за бѣлы руки;
И повела ихъ баба Горынинка
Ко своему погребцу глубокому.
135. Гдѣ лежитъ золота казна,—
И довела Илью съ Добрынею.
И стали они у погребца глубокаго,
Они сами туто богатыри дивуются,
Что много злата и серебра,

---

*) *Полуднуетъ* — полуживетъ. — О.
**) *Чингалище* — кинжалъ.—*О.*

140. А цвѣтнаго платья все Рускаго.
Оглянулся Илья Муромецъ Ивановичь
Во тѣ во раздолья широкія,
Молодой Добрынюшка Никитичь младъ
Втапоры бабѣ голову срубилъ.
145. То старина, то и дѣянье.

II.

1.

(Рязанской губ.).

Не бѣлые-то снѣжки забѣлѣлися,
Забѣлѣлася у стараго сѣдая борода.
Ужь какъ старый на конѣ оправляется,
Своей храбростью выхваляется:
5. « Не лучитъ ли мнѣ Богъ въ Царѣ-Градѣ быть?
« Вотъ я Турочекъ всѣхъ повырублю,
« А Турчаночекъ во полонъ возьму!»
Выѣзжаетъ ли старый во чистое поле.
Что на встрѣчу старому злые встрѣчнички:
10. Да что сорокъ ихъ четыре разбойничка;
Что хотятъ они стараго ограбити.
« Охъ вы гой еси, злые мои встрѣчнички,
« Да что сорокъ васъ четыре разбойничка!
« Вамъ снять и взять съ меня нечего:
15. « Что одна на мнѣ серьмяжка, и то сѣрая;
« Но и той-ли серьмяжкѣ цѣна вѣданая:
« Что и стоитъ ли серьмяжка шестьдесятъ рублей.
« Во колчанѣ у меня стрѣлъ до пяти сотъ есть:
« Что и кажняя стрѣла стоитъ пять рублей.
20. « А чистыхъ со мной денегъ сорокъ тысячь есть,
« А коню-то животу,—ему смѣты нѣтъ.»
Вотъ и тутъ ли разбойнички разсмѣхнулися:
« Что сколько мы по бѣлу свѣту ни хаживали,
« Мы такого дурака не нахаживали!

25. «Будто что мы у ста́раго про что спрашивали.
«Что и самъ ли старый дуракъ правду сказываетъ!—
«Принимайтесь-ко, ребятушки, за ста́раго!»—
Что снимаетъ ли старый свой ту́гій крѣпкій лукъ,
Онъ пускаетъ ли калену стрѣлу во сы́рый толстый дубъ:
30. Раскололъ онъ этотъ дубъ на четы́ре гра́ни.
Вотъ и тутъ ли разбойнички испугалися.
По чисто́му они полю разбѣжалися.

*

2.

(Воронки, 1833, Сент. 3. Моск. губ. и уѣзда).

На Илю́шенькѣ смуръ кафтанъ,
Здунинай наiї *)
Крутожёлтъ тафта **).
Что напали на Илю́шеньку
Воры разбойнички.
5. Что хотятъ-то Илюшеньку
Разбить-разгромить,
Во полонъ полонить.
«Вы отстаньте, воры разбойнички!
«Вамъ меня не разбить, не разгромить,
10. «Ни въ полонъ не заполонить!
«Что́ же вамъ съ меня хочется?
«Со мной нѣтъ ни злата, ни се́ребра,
«Вотъ на мнѣ-то есть одна шубёночка,
«Есть шубёночка крутожёлтенька,
15. «Крутожёлтенька, тафта то́ненька.»
Они всё-таки отъ него не отстаютъ,
Они всё хотятъ разбить-разгромить,
Разбить-разгромить, во поло́нъ полонить.
Онъ натягиваетъ струну тоненькую,

---

*) Повторяется послѣ каждаго стиха.—*О.*
**) *Рудожелтъ?—О.*

20. Запущаетъ калену́ стрѣлу́;
Ему жалко ихъ до сме́рти убить;
Запускаетъ стрѣлу въ мать сыру́ землю́:
Гдѣ калена́ стрѣла шла, на косую сажень драла́.

*

3.

(Симбирск. губ., Сызран. уѣзда, с. Языково).

Собирался старый козакъ Илья Муромецъ
Гулять во чисто поле,
Во чисто поле показаковать.
Наѣзжаетъ онъ три дороженьки,
5. Три дороженьки перекрёсточки;
На камешкѣ подпись подписана:
Первая дороженька на право,
Друга дороженька на лѣво,
Третья дороженька прямо на́ прямо.
10. «Мнѣ на право итти—богату быть;
«Мнѣ на лѣво итти—женату быть;
«Прямо на́ прямо итти—убиту быть;
«Мнѣ богатство старому не надобно,
«Жениться старому не хочется;
15. «Я пойду старый прямо на́ прямо:
«Убить-то меня стараго не́ про что,
«А снять-то съ меня стараго нечего,
«Одна-то на мнѣ на старымъ сермяженька сѣрая,
«Въ три строчки она простро́чена:
20. «Первая строка во сто рублей,
«Другая строка во тысячу,
«А третьей-то строкѣ и цѣны нѣтъ.»
Наѣзжаютъ-то на стараго Комышнички *),
По Русскому воры разбойнички;
25. Хотятъ-то стараго убить-обрать,

*) Если это не Камышинцы города Камышина, то это разбойники, которые въ степныхъ мѣстахъ прячутся по камышамъ.—*О.*

Убить-обрать и ограбить.
Вынимаетъ старый свой тугій лукъ,
Натягаетъ тетивку шелковую,
Накладыватъ онъ кленову стрѣлу,
30. Онъ пускаетъ стрѣлу во сырый дубъ,
Разбиваетъ дубъ во черенья ножёвые.
Тутъ-то Комышнички испугалися,
На ножи было сами пометалися:
—Ой ты гой еси, старъ матёръ человѣкъ!
35. —Ты бери съ насъ золоту казну, что тебѣ надобно,
—Ты бери съ насъ цвѣтно платье, что тебѣ надобно,
—Ты бери нашихъ добрыхъ коней!—
Возговоритъ старъ матёръ человѣкъ:
«Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
40. «За мной бы рыли ямы глубокія;
«Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
«За мной бы были горы высокія;
«Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
«За мной бы гоняли табуны великіе.»

*

4.

Далеченка далече во чистомъ полѣ,
Еще того подальше во роздольицѣ,
Зашатался, загулялся добрый молодецъ,
Старшинушка Донской козакъ.
5. Напали же на молодца охотнички,
А по Русскому назвать—воры-разбойнички,
А хотятъ они старшинушку обидѣти, исхитити.
«А на мнѣ, старшинушки, имъ взять нечево:
«Одинъ на мнѣ, на молодцѣ, сѣрой кафтанъ,
10. «Сѣрой кафтанъ на молодцѣ сермяжинка,
«Правая полынка въ пять сотъ серебряныхъ рублей,
«А правая *) полынка—та полынка во тысячу,
«А всему тому, сермяжинкѣ, цѣны нѣту.»

*) Лѣвая?—*О.*

(Развернулся, распахнулся доброй молодецъ;
15. На правой на полынкѣ знамя царское,
А на лѣвой полынкѣ персонушка).

*

5.

(Симбирской губ., въ селѣ Устъ-Уренъ).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина.
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
5. Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое,
Про стараго казачка, Илью Муромца.

Илья Муромецъ сынъ Ивановичь
По чистому полю по'халъ *) погуливать.
10. Не пыль то въ полѣ запылилася,
Не туманъ то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистыимъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
15. А затуманился подъ ёмъ доброй конь,
А запылилась за ёмъ сила добрая.
И подъѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ,
Къ тремъ дороженькамъ, къ тремъ широкіимъ.
На дороженькѣ лежитъ бѣлъ горючь камень,
20. На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
«По которой мнѣ дороженькѣ итти—ѣхати:
«Во право мнѣ ѣхать—женатому быть,
«А во лѣво ѣхать—богатому быть,
25. «А прямо ѣхать—убитому быть.
«Мнѣ женатство-то—не ко младости,
«А богатство—не къ разуму.
«Дай поѣду, поѣду по этой по дороженькѣ,

*) Поѣхалъ.

«По которой мнѣ убитому быть.»
30. И повстрѣчалися ему станишнички:
«Ужь и ой еси вы, станишнички,
«А по Русскому васъ назвать, разбойнички!»
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
35. «Вамъ убить-то мне не за что,
«А взять-то вамъ съ меня нечего:
«Камзолецъ на мнѣ во пять сотъ рублей,
«А колпачокъ на мнѣ во всю тысячу,
«А коня-то на базаръ я не вываживалъ,
40. «Цѣнъ-то ему не прикладывалъ.»
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Сталъ постряхивать
45. И свой тугой лукъ сталъ натягивать,
И пущаетъ свою кленову стрѣлу,
И пущаетъ во сыръ во матерый дубъ,
И расшибъ дубъ во ножевы чéренья.
Станишнички испужалися,
50. И всѣ врозь разбѣжалися,
Въ третьи суточки на то мѣсто собиралися:
—Ужь и ой еси, старой казакъ,
—Старой казакъ, Илья Муромецъ,
—Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
55. —Возьми къ себѣ насъ во товарищи,
—Во Донскіе во казаченки!—

(Записалъ П. В. Шейнъ; пѣвецъ Егоръ Плотниковъ, лѣтъ за 50, человѣкъ бывалый. См. Чтенія въ О. И. и Др. Рос., 1859 г., кн. 3).

*

6.

(Корсун. уѣзда, выселокъ Александровъ).

Не дорого намъ пива пьянаго,
А дорога намъ бесѣда смиренная.

Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ рѣчи хорошія.
5. Во селѣ было, въ Муромѣ,
Во деревнѣ было, Корочаровѣ,
Жилъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Сынъ Ивановичь, богатырскій сынъ
10. Онъ просилъ у своего батюшки
Великаго благословеньица:
«По дико́й степѣ мнѣ погуляти,
«Добра коня понаѣздити.»
Онъ и ѣхалъ путемъ дороженькой,
15. Онъ подъѣхалъ къ тремъ дороженькамъ,
И началъ себѣ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
«По которой мнѣ будетъ ѣхать дороженькѣ?
«Ежели по праву ѣхать—богатому быть,
20. «А по лѣву ѣхать—женату быть,
«А по середней ѣхать—убитому быть.
«Мнѣ женидьба не ко младости,
«А богатство мнѣ не къ радости,
«Дай поѣду я, гдѣ мнѣ убиту быть:
25. «Убить-то меня (говоритъ) не за что.»
Подъѣзжалъ же ко Окѣ рѣкѣ,
Черезъ Оку рѣку конь перескакивалъ,
Рѣзвыихъ ногъ ни обмакивалъ.
Тутъ стояли же воры и разбойнички,
30. По Русскому придорожнички.
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Пускалъ стрѣлу во сырой дубокъ,
Ращипалъ дубокъ во ножевыя череньщи.
И тутъ воры разбойники испугалися,
35. По дикой степѣ растрѣлялися,
По камышнички размирялися *).

(Записано тѣмъ же, отъ 80-ти лѣтняго старика. См. Чтенія).

*

*) *Расширялися*—по камышамъ разсѣялись?—*О.*

7.

(Саратовской губ., Петровскаго уѣзда, село Даниловка *).

По морю, по морю, по морю же синему [1]),
По синему по Хвалынскому [2]),
Плавалъ Соколъ корабль ровно тридцать лѣтъ [3]);
И на якори [4]) Соколъ корабль не стаивалъ,
5. И желтаго пѣсочку въ глазъ не видалъ [5]).
Хорошо Соколъ [6]) корабль изукрашенъ [7]) былъ:
Бока сведены по звѣриному,
А нос-о-тъ да корма по змѣиному [8]).
Кормою-то владаетъ младъ Полканъ богатырь,
10. А всѣмъ кораблемъ Илья Муромецъ [9]).
На Ильѣ Муромцѣ кафтанъ рудожелтой камки [10]).
Илья Муромецъ по кораблю похаживатъ [11]),

---

*) Четыре варіанта: А.) Принятый за текстъ, записанный С. Ц. Шевыревымъ; Б.) доставленный А. М. Тургеневымъ; В.) изъ Пѣс. 1805 года; Г.) изъ Московск. Вѣстн. 1827. № 21.

1) Б.) и В.) Ахъ, по морю, морю синему. Г.) По морю, по морю, по морю по синему.

2) Б.) Что по синему морю по Каспицкому; В.) Что по синему морю Каспійскому.

3) Б.) Еще плаваетъ, гуляетъ Соколъ, братцы, корабль. И онъ плавалъ и гулялъ ровно тридцать лѣтъ; В.) Други! плаваетъ, гуляетъ Соколъ корабль, Онъ ужь плаваетъ гуляетъ ровно тридцать лѣтъ.

4) Б.) Что на якоряхъ; В.) А на якоряхъ; Г.) И на якорѣ.

5) Б.) У крутыхъ красныхъ береговъ отнюдь не бывалъ, Церквей и монастырей не видывалъ, Колокольнаго звона не слыхивалъ; В.) У крутыхъ зеленыхъ береговъ не бывывалъ, Церквей и монастырей не видывалъ, Колокольнаго звона не слыхивалъ.

6) Б.) Хорошо добрый Соколъ; В.) Хорошо добрѣ Соколъ.

7) В.) и В.) украшенъ.

8) Б.) Да что носъ и корма по звѣриному, Киль его сдѣланъ по змѣиному, А парусы на немъ какъ орлиное крыло; Б.) Выгнутъ носъ его съ кормою по звѣриному, А киль его сдѣланъ по змѣиному, Вѣялъ парусъ какъ орлиное крыло; Г.) А нос-а-тъ.

9) Б.) Атаманомъ былъ на немъ Святогоръ богатырь, Подъ-атаманомъ молодецъ Илья Муромецъ; В) Атаманомъ былъ на немъ Святогоръ богатырь, Есауломъ Илья Муромецъ.

10) Б.) На немъ шуба была въ пять сотъ рублей, На немъ шапочка во сотенку, А пуговки на шубѣ чиста золота; В.) во пять сотъ рублей, на немъ...

11) Б.) По кораблику онъ Муромецъ похаживаетъ; В.) По кораблику Муромецъ похаживаетъ; Г.) . . . . похаживаетъ.

Онъ и [12]) тросточкой по пуговкамъ поваживатъ [13]).
И напали на Соколъ корабль разбойнички,
15. Горскіе Татары со Калмыками,
И хотятъ они корабличекъ разбить, разломить.
А онъ [14]) по караблику похаживатъ,
Онъ и тросточкой по пуговкамъ поваживатъ [15]):
Пуговки золочоныя [16]) разгремѣлися,
20. Лютые львы разревѣлися;
А разбойнички испужалися,
Въ [17]) горы съ испугу разбѣжалися.

*

8.

(Кирша Даниловъ).

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Что ковыль трава во чистомъ полѣ шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старой ли козакъ Илья Муромецъ.
5. А и конь ли подъ нимъ кабы лютой звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не годилося,
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
10. Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
По чему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,

---

12) Б.) и В.) И онъ . . . . поваживаетъ; Г.) . . . поваживаетъ.

13) Б.) *Оканчивается такъ*: Его пуговки разгремѣлися, Всѣ товарищи подымалися, Наступали они на Турецкій флотъ: Агаряне ихъ испужалися, Во сине море помѣталися, Всю жизнь свою тутъ кончили, А богатство все оставили На добычу храбрымъ воинамъ. В.) *оканчивается*: Его пуговки разгремѣлися, Всѣ товарищи подымалися, Наступали они на Турецкій флотъ, Въ сине море покидалися, А богатство все оставили На добычу добрымъ молодцамъ.

14) Г.) А онъ-то.

15) Г.) поваживаетъ.

16) Г.) злаченыя.

17) Г.) Во . . .

Котора рѣка цѣла верста,
15. А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему Рускому разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его стараго ограбити,
20. Съ душей, съ животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
«Убить меня стараго вамъ не за что,
«А взяти у стараго нечего.»
25. Вымалъ онъ изъ налушна крѣпкой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу:
А спѣла тетивка у туга лука,
30. Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистой дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго,
Того-то станишники изпужалися,
35. А и пять они часовъ безъ ума лежатъ—
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А Селма встаетъ, пересемываетъ *),
А Спиря встаетъ, то постыриваетъ **),
А всѣ они станишники бьютъ челомъ:
40. «Ты старой козакъ, Илья Муромецъ!
«Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
«Дадимъ рукописанье служить до вѣку.»
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
45. «Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
«Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
«Про стараго козака Илью Муромца.»

---

*) Селма—Сёма.—*О.*

**) Постыриваетъ—поспириваетъ.—*О.*

III.

1.

(Симбирск. губ., село Станичное).

Во славнаимъ было городѣ во Муромѣ,
Во большимъ селѣ Корочаровѣ,
Не громъ гремитъ, не стукъ стучитъ,
Говоритъ тутъ Илюшка свому батюшкѣ:
5. «Государь ты мой батюшка, Иванъ Тимоѳеевичь!
«Купи ты мнѣ жеребенка шалудиваго,
«Дай ты жеребенка пятьдесятъ рублей со полтиною,
«Корми ты ево тѣстомъ пашеничнаимъ,
«И пой сытой медовою;
10. «Выводи кататься по три зари, по три утреннія,
«На тѣ на перины, на пуховыя.»
Сталъ да мой жеребеночикъ поигрывать,
Черезъ Оку рѣку попрыгивать.
Что не бѣлая березынька къ землѣ клонится,
15. Приклонялся Илюшка къ свому батюшкѣ,
Къ государынѣ своей матушкѣ:
«Государь мой батюшка, Иванъ Тимоѳеевичь,
«Государыня матушка!
«Дайте мнѣ великое благословленьицо,
20. «Ѣхать въ Кеивъ градъ къ князю Володимеру,
«На поможеніе и на сбереженіе.»
Далечинька, далечинька въ чистомъ полѣ,
Не бѣлыя снѣжечки въ полѣ забѣлѣлися,
Не туманушки затуманилися,
25. Не былинка въ полѣ зашаталася:
Зашатался въ полѣ старый казакъ,
Забѣлѣлся подъ нимъ добрый конь.
Онъ подъѣхалъ ко тремъ ко дорожинькамъ,
На самую перехрестычку.
30. Промежь было трехъ дороженька,
На самой на перехрестычкѣ,
Лежитъ тутъ бѣлъ горючь камень,

На камешкѣ есть написано,
Все старому расказано:
35. По правой ѣхать—богатому быть,
По лѣвой ѣхать—женатому быть,
А прямо-то ѣхать—убитому быть.
«Ужь я думаю, старый, подумаю,
«Со своимъ конемъ добрыимъ:
40. «Мнѣ богатство-то старому не прочное,
«А жениться-то нѐ къ лицу.
«Поѣду я по прямой дороженькѣ:
«Убить-то меня нѐ про што,
«А взять-то съ меня нечево;
45 «Одинъ смуръ кафтанъ на мнѣ во сто рублей;
«Кушачокъ, колпачокъ во тысячу;
«А стрѣлъ колчанъ во двѣ тысячѣ;
«А коню съ сѣдломъ и цѣны нѣту.»
И поѣхалъ доброй молодецъ,
50. На Чернягинъ градъ *), на лѣса на Брынскіе,
Черезъ горы Сіонскія,
Черезъ тѣ грязи черныя,
На тоё рѣку Смородину.
Подъѣзжаетъ же доброй молодецъ
55. Къ городу Чернигину.
Выходили тутъ Татары черные,
Хотятъ молодца убить-погубить,
Тѣло бѣло съ душей разлучить.
Снималъ онъ съ себя тугой лукъ,
60. Накладывалъ тѣ стрѣлы позлоченыя
На тетивочку на шелковую,
Побивалъ онъ всѣхъ Татаръ черныихъ
Съ перваго до послѣдняго.
Поѣхалъ же доброй молодецъ
65. Въ лѣса Брынскіе,
Въ горы Сіонскія.
Инъ на встрѣчу добру молодцу камышнички.

---

*) Чернягинъ—Черниговъ.—*О.*

По Русскому назвать—воры-разбойнички.
Хотятъ они молодца убить-погубить,
70. Тѣло бѣло съ душей разлучить.
Возговоритъ доброй молодецъ, Илья Муромецъ:
«Охъ вы гой еси, добры молодцы, камышнички,
«По Русски назвать—воры-разбойнички!
«Убить-то меня вамъ нѐ про што,
75. «А взять-то нечево;
«Одинъ смуръ кафтанъ во сто рублей;
«Кушачокъ, колпачокъ во тысячу;
«А стрѣлъ колчанъ во двѣ тысячѣ;
«А коню съ сѣдломъ и смѣты нѣтъ.
80. «Охъ вы гой еси, камышнички,
«По Русски—воры-разбойнички!
«Дайте вы мнѣ старому исправиться:
«Будете старому и кланяться.»
Онъ снималъ съ себя тугой лукъ,
85. Накладывалъ калену стрѣлу
На тоё тетивочку шелковую:
«Ой вы гой еси, добры молодцы!
«Въ васъ стрѣлять, иль сырый дубъ?»
Онъ стрѣльнулъ въ сыръ матеръ дубъ,
90. Разшибалъ сыръ матерой дубъ
По мелкимъ ножовымъ черенъямъ.
Всѣ камышнички перепугалися
И упали на сыру землю ницъ лицомъ.
Возговоритъ доброй молодецъ:
95. «Охъ вы гой еси, добры молодцы, камышнички!
«Полноте лежать на сырой землѣ,
«Полноте спать-высыпатися:
«По дорогѣ много прошли конныхъ и пѣшихъ,
«У себя вы много добраго упустили.»
100. Встали добрые молодцы
На свои рѣзвы ноженьки,
И пали ему въ рѣзвы ноги:
—Ты гой еси, добръ удалый молодецъ!
—Поди ты къ намъ во товарищи,
105. —И будь ты у насъ атаманушкой!—

Возговоритъ доброй молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
«Не хочу я съ вами стада пасти,
«А ѣду въ Кіевъ градъ,
110. «Къ Володимеру князю на вспоможеніе,
«На его сбереженіе.»
И поѣхалъ же доброй молодецъ путемъ-дороженькой,
И встрѣчаетъ его Соловей разбойникъ,
Онъ и свищитъ своимъ громкимъ голосомъ.
115. Его доброй конь спотыкается,
Онъ ударилъ коня по крутымъ бедрамъ:
«Охъ ты конь, вороный конь!
«Не пугайся, не страхайся!»
И снимаетъ съ себя тугой лукъ,
120. И накладываетъ калену стрѣлу
На тоё тетивочку шелковую,
И подстрѣли Соловью правое крыло *),
И вышибъ лѣвый глазъ,
И посадилъ его въ тараки.
125. У него было два зятя:
Алеша Поповичь и Добрыня Никитичь,
И говорятъ:—Вонъ батюшка ѣдетъ и мужика везетъ.—
А другой зять: «Нѣтъ, это мужикъ ѣдетъ и батюшку везетъ.»
—Когда батюшку мужики возили?
130. —Онъ, бывало, возилъ мужиковъ!—
Возговорилъ зять Соловья разбойника,
Добрыня Никитичь:
«Нѣтъ, нынѣ вѣрно ужь батюшку мужикъ везетъ.»
Онъ и кричитъ имъ:
135. —Зятья мои умные,
—Зятья мои разумные!
—Не дразните его:
—Это сильный, могучій богатырь ѣдетъ!—
Вскочила большая дочь
140. И взяла подворотню,

---

*) Подстрѣли—извѣстный оборотъ съ повелительнымъ.—*О.*

И хотѣла убить подворотней Илья Муромца.
Онъ взялъ калену стрѣлу
И застрѣлилъ ее на воротахъ.
Подъѣзжаетъ же доброй молодецъ
145. Къ рѣкѣ ко Смородинѣ.
Добрый конь его и хвоста не замочилъ,
Чрезъ рѣку Смородину переѣхалъ;
Переѣхавши чрезъ рѣку Смородину,
Встрѣчу ему мужичище клячище идетъ *):
150. Шляпа на немъ въ тридцать пудовъ;
Подпирается посохомъ двадцати пяти пудовъ.
Подъѣзжаетъ онъ къ Божіей Церкви во градѣ Кіевѣ,
Добраго коня привязываетъ,
Никому не приказываетъ.
155. Въ Божьей Церкви Богу помолился,
И ко всѣмъ святымъ образамъ приложился.
Приходитъ къ Володимеру князю во палаты,
Князю Володимеру поклонъ:
«Дай, князь Володимеръ,
160. «Проѣзжему доброму молодцу мѣстечко!»
—Хто до молодцовъ дородился,
—Тотъ самъ себѣ мѣсто найдетъ!—
Какъ онъ сѣлъ, да пожалъ,
У другаго красный сокъ побѣжалъ.
165. И стали его тутъ спрашивать:
—Удалый ты добрый молодецъ!
—Чей ты и откуда?—
«Я изъ города Мурома,
«Изъ села Корачарова,
170. «Илюшка Ивановъ сынъ.»
—Гдѣ ты ѣхалъ и давно ли изъ дому?—
«Я изъ дому—заутреню стоялъ въ городѣ Муромѣ,
«И къ обѣднѣ поспѣлъ во Кіевъ градъ.
«Ѣхалъ я чрезъ горы Сіонскія,
175. «Лѣса Брынскіе,
«Чрезъ рѣку Смородину.»

---

*) Клячище—калѣчище, калѣка.—*О.*

—Заврался ты никакъ, доброй молодецъ:
—Тутъ уже тридцать лѣтъ залегла дорога,
—Нѣтъ ходу ни конному, ни пѣшему,
180. —Соловей разбойникъ всѣхъ побиваетъ.—
Возговорилъ Илья Муромецъ:
«Гой вы еси, добры молодцы!
«Соловей-та разбойникъ
«У меня въ торокахъ сидитъ.»
185. Володимеръ князь возговорилъ:
—Удалый добрый молодецъ!
—Внеси-ка его въ палаты сюды.—
Князь Володимеръ:
—Ну-ка, Соловей разбойникъ, свисни-ка!—
190. «Не твой слуга, не боюсь тебя.»
Тутъ Илья Муромецъ
Взялъ Володимера князя подъ пазуху,
А княгиню подъ другую,
И приказалъ Соловью разбойнику свиснуть.
195. Не во весь свистъ, а въ полъ свиста.
И Соловей свиснулъ,
И крыша съ палатъ слетѣла:
Тутъ Илья Муромецъ его и раздавилъ.

*

2.

(Московск. губ., Коломенск. уѣзда, деревня Лаптева).

Охъ далече, охъ далече во чистóмъ полѣ,
А ещё того подальше во раздольицѣ,
Не бѣлые-то снѣги забѣлѣлися,
Забѣлѣлася грудь молодецкая,
5. Молодецкая, воеводская.
Какъ и рыщетъ борзый конь по чистóму полю,
Какъ несетъ онъ на себѣ Илью Муромца.
Ужь какъ ищетъ Илья Муромецъ себѣ противничка,
Что противничка злого разбойничка.
10. Какъ наѣхалъ онъ на три-дуба столѣтніе,

На столѣтніе, вѣковѣчные;
Какъ и у́зрѣлъ Илья Муромецъ Соловья разбойничка.
Ужь какъ свиснулъ Соловей въ четверть свого голоса:
Что столѣтніе ду́бы зашаталися.
15. Какъ и свиснулъ во второй разъ онъ въ полго́доса:
Что Илья съ конемъ только вздрогну́лися.
Какъ хотѣлъ Соловей свиснуть во весь голосъ свой:
Натянулъ Илья Муромецъ калену́ стрѣлу,
Какъ пустилъ онъ калену стрѣлу въ три дуба́ столѣтніе,
20. Что убилъ онъ—застрѣлилъ Соловья разбойника.

*

3.

(С. Усть-Уренъ).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Не жалко зелена вина,
Только жалко смиренную бесѣдушку.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
5. Говорятъ рѣчи хорошія
Про стараго казачка, Илью Муромца.

Изъ за горъ было, горъ высокіихъ,
Изъ за лѣсовъ, лѣсовъ темныихъ,
Не бѣлая заря занималася,
10. Не красно солнце выкаталося:
Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Илья Муромецъ,
На своемъ конѣ богатырскіимъ;
Побѣлѣла его головушка,
15. Посѣдѣла его бородушка.
Ѣдетъ онъ путемъ, прямой дорогою,
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ ко тремъ ко дороженькамъ,
Ко дороженькамъ ко широкіимъ.
На дороженькѣ бѣлъ горючь лежалъ камень,
20. На камнѣ печать положена.

«По которую мнѣ, доброму молодцу,
«Будетъ ѣхать по дороженьку:
«Есть по середней дорожкѣ ѣхать,—быть убитому;
«По лѣвой сторонушкѣ ѣхать,—быть богатому;
25. «По правой мнѣ ѣхать сторонушкѣ,—быть женатому?
«Мнѣ, говоритъ, жениться не ко младости,
«А богатство мнѣ не къ разуму;
«Поѣду, добрый молодецъ, по середней дороженькѣ.»
На той на дороженькѣ стоялъ сыръ матерый дубъ,
30. Подъ дубомъ стоялъ станъ разбойничковъ,
Ихъ не много, ихъ не мало: сорокъ одинъ человѣкъ.
И завидѣли они издалека Русскаго богатыря,
Выходили къ ему по пяти и по десяти человѣкъ.
Ихъ сердца на его коня богатырскаго разгорѣлися,
35. Межь сея розговаривали:
—Что мы жили, такого коня не видывали.
—Ужъ ты стой, постой, добрый молодецъ,
—Ужъ ты стой, постой, Русскій богатырь!—
«Охъ вы, братцы, товарищи! Съ меня вамъ нечего взять:
40. «Я своего коня на базаръ не важивалъ,
«Никто цѣной его не окладывалъ;
«На мнѣ шубенка во пять сотъ рублей,
«На мнѣ шапочка во три сотеньки,
«Рукавички на мнѣ въ одну сотеньку.»
45. Вынимаетъ добрый молодецъ,
Вынимаетъ Илья Муромецъ
Изъ колчана калену стрѣлу,
Натягаетъ тугой лучокъ,
Намѣчаетъ сыръ матерый дубъ:
50. Онъ расшибъ его во мелки кусочки.
Разбойнички всѣ перпугалися.
Они всѣ врозь отъ него разбѣжалися,
На третьи суточки въ нему собралися:
—Ужь ты добрый молодецъ, Русскій богатырь!
55. —Ты поди къ намъ во товарищи;
—Сколько хочешь, бери золотой казны,
—Платья цвѣтнаго, лошадей и табуны!—
Илья Муромецъ на нихъ разсмѣхнулся:

«Охъ вы, братцы мои, непріятели!
60. «Не охотникъ я у васъ овецъ пасти;
«Покажите мнѣ дороженьку
«По Черниговъ градъ проѣхати,
«Черезъ горы Сарачинскія,
«Черезъ лѣса черезъ Брымскіе,
65. «Гдѣ Соловей стоитъ, самъ разбойничекъ!»
Поѣхалъ Илья Муромецъ,
Поѣхалъ путемъ-дорогою;
Соловей разбойничекъ его завидѣлъ же;
Полетѣлъ и встрѣчаетъ его,
70. Напустилъ на него громкій свистъ;
Илья Муромецъ на него разгóрчился;
Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
И намѣчаетъ онъ Соловья разбойничка,
И сшибъ его, какъ овсянаго снопа;
75. Заложилъ его Илья Муромецъ
Въ торока свои крѣпкіе,
И поѣхалъ путемъ, прямой дорогою,
Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.
80. У Кіевскаго князя было собраніе:
Всѣ князья съѣзжались, бояре къ ему.
Илья Муромецъ во полаты восходилъ,
Поклонился князю Кіевскому.
«Ужь ты что и какой ты богатырь?»
85. —Богатырь я самъ Илья Муромецъ.—
Кіевскій князь распрошать его сталъ:
«Ужь ты что есть за такой богатырь?
«Гдѣ проѣхалъ, проѣзживалъ?»
—Черезъ горы ѣхалъ Сарачинскія,
90. —Черезъ лѣса ѣхалъ Брымскіе.—
«Тутъ нихто конный не проѣзживалъ,
«Нихто пѣшій не прокаживалъ?»
—А я проѣхалъ, Илья Муромецъ,
—Соловья разбойничка, во плѣнъ его взялъ.—
95. Кіевскій князь сталъ говорить ему:
«Ужь ты, Илья, добрый молодецъ,

«Возьми его къ себѣ во полатушки,
«Прикажи ему, Илья Муромецъ, посвистати!»
Илья Муромецъ, добрый молодецъ,
100. Посадилъ его на лѣвую ручешку,
Приказалъ ему посвистати:
«Соловей разбойничекъ, посвищи не во весь свистъ,
«Посвищи-ка, Соловей разбойничекъ, въ полсвиста!»
Соловей разбойникъ разгóрдился,
105. Засвисталъ онъ во вѣсь свистъ,—
Во всѣ бесѣдушки люди перепугалися.

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Николая Картавенко, ратника лѣтъ 40; см. Чтенія).

*

4.

(Село Павлово, Нижегородской губ.).

Не сы́рой дубъ къ землѣ клонится,
Ни бумажныя листочки растилаются:
Растилается сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ сеѣ благословеньица:
5. «Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
«Дай ты мнѣ своё благословеньицо,
«Я поѣду въ славной, стольной Кѣевъ градъ,
«Помолиться чудотворцамъ Кѣевскимъ,
«Заложиться за князя Володиміра,
10. «Послужить ему вѣрой-правдою,
«Постоять за вѣру Хрисьянскую.»
Отвѣчатъ старóй хресьянинъ Иванъ Тимоѳеевичь:
—Я на добрыя дѣла теѣ благословленье дамъ,
—А на худыя дѣла благословленья нѣтъ.
15. —Поѣдешь ты пу́темъ и дорогою,
—Ни помысли зломъ на Татарина,
—Ни убей въ чисть́мъ полѣ хресьянина.—
Поклонилса Илья Муромецъ отцу дó-земли,
Самъ онъ сѣлъ на добрá коня,
20. Поѣхалъ онъ во чистó поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бёдрамъ.

Пробивать кожу до чёрна́ мяса;
Ретиво́й ёво конь осержа́етса,
Прочь о́тъ земли отдѣляетса,
25. Онъ и скачетъ выше дерева стоячево,
Чуть пониже о́болока ходячево.
Первой скокъ скочилъ на петнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ, колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сы́рой дубъ,
30. У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ сво и́мичко:
«Ѣхалъ такой-то сильной, могу́чой богатырь,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичь;»
Въ третій скочилъ—подъ Черниговъ градъ.
35. Подъ Черниговымъ стоитъ сила—смѣты нѣтъ;
Подъ Черниговымъ стоятъ три царевича,
Съ кажнимъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско серцо разго́рчиво и неуёмчиво;
Пуше огня-о́гничька серцо разыграетса,
40. Пуше пля́шитово *) мороза разгорается.
Тутъ возго́воритъ Илья Муромецъ таково слово:
«Не хотѣлось было батюшку супроти́вникомъ быть,
«Ишша **) знать-та ёво заповѣдь переступи́ть.»
Беретъ онъ въ руки саблю боёвую,
45. Учалъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернетса дѣлалъ улицы,
Поворотитса—часты площади:
Добиваетца до трихъ царе́вичовъ.
Тутъ возго́воритъ Илья таково слово:
50. «Охъ вы гой естя, мое три царевича!
«Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
«Ай съ васъ буйны головы снять?
«Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять,—
«У меня доро́ги заѣзжія и хлѣбы заво́зныи;
55. «А какъ головы снять,—царски сѣмины погубить.
«Вы поѣдьте по свымъ мѣстамъ,
«Вы чините вездѣ такову славу,

*) *Пляшитій, пляшій*—палящій.—*О*

**) *Ишшо, ишша*—еще.—*О*.

«Што святая Русь не пуста́ стоитъ,
«На святой Руси есть сильны́, могу́чи бога́тыри.»
60. Увидалъ ёво воевода Черниговской:
—Што эта Господь сослалъ намъ за сослальника!
—Очистилъ нашь славной Черниговъ градъ.—
Возговоритъ воевода свымъ князьямъ-боярамъ:
—Подите, позовите до́бра мо́лодца
65. —Ко мнѣ хлѣба-соли кушати.—
Пошли тутъ князи-бояря къ Муромцу:
—Охъ ты гой еси, дородной, доброй мо́лодецъ!
—Какъ тея чеснымъ именемъ зовутъ?
—Какъ тея величаютъ по отечеству?—
70. «Меня именемъ зовутъ—Илейкой,
«А величаютъ—сынъ Ивановичь.»
Возговорятъ ему князи-бояря:
—Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ!
—Ты пойдёшь-ка къ воеводѣ нашему,
75. —Ты изволь у нёво хлѣба-соли кушати.—
«Нейду я къ воеводѣ вашему,
«Не хочу у нёво хлѣба-соли кушати;
«Укажите мнѣ прямую дорожиньку
«На славной стольной Кѣевъ градъ.»
80. Отвѣтъ держутъ князи-бояря:
—Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ!
—Пряма дорожка не проста стоитъ:
—Заросла дорога лѣсы Брынскими,
—Протекла тутъ рѣка Самородина;
85. —Ишшо́ на дорогѣ Соловейко разбойничикъ
—Сидитъ на тридевяти дубахъ, сидитъ тридцать лѣтъ;
—Ни конному, ни пѣшому пропуску нѣтъ.—
Поклонилса имъ Илья Муромецъ.
Поѣхалъ онъ лѣсами Брынскими.
90. Услыхалъ Соловейко богатырской топъ,
И свиснулъ онъ громкимъ голосомъ.
Конь подъ Муромцомъ спотыкаетса.
Возговоритъ Илья своему коню доброму:
«Охъ ты гой еси, мой богатырской конь!
95. «Аль не ѣзживалъ ты по тёмны́мъ лѣсамъ,

«Аль не слыхывалъ пташьево посвисту?»
Беретъ Илья калёны стрѣлы:
Перво́ стрѣлилъ, не дострѣлилъ;
А вдруго́ридь, перестрѣлилъ;
100. Въ третьи стрѣлилъ, попалъ въ правой глазъ,
И сошибъ ёво съ тридевяти дубовъ,
Привязалъ ёво къ коню во ка́раки;
Поѣхалъ Муромецъ въ славной Кѣевъ градъ.
Возго́воритъ Соловейко разбойничикъ:
105. —Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ!
—Мы заѣдемъ-ка съ тобою ко мнѣ въ гости.—
Увидала Соловейкина ма́ла дочь:
«Ишша вонъ ѣдетъ нашь батюшка,
«Ведетъ *) кривова мужика (у) коня въ ка́ракахъ.»
110. Взглянула Соловейкина большая дочь:
—Ахъ ты дура не повитая! Это ѣдетъ доброй мо́лодецъ,
—И ведетъ нашево батюшка коня въ ка́ракахъ.—
И бросили́сь онѣ на Илью Муромца съ дре́кольемъ.
Возго́воритъ Соловейко разбойничикъ:
115. —Не тумашитѣса, мое малы́ дѣтушки,
—Не взводите въ задоръ до́брово мо́лодца.—
Возговоритъ Илья Соловейкѣ разбойнику:
«Што у тея дѣти во единой ликъ?»
Отвѣчатъ Соловейко разбойничикъ:
120. —Я сына-та выросшу, за нёво дочь отдамъ;
—Дочь-ту выросшу, отдамъ за́ сына,
—Штобы Соловейкинъ родъ не перево́дилса.—
За досаду Ильѣ Муромцу показалоса;
Вынималъ онъ саблю свою вострую,
125. Прирубилъ у Соловья всѣхъ дѣтушокъ.
Пріѣхалъ Илья Муромецъ во Кѣевъ градъ,
И вскричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ужь ты батюшка Володимiръ князь!
«Теѣ на́да ль насъ, принимаешь ли
130. «Сильныхъ, могучихъ богатырей,
«Теѣ батюшкѣ на почёсь-хвалу́,
«Твому граду стольному на и́зберечь,

*) *Везетъ?—О.*

«А Татаровьямъ на посѣченье?»
Отвѣчатъ батюшка Володиміръ князь:
135. —Да какъ мнѣ васъ не нады-та!
—Я вездѣ васъ ишшу, вездѣ спрашиваю,
—На пріѣздѣ васъ жалую по добру́ коню,
—По добру́ коню, по Латынскому, богатырскому.—
Возго́воритъ Илья Муромецъ таково слово:
140. «У меня свой конь Латынской, богаты́рской;
«Стоялъ я съ родимымъ батюшкомъ у заутрени,
«Хотѣлось постоять съ тобой у обѣденки;
«Да на дорогѣ мнѣ было три помѣшиньки:
«Перва помѣха—очистилъ я Черниговъ градъ;
145. «Друга́ помѣха—я мостилъ мосты на пятнадцать верстъ
«Черезъ ту рѣку, черезъ Самородину;
«Третья помѣха—я сошибъ Соловья разбойника.»
Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
—Охъ ты гой еси, Соловейко разбойничикъ!
150. —Ты взойди ко мнѣ въ полату бѣлу-ка́менну.—
Отвѣтъ держитъ Соловейко разбойникъ:
«Не твоя слуга, не теѣ служу, не тея и слушаю;
«Я служу и слушаю Илью Муромца.»
Возговоритъ Володиміръ:—Охъ ты гой еси, Муромецъ,
155. —Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
—Прикажи ёму взойти въ полату бѣлу-ка́менну.—
Приказалъ ему взойти Илья Муромецъ.
Тутъ возговоритъ Володиміръ князь:
—Охъ ты гой еси, дородной, доброй мо́лодецъ,
160. —Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
—Прикажи ёму свиснуть громкимъ голосомъ.—
Возговоритъ Илья Муромецъ таково слово:
«Ужь ты батюшка нашь, Володиміръ князь!
«Не во гнѣвъ бы теѣ, батюшка, показалоса:
165. «Я возьму тея, батюшку, подъ пазушку,
«А княиню-ту закрою подъ другою.»
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
«Свисни, Соловейко, въ полсвиста.»
Свиснулъ Соловейка во весь голосъ:
170. Сня́ло у палатъ верьхъ по оконички,

Разломало всѣ связи желѣзныя,
Попадали всѣ сильны могу́чи бога́тыри,
Упали всѣ знатны князи-бо́яря,
Одинъ устоялъ Илья Муромецъ.
175. Выпушшалъ онъ князя со княгиней изъ-подъ пазушокъ.
Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
—Исполатъ теѣ, Соловейко разбойничикъ!
—Какъ тея взялъ это Илья Муромецъ?—
Отвѣтъ держитъ Соловейко разбойничикъ:
180. «Вить на ту́ пору больно пьянъ я былъ,
«У меня большая дочь была именинница.»
Это слово Ильѣ Муромцу не показалоса:
Взялъ онъ Соловейку за верши́ночку,
Вывелъ ёво на княжене́цкой дворъ,
185. Кинулъ ёво выше дерева стоя́чево,
Чуть пониже оболока ходя́чево;
До сыро́й земли допускывалъ—ино подхватывалъ;
Расшибъ Соловейко свое всѣ тутъ косточки.
Пошли теперь къ обѣду княженецкому.
190. Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
—Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
—Жалую тея трёмя́ я мѣстами:
—Пе́рво мѣсто—подлѣ меня ты сядь,
—Друго́ мѣсто—супроти́ меня,
195. —Тре́тье—гдѣ ты хочешь, тутъ и сядь.—
Зашолъ Илья Муромецъ со ко́нничка *),
Пожалъ онъ всѣхъ князей и о́ярей
И сильныхъ могу́чихъ богатырей:
Учутился онъ супроти́ князя Володиміра.
200. За досаду Олешѣ Поповичу показалоса;
Взялъ Олеша булатной ножь,
Онъ и кинулъ ёво въ Илью Муромца:
Пымалъ на полету́ Илья булатный ножь,
Взоткнулъ ёво въ дубовой столъ.

(Записано Свящ. Е. Ѳаворскимъ; см. Приб. къ Изв. А. Н., т. I).

*

*) *Конникъ, коникъ*, залавокъ—сей часъ при входѣ въ дверь, послѣдній уголъ; хозяинъ спитъ на коникѣ, въ которомъ лежитъ обыкновенно конская сбруя, топоръ, и пр.—*О.*

(Высолокъ Александровъ; см. выше).

Какъ по морю, морю Хвалынскому,
Плавалъ тутъ корабь ровно тринадцать лѣтъ,
На якорѣ корабь не останавливался,
И ко бережку корабь не приваливался.
5. На батюшкѣ, на Соколѣ, на черномъ кораблѣ,
Было два торга и четыре кабака,
Было два богатыря сильные, могучіе:
Первый богатырь—Симеонъ молодой,
А другой богатырь—Илья Муромецъ.
10. На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
Правая пола во всю тысячу,
Всей-то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
15. Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговки разбѣлѣлися,
Его петелки разгорѣлися,
На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
По заморскому льву.
20. Думали, гадали станишнички,
По Русскому назвать—воры-разбойнички,
Думали, гадали, какъ корабь разбить,
Корабь разбить, Илью въ полонъ взять.
Его лютыя звѣрья разревѣлися,
25. Всѣ станишнички перпугалися.
Во легкія во лодки пометалися,
По синему морю разстрѣлялися,
Въ третій день сходилися,
И звали его во товарищи:
30. —Ты будешь у насъ атаманушкой.—
«У отца я былъ, у матери,
«Не охочь я былъ стадо пасти:
«По лѣсамъ-то я ставалъ,

«По дорогамъ-то не ѣзживалъ;
35. «Гдѣ мнѣ проѣхать черезъ лѣсы Брымскіе,
«Черезъ лѣсы Брымскіе, черезъ горы Сарачанскіе?»
—Тутъ дорога запала тридцать годовъ;
—Соловей разбойникъ тутъ гнѣздо свилъ на семи дубахъ.—
Не доѣхалъ за тридцать поприщевъ, конь спотыкаться сталъ:
40. «Ну-ка, вороній кормъ!
«Не видомши страсти-ужасти, спотькаться сталъ!»
Пріѣзжаетъ ко царю ко Владиміру,
Сидятъ богатыри во бесѣды;
Входитъ въ полату, молится чужимъ образамъ,
45. Поклоняется на всѣ стороны,
Величаетъ царя Владиміра.

*

6.

(Кирша Данилов).

Какъ изъ славнаго города Мурома,
Изъ того села Корочаева,
Какъ была-де поѣздка богатырская—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичь
5. Ко стольному городу ко Кіеву,
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черны грязи Смоленскія;
10. И залегъ ее, дорогу, Соловей разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
15. Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
А и только его Илью видѣли—

Прощался съ отцемъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
20. А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ—
А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
25. А другаго ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ во Брынскіихъ,
30. Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
И наѣхалъ онъ, Илья, Соловья разбойника,
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія;
35. Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А втретьи зрявкаетъ по звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился,
И падалъ вѣдь на кукорачь.
40. Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
«А ты, волчья сыть *), травяной мѣшокъ!
«Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
«Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
«Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
45. «Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
«А того ли ты крику звѣринаго,
«А звѣринаго крику туринаго.»
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
50. И стрѣляетъ въ Соловья разбойника;
И попалъ Соловья да въ правой глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли.

---

*) *Волчья сыть*—чѣмъ волкъ сытъ, волчій кормъ.—*О.*

Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
55. Привязалъ Соловья къ той ко лукѣ ко сѣдѣльныя,
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
60. И взбѣгала она на чердаки на вышніе,—
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
Какъ было около двора желѣзной тынъ,
А на всякой тынинкѣ по маковкѣ
И по той по головѣ богатырскія,—
65. Наводила трубками Нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена.
И увидѣла добраго молодца Илья Муромца,
И бросалась съ чердака во свои высокіе терема,
И будила она девять сыновей своихъ:
70. «А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
«А девять сыновъ, ясны соколы!
«Вы подите въ подвалы глубокіе,
«Берите мои золотые ключи,
«Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
75. «А берите вы мою золоту казну,
«Выносите ее за широкой дворъ,
«И встрѣчайте удала добраго молодца;
«А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
«Отца-то вашего въ торокахъ везетъ.»
80. А и тутъ ея девять сыновъ закорилися,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
85. Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,
90. И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:

«Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
«Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно,
«Отпусти Соловья разбойника,
95. «Не вози Соловья во Кіевъ градъ.»
А его-то дѣти, Соловьевы,
Неучливо они поговариваютъ.
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго.
100. И стегаетъ Илья онъ добра коня.
А добра коня по тучнымъ бедрамъ.
Какъ бы конь подъ нимъ осержается.
Побѣжалъ, Илья какъ соколъ летитъ.
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ.
105. Середи двора княженецкаго,
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубовѣу столбу,
Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
110. Поклонился князю со княгинею,
На всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владиміра,
У него, князя, почестной пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
115. Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра:
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковой Владиміръ князь:
120. «Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ,
«А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
«По изотчеству пожаловати.»
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичь:
—А ты ласковой, стольной Владиміръ князь!
125. —А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь;
—И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
—Изъ стольнаго города изъ Мурома,
—Изъ того села Корочаева.—

Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
130. «А ласково солнце, Владиміръ князь!
«Въ очахъ дѣтина завирается:
«А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
«Залегла та дорога тридцать лѣтъ,
Отъ того Соловья разбойника.»
135. Говоритъ Илья Муромецъ:
—Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь!
—Посмотри мою удачу богатырскую,
—Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ тебѣ.—
И втапоры Илья Муромецъ
140. Пошелъ съ великимъ княземъ на широкой дворъ,
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили туто князи-бояра,
Всѣ Русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичь,
145. Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичь,
Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залѣшана,
А еще два брата Хапиловы,
150. Только было у Князя ихъ тридцать молодцовъ.
Выходилъ Илья на широкой дворъ,
Ко тому Соловью разбойнику,
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
—Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ!
155. —Посвисти, Соловей, по соловьиному,
—Пошипи, змѣй, по змѣиному,
—Зрявкай, звѣрь, по туриному,
—И потѣшь князя Владиміра.—
Засвисталъ Соловей по соловьиному:
160. Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по змѣиному,
Онъ втретье зрявкаетъ по туриному:
А князи и бояра испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
165. И всѣ сильны богатыри могучіе;
И накурилъ онъ бѣды несносныя,

Гостинны кони со двора разбѣжалися,
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Со душой княгиней Апраксѣевной.
170. Говоритъ тутъ ласковой Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
«Уйми ты Соловья разбойника:
«А и эта шутка намъ не надобна.»

IV.

1.

(Архангельск. губ., Шенкурскаго уѣзда).

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицáрскіихъ,
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
5. Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичь младъ;
Есаулъ Алёша Поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополой.
Всѣ были братцы въ разъѣздьицѣ:
10. Гришка Боярскій въ тѣ-поръ кравчимъ жилъ;
Алёша Поповичь ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистóмъ полѣ.
Спалъ въ бѣлóмъ шатрѣ;
Добрыня Никитичь ѣздилъ ко синю́ морю,
15. Ко синю́ морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чистá поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ и́скопоть *) великую,
20. Ископоть вели́ка—пóлъ-печи.

---

*) *Ископоть*—пыль отъ ѣдущихъ.—*Зам. П. В. Кир.*—Въ спискѣ у П. В. Кирѣевскаго стояло *ископоть*, и онъ объяснялъ—пыль; между тѣмъ это очевидно *ископыть*, комъ, вылетѣвшій изъ подъ-копыта.—*О.*

Учалъ онъ ископоть досматривать:
«Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
«Изъ этой земли изъ Жидовскія
«Проѣхалъ Жидовинъ могучь богатырь,
25. «На эти степи Цицарскія!»
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
«Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
«Мы что́ на заставушкѣ устояли,
30. «Что́ на заставушкѣ углядѣли?
«Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!»
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
35. Положили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
«Не ладно, ребятушки, поло́жили:
«У Васьки полы долгія:
40. «По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
«На бою—на дракѣ заплетётся;
«Погинётъ Васька по напрасному.»
Положились на Гришку на Боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
45. Настигать нахвальщика въ чисто́мъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
«Не ладно, ребятушки, удумали;
«Гришка рода боярскаго:
50. «Боярки́е роды хвастливые;
«На бою-дракѣ призахва́стается;
«Погинётъ Гришка по напрасному.»
Положились на Алёшу на Поповича:
Алёшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
55. Настигать нахвальщика въ чисто́мъ полѣ,
Побить нахвальщика на чисто́мъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:

«Не ладно, ребятушки, положили:
60. «Алёшинька рода поповскаго;
«Поповскіе глаза завидущіе,
«Поповскія руки загребущія;
«Увидитъ Алёша на нахвальщикѣ
«Много злата, серебра,—
65. «Злату Алёша позавидуетъ;
«Погинётъ Алёша по напрасному.»
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
70. Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,
По плечь отсѣчь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
75. Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаётъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлалъ въ сѣдёлышко Черкаское,
Въ торока вяжетъ палицу боёвую,—
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
80. На бедрѣ беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину *);
85. Поѣхалъ прямо на чернизину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
«За чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
«Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
90. «Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
«Есаулу Алёшѣ въ казну не кладёшь
«На всю нашу братію наборную?»
Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,

---

*) *Чернизина*—черное пятно.—*Зам. Н. В. Кир.*

95. Попущалъ на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озёръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичь младъ
100. Господу Богу возмóлится
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
«Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
Подъ Добрыней конь поправился,—
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
105. Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братіею со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичь младъ:
«Какъ выѣхалъ на гóру Сорочинскую,
«Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
110. «Увидѣлъ нá полѣ чернизину,
«Поѣхалъ прямо на чернизину,
«Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
««Воръ, собака, нахвальщина!
««За чѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь,—
115. ««Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
««Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
««Есаулу Алёшѣ въ казну не кладешь,
««На всю нашу братью на приборную?»
«Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
120. «Поворачивалъ нахвальщина добрá коня,
«Попущалъ на меня, добра молодца:
«Сыра мать-земля всколебалася,
«Изъ озёръ вода выливалася,
«Подо мною конь на колѣнца палъ.
125. «Тутъ я Господу Богу возмолился:
««Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!»
«Подо мной тутъ конь поправился,
«Уѣхалъ я отъ нахвальщика
«И пріѣхалъ сюда, на заставу богатырскую.»
130. Говоритъ Илья Муромецъ:
«Больше не кѣмъ замѣнитися:
«Видно ѣхать атаману самому!»

Похо́дитъ Илья на конюшій дворъ,
Имáетъ Илья добрà коня,
135. Уздаетъ въ уздечку тесмя́нную,
Сѣдлаетъ въ сѣдельшко Черкаское,
Въ торокà вяжетъ палицу боёвую,—
Она свѣсомъ та палица девяноста пудъ,—
На бедры́ беретъ саблю вострую,
140. Во руки беретъ плеть шелко́вую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ нà полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
145. Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
«За чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
«Мнѣ атаману Ильѣ Муромцу челомъ не бьешь?
«Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
150. «Есаулу Алёшѣ въ казну не кладёшь,
«На всю нашу братью наборную?»
Услышалъ воръ нахвальщина зы́ченъ голосъ,
Поварачивалъ нахвальщина добрà коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
155. Илья Муромецъ не удро́бился *).
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Впе́рвые палками ударились,—
У палокъ цѣвья отломалися,
Другъ дружку не ранили;
160. Саблями вострыми ударились,—
Во́стры сабли приломалися,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись,—
Другъ дружку не ранили;
165. Бились, драли́сь рукопашнымъ боёмъ,
Бились, драли́сь день до ве́чера,
Съ вечера бьются до полу́ночи,
Со полу́ночи бьются до бѣлà свѣта:

---

*) *Не удробился* — не испугался. — *Зам. П. В. Кир.*

Махнётъ Илейко ручкой правою,—
170. Поскользитъ у Илейка ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру́ землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы́ груди,
Вынималъ чинжали́щё булатное;
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
175. Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечь отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
—Старый ты старикъ, старый, матёрый!
—За чѣмъ ты ѣздишь на чисто́ поле?
180. —Будто не́ кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
—Ты поставилъ бы себѣ келейку
—При той путѣ—при дороженькѣ;
—Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
—Тутъ бы, старикъ, сытъ-пи́танёнъ былъ.—
185. Лежитъ Илья подъ богатырёмъ.
Говоритъ Илья таково́ слово:
«Да не ладно у Святыхъ Отцёвъ написано,
«Не ладно у Апостоловъ удумано;
«Написано было у Святыхъ Отцёвъ,
190. «Удумано было у Апостоловъ:
««Не бывать Ильѣ въ чи́стомъ полѣ убитому»
«А теперь Илья подъ богатырёмъ!»
Лежучи́ у Ильи втрое силы прибыло:
Махнётъ нахвальщину въ бѣлы́ груди,
195. Вышибалъ выше дерева жа́роваго,
Палъ нахвальщина на сыру́ землю;
Въ сыру́ землю ушёлъ до́-поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы́ груди.
200. Не досугъ Илюхѣ много спрашивать,—
Скоро споро́лъ груди бѣлыя,
Скоро затьмилъ очи ясныя,
По плечь отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
205. Повёзъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичь встрѣчаетъ Илью Муромца,

Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
210. «Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,—
«Экаго чуда не наѣзживалъ!»

(Записано г. Кузмищевымъ; доставлено П. В. Кирѣевскому отъ М. П. Погодина; ср. выше первую половину пѣсни 5-й, въ разрядѣ I-мъ).

*

2.

(Онега).

Между Кіевомъ было, Черниговомъ,
Стояла Руська крѣпка застава.
Атаманомъ былъ въ первыхъ Илья Муромецъ,
Во вторыхъ былъ Дунай сынъ Ивановиць,
5. Во третьихъ былъ Добрыня Микитиць,
Во цетвертыхъ Олёша Поповиць сынъ,
А во пятыхъ былъ Ванька *) Долгополистой.
Выдёргивалъ Илья Муромець трубку долговидную,
Смотрялъ онъ во всѣ стороны,
10. Да смотрялъ и во чисто поле.
Видѣлъ онъ дороднё-добра молодця.
Таки молодець шутоцьки пошуциватъ:
Выкидыватъ паличу боёвую вверхъ подъ облако,
Вымётыватъ сабельку вострую,
15. Принимаётъ паличу единой рукой,
А другой рукой саблю вострую;
Подъ молодцёмъ земля голыблитсе **).
Говорилъ атаманъ съ податаманьёмъ:
«Кому изъ насъ къ молодцю ѣхать насупротивъ?
20. «Послать Ваньку Долгополистаго?—
«Во полахъ, вить, Ванька замѣшаитсе,
«Потерялъ онъ свою голову.
«Не послать ли намъ Олёшу Поповиця?—

---

*) Васька? — *О.*

**) *Голыбаться* — колебаться, трястись. — *Прим. 1-го изд.*

«Онъ роду-то поповського, захль шшевой *).
25. «Да потерятъ Олёша свою голову.
«Послать ли намъ Добрыню Микитица?—
«Онъ целовѣкъ-отъ уцьли́вые,
«Будётъ спрашивать про имя, про во́тцину,
«И тотъ потерятъ свою голову.
30. «Тобѣ ѣхать, Дунай, во цисто́ полё!»
И сѣдлалъ, уздалъ Дунай коня доброго,
Да скоро онъ поѣхалъ во цисто́ поле.
Выѣхалъ на шеломя́ ока́тисто,—
Видитъ дороднё-добра молодця.
35. Таки́ шутоцьки пошуциватъ:
Выкидыватъ паличу вверхъ подъ облако,
Вымётыватъ сабельку вострую,
Принимаётъ паличу едино́й рукой,
А другой рукой саблю вострую;
40. Подъ молодцёмъ земля голыблитсе,
И не смѣлъ ѣхать Дунай во цисто полё;
Поворацивалъ коня къ бѣлу шатру полотняну.
Изъ шатра выходилъ старъ казакъ Илья Муромецъ,
Говорилъ старо́й да таковы слова:
45. «Видно, што окромѣ старика ѣхать некому!»
Скоро сѣдлалъ, уздалъ коня доброго;
Какъ выѣхалъ на гору на высокую,
Увидалъ дороднё-до́бра молодця;
Такъ шутоцьки молодець пошуциватъ:
50. Выкидыватъ паличу боёвую подъ облако,
Вымётыватъ сабельку вострую;
Подъ молодцёмъ земля голыбли́тсе.
Поѣхалъ старый на цисто полё.
Разъѣхались за вёрсту за мѣрную,
55. Съѣхались, ударились,—
Паличи у нихъ изломалисе;
Во второй разъ съѣхались, ударились,—
Копья у ихъ пошшербалисе;
Сходили молодци рукопашкою:
60. Перво́й день водилисе до вецера

*) *Захлышшевой*,—забубенный; отчаянно смѣлый.—*Прим. 1-го изд.*

И темну ноць водились до бѣла свѣта;
Другой день водилися до вецера
И темну ноцьку до бѣла свѣта;
Да и третей день водилисе до вецера,
65. Втогда упалъ да на сѣру землю
Старой казакъ Илья Муромець.
Тольки молитсе Спасу съ Богородичёй:
«Не дай миня поганому на поруганіе!
«Буду я служить до свѣту до вѣку,
70. «За тѣ церкви за Божьіи,
«За тую вѣру за крешшоную!»
Да и принялъ молодця рукою правой,
Отрехнулъ ногою лѣвою,
Сшибалъ молодця со бѣлыхъ грудей,
75. Давненько *) сшибалъ, да выше лѣсу темного.
Втогды садился да на цёрны груди.
Говорилъ старъ да таковы слова:
«Ты скажись-ко, скажись, да доброй молодець,
«Ты коёй земли, да ты коёй орды?
80. «Какъ тобя ише **) именёмъ зовутъ,
«Да какъ тя велицёютъ изъ отецесьва?»
А въ исподи лёжитъ да лихой думаётъ:
«Кабы я сидѣлъ да на твоихъ грудяхъ,
«Дакъ не спрашивалъ бы имени до ***) вотцины....»
85. Говорилъ Илья Муромець во второй наконъ,
Говорилъ Илья да и въ третей наконъ.
Не дождалсе Илья отвѣту отъ молодця,
Дакъ и вынялъ Илья свой булатёнъ ножь.

И видитъ молодёць, што хлопота пришла.
90. Отвѣцялъ молодёць:—Я такой земли, да такой орды,
—Што по имени зовутъ меня—сокольницёкъ,
—А по отцесьву зовутъ меня—нахвальницёкъ,
—Молодой вдовы Омельфы Тимоѳеевны родной я сынъ.—
Тутъ сходилъ старой со цёрныхъ грудей,

---

*) *Давненько* или *давенько* — далеко. высоко. — *Прим. 1-го изд.*
**) Еще. — *О.*
***) Да? — *О.*

95. Становилсе старъ на рѣзвы ноги:
«Ты скажи-тко, скажи молодой вдовы
«Отъ старика казака поклонъ низкіе.»
А самъ поѣхалъ къ бѣлу шатру полотняну,
А сокольщицёкъ поѣхалъ къ своёй матери.
100. Говоритъ она ёму да таково слово:
—Што же ты, цядо мое милоё,
—Колько ты по цисту полю не ѣжживалъ,
—А въ эдакомъ виду не пріѣжживалъ:
—Ты ли, вить, дитя, съ лича смѣненъ!—
105. А сокольшицёкъ отвѣтъ держалъ:
«Попалъ какъ я, мать, на старого,
«Попалъ на старика невеселого,
«Да одва, мать, старцишшо-то жива спустилъ;
«А тобѣ-то, мать, старцишшо-то поклонъ послалъ.»
110. —А попомни-тко се, цядо моё милоё,
—Какъ поѣжжалъ въ первой разъ ты въ цисто полё,
—Какъ я тобѣ, вить, наказывала—
—«Бейсе во цистомъ поли со всёкима,
—«Да не бейсе, барте *), со старыма,
115. —«Да не бейсе-ко съ угрюмыма.
—«Не бейсе со стариками невесельыма.»
—А той-отъ старцишшо тобѣ родной отецъ!—...
То сокольшицьку не показалосе:
«По примѣтамъ знать—я . . . . . »
120. Да отсѣкъ сынокъ буйну голову,
Родной матери буйну голову.
И поѣхалъ къ бѣлу шатру полотняну,
Розсѣкци стара на-двоё.
Пріѣжжалъ къ бѣлу шатру полотняну,—
125. Старой спитъ и не пробудитсе.
Обнажилъ сынокъ саблю вострую.
И положилъ свое злобно намѣреньё,
Да розсѣкци стара на-двоё.
И махнулъ стара по бѣлымъ грудямъ:
130. Попало старику да во цюдёнъ хрёсъ,
А той-отъ ли хрёсъ до полтора пуда.

*) *Барте*—пожалуйста.—*Прим. 1-го изд.*

От того старой пробуженится,
Да не долго старой срежеится:
Ухватилъ старъ голову пóдъ пазуху,
135. Подъ пáзухой голова и осталасе.

(Записано г. Верещагинымъ; изъ Приб. къ Изв. А. Н.; л. CIV: XXIII; № XXXIX, 2; вторую половину пѣсни ср. выше, съ 1-мъ разрядомъ, особенно съ пѣснею 5-ю во второй ея половинѣ).

*

3.

(Сузунскій заводъ; ср. выше).

Какъ было то къ князю ко Володимеру
Князья-бóяря собиралися,
Собиралисъ, низко кланялись,
Становилисъ въ побѣдный кругъ,
5. Рѣчи слушали княженецкія.
Молвилъ слово Володимеръ князь:
«Князья-бóяря вы мои вѣрныя,
«А и головы у васъ разумныя!
«Изберите вы молодца изъ-промежъ себя,
10. «А я дамъ ему рать мою сильную;
«А кто съ нимъ пойдетъ, тотъ съ нимъ пойдетъ,
«А кто съ нимъ нейдетъ, тотъ останется
«Берегчи князя со княгинею.»
Князья-бóяря слово слушали,
15. Слово выслушавъ, поклонилися,
Стали думу думати крѣпкую.
Надумали, говорили таково слово:
—Гой еси ты, ласковъ Володимеръ князь!
—Мы всѣ съ тобой, со княгинею.
20. —За тебя мы положимъ наши головы,
—А рать поведетъ Илья Муромецъ:
—Мы дадимъ ему нашихъ дѣтушекъ,
—Коней спѣлыихъ, сабли острыя,
—Стрѣлы мѣткія со туга лука.—

25. На томъ дѣло порѣшилося.
Слали гонца къ Ильѣ Муромцу:
—Спѣхомъ спѣши, рать въ поле веди
—На того ли ворога на Загорсково,
—На Тугарина на Бѣлевича.—
30. Въ тѣ поры Ильи Муромца дома не лучилося
Полевалъ онъ далече во чистомъ полѣ,
Звѣря лютово на копье ловилъ,
Соболей, куницъ на низокъ низалъ.
Во дворѣ была токмо Савишна,
35. Молода жена Ильи Муромца.
Слышитъ слово молода жена Савишна,
Грозенъ наказъ княженецкой-атъ;
Молодое сердце надорвалося:
«Добро,» молвитъ; «ты, гонецъ, назадъ бѣги,
40. «А Илья за тобой не замѣшкаетъ.»
Проводила она гонца ласково,
Наказала коня сѣдлать доброво,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Не забыла колчанъ каленыхъ стрѣлъ,
45. Тугой лукъ, саблю острую.
Какъ сѣла въ сѣдло, только и видѣли.
И поѣхала ко городу Кіеву,
Къ великому князю къ Володимеру.
Какъ завидѣли князья-бо́яря богатырской скокъ,
50. Какъ заслышали князья-бо́яря богатырскій свистъ,
Не дивилися долго скоку, посвисту,
Высылали спѣшно всю рать могучую,
Сами къ ласкову князю воротилися:
—Пошла, де, рать съ Ильей Муромцомъ,
55. —А Тугарину, де, съ нимъ не сдо́бровать.—
Далеко въ чистомъ полѣ рати стрѣтилися.
У Тугарина рать—туча чорная,
Княженецкая рать—молонья свѣтлая.
Какъ сошлися, не завидѣлись.
60. А и Тугаринъ не завидѣлъ бѣла дня,
Убѣжалъ онъ въ свои улусы Загорскія,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца.

А богатырь Илья Муромецъ
Знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ,
65. Кто за него бился съ Тугариномъ.
(Служилъ службу царскую, государскую).

(Записано Д. П. Соловьевымъ; изъ Приб. къ Изв. II-го отд. А. Н., т. III).

V.

1.

(Деревня Черив, Городенскаго погоста, въ Лужскомъ уѣздѣ).

Какъ во славномъ было городѣ въ Кіевѣ,
У ласкова князя Володиміра,
Собиралися князья и бояре
И сильные могучіе богатыри,
5. Собиралися думушку думати.
Наступалъ на Кіевъ царь Мамай
Со своею невѣрною силою.
Сталъ Владиміръ князь выспрашивать:
«Ишшо какъ-то намъ будетъ воеваться съ нимъ?»
10. Тутъ-то князья и бояре совѣтуютъ,
Что дѣлать надо стѣну бѣлокаменну,
Да засыпать желтымъ пескомъ.
Какъ вскочилъ тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ—Илья Муромецъ.
15. Что со стула, со золотаго:
Сталъ Илья Муромецъ рѣчь держать:
Что «Надо послать къ Мамаю скора гонца,
«Попросить сроку на три мѣсяца,
«Чтобы силой намъ поисправиться,
20. «А могучимъ богатырямъ посъѣхатися.
«Есть на полѣ, на Куликовѣ,
«Есть у насъ тридевять богатырей:
«Алеша Поповичь, Самсонъ богатырь,
«Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичь,
25. «Иванъ Колывановичь»....

Посылалъ Владиміръ къ Мамаю скора гонца.
Пріѣзжалъ гонецъ къ Мамаю царю,
Не обзываючись, не обсылаючись;
Клалъ указы на дубовый столъ,
30. А самъ сталъ на словахъ говорить:
«Гой еси, ты, царь Мамай!
«Проситъ нашь Володиміръ князь
«У тебя сроку па три мѣсяца,
«Чтобы съ силою поисправиться,
35. «А могучимъ богатырямъ всѣмъ посъѣхаться.»
Царь Мамай разсмѣялся тутъ:
—Хошь просили бы вы сроку на три годы,
—Да и тутъ вамъ будетъ не исправиться;
—А силы у меня припасеныя:
40. —Сколько въ лѣсѣ лѣсу, на лѣсу листу;
—Окромѣ того у меня есть тридевять богатырей:
—Девять сыновей, девять дочерей, да девять зятевей;
—Сыро-матёро дубье поволачиваютъ,
—Кореньемъ къ верху пометываютъ.
45. —Однакъ даю сроку, сколько просите,
—Сколько просите—на три мѣсяца.—
Пріѣзжалъ гонецъ во Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Володиміру,
Говоритъ гонецъ таковы слова:
50. «Царь Мамай даетъ сроку на три мѣсяца.»
Посылать сталъ Володиміръ князь
Старова казака Илью Муромца
Что на поле, на Куликово,
Что за тридевятью богатырями.
55. Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Выходилъ онъ на широкой дворъ,
Входилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны.
Выбиралъ коня богатырскаго,
Сѣдлалъ сѣделечкомъ Черкацкіимъ,
60. Зашпиналъ двѣнадцатью подпругами шелковыми,
А тринадцатою подпругою булатною:
Не для красоты молодецкія,
А для крѣпости богатырскія.

Выѣзжалъ онъ на широкой дворъ,
65. Билъ коня палицей по крутымъ бедрамъ,
Скакалъ конь черезъ стѣну бѣлокаменну,
И ударился бѣжать во чисто поле.
А поскоки его были по пяти-то верстъ,
Изъ-подъ копытъ конь выметывалъ
70 Сырой земли по сѣнной копнѣ.
Прискакалъ Илья Муромецъ на поле,
Что на поле, на Куликово,
Гдѣ было тридевять богатырей.
Отмахивалъ плетовищемъ моложавымъ *)
75. По бѣлу шатру на праву сторону;
Говорилъ Илья Муромецъ таковы слова:
«Гой еси, вы, тридевять богатырей,
«Алеша Поповичь, Самсонъ богатырь,
«Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичь,
80. «Иванъ Колывановичь!
«Проситъ васъ Володиміръ князь
«Изъ бѣды его выручить:
«Наступаетъ на него царь Мамай
«Со своею невѣрною силою.»
85. Говорятъ тутъ могучіе богатыри
Старому казаку Ильѣ Муромцу:
—Ты сойди-ко къ намъ во бѣлъ шатеръ,
—Выпить у насъ чару зелена вина,
—Зелена вина въ полтора ведра!—
90. Сходилъ Илья Муромецъ съ добра коня,
Входилъ онъ къ нимъ во бѣлъ шатеръ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра.
Наливали богатыри другу чару,
95. Подносили чару Ильѣ Муромцу;
Съ той-ли чары Илью хмѣль зашибъ.
Ложился Илья Муромецъ во бѣломъ шатрѣ,
Во бѣломъ шатрѣ опочивъ держатъ,

---

*) *Плетовище*: ср. кнутовище, ручка плети.—*О.*—*Моложавымъ*: изъ жимолости; у Кирши Данилова *таволжанов*, изъ куста таволги.—*Прж. 1-во изд.*

Богатырской сонъ по двѣнадцать денъ.
100. А Владиміръ князь Илью ждетъ-пождетъ,
Илью ждетъ-пождетъ и не дождется.
Посылаетъ ко Ильѣ онъ племянника,
Молодова Ермака Тимоѳеича.
Выходилъ Ермакъ на широкой дворъ,
105. Заходилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны,
Выбиралъ себѣ коня богатырскаго;
Сѣдлалъ сѣделечкомъ Черкасскимъ,
Зашпиналъ двѣнадцатью подпругами шелковыми,
А тринадцатою подпругою булатною:
110. Не ради красоты молодецкія,
А ради богатырскія крѣпости.
Выѣзжалъ Ермакъ на широкой дворъ,
Билъ онъ коня по крутымъ бедрамъ:
Поднимался конь чрезъ стѣну бѣлокаменну,
115. И ударился конь во чисто поле.
Поскоки его были по пяти-то верстъ,
Изъ-подъ копытъ конь выметывалъ
Сырой земли по сѣнной копнѣ.
Пригонялъ онъ на поле Куликово
120. И отмахивалъ плетовищемъ положавымъ
По бѣлу шатру богатырскому:
«Ахъ вы гой еси, могучіе богатыри,
«Алеша Поповичь, Самсонъ богатырь,
«Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичь,
125. «Что Иванъ Колывановичь!
«Проситъ васъ Володиміръ князь
«Во Кіевъ градъ на выручку:
«Наступаетъ на Кіевъ царь Мамай
«Со своею силою невѣрною!»
130. Говорятъ ему тутъ богатыри:
—Ты сойди-ко, Ермакъ, со добра коня,
—Ты войди-ко, Ермакъ, во бѣлъ шатеръ,
—Ты испей-ко чару зелена вина,
—Зелена вина въ полтора ведра.—
135. Отвѣчаетъ имъ молодой Ермакъ:
«Если выпить какъ мой дядюшка,

«Что старый казакъ Илья Муромецъ,
«Такъ намъ не къ чему будетъ и пріѣхати.»
Оборачивалъ онъ коня богатырскаго
140. И поѣхалъ ко городу Кіеву.
Какъ пріѣхалъ онъ къ городу Кіеву,
Что нельзя ему въ городъ въѣхати:
Обступила вокругъ чужа сила.
Какъ въѣзжалъ Ермакъ на круту гору,
145. И сталъ онъ силу посмѣчивать,
Что посмѣчивать сталъ, посписывать:
А силы-то было видимо не видимо,
Ни смѣтить силы, ни списать нельзя.
А кромѣ того было тридевять богатырей:
150. Девять сыновей, да девять дочерей,
Да девять зятевьевъ Мамаевыхъ,
А надъ всѣми наболыпій царь Мамай.
Видитъ Ермакъ—дѣлать нечего:
Поскакалъ онъ въ силу со крутой горы,
155. Сталъ помахивать своей палицей,
А палица-та въ двѣнадцать пудъ:
Куда ей махнетъ—тамъ и улица,
А отмахнетъ—переулочекъ.
И бился Ермакъ что двѣнадцать дней,
160. Побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,
А силы все, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силы выбился.
Въѣзжалъ онъ на круту гору,
Раскидывалъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
165. И ложился опочивъ держать.
Какъ посмотритъ вокругъ въ широко поле,
Не туманъ въ полѣ поднимается,
А ѣдутъ тамъ тридевять богатырей,
Впереди-то всѣхъ что старый казакъ,
170. Что старый казакъ Илья Муромецъ.
Подъѣзжаютъ богатыри ко крутой горѣ,
Къ молодому Ермаку Тимоѳеичу:
«Помогай тѣ Богъ, молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь,

175. «Побивать силу невѣрную!»
Говоритъ ему тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ Илья Муромецъ:
«Отдыхай теперь, молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь!»
180. Посылалъ Илья Муромецъ богатырей,
Побивати силу невѣрную:
Которыхъ слалъ отъ синя моря,
Которыхъ слалъ отъ чиста поля,
А которыхъ слалъ отъ Почапъ рѣки,—
185. Чтобы въ нашу воду не бросалися,
Чтобы нашу воду не поганили.
И бились богатыри двѣнадцать дней,
И прибили всю силу невѣрную,
И Мамая царя со богатыри,
190. Съ девятью сыновьями, девятью дочерями
И со девятью зятевьями.
Въѣзжали всѣ на круту гору
Къ молодому Ермаку Тимоѳеевичу.
Просыпался тутъ молодой Ермакъ,
195. Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь,
И поѣхали всѣ во Кіевъ градъ,
Что ко ласковому князю Володиміру.
Встрѣчалъ богатырей Владиміръ князь,
Принималъ онъ ихъ съ честью-почестью;
200. Собиралъ всѣхъ князей, бояръ,
И сильныхъ могучихъ богатырей,
И гуляли всѣ, веселилися,
Не много, не мало—ровно тридцать дней.
Отправлялись тутъ могучіе богатыри
205. Что на поле, на Куликово.
Вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить:
Разгуляются, распотѣшатся,
Распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать;
А такія потѣхи богатырскія
210. Народу было не вытерпѣть,
Котораго толкнутъ—тому смерть, да смерть.
Отправлялъ тутъ ихъ Володиміръ князь,

Просили они князя Владиміра
Отпустити въ гости Илью Муромца
215. Съ молодымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
Погулять въ поле, потѣшиться,
Богатырской удалью похвастаться.
Отпускалъ Илью Муромца Володиміръ князь
Съ молодымъ Ермакомъ Тамоѳеичемъ,
220. Отпускалъ ихъ съ честью, съ радостью.

Пріѣзжали богатыри на поле,
На широкое поле—Куликово;
Раскидывали тамъ бѣлы шатры,
Стали пить, гулять и тѣшиться,
225. Богатырской удалью хвастатись.
Прискакала вдругъ къ нимъ Бабища:
Головища у бабы съ дощанище *),
А глазищи-то съ пивны корцы **).
Говорила баба таковы слова:
230. «Гой еси, вы, тридевять богатырей!
«Побили вы нашу всю силу,
«Всю силу Мамаеву;
«Побили вы тридевять богатырей,
«Которы сыры-матёры дубы
235. «Изъ земли повалачивали,
«А кореньемъ къ верху помётывали;
«Убили вы моего царя!
«А счастье было ваше великое,
«Что меня на бою не случилося!
240. «Выходите-ко теперь со мной битися!
«Выходите, поединьщики, по единому,
«А всѣмъ вамъ вдругъ биться нечестно!»
Богатыри туто призадумались.
Соскочилъ только старый казакъ,

---

*) *Дощанище, дщаніе* — чанъ, ушатъ.—*Прим. 1-го изд.*
**) *Корцы* — большіе ковши съ длинною рукояткою. — *То же.*

245. Что старый казакъ—Илья Муромецъ:
«Дайте-ко мнѣ, братцы, съ ней расправиться!»

Молодому Ермаку Тимоѳеичу
За обиду то показалося,
Что идетъ Илья Муромецъ съ бабой битися.
250. —Дайте-ко мнѣ, братцы, сперва развѣдаться,
—А пробьюсь я съ ней двѣнадцать дней,
—Пріѣзжайте меня провѣдати.—

Выходилъ Ермакъ изъ бѣла шатра,
И садился онъ на добра коня.
255. Выѣзжалъ съ Бабищей въ чисто поле.
Какъ ударились они сперва палицами,—
Словно громъ грянулъ изъ темной тучи.
Приломали они свои палицы.
А послѣ стали биться копьями,—
260. Изломали и тутъ востры копьи.
Сходили они съ коней богатырскіихъ,
Бились въ рукопашный бой,
А и билися двѣнадцать дней.
Поизмучился молодой Ермакъ,
265. Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь:
Стала Бабища одолѣвать его.

Пріѣзжалъ тутъ попровѣдать Илья Муромецъ:
«Тебѣ Богъ помочь, молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь!»
270. Какъ возговоритъ молодой Ермакъ:
—Ахъ ты, дядюшка, Илья Муромецъ!
—Приходитъ мнѣ скорая смерть,
—Что отъ Бабищи, отъ Мамаишны!—

Говорилъ тутъ старый казакъ,
275. Что старый казакъ—Илья Муромецъ:
«Молодой ты Ермакъ Тимоѳеевичь!
«Видно бабьей ухватки не знаешь ты?
«Ты бери-ко ее за бѣлы груди,
«Развернись, да ударь о сыру землю!»

280. Молодой Ермакъ тутъ послушливъ былъ:
Сохваталъ бабу за бѣлы груди

И ударилъ бабу о сыру землю,
Убилъ Бабищу до смерти.
Пріѣзжали они въ бѣлъ шатеръ,
285. Стали пиръ вести, потѣшатися.

(Записано г. Гуляевымъ отъ крестьянина Ефима Пароенова Быкова; изъ Приб. къ Ист. А. И., т. II.— Ср. выше, въ разрядѣ I-мъ, начало и конецъ 6-й пѣсни о Бабѣ Горынинкѣ).

*

2.

(Заводы Локтевскій и Сузунскій).

Что у ласкова князя Владиміра
Заводился пиръ на веселѣ:
Собирались князья, бояры,
Сильные могучіе богатыри
5. И вся поленица *) удалая.
Заводился пиръ въ полупирѣ,
Сахарныя кушанья въ полукушаньѣ,
Питья медвяныя въ полупитьѣ.
Стали бояры наѣдатися,
10. Стали бояры напиватися,
Стали бояры призахвастываться:
Кто хвастаетъ чистымъ сéребромъ,
Кто хвастаетъ краснымъ золотомъ,
Кто хвастаетъ скатнымъ жемчугомъ,
15. Кто хвастаетъ золотой казной.
Какъ возговоритъ Владиміръ князь:
«Полно вамъ, бояры, хвастати!
«Стану я васъ дарити, жаловать,
«Кого буду дарить чистымъ сéребромъ,
20. «Кого буду дарить краснымъ золотомъ,
«Кого жаловать скатнымъ жемчугомъ.»
Тутъ стала бы княгиня говорить:
—Ты гой еси, батюшка, Владиміръ князь!
—Всѣхъ ударилъ ты, всѣхъ ужаловалъ:

*) *Поленица, полянница*, — отъ *поле; полевать* и *полеваться*—разъѣзжать въ полѣ ради подвиговъ. — *О.*

25. —Одного только удалаго добраго молодца
—Не дарилъ ты, не ужаловалъ,
—Что по имени-то Илью Муромца.—
«Ты гой еси, княгиня неразумная!
«Подарю я удала добра молодца
30. «Тѣми дарами, которы мнѣ пришли
«Отъ Татарина, отъ Бусурманова:
«Подарю я его тою шубой соболиною.»
Беретъ Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ,
И бьетъ шубу о кирпищатъ полъ,
35. А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
«Велитъ-то мнѣ Богъ шубу бить
«О кирпищатъ полъ:
«Велитъ ли мнѣ Богъ бивать
«Татарина Бусурманова?»
40. Тутъ князья и бояры подмолвились:
—Гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
—Всѣмъ-то намъ твои дары по любви пришли,
—Одному-то удалому молодцу
—Дары тѣ не по любви пришли,
45. —Что по имени-то Ильѣ Муромцу:
—Беретъ онъ шубу за одинъ рукавъ
—И бьетъ о кирпищатъ полъ,
—А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
—«Велѣлъ Богъ бивать шубу о кирпищатъ полъ...»
50. —Взять было удалаго добра молодца,
—Что по имени-то Илью Муромца,
—Повести было его на горы высокія,
—Бросить его въ погреба глубокіе,
—Задернуть рѣшетками желѣзными,
55. —Завалить чащей, хрящомъ-камнемъ!—
Взяли тутъ удалова молодца
Скурлаты немилостивые *),
Повели на горы на высокія,

*) *Скурлаты*: собственное имя Малюты Скуратова обратилось въ имя нарицательное, съ значеніемъ палача. Есть поговорка, въ собраніи пословицъ В. И. Даля, въ которой удержалось имя Малюты Скуратова въ томъ же значеніи.—*О.*

Бросили въ погреба глубокіе,
60. Задернули рѣшетками желѣзными,
Завалили чашей, хрящомъ-камнемъ.
Княгиня была сдогадлива:
Копала подкопы подъ тѣ погребы,
Поила и кормила доброва молодца,
65. Что по имени Илью Муромца.
Поила, кормила ровно три годы.
Черезъ три годы накатилась сила невѣрная,
Что того было Калины царя.
Обстала престольный Кіевъ градъ
70. Вокругъ на шестьдесятъ верстъ.
Тутъ-то Владиміръ князь
Весьма закручинился, запечалился;
Повѣсилъ онъ буйну голову на праву сторону,
Потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ.
75. Тутъ-ему княгиня подмолвилась:
—Что ты, батюшко, Владиміръ князь,
—Закручинился, запечалился,
—Повѣсилъ буйну голову на праву сторону,
—Потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ?—
80. «Ты гой еси, княгиня неразумная!
«Накатилась на насъ сила невѣрная,
«Того было царя Калины,
«Обстала престольный Кіевъ градъ
«Вокругъ на шестьдесятъ верстъ:
85. «А нѣтъ у насъ стоятеля,
«Нѣтъ у насъ оберегателя,
«Удалова добра молодца, Ильи Муромца!»
Говоритъ тутъ княгиня князю Владиміру:
—Ты гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
90. —Ты вскричи своимъ вѣрнымъ слугамъ,
—Скурлатамъ немилостивымъ,
—Чтобы сходили они на горы на высокія,
—Развалили чащи, хрящи-камни,
—И отворили рѣшотки желѣзныя,
95. —Посмотрѣли бы удалова добра молодца,
—Что по имени-то Илью Муромца:

—Не живъ ли онъ?—
Отвѣчаетъ ей Владиміръ князь:
«Ты гой еси, княгиня неразумная!
100. «Сними-ко ты буйную голову,—
«Приростетъ ли она къ плечамъ?
«Такъ будетъ ли живъ чрезъ три годъ
«Удалый добрый молодецъ,
«Что по имени Илья Муромецъ?»
105. Говоритъ княгиня князю Владиміру:
—Посылай только, онъ живъ сидитъ.—
Выходилъ князь Владиміръ на красно́ крыльцо,
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ
Слугамъ вѣрнымъ, неизмѣннымъ:
110. «Вы гой еси, слуги вѣрные!
«Вы подите-ко на горы на высокія,
«Развалите чащи, хрящи-камни,
«Раздерните рѣшотки желѣзныя:
«Посмотрите, живъ аль нѣтъ Илья Муромецъ?»
115. Пошли слуги на горы на высокія,
Развалили чащи, хрящи-камни,
Отворяли рѣшотки желѣзныя,
Закричали зычнымъ голосомъ:
—Ты гой еси, удалый добрый молодецъ,
120. —Живъ ли ты, али нѣту-ка?—
Далъ имъ голосъ Илья Муромецъ.
Спускали тутъ къ нему лѣстницы,
Въ погреба-то глубокіе:
Выходилъ на Божій свѣтъ Илья Муромецъ.
125. Отвели его слуги къ князю Владиміру.
Говоритъ тутъ ему Илья Муромецъ:
«Ты, гой еси, батюшко, великій князь!
«Нѣтъ у меня коня добраго
«И всей сбруи богатырскія.»
130. Тутъ Владиміръ князь конюхамъ приказывалъ
Привести коня богатырскаго,
Принести палицу боёвую,
Саблю вострую, копье бурзомецкое *.

*) *Бурзомецкое* — мурзамецкое; ср. выше. — *О.*

Сѣдлалъ Илья Муромецъ коня доброва,
135. Надѣвалъ на себя всю сбрую богатырскую,
Садился въ сѣделычко Черкасское,
Говорилъ князю Владиміру:
«Ты гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
«Подай-ко мнѣ своихъ измѣнщиковъ!»
140. Привели къ нему измѣнщиковъ,
И посѣкъ онъ имъ буйны головы.
Побѣжалъ онъ въ силу невѣрную.
Бѣгалъ по силѣ день до вечера,
Темную ночь до бѣла̀ свѣта̀;
145. Второй день бѣгалъ до вечера,
Вторую ночь до бѣла̀ свѣта̀;
Третій день бѣгалъ до вечера,
И третью ночь до бѣла̀ свѣта̀;
Порѣшилъ онъ тогда силу невѣрную.
150. Прибѣжалъ домой и спалъ трои сутки.

(Доставлено тѣмъ же; см. Приб. къ Изв. А. Н., т. III).

*

3.

(Кирша Даниловъ).

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ, царь Калиновичь,
5. Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;
Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
10. Во всѣ тѣ четыре стороны.
За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго

А и мѣсяцъ-солнце померкнуло,
15. Не видитъ *) луча свѣта бѣлаго;
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
20. Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
Что выбралъ Татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ Татаринъ трехъ сажень,
Голова на Татаринѣ съ пивной котелъ,
25. Которой котелъ сорока ведеръ,
Промежь плечами косая сажень.
Отъ мудрости слово написано:
Что «возметъ Калинъ царь стольной Кіевъ градъ,
«А Владиміра князя въ полонъ полонитъ,
30. «Божьи церкви на дымъ пуститъ.»
Даетъ тому Татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился Татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
35. Ко ласкову князю Владиміру.
А и будетъ онъ Татаринъ въ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Сскакалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
40. Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
45. Передъ великаго князя Владиміра;
Отшедъ Татаринъ, слово выговорилъ:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
«А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
«Безъ бою, безъ драки великія.

---

*) *Не видитъ:* конечно *не видать.—О.*

50. «И безъ того кроволитія напраснаго!»
Владиміръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки разпечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлыки заплакалъ, свѣтъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося:
55. Богатырей въ Кіевѣ не случилося,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ,
А съ Калиномъ силы написано
Ни много, ни мало—на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
60. Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ,
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три тысячи:
По праву руку его зять сидитъ,
А зятя зовутъ у него Сартакомъ;
65. А по лѣву руку сынъ сидитъ,
Сына зовутъ Лоншекомъ *).
Я то у нихъ дѣло не окончано,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ,
Втапоры Василій Пьяница
70. Взбѣжалъ на батню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатой,
Калену стрѣлу переную,
Наводилъ онъ трубками Нѣмецкими,
А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ царь;
75. И тотъ-то Василій Пьяница
Стрѣлялъ онъ тутъ во Калина царя;
Не попалъ во собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака,
Угодила стрѣла ему въ правой глазъ,
80. Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрезили **):
Убили зятя любимаго

*) У Татаръ это имя неупотребительно; оно есть у Киргизовъ и Калмыковъ, и вѣроятно Монгольское.—*О.*

**) *Загрезили*—забредили, безъ толку затѣяли.—*О.*

85. Съ тоя башни со стрѣльныя.
Посылалъ другаго Татарина
Ко тому князю Владиміру,
Чтобы выдалъ того виноватаго.
А мало время замѣшкавши,
90. Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясной соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлой кречетъ перепорхиваетъ,
Бѣжитъ паленица *) удалая,
Старой козакъ Илья Муромецъ.
95. Пріѣхалъ онъ во стольной Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго
Сскочилъ Илья съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Идетъ во гридню во свѣтлую,
100. Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею,
И на всѣ четыре стороны.
А самъ Илья усмѣхается:
«Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
105. «Что̀ у тебя за болванъ пришелъ,
«Что̀ за дуракъ не отесаной?»
Владиміръ князь стольной Кіевской
Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ.
110. Говорилъ тутъ ему Владиміръ князь:
—Гой еси, Илья Муромецъ!
—Пособи мнѣ думушку подумати:
—Здать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ градъ,
—Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
115. —Безъ того кроволитія напраснаго?—
Говоритъ Илья таково слово:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
«Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся:
«Боже Спасъ оборонитъ насъ,
120. «А не что, Пречистой и всѣхъ сохранитъ.

---

*) *Паленица*: поленица, поляница; см. прим. къ предыдущей пѣсни.—*О*.

«Насыпай ты мису чиста серебра,
«Другую красна золота,
«Третью мису скатнаго жемчуга;
«Поѣдемъ со мной ко Калину царю,
125. «Со своими честными подарками;
«Тотъ Татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ.»
Наряжался князь тутъ поваромъ,
Замарался сажею котельною;
Поѣхали они ко Калину царю,
130. А прямо ихъ Татаринъ въ лагери ведетъ.
Пріѣхалъ Илья ко Калину царю
Въ его лагери Татарскіе;
Сскочилъ Илья съ добра коня,
Калину царю поклоняется,
135. Самъ говоритъ таково слово:
«А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичь!
«Прими наши дороги подарочки
«Отъ великаго князя Владиміра;
«Перву мису чиста серебра,
140. «Другую красна золота,
«Третью мису скатнаго жемчуга;
«А дай ты намъ сроку на три дни,
«Въ Кіевѣ намъ пріуправиться,
«Отслужить обѣдни съ панихидами,
145. «Какъ, де, служатъ по усопшимъ душамъ,
«Другъ съ дружкой проститися.»
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
—Гой еси ты, Илья Муромецъ!
—Выдайте вы намъ виноватаго,
150. —Которой стрѣлялъ съ башни со стрѣльныя.
—Убилъ моего зятя любимаго!—
Говоритъ ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
«Прими наши дороги подарочки
155. «Отъ великаго князя Владиміра;
«Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать?»
И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Не честно у него, самъ прибраниваетъ.

И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
160. Что не далъ сроку на три дни и на три часа;
Говорилъ таково слово:
«Собака, проклятой ты Калинъ царь!
«Отойди съ Татарами отъ Кіева,
«Охота ли вамъ, собака, живымъ быть *)!»
165. И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Велѣлъ Татарамъ сохватать Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры **) шелковые.
Втапоры Ильѣ за бѣду стало,
170. Говорилъ таково слово:
«Собака, проклятой ты Калинъ царь!
«Отойди прочь съ Татарами отъ Кіева,
«Охота ли вамъ, собака, живымъ быть!»
И тутъ Калину за бѣду стало,
175. И плюетъ Ильѣ во ясны очи:
—А Руской людъ всегды хвастливъ:
—Опутанъ весь, будто лысой бѣсъ,
—Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ!—
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
180. За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ пол-древа стоячаго,
Изорвалъ чембуры не могучихъ плечахъ;
Не допустятъ Илью до добра коня
185. И до его то до палицы тяжкія,
До мѣдны, литы въ три тысячи,—
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Которой ѣздилъ во Кіевъ градъ,
И зачалъ Татариномъ помахивати:
190. Куда ли махнетъ,—тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ,— съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится.

---

*) Отойди съ Татарами, если хотите быть живы!—*О.*

**) *Чембуръ*,—русское козачье *поваленцъ*, третій одиночный поводъ уздечки, за который водятъ и вяжутъ верховаго коня; на немъ даютъ *поваляться*.—*О.*

«А жиловатъ, собака, не изорвется!»
195. И только Илья слово выговорилъ,—
Оторвется глава его Татарская,
Угодила та глава по силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;
Достальные Татара на побѣгъ пошли,
200. Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья онъ ко Калину царю,
Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки.
Самъ Калину приговариваетъ:
205. «Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
«Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.»
Согнетъ его корчагою,
Воздымалъ выше буйны головы своей,
Ударилъ его о горючь камень,
210. Расшибъ его въ крохи...
Достальные Татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
«Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
«Не дай Богъ намъ видать Рускихъ людей!
215. «Не ужто въ Кіевѣ всѣ таковы:
«Одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ?»
Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья Пьяницу Игнатьева:
220. И скоро нашелъ его на кружалѣ Петровскіимъ,
Привелъ ко князю Владиміру.
А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Васильемъ со Пьяницей,
И называетъ Илья того Пьяницу
225. Василья братомъ названыимъ.

То старина, то и дѣлнье.

VI.

1.

(Шенкурскъ).

Во славномъ во городѣ во Муромѣ,
Во селѣ Карацаровѣ,
Тутъ жилъ-былъ старикъ Иванъ Тимоѳеицъ.
У нихъ сынъ былъ Илья Муромецъ.
5. Онъ просилъ у родимова батюшки
Благословенья великова,
На вѣки не рушимава:
Ещё съѣздить ему да посмотрѣть
Земли свято-русскіи
10. И кружала государева,
Цёрнава ка́рабля—яснава Со́кола,
Во всѣ государевы вотцины.
Говоритъ ему батюшко:
«Ужь ты свѣтъ мое цедо порожденноё!
15 «Потеряешь ты свою буйну голову,
«Вмѣсто мѣдныя пуговки не за денежку;
«Еще той дорогой никто не бывалъ,
«Никто ни ѣзжалъ ровно тридцать лѣтъ, тридцать годовъ:
«Тамъ засѣлъ Соловей воръ-разбойницёкъ,
20. «Онъ со дѣткама и со дѣвкама.
«Еще той дорогой человѣку итти ровно два́-года,
«А конному ѣхать полтора́-года.»
А Ильѣ захотѣлось проѣхать въ полтора́ цяса,
Между обѣднею раннёй и утренней.
25. И поспѣть ко столу княженевскому
И къ тому обѣду къ воскресенскому.
И оттудова пошолъ Илья за Дунай рѣку,
За широкую да за глубокую,
Къ тому къ Миколѣ Заруцёвскому;
30. Онъ служилъ обѣдни запрестольныи,
Клалъ завѣты великіи,

Становилъ свѣцю двадцати пяти рублёвъ,
Вперёдъ еще сулилъ пятьдесятъ рублёвъ:
«Ты поправь меня, Господи,
35. «Во путѣ-во-дороженькѣ,
«Во цюжой-дальней сторонѣ,
«Во Сибирскихъ въ украинахъ.»
Еще видѣли,—Илья на коня-то сѣлъ,
А не видѣли,—куда поѣздку далъ.
40. Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
По крутымъ бедрамъ, промежду ушей:
У ёво конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки и озёра промежь ногъ беретъ,
Хвостомъ поля устилаютсе.
45. Старши богатыри дивуютсе:
—Нѣтъ на поѣздку Илья Муромця!
—У ёво поѣздка молодецькая,
—Вся поступоцька богатырская!—
Завидѣлъ ёво Соловей воръ-разбойницёкъ,
50. Воръ-разбойницёкъ да воръ Ахматовиць:
—Вонъ, де, ѣдетъ въ полѣ дѣтина, шатаетсе,
—Подъ имъ конь подтыкаетсе.—
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Забилъ въ долони по богатырскому,
55. Заревѣлъ вѣдь онъ по звѣриному,
Зашипѣлъ по змѣиному:
Тёмны лѣсы отъ ёво реву къ землѣ преклонилисе;
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутиласе;
Въ то время подъ Ильей конь на колѣнки палъ.
60. Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Ещё самъ онъ коню приговариватъ:
«Ахъ ты конь, ты конь, да травяной мѣшокъ,
«Травяной мѣшокъ, да лошадь добрая!
«Будь заступцива, да не уступцива.
65. «Цёво ты, лошадь, да перепаласе?
«Не слыхала ли ты экова рёву коровьява,
«Писку-верезгу дроздоваго?»
Вынималъ Илья Муромець
Изъ карману изъ лѣвава

70. Свой тугой лукъ, калены стрѣлы;
Онъ натягивалъ свой тугой лукъ,
Калены стрѣлы да накладывалъ,
Ещё самъ стрѣламъ приговаривалъ:
«Полетите, мои стрѣлы каленыи,
75. «Всѣ переныи, да нациненыи *),
«Повыше лѣсу дремуцява,
«Пониже óблака ходуцява,—
«Вы падите Соловью вору-разбойнику
«Во теплò гнѣздо, да во буйну голову,
80. «И во самой во правой глазъ,
«И вередите ему сердце ретивое!»
Полетѣли стрѣлы каленыи,
Всѣ переныи, да нациненыи,
Повыше лѣсу дремуцева,
85. Пониже óблака ходуцява,
Еще пали Соловью вору-разбойнику
Во теплò гнѣздо, да во буйну голову,
И во самой во правой глазъ,
Вередили ему сердце ретивое,
90. И убилъ Илья Муромецъ Соловья,
Вора-разбойника да воръ-Ахматова,

Пріѣзжалъ онъ ко городу да ко Кидишу **).
Кругомъ города да кругомъ Кидиша
Зелегля сила поганая,
95. Вся Литва некрещеная:
Ещё всю силу онъ ихъ повыбилъ,
До наслѣдья повыбилъ да до единова,
Никово не оставилъ на сѣмена,
И поѣхалъ впередъ подъ востоцьную сторону,
100. Во Сибирскіи во украины.

У города да было Кеива
Застава была великая:

---

*) *Переныя да начиненыя*—перёныя перомъ, насаженныя копейцами.—*О.*

**) М. П. Погодинъ во время печатанія этой пѣсни 1-мъ изданіемъ получилъ изъ города Семенова (Нижегор. губерніи), отъ мѣщанина Меледина, извѣстіе съ поэтическими преданіями о Кидешѣ.—*Прим. 1-го изд.*

Семь сыновъ вора-разбойницька.
Еще малой-отъ сынъ завидѣвши возговорилъ:
105. «Вонъ, де, ѣдетъ нашь да батюшка!»
А большой-отъ сынъ да завидѣвши:
—Охъ вы глупыи да неразумныи!
—Это ѣдетъ сильной могуцей богатырь
—Илья Муромець;
110. —Онъ везетъ нашово батюшка,
—Да у лѣваго стремени у булатнова.—
Тутъ всѣ братьи да взбунтовалисе,
Взбунтовалисе да перепа́лисе;
Во яростяхъ да во великіихъ
115. Въ пять сотъ пудъ палку подъ облакъ мечутъ.
Соловей крицитъ своимъ громкимъ голосомъ:
—Ахъ вы дѣтоцки да голубцики,
—Ахъ вы глупыи да неразумныи!
—Не вамъ *) кусъ, не вамъ и ись **) ево́:
120. —Я не могъ выстоять, а супротивъ меня
—Всѣмъ и вамъ ужь не выстоять.
—Вы берите да спаены клюци,
—Отпирайте да погреба глубокіи,
—Вы берите много злата и серебра
125. —И скацьно́ва жемцюгу:
—Не отдастъ ли онъ, Илья Муромець,
—На выкупъ вамъ вашова батюшка?—
Илья на злато на се́ребро не заритсе,
Онъ впередъ ѣдетъ да востоцьную ***) сторону,
130. Во Сибирскіи да украины.
У Ильи конь бѣжитъ, да какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежь ногъ беретъ,
Хвостомъ поля́ укрываютсе.
Старши богатыри дивуютсе:
135. —Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромця!
—У ёво поѣздоцька да молодецкая,
—Вся поступоцька да богатырская!—

---

*) *Вашь?—О.*
**) *Ись—ѣсть.—О.*
***) *Въ востоцьную.—О.*

Пріѣзжалъ вѣдь онъ да ко Дунай-рѣкѣ,
Ко широкою да ко глубокою.
140. За ту рѣку да за широкую,
За широкую да за глубокую,
Перевощицькомъ была да Соловьева доць,
Доць большая да Катюшенька.
Соловей кричитъ ей своимъ зыцьнымъ голосомъ:
145. —Не вози, доць любимая, Татарина да великава
—За Дунай рѣку: ты въ тѣ-пóръ ёвó вези,
—Когда дастъ тебѣ батюшку на выкупъ твоево;
—Ты въ тѣ-пóръ ёвó вези да за Дунай рѣку,
—За Дунай рѣку, да за широкую,
150. —За широкую, да за глубокую.—
Илья на то да не вѣруётъ.
Сходилъ онъ со добрà коня
На сыру землю да на матушку:
Онъ въ лѣву взялъ въ руку да шелкóвъ поводъ;
155. Правой рукой рветъ дубьё съ кореньяма;
Онъ мосты мостилъ крѣпко нà крѣпко,
Крѣпко нà крѣпко, да дѣльно нà дѣльно;
Онъ самъ перешелъ да и коня перевелъ;
Ещё взялъ изъ лѣвава кармана плетку шóлкову,
160. Плетку шолковую да подорожную,
О семи хвостахъ да съ проволкой,
Дѣвкѣ стёжъ-то *) далъ,—съ ногъ валилася,
Онъ другую далъ,—дѣвка скору смерть приняла;
Онъ Илья-то тутъ да и былъ и нѣтъ.
165. Онъ впередъ ѣдетъ подъ востоцьную сторону,
Во Сибирскіи да во украины.
У Ильи конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежь ногъ беретъ,
Хвостомъ поля да укрываютсе.
170. Старши богатыри да дивуютсе:
—Ещё нѣтъ на поѣздку Ильи Муромця!
—Поѣздоцька у ёвó да молодецькая,
—Вся поступоцька да богатырская!—

*) *Стёжъ* — ударъ, которымъ Илья ее *стегнулъ*.—*О*.

Пріѣзжалъ онъ ко городу да ко Кеиву,
175. Становилъ коня да середи двора,
Становилъ онъ да не привязывалъ,
Никому держать не приказывалъ;
Онъ пошолъ въ свѣтлыи свѣтлици,
Въ княженецькіи горници,
180. Онъ не спрашивалъ у воротъ у приворотницьковъ,
У дверей да у придверницьковъ;
Онъ беретъ двери за́ скобу,
Отпираётъ двери да на́ пяту *);
Онъ и крестъ кладетъ да по писа́ному,
185. Онъ поклонъ ведетъ да по уцёному,
Онъ и кланяйтсе на всѣ на четыре стороны,
Еще князю-то да на особицю;
«Ещё здравствуй, князь славной Кеивской,
«Славной Кеивской да Владимірской!»
190. —Ещё здравствуй ты, дѣтина шельщина **),
—Ты дѣтина шельщина да деревеньщина!
—Ты откуль ѣдишь да откуль идешь?
—Ты какихъ родовъ, да какихъ городовъ?—
Онъ отвѣтъ держалъ князю славному:
195. «Ещё города Мурома, а села Карацярова,
«Илья Муромець да сынъ Ивановиць.
«Я пріѣхалъ ко вашёю ко милости:
«Процищалъ я дорожиньку да прямохожую,
«Прямохожую да прямоѣзжую,
200. «А изъ Мурома да до Кидаша,
«А изъ Кидаша да до Кеива,
«Всё до вашёю да до милости;
«Я убилъ Сольвья вора-разбойницька,
«Воръ-разбойницька да воръ-Ахматова,
205. «Да привезъ ёво̀ къ вамъ на показанье.»
—Ещё врешь ты, дѣтина шельщина, да полыгаёшьсе,
—Надо мной надъ князёмъ насмѣхаёшсе.—

---

*) Дверь въ крестьянской избѣ ходитъ *на пять*, которая вставлена въ гнѣздо порога, а *головка* двери въ гнѣздо притолоки: *отворить на пяту*-отворить на стежь.—*О.*

**) *Шельшина—сельщина*; въ другихъ пѣсняхъ *засельщина.—О.*

«Ты изволь итти на свой широкой да пóлой дворъ,
«Ты изволь смотрúть Соловья вора-разбойницька.»
210. Обувалъ сапожки князь сафьяновы,
Оболокáлъ *) кошулю **) соболюю,—
Ещё та ли кошля въ пятьсотъ рублёвъ,
Зарукавьи жемцюжныи,
Ожерельи жемцюжныи.
215. Повели ёвó слуги пóдъ руки
На свой на широкой на пóлой дворъ.
У Ильи конь стоитъ, какъ гора лежитъ,
Онъ стоитъ да непривязанной,
Никому держать да не приказанной.
220. А у лѣвава стремени да у булатнова
Привязанъ Соловей воръ-разбойницёкъ,
Воръ-разбойницёкъ да воръ-атамановичь.
Еще тутъ-то князь де и конáится ***):
—Соловей ты, воръ да воръ-разбойницёкъ,
225. —Воръ-разбойницёкъ да воръ-Ахматовицъ!
—Ты посвищи-ко по прежнёму да по соловьиному!—
Соловей да отвѣтъ держитъ,
Онъ отвѣтъ держитъ князю славному:
«Я не твой хлѣбъ и кушаю,
230. «Не тебя князя-вора и слушаю.»
Ещё тутъ князь Ильѣ да и конáится:
—Илья Муромецъ да сынъ Ивановицъ,
—Поленúца великая!
—Ты заставь Соловья вора-разбойника
235. —Посвистать по прежнёму да по соловьиному.—
Онъ отвязалъ Соловья вора-разбойника
Отъ лѣвава стремени.
И засвисталъ Соловей по соловьиному,
И забилъ въ долóни по богатырскому,
240. Зашипѣлъ вѣдь онъ по змѣиному,

---

*) *Оболокалъ*—надѣвалъ.—*Прим. 1-го изд.*

**) Рубашка не косоворотка; такъ же дивись и шубы. Старинный покрой корзна.—*О.*

***) *Конаться.*—добиваться.—*О.*

Заревѣлъ онъ да по звѣриному:
Темны лѣсы къ землѣ преклонилися.
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутилася,
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,
245. Полетѣло изъ дымолокъ *) кирпичьё заморское,
Полетѣли изъ окольницъ стёкла аглицкіи.
Ещё князь-отъ стоитъ да въ худой душѣ,
Ещё тутъ онъ да и конáится:
—Илья Муромецъ да сынъ Ивановицъ!
250. —Ты уйми да сопостата великава,
—Соловья вора-разбойницька,
—Воръ-разбойницька да воръ-Ахматова.—
Сталъ Илья унимать ёво по свойскому:
Онъ схватилъ ёво да за цёрны кудри,
255. Ещё билъ ёво да о сыру землю о матушку,
Онъ въ подвергъ **) ёво кидалъ
Выше башни наигольныи ***),
Онъ остатки ёво хлопнулъ о сѣрой камень;
Соловью отъ себя скора смерть пришла.
260. Повели слуги Илью подъ руки
Во свѣтлую да во свѣтлицю,
Въ княженецкіи горници,
И садили ёво да по край стола,
По край стола да по край скамья.
265. «Ещё ты, славной князь Киевской да Владимірской!
«Ты неси-ко цяшу большую да обѣруцьную,
«Зелена вина да полтора ведра!»
Илья-то беретъ ее да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее да на одинъ духъ,
270. Ещё всё-то ёму мало кажется:
«Ты неси ещё, князь, цяшу бóльшую,
«Цяшу бóльшую да обѣруцьную,
«Ещё два ведра да зелена вина,
«Всё со водоцькой, да со наливоцькой,

*) *Дымолокъ*, - дымовомокъ, проводъ дымовой трубы.—*О.*
**) *Подвергъ* - подбросъ.—*О.*
***) *Наигольныя*—наугольныя.—*О.*

275. «Со крѣпки́ми да со напитками.»
Илья прима́ится да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее на оди́ной духъ.
Ещё тутъ Илью маленько да ошабу́рило;
Онъ хотѣлъ да поладиться,
280. Онъ поладиться да поправиться, —
Поломалъ онъ ска́мьи да дубовыи,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныи.
А у князя во ту пору да во то времяцько
Ещё столъ идетъ да во полу́-столѣ,
285. Ещё пиръ идетъ да во полу-пирѣ;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Ещё всё купцы да торговыи,
Ещё сильны могучи бога́тыри,
Свято-Русскіи воины.
290. Поприжалъ Илья Муромець да сынъ Ивановиць,
Поприжалъ онъ ихъ да во большой уголъ.
Ещё князь Ильѣ рѣць прого́ворилъ:
—Илья Муромець да сынъ Ивановиць!
—Помѣшалъ ты всѣ мѣста́ да уцёныи,
295. —Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныи:
—У меня промежь каждымъ бога́тыремъ
—Были сваи желѣзныи,
—Чтобъ они въ пиру да напивалисе,
—Напивалисе да не столкалисе. —
300. Ещё тутъ вѣдь князь да Ильѣ конаится:
—Ты изволь у насъ да попить-поись,
—Ты изволь у нашей милости
—Да воеводой жить.—
«Не хоцю я у васъ ни пить, ни ись,
305. «Не хоцю я у васъ воеводой жить!»
Онъ ставалъ на ножки на рѣзвыи,
Онъ выма́лъ свою плетку шелко́вую
О семи хвостахъ да со проволкой,
Ещё взялъ онъ плеткой да помахивать,
310. Ещё взялъ гостей да покалацивать,
Ещё взялъ гостей да поворацивать,
Ещё бьетъ онъ, самъ проговариваётъ:

«На пріѣздѣ гостя не употцивали,
«А на поѣздинахъ да не уцѐствовали!
315. «Эта ваша мнѣ цѐсть—не въ цесть!»
Ещё онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,
До наслѣдья прибилъ да до единава,
Не оставилъ никово да на сѐмена.
Ещё царь-то въ ту пору да въ то времяцько
320. За пецьку задвинулся,
Собольёй шубкой закинулся.
Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти ни повѣсти
Нынѣ и дó вѣку.

(1843 г., іюня 16, записана со словъ крестьянина И. А. Ядовинымъ, потомъ черезъ Н. Борисова доставлена М. П. Погодину; см. Москвитянинъ, 1843, № 11).

*

2.

(Онега).

Ѣздилъ старъ Илья Муромець по цисту полю́,
Отъ младости ѣздилъ старъ до старости.
Былъ у старого доброй конь:
Черезъ рѣки перевозу онъ не спрашивалъ,
5. Ише гладкіе онъ мхи да промежъ ногъ спушшалъ,
А и синёё-то морё онъ въ околъ скакалъ.
Находилъ старой валю́ць камѐнь,
А на камени подпись бы́ла подписана:
—Кому въ этую дороженьку ѣхати—богату быть,
10. —А во дру́гую поѣхати—жонату быть,
—А во трѐтею да ѣхати—убиту быть.—
И мужева́лъ *) тутъ старой, разговаривалъ:
«Куда мнѣ ише, старому, да съ золотой казной?
«Нѣту у меня, стара́, да молодой жоны,
15. «Нѣту, вить, у старого да малыхъ дѣтоцёкъ,

*) *Мужевать* — разсуждать, размышлять. — *Прим. 1-го изд.*

«А вить некому таскать да платья чвѣтного,
«Ише некому тратить да золота казна *).
«Куды мнѣ ише, старому, да съ молодой жоной?
«Молода жона взеть, дакъ тутъ цюжа корысь,
20. «А стара́я мнѣ-ка взеть, дакъ на печи будё сидѣть,
«На печи́ будё сидѣть, да старикомъ командовать.»
Да мужевалъ тутъ старой, разговаривалъ,
Поворацивалъ же старо́й-отъ добра́ коня
Во дороженьку, вить, ѣхать, гдѣ убиту быть.
25. Ѣдётъ старой-отъ путемъ-дорогою,
А стоитъ ту сорокъ тышацъ лихихъ воровъ,
Да стоитъ сорокъ тышацъ разбойниковъ,
Да ише сорокъ тышацъ стоитъ подорожниковъ.
А и сго́ворятъ ту воры-разбойники,
30. Да спрого́ворятъ ту подорожники:
—Какъ убьемъ ли мы, пограбимъ старого,
—Съ животомъ ли, съ конемъ его ро́злуцимъ!—
А и сговоритъ тутъ старъ таковы слова:
«Ой же вы еси, воры-разбойники,
35. «Да ой же вы еси, подорожники!
«Да на што вамъ бить миня, старого?
«У миня да, вить, у старого,
«Золотой казны да не луци́лосе;
«Тольки съ со́бой ей и пригодилосе,
40. «Што налисьнёй суммы сорокъ тышацей;
«Ише хрёсъ на грудяхъ да во петьсотъ рублёвъ;
«Да шеломъ на главы́-то сорока пудовъ,
«Сорока же онъ пудовъ—сто́итъ петьсотъ рублёвъ;
«А сапо́женьки на ножкахъ семи шолковъ,
45. «Да семи оны шолковъ—сто́ятъ семьсотъ рублёвъ;
«У коня-та межь глазмы́ да подъ ушмы́
«Самочвѣтноё наса́жёно ка́меньё,
«Да не для́-ради красы да молодецькія,
«Для́-ради осеннихъ темныхъ ноценёкъ:
50. «Оно за́ тридчеть верстъ какъ свѣтёлъ мѣсе́ць пекётъ;
«Чёной чёнить, дакъ рублёвъ тышаця,

*) Всѣ имена сущ. женск. рода въ винит. пад. единств. ч. сходны съ именит. при неопредѣл. наклоненіи. — *Прим. 1-го изд.*

«А другой чѣной чѣнить, дакъ и смѣту нѣтъ.»
Ай спрогóворятъ тутъ воры-разбойники,
Да спрогóворятъ тутъ подорожники:
55. —Нé по што со старымъ разговаривать!—
Втогды схватилъ шеломъ старшóй *) съ буйнóй главы,—
А тóтъ-тамъ шеломъ, вить, сорокà пудовъ,—
Да и пóцялъ онъ шеломомъ-то помахивать,
Какъ впередъ-то махнетъ, дакъ куды улича,
60. А на задь-ту отмахнетъ, дакъ переулоцёкъ;
Не столько онъ бьётъ, колько конемъ топцётъ;
Прибилъ, притопталъ онъ до единого,
Не оставилъ тутъ единого на сѣмена.
Поворацивалъ старой добра коня
65. Ѣхати ко камени съизнова;
Иже старую подпись поддалбливалъ,
Да подписывалъ подпись онъ новую:
«Во дороженьку ѣздилъ—убитъ не былъ;
«А нонѣце поѣду, гдѣ жонату быть.»
70. Ѣдётъ старóй-отъ путемъ-дорогою.
Не доѣдуци Индѣи богатыя,
Не проѣдуци Корѣлы проклятыя,
Тутъ стоитъ теремъ ужасные,
А ужасной, вить, теремъ, великастые.
75. Выходила изъ терема прекрасна королевисьня,
И брала старà за бѣлы руки,
Чѣловала старà въ уста сахáрьныя,
Поилà, кормила старá до-сыта...
Ухватилъ старъ королевисьню óсередь,
80. Да и бросилъ на кровать-ту отисовую **);
Дакъ, вить, тая-то кровать опрокинулась,
Королевисьня тутъ увалилась.
Скрыцялъ старъ да зысьнымъ голосомъ:
«Ты сказывай про ходы да про клюци подземельные!»
85. Отводила она ему ходы подземельные.
И пошелъ тутъ старой по тѣмъ клюцямъ,
Клюци-ты онъ руками раздёргивалъ.

---

*) Старóй?—*О.*

**) Т. е. тесовую.—*О.*

А двери-ты ногами ростóптывалъ,
Выпушшалъ сорокъ царёвъ, сорокъ царевицёвъ,
90. Да ише выпушшалъ сорокъ королей, сорокъ королевицёвъ,
Позади выпушшалъ да выводилъ прекрасну королевисьну.
Говорилъ царямъ, царевицямъ,
Говорилъ же королямъ, королевицямъ:..
«Подьте вы, цари, царевици,
95. «Да подьте и короли, королевици,
«Ко своимъ малымъ дѣтенышамъ!»
Разорвалъ онъ царевну на цетыре цетверти,
Разметалъ ей на цетыре стóроны.
Самъ садился на добра коня
100. Да поѣхалъ старъ ко камени,
Старую-ту подпись поддалбливалъ,
Да подписывалъ подпись онъ новую:
«Во дорожиньку, вить, ѣздилъ—убить не былъ:
«А во дрýгую я ѣздилъ—женать не былъ;
105. «А во третію поѣду, гдѣ богату быть.»
Ѣдётъ старой-отъ путемъ-дорогою,
Да лёжитъ камень ужасные,
Да на камени-то подпись ужь новая:
—Подъ симъ-то ли подъ каменемъ
110. —Есь великъ матёръ кованóй сондукъ,
—Въ сондукй-то сумма несцётная.—
Отворацивалъ старой валюць камень,
Вызнималъ тутъ старой великъ сондукъ,
А въ сондукй-то подпись, вишь, новая:
115. —Кому эвтотъ животъ да достанитсе,
—Тому состроить церква Индѣйская,
—Да состроить тому церква Пешшерская.—
Тутъ состроилъ старъ церкву Индѣйскую;
Да какъ нацилъ строить церкву Пешшерскую,
120. Тýтова старъ и екáменѣлъ *).

Да къ тому-то Стиху и славъ поютъ.

(Записано г. Верещагинымъ; изъ Приб. къ Изв. А. Н., см. выше).

*) Окаменѣлъ? — *О.*

VII.

1.

Какъ у насъ, братцы, было на тихомъ Дону,
Не здорово, братцы, учинилося,
Помутился весь нашь тихій Донъ,
Помѣшался весь нашь козачій кругъ:
5. Что не стало у насъ атамана,
Что стараго козака Илья Муромца.
Ужь вы, братцы, товарищи!
Убирайте вы легкіи стружка,
Вы сукномъ багрецовымъ;
10. Увивайте вы весёльчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ;
Увивайте вы укрюченьки *)
Аліентарскимъ **) крупнымъ жемчугомъ:
Чтобъ по ночамъ они не буркали,
15. Не подавали бы они ясоку ***),
Что ко злымъ людямъ ко Татарамъ.

*

2.

(Калужск. губ., Боровск. уѣзда).

Охъ вы рощи, рощи зеленыя! липушки цвѣтныя!
Кустарнички молодые, орѣшнички густые!
Разростились, расплодились по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, всё по быстрымъ рѣкамъ,
5. 'Коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона рѣки!
Обтекаютъ эти рѣчки славны Руски города:

---

*) *Укрючины—уключины*, въ которыхъ ходятъ весла; въ такомъ смыслѣ у Нестора (въ договорѣ Олеговомъ) употребляется слово *ключь*.—*О*.

**) *Аліентарскій* — оріентальный, восточный.—*О*.

***) *Ясакъ* — вѣсть, голосъ, кликъ, зовъ.—*О*.

Протекаетъ рѣка Волга 'коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывутъ-то восплываютъ красны лодочки на ней:
Красны лодочки краснѣются, на гребцахъ шляпы чернѣются,
10. На самомъ-то ясаулѣ чёрна соболя колпакъ.
Они ѣдутъ-воспѣваютъ все про Муромски лѣса,
Они хвалютъ-величаютъ ясаула молодца,
Ясаула молодца, Илью Муромца!

(Записано отъ старухи).

*

3.

(Симб. губ. и уѣзда, село Языково).

Не тропкою, не дорожкою,
Бѣжитъ-выбѣгаетъ тутъ добрый конь,
Черкаско сѣдельце на боку несетъ,
Булатное стремя по копытамъ бьетъ.
5. За конемъ бѣжитъ добрый молодецъ,
Шляпою машетъ, голосомъ кричитъ:
«Охъ ты стой, ты постой, ты мой добрый конь!
«Ужь ты меня унесъ отъ двухъ смертей,
«Унеси ты меня, конь, и отъ третіей!»
10. Изъ за лѣсу, де, лѣсу темнаго,
Изъ за тѣхъ ли горъ высокіихъ,
Выѣзжаетъ тутъ собака Турецкій ханъ;
Объѣхали кругомъ, стали спрашивать:
—Котораго ты рода, коего племени?
15. —Барскаго ли ты рода, или княженицкаго?—
«Я не барскаго рода, не княженицкаго,
«Я того, де, рода крестьянскаго,
«По имени я Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,

20. «А того, де, я селенія Корочарова;
«И прошу я вашей милости:
«Поймайте мнѣ добра коня!»
Поймали ему и добра коня.

*

4.

(Симб. губ. и уѣзда).

Далече, далече во чистомъ полѣ,
Ѣздилъ, гулялъ добрый молодецъ,
Старѣйшій казакъ Илья Муромецъ.
Онъ ѣздилъ, молодецъ, день до вечера,
5. Никакова дива не наѣзживалъ.
Наѣзживалъ молодецъ на дивóвище,
На то диво не малое,
На то диво великое:
На тоё на красну дѣвицу поклонную *).
10. Не доѣхавши дѣвицы, самъ становится,
Не дошедши, добрый молодецъ сталъ допрашивать:
«Ты скажи, скажи, дѣвица, не утай себе,—
«Чьево рода, чьево племени?
«Отъ царя ли ты царевна **),
15. «Или царская дочь?
«Отъ короля ль ты королевна,
«Иль корольская дочь?
«Или нашего ты роду богатырскаго?»
Отвѣтъ держитъ дѣвица доброму молодцу:
20. —Скажу, скажу тебѣ, не таюсь себя, не боюсь тебя:
—У моева у батюшки было семь сыновъ,
—Восьмой сынъ во солдаты пошелъ,
—А девятая была красна дѣвица.—
Тутъ молодецъ позадумылся.

---

*) Походную? — *О.*
**) Въ подлинникѣ какъ будто *царина.*—*О.*

25. Слѣзалъ молодецъ со добра коня,
Кланитца дѣвицѣ вы рѣзвы ножиньки:
«Не ты ли, дѣвица, мнѣ родна сестра?
«Садись-ка, дѣвица, на добра коня,
«Поѣдемъ, дѣвица, къ родному батюшки.»

(Ср. выше, первую половину 3-й пѣсни I-го разряда).

*

5.

(Барнаулъ).

Какъ издалеча *), изъ чиста поля,
Изъ раздольица изъ широкова,
Выѣзжаетъ тутъ старый казакъ,
Старъ-старый казакъ, Илья Муромецъ,
5. На своемъ онъ на добромъ конѣ.
На лѣвой бедрѣ сабля острая,
Во правой рукѣ тупо копье.
Онъ тупымъ копьемъ подпирается,
Своей храбростью похваляется:
10. «Что велитъ ли Богъ въ Царѣ-градѣ быть?
«Я старыхъ Турковъ всѣхъ повырублю,
«Молодыхъ Турчатъ во полонъ возьму!»

Не откуль взялся богатырь Турокъ:
Съ Ильей съѣхался, не здоровался,
15. Приразъѣхались, пріударились.
Онъ и бьетъ Илью острымъ концомъ,
Илья Муромецъ бьетъ тупымъ копьемъ.
Онъ сшибаетъ Турка съ добра коня,
Ужь какъ палъ Турокъ на сыру землю;
20. Онъ поддѣлъ Турка на тупо копье,

---

*) Разнорѣчіе: „изъ далече."—*О.*

Онъ понесъ Турка во чисто поле,
Во чисто поле, ко синю морю,
Онъ бросалъ Турка во сине море:
Какъ сине море всколебалося,
25. На пески вода разливалася.

(Записано г. Гуляевымъ отъ Барнаульскаго мѣщанина И. М. Калистратова, жившаго въ деревнѣ Калистратихѣ, въ 37 верстахъ отъ Барнаула, по дорогѣ въ Змѣиногорскъ; см. Приб. къ Изв. А. Н., т. II.—Та же пѣсня помѣщена въ „Этнографическихъ очеркахъ Южной Сибири", въ Библіотекѣ для Чтенія, 1848 г., т. 90, стр. 107, 108, откуда и приведено выше разнорѣчіе.—Ср. выше, 1-ю пѣсню II-го разряда).

Конецъ пѣсенъ I-го выпуска.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 1-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЪ,

СОБРАННЫХЪ И. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

СКАЗКИ

объ Ильѣ Муромцѣ.

1*).

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жилъ-былъ мужичокъ и съ хозяюшкою. Живётъ онъ богатой рукой, всего у него довольно, капиталъ хорошій имѣетъ. И говорятъ они промежь собой, сидя съ хозяйкою: «вотъ, хозяйка, довольно всего у насъ, только у насъ дѣтей нѣту; станемъ просить Бога, авось Господи намъ создастъ дѣтище, хотя бы на послѣдяхъ, при старости.» Стали просить Бога, и забрюхатѣла она, и время пришло—родила дѣтище. Прошолъ годъ, и два, и три года прошли, ноги у него не ходятъ, а должно бъ ему ходить; восемнадцать годовъ прошло — всё безъ ногъ сидитъ. Вотъ пошолъ отецъ съ матерью на покосъ убирать сѣно, и остался сынъ одинъ. Приходитъ къ нему нищенской братія и проситъ у него милостыньку: «хозяинушка! сотвори старичку Господню милостыньку Христа ради!» Вотъ онъ ему и говоритъ: «старичокъ Господень, не могу я тебѣ подать милостыньку; я безъ ногъ.» Вошолъ старичокъ въ избу: «нутка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ.» Вотъ взявши, далъ ему ковшичекъ. «Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы.» Принёсъ ему воды и подаётъ въ ручки: «извольте, старичокъ Господень!» Вотъ онъ ему назадъ и отдаётъ: «выпей, говоритъ, въ ковшѣ всеё воду.» Опять посылаетъ онъ его за водою: «опять сходи, принеси другой ковшикъ воды.» Шедши онъ за водою, за которое дерево ни ухватится — изъ

*) Многословныя позднѣйшія вставки въ этой сказкѣ, и безъ того очень поздней и искаженной, выпущены, и пропуски означены точками.—*О.*

корню выдернетъ. Старичокъ Господень и спрашиваетъ у него: «слышишь ли теперь въ себѣ силу?» — «Слышу, старичокъ Господень! Сила теперь во мнѣ есть большая: кабы утвердить въ подвселенну такое кольцо, я бы смогъ поворотить подвселенную.» Какъ принёсъ онъ другой ковшикъ, старичокъ Господень выпилъ полковша, а другую половину далъ ему выпить: силы у него и поубавилось. «Будетъ, говоритъ онъ, съ тебя и этой силы!» Помолился старичокъ Господень Богу и пошелъ домой: «оставайся, говоритъ, съ Богомъ!»

Скучно ему лежать, и пошолъ онъ копать въ лѣсъ, свою силу пробовать. И ужехнулся народъ, что́ онъ сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ! Вотъ идетъ и отецъ съ матерью съ покосу: «Что́ это такое? лѣсъ весь вырытъ; кто такой вырылъ?» Подходятъ ближе. Жена и говоритъ своему мужу: «хозяинъ, вѣдь это нашь Илюшенька роетъ!» — Дура, говоритъ онъ, не можетъ нашь Илюшенька это сдѣлать; пустеки, что это нашь Илюшенька!—И подошли къ нему: «ахъ, батюшка ты нашь, какъ тебѣ Господь создалъ это?» Вотъ и говоритъ Илья: «пришолъ ко мнѣ старичокъ Господень, милостыньку просить сталъ; я ему и отвѣчаю: ««старичокъ Господень, не могу я тебѣ милостыньку подать; я безъ ногъ.»» Вотъ онъ ко мнѣ и пришолъ въ избу: — нутка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ. — Всталъ я и далъ ему ковшичекъ. —Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы.—Принёсъ ему воды и подалъ въ ручки.—Выпей, говоритъ старичокъ, въ ковшѣ всеё воду.—Выпилъ—и стала во мнѣ сила великая!»....

Пошолъ въ конюшню жеребца себѣ выбирать. Пришолъ къ жеребцу къ первому, наложилъ на жеребца руку, тотъ спотыкнулся; перепробовалъ всѣхъ жеребцовъ въ конюшнѣ, на котораго ни наложитъ руку—всякой спотыкается, ни одинъ не удержитъ. Пришолъ къ самому послѣднему жеребцу—такъ, въ забросѣ стоялъ,—ударилъ его по спинѣ рукой: онъ только заржалъ. И говоритъ Илья: «вотъ мой вѣрный слуга, не спотыкнулся!»....

Сѣлъ на добраго коня, ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ горѣ: прекрутая, большая гора и на ней все песокъ; на силу въѣхалъ. На горѣ стоитъ столбъ, на столбѣ подписано три дороги: «по одной дорогѣ ѣхать—самъ сытъ будешь, конь голоденъ; по другой дорогѣ ѣхать—конь сытъ, самъ голоденъ; по третей дорогѣ ѣхать—самого убьютъ.» Вотъ онъ

взялъ да и поѣхалъ по этой дорогѣ, по которой самого убьютъ: а онъ на себя надѣялся....

Вотъ онъ ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ тому мѣсту, что послышалъ свистъ отъ Соловья разбойника, и какъ до половины дороги доѣхалъ, конь его спотыкнулся. Вотъ онъ и говоритъ: «не спотыкайся, добрый конь! ужь послужи мнѣ.» Подъѣзжаетъ къ Соловью разбойнику, онъ всё свищетъ Подъѣхавши къ гнѣзду, взялъ стрѣлу, натенулъ и пустилъ въ него,—и упалъ Соловей съ гнѣзда. Вотъ онъ его на землѣ и ударилъ однова́, чтобы не до смерти убить, и посадилъ къ себѣ въ корока на сѣдло, и ѣдетъ къ дворцу. Видятъ его изъ дворца и говорятъ: «Соловей разбойникъ везётъ кого-то въ корокахъ!» Подъѣзжаетъ богатырь ко дворцу... Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «велите Соловью разбойнику засвистать.» А Соловей разбойникъ говоритъ: «вы бы накормили и напоили Соловья разбойничка; у меня уста запеклися.» Вотъ и принесли ему винца, а онъ говоритъ: «что мнѣ штофикъ! вы бы бочоночикъ принесли мнѣ порядочный.» Принесли ему бочоночкъ вина, вылили въ ведро. Онъ выпилъ заразъ и говоритъ: «еще бы Соловью разбойничку двѣ ведёрочки, такъ выпилъ бы!»—да ужь не дали ему. И проситъ король: «Ну, прикажи, говоритъ, ему засвистать.» Илья велѣлъ ему засвистать, а короля и всю его фамилію подставилъ къ себѣ подъ руки, подъ мышки: «а то, говоритъ, онъ оглушитъ васъ.» Какъ засвисталъ Соловей разбойникъ, на силу остановилъ его Илья Иванычь, ударилъ его жезломъ,—онъ и пересталъ свистать, а то было попадали всѣ.

Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «послужишь ты мнѣ вотъ эдакую службу, какъ я стану тебя просить? къ моей дочери вотъ летаетъ змѣй о двѣнадцати головъ; какъ бы его убить?»—Извольте, ваше королевское величество! что́ для васъ угодно—всё сдѣлаю.—«Пожалуста, Илья Ивановичь; вотъ въ такомъ-то часу прилетитъ змѣй къ моей дочери, такъ постарайся!» —Извольте, ваше королевское величество!—Лежитъ королевна въ своей комнатѣ; въ двѣнадцать часовъ и летитъ къ ней змѣй. Вотъ и стали они драться: какъ ни ударитъ Илья, такъ съ змѣя голова долой; какъ ни ударитъ, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и послѣднюю голову съ него сшибъ: ударилъ жезломъ и разшибъ её всю. Радёхонька же королевна встала, пришла къ нему и его благодарила; доложила отцу съ матерью, что убитъ

змѣй: «всѣ, де, головы посбивалъ!» Король и говоритъ: «бл
дарю тебя; изволь послужить сколько ни будь у меня.»—И
говоритъ, я поѣду въ свое государство. Отпустилъ его ко
отъ себя съ честью хорошею....

(Изъ Сборника П. В. Кирѣевскаго; сравни у г. Аѳанасьева, Нар. Русск. С
выпускъ III).

*

2.

Во славномъ было городѣ во Муромѣ, во томъ ли селѣ
рачаевѣ, жилъ-былъ крестьянинъ, по имени Иванъ, по и
честву Тимоѳеевичь. А и было у него любимое дѣтище, І
Муромецъ: а и то-то дѣтище сидѣло сиднемъ тридцать л
Приходило время страдное, наставала пора рабочая, и І
остался дома одинъ. По Божьему велѣнью приходили два
лика перехожіе, становились подъ окошечко косящатое и і
сили милостыни. И говоритъ имъ Илья: «нищіе братія! ва
дите ко мнѣ во храмину. Есть у насъ всего много, а по
вамъ некому.» И говорятъ ему калики перехожіе: — встан
самъ!—«Сижу сиднемъ я тридцать лѣтъ, а вставать не вст
нѣтъ у меня ни рукъ, ни ногъ», — проговоритъ имъ Иль
говорятъ калики перехожіе ему во второй разъ: — встан
самъ!—Илья сидитъ, силу пробуетъ, а въ отвѣтъ дер
рѣчь: «всталъ бы я, и сила есть, да нѣтъ ногъ.» И говор
ему калики перехожіе въ третій разъ:—встань-ка самъ!—І
сидитъ, силу пробуетъ: тронетъ ногу—нога поднимается, т
нетъ другую—другая поднимается. И сталъ вставать Илья
ноги. Встаетъ Илья, поднимается, посередъ пола станови
И говорятъ ему калики перехожіе:—сходи-ка за пивомъ
напой насъ!—И взялъ Илья братину великую, пошелъ во і
валы глубокіе, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ, и по
силъ каликамъ перехожіимъ.—Выпей-ка самъ,—въ отвѣтъ м
вятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Т
ко и видѣли пиво. Говорятъ ему калики перехожіе:—сход
за пивомъ, да напой насъ!—И взялъ Илья братину бол
прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже т
наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ пуще того и подно
каликамъ перехожіимъ.—Выпей-ка самъ,—въ отвѣтъ моли

калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спрошали его, Илью, калики перехожіе:—слышишь ли Илья свою силу?—И молвитъ Илья: «слышу!» И спрошали его, Илью, калики перехожіе: — какъ велика твоя сила?—И молвитъ Илья: «кабы былъ столбъ отъ земли до неба, и я перевернулъ бы всю землю.» Стали промежь себя калики говорить:—много дано силы Ильѣ: земля не снесетъ. Поубавимъ силы.—И говорятъ ему калики перехожіе:—сходи-ка за пивомъ, да напой насъ!—И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ пуще того, и подносилъ каликамъ перехожіимъ.—Выпей-ка самъ,—въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спрошали его, Илью, калики перехожіе:—слышишь-ли Илья свою силу?—И молвитъ Илья: «поубавилось силы, кабы на семую часть.» Стали промежь себя калики говорить:—Будетъ съ него.—И прощались съ Ильею калики перехожіе.

Приходитъ отецъ съ матерью въ избу. А ни думано, ни гадано, стало ихъ дѣтище на ноги крѣпко, пробовалъ силу великую. Отецъ и мать съ диву дивовалися, что содѣялось съ ихъ дѣтищемъ, съ Ильею Муромцемъ.

И задумалъ Илья Муромецъ дѣло великое: дѣлаетъ сбрую ратную, куетъ копье булатное, сѣдлаетъ коня богатырскаго, входитъ къ отцу къ матери, проситъ благословеніе великое: «Осударь ты мой батюшка, осударыня ты моя матушка! соизвольте выслушать слово великое: позадумалось мнѣ во стольный градъ Кіевъ Богу помолитися, князю Владиміру поклонитися.» И билъ челомъ Илья Муромецъ отцу съ матерью. И возговоритъ отецъ съ матерью:—любимое наше дѣтище! на кого ты насъ старыхъ покидаешь?—И билъ челомъ Илья Муромецъ отцу съ матерью пуще того. И даютъ ему отецъ съ матерью благословеніе великое, а благословя, кладутъ на него заповѣдь крѣпкую, и говорятъ таковы рѣчи:—поѣзжай, наше любимое дѣтище, прямо на Кіевъ градъ, прямо на Черниговъ градъ. А будешь въ пути-дороженьки, берегись обиды напрасныя, не проливай крови христіянскія.—И принималъ Илья Муромецъ благословеніе, а принявши, чинилъ отповѣдь соблюдать заповѣдь крѣпкую.

Какъ изъ славнаго города изъ Мурома, изъ того ли села Карачаева, была поѣздка богатырская, снаряжался большимъ

нарядомъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропускаетъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго, а побиваетъ онъ, Соловей разбойникъ, и коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не выимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ налучна тугой лукъ.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается. А самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣса Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ во темны лѣса, а во темныхъ лѣсахъ наѣхалъ онъ на бѣлы шатры, а во бѣлыхъ шатрахъ пиръ пировали станишники, по нашему воры-разбойники. И какъ взвидѣли воры-разбойники Илью Муромца, разгорѣлись ретивы сердца разбойничьи на коня богатырскаго, и стали промежь себя рѣчь держать:—кабы достать того коня богатырскаго? Экова коня слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а нонѣсь проявился во очью, да и ѣдетъ на томъ конѣ незнамой человѣкъ. — И стали воры-разбойники возмущать вольницу: кабы достать коня богатырскаго? И облавили кругомъ Илью станишники, ограбити его стараго хотятъ, съ душой съ животомъ разлучить хотятъ. Какъ завидѣлъ то Илья Муромецъ, какъ завидѣвши, коня своего богатырскаго останавливаетъ, а самъ говоритъ: «а и гой еси вы, братцы, станишники! Убить меня стараго не за что, а взяти у стараго нечего.» Съ Ильею, вѣдь, денегъ не годилося, только было съ нимъ золотыхъ семь тысячей, да дробныхъ денегъ сорокъ тысячей. Коню подъ Ильею цѣны не было: броду онъ не спрашивалъ, а котора рѣка съ цѣлу версту, и онъ скачетъ съ берегу на берегъ. И сталъ Илья охранять себя съ душой съ животомъ. Разрушаетъ онъ заповѣдь великую, выимаетъ изъ налушна тугой лукъ, выимаетъ изъ колчана калену стрѣлу: а стрѣлять хочетъ Илья не по станишникамъ, а по сыру дубу да по сырой землѣ. Спѣла была тетивка у его туга лука,

угодила стрѣла въ сыръ краковястой дубъ да въ сыру землю; наломала въ черенья въ ножевые дубъ, учала рвать землю въ косу сажень. Отъ того-ль грома богатырскаго станишники вспугалися: а и пять они часовъ безъ ума лежатъ, а и будто отъ сна сами пробуждаются. Замѣшалися воры-разбойники, собиралися во единъ кругъ и падали на колѣна до едина: — Осударь ты нашь батюшка, удалъ, добрый молодецъ! Не сонмай наши буйныя головы: прогрѣшилися мы предъ тобою. Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное, дадимъ рукописанье служить до вѣку. Бери изъ нашей казны злата и серебра, и платья разноцвѣтнаго.—«Глупые вы, воры-разбойники, возговоритъ Илья Муромецъ, куда мнѣ дѣвать вашу казну? Награжу васъ животомъ и жизнію, а вы содержите покорность до моего пріѣзда.»

И поѣхалъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропущаетъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго, и побиваетъ онъ, Соловей разбойникъ, коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вынимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ налучиа тугой лукъ

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается. А и самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ черны грязи Смоленскія, на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ ко Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣса Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ, Илья, во темны лѣса, а за темными лѣсами стоитъ чуденъ градъ Черниговъ. И поѣхалъ онъ, Илья, ко чудному граду Чернигову. Какъ учалъ онъ подъѣзжать ко граду Чернигову, а подъ градомъ Черниговымъ стоитъ сила басурманская, что и смѣты нѣтъ, а хочетъ та сила басурманская обложить Черниговъ градъ, и стѣны разломать, и извѣчные домы Божіи на дымъ пустить, а самого князя Черниговскаго съ воеводою жива во полонъ взять. И жаль стало Ильѣ Муромцу города Чернигова, и учалъ онъ, Илья, бить силу басурманскую. Копьемъ булатнымъ ко-

лѣтъ онъ тмы темъ, мечемъ кладенцемъ сѣчетъ онъ, что и смѣты нѣтъ. И до заката вечерняго побилъ онъ, Илья, силу басурманскую, полонилъ царя басурманскаго, и повелъ его во чуденъ градъ Черниговъ. На встрѣчу ему идутъ изъ града Чернигова князь съ воеводою, и всѣ посадскіе люди, старъ и малъ, съ хлѣбомъ съ солью. И пріимаютъ его добраго молодца подъ бѣлы руки и чествуютъ честью великою.

Не Днѣпръ рѣка выходила изъ своихъ береговъ: выходилъ, выступалъ Илья Муромецъ во чуденъ градъ Черниговъ; не буйны вѣтры во широкомъ полѣ подымалися: выходили, выступали добры молодцы, Черниговцы. Приходитъ Илья на княжой дворъ, а на княжемъ дворѣ на особицу стоятъ стары старики, а по другой конецъ стоятъ добры молодцы. И сталъ онъ, Илья, посередъ двора, а ставши, шапочку съ головы сонмывалъ, на всѣ ли четыре сторонушки кланялся, а кланявшись, молвилъ рѣчь великую: «А гой еси вы, люди добрые, православные! Кланяюсь вамъ и вашему городу Чернигову. Не посѣтуйте, православные, что зашелъ я во вашь чуденъ градъ Черниговъ. Идучи на дѣло великое, во стольный градъ Кіевъ, изъ-за лѣсу темнаго завидѣлъ я силу басурманскую, силу несмѣтную; а и жаль-то стало мнѣ васъ, люди добрые, что сила басурманская хочетъ васъ полономъ полонить. Отъ жалости силы прибавилось, отъ надсады сила басурманская удрогнула Божіимъ велѣніемъ и молитвами угодниковъ вашь чуденъ градъ Черниговъ отъ силы вражей сталъ ослобоженъ.» На томъ онъ, Илья, и рѣчь свою ставилъ. И кланялись они стары старики Ильѣ Муромцу до пояса, а молодые молодцы, Черниговцы, ниже того, а кланявшись, повели его, Илью, во терема княженецкія, ко тому ли князю Черниговскому. И входитъ онъ, Илья, во теремъ княженецкой, а теремъ изукрашенъ богачествомъ, а богачество полономъ полонено съ орды немирныя; а въ томъ теремѣ стоятъ столы бѣлодубовы со скамеечками брусчатыми, а на столахъ лежатъ скатерти браныя, а на скамьяхъ ковры самотканые; а на столахъ стоятъ ѣства сахарныя да питья медвяныя; а на скамьяхъ сидятъ князья, и бояре, и весь людъ почестной. Какъ вошелъ Илья во высокъ теремъ, онъ билъ челомъ князю Черниговскому до полу, кланялся по трирядъ, а кланявшись, молвилъ: «Осударь ты нашь батюшко, стольный князь Черниговскій! Пріими со святой Руси Русскаго; пріими и пожалуй словомъ ласковымъ калику перехожаго; пріими немалы подарочки со родной земли.» И кланявшись

отъ, Илья, подавалъ стольному князю Черниговскому сорокъ соболей Закамскіихъ. А и возговоритъ тутъ стольный князь Черниговскій; — а и кланяйтесь вы, князья и бояре, и весь людъ почестной, каликѣ перехожему.—Вставали князья и бояре, и весь людъ почестной со скамеечки брусчатой, и кланялись на перво стольному князю Черниговскому, а за тѣмъ Ильѣ Муромцу. А и возговоритъ тутъ стольный князь Черниговскій: — Жалую тебя, Илья, съ Руси Русскаго, золотымъ перстнемъ; а и чествую тебя честью великою на весь Черниговъ градъ, на все великое княжество Черниговское. А и будетъ, ты, Илья, пойдешь по городу по Чернигову, выбирай себѣ съ любка любое; а и будетъ, ты, Илья, поѣдешь по княжеству Черниговскому, выбирай себѣ, что придетъ по твоему сердцу ретивому. Пріимаю, Илья, твои дороги подарочки со родной земли, а и жалую тебѣ становой кафтанъ съ опушечкой соболиною. А и останься ты, Илья, въ Черниговѣ, и за то пожалую тебѣ боярство со всѣмъ твоимъ родомъ-племенемъ.—Какъ возговоритъ тутъ Илья Муромецъ: «Гой еси ты, нашь батюшко, стольный князь Черниговскій! Велика милость Божья до вѣку, великъ твой подарочекъ княженецкой. Ѣду я во Кіевъ градъ князю Владиміру поклонитися. А на то на все я далъ великъ обѣтъ. Соизволь отпустить меня, осударь батюшка, свѣтлое солнышко Черниговское.»—Быть дѣлу такъ какъ придумалъ ты, Илья Муромецъ,—молвилъ стольный князь Черниговскій. И пріимали его, Илью, князья и бояре подъ бѣлы руки и сажали его, Илью, за столы бѣлодубовы, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пошелъ пиръ и радость великая на весь Черниговъ градъ.

И послѣй пиру долгаго, послѣй радости великія, собирался Илья во путь во дороженьку. И провожали его, Илью, стары старики, и добры молодцы Черниговцы съ дороги подарочки, да съ хлѣбомъ съ солью.

И поѣхалъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропускаетъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго, а побиваетъ онъ, Соловей разбойникъ, и коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не выимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ налучна тугой лукъ.

X

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, и конь подъ нимъ осержается. А и самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ черны грязи Смоленскія, на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ ко Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣса Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ, Илья, во темны лѣса. И какъ будетъ Илья во темныихъ лѣсахъ, во темныихъ лѣсахъ во Брынскіихъ, наѣзжалъ Илья на девять дубовъ, а на тѣихъ дубахъ свилъ гнѣздо Соловей разбойникъ. Наѣзжаетъ онъ на Соловья разбойника. И какъ заслышалъ Соловей разбойникъ того ли топу конинаго, и тоя ли онъ поѣздки богатырскія, и засвисталъ Соловей по соловьиному, а во другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному, а въ третьи зрявкаетъ по туриному.

Со того ли свисту соловьинаго, со того ли шипу змѣинаго, со того ли зрявка туринаго, конь подъ Ильею спотыкается, поодаль со пути сбивается, ко гнѣзду ли соловьиному наѣзжается, а подъѣхавши, падалъ на кукорачь. Говоритъ тутъ Илья Муромецъ: «Ай ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ! Аль ты не бывалъ во пещерахъ бѣлокаменныихъ? Аль ты не ѣзжалъ во темныихъ лѣсахъ? Аль ты не слыхалъ свисту соловьинаго, шипу змѣйнаго, зрявку туринаго?» А Соловей-то разбойникъ пустилъ свистъ во весь крикъ туриной, а и хочетъ онъ, Соловей, его, Илью Муромца, свистомъ до смерти убить.

Разрушаетъ Илья Муромецъ заповѣдь великую: вынимаетъ изъ налушна тугой лукъ, вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу. Кладетъ Илья калену стрѣлу на тугой лукъ, и пускаетъ стрѣлу во того ли Соловья разбойника. Спѣла была тетивка у его туга лука, звыла да пошла колѣна *) стрѣла. И угодила та стрѣла Соловью да во правой глазъ. Со того ли уразу молодецкаго повалился Соловей комомъ на сыру землю. Хватаетъ Илья Соловья на бѣлы руки, а сохватавши, привязываетъ его Соловья, ко той лукѣ ко сѣдельныя. И проѣхалъ Илья сквозь воровску заставу крѣпкую, по той ли дорогѣ прямоѣзжей, котора залегла тридцать лѣтъ. Какъ и ѣдетъ-то онъ тѣмъ лѣсомъ

*) Калена.—*О.*

темнымъ и завидѣлъ палаты бѣлокаменныя, того ли Соловья подворье великое. Какъ учалъ Илья подъѣзжать ко палатамъ бѣлокаменнымъ, вострепеталъ Соловей и забился, а забившись, учалъ молить его, Илью Муромца:—А и бери ты себѣ палаты бѣлокаменныя со великимъ подворьицемъ; а бери ты во тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ злата и серебра и каменья самоцвѣтнаго сколько хошь. А и пусти животъ на вспокаянье. – А Илья-то, братцы, удалъ молодецъ, онъ ѣдетъ по подворьицу великому не спрошаючи, Соловьиной рѣчи не внимаючи.

И подъѣзжалъ Илья ко подворьицу великому. А и дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ, около двора желѣзной тынъ, а на всякой тынинкѣ по маковкѣ, а на всякой маковкѣ по головѣ богатырской. И завидѣла его поѣздъ Соловьева молода жена; а Соловьева-то молода жена была баба хитрая и умная, она взбѣгала на свои терема высокіе, и будила она девять сыновъ:—а и встаньте, обудитесь, добры молодцы, а и девять сыновъ, мои ясны соколы! Не чуете вы бѣды надъ собой: вашего батюшку везетъ въ торокахъ незнамой человѣкъ. Вы берите скорѣй мои золоты ключи, отмыкайте вы мои окованы ларцы, вынимайте мою золоту казну, выносите золоту казну на широкъ дворъ, вы встрѣчайте удала добра молодца.—А и тутъ ея девять сыновъ просыпалися, просыпалися — закорачилися. Не берутъ у ней золоты ключи, не походятъ во подвалы глубокіе, не берутъ ея золотой казны, не встрѣчаютъ удала добра молодца, а худомъ свои думушки думаютъ: — А и намъ ли, братцы, возговорятъ Соловьевы дѣти, встрѣчать незнама мужика? А и намъ ли, братцы, дарить незнама мужика золотой казной? Обернемся, братцы, черными воронами со тѣми носы желѣзными; расклюемъ, братцы, незнама мужика, разбросаемъ его тѣло бѣлое по пустымъ полямъ. — Задумали худомъ Соловьевы дѣти, а дѣла не смогутъ сдѣлать: старшей хоронится за моложева. Подъѣзжаетъ Илья Муромецъ ко подворьицу великому. Втапоры молода жена Соловьева бросилась ко воротичкамъ дубовымъ, сама молится, убивается:—гой еси ты, удалъ добрый молодецъ! Бери у насъ золотой казны сколько надобно; отпусти Соловья ко себѣ во дворъ; не вози Соловья во Кіевъ градъ.—А Илья-то, братцы, онъ удалъ молодецъ: онъ Соловьеву жену не слушаетъ, золотой казны не пріимаетъ; онъ Соловья ко себѣ во дворъ не пускаетъ. А его-то дѣти Соловьевы въ окошечки косящаты поглядываютъ, Илью Муромца на за-

доръ подзадориваютъ. Не долго думалъ онъ, Илья: оборотилъ коня, да и поѣхалъ прочь.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ *), а конь подъ нимъ осержается. А самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ ко дубровамъ дремучіимъ, ко лѣсамъ заповѣданнымъ, ко тѣмъ лѣсамъ княженецкіимъ. Проѣзжаетъ онъ лѣса заповѣданные, и скоро тутъ завидѣлъ Кіевъ градъ. Пріѣзжаетъ онъ во Кіевъ градъ.

Не вѣтры буйны во чистомъ полѣ подымалися: старъ и младъ во Кіевъ градъ сходилися ко тому двору, двору княженецкому, ко тѣмъ теремамъ златоверхіимъ; не пески бѣлосыпучіе по широку полю пересыпалися: а удалы молодцы ко князю Владиміру собиралися на широкъ дворъ. Во тѣ-то поры веселья, во тѣ-то радости великіи въѣзжаетъ онъ, Илья, на дворъ княженецкой, а среди двора княженецкаго сходитъ онъ съ добра коня, самъ привязываетъ добра коня ко дубову столбу. Втапоры выходилъ изъ терема воевода Кіевскій, тотъ ли Микула Микитичь, а выходя со красна крылечка, говорилъ таковы рѣчи: — а и кто-ты таковъ, удалъ добрый молодецъ? Ты скажи, родимый: какъ зовутъ тебя по имени, какъ величаютъ по изотчеству? А и какъ ты пріѣхалъ сюда, во Кіевъ градъ? — Не долго думалъ онъ, Илья, да и молвилъ на крѣпко: «Калика перехожій, а пріѣхалъ поклонитися князю Владиміру.» И вводитъ его воевода Кіевскій во теремъ княженецкой. Входитъ онъ во гридню во свѣтлую, кланяется князю Владиміру со княгинею Апраксѣевною, на всѣ ли на четыре стороны. У него, осударя, у князя стольнаго Кіевскаго, былъ почестной пиръ, и на томъ пиру много было князей и бояръ, много сильныхъ могучіихъ богатырей. Возговоритъ князь Владиміръ, стольный князь Кіевскій: — а и кто ты таковъ, удалъ добрый молодецъ? Ты скажи: какъ звать тебя по имени, какъ величать по изотчеству? — Кланявшись, молвилъ онъ, Илья: «изъ того ли города изъ Мурома, изъ того ли села Карачаева, калика перехожій, Илья Муромецъ.» И подносили ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра. Принимаетъ онъ единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Возговоритъ Владиміръ стольный князь Кіевскій: — ты

*) Бедрамъ.— *О.*

скажись, молодецъ, кто твой родъ-племенъ? По роду тебѣ можно мѣсто дать, по племени пожаловати. — Отвѣчаетъ Илья: «не великъ мой родъ-племенъ, а почестенъ во міру: единъ бынъ сынъ у батюшки, единъ сынъ у матушки, да и оба живутъ во селѣ Карачаевѣ, а и оба правятъ міромъ.» —Ты скажи, молодецъ: какъ доѣхалъ до стольнаго до города до Кіева? — «Ѣхалъ я тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропускалъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго.»

Втапоры во теремѣ пошла молва неудалая: на него-то, Илью, косо посматриваютъ, про него-то, Илью, худомъ поговариваютъ. Говорятъ тутъ могучіе богатыри:—а и гой еси ты, ласковый Владиміръ князь Кіевскій, красное солнышко наше! Въ очахъ дѣтина завирается. А и гдѣ ему проѣхать тою дорогою прямоѣзжею? Залегла ли та дорога тридцать лѣтъ отъ того ли Соловья разбойника. — Говорилъ тутъ Илья Муромецъ: «Гой еси ты, осударь, Владиміръ князь! Кладу голову во неправдѣ; дай судъ со расправой на твоемъ широкомъ дворѣ, при старыихъ старикахъ. На передъ того посмотри на удаль калики перехожаго: привезъ я къ тебѣ, стольному князю Владиміру, Соловья разбойника на дворъ.»

Втапоры пошелъ онъ, великій князь, съ Ильею на широкъ дворъ, смотрѣть на удаль калики перехожаго. Выходили тутъ князья и бояре, и всѣ сильны могучіи богатыри: Самсонъ богатырь Колывановичь, Суханъ богатырь Домантьевичь, Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой, и семь братовъ Збродовичи, еще мужики Залѣшане, еще два брата Хапиловы; а всѣхъ было тридцать молодцовъ безъ единаго. Идетъ Илья ко тому Соловью разбойнику, и уговариваетъ его, Соловья: «ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ! посвисти, Соловей, по соловьиному, пошипи, змѣй, по змѣиному, зрявкай, звѣрь, по туриному, и потѣшь князя Владиміра съ княгинею Апраксѣевною.» Засвисталъ Соловей по соловьиному, оглушилъ онъ во Кіевѣ князей и бояръ; зашипѣлъ злодѣй *) по змѣиному, поморилъ онъ старыихъ стариковъ; зрявкалъ звѣрь по туриному, побилъ онъ молодыихъ молодцовъ. Со того-ли свиста соловьинаго князья и бояре испугалися, на корачкахъ по двору наползалися; а сильны-то могучіе богатыри на земь присядали, да и круто ходомъ побранивали. И накурилъ Соловей бѣды

*) Змѣй?—*О.*

несносимыя: добры кони со двора разбѣжалися, добры молодцы по улицамъ разходилися, молодыя молодушки и всѣ дочери отецкія по теремамъ пряталися; а и самъ Владиміръ князь едва живъ стоитъ, со душой княгиней Апраксѣевною. Говоритъ тутъ ласковый Владиміръ князь:—а и гой ты еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь! Уйми ты Соловья разбойника: а и эта-та шутка намъ не надобна. — И за то онъ, Илья, убилъ его, Соловья.

Высоко солнце восходило, выше лѣсу стоячева; широко вода въ Днѣпрѣ разливалася, по всѣмъ полямъ заповѣданнымъ: выходили изъ Кіева старъ и младъ посмотрѣть на поѣздку богатырскую. Снаряжалися, собиралися сильные могучіе богатыри—молодой Добрыня Никитичь младъ да матеръ человѣкъ Илья Муромецъ. Добрыня-то, братцы, удалъ, ясенъ соколъ: онъ побилъ-погубилъ, побилъ-погубилъ Змѣя Горынчища, ослободилъ Кіевъ градъ отъ полону басурманскаго; а и не было ему, Добрынѣ, равнаго на сушѣ, а и не было сопротивника на морѣ. Илья-то, братцы, матеръ человѣкъ: онъ побилъ-погубилъ, побилъ-погубилъ Соловья разбойника, ослободилъ стольный градъ Черниговъ отъ полону басурманскаго: а и не было ему, Ильѣ, равнаго на сушѣ, а и не было ему противника на морѣ.

И поѣхали они могучіе сильны богатыри по дорожкѣ по пробойныя, ко тѣмъ ли горамъ желѣзнымъ, ко тому ли Окіану глубокому, ко тѣмъ ли лѣсамъ непроходимымъ. Ѣдутъ они день, ѣдутъ и другой, ѣдутъ и третій, а и нѣтъ имъ сопротивника во чистомъ полѣ, нѣтъ поборника по крутымъ берегамъ, нѣтъ повольника во темныхъ лѣсахъ. Прошло много дней, и много ночей, и идетъ имъ на встрѣчу Калѣчище перехожій. Гуня-то *) на Калѣчищу была во пятдесятъ пудъ, шляпа-то во девять пудъ, а костыль у Калѣчища во косу сажень. Какъ завидѣлъ его Илья Муромецъ, а завидѣвши сталъ напущатися, а и хочетъ опробовать свою силу богатырскую. Возговоритъ тутъ Калѣчище перехожій:—не честь богатырская напущатися на Калѣчищу перехожаго; не хвала доброму молодцу побивать стара старика. Не чуешь и не вѣдаешь ты, Илья Муромецъ, что во стольномъ городѣ во Кіевѣ невзгодушка учинилася: появился самъ о себѣ силенъ богатырь,

*) *Гуня*, *гуня*, по разнымъ краямъ Руси: ветхая одежонка, рубище, заплатникъ; ветошь, отрепье; поддѣвка, парусинникъ, ветхій полушубокъ; рубаха, и т. д.—*О*.

Идолища нечестивой; голова-то у него со пивной котелъ, во плечахъ-то коса сажень, промежь бровей-то борозда со три пяди, промежь ушей-то пройдетъ калена стрѣла; а ѣстъ-то онъ Идолища по цѣлу быку, а пьетъ-то онъ по пивному котлу. Скорбитъ тугою весь Кіевъ градъ; скорбятъ тугою добры люди, православные; скорбитъ тугою со тоскою стольный князь Кіевскій Владиміръ. Нѣтъ во Кіевѣ противника Идолищу поганому.—Возговоритъ тутъ Илья Муромецъ: «не скорбѣтъ бы тугою стольному городу Кіеву; не скорбѣть бы тугою православнымъ людямъ; не скорбѣть бы тугою со тоскою стольному князю Кіевскому Владиміру, кабы былъ во Кіевѣ Добрыня Никитичь младъ. А и давай ты, Калѣчища, мнѣ свое платье.» И наряжался онъ, Илья, во калѣчищино платье.

Приходитъ онъ, Илья, во Кіевъ, приходитъ онъ, Илья, на широкой дворъ къ стольному князю Владиміру. Никто-то во Кіевѣ не вѣдаетъ, никто-то во Кіевѣ не знаетъ его, калѣчищу. Входитъ онъ, Илья, на княженецкой дворъ, а самъ кричитъ: «а и гой еси ты, стольный князь Кіевскій, ласковый осударь Владиміръ! Сошли мнѣ, калѣчищу перехожему, малу милостыню!» Втапоры увидалъ его, Илью, Владиміръ князь, а увидѣвши, таковы рѣчи говорилъ:—поди-ка во полаты теремныя: накормлю тебя яствой всякою, напою тебя сытой медовой, надѣлю золотой казной. — Идетъ онъ въ палаты теремныя, а во палатахъ теремныихъ сидитъ Идолище посередъ пола, а самъ проситъ пить-ѣсть:—А и кабы скорѣй быка жаренова?— Скоро кричалъ Идолище, скорѣй того несли во палаты теремныя быка жаренова. Не долго думалъ Идолище: съѣлъ того быка жаренова со всѣми костьми. Только и видѣли быка. Кричитъ Идолище:—А кабы скорѣй меду сыченова? — Скоро кричалъ Идолище, скорѣй того несли во палаты теремныя съ краями полны дубовы чаны меду сыченова. Не долго думалъ Идолище: схватилъ чанъ, да и выпилъ весь медъ за разомъ.

Во тѣ-то поры Илья Муромецъ стоялъ поодаль, а самъ на Идолище посматривалъ, посматривалъ да въ слухъ поговаривалъ: «экова Идолища до сыта не накормишь, до пьяна не напоишь; а кабы жить ему со звѣрьми, а кабы быть ему со собаки!» На тѣ-то слова извѣстныя колѣчище *) осержается, самъ на Илью воздымается:—гой еси ты, колѣчище перехожій, ты что

*) Идолище.—*О.*

по что̀ меня замаешь? Ужь и мнѣ ли, молодцу молодому, нечего и въ руки взять. Посвернулъ бы я голову и Ильѣ Муромцу, кабы онъ тутъ былъ. Не было на роду мнѣ сопротивника, не было на роду мнѣ окрутника; да̀ и тебѣ ли, колѣчищу перехожему, призадумалося стать супротивъ меня? Ино добръ человѣкъ ты, ударь челомъ мнѣ, да и величай по имени и по прозваньицу.—Не успѣлъ Идолища домолвить словечушка, какъ Илья-то Муромецъ скидывалъ свою шапочку девяти-пудовую, а скидавши свою шапочку девяти-пудовую, окликалъ себя Ильею Муромцемъ, да и покрылъ Идолище своею шапочкою девяти-пудовою, а самъ приговаривалъ: « вотъ тебѣ, Идолище, челобитьице!» Подъ тою ли шапочкою девяти-пудовою Идолище и духъ испустилъ.

Втапоры стольный князь Кіевскій, Владиміръ осударь ласковый, вставалъ изъ-за дубоваго стола, а и сажалъ за столъ Илью Муромца. На его-то князя Владиміра ласки привѣтливыя, на его-то, осударя, слова вѣжливыя Илья билъ челомъ, а бивши челомъ, вымолвлялъ челобитьице немалое: «Гой еси, стольный князь Кіевскій, Владиміръ осударь ласковый! Спасибо на ласкахъ привѣтливыихъ, спасибо на словахъ вѣжливыихъ! Есть у тебя князья и бояре и сильны могучіи богатыри, а то-то мѣсто припасено для нихъ; а мнѣ ли, стару старицу, пригоже и поодаль быть.» Какъ туто возговоритъ Владиміръ князь:—Во моемъ ли теремѣ есть почетъ про князей и бояръ, во моемъ ли изукрашенномъ есть почетъ про сильныихъ могучіихъ богатырей; а и нынѣ столъ меня *) про молодца Илью Муромца; ему-то у меня почесть и почетъ.—На тѣ-то слова вѣжливыя, билъ Илья князю Владиміру большимъ челобитьицемъ. Пошелъ столъ, пирушка великая про Илью Муромца.

Со той поры жилъ онъ Илья во Кіевѣ. Стары старики чтили его, Илью, большимъ почетомъ; молодые молодцы уряжали ему, Ильѣ, челобитьица. А живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился.

А то старина, а то и дѣянье.

(Русскія Народн. Сказки, г. Сахарова; С. П. Б. 1841 г.).

*

*) У меня.—*О.*

3 *).

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ, жилъ въ немъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичь. У него было любимое дѣтище Илья Муромецъ. Сидѣлъ онъ сидиемъ тридцать лѣтъ (а): то сталъ (б) онъ ходить на ногахъ крѣпко, и ощутилъ (в) въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ збрую ратную и копье булатное, и осѣдлалъ коня своего богатырскаго (г). Приходитъ къ отцу своему и матере, и сталъ у нихъ просить благословеніе: «государь мой (д) батюшка и матушка! отпустите меня въ славной градъ Кіевъ, Богу помолиться (е) и (ж) князю Кіевскому поклониться!» Отецъ и мать его даютъ ему благословеніе, и кладутъ на него заклятіе великое, и говорятъ такія рѣчи:—поѣзжай ты прямо на Кіевъ градъ, прямо на Черниговъ градъ, и на пути своемъ не дѣлай обиды (з), не проливай крови христіянской напрасно. — Илья Муромецъ принялъ у отца и матери благословеніе, со отцемъ и съ матерію прощатся (и), и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ въ темныи лѣса (і), что наѣхалъ на таборы разбойничи. И тѣ разбойники увидѣли Илью Муромца, и разгорѣлись у нихъ сердца разбойнически (к) на коня богатырскаго, и стали между себя (л) разговаривать, чтобы лошадь отнять, что «мы таковой (м) ни въ которыхъ мѣстахъ не видали (н), а нынѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамой какой (о) человѣкъ.» И стали на Илью Муромца напущать человѣкъ по пяти (п) и по двадцати. И сталъ Илья Муромецъ останавливать (р) коня своего богатырскаго, и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу, накладываетъ на ту-

---

*) Печатана съ лубочныхъ изданій, съ важнѣйшими разнорѣчіями; языкъ удержанъ, но измѣнено правописаніе. Принятая за текстъ, изъ сборника П. А Безсонова, безъ году, самая старая; А.) оттуда же, безъ году, другаго изданія; Б.) оттуда же, печатанная въ 1852 году; В.) приведенная, до половины, г. Сахаровымъ въ изданіи „Русскихъ нар. сказокъ", 1841 г.; Г.) изъ сборника г. Аѳанасьева, изд. 2, 1858 г., подъ буквой а.).—*О.*

(а) Г., и какъ минуло тридцать лѣтъ.—(б) Б., и сталъ.—(в) Б., и очувилъ.—(г) Г., коня добраго, богатырскаго.—(д) Г., государи мои.—(е) В., помолитися.—(ж) Г., а.—(з) Б., ты никакой не дѣлай обиды; Г., не дѣлай никакой обиды.—(и) Б., прощаются; Г., прощается.—(і) Б., въ темны лѣса; Г., во темны лѣса. — (к) Г., разбойнические. — (л) Б., между собою. — (м) Г., что такой лошади.—(н) Г., не видывали.—(о) Г., незнамо-какой.—(п) Г., по десяти.—(р) В., и Г., остановлять.—

гой лукъ, и пустилъ (а) калену стрѣлу подъ землею (б), стала рвать въ косую сажень (в). И видя то, разбойники испугались (г), и собрались во единъ кругъ, и пали на колѣни, и стали говорить:—государь (д) нашь батюшка, удалъ доброй молодецъ! виноваты (е) мы предъ тобою; за нашу вину такую (ж) бери казны сколько угодно (з), и платіе (и) цвѣтнаго, и табуны лошадей сколько угодно.—Илья усмѣхнулся (і), сказалъ: «Некуды дѣвать. Но если хотите (к) живы быть, такъ впредь (л) не отважтесь!» И поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

Подъѣзжаетъ (м) ко граду Чернигову, и подъ тѣмъ градомъ (н) стоитъ войско босурманское (о), что ему и смѣты нѣтъ (п), и Черниговъ градъ осадить хотятъ, его вырубить (р), и Божія церквы на дымъ пустить, а самого князя и воеводу Черниговскаго живыхъ въ полонъ взять. И той великой силѣ Илья Муромецъ ужаснулся (с); однако положился на создателя (т) своего Господа Бога, и вздумалъ положить главу свою за вѣру Христіянскую. И сталъ (у) побивать силу босурманскую копіемъ булатнымъ, и всю силу побилъ поганую, и царевича босурманскаго въ полонъ взялъ, и ведетъ во градъ Черниговъ. И встрѣчаютъ (ф) изъ града Чернигова граждане съ честію, идетъ самъ князь Виберскій (х) и воевода Черниговскій, принимаютъ добраго молодца съ честію, благодареніе Господу Богу возсылаютъ, что Господь присла (ц) нечаянно граду очищеніе и не далъ всѣмъ напрасно погибнуть (ч) отъ таковой (ш) силы босурманскія. И взяли его въ палаты свои, и сотвориша велій пиръ, и отпустиша его въ путь свой (щ).

Илья Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорогою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей разбойникъ ровно

(а) Г., и накладываетъ на тугой лукъ. Пустилъ онъ. (б) Б., подъ землю; Г., по надъ землею.—(в) Б., и стала рвать на косую сажень; Г., калена стрѣла стала рвать на косую сажень.—(г) Г., испужались.—(д) Г., государь ты.—(е) Г., виноваты.—(ж) Г., и за такую вину нашу.—(з) Г., сколько надобно.—(и) Б., и Г., платья.—(і) Г., усмѣхнувшись.—(к) Б., Куды дѣвать? но если хотите; Г., Некуды мнѣ дѣвать, а если хотите —(л) Г., впередъ.—(м) Б., ѣдетъ; Г., подъѣзжаетъ онъ.—(н) Г., Черниговомъ.—(о) Г., стоятъ войска басурманскія.—(п) Б., и Г., что и смѣты нѣтъ.—(р) Г., осадили и хотятъ его вырубить.—(с) Б., ужахнулся.—(т) Г., на волю Создателя.—(у) Г., и сталъ Илья Муромецъ.—(ф) Г., Встрѣчаютъ его.—(х) Б., Кіевскій; Г., самъ князь.—Конечно это ошибка вмѣсто Сиверскій, Сѣверскій.—(ц) Г., прислалъ.—(ч) Б., и Г., погибнути.—(ш) Г., отъ такой.—(щ) Г., въ путь.—

тридцать лѣтъ, не пропущалъ ни коннаго, ни пѣшаго, а убивалъ не оружіемъ, но своимъ разбойничимъ свистомъ. И выѣхалъ въ чистое поле (а), и увидѣлъ попрыски богатырскіе, и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брянскіе, на тѣ грязи топучія, на мосты (б) калиновы, и къ той рѣкѣ Смородинкѣ. И Соловей разбойникъ послышалъ себѣ кончину и безчастіе великое, и, не допуская Илью Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойничимъ (в) крѣпко. Но богатырское сердце не устрашилось. И, не допуская еще за десять верстъ, засвисталъ громче того: и съ того свисту подъ Ильею Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ (г) подъ самое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ: и Соловей разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ святорусскаго (д) богатыря, и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ (е) убить до смерти. Илья Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, и накладываетъ калену стрѣлу, и пускаетъ на то гнѣздо (ж) соловьиное, и попалъ въ правой глазъ, и вышибъ вонъ, и Соловей разбойникъ свалился съ гнѣзда (з), что (и) овсяной снопъ. Илья Муромецъ беретъ Соловья разбойника, привязалъ его крѣпко къ стременамъ булатнымъ (і), и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. И на пути стоятъ палаты Соловья разбойника; и какъ поровнялся Илья Муромецъ противъ палатъ разбойничихъ (к), у которыхъ окны растворены (л), и въ тѣ окны смотрѣли разбойничи (м) дочери; увидѣла (н) меньшая дочь и закричала сестрамъ своимъ: «вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ (о) къ намъ мужика, привязаннаго къ стременамъ булатнымъ (п)!» А большая (р) посмотрѣла, и заплакала горько:—это не батюшка нашъ ѣдетъ, а ѣдетъ незнамой какой-то (с) человѣкъ и ведетъ (т) нашего батюшку! — И закричала мужьямъ своимъ (у): — мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику на встрѣчу и отбейте у него нашего батюшку! не кладите нашъ родъ въ такомъ позорѣ! — Мужья ихъ, сильные, богатыри, и поѣхали противъ святорусскаго богатыря (ф),

(а) Г., Выѣхалъ Илья М. въ чисто поле; Б., въ чисто поле.—(б) Г., на тѣ мосты.—(в) Г., разбойническимъ.—(г) Г., Илья М.—(д) Г., свѣторусскаго.—(е) Г., Илью Муромца.—(ж) А., въ гнѣздо.—(з) А., изъ гнѣзда.—(и) А. какъ.—(і) Г., къ стремени булатному.—(к) Б., и Г., разбойническихъ.—(л) Г., были растворены.—(м) Г., три.—(н) А., увидала; Г., увидала его.—(о) А., ведетъ.—(п) Г., у стремена булатнаго.—(р) Б., и Г., дочь.—(с) А. незнакомой какой-то; Г., незнамо-какой.—(т) Г., везетъ.—(у) Г., И закричали онѣ мужьямъ своимъ.—(ф) Г., Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали... свѣторусскаго.—

кони добрые и копія острыя (а), и хотятъ Илью на копіяхъ поднять. И увидѣлъ (б) ихъ Соловей разбойникъ, и сталъ говорить: «Зятья мои! не позорьте (в) и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобъ и вамъ (г) не принять отъ него смерти; лутче съ покорностію (д) просите въ домъ мой его (е), выпить по чарѣ (ж) зелена вина.» По просьбѣ зятей поворотилъ (з) въ домъ, не вѣдая ихъ злобы, что большая дочь (и) подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, его (і) пришибить. Илья (к) усмотрѣлъ ее на воротахъ, ударилъ копіемъ, ушибъ до смерти (л).

И какъ пріѣхалъ (м) въ Кіевъ градъ, въѣзжаетъ прямо на княжескій (н) дворъ, входитъ въ палаты бѣлокаменны (о), Богу молится и князю кланяется. Князь Кіевскій спрашивалъ (п):—Скажи, добрый молодецъ, какъ тебя зовутъ, изъ котораго города урожденецъ (р)? — «Меня, государь, зовутъ Илюшкою (с), а по отечеству Ивановъ, урожденецъ (с) города Мурома, села Карачарова.» Князь спрашивалъ (т): — Которою дорогою ѣхалъ (у) изъ Мурома? — «На Черниговъ градъ, и подъ Черниговымъ побилъ войско босурманское (ф),— смѣты нѣтъ (х), и очистилъ Черниговъ градъ, и оттуда поѣхалъ прямою дорогою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья разбойника, котораго привелъ съ собою (ц) у стремени булатнаго.» Но князь, осердясь, сказалъ (ч): — Что́ ты обманываешь!—И какъ это услышавъ (ш) богатыри, Алеша Поповичь да (щ) Добрыня Никитичь, бросились (ъ) смотрѣть, и увѣрили князя (ы), что справедливо: такъ и приказалъ князь (ь) поднести чару (ь) зелена вина доброму молодцу. Князю захотѣлось разбойническаго свисту послушать. Илья князя съ кня-

---

(а) Г., кони у нихъ добрые, копья острыя.—(б) А., и увидѣвъ.—(в) Г., Зятья мои милые, не позорьтесь вы.—(г) Г., чтобъ всѣмъ вамъ.—(д) Б., покорно.—(е) А., въ домъ мой; Г., попросите его въ домъ мой.—(ж) Б., и Г., чару.—(з) Б., и оборотилъ; Г., поворотилъ Илья.—(и) Г., не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь.—(і) Г., чтобъ его.—(к) Г., Но Илья.—(л) Б., и ушибъ ее до смерти; Г., и ушибъ до смерти.—(м) Г., Илья Муромецъ.—(н) Г., княженецкій.—(о) Г., бѣлокаменныя.—(п) Г., спрашиваетъ.—(р) Г., и изъ котораго города ты уроженецъ? Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ.—(с) Г., Ильюшкою; уроженецъ.—(т) А., спрашалъ; Б., спрашивать; Г., спрашиваетъ.—(у) Г., ты.—(ф) Г., войска басурманскія.—(х) Г., что и смѣты нѣтъ.—(ц) Г., и привелъ его съ собою.—(ч) Б., осердился, сказалъ; Г., князь, осердясь, сказалъ.—(ш) Г., какъ услышали это.—(щ) Г., и.—(ъ) Г., они бросились.—(ы) Б., и княгиню; Г., и, увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь.—(ь) Г., кубокъ.

гинею обернулъ въ шубу соболью, и поставя (а) подъ мышки, и призвалъ Соловья, приказалъ въ полсвиста засвистѣть (б). А Соловей разбойникъ засвисталъ во весь разбойничій (в) свистъ, и поглушилъ (г) богатырей такъ, что упали (д) на полъ. И за то его убилъ (е).

Илья Муромецъ назвался съ Добрынею Никитичемъ братьями, и осѣдлали (ж) своихъ добрыхъ коней, и поѣхали въ чисто поле (з) гулять, и ѣздили ровно три мѣсяца, не нашли себѣ сопротивника. Только наѣхали въ чистомъ полѣ, идетъ Колѣчища прохожій; гуня на немъ въ пятьдесятъ пудъ, шляпа въ девять пудъ, костыль въ сажень (и). Илья Муромецъ сталъ на него напущать (і) и хочетъ отвѣдать (к) своей силы богатырскія. И увидалъ (л) Колѣчища прохожій Илью Муромца, и говоритъ: «Ой еси ты (м) Илья Муромецъ! Помнишь ли, мы съ тобой въ одной школѣ грамотѣ учились? А нынѣ ты на меня, такова калѣку, напускаешь (н), какъ на нѣкого (о) непріятеля! А того ты не вѣдаешь, что въ славномъ городѣ Кіевѣ великая невзгодушка учинилась: пріѣхалъ невѣрной сильной богатырь Идолища нечестивой; голова у него съ пивной котелъ, въ плечахъ сажень, промежъ бровмы пядь, промежъ ушей калена стрѣла: а ѣстъ онъ по быку, а пьетъ (п) по котлу; и князь Кіевскій вельми соболѣзнуетъ о тебѣ, что ты его въ эдакой печали оставилъ.»

И нарядись Илья Муромецъ въ колѣчищино платья, идетъ прямо на княжеской дворъ (р), и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «Ой еси ты, Кіевскій князь! Сошли мнѣ колѣчищу прохожему милостину (с)!» И увидѣлъ его князь, и говоритъ таковыя рѣчи (т): — Поди ко мнѣ въ палаты (у), я тебя накормлю, и напою (ф), и золотой казны на дорогу дамъ. — И пошелъ (х) колѣчища въ полаты, и сталъ у печки (ц), поглядываетъ: Идолища проситъ ѣсть, и принесли ему быка

(а) Г., поставя ихъ; подхвати.—(б) А., засвистать, Б., и Г., засвистать соловьемъ.—(в) Г., разбойнической.—(г) Г., оглушилъ.—(д) Г., что они упали.—(е) Г., Илья М. — (ж) Г., они. — (з) Г., въ чистыя поля. — (и) Г., въ десять саженъ (!).—(і) Г., коня напущать. —(к) Г., съ нимъ.—(л) А., и Б., увидѣлъ; Г., увѣдалъ.—(м) Г., ой ты еси.—(н) Г., коня.—(о) А., Б., и Г., нѣкоего.—(п) Г., пьетъ онъ.—(р) А., и нарядись; Б., и нарядися; Г., нарядись въ калечищино платье, ѣдетъ (!) Илья Муромецъ прямо на княженецкой дворъ.—(с) Б., и Г., милостыню. — (т) Б., и Г., такову рѣчь. — (у) Г., калечища!—(ф) Г., напою.—(х) Б., и Г., вошелъ.—(ц) Г., у печи.—

цѣлаго жаренаго (а), и онъ его съ костми съѣлъ (б); и Идолища попросилъ пить (в), и принесли котелъ пива, а несли двадцать (г) человѣкъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ его весь. Илья Муромецъ говоритъ: «Была у моего батюшки кобыла обжорливая (д), обожралась и издохла!» И Идолища не утерпѣлъ, и говоритъ:—Ой еси ты, колѣчища прохожіе (е)! Что́ ты меня замаешь (ж)? Мнѣ нечего тебя и въ руки взять! Не то (з), что ты,—каковъ у васъ былъ Илья Муромецъ, я бы и съ тѣмъ стычку далъ! — «Да вотъ онъ каковъ (и)!», и схватилъ съ себя шляпу, и ударилъ его въ голову тихонько, только прошибъ стѣну полатъ; и взявши туловище, тудажь выкинулъ (і). И за то князь Илью Муромца великами (к) похвалами произносилъ (л), и причелъ въ сильные могучіе богатыри.

(Ср. замѣчательную сказку, къ сожалѣнію въ отрывкахъ, изъ рукописи XVIII в., въ собраніи Нар. Р. Сказокъ г. Аѳанасьева, вып. I, изд. 2, 1858 г., стр. 58—61).

—

Мощи Ильи Муромца почиваютъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ Преподобнаго Антонія, именуемой Ближнею; память совершается 19 Декабря; служба общая съ другими Печерскими угодниками.

—

(а) Б., и Г., жирнаго. — (б) Б., и Г., а онъ его и съ костьми съѣлъ.— (в) В., и Г., Идолища просить пить. — (г) Б., двадцать семь; Г., разнорѣчія: двадцать; двѣнадцать; двадцать семь.—(д) Б. обожлива; Г., обжорлива.— (е) А., и Б., прохожей; Г., прохожій.—(ж) А., задѣваешь.—(з) Г., ни то.— (и) Г., сказалъ Илья Муромецъ (!) —(і) А., и взялъ Идолище, тудажъ выкинулъ; Б., взялъ туловище, тудыжъ выкинулъ; Г., и взялъ туловище (Идолищино) — туда жъ выкинулъ. — (к) А., Б., и Г., великими. — (л) Б., и Г., почтилъ.

*) См. Описаніе Кіевопечерской Лавры, Краткое изъявленіе о двухъ пещерахъ, и друг.—*О.*

I.

ЗАМѢТКА.

Порядокъ, въ которомъ размѣщены пѣсни настоящаго выпуска и принято размѣщать ихъ во всемъ послѣдующемъ изданіи пѣсень Былевыхъ, установленъ по мысли П. А. Безсонова, который нашелъ необходимымъ примѣнить его еще въ то время, когда, при жизни П. В. Кирѣевскаго, и особенно послѣ смерти его, разбиралъ для изданія Былевыя пѣсни его Сборника.

Основанія этого порядка слѣдующія:

При изученіи Былевыхъ пѣсень русскихъ, славянскихъ, и какихъ бы то ни было, касающихся одного дѣйствующаго лица (героя), непремѣнно обозначается извѣстное количество его дѣяній или подвиговъ, обозначается въ области народнаго творчества, ни сколько не зависимо отъ значенія историческаго. Такъ, относительно Ильи Муромца, опредѣляются по пѣснямъ слѣдующія *ступени* его жизнедѣятельности: воспитаніе силъ въ дому родительскомъ и первый выѣздъ изъ него; первая поѣздка и битва на Сафатъ-рѣкѣ; встрѣча на дорогѣ въ Кіевъ съ разбойниками и спасеніе Чернигова; борьба Ильи съ Соловьемъ и пріѣздъ ко Владиміру; подвиги на службѣ Владиміру, и т. п. — Сообразно этимъ ступенямъ, пѣсни дѣлятся на *разряды*; каждый разрядъ однородныхъ пѣсень беретъ своимъ главнымъ содержаніемъ ту или другую минуту, тотъ или другой подвигъ, иногда и нѣсколько, но непремѣнно съ однимъ или двумя главными, наиболѣе развитыми. Это дѣленіе *первое*: въ немъ все количество пѣсень *распадается* по извѣстнымъ точкамъ дѣленія; но здѣсь нѣтъ еще порядка *послѣдовательнаго*.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи, можно подмѣтить, что ступени подвиговъ и явленій въ жизни лица дѣйствующаго слѣдуютъ *одна за*

другою; предъ взоромъ опредѣляется та, которая идетъ прежде и которая послѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣльные разряды пѣсень естественно становятся уже въ порядокъ *послѣдовательный*, размѣщаются одинъ за другимъ, — и вотъ дѣленіе *второе*, распредѣленіе самихъ уже разрядовъ. Такъ, на примѣръ, пѣсни о подвигахъ Ильи на службѣ князю странно уже было бы ставить прежде его борьбы съ Соловьемъ, совершившейся на дорогѣ ко Владиміру, и т. п.

Такимъ образомъ, послѣдовательное размѣщеніе отдѣльныхъ разрядовъ устанавливается на слѣдующихъ *общихъ основаніяхъ:*

а., Сначала тѣ пѣсни, которыя начинаютъ раньше, съ явленій или подвиговъ самыхъ раннихъ и первыхъ въ жизни лица дѣйствующаго, но за то и раньше кончаются.

б., Далѣе тѣ, которыя, воспѣвая или нѣтъ начало дѣятельности,— все равно, — останавливаются съ преимущественною полнотою на подвигахъ срединныхъ, выставляя ихъ всего болѣе на видъ многочисленными подробностями.

в., Потомъ тѣ, которыя, обозрѣвая или нѣтъ всю жизнедѣятельность, хватаютъ въ ней всего далѣе, къ заключенію или концу подвиговъ.

г., Вообще, чѣмъ полнѣе пѣсня *извѣстнаго разряда*, тѣмъ ближе она *къ его концу*, какъ общій обзоръ разбитыхъ частностей; не разумѣется, если найдется пѣсня самая полная, обнимающая *всю жизнь лица*, съ начала до конца, то ея мѣсто въ разрядѣ конечномъ, въ заключеніи, гдѣ собирала бы она въ одинъ строй всѣ предшествующіе отрывки.

д., Наконецъ, какъ прибавка, слѣдуютъ пѣсни, гдѣ уже не очерчивается жизнь лица по извѣстнымъ, опредѣленнымъ ея ступенямъ, гдѣ нѣтъ изображенія, а выражается одно воспоминаніе, хранится одно имя, готовое легко уступить мѣсто любому имени другому, и даже лице, полное самостоятельной жизни, превратить въ безъимяннаго удальца или молодца.

Такое размѣщеніе Былевыхъ пѣсень при изданіи имѣетъ, кажется, ту выгоду, что не вдается въ область отвлеченную, не становится на точкѣ личнаго вкуса, не ввѣряется эстетической теоріи, не держится крѣпко почвы жизненной, держится *были*, какъ существеннаго содержанія пѣсни. Конечно, здѣсь могутъ быть, и даже неизбѣжны, нѣкоторыя передержки, нѣкоторыя исключительныя пѣсни,

колеблющіяся между наброшенными рамами: но это недостатки, свойственные каждому распредѣленію, и наше размѣщеніе, избѣгая рѣзкой строгости, имѣетъ, въ замѣнъ того, неоспоримую выгоду,— сообщаетъ нить, при которой художественный взглядъ можетъ возсоздать жизнь богатыря или молодца одною цѣльной и послѣдовательной эпопеею.

Прилагая эти основанія *въ частности* къ предлежащему выпуску, получаемъ:

Раздѣлъ I-й. Пѣсня, занимающая въ немъ первое мѣсто, есть самая первая быль въ жизни Муромца. Она застаетъ его еще *сиднемъ, въ отцовскомъ домѣ.* Но, поступая далѣе, вмѣстѣ съ 5-ю другими, она представляетъ сущность всего разряда — *первый выѣздъ Ильи и битву на Сафатъ-рѣкѣ.* Битва происходитъ съ *Татарченкомъ-бусурманченкомъ*; онъ же здѣсь *Борисъ Козловъ* и *Борисъ Збутъ королевичъ.* Какъ событіе другой поры дѣятельности, относящееся собственно къ подвигамъ Добрыни и отчасти Алеши Поповича, вторгается въ этотъ разрядъ посторонній разсказъ о встрѣчѣ съ *Разъѣзднòю-Походнòю дѣвицей* и съ *бабой Горынинкой* (*Бабища* эта появляется и послѣ, см. 1-ю пѣсню V-го разряда). Но Збутъ стоитъ явно въ сторонѣ еще отъ Кіева, вдали отъ подвиговъ Ильи на службѣ Владиміру: онъ замыкаетъ какіе-то намеки на *личныя* отношенія Ильи Муромца. Пѣсня 5-я смѣшиваетъ подвигъ со службою Владиміру, и потому ея начало, до борьбы со Збутомъ, именно *примѣшано* сюда, а на своемъ мѣстѣ было бы въ разрядѣ IV-мъ (см. ниже).

Разрядъ II-й, своею сущностью, очерчиваетъ путь *Ильи изъ отцовскаго дому въ Кіевъ* и первыя событія на этомъ пути—*выборъ дороги*, главную битву—*съ разбойниками*, и *спасеніе Чернигова.*

Въ *Разрядѣ III-мъ* продолжается *путь Ильи.* Пѣсни, сюда вошедшія, начинаютъ очень рано, съ выѣзда Ильи изъ отцовскаго дому, но путь его ведутъ всѣхъ далѣе: онъ уже *борется здѣсь* съ *Соловьемъ разбойникомъ* и вслѣдъ за тѣмъ *пріѣзжаетъ ко Владиміру.* Борьба съ Соловьемъ и пріѣздъ въ Кіевъ, — вотъ сущность разряда, наиболѣе въ немъ развитая.

Разрядъ IV-й — это *подвигъ Ильи на службѣ Владиміру,*

или, собственно, одинъ главный подвигъ, очерченный 1-ю пѣснію сего разряда, превосходною пѣснею изъ Сборника П. В. К., какъ борьба съ *Жидовиномъ* *) Черты этого страшнаго богатыря, противъ котораго не устоялъ никто кромѣ Муромца, тамъ и сямъ разбросаны по пѣснямъ; въ 3-й пѣсни того же разряда онѣ переведены на *Тугарина*, хотя здѣсь битва жены за мужа есть отзывъ сторонній, изъ жизни другихъ богатырей. Но, какъ 5-я пѣсня I-го разряда, помянутая выше, передъ борьбою со Збутомъ вставила начало, идущее собственно къ разряду IV-му, къ описанію службы Владиміру, такъ 2-я пѣсня IV-го разряда, совершенно на оборотъ, передавши всю первую половину правильно, какъ битву богатырей на заставѣ съ страшнымъ нахвальщикомъ, примѣшала сюда, во второй половинѣ, *Збута*, и, вслѣдствіе того, разыгравшись по пути увлеченія, внѣ очертаній, извѣстныхъ изъ жизни Муромца, заставила сына убить мать, а отца звѣрски прикончить сына. Явно, это безцѣльное убійство, несообразное съ характеромъ Ильи, есть собственно удѣлъ *не Збута*, а *страшнаго богатыря*, встрѣченнаго на богатырской заставѣ.

Разрядъ V-й имѣетъ своею сущностію, опять *на службѣ Ильи Владиміру, спасеніе Кіева* отъ нашествія одного изъ тѣхъ народцевъ, выходцевъ съ Востока, которые въ то время то и дѣло грозили государству, слагавшемуся на югѣ Руси. Пѣсни называютъ предводителей этихъ полчищъ то *Калиномъ* (Кулинъ), то *Мамаемъ*, и прочими восточными именами.

Разрядъ VI-й, заключительный, представляетъ *исчезновеніе* (не говоримъ — смерть) *Ильи Муромца*. Обѣ пѣсни, сюда вошедшія, равно замѣчательны. Первая, изъ Шенкурска, есть почти единственная, какую только можно назвать полною, съ началомъ и концемъ, съ разсказомъ о всей богатырской дѣятельности Ильи Муромца. Правда, въ ней нѣтъ нѣкоторыхъ подвиговъ, извѣстныхъ по другимъ пѣснямъ, но за то есть и такіе, которыхъ нѣтъ тамъ. Уже по тому самому она заслуживала мѣсто здѣсь, какъ сосредоточивающая и собирающая отрывки другихъ пѣсенъ въ одну

---

*) Блестящія соображенія о значеніи этого богатыря высказаны были нѣкогда А. С. Хомяковымъ, нынѣшнимъ Предсѣдателемъ Общества, въ Московскомъ Сборникѣ, 1852 г., въ Предисловіи къ пѣсни, отпечатанной тогда изъ собранія П. В. К.—*Прим. 1-го изд. 1860 г.*

полноту. Но, главнымъ образомъ, она не только собираетъ, она ведетъ и къ заключенію: въ ней Илья *исчезаетъ*. По основѣ, она не уступаетъ другимъ въ древности: но по обработкѣ, хотя и чисто народной, по уряду, она явно позднѣйшія. и позднѣйшія обстоятельства русской жизни оказали на нее замѣтное вліяніе. Владиміръ здѣсь называется уже Царемъ; его и Илью водятъ слуги подъ руки, — обрядность, какою пѣсни не окружаютъ дворъ Владиміра; онъ встрѣчаетъ Илью названіемъ «сельщины и деревеньщины»; даже убѣдившись въ силѣ его богатырства, сажаетъ его только «по край стола, по край скамьи»; самъ Илья является съ непривычной гнѣвностію и раздражительностію, даже жестокостію. Онъ видитъ хорошо, какъ его приняли, и на предложеніе служить воеводою, встаетъ и объявляетъ: «не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть, не хочу я у васъ воеводой жить; на пріѣздѣ гостя не употчивали, на поѣздинахъ не учествовали; эта ваша мнѣ чѐсть не въ честь», и, съ этими словами, избиваетъ всѣхъ вокругъ до послѣдняго; только царь за печку задвинулся, собольей шубой закинулся. Илья исчезаетъ: «Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ, нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти, нынѣ и до́ вѣку». Чувствуется живо, какъ сходитъ онъ съ поприща внѣшнихъ дѣйствій и уходитъ внутрь народнаго сознанія, гдѣ теряется съ своимъ именемъ, но продолжаетъ творить какъ сила внутренняя. И конечно въ самомъ Ильѣ, по преимуществу образѣ народа, народъ начерталъ свою собственную исторію, въ ту пору, когда уходилъ съ поля внѣшней дѣятельности во внутреннюю область глубокаго сознанія.—Вторая пѣсня почти такая же, но съ новымъ еще оттѣнкомъ. Она также значительно полна, но съ половины круто поворачиваетъ къ заключенію и даетъ Ильѣ огромныя богатства, чтобы заставить его строить «церкву Пещерскую». Онъ сдвигаетъ громадный камень, сходитъ *въ глубь* — и здѣсь каменѣетъ, строя церкву въ пещерѣ. Онъ исчезаетъ изъ внѣшняго міра также точно, какъ въ пѣсни первой; но исчезаетъ съ тою особенностью народнаго воззрѣнія, которая дала ему мѣсто въ пещерахъ Кіевскихъ и чтитъ его мощи. Изъ государства переходъ къ церкви; изъ богатырства выходъ къ святости; изъ Былевой пѣсни къ Стиху. И пѣсня кончается многознаменательнымъ выраженіемъ, употребительнымъ лишь въ Стихахъ: «да къ тому-то Стиху и славы поютъ.»

Разрядъ VII й есть собственно *добавочный* къ предыдущимъ. Здѣсь прекращаются живыя черты дѣятельности Ильи Муромца, и

является уже не *образъ* его, столь знакомый по извѣстнымъ подвигамъ, а простое *воспоминаніе* о немъ. Пѣсня 1-я воспоминаетъ, что Илья *умеръ*; 2-я разсказываетъ, что *о немъ поютъ;* 3-я и 4-я вставляетъ *имя Ильи* тамъ, гдѣ можно бы вставить и всякое другое, и даже просто обойтись безъ имени, хотя въ послѣдней и есть нѣкоторое кажущееся сходство съ 3-й пѣснею I-го разряда; наконецъ 5-я, употребляя выраженія, близкія къ 1-й пѣсни II-го разряда и къ другимъ того же рода, выставляетъ безцвѣтный подвигъ, равно свойственный всякому богатырю и ничего не прибавляющій къ самому Муромцу. Здѣсь-то переходъ къ пѣснямъ, которыя назвали мы *Безъимянными.*

Таково примѣненіе общихъ основаній къ размѣщенію пѣсень настоящаго выпуска. Но при этомъ встрѣтилась еще *третья* особенность, нѣсколько видоизмѣнившая послѣдовательный порядокъ пѣсень. *Съ одной стороны,* естественно, пѣсни, собранныя П. В. К., помѣщены въ каждомъ разрядѣ *непремѣнно сначала*, а за тѣмъ уже изъ другихъ печатныхъ изданій; исключеніе за однимъ II-мъ разрядомъ, въ которомъ, о борьбѣ съ разбойниками, сперва идутъ пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, съ выдержками изъ другихъ изданій, а потомъ, подъ № 7-мъ, снова взята (сводная) пѣсня у г. Кирѣевскаго, ибо она переноситъ дѣйствіе съ путь-дороги на море и корабль; для разряда же V-го и VI-го, къ сожалѣнію, вовсе не найдено у Собирателя никакой подходящей пѣсни *). *Съ другой стороны,* пѣсни изъ сборника Кирши Данилова, до сихъ поръ столь замѣтно отличныя отъ прочихъ, издававшихся и издающихся, принято печатать, какъ полагалъ и П. В. К., *не иначе, какъ въ концѣ* каждаго разряда. На сколько, при этихъ новыхъ двухъ условіяхъ, выдержана правильность въ размѣщеніи пѣсень, покажутъ послѣдствія и успѣхи столь труднаго дѣла.

Наконецъ, говоря о распредѣленіи пѣсень перваго выпуска сообразно содержанію самой были, нельзя не замѣтить, что Сказки, по-

---

*) Вообще настоящій выпускъ изобилуетъ пополненіями изъ другихъ печатныхъ изданій: отчасти къ сожалѣнію, ибо это почти подавляетъ долю самого Сборника, чего не будетъ впослѣдствіи; отчасти къ лучшему, ибо это обстоятельство доказываетъ, какъ успѣшно, послѣ самоотверженнаго и нѣкогда уединеннаго подвига П. В. Кирѣевскаго, двинулась наша наука на пути изученія народности и собранія народныхъ пѣсень.

мѣщенныя въ нашихъ Приложеніяхъ, дополняютъ дѣятельность Ильи Муромца еще новою особою чертою: это *борьба Ильи съ поганымъ Идолищемъ*, о которомъ молчатъ пѣсни, вѣроятно разбрасывая черты его по другимъ врагамъ Муромца.

—

II.

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

К. С. Аксакова.

Въ дѣтствѣ я не разъ слыхалъ разсказы объ Ильѣ Муромцѣ, и изъ того, что́ сохранила моя память, есть нѣкоторыя подробности и особенности, которыя, сколько мнѣ извѣстно, не находятся, вовсе, или покрайней мѣрѣ не въ томъ видѣ, въ пѣсняхъ и сказкахъ, и которыя передать во всеобщее свѣдѣніе, кажется мнѣ, будетъ не лишнимъ.

Разсказъ начинается, какъ обыкновенно, съ того, что Илья Муромецъ сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ. — Однажды, когда отецъ и вся семья его были на работѣ, приходятъ къ нему двое старцевъ и говорятъ: «Илья Муромецъ, принеси намъ напиться.» — Илья отвѣчаетъ, что онъ встать на ноги не можетъ, и вотъ тридцать лѣтъ сидитъ сиднемъ. «Встань и принеси,» говорятъ ему старцы.— Илья Муромецъ всталъ и принесъ ведро воды старцамъ.—«Выпей самъ,» говорятъ они ему.—Илья выпилъ.—«Что́ ты въ себѣ слышишь,» спрашиваютъ его. — Слышу большую силу, отвѣчаетъ Илья *).— «Поди принеси еще ведро,» говорятъ старцы. — Илья приноситъ.— «Выпей!» — Илья выпиваетъ. — Что́ ты теперь слышишь въ себѣ,» спрашиваютъ старцы. — «Еслибъ ввернуть кольцо въ землю, отвѣчаетъ Илья: то я бы всю землю перевернулъ **).—«Это много, го-

---

*) Мнѣ помнится, онъ опредѣлилъ эту силу тѣмъ, что́ онъ могъ бы сдѣлать, — но чѣмъ, я навѣрное не помню: какъ будто тѣмъ, что онъ вырветъ дерево съ корнемъ.

**) Помнится и такой отвѣтъ: „еслибъ утвердить столбъ отъ земли до неба, то я бы этотъ столбъ повернулъ.“

ворятъ старцы, поди принеси еще ведро.» — Илья принесъ. — «Выпей.» — Илья выпилъ, и силы въ немъ поубавилось *). — «Довольно тебѣ этой силы,» сказали старцы, и ушли.—Илья всталъ и пошелъ къ своимъ на работу. Какъ только увидали его, такъ закричали, въ изумленіи: «смотрите-ка: Илья идетъ **!)»

Когда Илья, взявъ благословеніе у отца и матери, пустился въ путь, по направленію къ Кіеву, то, слѣдуя берегамъ Оки, встрѣтилъ онъ въ узкомъ мѣстѣ богатыря (помнится, Зюзю, по имени), который одинъ тащилъ разшиву. «Съ дороги!» кричалъ богатырь. Обидно показалось Ильѣ; онъ не далъ дороги, схватилъ богатыря въ руки и кинулъ вверхъ, и потомъ опять подхватилъ его на руки и поставилъ на землю. Богатырь, пока летѣлъ вверхъ и падалъ внизъ, успѣлъ сказать сто разъ: «виноватъ, Илья Муромецъ, впередъ не буду.» Здѣсь нельзя не замѣтить пріема Ильи, къ которому онъ не разъ прибѣгаетъ въ схваткахъ богатырскихъ. пріемъ этотъ—схватить на руки и кинуть вверхъ, а потомъ подхватить и безвредно опустить на землю. Илья бьетъ не охотно, только въ крайнихъ случаяхъ; а гдѣ нѣтъ этой, непріятной для него, необходимости, онъ только показываетъ, безвредно, свою богатырскую силу, чтобы заставить уступить себѣ, чтобъ заставить смириться своего врага: такъ, мечетъ онъ вверхъ своихъ противниковъ; такъ, когда нападаетъ на него толпа разбойниковъ, онъ стрѣляетъ не въ нихъ, а въ дубъ, который разлетается въ дребезги,—и разбойники падаютъ на землю.

Я слышалъ еще слѣдующій разсказъ. Илья Муромецъ, послѣ многихъ, совершенныхъ имъ, богатырскихъ подвиговъ, не найдя себѣ равнаго силою, заслышалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на всей землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать, гору, и лежитъ на ней.— Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ онъ искать

---

*) Не помню, на сколько: въ половину ли, или до той силы, какая послышалась послѣ перваго ведра.

**) Я не помню ясно, на какой работѣ была семья Ильи; но помню, что онъ принялъ въ этой работѣ участіе и изумилъ необычайною силою. Чуть ли это не была рубка лѣсу, и Илья, принявшись помогать, сталъ съ корнемъ рвать деревья.

этого богатыря и нашелъ гору, а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ я зацѣпился за сучокъ,» говоритъ богатырь.—Илья, напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ», говоритъ богатырь; оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца и сказалъ ему: «А, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною ничего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору и лежу на ней.»

Образъ этого громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ,—весьма замѣчателенъ. Очевидно, что онъ *выходитъ внѣ разряда богатырей*, къ которымъ принадлежитъ Илья Муромецъ. Это *богатырь-стихія*. Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшедствующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи. Вочеловѣченіе этихъ силъ имѣетъ свои степени; не всѣ богатыри этой первозданной эпохи одинаково носятъ на себѣ стихійный характеръ; но одинъ болѣе, другой менѣе, одинъ дальше, другой ближе къ людямъ. Къ такимъ богатырямъ принадлежатъ, кажется, тѣ, которыхъ вдругъ одного за другимъ, по именамъ только и при случаѣ, исчисляетъ пѣсня Владиміровой эпохи, которые—Богъ знаетъ откуда—появляются толпою и о которыхъ въ ней ничего не повѣствуется. Таковы Полканъ, Святогоръ, и др.; съ теченіемъ времени, при повтореніи пѣсенномъ, значеніе ихъ могло забыться и образъ утратить свой отпечатокъ.—Не ихъ ли должно разумѣть подъ «старшими богатырями (см. первую пѣсню заключительнаго, VI-го разряда)», которые, неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его поѣздку. Недавно найденная однимъ просвѣщеннымъ любителемъ старины *), превосходная древняя пѣсня о Святогорѣ говоритъ въ пользу нашего мнѣнія. Пѣсня разсказываетъ именно, какъ Святогоръ хотѣлъ найти вѣсъ или тяготу земли,—то есть такую тяжесть, которая бы равнялась тяжести земли, — хотѣлъ найти и поднять эту тяжесть: дѣло чисто титаническое.—Такая же, выступившая за обыкновенные предѣлы, титаническая міровая сила обняла Илью, когда онъ,

*) Г. *Рыбниковымъ*: пѣсни этого рода и отпечатаны послѣ въ особомъ собраніи.—*Прим. 2-го изд.*

послѣ втораго ведра, сказалъ: «поверну всю землю.»—Но старцы умѣрили эту силу и возвратили ее въ предѣлы силы человѣческой.— Илья Муромецъ не принадлежитъ къ титанической, но къ богатырской эпохѣ; онъ есть величайшая, первая *человѣческая* сила.

—

III.

ОТМѢТКИ ИЗЪ СКАЗОКЪ

и преданій въ народѣ объ Ильѣ Муромцѣ,

В. И. Даля.

Отецъ Ильи, Иванъ Тимоѳеевъ; мать, Ефросинья Яковлева. Онъ сиднемъ сидѣлъ за какой-то грѣхъ дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ. Когда странники его отпоили *), то онъ сказалъ: «Кабы мнѣ столбъ съ кольцомъ въ небо утвердить, я бы землю съ мѣста своротилъ», и этой-то силы ему поубавили.

Илья на печи, подъ собою, яму протеръ, такъ, что видна была только борода съ головою, да и та все ныряла; онъ день и ночь молился, поклоны клалъ. Сидя на печи, онъ слышалъ не разъ вѣсти про Соловья разбойника, который промежь Кіева и Чернигова дорогу залегъ; Илья задумывался, вздыхалъ и распрашивалъ объ этомъ дѣлѣ странниковъ. «Что тебѣ до него, дитятко?», говаривалъ отецъ—и Илья замолкалъ, но во снѣ и на яву все въ очью видитъ Соловья разбойника: и молиться не даетъ, окаянный.—Есть одно преданіе, которое говоритъ, что Илья всталъ, когда возгласили въ церкви *Христосъ Воскресъ*, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе.

Коня богатырскаго Илья купилъ у Корачаровскаго дьячка, шолудивымъ жеребенкомъ, за три деньги, вывалялъ его въ росѣ на тридевяти утренникахъ, и вывалялся жеребенокъ конемъ богатырскимъ: ѣстъ онъ одну бѣлоярову пшеницу (пшеничку кукурузу), пьетъ одну росу утреннюю.

Пытая мечи булатные, Илья сокрушалъ рукояти ихъ, сжимая въ кулакѣ; кинулъ онъ мечи эти бабамъ лучину щепать, а самъ выковалъ себѣ, изъ трехъ полосъ булатныхъ, три стрѣлы, закаливъ ихъ во утробѣ матери сырой земли.

Когда Илья сталъ просить благословенія родительскаго въ Кіевъ, на богатырскіе подвиги, а Иванъ Тимоѳеевъ недовѣрчиво усомнился, то

*) См. 1-ю пѣсню 1-го разряда, Сказки въ Приложеніяхъ и Воспоминанія К. С. Аксакова.

онъ, созвавъ понятыхъ людей, вышелъ на Оку, уперся плечемъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ Оку; подъ Муромомъ и по нынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильею. Тогда родители его благословили, наложивъ однако заклятіе ѣхать не на Черниговъ-градъ, гдѣ залегъ Соловей, а объѣхать на Кіевъ околицею; и, второе, не проливать напрасно христіанской крови, людей не обижать.

Илья, на прощанье, пустилъ корочку хлѣба по Окѣ рѣкѣ, за то, что поила и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли.

Пустившись въ путь, Илья далъ первый ускокъ въ полпути до Мурома (версты полторы): тутъ исподъ копытъ богатырскаго коня живой ключь ударилъ, бьющій и понынѣ; надъ нимъ поставлена часовенка, во имя Пророка Иліи.—На родникъ этотъ и понынѣ медвѣдь ходитъ, испить водицы, понабраться богатырской силы.

За другимъ ускокомъ, Илья, на перелетѣ черезъ Муромъ, снялъ шапку и перекрестился, супротивъ Троицкаго монастыря; а за третьимъ ускокомъ, очутился уже подъ лѣсами Брынскими.

Разогнавъ шайку разбойничью тѣмъ, что ращепилъ сырой дубъ стрѣлою въ черенья ножевые, Илья наѣхалъ оставъ, костякъ богатырскій, предалъ его честно землѣ и засыпалъ великимъ курганомъ, который—гдѣ-то—и теперь стоитъ.

Затѣмъ, онъ освободилъ Кинешму отъ Литвы, за что князь Кинешемскій и всѣ жители, кумирники, обратились въ Христіанство. Также освободилъ онъ Черниговъ, бывшій въ осадѣ, и, полонивъ Соловья-разбойника на перепутьи, явился въ Кіевъ, на широкій княжій дворъ, къ вечернѣ того же дня, въ который отстоялъ утреню въ Корачаровѣ.

У Владиміра, ласкова князя Солнышка, было столованье, почестной пиръ, и рѣчь шла о Соловьѣ разбойникѣ, который много народу перегубилъ; въ это время докладываютъ, что чужой дѣтина пріѣхалъ, Соловья въ торокахъ привезъ. «Пріѣзжій дѣтина крѣпко завирается, коли Соловьемъ въ торокахъ похваляется», рѣшили всѣ застольные богатыри, и пошли всѣ, съ великимъ княземъ и со княгиней Апраксѣевной, на княжье широкое крыльцо. Тамъ увидали Соловья, въ сыромятныхъ путлищахъ, въ торокахъ; онъ однимъ глазомъ на Кіевъ, другимъ, по старой привычкѣ, на Черниговъ глядѣлъ; виситъ травянымъ мѣшкомъ, согнутъ корчагою. Илья сказываетъ князю похожденія свои; девять сыновъ или зятьевъ Соловья, спасаясь отъ Ильи, обратились въ вороновъ, съ желѣзнымъ клю-

вомъ, и живутъ понынѣ. Тутъ прискакалъ гонецъ исподъ Чернигова, съ вѣстью объ освобожденіи его Ильею, котораго повели почетно за княжій пиръ, и проч. Илья побратался съ Добрыней, съ Алешей Поповичемъ дружно жилъ; съѣзжался съ Калѣчищемъ перехожимъ, съ которымъ у дьячка Корачаровскаго вмѣстѣ грамотѣ учился; онъ-то надоумилъ Илью, что чудище Полканище, Полканъ Полкановичь, въ Кіевѣ людей поѣдаетъ, по туриному, жвачку жуетъ. Илья обмѣнялся одежей съ Калѣкой и самъ, побираясь, прошелъ въ Кіевъ, былъ принятъ, какъ нищій, въ княжьихъ палатахъ, гдѣ засталъ Полкана у полдника: ему подавали цѣлаго быка за разъ, а брагу пилъ онъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки. Стоя скромно у печи, Илья сказалъ ему пословицу: «У моего у сударя, у батюшки, была обжорлива кобыла, да не много нажила: разорвало ее, волчью сыть.» Полканъ обругался, прибавивъ: — Каковъ-то у васъ былъ Илья Муромецъ, я бъ на него поглядѣлъ, и того бы ногтемъ прикрылъ, такъ бы только мокренько стало. — «А вотъ онъ каковъ», отозвался Илья, ударивъ Полкана шляпою Калѣки перехожаго по головѣ: и вогналъ ему голову промежь плечъ, раскололъ на двое пса-богатыря.

Илья, на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ на Окіанъ-море, о которомъ до того и слыхомъ не слыхать было; Соколъ-корабль насилу ушелъ отъ Сизаго-орла, — но вѣстей объ Ильѣ болѣе никакихъ. Куда онъ дѣвался, не говорится ни въ сказкахъ объ немъ, ни въ пѣсняхъ *).

КОНЕЦЪ 1-го ВЫПУСКА.

---

*) Я слышалъ слѣдующій разсказъ о кончинѣ Ильи. Ѣздилъ онъ съ Добрыней и Алешей, наѣзжалъ на диво — Невеличку, побороался, Невеличка помялъ ему бока, такъ что Муромецъ крякнулъ: „невелика, говоритъ, птичка, а носокъ востёръ.“ Покончивши съ нимъ, только что двинулись дальше: стоитъ каменный гробъ, безъ крышки. „Полѣзай“, говоритъ Алёшѣ; Алёша влѣзъ: гробъ ему великъ. Попыталъ Добрыня: гробъ ему узокъ. „Видно гробъ по мнѣ“, сказалъ Муромецъ и влѣзъ, снявши доспѣхи: откуда ни возьмись каменная крышка, захлопнула его накрѣпко. Кричитъ оттуда Илья, крышку силятся своротить, крышка не подается. „Берите мой мечь-кладенецъ, рубите имъ!“ Мечемъ ударили, — а на гробу появились два обруча и еще крѣпче его сжали. „Рубите обручи!“ — Рубятъ, — а ихъ стало четыре, потомъ шесть. „Пришелъ мнѣ конецъ“, послышался голосъ Муромца: „прощайте, товарищи!“ Раздѣлилъ онъ богатырямъ доспѣхи, разрядилъ все по завѣщанью, гробъ назначилъ гдѣ поставить, велѣлъ приходить на него молиться, и замолкъ. — *П. Безсоновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ 1-ГО ВЫПУСКА.

	Стран.
Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл.	I — II.
Предувѣдомленіе отъ Коммиссіи для печатанія пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ	I — IV.
Вступленіе къ Былевымъ пѣснямъ, П. В. Кирѣевскаго	IV — VI.
Пѣсни Былевыя. Время Владимірово.—Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ . .	1 — 94.
Приложенія.—Сказки 1, 2, 3 . .	I — XXII.
Свѣдѣніе о мѣстѣ погребенія Ильи Муромца, о памяти ему и службѣ	XXII.
I. Замѣтка о порядкѣ въ размѣщеніи пѣсень Былевыхъ, въ томъ числѣ пѣсень объ Ильѣ Муромцѣ, по содержанію самой были.	XXIII—XXIX.
II. Личныя воспоминанія К. С. Аксакова	XXIX—XXXII.
III. Отмѣтки изъ сказокъ и преданій въ народѣ объ Ильѣ Муромцѣ. В. И. Даля.	XXXII—XXXIV.

*

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

БЕЗЪ

ИЗМѢНЕНІЙ.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЫПУСКЪ 2.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

П. БЕЗСОНОВЫМЪ.

МОСКВА
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1875.

По опредѣленію Общества:

1873 года, Декабря 15; 1874, Октября 19; 1875, Марта 18.

Секретарь Общества и Редакторъ изданія

П. Безсоновъ.

Повторяется по прежнему просьба и предупрежденіе: не перепечатывать.

ВЫПУСКЪ II,
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ:
а) БОГАТЫРЬ ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЬ, ДРУЖИННИКЪ И РОДИЧЬ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЙ.
б) БОГАТЫРЬ АЛЕША ПОПОВИЧЬ
И
БРАТЬЯ ЗБРОДОВИЧИ (ЗБОРОДОВИЧИ: ДОРОДОВИЧИ).
в) БОГАТЫРЬ ВАСИЛІЙ (КАЗИМІРОВИЧЬ: ИГНАТЬЕВИЧЬ), ДОЛГОПОЛЫЙ, ПЬЯНИЦА.

I.

Выписка изъ протоколовъ Общества Любителей Россійской Словесности *).

1873 года, Декабря 15, CCLXXXVIII засѣданіе, п. 7. По малому количеству экземпляровъ 2-го выпуска «Пѣсней,» согласно представленію Д. чл. П. А. Безсонова постановлено: предоставить ему напечатать сей выпускъ вторымъ изданіемъ, съ пополненіями и въ 600 экземплярахъ, съ цѣною за каждый по 1 р. сер., по отпечатаніи же безотлагательно выпустить въ продажу не дожидаясь новыхъ распоряженій. — 1874 г., Октября 19, CCXCIV засѣданіе, п. 3. Представлены Обществу чистые листы 2-го изданія 2-го выпуска «Пѣсней,» собр. П. В. Кирѣевскимъ, отпечатанные по порученію Общества Д. чл. П. А. Безсоновымъ съ значительными дополненіями. — 1875 г., Марта 18, CCCIV засѣданіе.—Постановлено исполнить представленіе завѣдующаго изданіемъ «Пѣсней» о немедленномъ выпускѣ въ свѣтъ *первой половины* отпечатаннаго, съ утвержденною цѣною въ 1 р. сер. и съ тѣмъ, чтобы *вторая половина* того же (2-го) выпуска «Пѣсней,» въ такомъ же объемѣ и количествѣ экземпляровъ, поступила по выходѣ въ продажу съ одинаковой цѣною, не дожидаясь новыхъ распоряженій.

.I

---

*) Печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

I.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

1.

(Новгородъ).

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба новая!
Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридцать лѣтъ:
Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи.
Охъ ты поле моё, поле, поле чистое!
5. Заростало мое полюшко крапивушкой:
Что ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ.
Пробѣжало туто стадечко звѣриное,
Что звѣриное стадечко—сѣрыхъ волковъ;
Наперёдъ бѣжитъ собака лютый Скименъ-звѣрь:
10. Что на Скименѣ шёрсточка булатная,
Какъ у Скимена уши что востро копьё.
Прибѣжала воръ-собака ко Нѣпру-рѣкѣ,
Становилась воръ-собака на крутой берегъ,
Закричала воръ-собака по гусиному,
15. Зашипѣла воръ-собака по змѣиному:
Съ крутыхъ бережковъ песочикъ пріусыпался,
Во Нѣпру-рѣкѣ вода съ пескомъ смутилася,
Что ни бѣла ли рыбушка на низъ ушла.
Середи было двора княженецкаго,
20. Что не бѣлая берёза къ землѣ клонится 1),
Не шелковая трава разстилается,
Ужь какъ сынъ передъ матерью кланется:

---

1) Это сравненіе съ „бѣлою берёзою“ начинается въ богатырскихъ былинахъ именно съ Добрини и всего больше ему принадлежитъ (ср. ниже „Замѣтку“); потомъ употребляется при всякомъ отъѣздѣ или походѣ въ чужія далекія страны, особенно по службѣ невольной, и сосредоточивается на Шереметевѣ (вокругъ котораго и всѣ близкіе представляются „деревьями въ саду:“ ср. вып. VIII по 1-му изд. стр. 119—125 и слѣд.), далѣе при Красенщоковѣ (см. вып. IX по 1-му изд. стр. 150 и дал., въ особенности 153) и при всѣхъ уже подневольныхъ служивыхъ людяхъ (ср. вып. IX и X), пока на конецъ дѣлается „запѣвомъ“ или заголовкомъ всякой пѣсни подобнаго содержанія, обозначая мѣстность ея, сцену или точку отправленія „изъ подъ бѣ-

«Государыня моя ро́дна матушка,
«Ты честна̀ вдова Офимья Александровна!
25. «Еще дай ты мнѣ вели́ко благословлёньице;
«Я поѣду далёко во чисто̀ поле,
«Поищу́ своего̀ бра́тца и ро́днаго,
«Поищу я братца ро́днаго—Илью Муромца.»
— Охъ ты, сынъ ты мой, сынъ, чадо милое!
30. — Ещё какъ ты оставишь ро́дну матушку
— Безпріютную, безпризрѣ́нную? —

(9 Сент. 1884 г., Фекла; запис. П. В. К—мъ)

2.

(Тульской губ., Алексинск. уѣзда)

Охъ далече, охъ далече во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ—во раздольицѣ,
Выбѣгало тутъ стадечко звѣриное,
Что звѣриное, звѣриное-звѣиное.
5. На передъ-то выбѣгаетъ Ски́перъ-звѣрь:
На Ски́перу-звѣрю шерсть бумажная 1),
Круты рога и копытички булатные.
Отбѣгаетъ Ски́перъ-звѣрь ко Нѣпрѣ-рѣкѣ:
Въ Нѣпрѣ-рѣкѣ вода вся возмутилася,
10. Круты-красны бережёчки зашаталися,
Со хоро́мъ, братцы, вершёчки посвяталися.
Какъ зачу́ялъ воръ-собака нарожденьице:
Народился на Святой Руси, на богатой,
Молодёшенекъ Добрыня сынъ Никитьевичь.
15. Охъ далече, охъ далече во чистомъ полѣ,
Еще того подалѣ—во раздольицѣ,
Что не бѣлая берёза къ землѣ клонится,
Что не сынъ-то передъ матерью склоняется:

лыя берёзы кудреваетенькой."—Связанный съ симъ же, а здѣсь съ рожденіемъ и появленіемъ Добрыни, переворотъ во всей природѣ, неизмѣнно изображаемый былинами отъ Олега до Платова, объясненъ съ подробностію въ вып. К-мъ стр. 61—64.

1) Перенесено съ „бумажныхъ листьевъ" берёзы, играющихъ роль въ былинѣ этого разряда: см. № 4.

«Отпусти же меня, матушка родимая,
20. «Да на всѣ на четыре на сторонушки.»
— Охъ дитё ли, охъ дитё ли, чадо милое!
— На кого жь ты покидаешь свою матери 1)?—
«Покинаю 2) свою матушку я на́ Бога.»
— На кого жь ты покидаешь 2) молоду́ жену?—
25. «Молодой женѣ давно было приказано:
«Черезъ девять лѣтъ въ десятый день 3) за му́жь иди,
«Не ходи, моя Настасья, за Олёшеньку:
«Какъ Олёша-то Поповичь, воръ, насмѣшливъ былъ
«Онъ охочь былъ смѣяться чужимъ женамъ,
30. «Что чужимъ женамъ, молодымъ вдовамъ,
«Молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ.»

*

3.

(Симбирскъ).

Какъ далече ли далеченько
Во чистомъ полѣ,
Какъ не бѣлая берёза
Къ землѣ клонится,
5. Какъ кланяется сынъ
Своей матери:
«Не прошу я у тебя
«Не злата и не се́ребра,
«Ты пожалуй мнѣ
10. «Великое благословеньицо:
«Какъ поѣду я—поищу
«Свого брата названаго,
«Какъ старого козака
«Илью Муромца.»
15. А еще того подалѣе,—
За синё море,
Взбушевались-взволновались
Три Тата́рченка:
Они билися-рубилися
20. Ровно три часа;

1) По образцу „мати." — 2) Форма отъ „покинуть," съ выпускомъ д. — 3) Годъ?

Они били-разбивали
Весь Черниговъ градъ;
Напросили они
Душу красную дѣвицу,
25. Князей родную сестрицу...

(Запис. Д. А. Валуевымъ; не кончено: ср. образцы ниже).

*

4.

(Симбир. губ., село Голорино).

Не бѣла берёза ко землѣ клонится,
Не бумажные листочки 1) разстилаются,—
Сынъ ко матери приклоняется,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь:
5. «Охъ ты гой еси, моя матушка,
«Молода княгиня Тимоѳеевна!
«Не прошу ни золота, ни серебра,
«Только дай ты мнѣ великое благословленіе:
«По чисту полю мнѣ поѣздити,
10. «Свово добра коня понаѣздити,
«Могучи плечи порасправити,
«Всѣхъ 2) силушекъ проповѣдати 3),
«Поискать себѣ супротивничка.»
Тутъ возговоритъ родна матушка,
15. Молодая княгиня Тимоѳеевна:
— Ой ты гой еси, родно дитятко,
— Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь!
— То-то молодо, то-то зелено!
— Ты за что скоро принимаешься?—
20. Тутъ возговоритъ добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь:
«Ой ты гой еси, родна матушка,
«Молода княгиня Тимоѳеевна!
«Тебѣ меня дома не выучить:
25. «Еще жилъ-былъ родной дядюшка 4),

1) Въ пѣсняхъ болѣе позднихъ играетъ большую роль „листъ бумаги" (еще позднѣе—„гербовой"): отсюда перенесено въ старинія Вилины въ деревьямъ.— 2) Въ себѣ.—3) Попровѣдати: распровѣдать, попытать.—4) Въ 1-мъ изд. опечаткою „батюшка;" слѣдуетъ исправить Указатель въ нашемъ IV-мъ вып. 1-го изд. стр. 43, 105.

«Свѣтъ сударь Микита Романовичь,
«Жимши-бымши самъ состарѣлся,
«Состаримши переставился!»
Даетъ ему тутъ великое благословеньице,
30. По чисту полю козакомъ гулять.
Онъ и палъ ей во рѣзвы ноги:
«Ой ты гой еси, родная матушка,
«Молодая княгиня Тимоѳеевна!
«Ты не жди домой со ряду шесть лѣтъ,
35. «А еще не жди безъ ряду пять лѣтъ,
«Ты еще не жди ровно круглой годъ,—
«Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ;
«На тринадцатомъ году домой приду.»
Молодой женѣ сталъ наказывать:
40. «Ой ты гой еси, молода жена,
«Молода Памельфа Тимоѳеена!
«Ты не жди домой со ряду шесть лѣтъ,
«А еще не жди безъ ряду пять лѣтъ,
«Ты еще не жди ровно круглый годъ,—
45. «Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ;
«На тринадцатомъ году хоть за мужь поди,
«Хоть за князя иль за барина,
«Али за гостя за торговаго,
«Иль за мурзыньку за Татарина;
50. «Не ходи за Олёшу за Поповича,
«За бабьяго пересмѣшничка,
«За судейскаго перелестничка.»
Еще минуло со ряду шесть лѣтъ,
Еще минуло ровно три года,
55. Еще минуло ровно круглой годъ,—
Тому дѣлу стало девять лѣтъ.
На десятымъ году за мужь пошла,
А его слова не послушала:
Пошла не за князя, не за барина,
60. Не за гостя не за торговаго,
Не за мурзыньку не за Татарина,
Пошла за Олёшу за Поповича,
За бабьяго пересмѣшничка,
За судейскаго перелестничка.

65. Тутъ возговоритъ ему добрый конь:
— Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
— Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь!
— Ничего не знаешь и не вѣдаешь:
— Молода жена твоя за мужь пошла,—
70. — А твово слова не послушала:
— Не за князя, не за барина,
— И не за гостя за торговаго,
— Не за мурзыньку не за Татарина,
— Пошла за Алёшу за Поповича,
75. — За бабьяго пересмѣшничка,
— За судейскаго перелестничка.—
Слѣзалъ тутъ добрый молодецъ
Съ своего добра коня,
Онъ и палъ коню во рѣзвы ноги,
80. Во правую, во переднюю:
«Ой ты гой еси, конь, добра лошадь!
«Переставь домой черезъ три часа,
«Черезъ три часа, черезъ битые,
«Черезъ битые, со минутою!»
85. Тутъ возговоритъ конь, добра лошадь:
— Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
— Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь!
— Переставилъ бы я черезъ три часа,
— Черезъ три часа, безъ минуточки:
90. — Накладывай сѣделечко Черкасское,
— Подтягивай подпруженьки шелковыя,
— Подвязывай стременички серебряныя,
— Самъ ты вяжись крѣпко на крѣпко 1),—

Пріѣхалъ онъ къ широку двору,
95. Онъ и пнулъ столбы своимъ чоботомъ:
Столбики пошатилися,
Воротечки растворилися.
Онъ пускалъ коня не привязана,
Никому коня не приказывалъ,

---

1) *Вяжись* — къ коню, цѣпко держись. Пословица: „не хватися за гриву, за хвостъ не увяжешься.“

100. Самъ взошелъ въ палаты бѣлокаменны.
Во палатушкахъ родна матушка,
Молодая княгиня Тимоѳеевна.
Чудну образу помоляется,
Своей матушкѣ покланяется:
105. «Ой ты гой еси, родна матушка,
«Молодая княгиня Тимоѳеевна!
«Еще гдѣ моя молода жена?»
Тутъ его матушка не узнала:
— Ой ты гой еси, добрый молодецъ!
110. — Мое чадо было не эдако:
— На моемъ чадѣ платье Латынское,
— На тебѣ платье богатырское.—
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ:
115. «Ой ты гой еси, моя матушка,
«Молодая княгиня Тимоѳеевна!
«Износилъ я платье Латынское,
«Надѣвалъ платье богатырское.»
— На моемъ чадѣ есть примѣточка!
120. — На лѣвой ногѣ была родинка.—
Онъ скидалъ тутъ скоро сафьянъ-сапогъ,
Показалъ ей свою примѣточку.
Матушка тутъ его узнала:
— Ой ты гой еси, родно дитятко,
125. — Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичъ!
— Молода жена твоя за мужъ пошла,
— А твово слова не послушала,
— Не за князя, не за барина,
— Не за гостя за торговаго,
130. — Не за мурзыньку за Татарина,
— Пошла за Алешу за Поповича,
— За бабьяго пересѣшничка,
— За судейскаго перелестничка!—
«Ой ты гой еси, родна матушка,
135. «Молодая княгиня Тимоѳеевна!
«Еще гдѣ мои звончаты гусли?»
— Звончаты гусли на полочкѣ:

— У нихъ полочка 1) запылилася,
— А струночки перержавѣли.—
140. «Я пойду къ Алёшѣ на почéстной пиръ.»
Тутъ возгóворитъ родна матушка,
Молодая княгиня Тимоѳеевна:
— Охъ ты гой еси, роднò дитятко,
— Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь!
145. — Гдѣ тебѣ съ Алёшинькой тягатися?
— У нихъ тысяцкой Володимеръ князь,
— А дружкою Илья Муромецъ.—
Тутъ возгóворитъ добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь:
150. «Ой ты гой еси, родна матушка,
«Молодая княгиня Тимоѳеевна!
«Я пойду на пиръ по тихóхоньку,
«По тихóхоньку, по смирнёхоньку.»
Самъ приходитъ онъ на почéстной пиръ,
155. Чудну образу помоляется,
На всѣ стороны поклоняется:
«Здраствуй, Володимеръ князь
«Со своимъ со княземъ новобращнымъ,
«Со княгинею новобрашною!
160. «Еще здраствуй, Илья Муромецъ,
«Со своимъ со княземъ новобращнымъ,
«Со княгинею новобрашною!
«Прикажи мнѣ, сударь, при мѣстѣ быть.»
— Садись, добрый молодецъ,
165. — Середи избы на скамеечку.—
Наливали ему зеленà вина,
Зеленà вина полсемà ведра;
Принимаетъ онъ, молодецъ, одной рукой,
Выпиваетъ онъ за единый духъ.
170. И тутъ молодецъ не похмѣлился,
А возгóворилъ своимъ голосомъ:

---

1) *Полочка*—въ 1-мъ случаѣ доска, прибитая къ стѣнѣ, гдѣ лежали гусли; во 2-мъ доска и распорка, на которую вѣшались или натягивались струны; позднѣе, при переходѣ гуслей въ „гудокъ," это дека—верхняя доска для отзвука, резонанса.

«Ой ты гой еси, Володимеръ князь,
«Володимеръ князь, Илья Муромецъ!
«Прикажи, сударь, пыграть въ звончаты́ гусли?»
175. — Ты пыграй, пыграй, добрый молодецъ,
— Во свои-то звончаты́ гусли! —
Онъ и сталъ наи́грышки 1) наигрывать:
«Охъ вы гусли мои, гуслицы,
«Гусли мои звонча́тые!
180. «Вы лежали со ряду́ шесть лѣтъ,
«А еще́ лежали ровно три года,
«А еще лежали ровно круглой годъ,
«На десятомъ году играть стали!»
А другой наи́грышекъ сталъ наигрывать:
185. «Гдѣ это видано, еще гдѣ это слыхано,
«Отъ живà мужа за му́жь итти?...»
Молодая его жена догадалася;
Встаетъ съ мѣста княженецкаго,
Наливаетъ чару зеленà вина,
190. Зелена вина полпятà ведра,
Подноситъ она доброму молодцу,
Принимаетъ онъ во одну руку,
Выпиваетъ за единый духъ;
Самъ беретъ ее за праву́ руку;
195. «Ой ты гоі еси, Володимеръ князь,
«(Володимеръ князь,) Илья Муромецъ!
«Кланяюсь я къ себѣ на почéстный пиръ:
«У меня дѣло не пасёное 2),
«Зеленò вино не курёное
200. «И пойлице не варёное!»

(Доставилъ П. М. Яшковъ).

*

5.

(Локтевскій заводъ).

Какъ изъ да́леча-дале́ча,
Изъ чистà поля̀,

1) *Наигры*—напѣви, съ такимъ содержаніемъ.....—2) Не припасёное.

Изъ того было раздольица
Широкаго,
5. Что не грознзя бы туча
Накаталася,
Что не буйные бы вѣтры
Подымалися:
Напередъ то выбѣгаетъ
10. Лютой Скименъ-звѣрь;
Какъ на Скименѣ-то шорсточка
Булатная,
Напередъ-то его шорсточка
Спрокинулась.
15. Добѣгаетъ воръ-собака
До быстрой рѣки;
Становился воръ-собака
На задни лапы;
Закричалъ онъ, воръ-собака,
20. По звѣриному;
Засвисталъ онъ, воръ-собака,
По соловьему;
Зашипѣлъ онъ, воръ-собака,
По змѣиному.
25. Отъ его было отъ крику
Отъ звѣринаго,
Что быстрая рѣка-мать
Взволновалася;
Отъ его было отъ свисту
30. Отъ соловьяго,
Что темны лѣса къ сырой землѣ
Клонилися;
Отъ его было шипѣнья
Отъ змѣинаго,
35. Зелена трава въ чистомъ полѣ
Повянула.

(Только начало. Записано С. Н. Гуляевымъ. Ср. Приб. къ Изд. А. Н., т. II.)

*

6.

(Онега).

А не туця-то да не туця ту́цитсе,
Не те́меньё да не темень темнитсе:
Выбѣгало, братцы, звѣрей стадо;
Во̀ томъ ли стади лёвъ ли звѣрь;
5. А шерсь у льва дакъ 1) золоцёная,
А усы у льва да какъ шшики 2) стоятъ.
Крыцялъ лёвъ звѣрь по звѣриному,—
Поссы́пались тутъ кру́ты-красны бере́жоцьки,
Смутиласе мать Нѣпра̀-рѣка:
10. Заслышали рожденьицё Добрынино.
Дакъ въ тоё время родилсе Добрыня кнезь,
Сталъ Добрынюшка въ двѣнадцеть лѣтъ.
Поизволилъ Добрыня женитисе
На той ли Окулинуши Микулисьнёй.
15. Окулинуша годъ живетъ—жоной словетъ,
Да и дру́гой годъ живетъ—жоной словетъ,
На третёй годъ поѣжжатъ Добрыня въ чисто̀ полѐ.
Приступила къ ёму мать ро́дная,
Да приступила и жона моло́дая:
20. —На кого ты оставлёёшь мать свою ро́дную?
—На кого ты оставлёёшь и жену моло́дую?—
Отвѣцялъ Добрыня таковы слова:
«Оставлею мать я свою родную
«На Спаса Христа да съ Богородичей,
25. «А жену свою моло́дую
«Оставлею я на волюшку вольную.
«Годъ живи - дакъ жоной слови,
«Да другой годъ живи—все жоной слови,
«На третёй годъ не буду - дакъ вдовой слови,
30. «Вдовой слови, а хоть за му́жь поди,
«Хоть за кнезя поди, хоть за боерина,
«Хоть за̀ гостя поди торгового,

---

1) *Дакъ*=такъ; да какъ, такъ какъ. — 2) *Шшикъ (щикъ)*—щетина.—*Прим. 1-го изд.*

«Хоть за кресьенина поди богатого,—
«Только не ходи ты за Олёшу Поповиця:
35. «Онъ есь насмѣшникъ женьскіе!»
Дакъ Добрыня-та поѣхалъ во цисто̀ полё.
Годъ Окулинуша живетъ—жоной словетъ,
Да и дру́гой живетъ—жоной словетъ,
На третей-то годъ живетъ—да и вдовой словетъ,
40. Приходилъ къ ей Олеша Поповиць, говорилъ ей:
— Былъ я, Окулинуша, въ цисто̀мъ поли̇̀;
— По примѣтамъ знать—Добрынюшки живого нѣтъ:
— Голова у Добрынюшки отсѣцёна,
— Да во цистомъ поли̇̀ отъ тулова 1) откацёна,
45. — Выклёвали во́роны ясны̀ оци̇̀,
— Проросли травы сквозь ясны̀ оци,
— И чвѣтутъ чвѣты да все лазурёвы.
— Поди-тко ты, Окулинуша, за миня за му́жь.—
И да́ла, вить, ему Окулинуша
50. Слово итти да въ замужесьво.
Собирались на̀ вецеръ на послѣдніе—
Съ того со вецера итти ко Божьи̇̀мъ церквамъ,
Принимать вѣнчи пресвѣтлые,
Перстнеми обруцетьсе золоцёныма.
55. А во тую-ту пору̀, во чисто̀мъ поли̇̀,
Не туця темнитсе, не со̀лнышко выкатаитсе,
(Не арміи 2) изъ чиста̀ поли̇̀ вымаитсе,
По примѣтамъ знать—ѣдётъ Руськой богатырь,
А на̀ имя ѣдётъ Добрыня кнезь.
60. Пріѣжжатъ онъ ко городу ко Кіеву,
А изъ города-то да изъ Кіева
Идутъ двѣ калики перехожіе.
Нацялъ Добрыня у каликъ спрашивати.
А калики нацяли да сказывати:
65. «Все ли де во Кіеви по старому?»
Отвѣцели калики:—Все во Кіевѣ по старому,
— Развѣ въ Кіеви только и нового,
— Што Олёша Поповиць женитсе
— На той ли Окулинуши Микулисьнёй.—

1) *Тулово*—туловище.—*Прим. 1-го изд.*—2) Позднѣйшая вставка.

70. Говоритъ Добрыня таковы слова:
«Дайте-тко мнѣ платья калисьнёго.»
Скидывалъ Добрыня платьё кижесько,
Надѣвалъ Добрыня платьё калисьнёё,
Ише взялъ съ собой звонцятой гудокъ 1),
75. И пошелъ смотрять на свадьбу Олёшину.
Становился онъ о верію 2) тоцёную.
Вси въ гудки играютъ, и вси увеселяютъ.
Нацяли гудосьниковъ удабривать,
И виномъ-то ихъ стали попаивать,
80. А не даютъ калики цяры зелена вина;
Да и платы-то гудосьныя не даютъ,
А за то ему не даютъ,
Што не игралъ въ свой гудокъ.
И говорилъ калика перехожіе:
85. «Прикажи-тко, Олёша, во вси гудки молцети,
«А я нацыну въ свой гудокъ играти,
«Штобы не лишили миня платы-то гудосьныя,
«Да и цярой зелена вина не обнесли.»
Нацяли во вси гудки молцети,
90. Дакъ и нацялъ калика играть въ свой гудокъ.
Нацялъ во гудки 3) онъ выговаривать:
«Добро, добро бы Окулинуши за мужъ нейти,
«Што было отъ Добрынюшки запрёшшоно....»
Мудры-ты люди догадалисе,
95. А глупы люди дивовалисе,
Какъ калика перехожіе
Узналъ приказанье Добрынино?
А мудры-ты люди соглашалисе
Дать калики цяра 4) зелена вина,
100. И тая цяра полтора вёдра.
Принималъ калика единой рукой,
Выпивалъ калика на единой духъ,
А выпивалъ онъ цяру до суха,
Клалъ онъ въ цяру свой злацёнъ перстёнъ.

---

1) Позднѣе гуслей: съ декою, резонансомъ, смыкомъ, жильными струнами и строемъ въ кварту.—2) Верею, дверную стойку.—3) Подъ гудокъ, подъ музыку.—4) Древнее словосочиненіе.

105. Тѣмъ-то перстнёмъ и обруцелисе.
Тутъ и видитъ Олёша, што Добрыня князь.
Падаётъ Окулинуша въ рѣзвы ноги.
Да во рѣзвы ноги Добрынюшкины:
— Ты прости-тко, прости бабу глупую,
110. — Тую жонку прости нерозумную!—
«Подь-ка ты, Окулинуша, въ своя домы.
«Да живи-тко, живи по прежному!»
Сидитъ Олёша за столомъ, да задумалсе,
И говоритъ Олёша таковы слова:
115. — Быдто Олёша и жонатъ бывалъ!
— Быдто Олёша и съ жоной живалъ!—

(Записано г. Верещагинымъ; ср. Приб. къ Изв. А. Н. XXXIX, № 8, л. CIV—XXIII).

*

7.

(Село Павлово, Нижегор. губ.).

Сѣдлатъ Добрыня добра коня нерадыщенъ,
Въ хорошо сидѣличько Черкавское;
Подпруживатъ двѣнадцать подпружинокъ шелковыехъ,
Не ради красы, ради крѣпости,
5. Ради нужново дѣла богатырсково.
Увидала Добрыню молода жона,
Молода жона, Агрофена Григорьевна:
— Што сѣдлашь ты добра коня нерадыщенъ
— Въ хорошо сидѣличько Черкавское,
10. — Ты подпруживашь двѣнадцать подпружинокъ шелковыехъ?
— Ты далеко ль, другъ, ѣдешь, скоро ль будешь?—
Тутъ возговоритъ Добрыня Никитичь:
«Охъ ты гой еси, Агрофена Григорьевна!
«Я далико больно ѣду, и не скоро буду:
15. «Ѣду я на годы на урочные, на двѣнадцать лѣтъ,
«Побить мнѣ силушки двѣнадцать ордъ.»
Увидала Добрыню родная матушка,
Стара вдова Офимья Лександровна:
— Охъ ты гой еси, родимо моё дитятко!
20. — Што сѣдлашь добра коня нерадыщенъ

— Въ хорошо сѣдѣличько Черкавское,
— Подпруживашь двѣнадцать подпружинокъ шелко-
выехъ,
— Не ради красы, ради крѣпости,
— Ради нужново дѣла богатырековo?
25. — Далёко ли ѣдешь, скоро ль будешь?—
Отвѣтъ держитъ Добрыня Никитичь:
«Охъ ты гой еси, родима моя матушка!
«Далёко я ѣду, и не скоро буду:
«Ѣду я на годы на урочные, на двѣнадцать лѣтъ,
30. «Побить мнѣ силушки двѣнадцать ордъ.»
Тутъ возговоритъ вдова таково слово:
— Охъ ты гой еси, родимо мое дитятко!
— На ково ты покидаешь молоду жену,
— Да ужь молоду—Агрофену Григорьевну?—
35. «На тя я покидаю, родима матушка:
«Хоша клюшницой пови её, хошь постельницой,
«Хошь вдовой держи, хошь за мужь отдай,
«Хошь за князя отдай, хошь за барина,
«Хошь за нашево за брата за богатыря;
40. «Не отдай только за мово недруга,
«За тово ли за Олёшку за Поповича.»
Поѣхалъ Добрыня съ широка двора,
А вдова пошла на красёнъ крылецъ,
Глядитъ она во даличе, во чисто поле,
45. Возговоритъ вдова таково слово:
— Укатается изъ глазъ красно солнышко,
— Уѣзжаетъ изъ виду доброй молодецъ!—

Минуло Добрынѣ двѣнадцать лѣтъ.
Стали къ Агрофенѣ женихи свататьса,
50. Сватомъ-ту самъ батюшка Володиміръ князь,
А свахой-ту сама княгиня Епраксія,
За тово ли за Олёшку за Поповича.
Агрофена свата дарила ширинокой,
Другой дарила свахыньку;
55. Олёшку-ту дарила каленой стрѣлой.
Проводила вдова Агрофену съ широка двора,
Сама пошла на красёнъ крылецъ.

Глядитъ она по далече, по чистѣ поле:
Не слонъ въ чистомъ полѣ слонится 1),
60. Не сырой дубъ въ полѣ шатается,—
Слонитса-шатается доброй молодецъ,
Онъ и прямо ко двору ко вдовиному.
Не узнаётъ Добрыню родима матушка,
Говоритъ вдова таково слово:
65. — У мово-та у Добрынюшки была примѣтычка,—
— Што на правой ногѣ у него родинка.—
Скидаетъ Добрыня зелёнъ сапогъ,
Кажетъ родимой примѣточку.
Назвалса онъ скоморокомъ Данилой Заморшинымъ 2),
70. Пошолъ на пиръ ко князю Володиміру,
И сталъ онъ наигрышки наигрывать:
«Гулялъ я, молодецъ, двѣнадцать лѣтъ,
«Побилъ я силушки двѣнадцать ордъ:
«Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
75. «Отъ живово мужа жону отнять!
«И теперь-та по приказу княженецкому
«Поднесу молодымъ чару заздравную.»
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Опушшалъ именной перстень туда:
80. Выпивалъ молодой полъ чарычки,
А останну половину Агрофена Григорьевна;
Примѣчала она именной перстень,
А по немъ узнавала и мила дружка,
Мила дружка Добрыню Никитича;
85. Бросившись къ нему, слово молвила:
— Государь ты мой, Добрыня Никитичь!
— Не давай меня Олёшкѣ немилому,
— Будь мой мужъ по старому, по бывалому! —

(Записано Е. Ѳаворскимъ; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. I).

*

1) Сопоставленіе указываетъ на словопроизводство имени *слона*, по его походкѣ: какъ онъ грузно ступаетъ переваливаясь (слонятся) и толстою тушей задѣваетъ на пути (прислоняется, касается). Ср. производство *льва* по его рыканью въ нашемъ примѣч. при Грамматикѣ К. С. Аксакова. — 2) Сравни примѣчаніе на стр. 45.

8.

(Саратовъ).

Тамъ далéче, тамъ далéче во чистòмъ полѣ,
Какъ того еще подалѣй—во раздольицѣ,
Что не бѣлая береза къ землѣ клонится.
Не шелковая въ полѣ травка разстилается,
5. Ужь какъ кланяется сынъ своей матери:
«Ужь ты гой еси, родима моя матушка!
«Ты пожалуй мнѣ свое благословеньице:
«Я поѣду погуляю во чистò поле,
«Поищу я тамъ свово брата названнаго,
10. «Что старово казака—Илью Муромца.»
— Молодешенекъ, Добрынюшка, въ путь сбираешься:
— На кого ты покидаешь свою матушку,
— На кого ты оставляешь молоду жену,
— Молоду жену—Настасью Гурьишну?—
15. «Что давно моей Настасьѣ было сказано,
«За недѣлюшку Гурьишнѣ повѣдано:
«Что вдовѣть моей Настасьѣ ровно десять 1) лѣтъ,
«На десятыимъ годочкѣ ей своя воля,—
«Хоть во вдовахъ она сиди, хоть за мужь поди,
20. «Хоть за князя, хоть за боярина,
«Хоть за сильнаго-могучаго богáтыря,
«Не ходи только за Олешку за Поповича:
«Что Олешка-то Поповичь онъ насмѣшникъ былъ,
«Онъ любилъ-любилъ смѣяться на чужіихъ женъ,
25. «На чужіихъ женъ, на красныхъ дѣвушекъ.»
Не видали, какъ Добрынюшка коня сѣдлалъ,
Только видѣли, какъ Добрынюшка со двора съѣзжалъ.

Ужь какъ минуло Добрынѣ ровно девять лѣтъ.
На десятыимъ годочкѣ ей своя воля.
30. Выходила она за мужь за Олешку за Поповича,
А сватомъ-то былъ самъ Володимеръ князь....
Что не ясные два сокола солеталися,
Два сильные-могучіе богатырья соѣзжалися—

1) Девять?

Что съѣзжалися Добрыня со Поповичемъ на смертный бой 1)

(Записано г. Пасхаловою; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. III),

*

9.

(Кирша Даниловъ. Др. Росс. Стихотв.).

Въ стольномъ городѣ въ Кіевѣ,
Что у ласкова сударь-князя Владиміра,
Было пированье, почёстной пиръ,
Было столованье, почёстной столъ,
5. На многіе князи и бояра,
И на Рускіе могучіе богатыри.
А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ въ полу́-столѣ,
Владиміръ князь разпотѣшился,
10. По свѣтлой гридиѣ похаживаетъ,
Черны кудри разчёсываетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
«Изъ сильныхъ-могучихъ богатырей,
15. «А кто бы сослужилъ службу дальную,
«А и дальну службу—заочную?
«Кто бы съѣздилъ въ орды немирныя
«И очистилъ дороги прямоѣзжія
«До моего тестя любимаго,
20. «До грозна короля Этмануйла Этмануйловича,
«Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
«Прекротилъ Сорочину долгополую 2),
«А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
«И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
25. «Чукши всѣ бы и Алюторы?»
Втапоры большой за мéньшаго хоронится,
А отъ мéньшаго ему, князю, отвѣту нѣтъ.

---

1) Въ „Лѣтоп. Р. литер. и др.“ изъ сборн. Костомар. и Морд. неумѣстная, сочиненная прибавка: „И отсѣкъ ему буйну голову съ богатырскихъ плечь.“ Добрыня только наказалъ, но не убивалъ: ср. вып. VII изд. 1, Дополн. стр. II, и Указатель въ IV-мъ.

Изъ того было стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
30. Выступается удалъ-доброй молодецъ,
Молодой Добрыня Никитичь младъ:
— Гой еси, сударь ты мой дядюшка,
— Ласково солнце, Владиміръ князь!
— Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
35. — Быть передъ княземъ невольникомъ 1):
— Я сослужу службу дальную,
— Службу дальную, заочную,
— Съѣзжу я въ орды немирныя,
— Очищу дороги прямоѣзжія
40. — До твоего тестя любимаго,
— До грозна короля Этмануйла Этмануйловича:
— А и вырублю Чудь бѣлоглазую,
— Прекрочу Сорочину долгополую 2),
— А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
45. — А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
— Чукши всѣ и Алюторы. —
Втапоры Владиміръ князь
Приказалъ наливать чáру зеленà вина въ полтора ведра,
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра,
50. Подавали Добрынѣ Никитичу.
Принимаетъ онъ Добрыня единòй рукой,
Выпиваетъ молодецъ едины́мъ духомъ
И турій рогъ меду сладкаго.
И пошелъ онъ, Добрыня Никитичь младъ,
55. Съ княженецкаго двора къ своей сударынѣ матушкѣ,
Проситъ благословеніе великое:
— Благослови меня, матушка,
— Матерà вдова Афимья Александровна,
— Ѣхать въ дальни орды немирныя!
60. — Дай мнѣ благословеніе на шесть лѣтъ,
— Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ.—
Говорила ему матушка:
«На кого покидаешь ты молодỳ жену,

1) Коли нѣтъ у тебя охотниковъ, такъ по неволѣ приходится мнѣ.—2) Игра словъ: укротить долгополыхъ.

«Молоду Настасью Никулишну?
65. «За чѣмъ же ты, дитятко, и бралъ за себя?
«Что не прошли твои дни свадебные,
«Не успѣлъ ты отпраздновати радости своей,
«Да передъ княземъ разхвастался въ походъ иттить?»
Говорилъ ей Добрынюшка Никитьевичь:
70. — А ты гой еси, моя сударыня матушка,
— Честна вдова Афимья Александровна!
— Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть?
— Изъ чего же насъ богатырей князю и жаловати?—
И даетъ ему матушка свое благословеніе великое
75. На тѣ годы уреченные.
Прощается Добрыня Никитичь младъ
Съ молодой женой, съ душой Настасьей Никулишной,
Самъ молодой женѣ наказываетъ:
— Жди меня, Настасья, шесть лѣтъ;
80. — А если бо 1) не дождешься въ шесть лѣтъ,
— То жди меня въ двѣнадцать лѣтъ;
— Коли пройдетъ двѣнадцать лѣтъ,
— Хоть за князя поди, хоть за боярина,
— Не ходи только за брата названаго,
85. — За молода Алёшу Поповича.—

И поѣхалъ Добрыня Никитичь младъ
Въ славныя орды немирныя.
А и ѣздитъ Добрыня недѣлю въ нихъ,
Въ тѣхъ ордахъ немирныихъ,
90. А и ѣздитъ уже другую;
Рубитъ Чудь бѣлоглазую,
И тое Сорочину долгополую,
А и тѣхъ Черкеевъ Пятигорскіихъ,
А и тѣхъ Калмыкъ съ Татарами,
95. И Чукши всѣ и Алюторы,—
Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ.
Очистилъ дорогу прямоѣзжую
До его-то 2) тестя любимаго,
До грознаго короля Этмануйла Этмануйловича.
100. А втапоры Настасьѣ шесть лѣтъ прошло;

1) Сокращено изъ „было:“ бы; будущее условное.—2) Владиміра.

И не мало время замѣшкавши,
Прошли ей Никулишнѣ всѣ сполна двѣнадцать лѣтъ.
А никто уже на Настасьѣ не сватается,
Посватался Владиміръ князь стольной Кіевской;
105. А за молода Алёшиньку Поповича.
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко вѣнцу повезли.
Втапоры Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ градъ.
Старые люди переговариваютъ 1):
110. «Знать, де, полетка соколиная,
«Видѣть и поѣздка молодецкая,
«Что быть Добрынѣ Никитичу 2)!»
И проѣхалъ молодецъ на вдовій дворъ,
Пріѣхалъ къ ней середи двора,
115. Скочилъ Добрыня со добра коня,
Привязалъ къ дубову столбу,
Къ тому кольцу булатному.
Матушка его старехонька:
Некому Добрынюшку встрѣтити.
120. Походилъ Добрыня во свѣтлу гридню,
Онъ Спасову образу молится,
Матушкѣ своей кланяется:
— А ты здравствуй, сударыня матушка,
— Матера вдова, Афимья Александровна!
125. — Въ домѣ ли женушка моя?—
Втапоры его матушка заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой еси, мое чадо милое!
«А твоя ли жена за мужь пошла
130. «За молода Алёшу Поповича;
«Нынѣ они у вѣнца стоятъ.»
И походитъ онъ, Добрыня Никитичь младъ,
Ко великому князю появитися.
Втапоры Владиміръ князь съ тою свадьбою
135. Пріѣхалъ отъ церкви на свой княженецкой дворъ;
Пошли во свѣтлы гридни,
Садилися за убраные столы.

---

1) Переговариваютъ.—2) Замѣтно и видно, что надо быть онъ.

Приходилъ же тутъ Добрыня Никитичь младъ;
Онъ молится Спасову образу,
140. Кланяется князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ,
На всѣ четыре стороны:
— Здравствуй ты, осударь, Владиміръ князь
— Со душою княгинею Апраксѣевною!
— Сослужилъ я, Добрыня, тебѣ князю службу заочную:
145. — Съѣздилъ въ дальны орды немирныя,
— И сдѣлалъ дорогу прямоѣзжую
— До твоего тестя любимаго,
— До грознаго короля Этмануйла Этмануйловича;
— Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
150. — Прекротилъ Сорочину долгополую,
— И тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
— А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
— Чукши всѣ и Алюторы. —
Втапоры за то князь похвалилъ:
155. «Исполать 1) тебѣ, доброй молодецъ,
«Что служишь князю вѣрою и правдою!»
Говоритъ тутъ Добрыня Никитичь младъ:
— Гой еси, сударь, мой дяюшка,
— Ласково солнце, Владиміръ князь!
160. — Не диво Алёшѣ Поповичу,
— Диво князю Владиміру:
— Хочетъ у жива мужа жену отнять!—
Втапоры Настасья засовалася,
Хочетъ прямо скочить, обезчестить столы;
165. Говорилъ Добрыня Никитичь младъ:
— А и ты, душка, Настасья Никулишна!
— Прямо не скачи, не безчести столы!
— Будетъ пора—кругомъ обойдешь.—
Взялъ за руку ее и вывелъ изъ-за убраныхъ столовъ,
170. Поклонился князю Владиміру,
Да и молоду Алёшѣ Поповичу,
Говорилъ таково слово:
— Гой еси, мой названой братъ,

---

1) См. примѣч. 17 на стр. 75 нашего выпуска IX по 1-му изданію.

— Алёша Поповичь младъ!
175. — Здравствуй, женившись!—да не съ кѣмъ спать!—

(См. № 10-й въ Дополненіяхъ при семъ выпускѣ подъ знакомъ I).

II.

1.

(Олонецкой губерніи).

I-я половина. Часть а).

Добрынюшки 1) матушка говорила:
Что «молодъ началъ ѣздить во чисто̀ поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Топтать-то молодыхъ змиенышей,
5. «Выручать-то полоновъ Русскіихъ.
«Не купли́сь, Добрыня, во Пучай-рѣки:
«Пучай-рѣка есть свирипая,
«Середня струйка какъ огонь сичетъ.»
Добрынюшка матушки не слушался,
10. Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра̀ коня;
Сѣдлалъ бурка во сидѣлышко Черкасское,
Потнички клалъ на потнички 2),
А на потнички кладетъ войлочки,
15. А на войлочки кладетъ Черкасское сидѣлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двинадцать тугихъ по́дпруговъ,
А тринадцатую 3) клалъ ради крѣпости,
Чтобы 3) добрый конь съ сѣдла 4) не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ 5).
20. Подпруги были шелко́выя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпеньки 6) у подпруговъ всё булатныя:
Тутъ шелкъ не рвется, и булатъ не трется,
Красно золото не ржавиетъ,
25. Молодецъ на кони сидитъ— не стариетъ.

---

1) Пѣвецъ произносилъ ѣ какъ *и*.—2) Подстилки подъ сѣдло, чтобъ не тереть лошади.—3) Варіанты (изъ провѣрки Рыбникова, отпечат. у него въ III-мъ томѣ): „тринадцату;“ „чтобъ.“ — 4) Вар. „съ-подъ сѣдла.“—5) Не вырутилъ, не выбросилъ. - 6) *Шпеньки* (*штенекъ*)—пряжечныя шпильки.

Какъ онъ былъ во чистомъ поли,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыихъ змиенышей 1),
Повыручилъ полоновъ Русскіихъ,
30. Богатырско его его сердце пожадѣлося 2),
Пожадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣки,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
35. Снималъ съ себя платье цвитное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
«Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
40. «Мнѣ Никитичу матушка наказывала,
«Что «не изди далече во чисто поле,
««На тую гору Сорочинскую,
««Не топчи-ко младыихъ змиенышей 1),
««Не выручай полоновъ Русскіихъ,
45. ««Не купли́сь Добрыня, во Пучай-рѣки,
««Что Пучай-рѣка есть свирипая:
««Середня струйка какъ огонь сичетъ.»
«А Пучай-рѣка есть кротка-смирна:
«Она будто лужа дожжёвая.»
50. Какъ въ тую пору въ то время
Вѣтра нѣтъ, тучу на́днесло,
Тучи нѣтъ, а только дожжь дожжитъ,
Дожжя-то нѣтъ, искры сыпятся,—
Летитъ Змиище-Горынчище,
55. О двинадцати змия о хоботахъ.
Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Теперича Добрыня въ моихъ рукахъ,
— Захочу—Добрыню теперь потоплю,
60. — Захочу—Добрыню въ хобота̀ возьму,

---

1) Вар. „младыхъ змѣеннышевъ.“ — 2) Вар. „нажадѣлося:“ почувствовало жажду.

— Въ хобота возьму и на Русь возьму 1),
— Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.—
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ:
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
65. Нырнетъ на бережекъ на здѣшній;
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныихъ,
И нѣтъ меча бурзамецкаго,
Только что лежитъ на земли пухо́въ колпакъ,
70. Насыпанъ колпакъ земли Греческой 2),
По вѣсу колпакъ цѣло три́ пуда.
Онъ схватилъ колпакъ земли Греческой,
Махнулъ 3) во змию во проклятую,
Ошибъ змиѣ двинадцать всѣхъ хоботовъ,
75. Упала змия во ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку былъ по́вертокъ,
Скочилъ на змиинины 4) груди бѣлыя.
А змия Добрынѣ ему взмолится 4):
— Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитичь 4)!
80. — Мы положимъ заповѣдь великую,
— Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
— Не носить людей больше Русскіихъ,
— Не копить мнѣ полоновъ Русскіихъ,
— А тебѣ не издить далече 4) во чисто поле,
85. — Не топтать ти младыихъ змиенышей 4),
— Не выручать полоновъ Русскіихъ.—
Положили они заповѣдь великую 5).

*

Часть 6).

Тая змия она проклятая
Поднялась она въ верхъ подъ облаку,
90. Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ-градъ,
Увидала она князеву племянницу,
Припадала змия ко сырой земли,

1) Снесу? Ослышка. Вар. „и въ нору́ снесу“ (отсюда возникло *на-ру-с*).— 2) У Добрыни былъ „колпакъ земли Греческой,“ πέτασος, т. е. дорожный, съ широкими полями, такъ что изъ него можно было сдѣлать большой куль; Добрыня и насыпалъ его землею, пескомъ, чтобы бросить въ Горынича; но пѣвецъ, смѣшавъ то и другое, передаетъ, что колпакъ былъ „насыпанъ земли Греческой.“—3) Вар. „Шибнётъ.“—4) Вар. „змѣинны;“ „змолится;“ „Никитиничь;“ „змѣеннышевъ.“—5) Къ этой части, какъ особой былинѣ, см. ниже варіантъ въ нашихъ Дополненіяхъ подъ знакомъ П.—Слѣдующая часть былины въ варіантѣ начинается стихомъ: „Какъ спустилъ змѣю съ-подъ колѣнъ своихъ.“

Схватила она князеву племянницу,
Унесла въ нору во глубокую.
95. Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
По три дня онъ билицъ-волшебницъ 1) скликивалъ,
Не могъ билицъ онъ докликатися,
Кто бы могъ съиздить далече 2) во чисто поле.
Говоритъ Алешенька Леонтьевичь 2):
100. Что солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
«Накинь-ко эту службу великую
«На того Добрыню на Никитича:
«У того Добрыни у Никитича
«Со змией вѣдь заповѣдь положена 3);
105 «Онъ достанетъ намъ Забаву 3) Путятичну
«Безъ бою, безъ драки-кровопролитія 3).»
Накинулъ онъ службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Онъ пошелъ Добрыня, закручинился,
110. Встрѣчаетъ его государыня матушка:
— Что же ты, Добрынюшка Никитичь 4),
— Идешь съ пиру—самъ кручинишься?
— Знать мѣсто было тамъ не пó чину,
— Чарой на пиру тебя пріóбнесли,
115. — Аль дуракъ на пиру надсмѣялся, де?—
Говорилъ Добрынюшка Никитичь 4):
Что «мѣсто мнѣ было пó чину,
«Чарой на пиру меня не óбнесли,
«И дуракъ надо мной не надсмѣялся, де;
120. «А накинулъ службу, де, великую
«Тотъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
«Что съиздить далече 2) во чисто поле,
«Сходить на тую гору Сорочинскую,
«Сходить во нору во глубокую,
125. «Достать-то князеву племянницу,
«Молоду Забаву дочь Путятичну.»

---

1) Древнѣйшая (сохранившаяся) форма — *балица*, сильная, наговорщица, чародѣйка; потомъ *бѣлица* (какъ и употребительно, ср. Рыбникова т. III: здѣсь *и* вм. *ѣ*), то же, что „бѣлая вила" у Южн. Славянъ, эльфъ (alba); позднѣе (представленіе матеріальнѣе и обиходнѣе) — *былица* (отъ *быль, былье*), кореньщица, травница.—2) Вар. „во далече;" „Левонтьевичь"=Поповичь.— 3) За симъ вар.: „Онъ съѣздитъ далече во чисто поле."—*Забаву—Запаву*, ссбств. имя.—Вар. „кроволитія".—4) „Никитиничь."

Говорила родна его матушка:
— Ложись-ко спать рано съ вечера,
— Утро будетъ оное мудрое,
130. — Мудренѣе утро будетъ вечера 1).—
Онъ вставалъ по утрушку ранешенько,
Умывался по утрушку бѣлешенько,
Снаряжался хорошохонько 2);
Обсидлалъ онъ дѣдушкова 3) добра коня;
135. Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощаньицѣ 4) плетку подала:
— Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко!
— Возьми-ко плеточку шелковую 4),
140. — И бей бурка промежу уши,
— И бей бурка промежу ноги,
— Промежу ноги да между заднія:
— Что станетъ твой бурушко поскакивать,
— Змиенышей отъ ногъ отряхивать,
145. — Притопчетъ всѣхъ до единаго.—
Какъ будетъ онъ далече 5) во чистомъ поли,
На тыя горы Сорочинскія,
Потопталъ онъ младыихъ змиенышей 5),
Повыручилъ полоновъ Русскіихъ;
150. Тыи же младые змиеныши
Подточили у бурка они щёточки 6),
Что не можетъ онъ, бурушко, поскакивать,
Змиенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.
Онъ бралъ, де, плеточку шелковую,
155. Бьетъ бурка промежу уши,
И бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги да между заднія 7).
И сталъ его бурушко поскакивать,
Змиенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
160. Притопталъ онъ всѣхъ до единаго.
Выходила змия тутъ проклятая
Изъ тыя 7) изъ норы изъ глубокія,

1) Пословица; вар. „оно.“—2) Или „хорошошенько,“ или выше „ранёхонько, бѣлёхонько.“—3) Ср. въ концѣ „Замѣтку.“ 4) Вар. „на прощеньице,“ а послѣ ст. 139: „Когда будешь во далечѣ во ч. п., На тоя горы на Сорочинскія, Потопчешь млад. змѣенышевъ, Тыи младые змѣеныши Подточатъ они у коня щеточки...“—5) Вар. „во далечѣ;“. „змѣенышевъ.“—6) Мѣсто надъ копытомъ.—7) Вар. „И промежу ноги, ноги заднія;“ „изъ тоя.“

Говорила змия ему проклятая:
— Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитиничь!
165. — Ты за чѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
— Притопталъ всѣхъ малыихъ дѣтушекъ?—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничь:
«Ай же ты, змия да проклятая!
«Черти ли тебя несли черезъ Кіевъ градъ,
170. «За чѣмъ взяла князеву племянницу,
«Молоду Забаву дочь Путятичну?
«Отдай ее безъ драки-кровопролитія!»
Говорила змия ему проклятая:
— Не отдамъ я князевой племянницы
175. — Безъ бою, безъ драки-кровопролитія 1).—
Заводила она бой-драку великую,
Дрался со змией онъ трои сутки 1),
Онъ убилъ змию-то проклятую,
Спустился въ нору во глубокую:
180. Много тамъ сидитъ царей, царевичевъ,
Много королей, королевичевъ,
Простой-то силы и смѣты нѣтъ,
Насчиталъ онъ силы сорокъ тысячь.
Говоритъ онъ князевой племянницы,
185. Молодой Забавы дочь-Путятичной:
«За тебя я этакъ странствую!
«Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
«Ко ласкову князю ко Владиміру;
«А вамъ всѣмъ, господа, воля вольная!»
190. Повезъ онъ князеву племянницу,
По той-то пути по дороженьки;
Увидалъ онъ бродъ лошадиный,
По колѣну у ней въ землю угрязнуто 2).
Онъ догналъ Алешеньку Леонтьевича,
195. Вручилъ ему князеву племянницу,
Тую ль Забаву дочь Путятичну,
Велѣлъ свезти ко граду ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру.

*

1) Вар. „кроволитія;“ послѣ же ст. 177-го большой эпизодъ, который см. въ Дополн. III.—2) *Лошадиный бродъ*—слѣдъ; онъ былъ глубокъ—по колѣно вдавленная грязь.—„У ней“—у земли.

Часть в).

Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошединымъ.
200. Догналъ поленицу, женщину великую.
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони пріужахнется.
205. Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной 1) былъ дубъ шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ 2);
Самъ говоритъ таково слово:
210. «Сила у Добрыни все 1) по старому,
«А смѣлость у Добрыни не по старому.»
Онъ назадъ Добрынюшка воротится 1),
Догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
215. Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони пріужахнется 3).
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ саженъ двинадцати,
220. Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
«Сила у Добрыни все 1) по старому,
«А смѣлость у Добрыни не по старому.»
225. Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую поленицу въ буйну голову,—
Поленица назадъ пріоглянется,
230. Сама говоритъ таково слово:
— Я думала, что комарики покусываютъ,
— Ажно Русскіи могучіи богатыри пощелкиваютъ 4)!—
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,

1) Вар. „толщиною;“ „есть“ вмѣсто „все;“ „воротился (хуже).“ — 2) На драни.—3) Послѣ сего вар. „Назадъ Д—ка воротится (хуже).“—4) Вар. „Я думала, комарики... Ажно Русскій могучій б—рь пощалкиваетъ.“

Посадила его во глубокъ карманъ,
235. Везла она Добрыню трое сутки;
Испровѣщется какъ ей добрый конь 1):
«Ахъ 1) ты ей, Настасья, дочь Никулична!
«Не могу везти васъ съ бога́тыремъ:
«Конь у бога́тыря противъ меня,
240. «А сила у бога́тыря супротивъ тебя 2).»
Говорила Настасья дочь Никулична 3):
— Ежели богатырь онъ старой 3),
— Я богатырю голову срублю;
— А ежели богатырь онъ младой 3),
245. — Я богатыря въ полонъ возьму;
— А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
— Я теперича за бога́тыря за му́жь пойду.—
Повыкинетъ 3) Добрыню изъ карманчика:
Добрыня ей тутъ понравился 3).
250. Поѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Принесли они по злату вѣнцу.
Тутъ за три 3) дня было пированьице
Про молода Добрыню про Никитича,
255. Что досталъ онъ князеву племянницу.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на ти́шину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послу́шанье 4).

***

II-я половина.

Говоритъ Добрыня сынъ Никитичь
260 Своей государынѣ родной матушкѣ:
«Ахъ ты ей, государыни родна матушка!
«Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго споро́дила?
«Спородила бы, государыни родна матушка,
«Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
265. «Завернула въ тонкой во льня́ной во рука́вичекъ,

1) Вар. послѣ ст. 236: „Ей д. конь голосомъ человѣческимъ;“ „ай.“ — 2) Конь у богатыря ровня мнѣ, а самъ богатырь ровня тебѣ силою.—3) Вар. послѣ ст. 241: „Я повыздыну б—ря изъ карманчика;“ „старній, младній;“ „повыздынетъ;“ „въ любовь пришелъ;“ „по три.“ — 4) Къ этой 1-й половинѣ былины (въ 3-хъ частяхъ) см. въ Дополненіяхъ № IV-й особую былину варіантомъ.

«Спустила бы меня во синё море:
«Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
«Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту́ полю,
«Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душь,
270. «Не пролилъ бы крови я напрасныя,
«Не слезилъ Добрыня отцевъ-ма́терей,
«Не вдовилъ Добрыня молодыихъ женъ,
«Не пускалъ сиротъ малыихъ дѣтушекъ.»
Отвѣтъ держитъ государыни его матушка:
275. — Я бы рада тебя, дитетко, спородити
— Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
— Силой въ Святогора бога́тыря,
— Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
280. — Я походкою бы тебя щепливою 1)
— Во того Чурилу во Пленковича,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
— Сколько тыя статьи есть 2), а другихъ Богъ не дал,
— Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.—
285. Скоро на́ скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
290. Учала по палаты похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнёхонько она, съ при́четью 3).
У тыя было у стремены у правыя
Провожала Добрыню любимая семья 4),
295. Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:
— Когда Добрынюшка домой будетъ,
— Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичь:
300. «Когда у меня ты стала спрашивать,

1) Мелкою, щегольскою. — 2) Сколько есть въ тебѣ статьи (качества) — вѣжливости, тѣмъ и будь доволенъ. — 3) Причитая причитанье (особый видъ пѣснотворчества въ импровизаціи).— 4) Супруга.

«Тогда я стану тебѣ сказывать:
«Сожидай Добрынюшку по три́ году;
«Если въ три году не буду, жди друго три;
«А какъ сполнится времени шесть годовъ,
305. «Да не буду я домой изъ чиста поля,
«Поминай меня Добрынюшку убитаго,
«А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
«Хоть вдовой живи, хоть за му́жь поди,
«Хоть за князя поди, хоть за боярина,
310. «А хоть за Русскаго могучаго богатыря,
«А только не ходи за моего брата за назва́наго,
«За смѣлаго за Алешу за Поповича.»
Стала дожидать его по три году.
Какъ день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
315. Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три году,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала сожидать его по другое три.
320. Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени шесть уже лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
325. Во тую пору въ то́ время
Пріизжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Тогда государыни родна его матушка
330. Желёшенько по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лице бѣлое
По своемъ рожономъ дитятки,
По молодомъ Добрыни Никитичи.
335. Сталъ солнышко-Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать:
«Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
«Молодой вѣкъ свой коротати?

«Поди за мужь хоть за князя, хоть за боярина,
340. «Хоть за Русскаго могучаго богатыря,
«А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.»
Отвѣчала Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила заповѣдь мужнюю,
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
345. — Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
— Я исполню заповѣдь свою женскую:
— Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ;
— Такъ сполнится времени двинадцать лѣтъ,
— Да успѣю я и въ ту пору за мужь пойти.
350. Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двинадцать лѣтъ,
355. Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталъ солнышко-Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
«Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
360. «Молодой свой вѣкъ коротати?
«Поди за мужь хоть за князя, хоть за боярина,
«А хоть за Русскаго могучаго богатыря,
«А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.»
Не пошла за мужь ни за князя, ни за боярина,
365. Ни за Русскаго могучаго богатыря,
А пошла за мужь за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
370. А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается.
«Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть 1),

1) См. выпускъ 1-й, примѣчаніе на стран. 42. - Въ другихъ былинахъ „медвѣжья *драть*,“ что медвѣдь дерётъ. Смыслъ: „волкъ тебя съѣшь, медвѣдь тебя дери!“ Желаніе и повелѣніе (иногда проклятіе), какъ скоро высказано, изъ *будущаго* переходитъ у Славянъ въ *прошедшее* (откуда у Сербовъ выражается причастнымъ прошедшимъ), а въ слѣдъ за тѣмъ представляется какъ осуществившееся и становится *именемъ существительнымъ* (откуда совпаденіе

«За чѣмъ сегодня потыкаешься?»
Испровѣщется ему добрый конь,
375. Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Надъ собой невзгодушки не видаешь:
— Твоя молода Настасья дочь Никулична за мужь пошла
— За смѣлаго Алешу за Поповича;
380. — Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
— Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—
Разгорячился Добрынюшка Никитичь,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
385. Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги—между заднія:
Что сталъ его бурушка поскакивать,
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки-озера перескакивать,
390. Широкія раздолья между ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелётъ летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.
Не воротмы ихалъ черезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную,
395. Къ тому придворью ко вдовиному;
На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
Въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ подворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
400. Всѣхъ онъ въ-зашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныя,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ кладетъ по ученому,
Пречестной вдовы да онъ въ особину:
405. «Ты здравствуешь, честна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!»
Въ слѣдъ идутъ придверники, приворотники,
Сами говорятъ таково слово:
««Пречестна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!
««Какъ этотъ удалый-добрый молодецъ
410. ««Наихалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,

повелительнаго съ неокончательнымъ: „вонзить!“ „бѣжать!“). Объ этомъ много замѣтокъ у насъ въ выпускахъ IX, X и другихъ изданіяхъ.

««Насъ не спрашивалъ, у воротъ приворотниковъ,
««У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
««Всѣхъ насъ въ-зашей прочь отталкивалъ.»»
Испрогóворитъ имъ 1) честна вдова:
415. — Ахъ ты ей, удалый-добрый молодецъ!
— Ты за чѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
— Въ палаты идешь бездокладочно?
— Какъ бы было живо мое чадо милое,
— Молодой Добрыня сынъ Никитичь,
420. — Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
— За твои поступки неумильные 2).—
Говоритъ Добрыня сынъ Никитичь:
«Не напрасно ли вы согрѣшаете?
«А я вчерась съ Добрыней поразъѣхался,
425. «Добрыня поѣхалъ ко Царю-граду,
«А я поѣхалъ ко Кіеву.
«Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый
«Спросить про него милу семью,
«Про молоду Настасью Никуличну:
430. «Гдѣ же есть она, Настасья Никулична?»
— Добрынина родима семья за мужь пошла,
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;
— А въ тую ль было пору, въ тыя шесть лѣтъ,
435. — Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
— Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
— Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
— Буйна голова испроломана,
440. — Могучи плечи испрострѣлены,
— Головой лежитъ чрезъ ракетовъ 3) кусть.
— Я жалёшенько объ немъ плакала.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичь:
«Наказывалъ братецъ мнѣ названый,—
445. ««Если лучится быть тебѣ на пиру во Кіевѣ,
««Ты возьми мое платье скоморошское,

---

1) На ихъ слова.—2) Неумѣлые, невѣжливые.—3) Ракитовъ

««И гуселки возьми мои яровчаты 1),
««Въ новой горенки всѣ 2) на столики.»»
Принесли они 2) платье скоморошское
450. И гуселки ему яровчаты.
Накрутился 3) молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошь-почестной пиръ.
Идетъ онъ (на) княженецкой дворъ безобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;
455. Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ въ-зашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
460. Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку Владиміру въ особину,
Самъ говоритъ таково слово:
«Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
«Со своей княгиной со Апраксіей!»
465. Въ слѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
««Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
««Какъ этотъ удалый-добрый молодецъ
««Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцомъ,
««И теперича идетъ скоморошиной,
470. ««Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
««У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
««Всѣхъ насъ въ-зашей прочь толкалъ,
««Скоро проходилъ въ палаты княженецкія.»»
— Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
475. — Ты за чѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
— На княженецкій дворъ безобсылочно,
— Во палаты идешь бездокладочно,
— Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
480. — Скоро проходилъ въ палаты княженецкія?—
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется 4);

---

1) Изъ явора, яворчатые.—2) Должно быть: „всё;“ „принесла она.“—3) Нарядился.—4) Не обращаетъ вниманія на рѣчи и не вслушивается.

«Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское»
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
485. Что — ваше мѣсто скоморошское
— На той на печки на муравленой,
— На муравленой печки — на запечки.
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
490. Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золочёныя 1),
Учелъ по стрункамъ похаживать,
Учелъ онъ голосомъ поваживать,
Играетъ-то онъ въ Цари-граде;
495. А на выигрышь беретъ все въ Кіевѣ 2),
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
««Что не быть это удалой скоморошины,
500. ««А кому ни надо быть Русскому 3),
««Быть удалому-доброму молодцу!»»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
— Опущайся изъ печки — изъ запечки 4),
505. — Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушать,
— Станемъ бѣлыя лебёдушки мы рушать.
— За твою игру за веселую
— Дамъ тебѣ три мѣста любимыихъ:
— Перво мѣсто — сядь подли меня,
510. — Друго мѣсто — супротивъ меня,
— А третье мѣсто — куда самъ захошь,
— Куда самъ захошь, еще пожалуешь.

1) Творчески сравнивали спѣтую пѣсню со стрѣлою, спущенною съ натянутой тетивы („спѣла *тетивка*"), и отсюда варіантъ, который см. ниже; но практически позднѣе, и здѣсь именно, разумѣется *смычъ* шелковый, натянутый чтобы водить по струнамъ. — 2) *Игра* и *съигрышь* пѣсни („играть, съиграть пѣсню", какъ „спѣть спѣвъ") первоначально означаетъ неразлучную музыку орудія и голоса, потомъ — за которое инструмента — одного голоса; *выигрышь* — „напѣвъ" соотвѣтственный содержанію, съ извѣстнымъ уже содержаніемъ (см. выше); а *выигрышь* — то, что выходитъ изъ игры; пѣлось о Царьградѣ, а выведенъ былъ подъ его образомъ Кіевъ съ живыми современными лицами, сейчасъ догадавшимися. — 3) Кому ни будь, кому ни на есть; скоморохи — не Русскіе, пришельцы, странники. — 4) Съ печки — изъ за печки.

Не сѣла скоморошина подли князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
515. А садилась скоморошина въ скамиечку
Супротивъ княжны поручёныя 1).
Говоритъ удала скоморошина:
Что «солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
«Бласлови мни налить чару зелена̀ вина,
520. «Поднесть эту чару кому я знаю,
«Кому я знаю, еще пожалую!»
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опуститъ въ чару свой золочёнъ перстень,
Подноситъ княжны поручёныя,
525. Самъ говоритъ таково слово:
«Молода Настасья дочь Никулична!
«Прими сіе чару единой рукой,
«Да выпей-ка чару единымъ духомъ:
«Буде пьешь до дна, такъ видàешь 2) добра,
530. «А не пьешь до дна, не видàешь 2) добра.»
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единымъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чары свой злачёнъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
535. Сама говоритъ таково слово:
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не тотъ мой мужь, который подли меня,
— А тотъ мой мужь, который супротивъ меня,
— Сидитъ мой мужь на скамеечки,
540. — Подноситъ мни чару зелена вина.—
Сама выскочитъ изъ за стола изъ за дубоваго,
Упала Добрыни въ рѣзвы́ ноги:
— Прости, прости, Добрынюшка Никитичь,
— Въ той вины прости меня, въ глупости,
545. — Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Алешиньку за му́жь пошла.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичь:
«Что не дивую я разуму-то женскому,
«Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ 3):

---

1) Обрученной.—2) Видать, увидать; увѣдать, узнать.—3) Пословица.

550. «Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
«Ихъ куда везутъ, они туда идутъ 1);
«А дивую я солнышку Владиміру
«Съ молодой княгиной со Апраксіей:
«Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ.
555. «А княгни Апраксія свахою,
«Они у живого мужа жену просватали!
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
А говорилъ Алешенька Григорьевичь:
— Прости, прости, братецъ мой названый,
560. — Что я посидѣлъ подли твоей любимой семьи,
— Подли молодой Настасьи Никуличной.—
«Въ той вины, братецъ, тебя Богъ проститъ,
«Что ты посидѣлъ подли моей любимой семьи,
«Подли молодой Настасьи Никуличной;
565. «А во другой вины тебѣ, братецъ, не прощу:
«Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
«Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
«Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
«Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
570. «Буйна голова испроломана,
«Могучи плечи испрострѣлены,
«Головой лежитъ чрезъ ракетовъ кустъ.
«Такъ тогда государыни родна матушка
«Желёшенько съ-по мнѣ плакала,
575. «Слезила свои очи ясныя,
«Скорбила свое лице бѣлое:
«Съ этой вины тебѣ не прощу!»
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
580. Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ 2),
Повыдернетъ шалыгу поддорожную 3),
Учелъ шалыжищемъ 3) ухаживать,

---

1) Т е. *идутъ*.—2) Мощеный полъ.—3) Шелепугу подорожную: вып. 1-й, стр. 9.—Здѣсь вырѣзанный ремень, плеть: *шалыжище*—ручка. Какъ плеть волосъ (или изъ волосъ), извѣстна при постриженіи („а гуменце ему пострижено"), откуда древнее прозвище всякого постриженнаго—*шалыганомъ*.

Что̀ хлопанье и что̀ оханье, не слышно видь 1).
Всякъ-то, братцы, на вѣку женится,
585. А не дай Богъ женидьбы той Алешиной:
Только-то Алешенька женатъ бывалъ,
Женатъ бывалъ, съ женой сыпалъ!
Тутъ взялъ Добрыня любиму семью,
Молоду Настасью дочь Никуличну,
590. Пошелъ къ государыни родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ онъ доброе здоровьице 2).
Вѣкъ про Добрыню старину скажутъ 3),
Синему морю на ти́шину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послу́шанье.

(Помѣщено въ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1859 годъ, со списка, доставленнаго Бутеневу, не вездѣ вѣрнаго, какъ догадывались мы при 1-мъ изданіи. И точно, узнавши, что это записано со словъ Бутылки, Рыбниковъ и наконецъ Гильфердингъ провѣрили *первую* половину (ст. 1—258): отсюда у насъ варіанты и Дополненія ниже подъ №№ III и IV-мъ. Половину *вторую* (ст. 259—594) провѣрилъ одинъ Гильфердингъ: см. варіанты въ Дополненіяхъ № V).

III.

1.

(Симбирск. губ. село Станичное).

I-я половина. Часть а).

Во славномъ градѣ во Кіевѣ
Жила тутъ молодая вдова
Афимья Александровна.
Породила она себѣ чаду милаго
5. По имени Добрыню, сына Никитьевича.
Сталъ Добрыня на возрастѣ,
Его буйная головушка на разумѣ,
Сталъ Добрынюшка конемъ владать
И копьемъ штурмовать 4).
10. Поизволилось Добрынѣ во чисто̀ поле погулять.

Часть б).

Понимали 5) же Добрынюшку Петровскіе жары,
Поизволилъ Добрынюшка покупатися;

1) Не разберешь хлопанья отъ оханья.—2) Тутъ они поздоровались.—3) Сказываютъ, откуда „сказатели“ старинъ: ср. въ концѣ Замѣтку.—4) Доселѣ *воспитаніе* Добрыни; отселѣ извѣстная уже намъ часть былины о *встрѣчѣ со змѣемъ*.—Старинное *шуръ метать* (въ связи съ Нѣм. Speere—Schere—Schur—Schärfe—werfen) о воинскихъ, позднѣе козацкихъ, играхъ пиками, о поединкахъ и турнирахъ, измѣненное послѣ (также въ связи съ Нѣм.) въ *штурмовать*, съ тѣмъ же значеніемъ: ср. Рыбник. III, 30, 417, у насъ IX стр. 91 и въ друг. примѣч.—5) Донимали, разбирали: жары *понимаютъ*, какъ и вода.

Онъ скидалъ, Добрыня, платье цвѣтное съ себя,
Заплывалъ Добрыня за первый за ручей;
15. Молодецкое сердечушко разгорчивое и неунывчивое,—
Заплывалъ сынъ Никитьевичь за третій за ручей:
На встрѣчу Добрынѣ плыветъ лытый змѣй,
Лютое Змѣинище-Горынище,
Горынище, притугалище 1).
20. Онъ и хочетъ Добрынюшку живаго съѣсть,
Онъ живаго хочетъ съѣсть, проглотить его.
Возговорилъ Добрыня, сынъ Никитьевичь:
«Охъ ты лютое Змѣинище-Горынище!
«Гдѣ тебѣ меня живаго съѣсть,
25. «Гдѣ тебѣ меня проглотить!»
Они бились тутъ съ нимъ объ великій закладъ,
Не объ ста рубляхъ, не объ тысячи,
А бились объ буйныхъ своихъ головахъ:
«Что тебѣ, змѣю, не ходить во Кіевъ градъ,
30. «А мнѣ, Добрынѣ, не купаться во Кострюхѣ во рѣкѣ.»
Выплывалъ Добрыня изъ Кострюхи рѣки,
Надѣвалъ Добрыня цвѣтно платье на себя,
Поѣхалъ же Добрынюшка въ Кіевъ градъ,
Ко тому князю Володиміру 2).

*

35. Три года у князя стольничалъ,
II-я половина. Да три года у князя харешничалъ 3),
Да три года у князя въ приворотничкахъ былъ:
Минуло тому дѣлу девять лѣтъ,
Пошелъ Добрынюшка по городу гулять,
40. По проулычкамъ, заулычкамъ,
По частыимъ переулычкамъ:
«Гдѣ-то мнѣ найти, гдѣ Маришка живетъ?»
У Маришки-то дворъ на семи верстахъ,
А около двора у ней все желѣзный тынъ,

---

1) Тугаринище, отъ *Тугаринъ*.—2) Ср. ниже Дополненія подъ №№ II, III, IV и VI.—За симъ Старина въ пѣніи не прерывается: мы отдѣлили 2-ю половину лишь въ печати, по содержанію. Доказательство, что ниже № 5-й и (прежній) 6-й составляютъ *двѣ половины одной и той же былины*. Но здѣсь въ концѣ I-й половины пропущена еще Часть в) *объ освобожденіи плѣнницы* (ср. выше и ниже).—3) Отъ слова *харчи*: распоряжался харчами.

45. И на всякой тынинкѣ маковка позолоченая,
И середь двора два терема стоятъ,
Два терема златоверховаты;
На тѣмъ ли на теремѣ два голубя сидятъ,
Цѣлуются-милуются промежь себя.
50. Какъ снималъ Добрыня съ себя тугій лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу
На тетивочку шелковинькую,
Онъ и хочетъ убить двухъ голубей.
Его лѣвая нога поскользнулася,
55. А правая рука промахнулася:
Не попалъ онъ въ двухъ голубей,
А попалъ ко Маришкѣ во терёмъ,
Во окошечко во косящетое,
Во оконенку стекольчатую,
60. Убилъ у Маришки друга милаго, Змѣя лютаго.
А въ то время Маришки не случилося:
Тутъ за тремя дверями умывалася,
Собиралася Маришка въ пиръ-бесѣдушку
Ко князю Володимеру.
65. Приходила Маришка въ свою спаленку,—
Инъ лежитъ убитъ ея милый другъ, лютый Змѣй.
Загорися, загорися у Маришки домъ,
Разгорѣлося, разболѣлося ретиво сердце ея 1)
По дружкѣ своемъ по миленькомъ,
70. По Змѣи лютымъ.
— Еще кто это, б..... сынъ, эту шуточку шутилъ,
— Моего милаго убилъ?
— Эта шуточка Добрынюшкина!
— Я сама Добрынюшкѣ насмѣшку отсмѣю:
75. — Оборочу Добрынюшку лошадью,
— Пущу его въ зеленые луга,
— Онъ и станетъ такъ щипать траву шелковую,
— И станетъ пить воду ключёвую;
— А сама пойду, Маришка, въ пиръ-бесѣдушку
80. — Ко князю Володимеру.—
Она въ полъ-сыта тамъ наѣдалася,
Въ полъ-пьяна напивалася.

1) Какъ загорается (будто загорѣлся) домъ, такъ разгорѣлось сердце.

Сама-то собой похвалялася:
— Я, Маришка-Маринушка,
85. — Оборотила Добрынюшку лошадью.—
А въ то время Добрынина сестра тутъ была:
«— Ты Маришка, Маришка б....!
«— Чѣмъ это ты хвалишься,
«— Чѣмъ это ты прихваляешься?
90. «— Оборочу тебя, Маришка, сѣрой сукою:
«— Станешь ты бѣгать позадь гуменью 1) съ борзымъ кобелемъ!
«— Загоритесь, загоритесь дубовыя дрова,
«— Разгорися, разболѣйся у Маришки ретиво̀ сердце
«— По братцѣ моемъ, по Добрынѣ Никитьевичѣ!—»
95. Загоралися, загоралися дубовыя дрова,
Разгорѣлося, разболѣлося у Маришки ретиво̀ сердце
По Добрынѣ Никитичѣ.
Не сидѣла Маришка во бесѣдушкѣ,
Побѣжала Маришка во зеленые луга,
100. Оборотила Добрынюшку молодцомъ,
Оборотимши его стала рѣчи говорить:
— Ты Добрыня, Добрынюшка, сынъ Никитьевичь!
— Возьми-ко, Добрыня, меня за себя.—
Возговорилъ Добрыня, сынъ Никитьевичь:
105. «Ты Маришка, ты Маришка б....!
«Твои губы не годятся мнѣ:
«Цѣловалъ-миловалъ тебя лютый Змѣй!»
Онъ выняетъ изъ ноженъ свой булатный ножь,
Обрѣзываетъ у Маришки груди бѣлыя,
110. (Груди бѣлыя,) губы толстыя:
«Вотъ тебѣ, Маришка, и конецъ тебѣ весь тутъ!»

(Доставилъ Языковъ).

Ср. ниже Дополн. VII.

*

2.

(Сизрань).

II-я половина.

«Благослови ты меня, матушка, по городу погулять
«По городу по Кіеву,
«По тѣмъ же по широкимъ по улицамъ,

1) По загуменью, за гумномъ.

«По тѣмъ же по мелкимъ переулочкамъ!»
5. — «Гуляй, гуляй, молодецъ, по городу,
— «По городу по Кіеву,
— «По тѣмъ же по широкимъ по улицамъ,
— «По тѣмъ же по мелкимъ переулочкамъ;
— «Только не ѣзди въ тоё улицу гулять,
10. — «Въ тоё улицу гулять въ Андревскую 1):
— «Во той улицѣ Маришка живетъ,
— «Еретница она, корёньщица;
— «У Маришки дворъ на семи верстахъ,
— «Загороженъ дворъ все желѣзнымъ тыномъ,
15. — «На всякой на тыниночкѣ по маковкѣ,
— «По той ли молодецкой по головушкѣ.
— «То гуляй, гуляй, молодецъ, по городу,
— «По городу по Кіеву,
— «По тѣмъ ли же по широкимъ по улицамъ,
20. — «По тѣмъ ли же по мелкимъ переулочкамъ.»—
Молодецкое сердечко разгоралося,
Воинска у него кровь разкипалася,
То поѣхалъ добрый молодецъ въ тоё улицу гулять,
Въ тоё улицу гулять, во Андревскую.
25. То бралъ онъ, добрый молодецъ, свой тугій лукъ,
Натягалъ онъ тетивку шелковую,
Пускалъ онъ, добрый молодецъ, къ Маришкѣ въ окно,
Убивалъ онъ, добрый молодецъ, двухъ голубей,
Двухъ голубей золотокрыльчатыхъ.
30. А въ тѣ поры Маринушкѣ не времечко было:
Бѣлилася Маринушка, румянилася,
Она въ чистое зеркало глядѣлася;
Поглядѣмши она, побѣжала въ слѣдъ;
Собирала слѣдочки Добрынюшкины,
35. Собрамши она, побросала въ печь:
— Гори, гори, слѣдочки Добрынюшкины,
— Боли, боли, сердечко молодецкое!—

(Не кончено.—Доставилъ Языковъ).

Ср. ниже Дополненіе VII.

*

1) Древнѣйшая, подлинная улица Кіевская: см. о ней въ концѣ Замѣтку.

3.

(Арханг. губ., Шенкурскъ).

II-я половина.

Былъ-жилъ Добрыня у дядюшки 1):
Не выжилъ Добрыня слова гладкаго,
Не выжилъ Добрыня хлѣба мягкаго 2),
Только выжилъ Добрыня себѣ добра коня.
5. Добра коня, Добрыня, наступчива —
Задумалъ Добрынюшка женитися
На той на Маринѣ на Игнатьевой.
Возговоритъ Добрынѣ больша сестра:
«— Ужь ты гой еси, Добрыня Никитичь младъ!
10. «— Не женись ты, Добрыня, на Маринкѣ Игнатьевой:
«— Извела Маринка девять князей 3),
«— Все девять князей—жениховъ своихъ;
«— Изведетъ она тебя десятаго!—
Не послушалея Добрыня большей сестры,
15. Молодой Катерины свѣтъ Никитишны.
Обернулся Добрыня сизымъ голубемъ,
Полетѣлъ Добрыня во чисто поле
Ко той Маринкѣ ко Игнатьевой;
Садился къ ней на окошечко:
20. «Ужь ты гой еси, Марина дочь Игнатьева!
«Я пріѣхалъ къ тебѣ, Марина, свататься;
«Ты походишь ли за меня за мужъ?»
Лежала Маринка на постелюшкѣ,
На рукѣ у ней лежитъ Змѣя лютая,
25. На другой рукѣ лежатъ два змѣеныша:
Змѣя лютая Добрыню зажечи хочетъ,
Два змѣеныша Добрыню запалити хотятъ.
Возговоритъ Маринка дочь Игнатьева:

1) Владиміра.—2) Старинная пословица, употреблявшаяся объ Данилѣ Заточникѣ: „какъ Данило Безсчастный, не выслужилъ ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго.“ Ср. выше, отд. I, пѣсня 7, ст. 69, гдѣ Добрыня назвался скоморохомъ „Данилой Заморнинымъ,“ если не „заморскимъ,“ то „заморёнымъ,“ заточникомъ.—Подробности въ нашемъ изслѣдованіи о Данилѣ Заточникѣ („Москвитянинъ“ 1856), въ Указателѣ при IV-мъ вып. и въ Замѣткѣ ко II т. Рыбник. стр. 307, 308.—3) То же, что послѣдующее „жениховъ,“ добавленное въ поясненіе.

— Ужь ты гой еси, Змѣя лютая,
30. — Ужь вы гой есте, два змѣеныша!
— Вы не жгите, не палите добра мо́лодца:
— Я сама съ Добрынюшкой перевѣдаюсь!—
Брала Маринка Добрыню за ручки бѣлыя,
За тѣ же перстни за злачёные,
35. Цаловала его во уста саха́рныя:
— Ужь ты здравствуй, Добрыня Никитичь младъ!—
Повела Добрыню на широкій дворъ,
Обернула Добрыню гнѣдымъ туромъ 1):
— Ты поди-ко, ты поди, гнѣдой туръ,
40. — Ты поди-ко, бѣжи во чисто поле,
Гдѣ тамъ ходятъ гнѣдые девять туровъ,
— Девять туровъ—всё женихи мои;
— Не хватало только тебя, тура десятаго,
— Удала̀ Добрынюшки Никитича!
45. — Выдирай ты тамъ траву со ржавчиной,
— Запивай траву водою болотною!
То заслышала Добрынина больша̀ сестра,
Молода Катерина дочь Никитишна;
Обернулась Катерина перепёлочкой,
50. Полетѣла Катерина во чисто поле,
Ко той Маринкѣ ко Игнатьевой:
«— Ужь ты гой еси, Маринка дочь Игнатьева!
«— Ты отдай-ко мнѣ Добрынюшку Никитича,
«— Ты отдай-ко мого̀ ро́днаго брателка.
55. «— Не отдашь мнѣ-ка Добрынюшку Никитича,—
«— Оберну я тебя сукой долгохвостою,
«— Еще псы за тобой будутъ гонятися,
«— Ребята малы палками метатися!—»
Говоритъ Маринка дочь Игнатьева:
60. — Ужь ты гой еси, Катерина дочь Никитишна!
— Ужь ты дай мнѣ-ка сроку до завтраво:
— Я отдамъ тебѣ Добрынюшку Никитича,

1) *Туръ* (Ταυρ-ος, S-tier)—одинъ изъ видовъ и одно изъ названій того звѣря (дикаго быка), что̀ у Бѣлоруссовъ *зубр-ъ* (одинаково со словомъ *зѣвр-ъ*, Θηρ, Thier; такъ и Θυρ-α, *двер-ь*, по Бѣлорус. *дзвер-ь*). *Туръ* и *зубръ*—слова одного корня, но разныхъ мѣстностей и нарѣчій.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ („*турій* рогъ") замѣтна извѣстность *тура Кавказскаго* (въ родѣ дикаго козла).

— Я отдамъ тебѣ брателка родимаго.
Отвѣчаетъ Катерина свѣтъ-Никитишна:
65. «— Я не дамъ тебѣ срока на единый часъ,
«— Подавай мнѣ-ка брателка родимаго!—»
Обернулась Маринка перепелочкой,
Полетѣла Маринка во чисто поле,
Садилася Маринка на сырой дубъ;
70. Говорила Маринка таковы рѣчи:
— Ужь вы гой есте, девять гнѣдыхъ туровъ,
— Ужь вы гой есте, девять молодыхъ князей,
— Вы сбирайтеся, туры, всѣ сюда! —
Прибѣгали къ ней всѣ девять туровъ,
75. Говоритъ она таково слово:
— Еще нѣтъ ли съ вами Добрынюшки? —
Отвѣчаютъ ей девять туровъ:
««Съ нами нѣтъ Добрынюшки Никитича.»»
Говоритъ Маринка дочь Игнатьева:
80. — Ужь ты гой еси, десятый туръ!
— Прибѣгай ко мнѣ со черныхъ грязей,
— Прибѣгай ко мнѣ изъ болотныхъ водъ!—
Треплется 1) Добрыня Никитичь младъ:
Нога за ногу у горя 1) заплетается.
85. Садилась Маринка дочь Игнатьева,
Садилась къ Добрынѣ на правый рогъ:
— Ужь ты гой еси, Добрынюшка Никитичь младъ!
— Ты не будешь ли 2) меня ни бить, ни мучити,
— Оберну тебя, Добрыня, добрымъ молодцемъ! —
90. Возговоритъ Добрыня Никитичь младъ:
«Ужь ты гой еси, Маринка дочь Игнатьева!
«Я не буду тебя ни бить, ни мучити,
«Поучу тебя только наученьицемъ,
«Небольшимъ наученьицемъ,—по женскому,
95. «Поучу тебя, Маринка, какъ мужья женъ учатъ.»
Отвернула она Добрыню въ добра молодца.
Походили они къ родной сестрѣ Добрынинской,
Ко той ли Катеринѣ дочь Никитишнѣ,

---

1) Идетъ въ перевалку, плетется: какъ горемычный, какъ горе. 2) Если ты не будешь, то я....

Возгóворитъ Марина дочь Игнатьева:
100. — Ужь ты гой еси, Катерина свѣтъ-Никитишна,
— Изволь, бери брателка родимаго! —
Брала она его за бѣлы руки,
За тѣ же перстни за злачёные,
Цаловала во уста сахáрныя;
105. А дуру Маринку дочь Игнатьеву
Обернула въ сýку долгохвостую:
Кобели за Маринкой гоняются,
Малы ребяты палками въ нее метаются.

(Записано г. А. Харитоновимъ и получено отъ В. И. Даля).

Ср. ниже Дополненіе VII.

*

4.

(Симбир. губ., Корсунск. уѣзда, выселокъ Александровъ).

II-я редакція.

Добрыня былъ Микитинъ сынъ.
Три года Добрыня хлѣбничалъ 1),
Три года горшечничалъ 2),
Три года приторговывалъ,
5. Три года приворовывалъ 2),
Три года по Кіеву гулялъ.
Спрашивалъ Добрыня,
Гдѣ Маришкинъ дворъ?
Маришкинъ дворъ на семи столбахъ,
10. У Маришкина двора два терема стоятъ,
Два терема златоверховые,
На домахъ два голубя сидятъ.
Въѣзжаетъ Добрыня на широкій дворъ,
Сымаетъ со плечь тýгій лукъ,
15. Накладываетъ каленýю стрѣлу,
Убиваетъ сиза голубя,
Того ли Змѣя Притугáлиника 3),
Маришкина друга милаго.

---

1) Стольничалъ.—2) Испорчено вмѣсто *харечничалъ*, *приворотничалъ*. 3) Тугарина.

Закидалася Маришка, заметалася,
20. Въ твѣтно 1) платье наряжалася,
Брала Добрыню за бѣлыя руки,
Вела въ палаты каменныя,
Сажала за столы дубовые,
За скатерти браныя,
25. Отпирала темны заходы,
Наливала зелья лютаго,
Подносила Добрынѣ:
— Выкушай, Добрыня, Микитинъ сынъ! —
«Прежде хозяина и попъ не пьетъ....»

(Не кончено.—Записано П. В. Шейномъ, отъ 80-ти лѣтняго старика; ср. III кн. „Чтеній" 1859 г.)

Ср. ниже Дополненіе VII.

*

5.

(Кирша Даниловъ).

I-я половина. Часть а).

Доселѣва 2) Рязань она 3) селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ 4).
А жилъ во Рязани тутъ богатой гость,
А гостя-то звали Никитою,
5. Живучи-то Никита состарѣлся, переставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставалось житье-бытье, богатество,
Осталась его матера жена
Амелѳа Тимоѳеевна,
10. Осталось чадо милое,
Какъ молодой Добрынюшка Никитичь младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Никитѣ 5) въ наукъ пошла;
15. Присадила его матушка перомъ писать.

---

1) *Твѣтно*—цвѣтъ, по нарѣчіямъ.—2) Какъ *досюлный* въ другихъ былинахъ: въ древнюю, давнюю пору. — 3) То же, что членъ *та*.—4) Т. е. былъ изъ того времени, когда еще Рязань селомъ была.—5) Никитичу.

Часть 6). А будетъ Добрынюшка во двѣнадцать лѣтъ,
Изволилъ 1) Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хораброю 2),
Во тѣ жары Петровскіе;
20. Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня, матушка, купатися,
«Купатися на Сафатъ-рѣку 3).»
Она, вдова многоразумная,
Добрынѣ матушка наказывала,
25. Тихонько ему благословеніе даетъ:
—«Гой еси ты, чадо милое,
—«А молодой Добрыня Никитичь младъ!
—«Пойдешь ты, Добрыня, на Израй-рѣку 3),
—«На Израѣ-рѣкѣ станешь купатися,—
30. —«Израй-рѣка быстрая,
—«А быстрая она, сердитая:
—«Не плавай, Добрыня, за перву струю,
—«Не плавай ты, Никитичь, за другу струю.»—
Добрыня-то матушки не слушался.
35. Надѣлъ на себя шляпу земли Греческой 4),
Надъ собой онъ, Добрыня, невзгоды не вѣдаетъ,
Пришелъ онъ, Добрыня, на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинушкѣ хорабрыя:
«А и гой еси вы, молодцы удалые!
40. «Не мнѣ вода грѣть, не тѣшити ее 5).»
А всѣ молодцы разболокалися 6);
И тутъ Добрыня Никитичь младъ,—
Никто молодцы 7) не смѣетъ, никто нейдетъ,—
А молодой Добрынюшка Никитичь младъ
45. Перекрестясь, Добрынюшка, въ Израй-рѣку пошелъ.
А поплылъ Добрынюшка за перву струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю;
А двѣ-то струи самъ переплылъ,

---

1) Захотѣлъ. — 2) Такъ вездѣ печаталъ Калайдовичъ, не зная народнаго слова *хоробрый*. — 3) Одна и та же рѣка, занесенная съ Востока черезъ Стихи: см. IV вып. стр. 106, 107 и Указатель. — 4) Ср. выше. — 5) Не мнѣ первому итти въ воду. *Вода* — старинное словосочиненіе. — 6) Раздѣвались, разоблекались.—7) Изъ молодцовъ.

А третья струя подхватила молодца,
50. Унесла во пещеры бѣлокаменны.
Ни отколь взялся тутъ лютой звѣрь 1);
Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича,
А самъ-то говоритъ Горынчище;
А самъ онъ, Змѣй, приговариваетъ:
55. — А стары люди пророчили,
— Что быть Змѣю убитому
— Отъ молода Добрынюшки Никитича:
— А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ! —
Молился Добрыня Никитичь младъ:
60. «А и гой еси, Змѣище-Горынчище!
«Не честь-хвала молодецкая, —
«На нагое тѣло напущаешься!»
И тутъ Змѣй-Горынчище
Мимо его пролетѣлъ.
65. А стали его ноги рѣзвыя,
А молода̀ Добрынюшки Никитьевича,
А грабится онъ ко желту̀ песку,
А выбѣжалъ доброй молодецъ,
А молодой Добрынюшка Никитичь младъ,
70. Нагрёбъ онъ шляпу песку жолтаго;
Налетѣлъ на его Змѣй-Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить;
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
75. Бросаетъ шляпу земли Греческой
Со тѣми пески жолтыми
Ко лютому Змѣю-Горынчищу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ Змѣй-Горынчище
80. Во ту во матушку во Израй-рѣку;
Когда ли Змѣй исправляется,
Во то время и во тотъ же часъ
Свата̀лъ 2) Добрыня дубину, тутъ убилъ до̀ смерти.
А вытащилъ Змѣя на̀ берегъ,
85. Его повѣсилъ на осину на кляплую 3):

1) Ошибка вм. Змѣй.—2) Схваталъ.—3) Поклянную, согнутую, кривую.

«Сушися ты, Змѣй-Горынчище,
«На той-то осинѣ на кляплыя!»
Часть 2). А поплылъ Добрынюшка
По славной матушкѣ по Израй-рѣкѣ,
90. А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ Змѣй-Горынчище;
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ:
А всѣхъ прибилъ, по поламъ перервалъ;
Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
95. У лютаго Змѣища-Горынчища,
Нашелъ онъ много злата-серебра;
Нашелъ во палатахъ у Змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну:
100. Выводитъ изъ пещеры бѣлокаменны
И собралъ злата-серебра,
Пошелъ ко матушкѣ родимыя своей;
А матушки дома не годилося,
Сидитъ у князя Владиміра;
105. Пришелъ, де, онъ во хоромы свои,
И спряталъ онъ свою тетушку,
И пошелъ ко князю явитися.
Владиміръ князь запечалился,
Сидитъ онъ, ничего свѣту 1) не видитъ.
110. Пришелъ Добрынюшка
Къ великому князю Владиміру,
Онъ Спасову образу молится,
Владиміру князю поклоняется;
Скочилъ Владиміръ на рѣзвы ноги,
115. Хватя Добрынюшку Никитича,
Цѣловалъ его во уста сахарныя;
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за бѣлы руки,
Цѣловала его во уста сахарныя,—
120. И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
А стали у Добрыни выспрашивати:
А гдѣ побывалъ, гдѣ ночевалъ?

1) Свѣтъ.

Говоритъ Добрыня таково слово:
«Ты гой еси, мой сударь дядюшка,
125. «Князь Владиміръ, солнце Кіевско!
«А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
«У лютаго Змѣища-Горынчища,
«А всю породу змѣиную его я убилъ
«И дѣтей всѣхъ погубилъ,
130. «Родимую тетушку повыручилъ.»
А скоро послы побѣжали по ее,
Ведутъ родимую его тетушку,
Привели ко князю во свѣтлу гридню.
Владиміръ князь свѣтелъ-радошенъ,
135. Пошла-то у нихъ пиръ-радость великая,
А для-ради Дебрынюшки Никитича,
Для другой 1)—сестрицы родимыя, Марьи Дивовны.

Это собственно одна 1-я половина былины, варіанты которой см. ниже въ Дополненіяхъ II, III, IV и особенно въ VI-мъ; а слѣдующее—2-я половина, раздѣленная только къ рукописи Кирши и въ печати у Калайдовича, по тому же и у насъ въ изд. 1-мъ подъ № 6-мъ (ср. выше стр. 41, прим. 2).

*

(№ 6-й по 1-му изданію).

II-я половина.
Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго сударь-князя у Владиміра
140. Три года Добрынюшка стольничалъ,
А три года Никитичь приворотничалъ,
5. Онъ стольничалъ-чашничалъ девять лѣтъ,
На десятой годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву.
145. Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ калёныхъ стрѣлъ,
10. Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ-мелкимъ переулочкамъ:
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
150. По повалушамъ 2) стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей.
Зайдетъ въ улицу Игнатьевску 3),

1) Во 1-хъ ради Добрыни, а во 2-хъ ради сестры Владиміра.—2) *Повалуша*—самый верхній, низкій покой для спанья. На сѣверѣ, въ Олонецкой и Архангельской, не говорятъ „лечь спать,“ а обыкновеннѣе—*повалиться*.—3) По отчеству Марины; см. Замѣтку.

15. И во тотъ переулокъ Маринкинъ,
Взглянетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
На ея высокіе те́рема:
155. А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ высокомъ те́рему,
20. Сидятъ тутъ два сизые голубя,
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ,
Цѣлуются они, милуются,
160. Желты носами обнимаются:
Тутъ Добрынѣ за бѣду стало:
25. Будто надъ нимъ насмѣхаются!
Стрѣляетъ въ сизыхъ голубей:
А спѣла, вѣдь, тетивка у туга̀ лука 1),
165. Звыла да пошла калена̀ стрѣла.
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося:
30. Лѣвая нога его поско́льзнула,
Права рука удро́гнула.
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
170. Что попалъ онъ въ окошечко косящатое,
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую,
35. Отшибъ всѣ причалины серебряныя 2),
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое:
Бѣлоду́бовы столы пошаталися,
175. Что питья медвяныя восплеснулися.
А вта́поры Маринѣ безвременье было:
40. Умывалася Марина, снаряжалася:
И бросилася на свой широкой дворъ:
— А кто это невѣжа на дворъ заходилъ?
180. — А кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ 3)?
— Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
45. — Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
— Разшибъ зеркало стекольчатое? —

1) Въ Оренбургскомъ краю, гдѣ до послѣдняго времени употреблялись лукъ и стрѣлы, выраженіе „спѣла тетива“ понынѣ означаетъ спускъ стрѣлы съ лука. Много уже печатано объ этомъ сравненіи *пѣсни* съ *лукомъ*, *тетивою* и спущенною *стрѣлою*: *пѣсня* или (у другихъ Славянъ) *спѣвъ* слетаетъ съ натянутыхъ струнъ какъ игра, сыгрышъ; изъ груди, съ голоса, который ее тянетъ (отсюда же tenor, uno tenore, и tener), какъ напѣвъ и наигрышъ; съ устъ, какъ слово пѣсни (текстъ) и мысль ея, выигрышъ—достигающій цѣли стрѣлою; ср. стр. 37.—2) *Причалокъ* — всякая связь, скрѣпа; *причалина*, у окна—навѣска, петля, которою прикрѣплена створчатая рама, а также крючья и задвижки.—3) Д. б. „стрѣлялъ.“

И въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало;
185. Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
50. А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муравленую
Со тѣми слѣды горячими,
190. Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
55. — Сколь жарко дрова разгораются
— Со тѣми слѣды молодецкими,
— Разгоралось бы сердце молодецкое
195. — Какъ у молода Добрынюшки Никитьевича! —
А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко 1);
60. Взяло Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому.
Онъ съ вечера, Добрыня, хлѣба не ѣстъ,
200. Со полуночи Никитичу не уснется,
Онъ бѣлаго свѣту дожидается.
65. По его-то щаски великія,
Рано зазвонили къ заутренямъ:
Встаетъ Добрыня ранёшенько,
205. Подпоясалъ себѣ сабельку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени.
70. Прошелъ онъ церкву соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
У высокаго терема послушаетъ, —
210. А у молодой Марины вечеринка была:
А и собраны были душечки красны дѣвицы,
75. Сидятъ и молоденьки молодушки,
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
215. Вшелъ 2) онъ, Добрыня, во высокъ теремъ:
Которыя дѣвицы приговариваютъ,
80. Она, молода Марина, отказываетъ и прибраниваетъ 2).
Втапоры Добрыня ни во что положилъ

---

1) Чортово липко, хватаетъ за сердце: пословица. Согласно съ симъ у Нестора (1074, изъ Патерика) разсказъ, какъ бѣсъ кидалъ въ полящихся цвѣтокъ „*лѣпокъ*": „кому прилняше (прилипалъ) цвѣтокъ," тотъ „разслабѣвалъ умомъ," а къ кому не прилипалъ соблазнъ, тотъ „стоять *крѣпокъ*" — оставался Божьимъ. — 2) *Вшелъ* и *вошелъ* ошибка вм. *шелъ*: какъ пошелъ въ теремъ, иныя его приглашаютъ туда, а Марина не пускаетъ.

И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ!
220. А стала его Марина въ окошко бранить, ему больно пѣнять,
Завидѣлъ Добрыня онъ 1) Змѣя Горынчата, —
85. Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалося.
Сбѣжалъ 2) на крылечко на красное,
225. А двери у терема желѣзныя,
Заперлася Марина Игнатьевна:
90. А и молодой Добрыня Никитичь младъ
Ухватитъ бревно онъ въ охватъ толщины,
А ударилъ онъ во двери желѣзныя,
230. Не доладомъ 3) изъ пяты онъ вышибъ вонъ,
И сбѣжалъ 2) онъ на сѣни косящаты.
95. Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
— Деревенщина ты, дѣтина, зашельщина 4)!
235. — Вчерась ты, Добрыня, на дворъ заходилъ,
— Проломилъ мою оконницу стекольчатую.
100. — Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое! —
А бросится Змѣища-Горынчища.
Чуть его, Добрыню, огнемъ не спалилъ,
240. А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ,
А и самъ тутъ Змѣй началъ бранити его,
105. Больно пѣняти: ««Не хочу я звати Добрынею,
««Не хощу величать Никитичемъ,
««Называю те дѣтиною деревенщиною и зашельщиною:
245. ««Почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?
««Проломилъ ты оконницу стекольчатую,
110. ««Разшибъ зеркало стекольчатое!»»
Ему туто-т-ко Добрынѣ за бѣду стало
И за великую досаду показалося,
250. Вынималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:
115. «А и хочешь ли тебя, Змѣя, изрублю я
«Въ мелкія части пирожныя,
«Разбросаю далече по чистому полю?»

---

1) То же, что членъ *тѣ*.—2) Взбѣжалъ.—3) Неладно, неучемъ, неучтиво.—4) Засельщина.

255. А и тутъ Змѣй Горыничь хвостъ поджавъ
Да и вонъ побѣжалъ;
120. Взяла его страсть, такъ зачалъ....,
Околышки металъ по три пуда....
Бѣгучи онъ, Змѣй, заклинается:
260. ««Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
««Есть у нея не одинъ я другъ,
125. ««Есть лучше меня и повѣжливѣе!»»
А молода Марина Игнатьевна,
Она высунулась по поясъ въ окно,
265. Въ одной рубашкѣ безъ пояса,
А сама она Змѣя уговориваетъ:
130. — Воротись, милъ-надёжа, воротись, другъ!
— Хошь,—я Добрыню оберну клячею водовозною,
— Станетъ, де, Добрыня на меня и на тебя воду возить?
270. — А еще, хошь,—я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ?—
Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
135. Пустила его далече во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ девять туровъ,
А девять туровъ, девять братаниковъ,
275. Что Добрыня имъ будетъ десятой туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога.
140. Безвѣстно не стало 1) богатыря,
Молода Добрыни Никитича,
Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ.
280. А много, де, прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть мѣсяцовъ,
145. По нашему-то Сибирскому словетъ полгода.
У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
285. И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
150. А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорятъ,
290. Все были рѣчи прохладныя 2).

---

1) Безъ вѣсти пропалъ.—2) Переходитъ въ *прокладныя* (*проклажаться*)—медленныя, исподоволь, противуположно горячимъ—скорымъ.

Не отколь 1) взялась тутъ Марина Игнатьевна,
155. Водилася съ дитятами 2) княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
295. Она больно Марина похваляется:
— Гой еси вы, княгини, боярыни!
160. — Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
— А и нѣтъ меня хитрѣя-мудрѣя:
— А и я, де, оборнула девять молодцовъ,
300. — Сильныхъ-могучихъ богатырей гнѣдыми турами;
— А и нынѣ я, де, отпустила десятаго молодца,
165. — Добрыню Никитьевича,
— Онъ всѣмъ атаманъ—золотые рога.—
За то-то слово изымается
305. Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Аѳимья Александровна;
170. Наливала она чару зеленаго вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
310. — «Гой еси ты, любимая кумушка,
— «Молода Анна Ивановна!
175. — «А и выпей чару зелена вина,
— «Поминай ты любимаго крестника,
— «А и молода Добрыню Никитьевича:
315. — «Извела его Марина Игнатьевна,
— «А и нынѣ на пиру похваляется.» —
180. Проговоритъ Анна Ивановна:
«— Я, де, сама эти рѣчи слышала,
«— А слышала рѣчи ея похвалёныя. —»
320. А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
185. А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
А и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ,
325. Сама она Марину больно бранитъ:
«— А и сука ты, ..., ерётница...!
190. «— Я, де, тебя хитрѣя и мудренѣя,
«— Сижу я на пиру—не хвастаю;

1) Откуда ни.—2) Молодцами.

«— А и хошь ли, я тебя сукой оберну?
330. «— А станешь ты, сука, по городу ходить,
«— А станешь ты, Марина, много за собой псовъ водить? —»
195. А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое 1):
Обернулась Маринка косаточкой 2),
335. Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ ходятъ девять туровъ,
200. Девять братаниковъ,
Добрыня-то ходитъ десятый туръ.
А сѣла она на Добрыню, на правой рогъ,
340. Сама она Добрыню уговариваетъ;
— Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
205. — Тебѣ чистое поле наскучило
— И зыбучія болоты напрокучили:
— А и хошь ли, Добрыня, женитися?
345. — Возьмешь ли, Никитичь, меня за себя?—
«А право возму, ей Богу возму!
210. «А и дамъ тѣ, Марина, поученьице,
«Какъ мужья женъ своихъ учатъ.»
Тому она, Марина, повѣрила,
350. Обернула его добрымъ молодцомъ,
По старому, по прежнему,
215. Какъ бы сильнымъ-могучимъ богатыремъ,
Сама она обернулася дѣвицею:
Они въ чистомъ полѣ женилися,
355. Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
Пошелъ онъ ко городу ко Кіеву,
220. А идетъ за нимъ Марина....
Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
Говорилъ Добрынюшка Никитичь младъ:
360. «А и гой еси ты, моя молодая жена,
«Молода Марина Игнатьевна!
225. «У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
«Нѣту Спасова образа,
«Не кому у тя помолитися,
365. «Не за что стѣнамъ поклонитися:

1) Путливое: пословица; Серб. „Ал е женска страна страшивица.“ — 2) Ласточкой.

«А и чай моя острая сабля заржавѣла 1)?»
230. А и сталъ Добрыня жену свою учить,
Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу, ..., безбожницу;
370. Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
235. «Эта мнѣ рука не надобна,—
«Трепала она рука Змѣя-Горынчища.»
А второе ученье—ноги отсѣкъ:
375. «А эта, де, нога мнѣ не надобна,—
«Оплеталася со Змѣемъ-Горынчищемъ.»
240. А третье ученье—губы ей отрѣзалъ и съ носомъ прочь:
«А эти, де, губы не надобны мнѣ,—
«Цѣловали они Змѣя-Горынчища.»
380. Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
«А и эта голова не надобна мнѣ,
245. «И этотъ языкъ не надобенъ,—
«Зналъ онъ дѣла еретическія.»

(Ср. „Древн. Росс. Стихотвор.“). См. ниже Дополненіе VII.

IV.

1.

(Колыванская фабрика).

У того было приходу Воскресенскаго,
Что по той-то было улицѣ Устрѣтенской 2),
Тутъ стояли-то палаты бѣлокаменны.
Не отъ вѣтричка палаты зашаталися,
5. Не отъ вихорю палаты отворялися:
Заходилъ туда Добрыня со товарищи,
Со князьями, со бояры, со богáтыри.
Въ полньяна они, бояре, напивалися,
Въ полсыта они, бояре, наѣдалися,
10. Во хмѣлю-то всѣ бояре прирасхвастались:
Еще кто-то бы 3) похвасталъ своей удалью,
Еще кто-то бы похвасталъ своей бодростью,

---

1) Дай, выну ее: и бросается рубить. — 2) Отвлеченное описаніе вмѣсто забытаго Кіева.—3) Иной.

А Добрынюшка похвасталъ молодой женой...
Что надъ тѣмъ-то всѣ бояре усмѣхнулися,
15. Другъ на друга-то бояре оглянулися,
Со бесѣдушки бояре разъѣзжалися,
Со Добрынею бояре распрощалися,
Надъ Добрынею бояре всѣ смѣялися,
Межь собой они, бояре, разговоръ вели:
20. «Еще чѣмъ-то намъ, Добрыня сынъ Никитьевичь,
«Еще чѣмъ-то ты, Добрынюшка, намъ хвастаешь!...»

(Записано г. Гуляевымъ, отъ фабричнаго мастера Н. В. Черешнова; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. II; не кончено.—Это начало особаго разряда былинъ—объ *Отаѣ* Добрыни: см. въ концѣ Дополненіе VIII).

За симъ, въ 1-мъ изд., въ отд. IV подъ № 2-мъ, помѣщена была Старина *о Добрынѣ и рѣкѣ Смородинѣ*, перепечатанная у насъ въ вып. VIII-мъ (по 1-му изд.), стр. 1—15, ибо на первую и вторую ея половину есть разнорѣчія, которымъ настоящее мѣсто въ примѣненіи къ Петру I-му, его рожденью и отъѣзду въ чужіе краи, а на вторую половину кромѣ того довольно разнорѣчій въ пѣсняхъ Безъимянныхъ и Молодецкихъ, кои печатаются у насъ съ выпуска XI-го и далѣе, такъ что Добрыня играетъ здѣсь вообще роль „Безъимяннаго Безсчастнаго Мóлодца“ или, иначе, сей послѣдній только облицованъ и объименованъ Добрынѐю.

Для Былинъ сего рода, кои представляютъ только извѣстное *отношеніе къ Добрынѣ* или гдѣ *имя* и *лицо* его взяты какбы на прокатъ, мы открываемъ здѣсь отдѣлъ V-й. Сюда, кромѣ означенныхъ пѣсней а) о Д—нѣ и р. Смородинѣ, относятся еще пѣсни б) о *смерти* его, гдѣ онъ смѣшанъ съ Чурилою, Аникою Воиномъ или другими богатырями (о чемъ см. Замѣтку въ концѣ), и в) пѣсни о *Настасьѣ Микулишнѣ*, невѣстѣ и женѣ его. Изъ сихъ послѣднихъ беремъ мы поѣздку ея *на Соколѣ-кораблѣ*, гдѣ ѣдетъ она *посломъ*, конечно выручать Добрыню и потому въ связи съ предыдущею Былиною отдѣла IV-го. И такъ:

V.

Настасья Микулична, на Соколѣ-кораблѣ.

1.

(Онежскій край, вол. Кижская, деревни Курганицъ [1]).

Начинается розсказъ,
Люди добрыи, для васъ 2).
Какъ оратай тотъ 3) оретъ—
Да вѣдь подсвистывае,
5. У оратая сошка поскрыпливае,
У оратая сошка краснà деревà,

1) По Гильфердингу „Курьяницы.“—2) Это „запѣвъ,“ приложенный пѣвцомъ на новый ладъ и безъ связи съ древнею Былиною.—3) Связь Былины съ предъидущимъ, конечно о Микулѣ, такъ что это лишь продолженіе.

У оратая омѣшики 4) серебряные,
А присошокъ 4) красна золота;
У оратая 5) сапожки на ножкахъ—зелёнъ сафьянъ,
10. Пяты шиломъ, носы вострыи,
Около носа—яйцо прокати,
А подъ пяту воробей пролетитъ 6);
Кудри у молодца качаются—
Не скачёнѣ жемчугъ да розсыпается 7),
15. Брови какъ чернаго соболя,
А глазы какъ яснаго сокола 8).
А 'ще 9) было-то у молодца похожено,
Было-то у добраго поѣждано 10),
На томъ-то на Соколѣ на батюшки,
20. На большоемъ на карабли 11),—
Носъ-корма по звѣриному,
Бока-то были по змѣиному;
На томъ-то на Соколѣ на батюшки,
На большоемъ на карабли 12),
25. Снасти-канаты были шелковые 13),
Паруса были полотняные 13),

---

4) *Омѣхъ* и *омѣшикъ* то же, что по другимъ мѣстностямъ *лемехъ* и *лемешь*, чѣмъ рѣжутъ землю, рало у сохи, сошникъ у плуга; *присохъ—присошекъ, присоха—присошка*: при сохѣ лопатка, чѣмъ отворачиваютъ землю.—5) Для точности описанія, но для стиха не годится: вмѣсто того д. б. „А" или просто ничего.—6) Д. б. „пролети."—7) Кудри качаются — словно (отрицательный оборотъ сравненія) скатный (круглый, способный кататься: корни *кат*—и *кач*—одинаковы; см. наше изд. „Бѣлорусск. пѣсней") жемчугъ разсыпается.—8) Все это описаніе—сохи и пашни, одежды и наружности, относится къ Микулѣ—отцу Настасьи (ср. другія наши изданія, особенно Рыбниковскато сборника): этимъ связывалась Былина съ предыдущимъ, трактовавшимъ о Микулѣ, т.-е. конечно объ извѣстномъ его бытѣ, о встрѣчѣ съ Олегомъ (Вольгою), о выдачѣ Настасьи за мужъ. Начало это приставилъ пѣвецъ, когда пѣлъ Гильфердингу, у котораго мы и взяли: приставилъ, чтобы оріентировать слушателя, о комъ идетъ дѣло, къ какой семьѣ принадлежала Настасья и какова связь ея поѣздки съ другими семейными обстоятельствами.—9) А еще, кромѣ того, далѣе: переходъ къ разсказу о Настасьѣ и Добрынѣ. Послѣ этого слова, приставленнаго для Гильфердинга, начинается Былина въ томъ видѣ, какъ записана для Рыбникова; съ этого мѣста у Гильфердинга мы занимаемъ только варіанты.—10) Гильф. вар. „А у добраго было поѣзжено."—Это собственно начало Былины о Молодцѣ и *Настасьѣ Литовской*, куда, благодаря сему послѣднему имени, одинакому съ именемъ Настасьи Микуличны, вставляется вмѣсто Молодца порою *Добрыня* (ср. друг. изданія) и вообще Добрыня направляется *въ Литву* (единственно по связи именъ). Здѣсь эти стихи употреблены, чтобы перейти къ Соколу-кораблю.—11) Стихи 19 и 20-й составляютъ одинаково и продолженіе 17—18-го, и начало описанію Сокола; вар. „На томъ ли на Соколи на батюшкѣ, А на больш. кар., У того у Сокола у б., А у большаго у карабля (повтореніе, вслѣдствіе двусмыслія 19 и 20 стиховъ)."—12) При изданіи Рыбник. печатано „корабли."—13) Вар. „шелковы (можовы?)," „полотняны."

Флюгара́ были дорогой камки 14),
Якори были булатніи 15),
Булата-желѣза заморскаго;
30. У того у Сокола у батюшки,
У большаго карабля,
Вмѣсто глазъ было вставливано
По славному по каменю по яхонту;
Вмѣсто бровъ было вдергивано
35. По черныя лисичи 16) по заморскія.
На томъ-то 17) на Соколѣ на батюшкѣ,
На большоемъ на карабли,
Ѣздилъ удалой-доброй мо́лодецъ,
Полени́ца 18) уда́лая,—
40. Ж..ка 19) кру́тенька по женскому,
Походочка 20) частенька по женскому,
Поговорочка 21) гладенька по женскому:
Быть ли не быть—Настасьи Микуличной
[Быть ли не быть ли—Настасьѣ Никуличнѣ послу] 22).
45. Тутъ-то Настасьѣ славу поютъ 23).

(Записано отъ Семена Иванова Корнилова, слѣпаго старика лѣтъ 50-ти, въ 1862 г., для П. Н. Рыбникова, родственникомъ Корнилова; а Гильфердингомъ, откуда у насъ варіанты, лично въ Кижахъ 7 Іюля 1871 года, при чемъ Корниловъ обозначенъ 52 лѣтъ, ослѣпшимъ съ 13 л. возраста).

*

Остальное о Добрынѣ и что съ нимъ соприкасается см. въ Дополненіяхъ, Приложеніяхъ и Замѣткѣ на концѣ сего выпуска.

* *
*

14) Вар. „Флюгера-то были да...“ — 15) Вар. „булатные.“ — 16) По черной лисицѣ. Стихи 30—35 у Гильферд. пропущены. — 17) Вар. „А'ще.“— Соколъ-корабль, — корабль типическій, — служилъ для поѣздокъ по всѣмъ морямъ древнѣйшей Руси, въ особенности Соловью Будиміровичу (ср. IV вып. и Указатель), а послѣ, акклиматизованный въ Кіевѣ, связавшись съ Землею, служилъ для Ильи М. (вып. I и VIII въ Прилож.), могъ служить и всѣмъ поѣздкамъ, въ томъ числѣ и Добрынѣ, въ Литву: *а ще*, а еще— послужилъ Настасьѣ (см. наши объясненія ко II-му т. Рыбник. въ Замѣткѣ стран. XXI—XXIII). Этимъ роднится она со Старшими Богатырями и Муромцемъ, сѣдоками типическаго корабля: здѣсь же, въ настоящемъ случаѣ, ѣдетъ для болѣе практической, обиходной цѣли, о которой см. ниже. Замѣчательно еще сближеніе: какъ Соловей Будиміровичъ, со своего Сокола-корабля, добываетъ Запаву Путятичну, племянницу Владиміра (см. надъ вып. IV), такъ точно ее же добываетъ Добрыня отъ Змѣя (см. выше); отъѣздъ Соловья и подставка новаго жениха—тѣ же, что извѣстны въ Былинахъ о Добрынѣ; повторимъ еще о связи, благодаря имени, между Настасьей Литовской и Настасьей Микуличной. Такимъ образомъ родство въ творчествѣ очень близко, и немудрено, что Соколъ перешелъ къ Настасьѣ.—18) Вар. „Была полянница.“—19) Вар. „у ней.“—20) Вар. „Поступочка у ней.“—21) Вар. „Поговорочка у ней.“—22) Кому на быть, какому тутъ быть другому, по всѣмъ означеннымъ признакамъ и по всему описанію, кромѣ Настасьи Микуличны.— Стихъ 44-й приведенъ по записи Гильфердинга: тутъ крайне важно названіе

АЛЁША ПОПОВИЧЬ.

I.

1.

(Москва *).

Бесѣда ли, бесѣда,
Смиренная бесѣда,—
Во той во бесѣдѣ 1)
Сидѣли тутъ 2) два брата,
5. Два брата родные 3),
Хвалились сестрою 4),
Своей сестрой роднѐю 5):
«У насъ 6) сестра хорóша,
«Голубушка пригóжа 7):
10. «На улицу не ходитъ 8),
«Въ хороводы не играетъ,
«Въ окошечко не смотритъ 9),
«Бѣла лица не кажетъ 10).»

послу. Опала Добрыни предъ Владиміромъ, наказаніе въ тюрьмѣ и освобожденіе пріѣхавшей женою въ Былинахъ разсказывается точь въ точь (см. Дополн. VIII), какъ опала Ставра и освобожденіе его женою Василисою Микуличной, такъ что, по видимому, подвигъ *перенесенъ* на Настасью отъ старшей сестры, на Добрыню отъ своякa Ставра. Но въ Былинахъ о Ставрѣ Микулична пріѣзжаетъ „грознымъ посломъ," прозвавшись „Васильемъ" (ср. въ концѣ Замѣтку о Васильѣ богатырѣ), подобно Соловью на его кораблѣ Соколѣ: вотъ почему и здѣсь характерная черта „*послу*" доказываетъ, что дѣйствительно на Соколѣ ѣхала Настасья *выручать Добрыню*; это эпизодъ къ Былинамъ объ опалѣ. Самое описаніе Настасьи почти дословно здѣсь то же, что Ставровой жены подъ видомъ посла.—23) Обыкновенное у пѣвцовъ заключеніе, стороннее самимъ Былинамъ: „попѣвка."

*) Къ этому образцу, принятому основою, прибавлены два разнорѣчія: А.) Орловск. губ., Малоархангельск. уѣзда, село Лимовдо, такъ-называемая пѣсня „*Тяжольная*;" Б.) Тульской губ., Алексин. уѣзда; третье же разнорѣчіе, по особому складу пѣсни, помѣщено цѣликомъ подъ № 2-мъ.

1) А.) Какъ у нашего сосѣда Весёлая бесѣда; Б.) Какъ у нашего сосѣда Весела была бесѣда.
2) А.) Тамъ.
3) А.) и Б) этого стиха нѣтъ.
4) Б.) Хвалилися они своею сестрою.
5) А.) и Б.) этого стиха нѣтъ.
6) А.) и Б.) наша.
7) А.) и Б.) этого стиха нѣтъ.
8) А.) Изъ тéрема не хóде.
9) А.) и Б) этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.
10) А) ...не каже, Бѣлитъ-румянъ не срóне, Безъ бѣлилъ бѣла, Безъ румянъ румяна.

Гдѣ ни взялся Алёша,
15. Алёшинька Поповичь 11):
— Не хвалитесь, два брата 12),
— Своей сестрой родною 13):
— Я у вашей сестрѣ былъ 14),
— Двѣ ноченьки ночевалъ,
20. — Два завтрака завтракалъ,
— Два обѣда обѣдалъ 15),
— Два ужина ужиналъ.—
Какъ взгóворитъ большòй братъ 16):
«Пойдемъ, братецъ 17), кò двору,
25. «Сожмемъ 18) снѣгу пò кому,
«Бросимъ сестрѣ вò теремъ 19).»
Что взгóворитъ намъ сестрица 20):
—«Не шути шутку, Алёша 21)!
—«Ступай прямо во терёмъ 22):
30. —«Моихъ братьевъ дома нѣту 23).»—
Какъ взгóворитъ большòй братъ 24):
«Пойдемъ, братецъ, въ кузницу 25),
«Скуёмъ, братецъ, сабельку 26),
«Срубимъ сестрѣ голову!»
35. Покатилась головка

11) А.) Гдѣ ни былъ Поповъ сынъ; Б.) Какъ взговоритъ Олёша, Олёшенька Поповъ сынъ.
12) А.) Не хвалитеся; Б.) Не хвалитесь вы, два братца.
13) А.) этого стиха нѣтъ; Б.) Вы своею сестрою.
14) А.) Я у вашей у сестрѣ Въ гостяхъ побывалъ; Б.) Я у вашей у сестрѣ.
15) А.) этого стиха нѣтъ.
16) А.) Братъ брату говоритъ; Б.) Какъ взговоритъ братъ брату.
17) А.) братъ.
18) А.) и Б) Свёрнемъ.
19) А.) Бросимъ сестрѣ во окно; Б.) Бросимъ къ сестрѣ вò теремъ
20) А.) Чтò наша сестра говоритъ?—Б.) Какъ взговоритъ сестрица.
21) А.) Шалишь, шалишь, Поповъ сынъ; Б.) „шутки" вмѣсто „шутку."
22) А.) Войдёмъ ко мнѣ во терёмъ; Б.) Войди ко мнѣ во терёмъ.
23) А.) Моихъ братьевъ дома нѣтъ, Мои братья у сусѣдей, На веселой на бесѣдѣ; Б.) Моихъ братьевъ дома нѣтъ, Мои братья у сусѣда.
24) А.) этого стиха нѣтъ; Б.) Какъ взговоритъ братъ брату.
25) А.) въ кузню; Б.) въ кузенку.
26) А.) Сдѣлаемъ по ножу; Б.) Сольемъ, братецъ, сабельку.

Алёшинькѣ подъ ножки.
А Богъ суди Алёшу:
Не далъ пожить на свѣтѣ 27)!

(Записано отъ семидесятилѣтней мѣщанки, П. В. К--мъ).

*

2.

(Орловск. губ. Малоархангл. уѣзда).

У попа была бесѣдушка, у дьякона другая,
У дьякона другая—хвалились два брата,
Хвалились два брата: «што есть у насъ сестрица,
«Што есть у насъ сестрица, изъ терема не ходить,
5. «Изъ терема не ходить, бѣлилъ съ лица не ронить,
«Бѣлилъ съ лица не ронить, бѣла лица не кажить,
«Бѣла лица не кажить.» Какъ выйскался сынъ Поповичь,
Какъ выискался сынъ Поповичь:—Не хвалитесь вы, два брата,
— Не хвалитесь вы, два брата, я вашу сестру знаю:
10. — Я въ вашей сестрицы два ужина ужиналъ,
— Два ужина ужиналъ, третій завтракъ завтракалъ.—
Какъ братъ брату взгóворилъ: «Пойдемъ, братецъ, ко двору,
«Пойдемъ, братецъ, ко двору, свернемъ снѣгу по кому,
«Свернемъ снѣгу по кому, бросимъ къ сестрѣ въ окошко,
15. «Бросимъ къ сестрѣ въ окошко, штò намъ сестра сгóворитъ?»
Сговорила имъ сестрица:—«Не дури, сударь, Поповичь!
—«Не дури, сударь, Поповичь! пойди ко мнѣ во терёмъ,
—«Во терёмъ во высокъ, моихъ братьевъ дома нѣтъ,
—«Моихъ братьевъ дома нѣтъ: поѣхали на базаръ,

---

27) А.) Сѣчёмъ сестрѣ голову Вотъ за эти рѣчушки, По самыя плечушки; Покатилась голова Къ Поповичу въ ворота; Б.) кончается словами: Срубимъ сестрѣ голову По самыя плечи.

20. —«Поѣхали на базаръ, тѣтно платье покупать,
—«Тѣтно платье покупать, меня сестру снаряжать.»—
Какъ братъ брату заговорилъ: «пойдемъ, братецъ, во кузенку,
«Мы и сдѣлаемъ по ножу, сѣкёмъ сестрѣ голову,
«Сѣкёмъ сестрѣ голову: обезчестила бороду».

(Записано кн. Н. А. Костровымъ).

*

3.

Братья Збородовичи, Збородовичи.

(Шенгуренъ).

Во славномъ городѣ во Кіевѣ,
У князя было у Владиміра,
Столованьице было, пированье, почестенъ пиръ,
На многіе князи и бо́яра,
5. На сильныхъ-могучихъ бога́тырёвъ
И на всѣ паленицы уда́лыя.
На пиру всѣ были пьяны-веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной хвастаетъ добрымъ копемъ,
10. Новой 1) хвастаетъ своей ухваткою,
А бояре хвастаютъ животомъ своимъ.
При томъ пиру, при бесѣдушкѣ,
Сидятъ два брата, два Петровича;
Сидятъ они брата́ны не веселы,
15. Свои буйны головы повѣсили.
Князь Владиміръ стольный Кіевскій
Сталъ по гридницѣ 2) похаживать:

---

1) Иной, другой.—2) На вопросъ: что такое „*гридница?*“ сказочникъ отвѣчалъ:—горница, гдѣ чествовалъ Владиміръ боляръ и богатырей.—На вопросъ мой: „откуда онъ почерпнулъ это свѣдѣніе?“ онъ отвѣчалъ:—старики-воскватели такъ сказывали намъ, старикамъ, не въ отдоръ отъ нихъ пути.—*Прим. ред.*

«Что вы, братаны, не веселы,
«Что вы ни чѣмъ не похвалитесь?»
20. — Князь Владиміръ стольный Кіевскій!
— А и не чѣмъ намъ, братанамъ, похвастати:
— Добры кони у насъ не удалы,
— Молоды жены не изродныя 1);
— Есть у насъ у братовъ родна сестра,
25. — Свѣтъ Наталья 2) Збородовична:
— Сидитъ она во высокомъ теремѣ,
— Сидитъ—заперта двумя дверями,
— Она замкнута тремя ключами;
— Ей красно солнышко не огрѣетъ,
30. — И буйны вѣтры ее не обвѣютъ,
— Ясный соколъ мимо терема не пролетитъ,
— На добромъ конѣ мимо молодецъ не проѣдетъ.—
При томъ пиру при бесѣдушкѣ
Случилось быть Алёшинькѣ Поповичу,
35. Поповичь говорилъ таковы рѣчи:
«Не чѣмъ же вы, братаны, хвастаете,
«Не добромъ вы, братаны, похваляетесь,
«Довольно я видалъ вашу сестрицу,
«Свѣтъ Настасью Збородовичну,
40. «А бывали и такіе часы,
«Что у ней и на грудяхъ лёживалъ!»
Збородовичамъ братьямъ за бѣду пало,
За бѣду пало, за великую;
Хватали они по ножишку по булатному,
45. Метали ими въ Алёшу Поповича.
Горазденъ Алеша былъ ножи хватать,
Хваталъ за черенья за ножовыя,
Самъ говорилъ таковы слова:
«Ой вы гой еси, два брата, два Петровича!
50. «Поѣзжайте, братаны, къ своему двору,
«Соймите съ себя платье цвѣтное,
«Отдавайте его любимымъ конюхамъ,
«Оболокайтесь сами въ платье черное,
«Чтобъ васъ жены не опознали;

1) Не отличныя по природѣ, не изъ роду вонъ: не прекрасныя.—2) Тоже.

II

55. «Дождитесь ноченьки седьма часу,
«Поѣзжайте тогда во чисто поле,
«Захватите комулю 1) снѣга бѣлаго,
«Метните ее во окошечко во слухово:
«Услышите отвистье 2) Настасьи Збородовичны.»

60. Снимались братаны со пира въ полпьяна,
Садились они на добрыхъ коней,
Поѣзжали братаны къ терему высокому,
Захватили комулю снѣга бѣлаго,
Метали его во окошечко во слухово.

65. Услышала брекотъ 3) Настасья Збородовична,
Сама держитъ скорое отвѣстьице:
—«Ужь ты гой еси, Алешинька Поповичь младъ!
—«Безъ тебя у меня кушанья призачерстнули 4),
—«Питьица медвяны застоялися!»—

70. Тогда два брата Збородовичи
Ко высокому терему сбѣгалися:
Ломали двери теремовыя,
Захватили свою родну сестрицу,
Свѣтъ Настасья Збородовичну,

75. Везли ее во поле во Куликово 5),
Хотятъ ей срубить буйну голову.
Тогда Алёша Поповичь младъ
Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
«Ой вы, два брата, два Петровича!

80. «Не губите своей Настасьи Збородовичны;
«Отдайте мнѣ-ка во замужество!»
Остоялись 6) братья Збородовичи,
Низко кланялись они Алешѣ Поповичу,
Отдавали ему во замужество

85. Свѣтъ Настасью Збородовичну.

(Записано г. А. Харитоновымъ, сообщено В. И. Даленъ).

Ср. ниже Дополненіе IX: несколько былинъ и въ числѣ ихъ одну—особенно замѣчательную.

---

1) Комъ.—2) Отвѣтъ.—3) Бряканье, стукъ.—4) Призачерствѣли.—5) Типическое мѣсто казни: ср. особенно вып. VI.—6) Остановились.

II.

1 *).

(Карша Данилов).

I-я половина или былина.

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алёшинька Поповичь младъ
5. А со молодомъ 1) Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о̀ плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское.
Они ѣздили-гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
10. Не видали они птицы перелетныя,
Не видали звѣря прыскучаго;
Только въ чистомъ полѣ наѣхали:
Лежатъ три дороги широкія,
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горючь камень,
15. А на камени подпись подписана.
Возговоритъ Алёша Поповичь младъ:
«А и ты, братецъ, Екимъ Ивановичь,
«Въ грамотѣ поученой человѣкъ!
«Посмотри на каменю подписи,
20. «Что̀ на каменю подписано?»
И скочилъ Екимъ съ добра коня,
Посмотрѣлъ на каменю подписи,—
Росписаны дороги широкія:
Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
25. Другая дорога въ Черниговъ градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичь:
—А и братецъ Алёша Поповичь младъ!
30. —Которой дорогой изволишь ѣхать?—
Говорилъ ему Алёша Поповичь младъ:

---

*) Мелкія разнорѣчія приведены нами изъ Сахарова „Сказ. русск нар.," т. I. 1841 г., „народн. былины" стр. 22—26, печатанныя *будто бы* съ рукописи Бѣльскаго (?).—1) Прилагательное краткаго или неопредѣленнаго окончанія.

«Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
«Ко ласкову князю Владиміру.»
Втапоры поворотили добрыхъ коней
35. И поѣхали они ко городу ко Кіеву.
Не доѣхавши они до Сафатъ-рѣки,
Становились на лугахъ на зеленыихъ:
Надо Алёшѣ покормить добрыхъ коней;
Разставили тутъ два бѣла шатра,
40. Что изволилъ Алёша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ, со 1) добры кони,
Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ,
Самъ ложился въ свой шатеръ, опочивъ держать,
45. Прошла та ночь осенняя,
Ото сна Алёша пробуждается,
Встаетъ рано-ранешенько,
Утренней зарей умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
50. На востокъ онъ, Алёша, Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичь
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ онъ поить на Сафатъ-рѣку;
И приказалъ ему, Алёша
55. Скоро сѣдлать добрыхъ коней;
Осѣдлавши онъ, Екимъ, добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій 2):
Лапатки на немъ семи шелковъ,
60. Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ 3),
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа Сорочинская, земли Греческой,

---

1) Сахар. объясняетъ смыслъ *по своему*:
Молодой Екимъ-то добры кони,
Стреножимши, во зеленъ лугъ пустилъ.

2) Судя по стиху—или „перехожая,“ или „перехожій—ія.“—3) Калайдовичъ печаталъ по своему правописанію: вѣрнѣе: „лапотки.“ — Лапти а) плетутся или ковыряются въ однорядь, или простой плетенкой; б) потомъ иногда подошва или носокъ подковыриваются, т. е. проплетаются въ другой разъ, и такія, съ подковыркой, дороже; на передкѣ или личикѣ бываютъ узоры.

Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
65. Въ пятдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго 1).
Говорилъ таково слово:
— Гой вы еси, удалы-добры молодцы!
— Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
— Въ вышину ли онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
70. — Промежь плечей косая сажень,
— Промежу глазъ калена стрѣла;
— Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
— Изъ хайлища 2) пламень пышетъ,
— Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.—
75. Привязался Алёша Поповичь младъ:
«А и ты, братецъ, калика перехожея!
«Дай мнѣ платье, каличее,
«Возми мое богатырское 3):
«Лапатки свои семи шелковъ,
80. «Подковырены чистымъ серебромъ,
«Личико унизано краснымъ золотомъ,
«Шубу свою соболиную, долгополую,
«Шляпу Сорочинскую, земли Греческой,
«Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,
85. «Въ пятдесятъ пудъ налиту свинцу чебурацкаго.»
Даетъ свое платье калика Алёшѣ Поповичу
Не отказываючи; а на себя надѣвалъ
То платье богатырское 4).
Скоро Алёша каликою наряжается,
90. И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ пятдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Пошелъ за Сафатъ-рѣку.

---

1) Отъ *чеб-ур-ахъ* или *чеб-ур-акъ*: грузъ, грузило, тяжесть на перевѣсѣ (греч. *εν αχμη*, на лезвеѣ), готовая опрокинуться на голову: отсюда игральная кукла, Ванька-встанька и т. п.—Корень (ч изъ к) *куб-* и *куе-*, cub-us, *κυβ-ος*: кубъ, игральная кость, головка, кукла, металлическій котелъ и т. д.; отсюда наше *куб-арь* и особенно *куе-ыр-къ*, *куе-ыр-каться* (на голову), греч. *κυβ-ισταν*, въ играхъ *Куб-елы* или нашей *Куп алы*, съ именемъ и празднествами которой связано. См. наше изд. „Бѣлорус. пѣсн." — 2) *Хай*, *хай-ло*— зѣвъ, *хаять* (хай-а-ть)—разѣвать пасть, греч. *χαος*: отсюда хаосъ, перешедши позднѣе въ значеніе ада, изображался всегда огромнымъ зѣвомъ, разинутою *пастью змѣя*.—3) Ст. 78-й вставочное предложеніе.—4) Дурно записано; д. б. въ родѣ: „Даетъ св. пл. кал. перехожая (или „Поповичу"), Онъ даетъ Алешѣ, не отказываетъ. На с. надѣв. пл. богатирское."

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичь младъ,
95. Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алёша Поповичь едва живъ идетъ;
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичь младъ:
— Гой еси, калика перехожая!
100. — А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
— Про млада Алёшу Поповича?
— А и я бы Алёшу копьемъ закололъ,
— Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ.—
Говоритъ тутъ Алёша каликою:
105. «А и ты ой еси, Тугаринъ Змѣевичь младъ!
«Поѣзжай 1) поближе ко мнѣ,
«Не слышу я, что ты говоришь.»
И подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичь младъ:
Сверстался Алёша Поповичь младъ
110. Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Разшибъ ему буйну голову,
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алёша на черну грудь.
115. Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичь младъ:
— Гой еси ты, калика перехожея!
— Не ты ли Алёша Поповичь младъ?
— Только ты Алёша Поповичь младъ,
— Семъ побратуемся съ тобой 2)!—
120. Втапоры Алёша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей 3)—и все платье на себя надѣвалъ;
Садился на его добра коня,
125. И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ 4).

*

II-я половина или эпилог.

Втапоры увидѣли Екимъ Ивановичь
И калика перехожея,
Испужалися его, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову;

1) Подъѣзжай.—2) Если ты Алеша, давай побратаемся.—О словѣ семъ или сеть въ друг. мѣст. нашего изданія.—3) Д. б. „Цвѣтно платье на сто т.“— 4) За симъ 2 я половина или собственно цѣлая билина, повторяющая смерть Тугарина.

130. И постигнетъ якъ Алёша Поповичь младъ,
Обернется Екимъ Ивановичь,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,
Бросилъ назадъ себе,
Показалось ему, что Тугаринъ Змѣевичь младъ,
135. И угодилъ въ груди бѣлыя Алёши Поповича,
Сшибъ изъ сѣделечка Черкесскаго 1),
И упалъ онъ на сыру землю.
Втапоры Екимъ Ивановичь
Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему,
140. Хочетъ пороть груди бѣлыя,
И увидѣлъ на немъ золотъ-чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ перехожему:
— По грѣхамъ надо мною, Екимомъ, учинилося
— Что убихъ 2) своего братца родимаго!
145. И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго
Отъ того онъ здравъ сталъ.
Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье 3),
150. А Алёша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное
Клали въ чемоданъ къ себѣ;
Сѣли они на добрыхъ коней
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
155. Ко ласкову князю Владиміру.
А и будутъ они въ городѣ Кіевѣ
На княженецкомъ дворѣ,
Скочили со добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
160. Пошли во свѣтлы гридни;
Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ, поклоняются
Князю Владиміру и княгинѣ Апракѣевнѣ,
И на всѣ четыре стороны.
165. Говорилъ имъ ласковой Владиміръ князь:
— Гой вы еси, добры молодцы!

1) Д. б. „Черкесскаго“. 2) Сахар. убилъ. 3) Д. б. „каличье“.

— Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ?
— А по имени вамъ мочно 1) мѣсто дать,
— По изотчеству можно пожаловати.—
170. Говоритъ тутъ Алёша Поповичъ младъ:
«Меня, осударь, зовутъ Алёшою Поповичемъ,
«Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго.»
Втапоры Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
175. — Гой еси, Алёша Поповичъ младъ!
— По отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ,
— Въ другое мѣсто богатырское,
— Въ дубову скамью противъ меня,
— Въ третье мѣсто, куда самъ захошь.—
180. Не садился Алёша въ мѣсто большое,
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищи на полатной брусъ 2).
Мало время позамѣшкавши,
Несутъ Тугарина Змѣевича
185. На той доскѣ красна золота
Двѣнадцать могучихъ богатырей,
Сажали въ мѣсто большое,
И подлѣ его сидѣла княгиня Апраксѣевна.
Тутъ повары были догадливы,
190. Понесли ѣства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Стали тутъ пить-ѣсть, прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичъ не честно хлѣба ѣстъ,
По цѣлой коврыгѣ за щеку мечетъ,
195. Тѣ коврыги монастырскія 3);
И не честно Тугаринъ питья пьетъ:
По цѣлой чашѣ отхлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра;
И говоритъ втапоры Алёша Поповичъ младъ:
200. «Гой еси ты, ласковой осударь Владиміръ князь!
«Что у тебя за болванъ пришелъ,
«Что за дуракъ неотесаной?

---

1) Сахар.: можно. 2) На *полати* откуда и названіе *средних полатей*; см. примѣчанія въ другихъ выпускахъ ниже.—3) Огромныя.

«Не честно у князя за столомъ сидитъ,
«Ко княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,
«Цѣлуетъ во уста сахарныя,
«Тебѣ князю насмѣхается.
«А у моего сударя батюшки,
«Была собачища старая,
«На силу по подстолью таскалася,
«И костью та собака подавилася:
«Взялъ ее за хвостъ, подъ гору махнулъ;
«Отъ меня Тугарину то же будетъ!
Тугаринъ почернѣлъ какъ осення ночь,
Алёша Поповичъ сталъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ.
И опять втапоры повары были догадливы,
Носятъ ѣства сахарныя,
И принесли лебедушку бѣлую;
И ту рушала княгиня лебедь бѣлую,
Обрѣзала рученьку лѣвую,
Завернула рукавцомъ, подъ столъ опустила,
Говорила таково слово:
— Гой вы еси, княгини-боярыни!
— Любо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
— Либо смотрѣть на милъ животъ,
— На молода Тугарина Змѣевича.—
Онъ взявши, Тугаринъ, лебедь бѣлую,
Всю вдругъ проглотилъ,
Еще тутъ же коврыгу монастырскую;
Говоритъ Алёша на полатномъ брусу:
«Гой еси, ласковой осударь Владиміръ князь!
«Что у тебя за болванъ сидитъ,
«Что за дуракъ неотесаной?
«Не честно за столомъ сидитъ,
«Не честно хлѣба съ солью ѣстъ,
«По цѣлой коврыгѣ за щеку мечетъ
«И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ:
«У моего сударя батюшки,
«Ѳедора попа Ростовскаго,
«Была коровища старая,
«На силу по двору таскалася:
«Забилася на поварню къ поварамъ,

«Выпила чанъ браги пресныя,
«Отъ того она лопнула,—
«Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ;
245. «Отъ меня Тугарину то же будетъ»
Тугаринъ потемнѣлъ какъ осенняя ночь,
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алёшу Поповича;
Алёша на то-то вёртокъ былъ,
250. Не могъ Тугаринъ попасть въ него;
Подхватилъ чингалище Вакимъ Ивановичъ,
Говорилъ Алёшѣ Поповичу:
— Самъ ли ты бросаешь въ него, или мнѣ велишь?—
«Нѣтъ, я самъ не бросаю и тебѣ не велю!
255. «Заутра съ нимъ переѣдаюсь:
«Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
«Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
«А бьюсь о своей буйной головѣ.»
Втапоры князи и бояра
260. Скочили на рѣзвы ноги
И всѣ за Тугарина поруки 1) держатъ:
Князи кладутъ 1) по сту рублевъ,
Бояра по пятидесятъ, крестьяне по пяти рублевъ;
Тутъ же случилися гости купеческіе,—
265. Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тугарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ;
А за Алёшу подписывалъ владыка Черниговской.
270. Втапоры Тугаринъ взвился 2) и вонъ ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ, подъ небесью 3) летать.
Скочила княгиня Апраксѣевна на рѣзвы ноги,
Стала пѣнять Алёшѣ Поповичу:
275. — Деревенщина ты, засѣльщина!
— Не далъ посидѣть другу милому!—

---

1) Закладъ, пари.—2) Быстро поднялся.—3) Сажал по поднебесью.

Втапоры того Алёша не слушался,
Звился съ товарищи и вонъ поцелъ,
Садилися на добры кони,
280. Поѣхали ко Сафатъ-рѣкѣ;
Поставили бѣлы шатры,
Стали опочивъ держать,
Коней отпустили въ зелены луга,
Тутъ Алёша всю ночь не спалъ,
285. Молился Богу со слезами:
«Создай, Боже, тучу грозную,
«А и тучи-то съ градомъ дождя 1)!»
Алёшины молитвы доходны ко Христу:
Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ дождя 1)
290. Замочило Тугарина 2) крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ какъ собака на сыру землю,
Приходилъ Екимъ Ивановичь,
Сказалъ Алёшѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ.
295. И скоро Алёша наряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ одну сабельку острую
И поѣхалъ къ Тугарину Змѣевичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичь Алёшу Поповича,
300. Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
— Гой еси, Алёша Поповичь младъ!
— Хошь ли я тебя огнемъ спалю,
— Хошь ли, Алёша, конемъ стопчу,
— Али тебя, Алёшу, копьемъ заколю?—
305. Говорилъ ему Алёша Поповичь младъ:
«Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичь младъ!
«Бился ты со мною о великъ закладъ,
«Биться-драться единъ на единъ,
«А за тобою нынѣ силы—смѣты нѣтъ
310. «На меня Алёшу Поповича,»
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,—
Втапоры Алёша подскочилъ, ему голову срубилъ.

---

1) Тучу дождя съ градомъ.—2) Сапог.: у Тугарина.

И пала голова на сыру землю, какъ пивной котелъ 1)
Алёша скочилъ со добра коня,
315. Отвязалъ чембуръ отъ добра коня,
И прокололъ уши у Тугарина Змѣевича,
И привязалъ къ добру коню;
И привезъ въ Кіевъ на княженецкой дворъ,
Бросилъ среди двора княженецкаго.
320. И увидѣлъ Алёшу Владиміръ князь,
Пошелъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраны столы:
Тутъ для Алёши и столъ пошелъ,
Сколько время 2) покушавши,
325. Говорилъ Владиміръ князь:
— Гой еси, Алёша Поповичь младъ!
— Часъ 3) ты мнѣ свѣтъ далъ!
— Пожалуй ты, живи въ Кіевѣ,
— Служи мнѣ, князю Владиміру,
330. — До люби 4) тебя пожалую.—

III

---

1) Ср. выше одинакое въ языкѣ имя для головы и куба. — Въ „Русскихъ сказкахъ" Чулкова, 3-е изд., 1820 г., часть I, стр. 122, 123, при разсказѣ о такомъ же точно подвигѣ Добрыни противъ Тугарина, сдѣлано примѣчаніе— „Къ крайнему моему сожалѣнію, въ пожарный случай погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича. Отрывки пѣсни сея остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь:

Изъ далеча, изъ далеча во чистомъ полѣ,
Какъ далѣе того на Украйнѣ,
Какъ ѣдетъ-поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный могучь богатырь Добрыня,
А Добрыня вѣдь то, братцы, Никитьевича,
И съ нимъ вѣдь ѣдетъ Тороп слуга...

(послѣ сего описывается пріѣздъ его къ князю Владиміру, сраженіе съ Тугаринымъ; но подробно словъ пѣсни я не помню)

... У Тугарина, собаки, крылья бумажныя,
И летаетъ онъ, собака, по поднебесью...

Конецъ:

Упалъ онъ, собака, на сыру землю,
А Добрыня ему голову свернулъ,
Голову свернулъ, на копье взоткнулъ."

2) Нѣсколько времени.—3) Часомъ, за одинъ часъ, въ одну минуту и сей часъ.—4) Сколько любви есть, отъ всего сердца.

Втапоры Алёша Поповичъ младъ князю неослушался,
Сталъ служить вѣрою и правдою;
А княгиня говорила Алёшѣ Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
335. — Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,
— Съ молодымъ Змѣемъ Тугаретиньмъ 1).
Отвѣчаетъ Алёша Поповичъ младъ:
«А ты гой еси, матушка, княгиня Апраксѣевна!
«Чуть не назвалъ я тебя сукою,
340. «Сукою-то волочайкою!»
То старина, то и дѣянье.

Ср. ниже Дополненіе X.

III.

1.

(Сузунскій заводъ; см. прежде).

Какъ изъ далече, изъ чиста поля
Выѣзжали два Русскіе богатыря:
Одинъ богатырь—Илья Муромецъ,
Другой-то Алёша Поповичъ младъ.
5. Пріѣзжали они къ синю морю
На тихія морскія заводи:
Не случилось тутъ ни сѣра гуся,
Ни сѣра гуся, ни бѣлаго лебедя,
Ни малой пташки—сѣрой уточки;
10. Не на чемъ имъ сердце пріутѣшити,
Могучія плечи прирасправити.
Побѣжалъ тутъ Алёша чрезъ широку степь.
Середи той широкой степи
Стоялъ сырой дубъ крековистый.
15. На томъ дубу, на крековистомъ,
Тутъ сидѣла птица вѣщая,
Птица вѣщая—черёнъ воронъ.
Онъ съ крыла на крыло перелетываетъ,
Съ ноги на ногу воронъ переступываетъ.

1) Сахар.: Тугариномъ.

20. Тутъ Алёша уливляется,
Удивляется, разсержается.
Соскакиваетъ со добра̀ коня,
Снимаетъ лукъ съ могучихъ плечь,
Беретъ изъ колчана калену стрѣлу,
25. Кладетъ стрѣлу на тетивочку,
Хочетъ птицу вѣщую подстрѣлити,
Могучія плечи порасправити,
Богатырское сердце пріутѣшити.
Проговариваетъ птица черёнъ воронъ:
30. «Ты гой еси, Алеша Поповичь младъ!
«Тебѣ на мнѣ сердце не утѣшити,
«Могучія плечи не расправити.
«Побѣгай-ка, Алеша, чрезъ 1) эту степь,
«Черезъ эту степь Саратовскую,
35. «Что ко той рѣчкѣ ко Саратовкѣ,
«Ко тому камню бѣлъ-горючему,
«Ко тому кусту ко ракитову:
«Тутъ сидятъ-то два Татарина,
«Два Татарина некрещеные;
40. «Полонили они красну дѣвицу,
«Красну дѣвицу-душу Русскую,
«И одинъ Татаринъ уговариватъ:
«— Ты по Русскому красна дѣвица,
«— А по нашему будь голчаночка 2).—»
45. «А другой молвитъ:—«Увеземъ тебя,
— «Увеземъ тебя, красна дѣвица,
— «Увеземъ тебя къ себѣ въ орду,
— «Отдадимъ тебя за Татарина,
— «За Татарина за дороднаго,
50. — «За хорошаго—въ косу̀ сажень:
— «Мы всѣ ему покоряемся,
— «Покоряемся и поклоняемся.»—
Тутъ Алеша Поповичь младъ
Надѣвалъ тугой лукъ на могучи плечи,
55. Клалъ стрѣлу во колчаночку,

1) Черезъ?—2) У Славянъ для дѣвушки есть названіе по видимому Восточнаго корня (откуда и *ул-анъ*, молодецъ): *Голка*.—Но можетъ быть это ошибка вмѣсто *полоняночка?*

Заскакивалъ Алеша на добра коня,
Бѣжалъ онъ чрезъ широку степь,
Чрезъ широку степь Саратовску,
Ко той, было, рѣчкѣ ко Саратовкѣ,
60. Къ тому камню бѣлъ-горючему,
Къ тому кусту ко ракитову:
Одного Татарина конемъ стопталъ,
Другаго Татарина мечомъ зарубилъ.
Соскакивалъ Алеша съ добра коня,
65. Падалъ коню въ праву ногу:
«Спасибо тебѣ, батюшко, добрый конь!
«Получилъ я себѣ обручницу,
«Обручницу, подвѣнечницу!»
Заскакивалъ Алеша на добра коня,
70. Садилъ дѣвицу на тучны бедры.
Говорилъ тутъ дѣвицѣ Алеша Поповичь младъ:
«Какого ты, дѣвица, роду-племени,
«Царскаго али боярскаго,
«Княженецкаго али купецкаго,
75. «Али послѣдняго роду-крестьянскаго?»
Отвѣчала Алёшѣ красна дѣвица:
— Не царскаго я роду, ни боярскаго,
— Не княженецкаго, ни купецкаго,
— Не купецкаго, ни крестьянскаго,
80. — А того ли батюшка попа Ростовскаго.—
Соскакивалъ Алёша съ добра коня,
Падалъ коню во праву ногу:
«Спасибо тебѣ, батюшко, добрый конь!
«Я думалъ получить себѣ обручницу,
85. «Обручницу, подвѣнечницу,
«А выручилъ родну сестрицу!»
Заскакивалъ Алеша на добра коня,
Побѣжалъ онъ къ своёму батюшкѣ,
Что къ тому ли попу Ростовскому.

(Записано Д. Н. Соколовымъ; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. II. — Сличите въ I-мъ выпускѣ, про Илью Муромца, въ разрядѣ I-мъ № 3-й и въ разр. VII-мъ № 4, а ниже Дополненіе IX, къ Збродовичамъ, равно какъ послѣ разныя пѣсни Безъимянныя).

Аленсѣй Поповичъ въ Малорусской Думѣ и *Алёшенька* по пѣснямъ позднѣйшимъ, при встрѣчѣ съ Татарами, либо Турками также въ Дополненіяхъ у насъ ниже, XI.

* *
*

ВАСИЛІЙ [КАЗИМІРОВИЧЪ ИГНАТЬЕВИЧЪ].

I.

1.*).

(Арханг. губ., Шенкурскаго уѣзда).

Во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У славнаго 1) князя Владиміра 2),
Говоритъ батюшко Владиміръ князь:
— Ой ты гой еси 3), Василій сынъ Казиміровичь!
5. — У меня тебѣ, Василій 4), служба явленная,—
— Ѣхати Василью въ Большую орду,
— Въ Большую орду Заоданскую **),
— Ко царю ли ко Батыю 5),
— Везти ли тебѣ дани, везти пошлины:
10. — Везти тебѣ двѣнадцать ясныхъ соколовъ,
— Везти тебѣ двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
— Везти тебѣ миса чиста 6) золота,
— Везти тебѣ миса чиста серебра,
— Везти тебѣ миса скатна жемчуга.—
15. Василій отъ того не отпирается:
«Ахъ ты гой еси, батюшка, Владиміръ князь!

---

*) Разнорѣчія помѣщены изъ побывальщины, доставленной В. И. Далемъ и записанной для него въ Шенкурскомъ уѣздѣ г. А. Харитоновымъ. — 1) У ласкова.

2) Столованьице было, пированье—почестенъ пиръ,
На всѣ князи и на бояра,
На сильные-могучіе богатыри,
На всѣ поленицы удалыя.

3) Гой ты.—4) Василью.—**) По народному произношенію вмѣсто „Задонскую.“—5) Заодонскому.—6) Красна.

«Куда меня пошлёшь, я тебѣ радъ служить;
«Только дай-ко ты мнѣ во товарищи—
«Дай-ко мóлода Добрынюшку Никитича,
20. «Другова дай Марка-и-пáробка 1).»
Говоритъ Владимiръ князь ко товарищамъ:
— Вотъ вамъ, ребята, служба явленная,—
— Ѣхати вамъ во Большую орду,
— Во Большую орду Заóданскую,
25. — Ко царю ко Бáтыю 2),
— Везти вамъ 3) дани-пошлины:
— Везти 4) двѣнадцать ясныхъ сóколовъ,
— Везти двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
— Везти миса чи́ста 5) зóлота,
30. — Везти миса чи́ста сéребра,
— Везти миса скáтна жемчуга.—
Не брали они ни дани, ни пошлины,
Ухватили лучишко дорожное:
Поѣхали ребята не воротами:
35. Скочили чрезъ стѣну городóвую,
Черезъ тѣ 6) башни наугóльныя.

Прiѣхали ребята въ землю Заóданскую,
Прiѣхали ко Батыю царю 7).
Остался Добрыня на новыхъ сѣня́хъ;
40. Въ палаты пошелъ Василiй сынъ Казимiровичъ,
Ко царю ко Батыю:
«Ой ты гой еси, Бáтый царь 8)!
«Изволь принять дани и пошлины 9):
«Вотъ тебѣ 10) двѣнадцать ясныхъ соколовъ,
45. «Вотъ тебѣ двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,

---

1) Въ разнорѣчiи то же. Паробка; *и*. т. е. краткое *й*, служитъ соединенiемъ словъ *Марка* и *паробка*.—По другимъ былинамъ въ этой роли *Иванъ Дубровичъ*: см. Дополненiя.—2) Заодонскому.—3) Ребята.—4) Вамъ.—5) Красна.—6) Черезъ тѣ же.—7) Заодонскому.—8) Заодонскiй.—9) Такое же соединенiе (вмѣсто „дани-пошлины"), какъ выше „Марка *и* паробка."—Но можетъ быть это еще передѣлано изъ „Торóпка" (извѣстный слуга Добрыни и Алеши): „Другого дай мнѣ-ка Тáропка."—10) Вездѣ: „Ты изволь принять...."

«Вотъ тебѣ миса чиста 1) золота,
«Вотъ тебѣ миса чиста сéребра,
«Вотъ тебѣ миса скáтна жемчуга,
«Отъ лáскова князя Владиміра!»
50. Говоритъ ему царь Батый:
— Ахъ ты гой еси, Василій сынъ Казиміровичь!
— Есть ли у васъ таковы умильны 2) игроки:
— Поиграть бы во тавлеи во вальящеты 3)? —
«Ахъ ты гой еси, Батый царь!
55. «Я не зналъ, право, охоты твоей царской,
«Не зналъ охоты твоей боярской 4):
«Нé бралъ изъ города умильныхъ 5) игроковъ;
«А надѣюся на Спаса, на Пречистую,
«На Матушку на Божію Богородицу,
60. «Надѣюсь на братца на назвáнаго,
«На молода Добрыню 6) Никитича:
«Съ измалёхонька Добрынюшка тѣшился,
«Съ малыми ребятами игрывалъ.»
Кликнули Добрыню Никитича,
65. Подёрнули столы бѣлодубовые,
Раздёрнули тавлéи вальящеты 7).
Первую тавлéюшку 8) царь ступилъ;
Другую тавлéюшку Добрыня Никитичь младъ;
Третью тавлéюшку царь ступилъ;
70. Четвертую Добрыня 9) Никитичь младъ:
Больше царю ступить нéкуда,
Та игра была проиграна.

Внóво бьетъ челомъ Василій сынъ Казиміровичь:

---

1) Красна.—2) Умѣльны: *искусные*.—3) Въ разнорѣчіи испорчено:

Поиграть бы во ставлеи во альянскія.

Тавлея (tabula)—шашка и шахматъ; *вальящетый*—рѣзной.

4) „Царскія; боярскія."—Занятіе на досугѣ, игра.—5) Умѣльныхъ.—6) Добрынюшку.—7) „Ставляи воальянскія:" еще дальнѣйшая порча.—*Подёрнули* столы—покрыли (скатертью, ковромъ); *раздёрнули* тавлеи—разложили и разставили.—8) „Ставляюшку."—Пѣвецъ вѣроятно осмыслилъ слово, ему незнакомое, какъ *ставку*.—9) Добрынюшка.

«Ой ты гой еси, Батый царь!
«Изволь принять дани-пошлины 1):
«Двѣнадцать ясныхъ соколовъ,
«Двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
«Миса чиста золота,
«Миса чиста серебра,
«Миса скатна жемчуга,
«Отъ ласкова князя Владиміра.»
Говоритъ ему царь Батый 2):
— Ахъ ты гой еси, Василій сынъ Казиміровичь!
— Есть ли у васъ таковы умильны 3) борцы?—
Отвѣчаетъ Василій сынъ Казиміровичь:
«Ахъ ты гой еси, Батый царь!
«Я не зналъ, право, охоты твоей царской,
«Не зналъ охоты твоей боярской 4):
«Не бралъ изъ города умильныхъ 5) борцёвъ;
«А надѣюсь на Спаса, на Пречистую,
«На Матушку на Божью Богородицу,
«Надѣюсь на братца на названаго,
«На молода Добрыню 6) Никитича:
«Съ измалёхонька Добрынюшка тѣшился,
«Съ малыми ребятушками барывался.»
Крикнули Добрыню Никитича.

На улкѣ у царя ходятъ три борца;
Три борца, три Татарина:
Дружка дружку за вороть похватываютъ,
Дружка дружку на земь побрасываютъ.
Спускается Добрыня со красна крыльца,

---

1) „Ты прими дани и пошлины
„Отъ ласкова князя Владиміра!"

2) Отвѣчаетъ Батый Заодонскій.—3) „Умѣльные." — *Таковы*, — чтобы съ моими борцами побороться (ср. выше игроковъ).—4) Царскія; боярскія.—5) Умѣльныхъ.—6) Добрынюшку.

Въ одномъ спускается во порядочкѣ 1):
«Ахъ ты гой еси, Батый царь 2)!
«Какъ ты прикажешь мнѣ боротися:
105. «Со всѣми ли вдругъ, или по одиночкѣ?»
Говоритъ Батый царь Заоданскій:
— Ой ты гой еси, Добрыня Никитичь младъ!
— Ты какъ поизволишь, такъ и борись!—
Добрыня взялъ перваго Татарина за ворота,
110. Втораго Татарина взялъ за голову,
Третьяго Татарина за власы 3),
Бросилъ ихъ о сыру землю,
Зашибъ до смерти до скорыя:
Та борьба побора́на 4).

115. Вно́во бьетъ челомъ 5) Василій сынъ Казиміровичь:
«Ой ты гой еси, Батый царь 6)!
«Изволь принять 7) дани-пошлины:
«Двѣнадцать ясныхъ со́коловъ,
«Двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
120. «Миса чиста 8) золота,
«Миса чиста серебра,
«Миса ска́тна жемчуга,
«Отъ ласкова князя Владиміра 9).»
Говоритъ ему Батый царь 10):
125. — Ахъ ты гой еси, Василій сынъ Казиміровичь!
— Есть ли у васъ таковы умильны 11) стрѣльцы:
— Пострѣляти бы изъ нашихъ изъ тугихъ луковъ?—
Отвѣчаетъ Василій 12) сынъ Казиміровичь:
«Ахъ ты гой еси, Батый царь!
130. «Я не зналъ, право, охоты твоей царской,

---

1) Въ разнорѣчіи этого стиха нѣтъ, д. б. *въ однорядочкѣ*. *Однорядка* или *однорядокъ*,—съ однимъ рядомъ застежекъ, однобортная одежа.—2) Заодонскій.—3) Взялъ за волосы.—4) Побората.—5) Говоритъ—6) Заодонскій.—7) Въ каждомъ стихѣ, и ниже: „Ты изволь принять...“—8) Красна.—9) Отъ Владиміра.—10) Заодонскій.—11) Умѣльны: вездѣ такъ, и ниже.—12) Васька: *Васька, Васинька, Васютка, Васютычка* — обыкновенныя названія въ слѣдующемъ, другомъ отдѣлѣ былинъ, гдѣ тотъ же герой является *Пьяницей*.

«Не зналъ охоты твоей боярской 1):
«Не́ бралъ изъ города умильныхъ стрѣльцёвъ;
«А надѣюсь на Спаса, на Пречистую,
«На Матушку Божью Богородицу,
135. «Надѣюсь на братца на назва́наго,
«На мла́да Добрыню Никитича:
«Изъ маленькихъ лучишковъ онъ пострѣливалъ 2).»
Крикнули 3) Добрыню Никитича.

На у́лкахъ у царя несутъ ту́гій лукъ:
140. Подъ конецъ несётъ сто Татаровей,
Подъ другой несётъ другое сто,
Подъ серёдочку третье 4) сто;
Всѣ идутъ Татарове—покрёхтываютъ 5).
Берётъ ли 6) Добрыня ручкой правою,
145. Кладётъ ли Добрыня подъ ножку подъ лѣвую,
Съ лѣвыя ножки на пра́во плечо 7):
Заскрипѣли только полосы булатныя,
Заревѣли змѣи 8) у туга́ лука,
Изломалась полоса булатная.
150. Со бедра Добрыня бросилъ лукъ о́ землю:
«Ахъ ты гой еси, Батый царь Заоданскій!
«Что̀ ты мнѣ экой за лукъ принёсъ?
«Ахъ ты гой еси, Марко-и-па́робко!
«Тащи-тко лучи́шко дорожное,
155. «Дорожное лучи́шко, заво́зное 9)!»
Беретъ Добрыня ручкой правою,

---

1) Царскія; боярскія.

2) „Съ измалёхонька Добрынюшка тѣшился,
„Изъ маленькихъ лучишекъ пострѣливалъ.“

3) Кликнули.—4) Третьёе.—5) Татаровья покряхтываютъ.—6) Беретъ лукъ.—7) „Съ лѣвыя ноги на правое плечо.“ Это пріемъ, чтобы натянуть тетиву у лука.—8) Изгибы, извилины.—9) За симъ въ варіантѣ: „Притащили лучишко заво́зное.“

Кладетъ Добрыня подъ ножку подъ лѣвую 1):
Защелка́ла тети́вочка шёлковая,
Натянулся у Добрыни ту́гій лукъ,
160. Наложилъ онъ 2) стрѣлку калёную.
Говоритъ Добрыня Никитичь младъ:
«Ахъ ты гой еси, Батый царь Заоданскій!
«Ты куда прикажешь изъ лука стрѣлить 3)?»
«По Татаровей стрѣлить 4), али во чисто поле,
165. «Во матёрое дубово дерево 5)?»
Отвѣчаетъ Батый царь:
— Ахъ ты гой еси, Добрыня Никитичь младъ!
— Ты куда поизволишь, туда и стрѣли 6).—
Разжалился стрѣлять по Татаровей 7),
170. Стрѣлялъ онъ далече во чисто поле,
Во то ли во матёрое во дубо́во дерево 8):
Разшибъ дубъ-дерево 9) во черенье во ножёвое;
Еще стрѣла не уходилася,—
Залетѣла 10) въ пещеру бѣлокаменную,
175. Убила Змія троеглаваго 11).

Скочили робята 12) на добры́хъ коней;
Не́ дали робята ни дани, ни пошлины;
Уѣзжали робята въ стольный Кіевъ градъ.

(Записано г. Кузнищевымъ и доставлено г. Погодинымъ).

Ср. ниже Дополненіе XII.

*

---

1) За симъ: „Съ лѣвыя ноги на правое плечо.“—2) Добрыня.—3) Стрѣлять.—4) По Татаровямъ стрѣлять.—5) Въ матёрое дубъ-древо.—6) Туда стрѣляй.—7) Разжалился стрѣлять Добрыня по Татаровямъ.—8) Во дубъ-древо.—9) Дубъ-древо.—10) Стрѣла.—11) Ср. выше, въ былинахъ о Добрынѣ, борьбу его со Змѣемъ, послѣ того какъ богатырь проникъ ко Змѣю въ пещеру.—12) Робята.

2.

(Село Павлово, Нижегор. губ.)

Ни ясёнъ соколъ со тёпла гнѣзда солётывать,
Ни бѣлой кречотъ съ тёпла гнѣзда сопорывать:
Востаетъ самъ батюшка Володиміръ князь
Изъ свова изъ мѣста княженецково,
5. Приказалъ онъ наливать чанъ зелёна вина,
Въ чанъ пушшаетъ золоту чару,
Вѣсомъ чара пол-сёма пуда,
Мѣрой чара пол-сёма вёдра.
Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
10. — Охъ вы гой естя мои сильны-могучи богатыри!
— Хто подыметъ эту чару одной рукой,
— И хто выпьетъ эту чару однымъ духамъ,
— Сослужилъ бы мнѣ тотъ служебку великую,—
— Съѣздилъ бы въ орду во невѣрную,
15. — Къ тому царю къ Батырю ко Кайманычу,
— Отвёзъ бы ёму дани-пошлины.
— Всѣ выходы княженецкіе:
— Двѣнадцать тысячь золотой казны,
— На двѣнадцать тысячь чистово серебра,
20. — На двѣнадцать тысячь крупново жемчугу,
— На двѣнадцать тысячь ясныхъ соколовъ,
— На двѣнадцать тысячь бѣлыхъ кречотовъ,
— На двѣнадцать тысячь мелкихъ пташычокъ.
— Я дамъ тому провожатыехъ
25. — И вдвое дамъ сбережатыехъ.—
Выходитъ доброй молодецъ.
Ужь и молодой Василій Казнѣровичь 1);
Беретъ чару одной рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духамъ:
30. «Ужь ты батюшка нашь, Володиміръ князь!
«Сослужу теѣ я служебку великую,
«Съѣзжу въ орду во невѣрную,
«Къ тому царю ко Батырю Кайманычу,

1) Изъ древняго „Казимѣровичь."

«Отвёзу ёму всѣ дани-пошлины
35. «И всѣ выходы княженецкіе:
«Двѣнадцать тысячь золотой казны,
«На двѣнадцать тысячь чистово серебра,
«На двѣнадцать тысячь крупново жемчугу,
«На двѣнадцать тысячь ясныхъ соколовъ,
40. «На двѣнадцать тысячь бѣлыхъ кречотовъ,
«На двѣнадцать тысячь мелкихъ пташычокъ,
«Мнѣ не надобно твоихъ провожатыихъ,
«Не надыи твехъ 1) сбережатыихъ;
«Только дай мнѣ братца названово,
45. «Да ужь молода Добрыню Никитича,
«Добрыня, батъ 2), отца-матери хорошово,
«Добрыня роду-племени учёново;
«Умѣтъ Добрыня слово молыти,
«Передъ тѣмъ царёмъ Батыремъ поклонитиса,
50. «Поклонитиса умѣтъ и похвалитиса.»
Давалъ ёму князь Добрыню Никитича.

Пошли молодцы по конюшенкамъ по дубовымъ
Выбирать сеѣ добрыхъ коней.
Во стремена ногою не ступаючи
55. И за уздицу рукой не хватаючи,
Садились молодцы на добрыхъ коней,
Поѣхали ко городу ко Астраханѣ 3).
Ѣхали онѣ трои суточки.
Царь Батырь изъ окна глядитъ,
60. Глядючи на нихъ улыбаетса и насмѣхаетса:
— Што эта прилетѣли за двѣ пташки, за двѣ Рускихъ!
— Не бывать вамъ, молодцамъ, на святой Руси,
— Не видать вамъ, молодцамъ, князя Володиміра
— И не гуливать по коннымъ по плоштадямъ!—
65. Отвѣтъ держитъ Добрыня Никитичь:
«Охъ ты гой еси, царь Батыры!
«По чёмъ ты знаешь, по чёмъ вѣдаешь?
«Мы ударимса съ тобою объ великъ закладъ,

1) Сокращено изъ „твоехъ“ (*твое*—собирательное).—2) Баетъ, говоритъ.—
3) Позднѣйшее: но о той же сторонѣ *Татарской*.

«Ни объ стѣ рубляхъ, ни объ тысячѣ,
70. «Мы ударимса съ тобою объ буйныхъ головахъ!
«Поставимъ въ чистымъ полѣ востро̀ копьё,
«И станемъ въ востро копьё мѣтити
«Изъ твова̀ изъ высоково терёма̀,
«Изъ твова̀ станемъ косяшшета окна,—
75. «Хто не попадетъ въ востро̀ копьё,
«Расшибить ёво на́ двое и на́ трое,
«На́ трое и на четверо!»
Возго́воритъ царь Батыр́ь:
— Охъ вы гой естя, мое Татаровья,
80. — Злыи мужики ула́новыи 1)!
— Внеси́те мой ту́гой лукъ и калену́ стрѣлу,
— Положите лукъ на дубовой столъ.—
Внесли ему ту́гой лукъ,
Положили на дубовой столъ.
85. Возго́воритъ царь Батырь:
— Ишша што это дубовой столъ не шатнетса
— И у́ стола ноги не подломятса?—
Отвѣтъ держитъ Добрыня Никитичь:
«Подъ столомъ тѣ сидятъ двѣ пташки, обѣ Рускихъ.»
90. Сталъ царь ту́гой лукъ натягивать,
Сталъ калену стрѣлу накладывать:
Тутъ и лопнулъ у нёво ту́гой лукъ....

Скоро сѣли молодцы́ на добрыхъ коней,
Учали по силушкѣ погуливать:
95. Гдѣ повёрнутса, дѣлали улицы,
Поворотятса—ча́сты пло́шшади....
Царь Батырь изъ окна глядитъ:
— Охъ вы гой естя, доро́дныи молодцы!
— Покиньте мнѣ людей хошь на сѣмены;
100. — Мнѣ не нады теперь вашихъ дане́й-по́шлиней
— И всѣхъ выходовъ княженецкіехъ!—

(Записано свящ. Ѳаворскимъ; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. I).

Ср. ниже Дополненіе XII.

* *

1) Улановы, улановья: Восточные, молодцы.

II.

1.

(Тамъ же).

Подступаетъ къ намъ подъ Кѣевъ царь Батый,
Подступаетъ онъ съ двумя сыновьями
И со зятемъ съ Лукопёромъ богатыремъ.
Онъ и пишетъ, собака, похваляетса:
5. «Я и Кѣева-тъ 1) городъ выжгу-вырублю,
«Божьи церкви съ дымомъ пущу,
«Князя со княжной во полонъ возьму,
«А князей-бояръ въ котлѣ сварю.»
А на ту пору богатырей-ту дома не было:
10. Илья Муромецъ усланъ былъ въ землю Латынскую
Закупать коней богатырскіихъ;
А Добрыня — въ землю Черкавскую
Закупать сидѣличьки Черкавскія;
А Олёша Поповъ въ землю Сорочинскую
15. Закупать пшено Сорочинское.
Оставалса одинъ Василій Пьяница.
Возговоритъ Володиміръ князь:
— Охъ вы гой есте, мои князья-бояря!
— Позовите ко мнѣ Василья Казнѣровича. —

20. Пошли жа бояря во царевъ кабакъ,
Увидали тутъ Васютучку сына Пьяницу,
Говорятъ ему таковы грубны рѣчи:
««Охъ ты гой еси, Васютычка сынъ Пьяница!
««Што ты лежишь на печишшѣ нагъ, ни ниточки?
25. ««Ничего-та ты не знаешь и не вѣдаешь:
««Подступаетъ къ намъ подъ Кѣевъ царь Батый,
««Царь Батый, онъ жа Каймановичь.
««Онъ и пишетъ, собака, похваляетса:
—«Я и Кѣева-тъ городъ выжгу-вырублю,
30. —«Божьи церкви со дымомъ пущу,

---

1) То же, что „Кѣевъ-тъ“.

—«Князя со княгиней во полонъ возьму.»—
«А насъ, князей-бояръ, хочетъ въ котлѣ сварить.»
И слѣзаетъ онъ съ печи, запираетъ кабакъ,
Занираетъ его крѣпко на крѣпко,
35. Сбираетъ съ князей-бояръ свѣтно платье до нага.
Беретъ липнилищу 1) кабацкую,
Онъ и бьётъ князей бояръ по крутымъ бёдрамъ,
И гонитъ ихъ до двора княженецкаго.
А Володиміръ князь глядючи на нихъ улыбается,
40. И возговоритъ онъ таковы рѣчи:
— Охъ вы гой есте, моя князи-бояря!
— Ужь вы пропились у меня, аль проигралися?—
«Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
«Мы не пропились у тя, не проигралися,
45. «Обеснестилъ насъ Васютычка сынъ Пьяница.»
Возговоритъ Володиміръ князь:
— Ахъ вы глупые бояря, неразумные!
— Не утѣшили 2) молодца, а только разгадорили.—

Пошолъ самъ Володиміръ во кружало государево,
50. И молится Володиміръ чудному образу,
И кланятся на всѣ четыре стороны,
Особливой поклонъ Василью Казнѣрычу:
— Охъ ты гой еси, Василій Казнѣровичъ!
— Ничево-та ты не знаешь и не вѣдаешь:
55. — Подступаетъ къ намъ подъ Кіевъ царь Батый,
— Царь Батый, онъ жа Кайманович,
— Онъ и пишетъ, собака, похваляется:
—«Я и Кіева-тъ городъ выжгу-вырублю,
«Божьи церкви со дымомъ пущу,
60. —«Князя со княгиней во полонъ возьму,
—«А князей-бояръ въ котлѣ сварю.»—
«Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
«Поднеси-ка мнѣ чарычку похмѣльную,
«Которой чарой пьётъ Илья Муромецъ.»
65. А Илья пьётъ чарой въ полсёма ведра:

---

1) Брусъ отъ дверной притолоки?—2) Не утишили.

Выпивалъ онъ её до суха.
«Поднеси ешшо, батюшка, чарычку заздравную,
«Которой пьётъ Добрыня Никитьевичь.»
Добрыня пьётъ чарой въ полпята ведра:
70. Выпивалъ и эту чару до суха.
«Поднеси жа ешшо, батюшка, чарычку веселую,
«Которой пьетъ Олёша Поповичь.»
Олёша пьётъ чару въ полтретья вёдра:
Выпивалъ и эту чару до суха.

75. Пошолъ Васинька супротивъ непріятеля:
Сталъ стрѣлять ему во табуры 1),
И попалъ Лукопёру въ правой глазъ 2).
Ишшо пушше царь Батый разсержаетса,
И пишетъ онъ ко князю Володиміру:
80. —«Володиміръ! Либо городъ сдай,
—«Либо выдай виноватово.»—
Говорятъ князья-бояря:
«Батюшка, великой князь!
«Давай, выдадимъ виноватово?»
85. А Василій, услыхавши таково слово,
Смахнулъ съ сея чудный крестъ.
Возговоритъ ему Володиміръ князь:
— Знать, ты, Васютка, въ правду обасурманилса,
— Придалса Васютычка къ царю Батыю 3)?—

90. Говоритъ ему таковы рѣчи:
«Охъ ты гой еси, царь Батый Каймановичь!
«Принимаешь ли ты насъ, добрыхъ молодцовъ?
«Мы съ тобой возмемъ вмѣстѣ Кѣевъ градъ,
«Взямши ево, выжемъ-вырубимъ,
95. «Божьи церкви со дымомъ пустимъ,

---

1) Въ лагери, въ шатры, въ ставки, въ станъ.—2) Сравни въ 1-мъ выпускѣ, въ разрядѣ V-мъ, № 3-й, особенно стр. 72 и 73, такой же подвигъ того же Василія Пьяницы.—3) За симъ пропускъ о томъ, какъ Василій отправился дѣйствительно къ Батыю, и говоритъ ему....

«Князя со княгиней во полонъ возмётъ,
«А князей-бояръ въ котлѣ сваримъ 1)....»

(Записано тѣмъ же; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. I.).—Ср. ниже Дополненія XIII, XIV и Замѣтку.

*
* *

Конецъ Пѣсней II-го выпуска по 1-му изданію.

*

Былины, Побывальщины и Старины, сверхъ отпечатанныхъ здѣсь или указанныхъ, о Добрынѣ, Алёшѣ Поповичѣ и Васильѣ Казиміровичѣ (Игнатьевичѣ), равно какъ о лицахъ эпическихъ, ближайше съ ними связанныхъ, вошедшія въ изданіе сборника *Рыбниковскаго*, въ Части I, II и III, обозначены у насъ въ Прилож. и Дополн. выпуска VII-го, по 1-му изд., на стр. 12. А именно: о *Добрынѣ* ч. I, №№ 23-28; II, 4—9; III, 15—19.—Объ *Алёшѣ Поповичѣ* ч. I—III (см. Добрыню) и III, 20.—О *Васильѣ* ч. I, 27, 29; II, 10, 11, 65; III, 37.—О *Молодцѣ и р. Смородинѣ* ч. I, 82.—О *Настасьѣ Никуличнѣ* (отдѣльно отъ Добрыни) ч. II, 61.—О *королевичахъ изъ Крякова*, *Литовскихъ*, *Ливикахъ*, *Вѣтникахъ* и т. п. (ср. Збродовичей и Дородовичей) ч. I, 72—75; III, 5; IV, 17.—И т. п.

Того же содержанія памятники вошли въ „Онежскія Былины,“ запис. *А. Ѳ. Гильфердингомъ* (С.-П.Б.. 1873), а именно: I) о *Добрынѣ* №№ 5, 17, 23, 26, 33, 38, 43, 49, 59, 64, 65, 78, 79, 80, 93, 100, 107, 118, 122—124, 132, 145, 148, 149, 157, 163, 168, 187, 194, 198, 206, 211, 215, 217, 222, 227, 228, 234, 241, 267, 288, 289, 290, 292, 306, 313, 315, 316.—II) Объ *Алёшѣ Поповичѣ* № 99 (см. Добрыню).—III) О *Васильѣ* №№ 18, 41, 60, 66, 80, 116, 181, 231, 258.—IV) О *Молодцѣ и р. Смородинѣ* № 262.—V) о *Настасьѣ Никуличнѣ* (отдѣльно отъ Добрыни) № 113.—VI) о *Дородовичахъ* №№ 247, 250, 252; о *Королевичахъ изъ Крякова* и *Литовцахъ* (ср. Збродовичей и Дородовичей) №№ 12, 42, 61, 87, 136, 147, 182, 200, 302.—И т. п. См. также слѣдующія Дополненія.

---

1) Этимъ былина не оканчивается. По крайней мѣрѣ въ сказкѣ того же содержанія, Мамай (а не Батый) отвѣчаетъ Васютѣ Пьяницѣ: „Пропилъ ты, Васютка, свою голову, измѣнилъ родному отцу-матери: измѣнишь и мнѣ чужеродному“ и т. д. *Примѣч. 1-го изд.*—Дѣйствительно, по другимъ былинамъ, Пьяница, подкинувши у Батыя, побиваетъ его войско.

ДОПОЛНЕНІЯ

ко II-му выпуску (во 2-мъ изданіи).

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

Пребываніе Онежскаго пѣвца—*В. П. Щеголёнкова* 1) въ Москвѣ, весною и лѣтомъ 1873 года, дало намъ возможность записать отъ него нѣсколько Былинъ, Побывальщинъ и Старинъ, въ томъ числѣ провѣрить слѣдующую противу образца, сообщеннаго прежде А. Ѳ. Гильфердингомъ 2). Важнѣйшія отмѣны Гильфердинговской записи указаны у насъ въ *сноскахъ*. А кромѣ сего та же былина и отъ того же пѣвца записана М. Гурьевымъ для г. Барсова и помѣщена въ 3-мъ т. „Запис. Русск. Геогр. Общ." 1873 года, стр. 559—573: мы приводимъ отсюда подъ строкой особыя выдержки, между прочимъ для любопытнаго примѣра, какъ при записи трехъ лицъ произошла въ одномъ и томъ же значительная разница.

I.

(Къ стр. 23-й, № 10).

Добрыня: жена вышла за Алёшу Поповича 3).

(Въ Кижахъ, дер. Боярщина).

Ла 4) на славноей на за́ставы на Московьскія 5)
Тамъ стояло двѣнадцять бога́тырей.
Ла прого́ворилъ Святогоръ богатыр́ь,
Онъ и старше всѣхъ бога́тырей:

---

1) О немъ подробности у Гильферд. стр. XV, 635, 636, но еще обстоятельнѣе у насъ въ концѣ сего выпуска.—2) „Онежскія Былины" 1873, стр. 636—642, запис. въ Кижахъ 4 іюля 1871 г.—3) У Гильферд. названо „*Святогоръ и Добрыня*," потому только, что въ началѣ выведенъ мимоходомъ Святогоръ.—4) Такъ произноситъ часто Щ—въ вм. „Да."—5) Вставка позднѣйшая; у Гильф. „Московскіи."

5. ««Вы Руськіи могучіи богáтыри,
««Ай же вы, поленúцы 1) удáлыя!
««Кого же намъ послать во землю во Тальяньскую 2)?
««Да послать ли Святогора богáтыря,—
««Такъ вѣдь некому стоять на зáставы 3),
10. ««Ай на зáставы 3) да на Московьскія.
««Да послать ли намъ Добрынюшку Никитича
««Да во эту землю во Тальяньскую!
««Да вѣдь тамъ надо ему биться-рáтиться,
««А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ,
15. ««За своё ли родное отечество 4),
««Да за тую ль то за вѣру христіяньскую:
««Надо повыбрать пошлина 5) да за двѣнадцять лѣтъ.»»
Да прогóворилъ-то Святоторъ тутъ богáтырь:
««Ай же ты, Добрынюшка Никитиничь!
20. ««Поѣзжай ко этому подворью вдовúному 6),
««Къ честно-мужнёей 7) вдовы Офимьи Александровны:
««Ла проси-т-ко 8), Добрынюшка, прощеньица 9),
««Лз проси-т-ко, Добрыня, благословеньица,
««Да поѣхать ли во землю во Тальяньскую;
25. ««Тамъ надо биться-ратиться
««И стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
««За своё-то родное отечество
««И за ту за вѣру христіяньскую.
««Тебе выбралъ ли солнышко Владиміръ князь,
30. ««Подписались 10) Руськіи могучіи богáтыри
««И вси поленúцы-тѣ удалыя 11)!»»

Поѣхалъ мládый ли Добрынюшка
Къ честно-мужнёей вдовы Офимьи Алéксандровны.

---

1) Гильф. „полянцы.“—2) Ср. на Добрынѣ „платье Латынское.“—3) Гильф. „заставѣ.“ 4) Вар. „за рóдно за отечество.“—5) Старинное словосочиненіе.—6) „вдовьиному.“—7) „Честной-то вѣдь.“—8) Вм. *ла* Гильф. слышалъ ~~на~~ и записалъ „напроси-тко.“—9) Прощайся.—10) Подъ приговоромъ.—11) Слѣдующихъ 17-ти стиховъ нѣтъ у Г—га. Въ *Гурьевскихъ* стихахъ начало слѣдующее:

„На славной на заставѣ на Московской
Стояло тамъ двѣнадцать богáтырей.
„„Русскіи могучіи богáтыри, поленицы удалыи!
„„Кого мы пошлемъ, богáтыри, во землю во Тальянскую?““

Отворяетъ ворота она да на́ пету 1),
5. Онъ крестъ кладетъ по писаному,
А поклонъ ведетъ по учёному,
На́ двѣ—на́ три—на четыри на сторонки покланяется,
Честно-мужнёей вдовы Офимьи Александровны.
Онъ-то дѣлаётъ поклонъ да вѣдь въ особину:
0. — Честно-мужняя вдова, Офимья Александровна!
— Меня выбралъ солнышко Владиміръ князь,
— А Владиміръ князь стольно-Кіевьской,
— Меня выбрали Руськіи могучіи бога́тыри,
— А вси поленицы удалыя:
5. — А ѣхать мнѣ во землю во Тальяньскую,
— И стоять мнѣ за стольный Кіевъ градъ,
— А за тую ли вѣру Христіяньскую,
— Да повыбрать надо пошлина да за двѣнадцять лѣтъ.—
Да прого́ворить честно-мужняя вдова,
10. Честно-мужняя вдова Офимья Александровна 2),
А прого́ворить она да вѣдь таково́ слово:
«Ай же ты 3), Добрынюшка Никитиничь!
«Я бы знала, Добрынюшка, я бы вѣдала 4), —
«Я споро́дила бы смѣлостью тебя

5. Проговорятъ бога́тыри да таково слово:
„„Если послать Святогора бога́тыря,
„„Некому стоять на заставѣ на Московскоей;
„„Послать намъ Добрынюшку Никитича
„„Во этую во землю во Тальянскую (*за симъ пропускъ: „повыбрать пошлины“*),
10. „„Отъ короля да великаго,
„„Великаго да отъ Литовскаго!
„„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка,
„„Ко этому подворью ко вдовиному
„„И къ честно-мужнеей вдовы
15. „„Афимьѣ Александровнѣ:
„„Попроси-тко ты, Добрынюшка, прощеньица-благословеньица,
„„И ѣхать во землю во Тальянскую!““

На стежь: ср. выше.—2) „И прого́вори честна́ мужняя вдова Да вѣдь фимья Александровна.“ — 3) „Ай ты.“ — 4) Еслибъ я знала-вѣдала про ою поѣздку.... (я бы тебя породила такимъ, какой нуженъ на поѣздку, или е такимъ, какого въ поѣздку не послали бы). — Въ другихъ образцахъ

55. «Супротивъ 1) старого козака Ильи Муромца,
«Грамотой повыучила 2) младаго Добрынюшку
«Супротивъ 1) Олёшеньки Поповича 3),
«Я силою спородила бы
«Супротивъ 1) Святогора да богатыря 4)!»
60. Ла 5) проговоритъ Добрыня таково слово:
— Честно-мужняя 6) вдова, Офимья Александровна!
— Да ты дашь прощеньице,—поѣду,
— А не дашь благословеньица,—поѣду:
— А меня выбралъ солнышко Владиміръ князь,
65. — А меня выбрали Руськіи 7) могучіи богатыри,
— Подписался Святогоръ богатырь 8).—

самъ Добрыня жалуется, что ему недостаетъ извѣстныхъ качествъ или напрасно породила его мать богатыремъ (иначе освободился бы онъ отъ поѣздки), а мать убѣждаетъ довольнымъ быть и тѣмъ, что есть.—1) Такого же, во всемъ подобнаго (противня, въ противень), какъ....—2) Бы.—3) Перемѣшано: смѣлость по преимуществу приписывается Алешѣ, но всего меньше грамотность, которою обладалъ Екимъ Ивановичъ, и самъ Добрыня, а особенно товарищъ его Василій.—4) У Гильф. вмѣсто этихъ 6-ти стиховъ 5 ть: „Я спородила бы тебя силою великою Супротивъ Святогора богатыря, А смѣлостью супротивъ стараго казака, а супротивъ Ильи Муромца, И грамотой-то бы выучила тебя, Добрынюшка, Супротивъ Олешеньки Поповича.“ — 5) См. выше.—6) „Честна мужняя.“—7) „Русскіе.“—8) Вар. *Гурьевскій*:

Пріѣзжаетъ Добрынюшка къ честно мужнеей вдовы,
Къ Офимьѣ Александровнѣ;
20. И кресто-тъ кладетъ онъ по писаному,
Поклоно-тъ ведетъ да по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
Честно-мужней вдовы Офимьѣ Александровнѣ
Дѣлаетъ онъ поклонъ да въ особину:
25. — Честно-мужняя вдова, Офимья Александровна!
— Дай-ко ты мнѣ прощеньица благословеньица,
— Ѣхать во землю во Тальянскую:
— Надо намъ биться да ратиться,
— И стоять-то за Кіевъ, за стольный градъ,
30. — И за свое ли то родное отечество,
— И за вѣру-то за христіанскую.—
И проговоритъ честно-мужняя вдова
Офимья Александровна:
„Узналъ-то солнышко Владиміръ князь
35. „О твоей-то о храбрости,
„Когда ростила вдова да вѣдь несчастная
„Тебя да и Добрынюшку Никитича:

Онъ и сталъ Добрынюшка во своёй полаты бѣлодубовой
На свои на рѣзвы но́женьки,
А выходитъ на свой на ши́рокъ дворъ;
70. Онъ берётъ уздицу свою тесьмя́нную 1),
Уздицу тесмянную шелко́въ разныихъ,
Шелко́въ разныихъ, шелко́въ Ша́ньскіихъ 2);
Онъ выводитъ коня на свой на ши́рокъ дворъ,
Вяжетъ свясточкамы 3) шелко́выма
75. А ко этому ко столбику ко точёному;
Надѣваётъ онъ уздицу тесьмянную
На свого коня богаты́рьского;
Онъ берётъ сѣдёлышко Черкаськоё:
А накладываётъ на коня испо́днички 4),
80. А испо́днички накладываётъ—по́тнички 4),
На потнички накладываётъ во́йлочки 5),
На войлочки сѣдёлышко Черкаськое 6);
И затягиваётъ двѣнадцять по́дпруговъ,
И во по́дпругахъ пряжечки серёбряны,
85. А во пряжечкахъ штылёчики 7) чиста зо́лота:

„Хочетъ разлучить солнышко Владиміръ князь
„И Русскіи могучіи бога́тыри;
40. „Видно, некого послать въ землю во Тальянскую!
„Я знала бы, тебя да вѣдь Добриннюшку,
„Я силой спородила бы тебя
„Въ Святогора да бога́тыря;
„А смѣлостью спородила бы
45. „Супротивъ стара казака Ильи Муромца,
„Ильи Муромца, сына Ивановича;
„Грамоты бы тебя повычила
„Супротиво Олешеньки Поповича.“

1) Плетёную, изъ тесьмы, обычно шолковой, но иногда и ремённой, кожаной.— 2) Такъ обычно у Щ—ва вм. „Шемаханскіихъ.“ — 3) Вязями, ужами.—4) Исподничками, подъ сѣдло, служили потнички, принимавшіе потъ коня: то и другое безпрерывно чередуется или смѣшивается, тѣмъ и другимъ служили одинаково войлочки.—5) Вмѣсто сихъ, предыдущихъ, 15-ти стиховъ у Г—га: „И вы́сталъ Д—шка на свои рѣзвы ноги Во своёй ли полаты богатырскоей, Онъ беретъ уздечку тесмяную, Надѣвае на коня богатырскаго, Кладывае на коня исиотники (!), На потнички да вѣдь войлочки.“—6) „черкальское (?).“—7) То же, что въ другихъ образцахъ „шпилёчки;“ но здѣсь встрѣчаются еще „стылёчики“ (одного корня со „штылетъ“

Арабьское золото не держится 1)
И булатъ-то желѣзо не ржавиетъ;
И завязываётъ Добрынюшка свя́сточки,
Онъ и свясточки семѝ шелко̀въ:
90. Онъ не для́-ради красы, а ради крѣпости.
И прого́воритъ тутъ честна̀ вдова,
Да вѣдь честна̀ вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты, Настасья Никулишна!
«Да что̀ же съ мужемъ законнымъ не прощаешься?»
95. Она стала, молода̀ жена, Настасья Никулишна,
На свои-то на рѣзвы̀ ноги,
Выходитъ во свои во сѣни во рѣшо́тчаты 2),
Опущается 3) по ступе́нечкамъ по кру́тымъ,
Да выходитъ на улицу на ши́року,
100. Берётъ Добрынюшку за ру́ченьки за бѣлыи,
А за эты за перьстни за злачёныи,
А цѣлуетъ во уста во саха́рьніи,
Сама-то говори́ла таково̀ слово 4):
«— Ай же ты Добрынюшка Никитиничь!
105. «— А когда же сожидать да со чиста̀ поля?—»
Да прого́воритъ Добрыня таково слово:
— А ждите меня да три́ года;
— А проходитъ вре́меньки да три́ года,—
— А сожидайте меня да ше́сть годовъ;
110. — А проходитъ временьки да шесть годовъ,—
— Сожидайте меня девять лѣтъ;
— Девять лѣтъ временьки проходитъ,—
— Сожидайте вы меня двѣнадцять лѣтъ;
— Тогда я домой не буду,—
115. — Да тутъ ты, Настасья Никулишна 5),

и „стилетъ,“ „стиль“ и „штиль,“ даже „сталь“ и „шталь“) — вострыя стальныя иглы въ пряжкахъ для проколки тесьмы, ремня и кожи; а иногда даже „ко-стылёчики,“ иглы колѣнчатыя, загибомъ и костылькомъ. — 1) Не издерживается, не изнашивается, не старѣетъ.—2) У Г—га: „Да что же, Настасья Никулична, Со своимъ мужомъ не прощаешься? И она стала, молода жена, Настасья Никулична, На свои-то на рѣзвы̀ ноги, Да идетъ-то покоемъ бѣлоду́бовымъ.“ — 3) „И опущается.“ — 4) Вм. этихъ 4-хъ стиховъ у Г—га: „Да прого́воритъ она таково слово;“ а поцѣлуи ниже. — 5) У Г—га: „Сожидайте меня да вы три году; На проходи тому время три году, Сожидай-

— Хоть за мужь поди, хоть вдовой живи,
— Только 1) не ходи за смѣлаго 2) Алёшу за Поповича,
— За того ли за дѣвочьяго насмѣшника
— И за моего названаго за меньшаго за брата 3).—

те вы меня да шесть годовъ; И на проходи тому шесть годовъ, Сожидайте вы меня девять лѣтъ, Да ждите вы меня да двѣнадцать лѣтъ, На проходи тому времени двѣнадцать лѣтъ, Тутъ ты, Настасья Никулична...."—1) „Да."—2) Ср выше отличительное качество.—3) За симъ у Г—га: „Она беретъ, Настасья Никулична, А того Добрынюшку Никитича За эти ручки за бѣлыя, За эти за перстни за злаченыя. А цѣлуетъ въ уста во сахарніи."—Вар. *Гурьевскій*:

Заходитъ онъ, Добрынюшка, въ конюшню богатырскую,
50. Беретъ ли себѣ коня да богатырскаго;
Надѣваетъ на коня-то онъ узду тесмяную,
И кладываетъ на коня-то онъ исподнички
И на исподнички кладываетъ онъ войлочки
И на войлочки сѣделышко,
55. Сѣделышко да Черкасское;
И застегиваетъ подпруги въ этомъ сѣделышкѣ Черкассковъ двѣнадцатеры (*дурно записано*),
Не для-ради красы, ради крѣпости;
Завязываетъ связочки семи шелковъ,
Не для-ради красы, ради крѣпости;
60. И во этихъ стремянахъ булатныихъ
Были-то пряжечки серебряны,
И во пряжкахъ штылечки чиста золота:
И булатъ-то желѣзо не ржавлѣетъ,
Арабское золото не держится.
65. Осѣдлалъ-то Добрынюшка коня да богатырскаго.
И держитъ во умѣ, Добрыня, таково слово:
— Поѣхать-то надо мнѣ во землю во Тальянскую
— И надо тамъ мнѣ биться да ратиться,
— И стоять-то Добрынюшкѣ за стольный градъ за Кіевъ (*перестановка*),
70. — И за свое ли то родное отечество,
— И за ту ли то за вѣру христіанскую,
— И повыбрать пошлину за двѣнадцать лѣтъ
— Отъ того-то короля да отъ Литовскаго.—
Прогóворитъ честно-мужняя вдова
75. Офимья Александровна таково слово:
„Что же ты, Настасья Микулишна, не прощаешься
„Со своимъ-то мужемъ да законнымъ?
„И выбралъ его солнышко Владиміръ князь,
„Подписались Русскіи могучіи богатыри
80. „И тыи поленицы удалыи."
И стала Настасья Микулишна
На свои ль она да на рѣзвы ноги,

120. А тутъ-то Добрынюшка Никитинич
Надѣваётъ на головушку онъ шляпоньку,
Онъ шляпоньку надѣваётъ земли Греческой,
Земли Греческой да сорока пудовъ;
А берётъ во свои во руки во бѣлыя,—
125. А берётъ палицю богатырскую,
Богатырскую палицю да сорока пудовъ;
А берётъ еще свой вострый мечь;
Берётъ еще во свои во руки богатырскія—
А берётъ онъ свой да тугій лукъ;

И утупила свои очи ясны во калиновъ мостъ;
Идетъ-то по покоямъ бѣлодубовымъ,
85. И выходитъ на крыльцо-то на переное,
И опущается по лѣстницѣ паратноей
И на свой-то на широкій на бѣлый дворъ:
Приходитъ-то къ Добрынѣ Никитичу
И говоритъ-то она да таково слово:
90. —„Ай же ты, мой мужь да законный!
—„Поѣдешь ты въ землю во Тальянскую... (*пропущено: долго ли сожидать тебя*).—"
Прощалась тутъ Настасья Микулишна
Со своимъ мужемъ законнымъ,
Со Добрынюшкой Никитичемъ
95. Проговорилъ Добрыня таково слово:
— Ай же ты, моя жена законная, Настасья Микулишна!
— И ждите меня въ (вм. *вы*) три года
— Со той земли да съ Итальянскоей;
— И пройдетъ тому времени три года,—
100. — И ждите вы меня тогда шесть годовъ;
— И пройдетъ тому времени шесть годовъ.—
— И ждите меня вы тогда девять лѣтъ;
— И пройдетъ тому времени девять лѣтъ,—
— И ждите меня да вы двѣнадцать лѣтъ;
105. — И пройдетъ тому времени двѣнадцать лѣтъ,—
— И тутъ ты, Настасья Микулишна,
— Хоть за мужь поди, хоть вдовой живи,
— Только не ходи за смѣлаго Олешу Поповича,
— За того ль за дѣвочья насмѣшника
110. — И за моего названнаго меньшаго браталка (д. б. *брателка*).—Кромѣ нѣкоторой неточности при записи, варіантъ г. Гурьева очень пострадалъ при печатаніи въ „Запискахъ:" конечно такимъ способомъ, безъ правильнаго дѣленія стиховъ, безъ редакціи и порядочной корректуры очень легко издавать, хоть по сотнѣ томовъ въ годъ; только отъ подобныхъ изданій нѣтъ пользы и въ наше время уже стыдно это послѣ столькихъ лучшихъ образцовъ.

130. Берёть еще онъ плёточку шелковую,
Погонять своёго коня богатырьского
А по этой по степи лошадиныя 1).
А приходитъ ко коню богатырьскому,
Палъ коню да во рѣзвы ноги,
135. Во рѣзвы ноги да во сыру землю:
— Ай же ты, мой конь богатырьскія!
— Послужи-т-ко ты вѣрой-правдой мнѣ! —
Прогóворитъ тутъ конь голосомъ да человѣчьимъ:
«— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничь!
140. «— А ты сядешь на степь лошадиную,—
«— Ты не жми меня подъ круты ребрà,
«— Ты не жми шпорамы вострыма,
«— Не натягивай поводовъ шелкóвыихъ
«— А во этой во уздечкѣ во тесьмянныя,
145. «— Не хлыщи-т-ко меня плёточкой шелкóвою
«— А по этой по степи да лошадиныя! — »
А выѣхали оны на часты переулочки,—
Куды конь летитъ, туды пыль столбомъ стоитъ.
Узкія-то рѣчки конь перешахивалъ,
150. А глубокія рѣчки перескакивалъ,
Озера-болота подъ себя пущалъ.
А съѣхалъ ли молодой Добрынюшка Никитиничь
Во эту во землю во Тальяньскую 2).

---

1) *Степь* у животныхъ (собаки, быка)—а) хребетъ; (у коня) б) хребетъ шейный, вдоль гривы; (у верховой и упряжной лошади) в) вся полость къ бокамъ отъ хребта и вдоль отъ шеи до хвоста, преимущественно гладкія и мягкія части —2) У Г—га: „И какъ сѣлъ ли удáлый добрый мóлодецъ, Добрынюшка Никитиничь, Какъ-то видѣли добра молодца посядучи На этого коня да богатырскаго, А на эту степь (*такъ*, прибавляетъ печатавшій, не зная слова „степь") да лошадиную, А не вид'ли добра мóлодца поѣдучи. И скакалъ-то конь съ гóры-то нá гору, И мелкіе рѣки перешахивалъ, А большіе озера перескакивалъ, А куда конь летитъ, туда ископыть столбомъ стаётъ. А съѣхалъ ли Добрынюшко во землю Таліанскую (!); Да вѣдь надо тамъ ему биться ратиться, А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ, За свое-то за рóдно за отечество, Да за ту ль то за вѣру христіанскую."—

Вар. *Гурьевскій:*

Тутъ садился Добрынюшка на коня да богатырскаго,
Сталъ да понуживать (вм. *понуживать*) плеточкой шелковосй

На проходи тому времени 1) три года:
155. Да не видно Добрынюшки со чиста поля;
На проходи тому времени шесть годовъ:
А не видно Добрынюшки со чиста поля;
На проходи тому времени девять лѣтъ:
А не видно Добрынюшки со чиста поля;
160. На проходи тому времени двѣнадцять лѣтъ;
А не видно Добрынюшки со чиста поля.
Застучалось 2) у полаты богатырьскоей,
А у того ли кольця золочёного,
А на томъ ли на крыльцѣ на перёноемъ;
165. Ла прогóворитъ тутъ честно-мужняя вдова,
Честно-мужняя вдова Офимья Александровна;
«Какъ бы былъ-то удаленькій Добрынюшка Никитиничь.
«Не дошло бы надсмѣяться надъ подворьицемъ,
«Надъ подворьицемъ надъ вдовиньимъ 3)!»

И помахивать сталъ палицей булатноей,—
Палица булатная вѣсомъ сорока пудовъ.
115. И малыи рѣки конь богатырскій перемахивалъ,
Озера-то онъ да перескакивалъ;
Куды конь-то летитъ, туды ископыть столбомъ стоитъ.
И доѣхалъ онъ изъ земли въ землю,
(Изъ земли въ землю) Изъ орды въ орду;
120. И съѣхалъ-то Добрыня къ королю въ Литву (*Литва очевидно сводится съ землею Латынскою, а изъ послѣдней возникла Итальянская*),
И началъ дѣлать онъ дѣло мéдленно (*очевидно объясненіе для перехода къ послѣдующему*).

1) Склоненіе тематическое (ср. наше изданіе Граматики К. С. Аксакова): *П.* время; *Р.* время и времѝ; *Д.* времю и времѝ; *Тв.* времемъ и времью (какъ и въ лѣтописяхъ); *М.* времѣ и времѝ. Второе изъ этихъ видоизмѣненій очевидно по *Ж.* роду, какъ *путь-ти-тью* и т. п.—2) У Г—га. „И застучалось."— 3) Не пришлось бы никому такъ громко и дерзко стучать. Это повторяется въ былинахъ не разъ и на разные лады: очевидно, у знатныхъ стучали легонько и осторожно—въ кольцо дверное; въ ворота не смѣли стучать вовсе; чаще спрашивались предварительно у придверниковъ и приворотниковъ, или обходили и навѣдывались въ службахъ у слугъ и на заднемъ дворѣ; тѣмъ меньше, никогда не входили прямо — „безобсылочно и бездокладочно."—Въ вар. *Гурьевскомъ*:

И проходитъ тому времени три года:
И не видно Добрыни со чиста поля;
И проходитъ тому времени шесть годовъ:

170. Отворила ворота̀ во полату бѣлодубову,
А во эты во новы сѣни во рѣшотчаты 1):
А приходять 2) три калѣки перехожіи.
У калѣкъ-то лапо̀тки на ножкахъ семи шелко̀въ,
Да котомочки за плечамы ба̀рхотны.
175. Да пришли оны въ покои богатырьскіи,
Оны 3) кресто-тъ кладутъ по писа̀ному,
Да поклоны ведутъ по учёному,
На двѣ—на три—на четыри па сторонки покланяются,
Честноёй вдовы да вѣдь Офимьи Александровной
180. Оны 4) дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Прого̀воритъ одинъ калѣка перехожая 5):
««Честно-мужняя вдова, Офимья Александровна!
««А мы видѣли Добрынюшку во чисто̀мъ поли:
««Во чисто̀мъ поли Добрынюшка убитъ лёжитъ 6),
185. ««Буйна го̀лова у Добрынюшки розломана,
««Бѣлы груди у Добрынюшки роспластаны;
««Да конь богатырскій по колѣну 7) въ крови;
««И ростётъ ли на Добрынюшки травонька,
««А ростётъ ли на Добрынюшки шелко̀вая 8),
190. ««Да на травоньки цвѣтутъ да вѣдь цвѣтики,

---

125. Не видно Добрыни со чиста поля:
Проходитъ тому времени девять лѣтъ:
Не видно Добрыни со чиста поля;
Проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ:
Не видно Добрыни со чиста поля.
130. И застучалось на томъ ли крыльцѣ да на переноемъ,
У того ли кольца да золоченаго,
У той ли палаты богатырскоей.
И проговоритъ честно-мужняя жена (*вдова*),
Офимья Александровна
135. Сквозь свои слезы да горючіи:
„Какъ былъ бы Добрынюшка Никитичь,
„И не дошло бы надсмѣяться
„Надъ позворьицемъ надъ вдовиннымъ!“

1) Г—гъ: „Отворила да и ворота богатырскія.“—2) „Да пришло-то.“—3) „И они.“—4) Г—гъ: „И оны.“—5) У Г—га этого стиха нѣтъ.—6) „Лежитъ-то Д—ка убитыи.“—7) „по колѣнъ.“—8) У Г—га „шо̀лковая“ (невозможно: ошибка печатавшаго, какъ и вообще печатавшій надѣлалъ много ошибокъ, либо вставилъ прибавка, обличающія невѣжество, на примѣръ при словѣ *стень* „такъ,“ и т. п.).

««А цвѣтики цвѣтутъ да всё лазурёвыи 1).»»
Какъ другой-то прогóворитъ 2):
««Ай же ты, Настасья Никулишна!
««Мы пришли тебя посватати:
195. ««Идёшь ли ты во супружесьво 3)
««И за этого за смѣлаго за Олёшу за Поповича,
««За того ль то за дѣвóчьяго насмѣшника,
««А за óного за мéньшаго зá братца 4)?»»
Да просватала сама себя Настасья Никулишна:
200. Увели ее старьцѝ калѣки перехожіи,
Увели ее 5), Настасью Никулишну,
За этого за смѣлаго Олёшу за Поповича,
За того ли за дѣвочьяго насмѣшника,
А за того за мéньшагó за брáта назвáнаго 6).

205. И проходи тому временьки три денька,

---

1) „да вѣдь лазуревы." — 2) „И проговоритъ другой калѣка перехожіи." — 3) У Г—га этого стиха нѣтъ. — 4) „И за его-то (Добрынина) за меньшаго, а названаго за брата."—Калѣки перехожіе, какъ люди бывалые и разносщики вѣстей, послужили только орудіемъ ложныхъ (а по нѣкоторымъ варіантамъ даже вѣрныхъ) вѣстей о Добрынѣ, по наущенію — конечно — Алеши, который сватался за этимъ самъ или черезъ Владиміра. Для поправки этому пропуску и неловкости, по забвенію обстоятельствъ, пѣвцы принуждены были добавить, какъ здѣсь, что Настасья „сама себя просватала."—5) Какъ далеко увели, поправляютъ и дополняютъ еще другіе пѣвцы: ср. ниже. — 6) Въ вар. *Гурьевскомъ*:

Отворила ворота да богатырскіи
140. Честно-мужняя жена (вдова) Офимья Александровна:
И пришло три калѣки перехожіихъ,
Лапотки на ножкахъ семи шелковъ,
Котомочки за плечами бархатны.
Кресто-тъ кладутъ да по писаному,
145. Поклоно-тъ ведутъ да по ученому,
И на двѣ, и на три, и на четыре на сторонки покланяются,
Честной-мужнеей женѣ Офимьѣ Александровной
Они дѣлаютъ поклонъ да особинный (*ослышка*).
Одинъ-тотъ прогóворитъ калѣка перехожій:
150. „„Честно-мужняя жена, Офимья Александровна!
„„Я и видѣлъ Добрыню во чистомъ полѣ,
„„Во той землѣ да во Тальянскоей,
„„У того-ли короля да у Литовскаго,
„„Твой Добрынюшка да въ услуженіи,
155. „„Разъѣзжатъ Добрыня во чистомъ полѣ,

Застучалось опять середь ноченьки тёмной 1),
И застучалось у полаты богатырьскою,
А на томъ ли на крыльцѣ да на перёноемъ,
И у того ли кольця у золочёного.
210. Да проговоритъ 2) честно-мужняя вдова,
Честно-мужняя вдова да вѣдь Офимья Александровна 3),
Да сквозь свои-то слёзы да горючія:
«Какъ бы 4) былъ Добрынюшка Никитинич,
«Не дошло бы надсмѣяться надъ подворьицемъ,
215. «Надъ подворьицемъ да надъ вдовиныимъ 5)!»
Отворила ворота во рѣшотчаты сѣньцы:
Приходитъ тутъ дѣтинушка незнакомыя 6).
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Да поклонъ ведетъ по учёному,

„„Попуживаетъ *(выше опечатка)* коня плеточкой шелковоей,
„„Поигрываетъ палицей булатноей.““ (*Весьма хорошій варіантъ: естественное противорѣчіе при ложныхъ вѣстяхъ*).
Другой проговоритъ калѣка перехожій:
„„Я и видѣлъ Добрынюшку убитаго,
160. „„Буйна головушка Добрынюшки разломана,
„„Бѣлы грудюшки Добрынюшки расплаштаны,
„„И конь богатырской по колѣнъ въ крови,
„„Растетъ-то на Добрынюшкѣ травонька шелковая,
„„Цвѣтутъ-то вѣдь цвѣтики лазуревы.““
165. Опечалилась честно-мужняя жена Офимья Александровна:
„И нѣтъ-то Добрынюшки во живности!“ (*еще очень хорошій варіантъ*).
Третій проговоритъ калѣка перехожій (*рѣчи отъ каждаго изъ трехъ— опять очень хорошій варіантъ*):
„„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„„Идешь ли ты да во супружество
170. „„За этого Олёшу за Поповича,
„„И за того ль да ты дѣвочья насмѣшника?““
И просватала сама себя Настасья Микулишна.
И поѣхали они со этой палаты богатырскоей,
Со этима съ калѣками да перехожими:
175. Надо съѣхать имъ во землю во Смоленскую,
Ко этому Олёшѣ ко Поповичу (*очень важный и рѣдкій варіантъ: удивительно, что Щеголенковъ въ этомъ мѣстѣ пропустилъ его и Гильфердингу, и намъ*).

1) У Г—га этого стиха нѣтъ.—2) „Да проговори.“—3) И у Г—га за симъ: „Да сквозь свои-то слезы да горючія.“—4) „И какъ.“—5) „да на вдовьиныимъ (ошибка печатавшаго?).“—6) У Г—га: „И отворила ворота да богатырскія, И пришолъ ли удалъ-добрый молодецъ, И пришолъ ли молодецъ незнакомый.“

220. На двѣ—на три—на четыри на стороны покланяется,
Честно-мужнёей вдовы Офимьи Александровной:
Онъ-то дѣлаётъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Самъ прогóворитъ удалый-добрый молодецъ:
— Честно-мужняя вдова, Офимья Александровна!
225. — Не узнала ты мла́даго Добрынюшку Никитича?—
Какъ захватила тутъ Офимья Александровна
А какъ мла́даго Добрынюшку Никитича
А за эты за ручки за бѣлыя,
А за эты перьстни позлачёныя,
230. А цѣлуетъ во уста да во саха́рьнія 1).
Іонъ прогóворитъ удалый-добрый мóлодецъ:
— А гдѣ же то жена моя законная 2),
— Да Настасья да Никулишна?—
И прогóворитъ честно-мужняя вдова
235. Да вѣдь Офимья Александровна:
«Да твоя жена Настасья Никулишна
«Да просватала самоё себя
«За смѣлаго Олешу за Поповича,
«За того ль то дѣвóчьяго насмѣшника,
240. «А за твоего ль то мéньшаго брата за назва́наго,
«Да проходитъ тому времени три денька 3).»
Да заходитъ ли мла́дый Добрынюшка Никитиничь
Во свой ли кабинетъ 4) богатырьскія,
Да беретъ три златницы три серебряныхъ 4),
245. И кажная златница стóитъ сто рублей.
Онъ садился-то Добрынюшка Никитиничь
И на этого коня-то богатырьского,
И со этыма досцѣхома 5) богатырьскима,
И со этой палицёй булатьнею,
250. Онъ и плёточкой коня Добрынюшка попуживаётъ,
И палицёй булатьнею Добрынюшка поигрываётъ:
Онъ поѣхалъ, Добрынюшко 6),
Во эту землю во Смоленьскую

---

1) У Г—га: „—И не спознала ты Добрынюшки Никитича?—Да беретъ ее за ручки за бѣлыи И за эти перстни злачены, Да цѣлуе во уста да во сахарніи.“—2) У Г—га нѣтъ.—3) У Г—га лучше: „На проходи тому временьки три деньма.“—4) Испорчено.—5) „посцѣхама.“—6) „И надо ѣхать Добрынюшкѣ.“

И ко этому Олешенькѣ Поповичу,
255. На широкій дворъ да на почéстенъ пиръ, 1).
А садился Добрынюшка Никитинич,
А на своего коня да богатырьского,—
Куды конь летитъ, туды ископыть стаётъ,
И мелки броды перешахивалъ,
260. А рѣчки широки перескакивалъ,
А озера-болота вокрýгъ ѣхалъ 2).

---

1) „Да на широкъ дворъ, на почестенъ пиръ."—2) У г. *Гурьева*:

И середу-то ноченьки-то темныи,
Застучалось у крыльца да у перенáго,
У кольца да золочёнаго:
180. И проговоритъ честна-мужняя вдова
Офимья Александровна,
И сквозь свои слезы горючія да вдовиныи:
„Какъ бы былъ мой Добрынюшка во живности,
„И не дошло бы насмѣяться надъ подворьицемъ,
185. „И надъ подворьицемъ да надъ вдовиницимъ!"
Отворила ворота богатырскіи
Той (*дурно*) да палаты богатырскоей:
Приходитъ-то удалый-добрый мóлодецъ незнакомый.
Притомивши (*утомленъ*) удалый-добрый мóлодецъ.
190. И кресто-тъ кладетъ онъ по писаному,
Поклоно-тъ ведетъ онъ по ученому,
И на двѣ - на три — на четыре на стороны покланяется,
Честно-мужнеей вдовѣ Офимьѣ Александровнѣ
Дѣлаетъ поклонъ да онъ особинный:
195. Не узнала, видно, честно-мужняя вдова,
— Офимья Александровна,
— Своево сына Добрынюшки Никитича?—
Беретъ-то Добрынюшку за бѣлыи за рученьки,
За тыи ли за перстни за злачеными,
200. Цѣлуетъ во уста да во сахарныи,
Выговариватъ она да таково слово:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичь!
„Истомился ты, удалый-добрый молодецъ,
„Во этой во дороженьки во широкой!" (*Варіантъ рѣдкій*).
205. И спроситъ Добрыня таково слово:
— Честно-мужняя вдова, Офимья Александровна!
— И гдѣ же моя законная жена Настасья Микулишна?—
Тутъ проговоритъ она да таково слово:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичь!
210. „Просватала сама себя Настасья Микулишна
„За смѣлаго Олешу за Поповича,
„За того ли за дѣвочья насмѣщника

И пріѣхалъ Добрыня во землю во Смоленьскую 1)
Ко этому Олешѣ ко Поповичу.
А на ши́рокъ дворъ на богатырьскія:
265. Да вѣдь заперты ворота̀ богатырьскія,
Поставлены тугъ у него слуги вѣрныя,
Не пропу́щать туда ни пѣшаго, ни коннаго.
Онъ прого́воритъ дѣтинушка скоморёшенекъ 2),
Онъ прого́воритъ да таково слово:
270. — Ай же вы, слуги вѣрныя,
— Слуги вѣрныя, слуги по́дданны!
— Вы возьмите у меня златни́цу сере́бряну,
— Да пустите дѣтинушку скоморёшеньку
— А на этотъ на поче́стенъ пиръ.—
275. Взяли, при́брали коня у дѣтянушки,
Въѣхалъ ли дѣтинушка скоморёшенекъ
На своемъ кони богатырскіемъ
Да на ши́рокъ да на бѣлый дворъ 3).
А вси-то гости были званыи,
280. А вси-то были гости браныи 4),

„И за твоего за меньшаго за бра́талка.
„Проходитъ тому времени три денька,
215. „Какъ уѣхала Настасья Микулишна
„Со этоей палаты богатырскоей (*обстоятельно*).“
Заходитъ тутъ Добрынюшка въ свой кабинетъ да богатырскій,
И беретъ-то три златницы, три сере́бряныхъ (*испорчено*),
И кажда златница сто̀итъ сто рублевъ.
220. Оборачиватъ коня да богатырскаго
Отъ своей-то палаты богатырскоей,
Какъ во эту путь да во дороженьку;
Плеточкой коня онъ попуживатъ
И палицей булатной Добрынюшка поигрыватъ,
225. Палицей булатной богатырскоей.

1) У Г—га: „во земли Смоленскую.“ 2) Щеголенковъ сдѣлалъ передъ этимъ важный пропускъ: какъ Добрыня одѣлся (*въ кабинетѣ*) скоморохомъ.—3) У Г—га: „Да стоятъ тутъ его да слуги вѣрныи, Не пропущаютъ туда на ши́рокъ дворъ, на почестенъ пиръ, А ни коннаго, ни пѣшаго. А прого́воритъ Добрыня таково слово:—Ай же вы слуги вѣрныи—Алешеньки да вы Поповича!—Вы возьмите съ меня златницу да серебряну (*испорчено*),—А вѣдь златница стоитъ сто рублей,—Да пустите уда́лаго-добра мо́лодца,—А дѣтинушку скоморошинку,—Да на ши́рокъ дворъ да и на почестенъ пи́ръ,—Да ко этому Олеши ко Поповичу.—Взяли-то златницу да серебряну, И отворили ворота да и богатырскіи, Да пустили дѣтинушку скоморошину.“—4) Перенесено отъ „скатертей *браныхъ*“ на пиру: гости избранные.

Да вси-то гости за столомъ сидятъ.
А приходитъ дѣтинушка на почестенъ пиръ.
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по учёному,
285. На двѣ—на три—на четыри на сторонки поклаяется,
Столу-то княженецкому въ особину 1).
Садился ли, дѣтинушка скоморёшенекъ,
Да на эту печку на земляночку.
Онъ наигрыши выиграватъ во гусёлышка,
290. Гусёлышка въ нёго вѣдь ярывчаты,
А наигрыши выиграватъ да хорошіи:
Онъ перво разстояніе выигравалъ отъ Кіева,
Отъ Кіева да до Царя-града,
Отъ Царя-града до земли Сорочиньскоёй 2),
295. Отъ Сорочиньскоёй до Тальяньскоёй,
Отъ Тальяньскоёй до Еросолима.
Эты наигрыши показалися Настасьи Никулишной;
Проговоритъ она да таково слово:
«— Ай же вы-то, слуги-то вѣрныя,
300. «— Слуги вѣрныя, слуги подданны 3)
«— Алешиньки-то вы Поповича!
«— А вы налейте чару зелена-то вина,
«— Да не малу, не большую,—въ полтора ведра,
«— Поднесите дѣтинки скоморёшеньки!—»
305. Взяли эты слуги вѣрныя,
Вѣдь-то налили дѣтинушки скоморёшеньки,
Налили чару зелена вина,
А не малую, не большую,—въ полтора ведра,
Подносили дѣтинушки скоморёшеньки.
310. Проговоритъ тутъ Настасья Никулишна:
«— Ай же ты, дѣтинушка скоморёшенекъ!
«— Я дамъ-то тебѣ три мѣста:
«— Перво мѣсто—да возли себя,

---

1) Этихъ 5-ти стиховъ нѣтъ у Г—га. — 2) У Г—га: „И сѣлъ ли дѣтинка скомарошина И на эту на печку на земляночку, И началъ-то выигрывать въ гуселышка Игрышки хорошіи; Онъ первое розстояніе играетъ да й отъ до Кіева, Да другое розстояніе играетъ да й до Царяграда, А третье розстояніе играетъ да й до земли Сорочинскоей.“—3) Этого стиха нѣтъ у Г—га.

«— Друго мѣсто—напротивъ себя,
315. «— Третье мѣсто —на печкѣ на земляночкѣ 1)!—»
Онъ сѣлъ ли, дѣтинушка скоморёшенекъ,
Да на эту печку на печку на земляночку,
Онъ сталъ во гусёлышка выигравать:

---

1) Этихъ, предыдущихъ, 11-ти стиховъ нѣтъ у Г—га.—У г. *Гурьева:*

И пріѣзжаетъ Добрынюшка во землю во Смоленскую,
Ко этому двору да богатырскому:
И заперты ворота богатырскіи
На этотъ на широкъ на бѣлый дворъ;
230. Поставлены сторожа да тутъ вѣрныи
А этого Олешеньки Поповича
Ко этымъ воротамъ да богатырскіимъ;
Не пропустятъ оны ни коннаго, ни пѣшаго,
На широкъ на бѣлый дворъ
235. Ко этому Олешѣ ко Поповичу.
Проговорилъ Добрыня таково слово:
— Ай же вы, слуги вѣрныи Олеши Поповича!
— Вы возьмите-ко съ меня—дѣтинушки да скомарешенька—
— По златницѣ вы да по серебряной,
240. — Каждая златница стоитъ сто рублевъ.—
И взяли эты слуги вѣрныи съ дѣтинушки скомарешенька
Двѣ златницы двѣ серебряныхъ;
Отворили ворота да богатырскіи,
Привязали коня да къ золоту кольцу
245. На этомъ на дворѣ да богатырскоемъ;
И провели его дѣтинушку скомарешенька
Въ эту палату богатырскую.
И ко этому столу да къ княженецкому.
Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
250. Поклонъ ведетъ да по ученому,
И на двѣ—на три—на четыре на сторонки покланяется,
И столу да княженецкому
Дѣлаетъ поклонъ да особенный.
И садился дѣтинушка скомарешенекъ
255. На эту на печку на земляночку.
Выигрывать наигрыши хорошіи,
Во эты да во гусельшка;
И перво разстояніе играетъ дѣтинушка скомарешенекъ
Отъ Кіева до земли Сорочинской,
260. Отъ Сорочинской до Тальянской.
Отъ Тальянской до Царя-града,
Отъ Царя-града до Іерусалима.
Показалися Настасьѣ Микулишнѣ
Наигрыши хорошіи.

Онъ перво разстояніе наигравалъ отъ Еросолима 1),
320. Отъ Еросолима до земли Тальяньскоёй,
Отъ Тальяньскоёй до Сорочиньскоёй,
Отъ Сорочиньскоёй до Царя-града
И отъ Царя-града да вѣдь до Кіева.
Показались-то выигрыши Настасьи Никулишной.
325. Іонъ проговоритъ дѣтинушка скоморёшенекъ 2):
— Ай же вы, слуги вѣрныя,
— Слуги вѣрныя, слуги подданны 3)
— Да того ли Алёшеньки Поповича!
— Дайте мнѣ графинъ во мои руки,
330. — И дайте стаканъ да во мои руки:
— Я налью-то чару зелена вина,
— Не малу, не большую,—да въ полтора ведра,

---

265. Говорила тутъ она да таково слово:
„— Ай же вы, слуги вѣрныи и подданны
„— Олешеньки Поповича!
„— Вы налейте-ко дѣтинушкѣ скомарешеньку
„— Чару зелена вина,
270. „— Не малу, не большу,—полторѣ ведра,
„— Поднесите-т-ко дѣтинушкѣ скомарешеньку!—"
Выпилъ дѣтинушка скомарешенекъ
Чару зелена вина,
Не малу, не большу,—полтора ведра,
275. Проговоритъ дѣтинушка таково слово:
— Ай же ты, Настасья Микулишна!
— Дай же ты мѣстичко сидѣть (*этимъ дополняется и объясняется послѣдующій отвѣтъ Настасьи въ нашемъ текстѣ*),
— Выигривать выигрыши хорошіи въ гусёльника (ошибка, вм. *въ гусёлышка*)!—
Тутъ проговоритъ Настасья Микулишна:
280. „— Ай же ты дѣтинушка скомарешенекъ!
„— Дамъ я тебѣ три мѣстичка,
„— (Три мѣстичка) и три любимыхъ,
„— Выигривать во гусельника выигрыши хорошіи:
„— Первое мѣсто—подлѣ себя,
285. „— Другое мѣсто—напротивъ себя,
„— Третье мѣсто—сидѣть на печкѣ на земляночкѣ.—"

1) У Г—га: „И онъ сидитъ, дѣтинка скоморошина, И на этой-то на печкѣ на земляночкѣ, И наигрыши наигрываетъ хорошіи, И выигрыши выигриваетъ отъ Еросолима."—2) „Дѣтинка скоморошина."—3) У Г—га: „богоданны (осмыка?)."

— Да я, кому знаю, тому поднесу.—
Дали тутъ служки вѣрныя
335. Какъ тому дѣтинки скоморёшеньки,
Дали графинъ во нёго руки,
Дали стаканъ во нёго руки;
Онъ налилъ эту чару зелена вина,
Онъ спустилъ туды, дѣтинка скоморёшенекъ,
340. Онъ спустилъ два перьстня обручныихъ 1),
Одинъ перьстень Добрынюшки Никитича,
Да другой перьстень Настасьи Никулишной.
Онъ подноситъ эту чару Настасьи Никулишной 2)
И самъ на словахъ выговариватъ:
345. — Ай же ты, Настасья Никулишна!
— Ты пей эту чару зелена вина 3),
— А ты пьёшь чару до дна,—да ты увидишь добра,
— А не пьёшь чару до дна,—ты не видишь добра! —
Она взяла чару во свои руки 4),
350. Она выпила чару до донышка,
Она вид'ла два перьстня на донышки 5),—
А одинъ перьстень Добрынюшки Никитича,
А другой перьстень Настасьи Никулишной.
Она выстала, Настасья Никулишна,
355. Она выстала на свои рѣзвы ноги 6),
А за этымъ столомъ за окольніимъ 7),
А за этою доской да за дубовой,
При гостяхъ-то вѣдь было званыихъ,
Званыихъ да гостяхъ чещеныихъ,
360. А сама говоритъ таково слово 8):
«— Ай же ты, Олешенька Поповскій сынъ!
«— Не тотъ мой мужъ, что 9) за столомъ сидитъ,
«— А тотъ мой мужъ, что 9) серёдъ 10) стоитъ 11)!—»

---

1) Это и есть остальныя двѣ „златницы,“ т. е. золотыхъ вещи. — 2) Вмѣсто всѣхъ этихъ 10-ти стиховъ у Г—га: „И налилъ-то, дѣтинушка скоморошина, Онъ ту чару налилъ зелена вина, Онъ-то ни малу, ни большую, полтора ведра, Онъ подноситъ Настасьи Никуличной.“—3) Этого стиха нѣтъ у Г—га.—4) Также нѣтъ. — 5) У Г—га: „А увидла на дни два перстня обручныи.“—6) Этого стиха у Г—га нѣтъ.—7) Круглымъ; у Г—га: „княженецкіимъ.“—8) „Да проговори Н—я Н—чна.“—9) „кто.“—10) „серёдъ избы.“—11) По списку *Гурьевскому:*

Она вышла-то, Настасья Никулишна,
365. А зъ-за этого стола зъ-за окольняго 1),
Подходитъ ко младому Добрынюшки Никитичу,
Берётъ его за ручки за бѣлыя,
Берётъ за перьстни за злачёныя,
Да цѣлуетъ во уста во сахарьнія 2).

И сѣлъ-то дѣтинушка скомарешенекъ
На этую на печку на земляночку.
И первое разстояніе играетъ дѣтинушка скомарешенекъ
290. Отъ Ерусалима до земли Тальянской,
Отъ Тальянской до Сорочинской,
Отъ Сорочинской до Царя-града,
Отъ Царя-града онъ до Кіева.
Показались эти наигрыши
295. Настасьѣ Микулишнѣ хорошіи.
Проговоритъ дѣтинушка скомарешенекъ да таково слово:
— Ай же вы, слуги вѣрныи Олеши Поповича!
— И дайте-ко мнѣ графинъ во мои во бѣлы руки
— И стаканъ да во мои руки!—
300. И налилъ дѣтинушка скомарешенекъ чару зелена вина
Не малу, не большу,—полтора ведра,
И спуститъ два перстня обручныихъ,
Одинъ перстень—Добрынюшки Никитича,
Другой перстень—Настасьи Микулишной,
305. Эти перстни обручальныи.
Подноситъ дѣтинушка чару зелена вина
И не малу, не большу,—полтора ведра,
Настасьѣ онъ да Микулишной,
Самъ проговоритъ ей да таково слово:
310. — Ай же ты, Настасья Микулишна!
— Ты пей чару до дна,—увидишь добра,
— Не пьешь чару до дна,—ты не видишь добра!—
Она выпила чару зелена вина
Не малу, не большу,—полтора ведра
315. И на днѣ два перстня обручныихъ,
Одинъ перстень—Добрынюшки Никитича,
Другой перстень—Настасьи Микулишной.
Она выстала изъ-за этого стола да съ-за окольнаго
На свои-то она на рѣзвы ноги,
320. Сама проговоритъ да таково слово.
„— И не тотъ мой мужъ, что за столомъ сидитъ,
„— А тотъ мой мужъ, что осередь избы стоитъ!"—

1) У Г—га: „княженецкаго."—2) У Г—га: „И захватила удала-добра молодца, Добрынюшка Никитича, А за эти за ручки за бѣлыи, А за эти за перстни за злаченыи, Цѣловала во уста да во сахарніи."

370. Да прогóворитъ Алёша Поповскій сынъ
А за этымъ столомъ за окольніимъ,
И прогóворитъ таково слово:
««Ай же вы, мои да гости званыи,
««Ай же вы, мои да гости браныи!
375. ««И всякъ ли то удáлый-добрый мóлодецъ пожéнится,
««А не всякому удáлу-добру мóлодцу женидьба удавается!»»

Да только Алёшенька Поповъ сынъ 1) жонатъ бывалъ!
Да тебѣ старинушку-славу̀ поёмъ 2)!

(Записано нами отъ В. П. Щеголенкова въ Августѣ 1873 г.).

*

Другой замѣчательный образецъ Былины, сей часъ помѣщенной у насъ, представляетъ записанная для г. Барсова г. Николаевскимъ въ 60-хъ годахъ (до 1868-го), въ приходѣ Кулгалà, Филимоновской волости, Пудожскаго уѣзда, отъ крестьянина *Щербакова*, о которомъ, къ сожалѣнію, ни записавшій не сообщилъ никакихъ подробностей, ни гг. Рыбниковъ и Гильфердингъ ничего не упоминаютъ, конечно по незнанію. Между тѣмъ изъ той же волости родомъ (и жилъ тамъ до 30 лѣтъ)

---

1) У Г—га: „Поповичь."—2) Въ *Гурьевскомъ* варіантѣ:

Выходитъ изъ-за стола да княженецкаго,
Беретъ-то дѣтинушку скомарешенька,
325. Добрынюшку Никитича,
За эти за бѣлыи за рученьки,
За этыи за перстни за злаченыи,
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи.
Высталъ Олешинька Поповъ-то сынъ,
330. И высталъ на свои да на рѣзвы ноги:
„„Ай же вы, мои гости званыи,
„„Ай же вы, мои да гости браныи!
„„И всякъ кто (то) удалой-добрый мóлодецъ пожéнится,
„„И не всякому добру мóлодцу женитьба удавается!""
335. И только Олешинька Поповъ сынъ женатъ бывалъ!

(Записано отъ того же Щеголенкова г. Михайломъ Гурьевнымъ для г. Барсова, въ 60-хъ годахъ, раньше 1868-го).

*

извѣстный пѣвецъ, позднѣе переселившійся въ Сумозеро, *Андрей Сорокинъ* (въ 1871 г. 43-хъ лѣтъ), отъ котораго Рыбниковъ (ч. III, стр. 31) успѣлъ лично записать двѣ Былины (отпечатанныя въ I-й ч. №№ 64 и 74, о чемъ пропустилъ г. Миллеръ въ перечнѣ Рыбниковскихъ Былинъ и пѣвцовъ при ч. IV-й) да пересказъ о Дюкѣ (отпечат. въ ч. II-й № 30): остальныя Былины, въ томъ числѣ о Добрынѣ (отпечат. въ ч. II-й № 7), записаны были отъ Сорокина для г. Рыбникова другимъ лицомъ по порученію и, хотя самъ Рыбниковъ въ 1861 г. провѣрялъ чужую запись (ч. III, стр. 31), но едва ли вполнѣ и едва ли именно означенную Былину о Добрынѣ. Съ своей стороны А. Ѳ. Гильфердингъ, 1871 г. въ Августѣ, узнавши въ Сумозерѣ Сорокина, не нашелъ въ пѣніи его замѣчательной разницы отъ напечатаннаго у г. Рыбникова и потому ограничился записью только тѣхъ Былинъ (въ послѣдствіи и отпечатанныхъ), коихъ не помѣщено у старшаго собирателя. Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, ускользнула опять отъ повторенія и точности Былина о Добрынѣ. За то Гильфердингъ сохранилъ любопытное извѣстіе, что „въ числѣ своихъ учителей Сорокинъ называлъ *старика Аѳанасья изъ Кулгалы*." И дѣйствительно, Сорокинская Былина о Добрынѣ, хотя не провѣренная должнымъ способомъ, сходится со Щербаковскою, оттуда же, изъ Кулгалы происходящею, въ особенности своимъ замѣчательнымъ концомъ, составляющимъ типическій характеръ варіанта (о трехъ, типически „удачныхъ," женидьбахъ и трехъ сестрахъ Микуличнахъ). Все это заставляетъ насъ подъ предлагаемою Щербаковскою Былиною помѣстить, хотя отчасти, варіантъ Сорокинскій, равно какъ, при концѣ, другіе ближайшіе варіанты, о коихъ скажемъ въ примѣчаніяхъ къ тексту.

То же.

(къ стран. 23-й настоящаго выпуска, № 11-й).

б)

(У. Пудожскаго, вол. Филимоновской, приходъ Кулгала).

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
«Свѣтъ-государь, моя матушка,
«Честна вдова Евфимья 1) Александровна!
«Дай-ко мнѣ прощенье-благословеньеце,
5. «Ѣхать во далече-далече, во чисто поле,
«Отвѣдать мнѣ плеча да богатырскаго,
«Кровавить-бить 2) мнѣ поганыхъ Татаровей.»

1) Книжное исправленіе; у Сорокина (Рыбник. ч. II, № 7) „Намельеа (Амелеа) Тимоѳеевна;" то же въ вар. Сухановскомъ (ср. ниже); у Макар. и Пастуховой (ср. ниже) „Афимья Александровна."—2) бы?—Впрочемъ и у Со-

Отвѣчаетъ ему свѣтъ-матушка
Честна вдова Евфимья Александровна:
10. — Ай же ты, мое да чадо милое,
— Молодой Добрынюшка Никитинечь!
— Какъ бы родился ты 1) силою въ Кострюка Демьюновича 2),
— А ухваткой въ стараго казака да Илью Муромца,

рокина: „напрасно *бить*.“ Кромѣ того у Сорок. жалобы Добрыни на мать, „На что несчастнаго спородила, гребешкомъ головку загладила, *копылкомъ* бородку наладила:“ по обыкновенному употребленію — задкомъ (костинаго) гребня; но пѣвецъ Леонтій Богдановъ, сопровождавшій г. Рыбникова, когда записанъ былъ этотъ образецъ, объяснилъ, что „мать зачесала ее *клиномъ*,“— характерная черта для лица Добрыни, въ противуположность широкой окладистой бородѣ Ильи Муромца и многимъ другимъ богатырямъ. Но *копылъ* и *копылокъ* не значитъ собственно „клинъ *острый*:“ это, какъ кость (*копылъ*, откуда и *копыто*, по Слав. нарр. *кокалъ*), борода продолговатая, но не длинная и не острая, а тупая и въ концѣ округленная (подобно копыту), такъ что волоса загибаются вокругъ подбородка къ шеѣ; доселѣ употребляется: „борода *копытомъ*.“ Покойный К. С. Аксаковъ, старавшійся (хотя не умѣлъ) нарисовать себѣ образы богатырей (эти любопытные рисунки у насъ сохранились), судя по описанію въ Былинахъ, начертилъ Добрыню съ маленькой, округленной и гладкой бородкой.—Дѣло идетъ какъ извѣстно, объ упрекахъ Добрыни, за чѣмъ рожденъ бездольнымъ, на что мать оправдывается, что рада бы родить въ такого-то и въ такого-то, но дѣлать нечего, каковъ уже вышелъ. Ближе подходящій сюда варіантъ, Гильферд. № 168 (изъ Кижъ, Макаровой и Пастуховой), передаетъ замѣчательный отвѣтъ матери о времени и способѣ ея родовъ: „Мать пришла *не-богородица*, Рукамы я наладити тебя нé могла, Какого мнѣ-ка Господь Богъ далъ.“ Т. е во время родовъ, богиня (старше Купала, извѣстная какъ „рожаница“) пришла *не-богая*, злосчастная, не на добро (ср. въ нашемъ изд. „Бѣлорусск. пѣсней“ Купальскія пѣсни о *богѣ* и *не-богѣ*), и на оборотъ—*не пришла* ко мнѣ въ помощь мать-*богиня* родовъ, сама же я, принимая тебя изъ нѣдръ (какъ въ древности рожаницы повивали сами), хоть и налаживала, но не могла наладить тебя собственными руками какъ должно, на лучшую долю, и вышелъ ты такимъ, какъ богъ далъ (зародилъ тебя во мнѣ и посѣялъ, ср. ниже),—„не-богимъ“ и „у-богимъ,“ бездольнымъ. Другими словами: я была мать или родильница не-богая, у-богая, безъ помощи божьей при родахъ, и таковъ вышелъ ты самъ. Въ христіанскомъ же смыслѣ: ставши матерью, не была же я Богородицей и не могла сотворить тебя такимъ, какъ бы хотѣла, а вышелъ ты, каковъ Богомъ данъ. — Въ варіантѣ Сухановскомъ, Водлозерскомъ (Гильф. № 206), который сюда же ближе относится этотъ горькій жребій (или бездольность) выражается еще нагляднѣе тѣмъ, что Владиміръ заставляетъ богатырей кидать *жеребьи*, кому ѣхать на дальній подвигъ, „и получаетъ (Добрыня) несчастныя жеребей.“—1) Я желала бы, чтобъ ты родился.—2) Обыкновеннѣе „Демьяновича,“ а это изъ „Домантьевича,“ „Одимантьевича“ и т. п. отчествъ у „Старшихъ“ богатырей, напр. Сухмана (Саломона, Самсона).

— А походочкой въ Чурилу Пленковича 3)! —
15. «Ай свѣтъ, свѣтъ-государь, моя матушка!
«Ты на что меня, Добрынюшку, спородила,
«На что меня на бѣлой свѣтъ попустила?
«Спородила бы Добрыню бѣлымъ камешкомъ,
«Кинула бы камешекъ да въ сине море:
20. «Лежалъ бы Добрыня бѣлымъ камешкомъ въ синемъ мори!»
Тутъ-то его матушка росплакалась,
Давала прощеньице-благословеньице:
Тутъ Добрынюшка возрадовалъ 4).
Пошелъ-то Добрыня на широкой дворъ,
25. Сѣдлалъ-то Добрынюшка добра коня,
Сивушка и бурушка 5) косманнаго 6),
Затягивалъ двѣнадцатью подругами,
Тринадцату натягивалъ продольную.
Тутъ-то пошелъ во свою палату грановитую,
30. Ко честной вдовы ко Овфимьи 7) Александровнѣ,
Палъ-то онъ во правую ноженьку,
Самъ говорилъ таковы слова:
«Свѣтъ-государь, моя матушка,
«Честна вдова Овфимья Александровна
35. «И въ томъ же 8) молода Настасья 9) Никулична!

---

3) Сорок. смѣлостью въ Алешу, выступкою въ Чурилу, силою въ Илью, поѣздкой въ Потыка, красой въ Осипа, имѣньемъ богатствомъ въ Дюка, стрѣльбой изъ туга лука въ Тугарина: въ другихъ ближайшихъ варіантахъ то же или: походочкою въ родителя. — 4) Сорок. „Благодарю на тѣхъ словахъ на умильныихъ, на рѣчахъ на разумныихъ.“ На оборотъ у Макар. и Постуховой, послѣ разсказа матери о бездольномъ рожденьѣ: „Это-то Д-шкѣ словечушко во гнѣвъ пришло и во претъ (поперегъ) пришло (легло).“—5) „Сивушка-бурушка,“ сивку-бурку; *и-й*, то же, что въ этомъ выпускѣ „Марка-й-паробка.“ 6) Косматаго — Въ вар. Макар. и Пастуховой (Гильф. № 168), который сюда ближе относится, „бурушку космотьевича.“ А въ Сухановскомъ (Гильф. № 206), столь же близкомъ сюда, Добрыня, по указанію матери, открываетъ пригодную себѣ коня въ глубокихъ погребахъ: „служилъ конь и батюшку (Добрынину батюшкѣ), служилъ добрый конь *дѣдушку*.“ Ср. у насъ въ отд. II № 1, стр. 27, „*дѣдушкоа* коня“ и Замѣтку въ концѣ.—7) Вотъ подлинное. — 8) И также, а равно.—9) У Рыбник. „Наталья:“ явно, что Былина не провѣрена самимъ собирателемъ отъ пѣвца какъ бы должно.

«Если я не буду чрезъ три́ года 1) да изъ чиста́ поля,
«Такъ ты, жена моя боярыня, поди на всѣ четыре стороны,
«Только не ходи за моего за брата за назва́ннаго:
«Тотъ-то Олеша пустохвастовичь,
40. «Пустымъ Олеша хвастаетъ,
«Небылицей онъ да похваляется 2);
«А поди хоть за князя, за боярина,
«Хоть за сильнаго бога́тыря,—
«Тутъ тебѣ да воля вольная.»
45. Выходилъ Добрынюшка Никитиничь,
Со той со палаты грановитыя,
На свой-то на широкой дворъ,
Садился Добрынюшка на добра̀ коня:
Только видѣли мо́лодца сядучись,
50. Не видѣли удалаго поѣдучись;
Отъ того ли копыта лошадинаго
Въ чистомъ полѣ будто столпъ стоитъ 3).

День-то за день какъ ручей бѣжитъ,
Недѣля за недѣлей какъ рѣка течетъ;
55. Прошло того времечки три года 4),
Не видать-то Добрыни со чиста поля.

---

1) У Сорок. еще три года=6: такъ и ниже, въ семъ самомъ образцѣ (очевиденъ пропускъ).—2) Сорок. „Олеша пустохвастъ-то есть, Вѣкъ (вѣчно) Олеша пустымъ хвастаетъ;“ прибавлено еще не ходить за Чурилу.—3) Въ варіантѣ Макар. и Постуховой (Гильф. № 168), близкомъ сюда: „Видѣли Д—ку тутъ сядучи, А не видѣли Д—ки поѣдучи, Подынулъ Д—ко курево, Ай курево, Д—ко, марево, Отъ неба до́ земли, о́тъ земли до́ неба.“ Въ вар. Сухановскомъ (Гильф. № 206), столь же близкомъ сюда: „Аль не пыль во поли запылается (д. б. запыляется), Отъ земли пески поднималися, Одна куревка поку́рила, Видли молодца сядучись, Ай не видли удалаго поѣдучись.“ Въ Водлозерскомъ (Нигозеркина, № 217) почти то же: „Одна куревка да завивается.“—У Сорокина кромѣ того нѣсколько извѣстныхъ стиховъ, какъ по отъѣздѣ мать съ невѣсткою садилися „въ одно мѣсто, плачутъ-обливаются;“ у Макар. и Пастуховой подробнѣе: „Тутъ его Добрынина матушка, Еще Добрынина молода жена, Шли оны во высо́къ терёмъ, Жалешенько оны поро́сплакались: „Закатилось наше красное солнышко“ и проч.—4) Сорок. „День-то за день какъ дождь дождитъ, Недѣля за недѣлей какъ трава ростетъ, Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ; Прошло тому времечки ровно три года.“

Сталъ тутъ Олешинька подхаживать,
Сталъ онъ Настасью подговаривать:
«— Ты поди-ко, Настасья да Никульична,
60. «— За меня за Олешеньку за мужество!
«— Я вечёръ пріѣхалъ изъ чиста поля:
«— Видѣлъ Добрынюшку убитаго,
«— Буйной головой лежитъ во ракитовъ кустъ,
«— Рѣзвыма ножками лежитъ онъ во Почай-рѣку 1). —»
65. Она-то была женщина умная,
Исполнила заповѣдь мужнюю,
Положила заповѣдь женскую 2):
—«Еще пройдетъ друго три-годы,
—«Исполнится того времечки да вѣдь шесть годовъ,—
70. —«Потомъ-то я хоть вдовой живи, хоть за мужь поди 3).»—
День-то за день какъ дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ ручей бѣжитъ,
Годъ то за годъ какъ рѣка течетъ;
Потомъ сталъ Олешинька подхаживать,
75. Сталъ Настасью онъ тутъ подговаривать:
«— Если ты добромъ не йдешь, такъ я силомъ возму,
«— Будетъ у меня сватъ князь стольно-Кіевскій,
«— Княгиня будетъ свахой Апраксія.—»
Потомъ у нихъ начался почестной пиръ 4).

80. А Добрынюшка спитъ во чистомъ поли,
Во бѣломъ шатрѣ спитъ-прохлаждается,
Надъ собой невзгоды не начается.

---

1) Сорок. „Вчерась прошла круглая недѣлюшка, какъ я пріѣхалъ изъ чиста поля: Видѣлъ во чистомъ полѣ Д—шку убитаго, Головкой онъ лежитъ во ракитовъ кустъ, Ножками лежитъ о Пачей-рѣку.“ Въ варіантѣ Сухановскомъ (Гильф. № 206) извѣстіе о Добрынѣ передается равно и старухами-кошельницами (нищими съ мѣшками за плечами), и Алешей: „Убитъ Добрыня во чистомъ поли, Лежитъ Добрыня о Почай-рѣку, Ай ногамы лежитъ во Почай-рѣку, Кудрями(мы) лежитъ въ частъ-ракитовъ кустъ.“ —2) Выдержала три года по заповѣди мужа, да еще наложила на себя три года по собственной волѣ женской, по своему женскому зароку. — 3) Повтореніе мужниихъ словъ (ср. выше). —4) Сорок. Алеша подозвалъ съ собою Владиміра, который грозитъ иначе отдать Настасью въ землю Литовскую и, когда она продолжаетъ упорство, „Тутъ говоритъ онъ: Ты добромъ не йдешь, ми силомъ возмемъ! И брали ее

Тутъ налетѣлъ воронъ-птица черная,
Сѣлъ онъ на сырой дубъ и сталъ кричать
85. Человѣчьимъ голосомъ:
««Какъ ты спишь, Добрынюшка Никитинечъ,
««Надъ собой-то ты невзгоды не вѣдаешь,
««Надъ тобой невзгода есть великая 1):
««Какъ твоя-то молода жена Настасья Никулична
90. ««За мужъ пошла за твоего за братца названаго,
««За Олешиньку Поповича.»»
Тутъ его конь-лошадь добрая
Сталъ копытомъ бить да о сыру землю,
Стала матушка-земля подрагивать;
95. Отъ того отъ сна крѣпкаго
Добрынюшка пробуждается,
Выходитъ онъ съ шатра бѣлополотняна,
Конь-лошадь добра
Человѣчьимъ языкомъ провѣщился:
100. ««Ай же ты, Добрыня Никитинечы
««Ужь ты спишь во шатрѣ да прохлаждаешься,
««Надъ собой невзгоды не начаешься,
««Надъ тобой-то есть невзгодушка великая 1):

за бѣлы руки.... Тутъ заводилъ (Владим.) для Олеши столованье — пѣстный (опять не провѣрено) пиръ.“ —Въ вар. Сухановскомъ, по жалобѣ Алеши на отказъ Настасьи, Владиміръ придумываетъ угрозы и нарочный указъ,—всѣхъ вдовъ выгнать изъ городовъ; Настасья за себя не испугалась, но (въ оправданіе ея) представляется, что она „пожалѣла удовокъ безмужнихъ“ и рѣшилась пожертвовать собою.—1) Сорок. „Надъ твоей надъ буйной головушкой есть невзгода великая.“ — У Сорокина Добрыню оповѣщаетъ одинъ конь, безъ ворона: таково обычное, принятое употребленіе Былинъ въ настоящемъ случаѣ при Добрынѣ. Но Щербаковскій варіантъ удваиваетъ извѣстіе, прибавляя ворона, по видимому безъ нужды: явно, что изъ другаго эпизода о Добрынѣ. Воронъ въ сей роли часто встрѣчается (ср. у насъ Алешу Поповича и другія Былины): онъ не только „вѣщая“ птица (вѣдающая все и возвѣщающая), но и „зловѣщая,“ и по преимуществу съ вѣстью „кровавой,“ о крови, которую издали чуетъ, гдѣ кто убитъ или гдѣ идетъ побоище и есть пожива. Потому обычно онъ останавливаетъ стрѣлка убѣжденіемъ, что богатырю не напиться его кровью, не сорвать на немъ сердца, а если ужь жаждетъ крови, пускай идетъ туда-то, на пиръ крови, — и при этомъ возвѣщаетъ о какой ни будь силѣ невѣрной, поганой, позднѣе о Татарахъ и всѣхъ восточникахъ. При настоящемъ случаѣ Добрыня былъ „въ отъѣздѣ — по одиннъ съ посольствомъ, по другимъ проти-

««Твоя-то молода̀ жена—
105. ««Молода жена, Настасья Никулична,—
««Она вѣдь пошла за му́жество,
««За твоего за братца назва́наго,
««За Олешиньку Поповича.»»
Повернулся Добрыня крутёшенько,
110. Одѣвался Добрыня скорёшенько,
Снаряжался Добрыня со чиста̀ поля,
Садился Добрыня на добра коня,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Ахъ ты конь-лошадь добрая!
115. «Сюды ты везла ровно шесть годовъ,
«А отсель провези да ровно два часа!»
Какъ пошелъ конь да лошадь 1) добрая,

ву „силы невѣрной," и къ сей-то послѣдней, къ битвамъ съ нею, и относится вѣсть изъ устъ ворона. Потому варіантъ Макар. и Пастуховой (Гильферд. № 168), близко связанный, вѣстью ворона посылаетъ Добрыню „подъ сторону подъ сточную," гдѣ „стоитъ сила невѣрная, невѣрная сила—поганая:" но, какъ варіантъ женскій, какъ „старина бабья," обыкновенно расплывчивая, вставляетъ извѣстный эпизодъ (ср. нашъ выпускъ IV-й) о томъ, *какъ переведлись богатыри на Руси*, за ихъ неумѣстную похвальбу противъ „силы небесной." Героями являются, какъ извѣстно и по другимъ, Илья, Добрыня, самъ Алёша (потому и былъ предлогъ былинамъ выставить Алёшу съ разсказомъ Настасьѣ, что онъ былъ въ дѣлѣ за одно съ Добрыней и видѣлъ его убитымъ) и Чурило: порубивши силу невѣрную, они стали похваляться,—„И со небесной мы бы силой супротивились (справились);" тутъ Господь „спустилъ на нихъ столо́пъ (столбъ) огненный,"—перерубятъ одинъ — станетъ два, „два поединщика," и такъ все дальше и больше. Очевидно, богатыри загрязли, и вотъ причина задержки Добрыни, почему не вернулся онъ скоро домой. Какъ уже пробился отсюда Алеша, чтобы принести вѣсть Настасьѣ, старина не успѣла придумать (приходилъ съ нимъ и Илья: у Гильферд. стр. 849): но только Д—ня, разсказъ о которомъ представляется въ устахъ Алеши чистой ложью, здѣсь на самомъ дѣлѣ „загрязъ," „а Добрынинъ конь во мху до колѣнъ стоитъ (загрязъ же)." Такимъ образомъ о свадьбѣ жены некому уже возвѣстить, ни даже коню: тогда старина придумала еще образъ (вставленный, конечно изъ глубокой же древности)—о *голубиной почтѣ*, въ родѣ Парижской. „Было у Д—ки Микитинича (на дому)—Было два голубка кормлённыхъ, Кормлённыхъ два голубка, поённыхъ, Спустила ихъ родитель его матушка (изъ дому), Увидалъ Д—ко Микитиничь Своихъ го́лубковъ кормлённыхъ" и, получивши отъ нихъ вѣсть, бросился домой. — Такъ постепенно могли разростаться былины изъ малаго зерна или же, на оборотъ, сократившись пополняться снова воспоминаніями старины. 1) Ср. опять „Марка-и-паробка (ἐν δια δυοῖν)."—О поединкѣ Добрыни съ Алешей см. ниже.

Рѣки-озера перескакивалъ,
Мелкіи источники межъ ногъ пустилъ.
120. Скоро скажется, по успѣхъ дѣло дается 1).
Проѣхалъ онъ, Добрыня, полтора часа;
Будетъ онъ у своей палаты грановитыя,
У того поселья богатырскаго,
Будетъ онъ подъ окошечкомъ косивчатымъ,—
125. Какъ сидитъ его родитель-матушка,
Честна вдова Овфимья Александровна,
Подъ тымъ подъ косивчатымъ окошечкомъ:
«Ахъ ты, честна вдова Овфимья Александровна,
«Дай же ты мнѣ милостыньку,
130. «Ради молодца Добрыни Никитича!»
— Ахъ вы, шишъ-калики перехожіи 2)!
— Кабы былъ онъ, Добрыня Никитинечь,
— Кабы былъ-то онъ да во живностяхъ,

---

1) Смотря по успѣху, какъ успѣетъ, дѣло дѣлается: обычная „присказка" при сказаніи. У Макар. и Пастуховой: „Ай скоро старина-то скажется, Не скоро времечко сбывается."—2) *Шишъ* и *шпынь* — одно изъ названій калѣкамъ (по ихъ проходимости всюду). Мать, по были, должна была „не узнать Добрыню," а для этого онъ долженъ былъ явиться „страннымъ"—по виду и въ дѣйствительности (пришельцемъ, незнакомымъ, необычнымъ, со стороны): таковы были а) калѣки (такимъ онъ здѣсь: проситъ милостыню „ради сына," какъ „Алексѣй Божій человѣкъ" явившись въ родной домъ), б) скоморохи. Потому же другіе варіанты выводятъ Добрыню то въ „платьѣ Латынскомъ (какъ скомороха)," то въ рубищѣ и типической одеждѣ калѣкъ, то вообще въ изношенномъ, изорванномъ костюмѣ (а это, взятое на прокатъ, даетъ нѣкоторымъ Былинамъ поводъ объясняться Добрынѣ, что такъ и должно было случиться,—въ далекомъ и долгомъ странствіи должно было все изорваться и износиться), и даже просто „голью кабацкою." У Сорокина является Добрыня въ семъ послѣднемъ видѣ, со чоботами и шляпою рваными-плачеными, съ лицомъ „зарудившимся" (въ грязи), очами помутившимися, волосами по плечамъ висячими (въ дѣйствительности, по типу, онъ былъ кудрявый). То же въ сродномъ варіантѣ Сухановскомъ (Гильфердинга № 206), а старуха гонитъ: „Отойди ты, голь кабацкая," или „Отойдите, голи кабацкіе." У Макар. и Пастуховой какъ „удалой скоморошище;" мать, считая его слово насмѣшкою, грозится: „Какъ была бы у меня силушка-могутушка, Я бы тебя ножикомъ зарѣзала." Но для той же цѣли, чтобы явиться „страннымъ," Д—ня въ слѣдъ за симъ долженъ *еще* передѣться „скоморохомъ" на пиръ свадебный, съ цѣлью пропѣть тамъ Настасьѣ: это совпаденіе *двухъ* переодѣваній, одного при возвращеніи, другаго при сборахъ на пиръ, породило собою еще нѣсколько варіантовъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, гдѣ Былина ищетъ согласить то и другое или вывернуться половчѣе.

— На досугѣ бы 1) вамъ, каликамъ, насмѣхаться,
135. — Мной старухой спотыкатися 2)! —
Какъ не досугъ Добрынѣ много разговаривать,
Снималъ онъ шляпу со головушки 3):
«Ахъ ты, родитель моя матушка!
«Я не шишъ-калика перехожая,
140. «Я есть молодой Добрыня Никитинечь.»
— Ахъ ты, шишъ-калика перехожая!
— У моего у Добрыни Никитича
— Есть на головушкѣ родимная знадебка 4)? —
Какъ увидѣла старушка родну знадебку,
145. Какъ не вѣсть-то 5) старушка взрадовалася,
Не знать 5) старушка испугалася;
Побѣжала старушка къ воротамъ рѣшетчатымъ,
Какъ взимала свое-то чадо милое

---

1) Ошибка: „Не досугъ бы," не довелось бы вамъ на досугѣ, ради шутки (такъ въ другихъ образцахъ).—2) На меня, старуху, наталкиваться, напущаться.—3) Доказательство, что Д—ня передѣлся *нарочно* и надѣлъ калѣчью „шляпу Сорочинскую" или „земли Греческой." — 4) Эта родинка (въ родню, знакъ роднаго человѣка между роднею) составляетъ типическое, спеціальное отличіе Добрини между прочими богатырями (по Польски macierz, macierzyzna, матежъ, въ матерь). Судя по всему, это было такъ называемое „родимое пятнышко," оставшееся послѣ того, какъ зажила *язва*, именно на головѣ (какъ въ варіантѣ Щербакова), вслѣдствіе чего была она „навязана" и Добрыня носилъ „наузы" это совпадаетъ съ образомъ его роковаго рожденья, потрясшаго всю природу, подобно какъ это разсказывается въ лѣтописи о Всеславѣ (былиннымъ Волхѣ Всеславичѣ) подъ 1044-мъ годомъ: „его же роди мати отъ вѣлхованья матери бо родивши его, бысть ему *язвено* на главѣ его; рекоша бо волсви матери его:—Се *язвено, навязи* на нь, да носить е до живота своего;—еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ, сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье"). Ср. выше обстоятельства роковаго, „небогаго" рожденья. Добрини и „налаживанье" головы его, особенно волосъ на головѣ, руками матери; это же совпадаетъ съ Бѣлорусскимъ „коутукомъ" или „колдуномъ," лихою, чародѣйскою, волшебною болѣстью головы въ волосахъ (наше изданіе „Бѣлорусск. пѣсней"). Забывши древность, иныя былины помѣщаютъ простую уже „родинку" *на разныхъ* мѣстахъ: у Сорокина: „Подъ правой пазухой (подъ мышкой) есть родимая знадебка: Тутъ скидывался Добрыня скоро у окошечка, показывалъ матери *родимную* знадебку." У другихъ, какъ у насъ выше въ текстѣ, на правой или лѣвой ногѣ, и т. п. Сухановскій варіантъ, еще позднѣе и—повидимому—проще, придумываетъ примѣтою „крестъ благословенный, съ которымъ спустила (мать Добриню) во чисто поле."—5) Богъ вѣсть, не знаешь, какъ сказать: нись она возрадовалась, нись испугалась, не то обрадовалась, не то испугалась,—было и того, и другаго.

За ручки за бѣлыи,
150. Цѣловала во уста во сахарніи.
Онъ говоритъ да таковы слова:
«Ахъ ты, родитель моя матушка!
«Что̀ же ты меня встрѣчаешь,
«А не встрѣчаетъ молода жена,
155. «Настасья Никулишна?»
Тутъ старушка говоритъ таковы слова:
— Твоя-то молода жена, любимая семья,
— Настасья Никулична,
— За мужъ пошла за мо́лодца Олешеньку Поповича.—
160. Не досугъ долго разговаривать Добрынѣ Никитичу,
Самъ онъ говоритъ таковы слова:
«Ай же ты, родитель моя матушка,
«Честна вдова Овфимья Александровна!
«Поди-ко ты во новую во горенку,
165. «Возми-ко мое платье скоморошное,
«Возьми-ко гусельца яро́вчатыи,
«Возьми мою дубинку подорожную,
»Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единаго.»
Взимала старушка во правую рученьку
170. Платье скоморошное,
Подъ правую подъ пазушку
Гуселка яровчатыи,
Во лѣвую во рученьку брала дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единаго,
175. Принесла старушка Добрынѣ Никитичу.
Тутъ Добрынюшка одѣвался скорымъ на́ скоро,
Взималъ онъ гуселка яровчатыи
Подъ правую подъ пазушку,
Взималъ онъ дубинку подорожную
180. Во лѣвую во рученьку 1);
Пошелъ онъ улками да переулками,
Идетъ онъ на почестенъ пиръ.

---

1) Подробности здѣсь важны особенно по тому, каково было въ дѣйствительности или представляется доселѣ пѣвцами платье *скомороховъ* со всѣми ихъ принадлежностями: эти подробности собраны у насъ при одномъ изъ образцовъ ниже.

Идетъ Добрыня по улицамъ;
Увидали робятка,
185. И стали говорить таковы слова 1):
««Идетъ тутъ не лёгка 2) скоморошина,—
««Идетъ тутъ Добрыня Никитинечь,
««Идетъ онъ, Добрыня, на почестенъ пиръ!»»
«Ахъ вы, ребятка, не говорите про Добрыню Никитича:
190. «Ужь я взадъ пойду—да вамъ калачь куплю.»
Пришелъ Добрыня на почестенъ пиръ,
Во ты палаты княженецкіи,
Ужь онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по учёному,
195. Ужь онъ клонится на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею 3) въ особину,
Честнымъ гостямъ любимымъ въ особину,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Ай же ты, царь 3) стольно-Кіевскій!
200. «Дай-ко ты мнѣ мистечка немножечко,
«Дай ты мнѣ мѣсто скоморошное?»
Потомъ говоритъ царь 3) стольно-Кіевскій:

---

1) Въ этой роли по былинамъ обыкновенно или а) *старые старики* (а при богатыряхъ *старшіе богатыри)* или б) *малыя ребята*: первые больше знаютъ и скорѣе узнаютъ, а вторые скорѣе скажутъ и вскрикнутъ.—2) Эпитетъ скомороха: легкій на ногу, на подъемъ, на переходъ, т. е. бродячій и перехожій.—Сорокинъ сдѣлалъ отсюда „на ножку легохъ" (ср. ниже), а Сухановъ: „Скочилъ Д—ня лекче заюшка."—3) *Князю съ княгинею*: молодымъ. Именно въ отличіе отъ нихъ, чтобы не смѣшать, употреблено далѣе *царь*, а въ варіантѣ Водлозерскомъ Нигозеркина, ближайшемъ сюда (Гильф. № 207), даже *царю съ царицей*, хотя тутъ же, далѣе, Владиміръ называется „княземъ стольно-Кіевскимъ."—Слово „царь" въ богатырскихъ былинахъ, до Москвы, встрѣчается очень рѣдко и замѣтно употребляется въ смыслѣ не совсѣмъ благопріятномъ, на примѣръ при ссорахъ главы Кіевскаго съ богатырями (ср. ссору съ Ильей Муромцемъ). Таковъ отчасти оттѣнокъ и здѣсь, ибо Добрыня несетъ укоръ Владиміру за отнятую жену и потому въ варіантѣ Сухановскомъ (да и выше у насъ въ № 10-мъ при дворѣ Алеши) стоятъ у воротъ княжескихъ „стражи немилосливи (какъ въ Стихахъ у мучителей „палачи немилосливы"), сильніи-могучіи богатыри, не пущаютъ Добрыни на почестёнъ пиръ, у Добрыни сердце розгорѣлося, онъ махнулъ дубиной подорожною, убилъ онъ сильніехъ богатырей." Позднѣйшій оттѣнокъ, павшій здѣсь на Владиміра, видѣнъ и изъ того, что въ помянутомъ варіантѣ Водлозерскомъ „царь" Владиміръ названъ еще „князь *Владимірѣкой* да стольнё-Кіевской.

«Твое мѣсто скоморошное на запечьи 1).»
Эта лёгка скоморошина—скакадъ онъ на запечью,
205. И садился на печку муравлину 2).
Струну натягивать отъ Царя-града,
А другую направлятъ отъ Іеросалима,
Онъ писни ведетъ съ-за синя моря 3).
Да какъ тутъ князь стольно-Кіевскій разслушался,
210. Эты ему писни прилюбилися,
Игра ему да приглянулася:
—«Ай же ты, лёгка скоморошина!
—«Выходи-ко ты да изъ запечья,
—«Не твое сидѣть мѣсто на запечьѣ 4),
215. —«Я дамъ тебѣ три мѣстечка:
—«Первое мѣсто подли меня,
—«Другое мѣсто супротивъ меня,
—«А третьее мѣсто, гдѣ тѣ любо есть.»—

---

1) Сорок. „Нѣтъ ли мѣстечка немножечко малой скоморошинкѣ?..“ „Есть на печки муравленой мѣстечка немножечко.“ — 2) Сорок. „Тутъ-то Д—ня на ножку легохъ-то былъ, Подскочилъ онъ на печку муравлену.“ — 3) О значеніи этихъ терминовъ см. выше, при текстѣ 1-го изданія. — По связи инструмента съ игрою и пѣніемъ, *струну натягивать*=тянуть(спѣвать) пѣсню; пѣсню *ведетъ*=тянетъ.—Сорок. „Струну натягивалъ будто (=было то) отъ Кіева, Другу отъ Царя-града И третью съ Еросолима; Тонцы онъ повелъ-то великіе, Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя моря.“ *Танокъ* и *тонецъ* (отъ корня того же, какъ и *тяну*, позднѣе по вліянію онѣмечившихся выраженій—*танецъ* и *танцы*) чисто-русское и народное слово: 1) звукъ инструмента и пѣнія (=*тонъ*); 2) наигрышъ и напѣвъ (мелодія, мотивъ); 3) пляска, соотвѣтственная размѣру натянутой струны, тянущагося (тягучаго) звука и натянутой пѣсни. По нынѣшнему употребленію *танокъ* и *тонцы*, *тонцы*: 1) *хоръ* поющихъ; 2) игра ихъ и *хороводъ*; 3) выступка и пляска среди хора или хоровода.—*Великіе*=хорошіе (не малые, не плохіе).—*Припѣвки* то же, что выше *напѣрыши* и особенно *выигрыши*; по нынѣшнему употребленію *припѣвъ* и *припѣвка*: 1) краткій стихъ или сокращенный напѣвъ, какъ прибавка, послѣ полныхъ и нормальныхъ; 2) заключеніе какой бы то ни было пѣсни; 3) краткій *стишокъ* или *присловье*—въ частномъ *примѣненіи* къ кому либо изъ слушающихъ или къ чему либо изъ окружающаго (какъ въ Словѣ о п. Игор.; ср. ниже въ Замѣткѣ о пѣвцахъ). Въ Водлозерскомъ вар. у Кигозерцева: „Ёнъ вѣдь началъ гуселка налаживать, Ёнъ вѣдь началъ *струночки натягивать* (=пѣсни), Ёнъ перву *наладилъ* (*ладъ*, Нѣм. Leit-, modus, ступень, разрядъ, регистръ звуковъ: музыкальный терминъ) съ града съ Кіева, Ёнъ другу наладилъ изъ Черникова, Ёнъ вѣдь третью изъ каменной Москвы (позднѣйшее вліяніе, подобно помянутому *царю* и князю *Владимірскому*“).—4) Сорок. „Не твое мѣсто сидѣть на печки муравленой.“

Тутъ говоритъ лёгка скоморошина:
220. «Дай-ко ты мистечка не множичко,
«Позволь 1) своимъ гостямъ любимымъ пораздвинуться,
«Позволь мнѣ-ка сѣсть супротивъ князя, супротивъ
княжины 2)».
Тутъ сидѣлся лёгка скоморошина
На ту скамеечку дубовую:
225. «Ты позволь-ка, князь стольно-Кіевскій,
«Намъ съ княгиней да перелитися 3),
«Вѣсомъ чара полтора пуда,
«Мѣрой чаша полтора ведра?»
Принималъ тутъ чару единой рукой
230. И выпивалъ Добрыня единымъ вздохомъ 4),
И ту жь чару налилъ онъ княгинѣ молодой,
Молодой Настасьѣ Микулишной,
Спускалъ онъ въ ту чару свой перстень вѣнчальный,
Съ которымъ оны да обручалися 5);
235. Подавалъ онъ чару единой рукой,
Молодой Добрыня Никитиничь,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Ай же ты, молода Настасья Микулишна!
«Бери-ко чару единой рукой,

---

1) Позволь, дай позволеніе, чтобы гости пораздвинулись.—2) *Княжина*=князева, княжая=княгиня, какъ *королева*=королёва, короля; отсюда уже *княжна* и отсюда же, послѣдовательно, во всемъ былевомъ творчествѣ употребляютъ смѣшанно (promiscue) объ одномъ и томъ же лицѣ—то „княгиня,“ то „княжна,“ то „королева,“ то „королевна.“—У Суханова, послѣ предложенія князева занять любое мѣсто, замѣчательная вставка съ пословицами: „Не спрашивай у молодаго (не нужно ли потрѣбься), Не спрашивай у голодного (хочешь ли ѣсть), Отѣшись-но (а лучше насѣшь) молодца кормить-поить, Потомъ удалого спрашивать (сперва накорми и напои, потомъ предлагай, какое мѣсто занять онъ хочетъ).“ Въ слѣдъ за этимъ, ему подносятъ или онъ самъ подноситъ Настасьѣ чару съ опущеннымъ перстнемъ. *Мистечко* у записавшаго перебивается съ *мисточкомъ*: т. е. пѣвцы произносятъ «мамъ м.—3) Обмѣняться заздравными, налитыми чарами.—4) Обыкновенное „духомъ,“ за одинъ духъ (разъ, одинъ разомъ, uno tenore).—5) Ошибка (на иностранный ладъ) вмѣсто „которымъ.“—Сорок. „Спустилъ онъ свой перстень обручальній, Которымъ перстнемъ обручалися Съ (отсюда-то, по смѣшенію, сдѣлано „съ которымъ“) Настас. Микул.“ У Нижегорыша: „Спущалъ туда да именной перстень, Какъ которымъ перстнемъ обручалися А со той Настасьей.“—У Макар. Пастух. и Суханова „перстень злаченый.“

240. «Выпивай-ко чару единымъ вздохомъ;
«Ужь ты пьешь 1) до дна, такъ увидишь добра,
«Ужь не пьешь до дна, такъ не видишь добра!»
Принимала чару единой рукой,
Выпивала чару на единый вздохъ;
245. Увидала въ чарѣ свой перстень вѣнчальный 2),
Своего мужа Добрыни Никитича,
Сама говоритъ таковы слова:
«— Не тотъ мой мужь, кой подли меня,
«— А тотъ мой мужь, кой супротивъ меня,
250. «— Молодой Добрыня Никитичь!—»
Сама ставала на ножки на рѣзвыи,
Скакала чрезъ столы чрезъ дубовыи,
Черезъ тыи ѣсцы 3) сахарніи,
Черезъ тыи питья медвяныи,
255. Брала за ручки за бѣлыи,
Цѣловала въ уста во сахарніи.
Тутъ Добрыня Никитичь,
Его ли сердце разгорѣлося,
Самъ говоритъ таковы слова:
260. «Не дивую я разуму женскому,
«А дивую я уму княженецкому:
«Какъ отъ живa-то мужа да жену увелъ 4)!»

Какъ взималъ тутъ Добрыня Никитичь
Олешу Поповича,

---

1) Если ты выпьешь.—2) Вездѣ въ подобныхъ случаяхъ не дослѣдовало отличаніе *мой* или *твой*.—3) Обыкновенное *ѣсцы* или *ѣсцы*, *ѣсцы*: но возможна форма и по Западно-славянскому — *ѣсче*. Сорок. „Какъ сама-та вставала на рѣзви ноги, Скочила черезъ ти столи да дубовые (въ друг. варіантахъ Д—ки просить не скакать, не безчестить столы);“ Сухан. „Скочила она легче-лебедушка Зъ-за того за столика дубоваго.“ У прочихъ смягчено уже: „вышла“ или „вошла изъ-за стола.“—За симъ у Макар. и Пастух. сама Настасья высказываетъ приговоръ женщинамъ въ послѣдующихъ: а) „У бабы волосъ долгъ, да умъ коротокъ;“ б) „Куды вѣтеръ повѣетъ, туда умъ понесетъ;“ в) „Ай мужъ по дрова, а жена за мужъ пошла.“—4) Сорок. „А не дивую я женщины, У женщ. волосъ-то долгъ“ и проч.; „А дивую я соли кн. Владиміру, — А что ежели женщина добромъ не йдетъ, Онъ силомъ беретъ...; Есть ли тотъ законъ на свѣтѣ, чтобы отъ живаго мужа жену отобрать?“ Сухановъ, какъ и выше, поддерживаетъ гнѣвное настроеніе Д—ки про-

265. Взималъ онъ за желты кудри,
Бросилъ онъ его да о кирпичной полъ,

тивъ Владиміра (подобно ссорѣ съ Мильей): „Вси съ пиру разбѣжалися, Вси съ пиру разскакалися, Только стоитъ князь со княгиною; Говоритъ Д—шка М—чь: — Чего ты стоишь, князь со княгиною, Чего ты стоишь да того же ждешь (что и Алёшѣ)? Пусть тебѣ пріуважено (изъ уваженія къ тебѣ, отпускаю тебѣ, пусть тебѣ будетъ просто), — Моему-то (вѣроятно *ты*) батюшку крестовой братъ (стало быть — дядя: впрочемъ, это могло возникнуть изъ того, что въ другихъ варіантахъ говорится здѣсь о крестовомъ побратимствѣ съ Алешею).“—Далѣе Сорокинъ подтверждаетъ, что дѣйствительно передъ этимъ Алеша былъ *вмѣстѣ* съ Добрынею, на одномъ подвигѣ (и стало быть вѣсть о Добрынѣ и трудномъ его положеніи была не одною чистою выдумкой Алеши): „Вчера прошла кругляя недѣлюшка, Какъ мы видѣлись съ Алешой во чистомъ полѣ: Крестилися мы (мѣнялись крестами), браталися, Назвался Алешенька меньшимъ крестовимъ братьицемъ,—Теперь меньшой братъ у большаго жену увелъ!“—О побратимствѣ ихъ говорятъ почти всѣ былины *единогласно*: но когда же и по какому случаю это совершилось? *Единственный* изъ всѣхъ пѣвцовъ, перенявшій отъ отца (а этотъ умеръ около 1850 г., будучи лѣтъ 80, и въ свою очередь перенялъ мальчикомъ отъ одного старика: о другихъ источникахъ сего скажемъ послѣ), *Никифоръ Прохоровъ* изъ Пудожа, пѣвшій нѣкогда Рыбникову, даетъ подробности, представляющія столь же *единственный* въ нашемъ былевомъ творчествѣ, совершенно особенный и необыкновенно важный *эпизодъ* въ похожденіяхъ *Добрыни* и *Алеши*: о *единоборствѣ* ихъ, *мирѣ* при участіи посредника и заключительномъ *побратимствѣ* (ср. у Г—га № 49). Эпизодъ сей (какъ уже успѣли мы отчасти замѣтить выше) начинается вѣстью ворона, который предвѣщаетъ Добрынѣ три разныхъ подвига, бѣлый, красный (кровавый) и черный, указывая впереди—по обычаю—на собравшіяся тучи поганыхъ. Послушный Добрыня отправляется и тотчасъ натаскивается на первый подвигъ—матёръ *бѣлополотняный* (подвигъ и кончился свѣтло, чисто): это матерь Алеши, въ его отсутствіи, гдѣ Добрыня напился-наѣлся и въ добавокъ все разметалъ, потоптала. Хозяинъ вернулся: страшный бой, отъ котораго дрожитъ вся земля, идетъ стукъ и трескъ. Заслышавши, Илья догадался, что это „Русскіе богатыри гдѣ ни есть дерутся-ратятся.“ Посредникъ спѣшитъ, выслушиваетъ съ обѣихъ сторонъ совершенно не бывалыя и рѣдкія у насъ оправданія, однако ему удается помирить: тогда-то двое крестами помѣнялись, побратались и Алеша назвался „меньшимъ.“ Дѣло кончено, и начинается столь извѣстное намъ нашествіе поганой Литвы, Татаръ и т. п., въ чемъ Добрыня подвизается еще вмѣстѣ съ Алешей (ср. выше),—подвигъ *красный*, по преимуществу кровавый, къ которому, мы видѣли, былина въ варіантахъ прибавила еще конецъ всему—о погибели отъ ангеловъ. Но собственно подвигъ второй продолжается еще въ подвигѣ *третьемъ*, съ вѣстью самой *черною* для Добрыни и событіемъ самымъ *чернымъ*—предательскою женидьбою брата названаго: здѣсь и было заключеніе подвигамъ Добрыни въ Кіевской *жизни*, послѣ чего слѣдовала уже *смерть*.—Такъ громадно важенъ сей эпизодъ для опредѣленія слоевъ въ Добрининскихъ былинахъ, и къ нему мы возвратимся нѣкогда съ большими подробностями.

Пихнулъ его подъ ж.... проклятаго 1).

Съ того-то со стыда со великаго 2),
Онъ клянется Олеша—проклинается 3):
270. ««Не всякому женидьба удавается 4)!»»

Удавалася женидьба тремъ молодцамъ,
Сильнымъ-могучіимъ богатырямъ:
Первому богатырю—Ставру Годиновичу,
А другому Ильѣ Муромцу,
275. А третьему Добрынѣ Никитьевичу.
Онѣ были три сестры,—
Одна Настасья Микулична 5).

(Запис. А. Николаевскимъ отъ крест. Щербакова).

* * *

1) Наказаніе Алешѣ передается различно и болѣе-менѣе пространно: всѣ сходятся лишь въ одномъ, что онъ не былъ при этомъ убитъ.—2) У Сорокина, послѣ уже изреченія Алеши о женидьбахъ, замѣчательная черта: „Съ того стыду да со сорому Пошелъ Алеша на чужую-дальную сторону.“—3) Обычай, послѣ неудачи, уходя заклинаться,—общій у насъ и во всемъ былевомъ творчествѣ Славянъ.—4) Опущено, почти всюду предшествующее: „Всякой на свѣтѣ женится (пословица),“ откуда, такъ какъ женидьба въ этомъ случаѣ неудачна, у Суханова—„Всякой чортъ,“ а у Нигозеркина „всякой дуракъ,“ при чемъ у Суханова прибавка о дубинѣ, выпавшей на долю Алеши (по объясненію пѣвца?): „Мнѣ-то (досталась) женитьба неудачная, Молода жена незрачная.“—5) Классическое мѣсто, изъ числа тѣхъ важныхъ отзывовъ *самого* творчества былеваго *о себѣ*, которые мы выписали нѣкогда въ началѣ „Замѣтки“ при 2-мъ томѣ издан. Рыбниковскаго. Такъ какъ это мѣсто слѣдуетъ непосредственно за словами Алёши, то издатели (въ томъ числѣ прежде и мы сами, при изданіи сборника Рыбниковскаго) усвоивали это мѣсто выраженію Алеши и въ этомъ видѣ печатали: при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что это отзывъ *самого былеваго творчества*, устами пѣвца, прибавка отъ сего послѣдняго, какъ посредника между народнымъ творчествомъ и слушателями. Уже приведенныя выше выписки достаточно свидѣтельствуютъ, что варіантъ Сорокина всего ближе къ Щербаковскому и возникъ изъ послѣдняго, т. е. Сорокинъ въ Калгалѣ именно выучился у Щербакова: конецъ подтверждаетъ еще болѣе. Равнымъ образомъ, разбираемое классическое мѣсто встрѣчается *единственно*, кромѣ Щербакова и Сорокина, только у Макаровой и Пастуховой, у Суханова и Нигозеркина,—доказательство, что всѣ эти варіанты (какъ выходятъ и изъ прочихъ, приведенныхъ выше, выписокъ)—одного происхожденія. Щербаковскій же виднѣе, рѣзче и обстоятельнѣе всѣхъ (вотъ почему

Теперь, такъ какъ въ томъ же, *I-мъ отдѣлѣ* Былинъ о Добрынѣ, по распорядку, принятому у насъ въ 1-мъ изданіи и до сихъ поръ остающемуся нерушимымъ, вставляется, какъ отдѣльный эпизодъ, отзвукъ самаго отдаленнаго времени, о *миѳологическомъ рожденіи Добрыни*, которое сопровождалось во всей природѣ общимъ сотрясеніемъ, то мы кстати приведемъ здѣсь варіанты сего замѣчательнаго эпизода или, лучше сказать, „запѣва,“ предначинающаго эпосъ отголоскомъ старшей миѳологіи.

Наше Русское Былевое творчество, старшее, главное и собственное, какъ спеціальный Русскій Эпосъ, сосредоточено все вокругъ Владиміра, составляя его кругъ или циклъ, въ Кіевѣ и на богатырствѣ Кіевскомъ. Въ эту пору, въ этомъ періодѣ и видѣ, Добрыня, какъ извѣстно, является между богатырями типомъ по преимуществу свѣтлымъ и яснымъ (а потому, между прочимъ, съ „желтыми кудрями“), юнымъ (отличаясь постояннымъ прозвищемъ „мла́дый,“ „молодо́й,“ между прочимъ съ маленькой окладистой бородкой „копылкомъ“), изящнымъ и любезнымъ (всюду „вѣжливый“ и съ „вѣжествомъ,“ по преимуществу съ ласковымъ именемъ „Добрынюшки“), великодушнымъ и рыцарскимъ (съ поступками „умильными,“ благороднымъ обращеніемъ), искуснымъ пѣснотворцемъ съ соотвѣтственною музыкой и всѣми вообще дарами музъ.

Но мы не разъ замѣчали и изслѣдованіями своими доказали, что прежде сей законченности, до спеціальности и обособленности Русской, эпосъ нашъ имѣлъ свое начало въ періодѣ старшемъ, „Черноморскомъ“ или „Придунайскомъ,“ въ нѣдрѣ общей семьи Славянской, покуда мы оттуда еще не выдѣлились и прожили нѣкоторое время въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ Греціей. Главные герои цикла Владимірова и Кіевскаго получили зачало свое оттуда: тамъ жили они въ очертаніяхъ *старшихъ*, менѣе опредѣленныхъ въ смыслѣ и значеніи Русскомъ, но болѣе близкихъ къ общимъ чертамъ Славянскимъ. Къ типамъ и созданіямъ Греческимъ, спеціальнымъ и чисто-эллинскимъ, они относились, разумѣется, какъ нѣчто болѣе суровое, иногда болѣе крупное (въ смыслѣ массивной неопредѣленности), иногда почти чудовищное и дикое, вообще характерное своей первобытностью, въ отмѣну отъ эллинской утонченности: однимъ словомъ,—что у Эллиновъ именовалось(не всегда точно, но всюду понятно для чувства)—именемъ Ѳракійскаго, порою Македонскаго, еще дальше и сѣвернѣе — Скиѳскаго, а въ эпоху Византійскую—позднѣе—даже прямо Славянскаго. Героическіе образы и типы сіи (занесенные кос-гдѣ, какъ противуположность, и въ творчество Эллинское, а нынѣ уцѣлѣвшіе въ древностяхъ Балканскаго полуострова и на Дунаѣ, или же въ спеціальномъ, конечно уже измѣнившемся

мы его здѣсь и помѣщаемъ, съ значительными разъясненіями). Именно, онъ не только говоритъ о *трехъ типическихъ* женидьбахъ, служившихъ въ былевомъ нашемъ творчествѣ типомъ *женидьбы удачной*, не только называетъ *трехъ героевъ* сего, но *одинъ только изъ всѣхъ* обстоятельно прибавляетъ,

противу старины, видѣ своемъ у Сербовъ, преимущественно у Болгаръ), по характеру эпохи своей конечно были гораздо болѣе богаты чертами *миѳологическими*, обличіемъ той жизни, которая охватывала все и играла во всякомъ лицѣ красками *миѳологіи*: эпосъ тамъ только *служилъ* и былъ *служебнымъ орудіемъ*, еще не на собственномъ своемъ мѣстѣ, еще не въ полномъ и самостоятельномъ значеніи. Отъ него неизбѣжно должны была уцѣлѣть остатки, послужившіе началомъ эпосу Русскому: но въ этихъ зачаткахъ, до насъ дошедшихъ отрывками, далеко не было той опредѣленности, отдѣлки и законченности *эпической* (въ спеціальномъ смыслѣ эпоса), которыя выработались спеціально Русью вокругъ типа Владимірова и въ богатырствѣ Кіевскомъ. Тѣ же самые герои, извѣстные и опредѣлившіеся въ семъ послѣднемъ, имѣли тамъ, по ту сторону міра Русскаго, другіе, старшіе отличительные признаки, иногда вовсе не схожіе съ послѣдующими, кои видоизмѣнялись при обработкѣ, порою совсѣмъ обратные — на выворотъ, вообще же опять болѣе суровые, массивные, даже грубые и дикіе. Такъ Добрыня, — и въ этомъ убѣдимся еще ниже,—выходя изъ періода старшаго, выносилъ оттуда къ намъ, нерѣдко отзывавшіеся, оттѣнки совсѣмъ противуположные его установившемуся, Русскому эпическому типу. На сколько принадлежитъ онъ Черноморскому и Придунайскому періоду, онъ схо-

---

что эти всѣ три жены были *сёстры*, именно всѣ три—*дочери Микулы Селяниновича*, а изъ нихъ *одна*, выдавшаяся въ описанномъ событіи,—*Настасья*. Кто эти три? 1) Несомнѣнно, указанная, *Настасья*, жена Добрыни; 2) несомнѣнно же, хотя здѣсь не поименованная, но столь извѣстная *Василиса*, жена Ставра Годиновича, здѣсь одинаково обозначеннаго; 3) третья сомнительнѣе, подлежитъ догадкамъ и выводамъ. По силѣ ихъ, соображая, что 1) жена Дуная въ иныхъ варіантахъ именуется *Настасьей* (по перенесенію, конечно ошибочному, отъ Добрыниной), 2) признакомъ „удачи й" женидьбы видимо считается *жертва* за мужа, пожертвованіе ему до самой жизни, чѣмъ отличились жены именно у Добрыни, Ставра и Дуная, 3) женидьба Дунаева, по родству и времени, совпадаетъ съ Владиміровой, считавшейся также славною и блестящею,—*полагаемъ* (впредь до подтвержденія), что *третья* есть *жена Дуная*. Но, какъ самъ Дунай, съ его женою Днѣпрою (по установившемуся типу) между богатырствомъ стоитъ еще на ранней, стихійной, ступени: потому могла быть только *память* о женѣ его, болѣе или менѣе неопредѣленная, такъ что Щербаковъ не нашелся *назвать* эту жену *по имени*, ни самого *Дуная*. *Какъ* звали ее, догадки пока зыбки. Чаще упоминается въ Былинахъ *„Катерина* Микулична," между прочимъ спасающая Илью изъ опалы: но это имя чисто-христіанское, потому вѣроятно и утвердившееся, потому примѣненное къ *разнымъ* женамъ, что старшее имя старшей Микуличны забылось. Всего скорѣе (хотя можетъ быть существовало еще какое ни будь древнѣе) — *Марья*, иначе *Марѳа* (оба эти имени совпадаютъ), — старшее, еще Придунайское и Черноморское имя многихъ героинь: и точно, *старшая* сестра, доставшаяся *Дунаю*, притомъ какъ грозная поляница, въ нѣкоторыхъ былинахъ, на прим. у Гильфердинга № 34 или въ въ № 125 у Щеголенкова, зовется *Марьею*, а въ вар. № 139 сестри ея на-

дится во многомъ съ прочими тогдашними героями, уцѣлѣвшими, на примѣръ, въ духовныхъ Стихахъ: подвиги его, тѣ, кои по преимуществу суть подвиги миѳологическіе, какова на примѣръ борьба со Змѣемъ и дѣло съ чародѣйскою Мариною, совершенно почти одинаковы съ соотвѣтственными подвигами Егорья, Ѳедора (Тирона) и даже позднѣйшаго Дмитрія Солунскаго. Самый эпосъ, повѣствующій о нихъ, въ остаткахъ ли старшаго, въ обработкѣ ли Русской, сходится близко не только образами, но даже выраженіями, оборотами и словами, съ тѣмъ, что извѣстно намъ изъ Стиховъ. Не говоримъ уже здѣсь о связяхъ съ Кельтами или Волохами, о чемъ еще послѣ.

Остатки старшаго, упоминаемаго здѣсь, эпоса, служившаго орудіемъ миѳологіи, вошли и въ эпосъ міра Русскаго, въ былъ цикла Владиміро-ва и Кіевскаго. По большей части они слились съ симъ послѣднимъ и въ немъ переработались, порою до неузнаваемости и безраздѣльности. Но по мѣстамъ остались еще явными *вставками* и *приставками*, отмѣнными отъ господствующаго эпическаго типа, какъ заплаты ветхой одежды, пришитыя къ новой и вставленныя въ нее или, какъ говорится, „заштукованныя штукою,“ болѣе или менѣе искусно. Они-то, такіе-то наиболѣе и любопытны намъ.

званы даже *Микуличнами*; на этомъ пока и остановимся, ожидая впереди болѣе рѣшительныхъ данныхъ. Между тѣмъ, уже изъ приведенныхъ сличеній, легко заключить, что варіантъ Щербаковскій *первичнѣе*, хотя и хуже записанъ, а Сорокинскій записанъ *лучше*, хотя и вторичнѣе самъ себѣ, то есть, иначе, у Сорокина записаны иногда *вѣрнѣйшія* черты подлинника, не захваченныя г. Николаевскимъ отъ Щербакова. Сорокинъ же поетъ прямо: „Удалась женидьба (1) *Дунаю* Дунаевичу, Да (2) старому (перенесено отъ имени Ставра) *Ставру* сыну Годиновичу, Да еще (3) молодому *Добрыни* Никитичу.“ На этомъ мы опять и станемъ, прибавляя со Щербаковымъ (въ этомъ случаѣ уберегшимъ старину), что „онѣ были три сестры,“ т. е. дочери Микулы (самый Микула здѣсь, сообразно Дунаю, взятъ еще на ступени старшей, болѣе или менѣе стихійной и неопредѣленной, миѳологической больше, чѣмъ эпической). За симъ, забывши Дуная, Щербаковъ вмѣсто него выставляетъ *Илью* (въ противность тому, что по „общепринятому“ типу Илья не былъ женатъ, жениться ему было „не ко младости,“ онъ съ самаго начала „старъ“): это 1) потому, что Илья, какъ извѣстно, ближайшій сотоварищъ Добрыни и Ставра; 2) по одному изъ варіантовъ, вырученъ изъ тюрьмы воинственной женою также, какъ вырученъ былъ изъ опалы Ставръ Василисою и Добрыня (хотя по худшему варіанту, по перенесенію отъ Ставра и Василисы) Настасьею; 3) совпадалъ, въ нѣкоторомъ отношеніи (о чемъ здѣсь не мѣсто распространяться), съ самимъ Владиміромъ и Дунаемъ, между прочимъ по миѳологической женидьбѣ. Того же держится и Сухановъ, именуя *Илью*, и Нигозеркинъ. Послѣдній еще на шагъ смѣшался, поставивши вмѣсто Ставра—*Чурилу*: „Удавалась женидьба тремъ богатырямъ: Еще старому казачку да Илью Муромцу (1), Ай (а и) молоду Добрынюшки Микитицу (2), Ай молоду *Чурилы* щапы-(щеголю)Пленковицу.“ Сухановъ же, еще на шагъ позднѣе, согласно *эпическому*, болѣе общепринятому,

Естественно, исходя изъ старшей древности и примѣняясь къ новой жизни, въ новую ткань былеваго самостоятельнаго творчества Русскаго, остатки сіи или а) *вставлены въ середину*, какъ зерна, болѣе или менѣе крупныя, какъ эпизоды и частности разсказа, или б), еще замѣтнѣе, *приставлены въ началѣ и къ началу* разсказа, какъ введеніе и вступленіе, какъ занѣвъ, взятый отъ древности и постепенно вводимый въ обстоятельства жизни новой. Извѣстно, что по этой же самой причинѣ всѣ въ мірѣ эпическіе разсказы начинаются вступленіемъ, болѣе или менѣе миѳологическимъ: это вступленіе берется именно изъ *миѳологіи* и *старшаго* эпоса, ей безгранично служившаго. По крайности въ началѣ помѣщается обращеніе или воззваніе къ миѳу, божествамъ и богинямъ: самый Гомеръ не чуждъ сего и отсюда же извѣстныя привычки „классической" или „лжеклассической" поэзіи,—начинать теченіе своихъ поэмъ подобнымъ же воззваніемъ и обращеніемъ.

Разумѣется, то же самое должно было случиться при Добрынѣ: всего же естественнѣе при *его рожденіи*, при разсказѣ о появленіи его на свѣтъ Божій. Рожденіе, какъ начало всему, именно отводило къ старшей древности: о рожденіи Добрыни иначе нельзя было сказать, какъ словами эпоса старшаго, Черноморскаго и Придунайскаго, какъ

воззрѣнію, ограничился *двумя*: „Удавалась женитьба *двумъ* богатырямъ: Во первыхъ Добрынюшки Микитичу, Во другіихъ старому казаку Илью Муромцу." Наконецъ Макарова и Пастухова, на этой же установившейся эпической ступени, исправляютъ Суханова, возстановляя *Ставра*: „Только удалась женидьба Ставру Годиновичу да Добрынюшкѣ Микитичу."—Всѣ прочіе варіанты, хотя лишены сего конца, но держатся того же общепринятаго эпическаго „положенія," ибо поютъ обыкновенно (порознь) о *двухъ* сестрахъ, а при нихъ о двухъ событіяхъ, касавшихся двоихъ героевъ,—Ставра (съ Василисою) и Добрыни (съ Настасьею). Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, Щербаковскій варіантъ, а съ нимъ, возникшій отъ него же или по крайности изъ одного источника, Сорокинскій и (съ порчею) Водлозерскій (Нигозеркина), наконецъ Сухановскій и Макарово-Пастуховскій (тѣмъ, что говорятъ о „типическихъ женахъ," хотя только двухъ), возстановляютъ предъ нами древность, простирающуюся къ самому *началу* эпоса, къ эпохѣ стихійной и миѳологической, когда Микула былъ на старшей ступени (хотя бы сказанія о томъ перешли въ вѣка очень поздніе) и у него представлялась *третья*, старшая дочь, принадлежавшая, судя по всему, Дунаю, (а въ извѣстный періодъ и Владиміру, о чемъ въ своемѣ мѣстѣ), этому—сравнительно съ „Кіевскимъ" Ставромъ и Добрынею—еще „Старшему" и стихійному богатырю.— За симъ, конецъ Былины всего далѣе протягивается у Сорокина: онъ прибавляетъ, что Алеша пошелъ на чужую дальную сторону (ср. выше), а Добрыня, уведя жену къ себѣ, „Болѣе не сталъ да выѣзжать (очевидно, это былъ его *послѣдній* подвигъ: до *смерти* вмѣстѣ съ другими богатырями?), Выѣзжать во чисто поле, Болѣе онъ сталъ проживать во Кіевѣ." Эта добавка отзывается уже *прозою*, едва-едва налаженною въ устахъ пѣвца (а не стихомъ, вѣрно унаслѣдованнымъ): по припѣвъ, „Дунай, Дунай, Болѣ вѣкъ не знай," припѣвъ самъ по себѣ древнѣйшій (изъ нашей при-Дунайской жиз-

образами миѳологіи. Вотъ почему, въ былинахъ о Добрынѣ, нѣсколько разъ и на разные лады повѣствуется о его рожденіи, и сею повѣстью предначинаются почти всѣ его подвиги, въ особенности съ оттѣнкомъ миѳологическимъ: и каждый такой разъ говорится *по старинѣ*, и въ каждомъ такомъ разсказѣ (хотя не вездѣ въ равной степени) должны мы видѣть остатокъ эпоса древнѣйшаго, съ содержаніемъ не столько былевымъ (эпическимъ) и бытовымъ, сколько съ миѳологическимъ. Въ силу этого, Добрыня въ былинахъ принужденъ былъ даже родиться *два раза*, разнымъ способомъ и въ разныхъ эпохахъ: позднѣйшее рожденіе его принадлежитъ эпосу нашему, міру Русскому, быту дѣйствительному и даже исторіи; старшее, первичное рожденіе и происхожденіе конечно относится къ миѳологіи и разсказъ о томъ есть отрывокъ повѣсти миѳологической.

А) Въ примѣчаніяхъ къ тексту только что приведенныхъ былинъ мы имѣли уже случай открыть такую, прадревнюю, основную, хотя и краткую *вставку*. Добрыня, вслѣдствіе новыхъ обстоятельствъ или, лучше, усложнившихся обстоятельствъ новой жизни, сдѣлался неузнаваемъ: онъ поставленъ въ положеніе незнакомца даже для самой матери. Между тѣмъ, его связуетъ съ древностью конечно всего ближе и прямѣе родная мать: узнать его среди новой жизни должна всего скорѣе Амелфа Тимоѳеевна. Онъ самъ напоминаетъ ей о своемъ происхожденіи, онъ указываетъ главный, самый существенный и дѣйствительный признакъ, по которому слѣдуетъ узнать его и которымъ онъ возводится къ древности. Это признакъ, которымъ герой связуется не расторжимо съ матерью (съ матеріей и началомъ его личнаго существованія), которымъ онъ примыкаетъ къ родству, роду, родинѣ и прародинѣ: это его *родимка*, на собственномъ его тѣлѣ, это его *родимная знадебка*, это его „материзна,“ примѣточка по матери съ минуты ея родовъ. Мы видѣли уже, по варіантамъ болѣе позднимъ, что эпосъ Русскій, съ теченіемъ времени и по мѣрѣ законченности своей, или вовсе уже перезабылъ это обстоятельство, или, забывши основную миѳологическую черту, помѣщаетъ родинку на щекѣ, на рукѣ, подъ пазухой, на той или другой ногѣ.

ни), показываетъ настроеніе, занятое былиною изъ „старшей“ эпохи, Дунайской и о томъ же Дунаѣ. Можно думать, что самая Былина, хотя оборванная въ устахъ Сорокина, первобытно зачиналась воспоминаніями *о Дунаѣ* и Добрынею лишь *кончала*. По крайности самый порядокъ, въ коемъ перечтены удачныя женидьбы,—тотъ самый порядокъ, который вытекаетъ изъ нашего разсмотрѣнія и по всѣмъ даннымъ самый естественный: 1) названъ Дунай (самъ стихійный съ таковою же женою), 2) Ставръ (женатый на Василисѣ, —какъ общепринято—старшей, чѣмъ Настасья) и наконецъ 3) Добрыня (женатый на младшей) и самъ, въ данномъ случаѣ, по словамъ пѣвца, *заключившій* свои подвиги, такъ что тутъ *конецъ* и пѣть уже больше не о чемъ. Разумѣется, все это идетъ въ сравненіе *единственно* съ Добрынею „Кіевскимъ“, а не съ „Греческимъ“, „Дунайскимъ“ или „Волошскимъ“, о которыхъ надѣемся поговорить послѣ.

Старшіе и лучшіе варіанты прямо называютъ *голову* и *темя*. Къ приведеннымъ выше прибавимъ (изъ собранія Гильфердинга): Повѣнецкій Корсакова „Кинула ему руку на *голову*, Увидала (=увѣдала, обознала) у его е (увидала есть) примѣточку;“ Пудожскій Прохорова: „Подойди къ старушки поблизёшенько, А у моёго у милаго у дитятка Вила-то вѣдь знадёбка родимная, А былъ-то на *головки рубечёкъ*-то есть (былъ есть). Какъ онъ скоро Добрынюшка подхаживалъ А ко тыи старушки да ко *древнымъ* (здѣсь всякое слово дорого), Какъ тутъ эта старушка да пощупала: Ажно было тутъ да до правды то, А есть тамъ была знадёбка родимная;“ Кенозерскій Гусева отца: „И ой же, Добрынина матушка, Какое у Добрыни было знамечко? Знамечко было на *головушки*. Ущупала ёна знамечко;“ Гусева сына: „Какó у Добрыни было знамечко? Знамечко было на *головушки*, *Кружоко*-тъ былъ да *въ копеечку*. Погляди-ко у меня на *головушки*? Поглядѣла у калики на *головушки*,—Кружоко-тъ былъ да съ копеечку.“ Посмотримъ же теперь, какъ дѣйствительно это возводило къ древности и миѳологіи. Во первыхъ, какъ извѣстно, самое *темечко* нѣкоторое время не заростаетъ, у иныхъ очень долго: оно само собою напоминаетъ о матери, рожденіи и родѣ; потому, между прочимъ, Ѳедоръ (Тирянинъ) изъ борьбы со Змѣемъ и изъ пещеръ выноситъ *мать на головкѣ на темечкѣ* (ср. наше изданіе Стиховъ). Во вторыхъ, мало этого, лучшіе варіанты указываютъ, что родинка на головѣ Добрыни, эта, еще не заросшая, связующая съ древностью, примѣточка была именно, какъ говорятъ Былины (ср. у Гильферд. упомянутый вар. Пудожск. Прохорова, Мошскій Швецова, Кенозерскій Воинова и др.),—*рубечёкъ* (рубчикъ); *бороздинка* (бороздка), *два черные* (еще не совсѣмъ зажившіе) *пятенца родимные*, *три знамени родительски* и т. п., т. е. (лѣтописное) *язвено*, *язва* съ неизмѣннымъ ея спутникомъ въ древности—*наузами*, достаточно извѣстными въ нашей миѳологіи какъ остатокъ глубокой древности вѣрованій и обрядовъ. Въ третьихъ, эта язва и науза, сама по себѣ какъ дѣло роковое и чародѣйское, будучи признакомъ рожденія особаго сверхъестественнаго, миѳологическаго, располагала и впередъ роковымъ жребіемъ рожденнаго, опредѣляла миѳологически судьбу его въ жизни и отпечатлѣвалась на самомъ его личномъ характерѣ. Лѣтопись прямо говоритъ (ср. выше), примѣнительно ко Всеславу, что „*сего ради*,“ ради язвы (даже физически раздражавшей нравъ человѣка), Всеславъ былъ „немилостивъ на кровьпролитье,“ жестокъ и кровожаденъ, а продолжалось это во всю его жизнь,—„да носить е (язвено съ наузами) до живота своего, сже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ;“ и даютъ такое толкованіе именно „волсви,“ наиболѣе свѣдущіе въ древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ. Мы привыкли, по образу эпическому, опредѣленному, установившемуся и законченному, видѣть въ Добрынѣ всегда помянутый типъ любезности, мягкости, великодушія: а тутъ, на оборотъ, свидѣтельствуется, по природѣ его, по его древнему происхожденію и типу, что онъ былъ нѣкогда жестокосердымъ и кровожаднымъ, и такимъ *долженствовалъ* быть, въ силу роковаго своего

миѳологическаго рожденія и въ старшую пору своей дѣятельности. И дѣйствительно, изъ собственныхъ жалобъ его, о которыхъ вскорѣ скажемъ, изъ жалобъ на тягость его роковой доли, на тягость характера всей его дѣятельности, убѣждаемся, что онъ нѣкогда „убивалъ неповинныя души, проливалъ кровь напрасную, слезилъ отцовъ-матерей, вдовилъ молодыхъ женъ, пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ,“ и т. п. (ср. многія былины). Очевидно, это вовсе не тотъ Добрыня, который извѣстенъ намъ въ мірѣ Русскомъ, при Владимірѣ, въ Кіевѣ, по типу нашего Эпоса: это Добрыня старшій, бывшій, прошлый, герой эпоса Черноморскаго и Придунайскаго, дитя отдаленной Миѳологіи, и таковъ онъ въ силу своего рожденія, въ силу роковой, миѳической необходимости, на которую и жалуется впослѣдствіи среди былеваго творчества и смягчившагося быта. Въ четвертыхъ, та же вставка роднитъ его близко со Всеславомъ, а черезъ то съ миѳологическимъ, по крайности демоническимъ Волхомъ Всеславичемъ, или же эпическимъ и историческимъ Вольгою, о чемъ ниже.—И такъ, вообще, разобранная коротенькая вставка въ нашъ эпосъ, вставленная изъ древней миѳологіи и болѣе древняго, служебнаго миѳу, эпоса, сама собою выводитъ предъ взоры и сужденіе вопросъ о *всемъ рожденіи* Добрыни, о всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ *миѳологическій родъ* его, а вмѣстѣ разобляетъ предъ нами и всѣ прочія, съ симъ же связанныя *вставки* и *приставки*, попавшія въ нашъ эпосъ изъ миѳологіи, со словъ нашего Черноморскаго и Придунайскаго, Общеславянскаго пѣснотворчества. Таковы и оказываются нижеслѣдующія.

Б) Мы знаемъ уже давно и говорили недавно выше, что въ *тѣхъ* именно былинахъ о Добрынѣ, былинахъ объ отъѣздѣ его и женидьбѣ Алёшиной, въ тѣхъ, гдѣ встрѣчается помянутая вставка о прадревней родицѣ его и родинкѣ, въ нихъ же помѣщается *регулярно* начало съ описаніемъ обстоятельствъ Добрынина *рожденія*. Тѣсная связь помянутой *вставки* и такого *начала* былины не подлежитъ сомнѣнію и бросается въ глаза каждому: однимъ пополняется другое, притомъ такъ, что „начало“ обильнѣе и развитѣе, оно выработано изъ словъ о родинкѣ какъ изъ зерна. Замѣтно, что этотъ эпизодъ, такъ сказать, „вытѣсненъ“ изъ середки былины, гдѣ бы онъ слишкомъ былъ длиненъ и обстоятеленъ, не клеился бы съ быстрымъ теченіемъ остальнаго разсказа (въ этой середкѣ, узнанный матерью по родинкѣ, Д—ня *спѣшитъ* на пиръ мстить за жену, торопливо одѣвается и былина прибавляетъ выразительно, что ему „не досугъ“ много разговаривать). Такимъ образомъ, изъ связи, изъ сопоставленія съ очеркомъ родинки, болѣе пространный эпизодъ съ прочими подробностями о рожденіи Добрыни, повторяемъ, какбы „выдвинуло“ и вынесло къ началу былины, на просторъ, и замѣтьте, именно къ *началу*: подтверждается сказанное выше, что подобные отрывки и отголоски отдаленной старины являются обычно или краткими „вставками“ въ позднѣйшій эпосъ, или цѣлыми „приставками“ и „запѣвами“ съ начала. Почти всѣ варіанты былинъ сего разряда (съ отъѣздомъ Д—ня и женидьбою Алеши) непремѣнно помѣщаютъ у себя

таковое начало: доказательство, что оно развитѣе, эпичнѣе, тѣмъ миѳологическая и архаичная, потому болѣе краткая, черта о язвѣ и наузахъ; эпосъ усвоилъ это себѣ и обратилъ въ привычку. Тѣмъ не менѣе, и тутъ ясно чувствуется, что эпосъ повторяетъ не свое, а чужое, болѣе древнее, дошедшее къ нему изъ глубины вѣковъ, и повторяетъ *со словъ* другаго, старшаго эпоса, болѣе краткаго и не развитаго, служившаго оболочкою миѳу: помянутое сказаніе „въ началѣ“ является часто ни съ того, ни съ сего, съ рыву, ex abrupto; оно не всегда отчетливо мотивируется, не всегда связуется съ предыдущимъ, не всегда оттуда истекаетъ; порою во многихъ варіантахъ, когда вы вовсе къ тому ничѣмъ не подготовлены, является вдругъ передъ вами Добрыня и начинаетъ громко жаловаться матери, ѣдко упрекать ее. Подробности порою неясны, а иногда и противорѣчивы: если вы неопытны въ изученіи нашего эпоса, для васъ часто остается загадкою, и *почему* Д—ня жалуется, и даже *на что* онъ пѣняетъ. Правда, иныя былины, пообстоятельнѣе (хотя этимъ же самымъ очевидно развитѣе и позднѣе въ редакціи), стараются подготовить васъ тѣмъ, что Владиміръ посылаетъ Д—ню на тяжкій подвигъ, посылаетъ принудительно, даже съ явнымъ разсчетомъ погубить (какъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ у Гильфердинга), а богатыри старшіе „подпасываютъ“ обязательный приговоръ, и—Добрыня изнемогаетъ подъ гнетомъ сего порученія, не надѣясь его выполнить или предчувствуя бѣду; но другіе варіанты менѣе обстоятельны и большею частію, какъ сказано, начинаютъ съ рыву: „Добрынюшка матушкѣ говаривалъ“ и то и это, или „Порасплачется порастужится Д—шка“ и т. п. И поводъ, и суть его жалобы, и самый отвѣтъ его матери, и утѣшенія ея, все это часто остается отрывочнымъ, темнымъ: явно одно,—Добрынѣ тяжела служба, тяжелы подвѣги, тяжела доля. Но столь же явно, что это выхвачено изъ отдаленной древности и цѣликомъ, сырьемъ „приставлено.“ Вникнемъ же хорошенько въ смыслъ сихъ жалобъ.

Мы привыкли видѣть въ Добрынѣ, среди „нашего эпоса“, въ типическомъ очертаніи, героя наиболѣе искуснаго—умильнаго и удачливаго—счастливаго; даже женидьба, какъ не всегда бываетъ съ другими, ему типически „удалась:“ а въ жалобахъ онъ изливаетъ скорбь, что онъ совершенно безталанный, безсчастный, бездольный, обреченный на горькую и тяжкую долю. Потомъ, мы говорили, Д—ня привычно представляется намъ наиболѣе любезнымъ, мягкимъ, добросердечнымъ (таково самое его имя, какъ „простыня“ — человѣкъ простѣйшій), великодушнымъ, снисходительнымъ, рыцарскимъ,—и таковъ въ дѣйствительности, среди законченнаго эпоса, въ циклѣ Владиміровомъ и Кіевскомъ, таковъ на самомъ дѣлѣ Добрыня: а между тѣмъ въ жалобахъ онъ самъ себя, собственными словами, рисуетъ кровожаднымъ, безжалостнымъ, немилостивымъ. Далѣе, мы знаемъ въ эпосѣ Добрыню по преимуществу юнаго, типически „млѣдаго,“ и таковъ онъ при настоящемъ случаѣ, съ маленькою бородкой „копылкомъ,“ только что женившійся на первой женѣ Настасьѣ: а то

жалобамъ онъ совершилъ уже громадную вереницу тяжкихъ подвиговъ, успѣлъ наскучить ими до того, что не радъ жизни, успѣлъ сознать въ нихъ все горе своего роковаго жеребья, успѣлъ прожить—можетъ статься—тысячу лѣтъ и отростить не бородку—цѣлую бородищу, длиннѣе Муромцевой. Ясно, что этотъ Добрыня, о коемъ здѣсь повѣствуется и самъ онъ повѣствуетъ, Д—ня *совсѣмъ другой*, не нашего позднѣйшаго, собственнаго эпоса, не цикла Владимірова и Кіевскаго, а старшаго, старше даже Черноморскаго и Придунайскаго, Обще-Славянскаго, быть можетъ еще Азіатскаго, Восточнаго, въ родствѣ съ нашей Арійскою прародиной, Добрыня миѳологическій и архаическій. Намъ понятно, что молодой Шереметевъ, собираясь въ битву, льетъ подобныя слезы и жалуется на тяжесть службы (ср. наши сличенія въ выпускахъ 8, 9 и 10-мъ): онъ беретъ на себя въ исторической пѣснѣ роль Добрыни, онъ повторяетъ слова и выраженія, отъ эпохи Добрыни дошедшія; но, когда дѣлаетъ то же самое Добрыня минуты наиболѣе свѣтлой, счастливой и юной, Добрыня вѣка Владимірова и Кіевскаго, онъ беретъ—откуда эти черты и вопли? Разумѣется, снимаетъ съ образа древнѣйшаго, повторяетъ отдаленную, минувшую старину, черпаетъ изъ миѳологіи, заимствуетъ изъ вѣка и эпоса до всякого лѣтосчисленія и опредѣленнаго пѣснотворчества, повѣствуетъ о своей прародинѣ. Все сводится къ его первобытному *рожденію* и *происхожденію*. И изъ его словъ, и изъ отвѣта матери, оказывается, что при рожденіи онъ обдѣленъ былъ жеребьемъ, обездоленъ долею: онъ не получилъ „ôтъ роду и на роду“ ни силы, ни смѣлости, ни достатка, ни красоты прочихъ героевъ. Все это онъ послѣ пріобрѣлъ себѣ *самъ*, рядомъ собственныхъ подвиговъ, воплотившихъ и силу его, и смѣлость, и красоту, и всѣ остальныя геройскія качества, но пріобрѣлъ въ теченіе долгаго и многотруднаго пути. Собственно же рожденіе—лишило его всѣхъ этихъ долей: мать и рада была бы родить его такимъ и такимъ, и наладила бы, и—если бы знала, еслибъ умѣла,—надѣлила бы. Но она сама говоритъ, что *не могла* этого сдѣлать, что „мать пришла ему не богородица,“ что рожденъ онъ не какъ подобаетъ богу въ миѳологіи, безъ славы и въ уничиженіи, что рожденіе его лишено было божества и божественности, что оно было „убого“ и „не-бого,“ что мать при родахъ была безпомощна, безъ помощи свыше и людской, что родила его смертнаго и безсильнаго, одинокаго и оставленнаго, что приняла его изъ нѣдръ собственными руками, сама повивала, сама кое-какъ, какъ могла—налаживала, сама выправляла, выхоливала и выхаживала. Сравните варіанты, приведенные нами выше въ примѣчаніяхъ къ тексту и прибавьте слѣдующіе изъ сборника Гильфердинга: Повѣнецкій Котовой—„Ужь я была бы (если бъ была я) да пресвятою богородицей, я спородила бы тебя“ такимъ-то,—удалите отсюда позднѣйшее христіанское понятіе,—значитъ, я не была богиней, и родила тебя не богомъ, я лишена была божества и божественной силы-помощи, я не могла располагать на роду твоей участью, доля горькая предназначена тебѣ свыше;—Толвуйскій Гришина—„Я бы рада тебя спородити (такимъ-то),

еще богъ-то, дитятко, мнѣ надалъ тебя спородити",—а богъ далъ только *родить*, не надѣлить, и надѣлилъ тебя самъ, какимъ ты есть, а потому чего не было—и не жалуйся;—Кижскій Рябинина—„Еслибъ знала надъ тобою я невзгодушку, Еще этое бы знала безвременьице великое, То не такъ бы тебя, Добрынюшку, спородила, Я спородила бы тебя...,"—стало быть мать не имѣла даже предвѣдѣнья, не могла даже представить себѣ роковой предлежащей участи, свыше написанной на роду;—Водлозерскій Суханова—„Я бы знала, молодца, какъ воспородить тебя (еслибъ отъ меня зависѣло)...", но, внѣ моихъ силъ и воли,—„Какъ такого тебя чада *Господь зародилъ*",—рожденье было роковое, съ участью предначертанною;—Мошскій Швецова—„Такова тебя, дитятко, Господь же спородилъ", и т. п. Роковая же доля, данная при рожденьѣ, выражается въ помянутой вставкѣ—чернымъ пятномъ на головѣ, рубцомъ, бороздою, однимъ словомъ язвою и наузами, судившими герою долгое и трудное подвижничество, превратности судьбы, тысячу тяжкихъ подвиговъ, въ нихъ суровость, кровожадность, жестокость, и т. д. Таковымъ и былъ, разумѣется, Д—ня долго-долго, въ первобытной миѳологіи, развѣ на половину съ другою половиною свѣтлаго существа и, лишь въ концѣ, послѣ всего этого пройденнаго, когда все это уже миновало, когда Добрыня появился въ окончательно сложившійся эпосъ, богатыремъ Владимірскимъ и Кіевскимъ, тогда только все это ему наскучило, тогда онъ *сознаѣъ* всю тяжесть долговременной ноши, тогда выразился о ней и тогда только заговорилъ о ней громкими жалобами. Тогда-то, въ эпоху уже сравнительно болѣе позднюю, если не на глазахъ нашихъ, то въ нашемъ Русскомъ мірѣ и эпосѣ, опредѣленномъ и законченномъ, повторяющемся въ устахъ пѣвцовъ доселѣ, тогда-то въ былевомъ творчествѣ, хотя далеко не по всѣмъ (а лишь по лучшимъ, наиболѣе обработаннымъ и потому заключительнымъ) варіантамъ, должно было и могло сложиться представленіе объ *утѣшеніи* жалобнаго Добрыни, съ мотивомъ утѣшенія ему изъ устъ матери. Впрочемъ, мать, какъ извѣстно, не изобрѣтаетъ здѣсь чего либо новаго, а повторяетъ вытекавшее изъ всего образа и эпоса Добрыни: она напоминаетъ, что долею его сдѣлалось *вѣжество*, что статья, ему заученная въ замѣнъ остальныхъ, коими онъ обдѣленъ на роду, есть статья та, что онъ „*вѣжливый*". Къ прежнимъ варіантамъ, уже извѣстнымъ или приведеннымъ у насъ, прибавимъ еще изъ сборника Гильфердинга: Повѣнецкій Калинина—„Я бы рада тя спородити (такимъ и такимъ, въ такого-то)..., Только вѣжествомъ (и рада бы родить, и родился ты) въ Добрынюшку Никитича",—родился и выработался ты въ самого себя; въ свое самостоятельное лицо: „Тыи статьи есть (этой статьи, этого качества довольно у тебя и для тебя), да другихъ *богъ не далъ* (подтверждается бездолье во всемъ остальномъ), Другихъ богъ не далъ да не пожаловалъ,"—все остальное предстояло уже пріобрѣсти тебѣ самому, личною силою, въ ряду подвиговъ, не отъ роду, не по рожденью, не по божьему суду и счастью, безъ помощи высшей; — Кижскій Касьянова—„Я бы (породила, и точно породила) вѣ-

жественъ въ Д—шку Никитича: Только тыи статьи есть (сколько есть въ тебѣ сего качества), другихъ богъ не далъ, Богъ не далъ, не пожаловалъ," и т. п. Если тутъ упоминается, что Добрыня не получилъ даромъ, какъ даръ божества и судьбу на роду, не получилъ качества другихъ богатырей, силы Самсоновой или Ильиной, смѣлости Алешиной, красоты Чурилиной, богатства Дюкова и т. п.: то всѣ эти *силы* опредѣлились въ извѣстныхъ богатыряхъ также постепенно, въ ряду подвиговъ, и съ этими „окрѣпшими" типами сравнивается типъ Добрыни. Первобытно, въ сверстникахъ Добрыни, конечно сихъ силъ также точно не было: но онѣ были извѣстнымъ богатырямъ *предначертаны*, *написаны на роду*, и въ томъ все дѣло, этого и не имѣлъ Добрыня. И самъ онъ, мы знаемъ несомнѣнно, пріобрѣлъ и выработалъ себѣ таковыя силы: но пріобрѣлъ лично, въ массѣ подвиговъ, которые самъ предъ матерью пересчитываетъ, въ трудѣ развитія, на тяжесть котораго жалуется; вся суть его жалобы,—за чѣмъ онъ не получилъ сего даромъ, готоваго, свыше, съ самаго рожденія, за чѣмъ ему предначертано было добывать все это самому, предоставлено личной его волѣ, безъ залога роковаго и помощи верховной. Рокъ далъ ему лишь *язву*, вередившую его силы, подстрекавшую на подвиги, стремившую впередъ: терпѣливо носилъ онъ ее на головѣ своей, подчинялся роковому побужденію, вырабатывался, трудился, и—конечно—всегда боялся „разбередить свой вередъ," и опасно было разбередить его,—послѣдствіемъ оказывались страшныя, кровавыя дѣянія, слезившія, разлучавшія, вдовившія, сиротившія людей. Вотъ это-то и прискучило наконецъ богатырю при выходѣ изъ суроваго, мрачнаго періода подвиговъ къ свѣтлому міру сложившейся Руси, поднявшагося Кіева, закняжившаго Владиміра: самою исповѣдью о прошломъ, самой жалобою на тяжесть пройденнаго, Добрыня отрекается отъ сего и свидѣтельствуетъ, что онъ уже богатырь новаго, опредѣлившагося вновь вѣка и цикла,—тутъ только могъ онъ сознательно пожалѣть о прошломъ и пожелать лучшаго, пожелать—и дѣйствительно явиться не такимъ, *какъ былъ*, а такимъ, *какъ есть*. Въ семъ послѣднемъ лежитъ и разгадка *утѣшенію*: и Добрыня получилъ на роду свою судьбу и долю, и онъ явился на свой пай спеціально *вѣжливымъ*, типомъ *вѣжества*. *Вѣжество*, по корню слова *вѣт-* и *вѣд-* или *вид-*, равно какъ по употребленію образовъ и выраженій, отсюда возникшихъ, обнимаетъ собою качества: *вѣщаго* и *вѣдущаго*, знающаго былое и пророчески будущее, ясновидящаго, свѣтлаго умомъ и проницательнаго взоромъ, вѣщаго на словѣ (vates)—творчески одареннаго, вдохновеннаго пѣвца и героя пѣснопѣній, искуснаго—умѣльнаго игрока и музыканта, художника, въ образѣ и жизни изящнаго, на практикѣ обходительнаго, ласковаго, любезнаго, рѣчистаго, ловкаго обращеніемъ, угодливаго (нынѣшнее „вѣжливый"); такимъ, и явился вполнѣ Добрыня среди нашего, выработаннаго и развившагося Русскаго эпоса. Мать свидѣтельствуетъ, что это качество и свойство было Добрынѣ *предначертано* и единственно между другими *суждено на роду божествомъ*: но это свойство, какъ дарован-

ное свыше, могла она *признать* лишь тогда, когда оно выработалось и предстало во очію, въ новомъ „младомъ“ Добрынѣ, сынѣ ея, героѣ установившагося Русскаго эпоса; раньше, именно при родахъ, она не могла этого знать, ни предугадывать, ни догадываться, и точно, сама подтверждаетъ, что *тогда* она этого не вѣдала и не могла вѣдать (еслибъ знала, еслибъ вѣдала, тогда бы спородила такимъ-то, — но судьба была скрыта и лишь вдалекѣ предстояла къ осуществленію). Очевидно, это качество, хотя и предначертано, также точно было впослѣдствіи выработано, добыто и пріобрѣтено, въ долгомъ трудѣ развитія,—по крайности развито изъ сѣмени личнымъ трудомъ, и съ этимъ качествомъ явился Добрыня уже къ концу пройденнаго суроваго періода, уже при вступленіи въ свѣтлый міръ эпическій: иначе и нельзя себѣ представить, и какой же „вѣжливый“ Добрыня былъ въ ту пору, когда кровавилъ руки, слезилъ, вдовилъ и сиротилъ! Потому, *съ точки зрѣнія нашего, сравнительно-позднѣйшаго—эпоса*, Добрыня долженъ былъ дѣйствительно успокоиться и утѣшиться словами матери: означенное качество въ немъ уже есть, онъ признаетъ себя типическимъ носителемъ сего свойства, онъ обнадеженъ даромъ, даръ у него въ рукахъ и во владѣніи. Но замѣчательно, что большинство варіантовъ ни слова не говоритъ о томъ, что Добрыня точно утѣшился, а просто переходитъ какбы къ очереднымъ дѣламъ, непосредственно описывая его послѣдующіе сборы на предстоявшій подвигъ. Конечно, все-таки здѣсь въ самомъ молчаніи, tacito, предполагается успокоеніе Добрыни; но одинъ рельефный, помянутый выше, варіантъ Повѣнецкій Калинина прибавляетъ выразительно, что Добрыня даже и не былъ этимъ утѣшенъ, напротивъ „*Розсердился* тутъ Добрыня сынъ Никитиничь На родитель свою матушку“ и въ сердцахъ пошелъ сѣдлать коня. Значитъ: „хоть ты этимъ и тѣшишь меня, хоть на роду мнѣ это было написано, но я самъ же развилъ и выработалъ это вѣжество, не безъ труда оно мнѣ досталось, не избавило меня отъ тяжести долгихъ прежнихъ подвиговъ и не освобождаетъ нынѣ, все-же приходится мнѣ ѣхать на службу, и воплощать, и примѣнять это свойство въ новомъ трудномъ подвигѣ.“ Таковъ очевидный смыслъ всего эпизода.—Любопытно еще: хотя Добрыня при рожденіи обдѣленъ былъ *заранѣе*—на роду предначертанными—силами, равными типу прочихъ героевъ; хоть самое вѣжество, ему предначертанное, долженъ былъ выработать и развить подъ конецъ поприща: но онъ также не пошелъ и въ „простой родъ смертныхъ,“ въ родство по человѣчеству, въ свойство бытовое по наслѣдству сѣмени; Кижскій варіантъ Іевлева знаменательно прибавляетъ въ жалобѣ: „На что же меня несчастнаго да и спорóдила, Не *въ своего* (моего) *государя свѣта батюшка*, Да не въ сильняго-могучаго богáтыря (какимъ былъ отецъ его, по крайности номинальный, среди людей), *Да й не въ купца-гостя торговаго* (какимъ увидимъ послѣ Добрыню по *бытовому*, почти историческому, рожденью)?“ Такимъ образомъ рожденье было все-таки не обыкновенное, сверхъестественное, не совсѣмъ человѣческое, не въ отца, не въ родъ по отцу. Рожденье было въ мать:

въ нее и черезъ нее получилъ Добрыня материзну, родинку, примѣточку родительскую; но эта примѣточка, видимая язва, была проводникомъ невидимой роковой силы, обрекавшей на долгіе и кровавые подвиги. Стало быть, по крайности черезъ мать, Добрыня понесъ въ свое личное развитіе сѣмя силы высшей, сверхъестественной, божественной: посему несомнѣнно, что съ миѳологической точки зрѣнія, нѣкогда царившей и доселѣ отпечатлѣвшейся въ образѣ Добрыни, онъ зарожденъ былъ *божествомъ* и *богомъ* въ утробѣ матери, женщины людскаго племени; но при рожденіи она была оставлена родителемъ-богомъ на участь собственныхъ человѣческихъ силъ, родила безпомощно, въ трудѣ и уничиженіи, сама повивала и налаживала, сама ничего не вѣдала о предстоящей долѣ дитяти и лишь впослѣдствіи, послѣ долгаго роста его и тяжкихъ его подвиговъ, убѣдилась *по фактамъ*, что и самъ онъ не былъ обдѣленъ даромъ божества и богато одаренъ *вѣжествомъ*, черезъ нее, черезъ темя, черезъ самую язву, которая сначала вызывала на подвиги кровавые, но потомъ заросла и своимъ вередомъ, шевелившеюся въ организмѣ энергіей, подвигала героя къ выработкѣ высокаго, самостоятельнаго и спеціальнаго типа—вѣжества.—Въ согласіи съ симъ стоятъ и другія подробности того же эпизода *жалобъ*. Изъ нихъ убѣждаемся мы несомнѣнно, что Добрыня рожденъ былъ безпомощною и видимо (хотя не на самомъ дѣлѣ) покинутою отъ божества матерью, гдѣ-то *на высокой горѣ* или *скалѣ*, по варіантамъ былины—„на горѣ на Сіонской“ (типъ высокой горы, изъ области „Стиховъ:“ Талвуйскій Тимоѳеева) или „на высокой на горѣ Сорочинской“ (такой же типъ и и оттуда же: вар. Кижскій Чукова); что оттуда мать могла бы ребенка сбросить (хотя и не сбросила, и жаловался на то Добрыня) въ синее море, по варіантамъ именно въ „*море Черное*,“ надъ коимъ возвышалась скала: „Кидала бы Добрыню во синё море“ (Талв. Тамоѳеева), „И спустила меня въ Черное бы море, во Турецкое“ (Кижск. Чукова) и т. п. Море тутъ выведено наиболѣе извѣстное, впослѣдствіи чисто „Русское“: но во всякомъ случаѣ прилежащее къ мѣсту давняго нашего жительства, за одно съ семьею Обще-Славянскою и въ сосѣдствѣ съ Греками. И въ дальнѣйшемъ ходѣ, какъ убѣдимся ниже, тотчасъ послѣ перваго воспитанія Добрыни, отпуская его молоденькаго на первый подвигъ —противу Змѣя, мать именуетъ опять *море Черное*: „Ай да пріѣдешь ты, Добрыня, ко синю ко морю (это сопоставленіе *общаго* именованія съ *частнымъ* указываетъ, что послѣднее не случайно), Ай ко синю ко морю, Добрыня, къ морю Черному (вар. Кенозерскій Тряпицына).“ Правда, тутъ же сценою борьбы со Змѣемъ—Пучай-рѣка или Почайна: но отъ нея и съ точки зрѣнія Кіевской все-таки далеко было до Чернаго моря, а потому черту сію мы считаемъ также вставкою изъ ранняго „Черноморскаго“ періода жизни, эпоса и миѳологіи (она повторяется и въ Стихахъ, при Егорьѣ и Ѳедорѣ). Наконецъ, Добрыня прибавляетъ въ жалобахъ, что мать могла бы (хотя этого и не сдѣлала) породить его бѣленькимъ горючимъ *камешкомъ*, завернуть простынею полотняною и сбросить съ утеса въ море Черное (по многимъ ва-

ріантамъ): это сближаетъ мать съ Реею, по нашему Купалою (Кубелою), съ извѣстнымъ поступкомъ ея относительно новорожденнаго сына для спасенія отъ преслѣдованій грознаго отца, и, если мать Добрыни этого не сдѣлала, то очевидно, что и сама она, и періодъ ея были моложе Кроносскаго или по нашему Дажь-божескаго, что таинственный супругъ ея, засѣменившій свыше Добрыню и покинувшій мать при родахъ на собственную участь ея, параллеленъ былъ, по эпохѣ и образамъ, Греческому Зевсу, чрезъ котораго всѣ почти боги породились на Олимпъ, а у насъ послѣ, соотвѣтственно сему, выступили на сцену Кіевскую, на этотъ своего рода Олимпъ нашего эпоса, богатыри въ разныхъ родственныхъ отношеніяхъ къ центру—Владиміру, въ томъ числѣ и Добрыня, какъ его племянничекъ или—по исторіи—дядя.

В) Теперь слѣдуетъ *третій* эпизодъ, тѣснѣйше связанный съ двумя предыдущими, сейчасъ разсмотрѣнными: но онъ не только не вставленъ въ середину былинъ или не оставленъ здѣсь, не только не перенесенъ къ началу былинъ разбираемаго разряда, но даже вынесенъ *совершенно внѣ ихъ*; здѣсь нельзя уже несомнѣваться въ томъ, что онъ взятъ со стороны, изъ внѣ сложившагося у насъ эпоса, изъ эпохи старшей и творчества предыдущаго. Однако же, замѣчательно, онъ повѣствуетъ опять *о рожденіи* Добрыни и потому, къ удивленію предъ тонкимъ чутьемъ нашихъ пѣвцовъ, обыкновенно служитъ *вступленіемъ* къ той самой былинѣ, гдѣ передаются жалобы Добрыни на безталанный родъ его и гдѣ вставленъ эпизодъ о родинкѣ (къ былинѣ объ отъѣздѣ Д—ни и женидьбѣ Алешиной). Только здѣсь описывается уже не *самое* рожденіе, а обстоятельства *окружавшія* и *обстоявшія*: именно сотрясеніе всей природы, сочувственной великому моменту нарожденія Добрынина, и появленіе страшнаго чудовища, предъ которымъ природа содрогнулась, отъ котораго, въ живыхъ существахъ, спѣшила укрыться и которое, разумѣется, также точно грозило новорожденному, явилось врагомъ его, и отъ того-то, изъ страха предъ симъ, рожденіе Добрыни совершилось столь уединенно, сокровенно и безпомощно. Въ нашемъ сборникѣ (по I-му изданію) образцы въ семъ отношеніи самые лучшіе и древніе: *три* изъ нихъ прямо начинаются означеннымъ эпизодомъ и послѣ него переходятъ къ описанію отъѣзда Добрынина, сопровождавшагося жалобами, потомъ возвратомъ и эпизодомъ о родинкѣ; въ *четвертомъ* (№ 5) эпизодъ стоитъ совсѣмъ отдѣльно, какъ и слѣдуетъ, хотя за нимъ предполагается то же самое продолженіе, только лишь не дописанное по оплошности записавшимъ. И здѣсь опять величайшая тонкость творчества: эпизодъ съ обстоятельствами окружающими и параллельными рожденію вынесенъ совсѣмъ *за предѣлы* былины, въ двухъ мѣстахъ повѣствующей о рожденіи, какъ внѣшнее ей вступленіе и предначинаніе. У Гильфердинга, изъ множества соотвѣтственныхъ образцовъ той же самой былины, только *одинъ*, и то довольно слабый, варіантъ уберегъ это необходимое, изъ глубокой древности исходящее, вступленіе. Вотъ сей варіантъ, каковъ есть (у Рыбникова и вовсе не записано ни одного):

в)

(Къ страницамъ I, 2, 9—10, 11: по счету варіантовъ № 5-й).

Когда народился Добрыня.

(Близь Кенозера, Суетинъ островъ на Сякомъ озерѣ).

Да не куревка въ чистомъ полѣ закурилась:
Да выбѣгало тутъ стадышко звѣриное,
Да какъ звѣриное-то стадышко—да сѣрыхъ волковъ 1),
И впереди бѣжитъ-то собачка 2) лютой Скимеръ 3) звѣрь:
5. Да глаза-то у собачки какъ огонь горятъ,
Еще уши у собаки какъ востры копья,
Ещё шерстка 4) на собачки да буланая 5),
Да ко ушамъ ли его шёрстка приклоняется 6).
И побѣжалъ тотъ воръ-собака 7) ко Нѣпру-рѣки,
10. И закричалъ, де, воръ-собачка по звѣриному,
Да засвисталъ 8), де, воръ-собака по змѣиному:
И подъ нимъ берёжки-то, собачкой 9), подломилися,
И какъ Смородина-то 10) рѣка съ пескомъ смутилася 11),
И это синеё-то море 12) сколубалосе 13);
15. Еще мелкая та ли рыбица на дно ушла,
Еще бѣлая та ли рыбица на верхъ всплыла... 14).

(Запис. 16 Авг. 1871 г. отъ Ирины Денисовны Калитиной, крестьянки 49 лѣтъ, выучившейся у отца, Даниля Нечаева, который умеръ лѣтъ 40 тому назадъ и очень много зналъ былинъ).

---

1) Кажется, это возникло, когда всякій „лютый звѣрь“ представился по преимуществу „волкомъ“.—2) Ошибочное и позднее вмѣсто браннаго „собака“ или „воръ-собака“, какъ ниже.—3) По сравненію съ лучшими варіантами, это испорчено изъ греческаго „Скименъ,“ σκύμνος, молодой левъ, щенокъ львиный (по нашему будетъ „шуменъ,“ щень, щенокъ: употребляется и о другихъ молодыхъ животныхъ, м. проч. волкахъ.—4) Д. б. „шорстка“ или какъ ниже „шёрстка“.—5) Масть, цвѣтъ шерсти; по другимъ лучше—„булатная“, стальная, а еще лучше—„роги и *копытички* булатные,“ но гораздо хуже „бумажная“.—6) По другимъ „Напередъ-то его шорсточка спрокинулась:“ не гладкая (какъ слѣдуетъ, къ хвосту и бокамъ), взъерошенная, „противъ шерсти,“ ощетинилась.—7) Здѣсь какъ слѣдуетъ, а ниже опять „собачка:“ не ошибка ли при печати?—8) Пропущено „по соловьему,“ замѣненъ „зашипѣлъ.“—9) Подъ нимъ собакою.—10) Типическая рѣка.—11) Здѣсь *се*, а выше *ся*: ошибка печатавшаго? —12) Стало быть дѣйствіе опять *при морѣ*, гдѣ родился Д—ня.—13) Всколыбалося, всколебалось.—14) За симъ про-

Мы не имѣемъ здѣсь задачею разъяснять въ подробности смыслъ и значеніе сего эпизода, по варіантамъ, выше у насъ означеннымъ, поставленнаго въ прямое отношеніе къ *рожденію Добрыни*, какъ вступленіе къ нему и къ разсказу объ отъѣздѣ. Повторимъ только, что варіанты наиболѣе обработанные и потому сравнительно-позднѣйшіе вовсе выпускаютъ сей древній эпизодъ, забывши его или чувствуя, что древняя связь его съ былиной устарѣла и выпала уже изъ звѣньевъ, а болѣе слабые и порченые замѣняютъ его общимъ вступленіемъ о Волгѣ рѣкѣ, картиною природы современной или болѣе доступной теперешнему міросозерцанію; частію же намъ придется говорить о семъ эпизодѣ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, къ которому переходимъ.

Г) При самомъ первомъ появленіи опредѣленныхъ, болѣе и менѣе законченныхъ, былинъ о Вольгѣ или Олегѣ (въ сборникѣ Рыбникова по нашему изданію), мы по правилу, которое постоянно руководитъ нами, поспѣшили отвѣтить самому первому вопросу изданія,—опредѣлить редакцію, составъ и содержаніе былинъ, разграничивши строго область одной отъ другой. Мы указали съ точностію (Рыбн. т. I. стр. XVII—XXII), что былины, о которыхъ шло дѣло, говорятъ не о *Волхѣ* миѳическомъ, ни о *Всеславѣ* историческомъ, хотя и замѣтно отношеніе къ обоимъ, а именно объ эпическомъ и частію историческомъ *Олегѣ* или *Вольгѣ*: мнѣніе наше нынѣ установилось уже, поддержано прочими находками образцовъ, принято и вошло въ науку. Но это не значитъ конечно, чтобы на Олега не были сняты былевымъ творчествомъ и не были переведены черты съ образовъ старшихъ, древнѣйшихъ: по тому Олегъ Историческій и сдѣлался Эпическимъ, потому и вошелъ въ нашъ эпосъ, что представилъ жизнію своею и подвигами удобную канву для узоровъ и красокъ готовыхъ, занятыхъ изъ творчества древнѣйшаго, первобытно-эпическаго (въ зародышѣ) и миѳологическаго.

Въ числѣ такихъ образовъ, послужившихъ прототипомъ Олегу, разумѣется, одинъ изъ самыхъ старшихъ есть миѳологическій—впослѣдствіи демоническій—образъ *Волха*. Здѣсь мы обязаны, для правильнаго пониманія древности, войти въ филологическое разысканіе.

***

пущено, имѣющееся въ другихъ варіантахъ: „Какъ зачуялъ воръ-собака нарожденьице, Народился на святой Руси, на богатоей, Молодешенекъ Д—ня сынъ Никитьевичъ;“ или: „Заслышали рожденьицё Добрынино, Дакъ во тоё время родился Д—*ня жезъ*.“—Здѣсь же непосредственно переходъ къ прощанію и отъѣзду Добрыни.

II.

ДОПОЛНЕНІЯ
[ДАЛЬНѢЙШІЯ]
И
ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ ВЫПУСКУ II ВО ВТОРОМЪ ИЗДАНІИ.

ВЕСЬ ТЕКСТЪ ПѢСНЕЙ И ВСѢ ПРИЛОЖЕНІЯ, КАКЪ ВХОДИЛИ ОНИ ВО II-Й ВЫПУСКЪ ПО I-МУ ИЗДАНІЮ, ПЕЧАТАЮТСЯ ЗДѢСЬ СЪ ТОЮ ЖЕ САМОЙ ПОМѢТОЮ (НУМЕРАЦІЕЙ) СТРАНИЦЪ, КАКЪ БЫЛИ ТАМЪ: ПОТОМУ ВСѢ СНОСКИ НА I-Е ИЗДАНІЕ И ВСѢ ВЫПИСКИ ОТТУДА ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХЪ НЕ ИЗМѢНЯЮТСЯ И НЕ ТЕРЯЮТЪ ЗНАЧЕНІЯ ПРИ НАСТОЯЩЕМЪ II-МЪ ИЗДАНІИ. — ВСѢ ЖЕ ДОПОЛНЕНІЯ ПѢСЕННАГО ТЕКСТА, ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ НЕМУ, ОСОБЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ, ОБЪЯСНЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ, КАКИХЪ НЕ БЫЛО ВЪ I-МЪ ИЗДАНІИ, ЯВЛЯЮТСЯ ТЕПЕРЬ СЪ ПОМѢТОЮ НОВОЮ, СОВЕРШЕННО ОТДѢЛЬНОЮ ИЛИ ПО КРАЙНОСТИ ДАЛЬНѢЙШЕЮ.

Для переплетчика. Кто пожелаетъ 1-ю половину выпуска переплести отдѣльнымъ томомъ, тотъ имѣетъ вырѣзать эту осьмушку (безъ помѣты) и вплести ее въ началѣ 2-й половины, какъ титулъ особаго тома.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Трудность настоящаго 2-го изданія заключалась особенно въ томъ, что на 2-й выпускъ во всѣхъ послѣдующихъ выпускахъ, въ цѣломъ „Указателѣ“ при выпускѣ 4-мъ и во многихъ сродныхъ изданіяхъ, позднѣе вышедшихъ, сдѣлана была пропасть сноcокъ, вошедшихъ въ литературу предмета, съ отзывами на страницы по первому изданію 1861 года. Чтобы не произвести запутанности въ дѣлѣ столь новомъ, какъ наше, требующемъ большой пока осторожности и почти педагогическаго ухода, а съ другой стороны, чтобы не заставить сочувствующихъ и почтенныхъ дѣятелей переправлять ихнія извлеченія, выписки, ссылки и примѣчанія, пришлось перепечатать весь текстъ 1-го изданія въ прежней внѣшней послѣдовательности, подъ тою же самой помѣтою (или нумераціей) страницъ: издателю удалось теперь этого достигнуть, но это потребовало отъ него значительной опытности и сообразительности, тѣмъ менѣе легкой, что и въ текстѣ Былинъ при новомъ печатаніи нельзя было опустить нѣкоторыхъ важныхъ исправленій (на примѣръ лучшаго раздѣленія стиховъ), и преимущественно объясненія подъ текстомъ либо пополнились, либо измѣнились, либо даже напросились совсѣмъ иныя.

Такая зависимость отъ внѣшнихъ условій 1-го изданія и необходимость согласоваться съ ними— не нарушая въ то же время существенныхъ и вну-

тренних потребностей — повліяли дальше и на составъ 2-го выпуска въ настоящемъ его видѣ, и на самый объемъ его. Въ четырнадцать лѣтъ промежутка, отпечатано, даже у насъ самихъ, множество новыхъ однородныхъ образцовъ, во всякомъ случаѣ обильныхъ по крайности варіантами; подъ рукою издателя накопилась груда свѣжихъ собранныхъ матеріаловъ; сдѣлана масса открытій, проливающихъ свѣтъ на толкованіе разныхъ подробностей, болѣе или менѣе крупныхъ; вообще же литература области, къ великому счастію и нашему утѣшенію, разрослась не только въ Россіи и у Славянъ, но вмѣстѣ и у другихъ образованныхъ народовъ Западной Европы. Въ этомъ отношеніи посчастливилось даже Алёшѣ и Василью, которыхъ богатырство прежде было столь скудно памятниками, а объ Добрынѣ и говорить нечего: онъ не только видимо выросъ, но еще на глазахъ нашихъ продолжаетъ расти почти ежечасно, тогда какъ для него не существуетъ подобнаго обстоятельнаго свода данныхъ, какой мы имѣемъ, на примѣръ, объ Ильѣ Муромцѣ въ почтенномъ трудѣ Д. члена Общества, О. Ѳ. Миллера.

Игнорировать все это не было ни права, ни возможности, ни научнаго приличія: составъ 2-го выпуска неизбѣжно долженъ былъ измѣниться. А между тѣмъ многое, что̀ легко было бы ввести короткимъ варіантомъ, мимоходнымъ исправленіемъ, однимъ примѣчаніемъ у мѣста, пополненіемъ прежняго „Указателя“ и какою нибудь просто добавочною строчкою или подавно страницею, то самое теперь, при помянутыхъ условіяхъ зависимости отъ 1-го изданія, пришлось иногда вчинать за ново, распространяясь въ обстановкѣ не безъ повтореній прежняго, припечатывать особо in extenso, помѣщать цѣликомъ и т. д. Отъ такого обилія, по преимуществу въ „Приложеніяхъ,“ и внѣшній объемъ выпуска естественно увеличился до значительной степени. Даже въ

самую послѣднюю минуту текущаго дня, всё еще обѣщается въ печати нѣсколько дальнѣйшихъ открытій, существенно важныхъ, и нетерпѣливо, и по неволѣ ожидаемыхъ для полноты нашего дѣла, чтобы не возвращаться къ нему опять, въ третій еще разъ, съ большими еще стѣсненіями.

Однимъ словомъ, это такъ называемое „затрудненіе богатства.“ И конечно никто на него не посѣтуетъ: за исключеніемъ развѣ книжной торговли, которая довольно давно уже лишена была 2-го выпуска, отъ чего терпѣлъ самый сбытъ выпусковъ прочихъ. Тутъ уже нельзя было медлить дальше: предстояло, по настоятельному требованію, выпустить въ свѣтъ хоть первую половину книги, съ главнымъ, основнымъ текстомъ, на который простираются ближайшія и первыя нужды пріобрѣтателей.

Этотъ ходъ дѣла можно усмотрѣть отчасти и изъ самыхъ постановленій Общества, помѣщенныхъ здѣсь во главѣ. Послѣднее изъ нихъ вызвано было представленіемъ издателя, который счелъ долгомъ объяснить, что съ того времени, какъ разрѣшено къ печатанію предлежащее изданіе, появилось и еще въ виду имѣется много варіантовъ—особенно къ былинамъ о Добрынѣ, отчего увеличился и объемъ выпуска, и замедлился его выходъ въ свѣтъ: потому, для соотвѣтственности въ цѣнѣ и для удовлетворенія нуждъ продажи, издатель признавалъ необходимымъ выпустить пока безотлагательно первую половину, составляющую особое цѣлое, именно главный текстъ, съ утвержденною прежде цѣною (въ 1 р. сер.: такъ и получатъ предварительные подписчики); а за симъ вторая половина готовится въ такомъ же объемѣ и въ такую же цѣну.

За то, при распорядкѣ сего рода, не нарушается по

крайности стройная связь между всѣми выпусками, сколько бы ни повторялось ихъ изданіе; не потерпитъ затрудненій литература предмета; намъ самимъ не придется передѣлывать все снова впереди; а останется только, по прежнимъ примѣрамъ, прибавлять къ основѣ текущія „Дополненія,“ когда наступитъ имъ своя очередь.

П. Б.

(Конецъ 1-й половины II-го выпуска по 2 му изданію).

Для переплетчика. Эту четверку, стр. I—IV, слѣдуетъ вырѣзывать и помѣщать въ концѣ, кто захочетъ сдѣлать *изъ двухъ половинъ одинъ томъ* при переплетѣ цѣлаго 2 го выпуска, по его выходѣ въ полнотѣ.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЫПУСКЪ 3.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

П. БЕЗСОНОВЫМЪ.

МОСКВА.
Въ типографіи Ѳ. Б. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 82.
1878.

По опредѣленію Общества:

1877 года, Октября 29.

Секретарь Общества и Редакторъ изданія

П. Безсоновъ.

Повторяется по прежнему просьба и предупрежденіе: не перепечатывать

ВЫПУСКЪ III,

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

БОГАТЫРИ: ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ И ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЬ.—ДАНИЛО ЛОВЧАНИНЪ СЪ ЖЕНОЮ.—ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЬ СЪ СЫНОМЪ.—ДУНАЙ ИВАНОВИЧЬ, ЖЕНИДЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА.—СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.—ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЬ.—СУРОВЕЦЪ-СУЗДАЛЕЦЪ.—САУРЪ ВАНИДОВИЧЬ ИЛИ САУЛЪ ЛЕВАНИДОВИЧЬ СЪ СЫНОМЪ.

I.

Выписка изъ протоколовъ Общества Любителей Россійской Словесности *).

1877 года, Октября 29, CCCXXVIII засѣданіе, п. 9. — Выслушавъ представленіе г. завѣдующаго печатаніемъ „Пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ," о необходимости повторить изданіе *3-го и 4-го выпусковъ*, Общество опредѣлило: предоставить г. завѣдующему изданіемъ немедленно приступить къ печатанію обоихъ выпусковъ, во всемъ согласно изложенному представленію, по окончаніи же выпустить въ свѣтъ.

---

*) Печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

*

I.

1.

(Дер. Сосница, на берегу Селигера, Валд. уѣзда, Новгор. губ.)

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было́:
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднёсъ.
Мы, ма́лы ребята, станемъ сказывати,
5. А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про ши́року про Волгу рѣку.
Ши́рока рѣка подъ Казань подошла,
А пошире-подалѣ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Новы́мъ-Городо́мъ.

10. Бѣгъ выбѣгалъ тутъ насадничекъ 1),
Въ этомъ во насадничкѣ сынъ со матерью 2).
Пью они ѣдя, прохлажа́ются 3),
Про́между собою похваляются:
Одинъ похвалился житьёмъ-бытьёмъ,
15. А другой похвалился молодою женой,
А третій похвалился саблей вострою.

---

1) Насадъ или набой, отъ насаживанья или набиванья бортовъ: судно, низъ котораго изъ однодеревки, а съ боковъ приставные досчатые борты.

2) Все это начало очевидно взято изъ другой пѣсни.—Прим. П. В. К.

3) Крестьянинъ, со словъ котораго эта пѣсня записана, признавался, что онъ ея вполнѣ не помнитъ, и пояснилъ словами, что Иванъ Гостиный сынъ пируетъ въ Кіевѣ у ласковаго князя Владиміра, а похваляется передъ его славными богатырями.—Примѣч. П. В. К.

Взгóворилъ Вáнюшка Гостиный сынъ:
„Ахъ вы братцы, вы бóяры!
„Одинъ похвалился житьёмъ-бытьёмъ,
20. „Другой похвалился молодою женой,
„Третій похвалился саблей вострою:
„А я похвалюсь своимъ бурушкой,
„Я похвалюсь своимъ каурушкой 1)!
„Есть у меня да еще бурушка,
25. „Есть у меня да каурушка,
„Трёхъ годковъ жеребушечка:
„Маленькій, космáтенькій,
„Глáзочки какъ яблочки,
„Копытечки по рѣшéтечку,
30. „Гривушка семи саженькóвъ,
„Хвостичекъ и семи́десятъ 2)!...“
Вотъ они и закладываются,
Не объ стѣ рублей, не объ тысячи,
А просто объ своей буйной гóловы:
35. Какъ бы съ Кіева до Владиміра,
Выѣхавши отъ заутрени,
Къ ранней обѣднѣ поспѣть 3).
. . . . . .

„Ахъ ты бурушко мой, кавурушко!
„Сослужи-тко мнѣ служебку,
40. „Не царскую, не государскую,
„А мою собственную,—
„Поклонюсь я тебѣ во прáвое копытечко:
„Какъ бы съ Кіева до Владимірова
„Съ заутренки къ обѣденкѣ поспѣть!“
45. — Ахъ ты Вáнюшко, Гостиный сынъ!
— Сослужу я тебѣ служебку

---

1) Каурый — лошадиная масть (изъ курый, въ сложности бѣло-курый, съ поднятымъ звукомъ изъ *у* въ *ау*): желторыжій съ ремнемъ по хребту, хвостъ и грива той же масти.

2) Здѣсь, по словамъ пѣвца, пропускъ.— П. В. К.

3) Опять пропускъ.— П. В. К.

— Не царскую, не государскую,
— А свою собственную:
— Накорми жь ты меня пшенóй я́ровою,
50. — Ты напой меня бѣлой ключевой водой,
— Выведи меня во чистóе поле,
— Пусти меня на травы зелёныя,
— Накорми меня травой шёлковою,
— Самъ покатайся и меня покатай 1)!
. . . . . .
55. — Ахъ ты Вáнюшко, Гостиный сынъ!
— Выноси-тко сѣдéличко Черкасское,
— Подтяни-тко подпруги-то шелкóвыя,
— Садись-ко ты на добрá коня,
— Подтянись-ко ты подругам'-то шелкóвым'! —

60. Онъ бѣ́гомъ побѣгáлъ по пяти́десятъ вёрстъ,
Скóкомъ поскакалъ по семи́десятъ вёрстъ,
Засипѣлъ онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ по звѣриному:
Съ горъ желты́ пѣски сподымáлися,
65. Бѣлая вода всколыхалася,
Съ теремóвъ шатры 2) посвалялися,
Вси господá испужáлися,
Вси по каменнымъ палáтамъ разбѣжалися.

(Не кончено; записано самимъ П. В—чемъ отъ крестьянина Савелья, 5 Сент. 1839 г. въ Новгородѣ).

*

2.

. . . . . .
Бѣгомъ побѣжалъ по пятидесятъ верстъ,
Скóкомъ поскакалъ по осьмидесятъ верстъ,
Въ тотъ ли городъ Кіевскій,
Въ Кіевскій въ Володимірскій:

---

1) Опять пропускъ.— П. В. К.
2) Шатёръ — крыша шатромъ.—П. В. К.

5. Вся это вода всколыхалася,
Вси господа испужалися,
Вси по каменнымъ палатамъ разбѣжалися,
Ужь какъ тотъ жеребецъ, сивогривый жеребецъ,
Онъ и тынъ изломилъ, онъ и въ поле ушелъ.

(Отрывокъ того же; записано П. В—чемъ на ножнѣ)

*

3.

(Кирша Даниловъ).

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
5. На многи князи-бояра,
И на Рускіе могучіе богатыри,
И гости богатые.
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ пиръ во полу-пирѣ;
10. Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Гой еси, князи и бояра,
„И всѣ Рускіе могучіе богатыри!
15. „Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
„Ктобъ похвалился на триста жеребцовъ,
„На триста жеребцовъ и на три жеребца похваленые,—
„Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ 1),
„И которой полоненъ воронко̀ во Большой ордѣ,
20. „Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
„Какъ у молода Тугарина Змѣевича:
„Изъ Кіева бѣжать до Чернигова

1) Кологривъ — грива на одну сторону.

„Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
„Промежъ обѣдней и заутренею?“
25. Какъ бы меньшой за большаго хоронится,
Отъ меньшаго ему тутъ князю отвѣту нѣту.
Изъ того стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ Гостиной сынъ,
30. И скочилъ на свое мѣсто богатырское,
Да кричитъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
— Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ князь!
— Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
— А и быть передъ княземъ невольникомъ.
35. — Я похвалюсь на триста жеребцовъ,
— И на три жеребца похваленые,—
— А сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
— Да третій жеребецъ полоненъ воронко̀,
— Да которой полоненъ во Большой ордѣ,
40. — Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
— Какъ у молода Тугарина Змѣевича:
— Ѣхать дорога не ближняя,
— И скакать изъ Кіева до Чернигова,
— Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
45. — Промежу обѣдни и заутрени,
— Ускоки давать кониные,
— Что выметывать раздолья широкія 1).
— А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
— Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ —
50. — О своей буйной головѣ.—
За князя Владиміра держатъ поруки крѣпкія
Всѣ тутъ князи и бояра, туто, де, гости корабельщики,
Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;
А никто, де, тутъ за Ивана поруку не держитъ,—
55. Пригодился тутъ владыка Черниговской,
А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей —
Подписалися.

---

1) Выметывать изъ подъ себя, перескакивать цѣлыя долины.

Молодой Иванъ Гостиной сынъ
60. Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра,
Походилъ онъ на конюшню бѣлодубову
Ко своему доброму коню къ бурочкѣ,
Косматочкѣ, троелѣточкѣ,
Падалъ ему въ правое копытечко,
65. Плачетъ Иванъ, что рѣка течетъ:
„Гой еси ты, мой доброй конь,
„Бурочко, косматочко, троелѣточко!
„Про то ты вѣдь не знаешь, не вѣдаешь,
„А пробилъ я, Иванъ, буйну голову свою
70. „Со тобою добрымъ конемъ.
„Бился съ княземъ о великъ закладъ,
„А не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
„Бился съ нимъ о стѣ тысячей,
„Захвастался на триста жеребцовъ,
75. „А на три жеребца похваленые,—
„Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
„И третій жеребецъ полоненъ воронкò:
„Бѣгати-скакать на добрыхъ на коняхъ—
„Изъ Кіева скакать до Чернигова,
80. „Промежу обѣдни, заутрени,
„Ускоки давать кониные,
„Что выметывать раздолья широкія.“
Провѣщится ему доброй конь бурочко,
Косматочко, троелѣточко,
85. Человѣческимъ Рускимъ языкомъ:
— Гой еси, хозяинъ ласковой мой!
— Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся:
— Сива жеребца — того не боюсь,
— Кологрива жеребца — того не блюдусь,
90. — Въ задоръ пойду — у воронкà уйду;
— Только меня води по три зари,
— Медвяною сытою пои
— И сорочинскимъ пшеномъ корми.
— И пройдутъ тѣ дни срочные,
95. — И тѣ часы урочные,
— Придетъ отъ князя грозенъ посолъ

— По тебя-то Ивана Гостинаго,
— Чтобы бѣгати-скакати на добрыхъ на коняхъ, —
— Не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра коня,
100. — Только берись за шелковъ поводокъ,
— Поведешь по двору княженецкому,
— Вздѣнь на себя шубу соболиную,
— Да котора шуба въ три тысячи,
— Пуговки въ пять тысячей.
105. — Поведешь по двору княженецкому,
— А стану, де, я, бурка, передомъ ходить,
— Копытами за шубу посапывати,
— И по черному соболю выхватывати,
— На всѣ стороны побрасывати, —
110. — Князи-бояра подивуются,
— И ты будешь живъ — шубу наживешь,
— А не будешь живъ, будто нашивалъ 1). —

По сказанному и по писанному:
Отъ великаго князя посолъ пришелъ,
115. А зоветъ-то Ивана на княженецкой дворъ.
Скоро, де, Иванъ наряжается,
И вздѣвалъ на себя шубу соболиную,
Которой шубѣ цѣна три тысячи,
А пуговки вальящатыя 2) въ пять тысячей;
120. И повелъ онъ коня за шелковъ поводокъ.
Онъ будетъ, де, Иванъ, середи двора княженецкаго,
Сталъ его бурко передомъ ходить
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
125. Онъ на всѣ стороны побрасывати:
Князи и бояра дивуются,
Купецкіе люди засмотрѣлися;
Зрявкаетъ бурко по туриному,

---

1) Пословица понынѣ: „Поживешь—шубу наживешь, а не наживешь—будто нашивалъ."

2) Рѣзныя, чеканеныя толстой работы, въ противуположность работѣ обронной.

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному,—
130. Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора разбѣжалися:
Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
Кологривъ жеребецъ—тотъ и голову сломилъ,
Полоненъ воронко̀ въ Золоту орду бѣжитъ,
135. Онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ;
А князи-то и бояра испужалися,
Всѣ тутъ люди купецкіе,
Окарачь они по двору наползалися;
А Владиміръ князь со княгинею печаленъ сталъ,
. . . . . .
140. Кричитъ самъ въ окошечко косящатое:
„Гой еси ты, Иванъ Гостиной сынъ!
„Уведи ты уродья со двора долой:
„Просты поруки крѣпкія 1), записи всѣ изодраныя.“
Втапоры владыка Черниговской,
145. У великаго князя на почестномъ пиру,
Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватить 2) корабли
Съ тѣми товары заморскими,
— А князи, де, и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ.—

(Ср. ниже дополненія или разнорѣчія изъ другихъ выпусковъ и изданій, а также начало пѣсней о Дунаѣ)

* *
*

---

1) Упразднены, порѣшены; въ закладѣ говорятъ: „рублемъ простъ буду“,— ставлю рубль, и рубль отданый порѣшитъ, опроститъ, развяжетъ руки заложившихся объ рублѣ — 2) Похватать?

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

*

I.

1.

(Шенкурскій уѣздъ).

Во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У того же у князя у Владиміра,
Собиралъ Владиміръ князь славный пиръ,
Славный пиръ, почестенъ столъ,
5. Назвалъ на пиръ всѣхъ князей-бо́яровъ,
Еще всѣхъ могучихъ бога́тыревъ.
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной хвастаетъ золотой казной,
10. Иной похвасталъ чистымъ се́ребромъ,
Иной похвасталъ скатнымъ жемчугомъ,
Иной похваляется добрымъ конемъ.
Тутъ сидитъ Иванушко Годиновичь,
Онъ сидитъ—не пьетъ не кушаетъ,
15. Бѣлой лебеди Иванъ не рушаетъ.
Что на это Владиміръ князь слово говоритъ,
Говоритъ Владиміръ князь, какъ въ трубу трубитъ:
„Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичь!
„Ужь ты что̀ же сидишь, не пьешь не кушаешь,
20. „Ты почто бѣлой лебеди не рушаешь?
„Ужь и я ль обнесъ тебя золотой казной,
„Я ль обнесъ тебя братыней пьяною?“
На это Иванушко отвѣтъ держитъ:
— Не обнесъ ты меня царо́й 1) казной,
25. — Не обнесъ ты меня братыней пьяною.—

---

1) Такъ.—Вѣроятно царёй (вм. „царско́й“)?

На это ласковъ князь говорилъ:
„Что́ ты, что́ ты, Иванушко Годиновичь,
„Что́ ты, что́ ты сидишь — ни чѣмъ не хвастаешь?“
На это Годиновичь отвѣтъ держитъ:
30. — Ужь ты гой еси, ласковъ Владиміръ князь!
— Ты позволь-ко мнѣ-ка слово молвити:
— Не изволь меня при всемъ столѣ казнить,
— Не изволь меня при всѣхъ князьяхъ рубить.—
На это ласковъ князь рѣчь говоритъ:
35. „Говори ты, Иванушко, безъ опасности,
„Говори ты, Годиновичь, безъ великія.“
Проговорилъ Иванушко Годиновичь:
— Что во нашемъ во городѣ во Кіевѣ,
— Что у насъ въ слободѣ въ Ерусалимскія,
40. — У насъ нѣтъ молодцевъ, удалыхъ Суздальцевъ 1),
— У насъ нѣтъ дѣвицъ—бѣлыхъ лебедей:
— У насъ мо́лодцы приженилися,
— У насъ дѣвицы за мужь выданы,
— Я одинъ, добрый молодецъ, холостъ хожу.—
45. На это ласковъ князь слово вымолвилъ:
„Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичь!
„Ты поди-ко, Иванъ, на конюшій дворъ,
„Ты бери жеребца съ девяти цѣпей,
„Надѣвай-ко сбруду 2) богатырскую,
50. „Поѣзжай ко ты, куда хочется,
„Ты бери себѣ жену, гдѣ можется:
„Хоть у того царя, у царевича,
„Хоть у того короля, у королевича,
„Хоть у того у купца богатаго,
55. „Хоть у того у попа простоволосаго,
„Хоть у того у мужика у подлаго 3).“
Показалося Ивану за досадушку,
Показалося ему за бѣду великую:
— Мнѣ не надо у царя, у царевича,

---

1) Ср. ниже богатыря „Суздальца.“
2) Збрую.
3) Низкаго, изъ низшаго слоя.

60. — Мнѣ не надо у короля, у королевича,
— Мнѣ не надо у купца богатаго,
— Мнѣ не надо у попа простоволосаго,
— Мнѣ не надо у крестьянина подлаго;
— Я возьму ли себѣ, возьму сужену,
65. — Что во томъ ли въ городѣ во Черниговскомъ,
— У того ли у короля у Чернигова;
— У него есть Авдотья, Лебедь бѣлая:
— Она ростомъ не ма́ла, умомъ крѣпка,
— У ей лицо бѣло, какъ осённый 1) снѣгъ,
70. — У ей брови черны, какъ у соболя,
— У ей очи ясны, какъ у сокола.—
На это ласковъ князь Владиміръ рѣчь го́ворилъ:
„Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичь!
„Не бери ты во городѣ во Черниговѣ,
75. „У того у царя у Чернигова:
„У него есть Авдотья, Лебедь бѣлая,
„Она ростомъ не мала, да умомъ слаба;
„У нее лицо бѣло, какъ осённый снѣгъ,
„У нее брови черны, какъ у соболя,
80. „У нее очи ясны, какъ у сокола.“

Показалося Иванушку за досадушку:
Выходилъ Иванъ изъ дуба́-стола,
Изъ за тѣхъ скатертей изъ за бе́рчатыхъ 2);
Ни съ кѣмъ добрый молодецъ не прощается,
85. Онъ двери отпираетъ широко, на́ пяту,
Онъ двери запираетъ крѣпко на́ крѣпко:
Дубовыя ободверины по́косилъ.
Говоритъ ему на это Владиміръ князь:
„Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичь!
90. „Тебѣ много ли надо золотой казны,
„Тебѣ много ли надо силы (арміи),
„Тебѣ много ли надо сильныхъ бога́тырёвъ?“
— Мнѣ не надо твоей золотой казны,

---

1) Первый.
2) Бранныхъ (въ которыхъ перебираются нитки для узора).

— Мнѣ не надо твоей силы (арміи),
95. — Мнѣ не надо твоихъ богатыревъ.—

Походилъ Иванъ на конюшій дворъ,
Онъ бралъ жеребца съ девяти цѣпей,
Надѣвалъ узду богатырскую,
Онъ бралъ съ собой саблю широкую,
100. Онъ бралъ съ собой востро копье,
Онъ бралъ съ собой палку буевую 1),
Захватилъ на попутьѣ булатный ножь.
Видѣли Ивана, какъ коня сѣдлалъ,
Не видали поѣздочки богатырскія,
105. Только взглянутъ: въ чистомъ полѣ куревá стоитъ 2).
Поѣхалъ Иванъ по чисту пóлю,
Онъ доѣхалъ до рѣченьки бродóвыя,
Переѣхалъ за рѣченьку бродовую,
Онъ заѣхалъ во городъ во Черниговскій,
110. Онъ пріѣхалъ ко царю ко Чернигову.

Онъ заѣхалъ къ царю на широкій дворъ,
Онъ поставилъ коня не привязавши.
Походилъ Иванъ на крылечушко,
Со крылечушка во новы сѣни,
115. Со новыхъ сѣней во свѣтлу гряду́ 3).
Онъ двери отпиралъ широко—нá пяту,
Онъ двери запиралъ крѣпко нá крѣпко:
Дубовое ободвéренье онъ пóкосилъ.
Онъ крёстъ кладетъ по писаному,
120. Поклонъ кладетъ по ученому,
Онъ молится Спасу Пречудному.
„Ужь ты здравствуй, царь со царицею,
„Ужь ты здравствуй, царь, все Черниговецъ!“
На это Черниговецъ отвѣтъ держитъ:

---

1) Палицу боёвую.

2) Пыль столбомъ.

3) Обыкновенно—„во свѣтлу гридню.“ Гряда нынче—воронецъ, поперечное бревно, на которомъ лежатъ палати, отъ стѣны до печнаго голубца. Отсюда, черезъ слово грѣда, образовалась гридня: покой съ палатями (въ ней упоминаются по пѣснямъ именно „богатырскія палати“), гдѣ сидѣли богатыри, гридь, слуги,—людская; она же, прямо изъ сѣней, была пріемною палатою.

125. — Ужь ты здравствуй, Иванушко Годиновичь!
— Ты пріѣхалъ ко мнѣ все по старому,
— Все по старому, по бывалому,
— Что во тѣ ты во ключнички во столовые?—
На эту рѣчь Иванушко въ отвѣтъ сказалъ:
130. „Я пріѣхалъ къ тебѣ не по старому,
„Не по старому пріѣхалъ, не по прежнему,
„Не во тѣ во ключнички во столовые,
„Я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ свататься:
„Ты отдай за меня Авдотью, Лебедь бѣлую!“
135. Говоритъ Черниговецъ таковы рѣчи:
— Ужь ты что̀ ты, Иванушко Гординовичь!
— У меня вѣдь Авдотьюшка засватана,
— Засватана Авдотья, запору́чена,
— Что во ту ли во орду во невѣрную,
140. — За того ли за Одо́лища 1) поганаго.—
На эти рѣчи Иванушка отвѣтъ держитъ:
„Ужь ты гой еси, царь Черниговецъ!
„Отдавай за меня Авдотью, Лебедь бѣлую:
„Ужь ты чёстно не дашь,—за боёмъ возьму,
145. „Ужь я тѣмъ кроволитьицемъ великіимъ.“
— Ужь ты гой еси, Иванъ Гординовичь!
— У меня, право, Авдотьюшка засватана,
— Засватана Авдотья, запоручена,
— Что во ту ли во орду во невѣрную,
150. — За того ли Одолища за поганаго.—

Тутъ пошелъ Иванъ изъ свѣтлой гряды́,
Изъ свѣтлой гряды пошелъ по новымъ сѣнямъ,
Изъ новыхъ сѣней пошелъ во другу́ гряду́,
Онъ двери отпиралъ широко—на́ пяту,
155. Онъ двери запиралъ крѣпко на́ крѣпко.
Онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Молится Спасу Пречудному.
„Ужь ты здравствуй, Авдотья, Лебедь бѣлая!“
160. Тутъ сидитъ Авдотья, полотенце ткётъ.

---

1) Идолища.

На головкѣ у Авдотьи бѣлы лебеди,
На лѣвомъ плечѣ у ней черны собыли,
На правомъ плечѣ сидятъ ясны соколы,
На прошéстяхъ 1) у Авдотьи сизы голуби,
165. На подножкахъ 2) у Авдотьи черны вóроны.
— Ужь ты здравствуй, Иванъ, свѣтъ Годиновичь!—
Выходила Авдотья изъ тонкà полотна 3),
Она брала Ивана за бѣлы руки,
Цаловала-миловáла во сахарныя уста.
170. На это Иванъ не замѣшкался:
Повелъ онъ Авдотью изъ свѣтлой гряды,
Онъ повелъ Авдотью по новымъ сѣнямъ.
Еще тутъ ли Авдотьюшка росплакалась:
— Ты умѣлъ меня, батюшка, вспоить-вскормить,
175. — Ты умѣлъ меня, батюшка, высоко взростить,
— Не умѣлъ меня, батюшка, за мужь выдати,
— Безъ того кроволитьица великаго!—
На эту рѣчь Черниговецъ отвѣтъ держитъ:
„„Ужь ты что же, Иванушка Годиновичь,
180. „„Хлѣба-соли со мной не покушаешь?““
Отвѣчаетъ Иванъ Годиновичь:
„На пріѣздѣ ты гóстя не отпотчивалъ,—
„На поѣздѣ тѣ гостя не отпотчивать!“
Садилъ Авдотью на добра коня,
185. Поѣзжалъ Иванъ во чисто поле;
Онъ доѣхалъ до рѣченьки бродовыя,
Переѣхалъ рѣченьку бродовую,—
Пристигала его темная ноченька.
Онъ разставилъ шатеръ бѣлый, камчаточный,
190. Повалился въ шатри съ своей Авдотьюшкой.
Мало по малу, да въ скорѣ времени,
Доходили вѣсточки до Одóлища.
Походилъ Одолище во конюшій дворъ,
Онъ бралъ жеребца съ девяти цѣпей,

---

1) Прошéсть—основа, утóкъ, то, чтó тнутъ (между шестами, въ рамѣ).
2) У ткацкаго станка.
3) Изъ-за тканья.

195. Надѣвалъ сбру́ду богатырскую,
Бралъ съ собой саблю широкую,
Бралъ съ собой востро копье,
Бралъ съ собой палку буе́вую,
Захватилъ на попутьѣ булатный ножъ;
200. Тутъ поѣхалъ Одолище во чисто поле,
Онъ доѣхалъ до го́рода до Чернигова,
Ко тому ли царю ко Чернигову.
Онъ заѣхалъ къ царю во широкій дворъ,
Закрычалъ своимъ громкимъ голосомъ:
205. — Ужь ты гой еси, царь, вольный Черниговецъ,
— У тебя до́ма ли Авдотья, Лебедь бѣлая?—
Что на это Черниговецъ дога́денъ былъ,—
Выходилъ Черниговецъ изъ свѣтлой гряды,
Выходилъ Черниговецъ на новы сѣни,
210. Со новыхъ сѣней на крылечушко,
Говорилъ Черниговецъ таковы рѣчи:
„У меня нѣтъ Авдотьи, Бѣлой лебеди,
„У меня былъ Иванушка Годиновичь,—
„Увезъ Авдотью, Лебедь бѣлую.“

215. На это Одолище не замѣшкался:
Поѣзжалъ Одолище во чисто поле,
Доѣхалъ до рѣченьки до бро́довы,
Переѣхалъ рѣченьку бродовую,—
Онъ увидѣлъ шатеръ бѣлый, камчаточный,
220. Онъ скрычалъ-сзычалъ зычнымъ голосомъ:
— Кто есть живъ въ шатрѣ въ тонкомъ, камчаточномъ,
— Кто есть живъ въ шатрѣ, тотъ поди сюда!—
На это Иванушка послушался:
Ото сна встаетъ добрый молодецъ, пробужается,
225. Выходитъ Иванъ изъ бѣла шатра,
Умывается водой свѣжей, ключевою,
Онъ терся полотенцемъ тонкимъ, камчаточнымъ,
Онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
230. Онъ молится Спасу Пречудному.
Походитъ Иванъ ко добру коню,

Оболокаетъ сбру́ду богатырскую,
Беретъ съ собой саблю широкую,
Беретъ съ собой остро копье,
235. Беретъ съ собой палку буе́вую;
Поѣхалъ Иванъ ко Одолищу.
Разъѣзжалися братаны на у три́ версты,
Они съѣхались, братаны, поздоровались,
Они саблями ударились широкими,
240. И тутъ другъ друга не ранили.
Что разъѣхались братаны на у три́ версты,
Они съѣхались, братаны, поздоровались,
Они копьями ткнулися бержемецкими 1),
Они еще, братаны, другъ друга не доса́дили.
245. Что разъѣхались братаны на у три версты,
Они съѣхались, братаны, поздоровались,
Они палками кинулись буе́выми:
Попало Одолищу по го́ловы,—
Улеталъ Одолище со добра коня.
250. На это Иванушка догадливъ былъ:
Соскочилъ Иванъ со добра коня,
Перескочилъ гриву лошадиную,
Навалился Одолищу на черны груди,
Разстегаетъ петельки шелковыя,
255. Отстегаетъ пуговки однозоло́тныя 2),
Хочетъ спороть груди черныя,
Хочетъ вынуть ретиво сердце;
Позабылъ во шатрѣ свой булатный ножь;
Онъ скрычалъ своимъ громкимъ голосомъ:
260. „Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
„Ты кинай-ко 3) булатный ножь изъ бѣла шатра:
„Надо пороть Одолищу черны груди,
„Надо вымать у Одолища ретиво сердце.“
На это Авдотьюшка ослы́шалась 4):
265. Приносила изъ шатра его булатный ножь.
Увидалъ Одолище поганое,

---

1) Мурзамецкими (мурзинскими).
2) Изъ одного, чистаго золота.
3) Кидай.—4) Послушалась (вторила или отвѣчала слухомъ, какъ озваться или отозваться на зовъ).

Заговорилъ Одолище таковы слова:
— Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
— Ты кинай ножишко далече во чисто поле,
270. — Ты бери-ко Ивана за русы кудри,
— Согони́ Иванушка съ Одолища! —
Что на это Авдотья ослы́шалася:
Кина́ла булатный ножь въ чисто поле,
Она брала Ивана за русы кудри,
275. Воротила Иванушка съ Одолища.
Еще тутъ-то Одолище на верхъ попалъ:
Навалился къ Ивану на бѣлы груди,
Разстегаетъ онъ петельки шелковыя,
Отстегаетъ онъ пуговки однозолотныя,
280. Онъ хочетъ пороть груди бѣлыя,
Онъ хочетъ вымáть ретиво сердце,
Онъ вымаетъ изъ ножней свой булатный ножь.
Сожалѣлася Авдотьюшка объ Иванушкѣ,
Сама гóворитъ таковы рѣчи:
285. „„Ой ты гой еси, Одолище поганое!
„„Не пори у Ивана бѣлыхъ грудей,
„„Не вымáй у Ивана ретива сердца:
„„Мы возьмемъ-ко Иванушка да свяжемъ здѣсь,
„„Еще той свяжемъ плетью шелковою,
290. „„Шелковою плеточкой, троесу́чною 1),
„„Мы привяжемъ Ивана ко сыру дубу!““
Пристигала ихъ темна ноченька:
Повалился Одолище въ тонкóй шатеръ,
Повалился Одолище съ Авдотьюшкой.
295. Поутру онъ встаетъ ранехонько,
Выходитъ Одолище изъ бѣла шатра.
Прилетѣли на сырой дубъ два голубя,
Увидалъ ихъ Одолище поганое,
Проговорилъ Одолище таковы рѣчи:
300. — Ужь ты взглянь-ко, Авдотья, Лебедь бѣлая,
— Прилетѣли на сырой дубъ два голубя! —
На это Авдотьюшка отвѣтила:

---

1) Въ три сука сученою; трехвостною.

„„Ужь ты гой еси, Одолище поганое!
„„Ты устрѣль-ко мнѣ сиза голубя:
305. „„Захотѣла я здѣсь голубятины.““
На это Одолище ослышался:
Заряжаетъ стрѣлу, стрѣлу вострую,
Выпущаетъ свою стрѣлу каленую,
Онъ самъ стрѣлѣ наказываетъ,
310. Онъ самъ стрѣлѣ наговариваетъ:
— Ты пади, стрѣла, не на воду, не на землю,
— Ты пади, стрѣла, во дубъ-древо,
— Изъ сыра дуба въ сиза голубя,
— Сизу голубю пади ты во право око!—
315. Она пала не на воду, не на землю,
Она пала во матерое въ дубъ-древо,
Отскочила отъ дуба Одолищу въ черны груди,
Изъ черныхъ грудей въ ретиво сердце:
Тутъ-то Одолище окончился.
320. Еще тутъ-то Авдотьюшка расплакалась:
„„Отъ того ли бережка отъѣхала,
„„До другаго бережка не доѣхала!““
Взмолился Иванушко Авдотьюшкѣ:
— Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
325. — Отвяжи меня, Авдотья, отъ сыра дуба,
— Не положу я на тебя большой вины,
— Только дамъ научеиьице по женскому.—
Что на это Авдотья не ослышалась:
Она брала себѣ саблю вострую,
330. Она хочетъ срубить Ивану голову,
Она мѣтитъ Ивану по бѣлой шеѣ:
Заторчали 1) Авдотьюшки бѣлы ручушки,
Не попала Ивану по бѣлой шеѣ,
Попадала по плеточкѣ по шелковой,
335. Пересѣкла плеточку шелковую.

Тутъ добрый молодецъ на волѣ сталъ,
Садилъ Авдотью на добра коня,

---

1) Задрожали; собственно—засовались.

Поѣхалъ Иванушко во чисто поле,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
340. „Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
„Ты сходи-ко на рѣченьку бродовую,
„Принеси-ко ты воды свѣжей ключевыя:
„На этомъ на мѣстечкѣ испить хочу!“
На это Авдотья рѣчь говорила:
345. — Ужь ты гой еси, Иванушка Годиновичь!
— Ты не пить хочешь, хошь меня губить! —
Показалося Ивану за досадушку,
Показалося ему за бѣду великую:
Онъ срубилъ Авдотьѣ буйну голову,
350. По локóтъ отсѣкъ онъ ручку правую,
Самъ говорилъ таковы рѣчи:
„Обнимала Одолища поганаго!“
По колѣно отсѣкъ лѣву ноженьку,
Самъ говорилъ таковы рѣчи:
355. „Оплетала ты Одолища поганаго!“
Онъ самъ себѣ наговариваетъ:
„Я женился, добрый молодецъ, мнѣ-ка не съ кѣмъ спать!“

Поѣзжалъ онъ во городъ во Кіевскій,
Въ ту слободу Ерусалимскую,
360. Въ стрѣту ладятъ 1) ему князья-бояра,
Встрѣчаютъ молодца, усмѣхаются:
„„Ты женился, добрый молодецъ, тебѣ не съ кѣмъ спать 2)!““

На это Иванушко отвѣтъ несетъ:
„Ой вы гой есте, братцы-товарищи!
365. „Вѣдь не всякому, братцы, женитьба издавается 2)!“

(Записано А. Харитоновымъ и доставлено В. И. Далемъ).

*

1) Попадаются; норовятъ встрѣтиться.

2) Обѣ пословицы, сдѣлавшіяся изстари типическими по извѣстной исторіи съ Алешей Поповичемъ (ср. вып. 2-й).—Издавается—удаётся.

2.

(Кирша Даниловъ).

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, осударь, князя Владиміра вечеринка была,
На пиру у него сидѣли честныя вдовы.
Пригодился тутъ Иванъ Годиновичь,
5. И проговоритъ ему стольной Кіевской Владиміръ князь:
„Гой еси, Иванъ ты Годиновичь!
„А за чѣмъ ты, Иванушка, не женишься?“
Отвѣчаетъ Иванъ сынъ Годиновичь:
— Радъ бы, осударь, женился, да не гдѣ взять:
10. — Гдѣ охота брать, за меня не даютъ,
— А гдѣ-то подаютъ, ту я самъ не беру.—
А проговоритъ ласковой Владиміръ князь:
„Гой еси, Иванъ сынъ Годиновичь!
„А садися ты, Иванъ, на ременчатъ стулъ,
15. „Пиши ярлыки 1) скорописчаты.“
И садился тотчасъ Иванъ на ременчатъ стулъ,
Написалъ ярлыкъ скорописчатой,
А о добромъ дѣлѣ, о свататьѣ,
Къ славному городу Чернигову,
20. Къ Дмитрію гостю богатому;
Написалъ онъ ярлыкъ скорописчатой,
А Владиміръ князь ему руку приложилъ.
„А не ты, Иванъ, поѣдешь свататься,
„Сватаюсь я, де, Владиміръ князь.“
25. А скоро, де, Иванъ снаряжается,
А скоря́ 2) того поѣздку чинитъ
Ко городу Чернигову.
Два девяносто-то мѣрныхъ верстъ
Переѣхалъ Иванушка въ два часа.
30. Сталъ онъ, Иванъ, на гостиномъ дворѣ,
Скочилъ онъ, Иванъ, со добра коня;
Привязавши коня къ дубову столбу,

---

1) Грамоты.
2) Скорѣй.

Походилъ во гридню во свѣтлую,
Спасову образу молится,
35. Онъ Дмитрію гостю кланяется,
Положилъ ярлыкъ скорописчатой на круглой столъ.
Димитрій гость разпечатываетъ и разсматриваетъ,
Просматриваетъ и прочитываетъ:
— Глупой Иванъ, неразумной Иванъ!
40. — Гдѣ ты, Иванушка, перво былъ?
— Нонѣ Настасья просватана,
— Душа Дмитревна запоручена
— Въ дальну землю Загорскую,
— За царя Афромея Афромеевича.
45. — За царя отдать—ей царицею слыть,
— Пановя всѣ поклонятся,
— Пановя и улановья,
— А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
— За тебя, Иванъ, отдать—холопкой слыть,
50. — Избы мести, заходы скрести.—
Тутъ Иванушкѣ за бѣду стало,
Схватя ярлыкъ, Иванъ, да и вонъ побѣжалъ.

Садился Иванъ на добра коня,
Побѣжалъ онъ ко городу Кіеву;
55. Скоро Иванъ на дворъ прибѣжалъ,
И приходитъ онъ во свѣтлу гридню
Ко великому князю Владиміру,—
Спасову образу молится,
А Владиміру князю кланяется.
60. Вельми онъ, Иванъ, закручинился.
Сталъ его Владиміръ князь спрашивати,
А сталъ Иванъ разсказывати:
„Былъ я у Дмитрія во дому,
„Положилъ ярлыкъ на круглой столъ,
65. „Дмитрій гость не задерживалъ меня въ томъ,
„Скоро ярлыки прочитывалъ
„И говорилъ таковы слова:
„— Глупой ты, де, Иванъ, неразумной Иванъ!
„— Гдѣ ты, Иванушка, перво былъ?
70. „— Нонѣ Настасья просватана

„— Въ дальну землю Загорскую,
„— За царя Афромея Афромеевича;
„— За царя, де, ее отдать—царицею слыть,
„— Пановя всѣ поклонятся,
75. „— Пановя всѣ и улановья,
„— А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
„— За тебя, де, Иванъ, отдать—холопкой слыть,
„— Избы мести, да заходы скрести.—“
Тутъ ему князю за бѣду стало,
80. Рветъ на главѣ черны кудри свои,
Бросаетъ ихъ о кирпищетъ полъ:
— Гой еси, Иванъ Годиновичь!
— Возьми ты у меня князя сто человѣкъ
— Рускихъ могучихъ богатырей,
85. — У княгини ты бери другое сто,
— У себя, Иванъ, третье сто;
— Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ,
— Честью не дастъ, ты и силою бери.—

Скоро молодцы тѣ собираются,
90. А скоря того поѣздку чинятъ,
Поѣхали къ городу Чернигову;
А и только переѣхали быстраго Днѣпра,
Выпала пороха снѣгу бѣлаго.
По той по порохѣ, по бѣлу снѣгу,
95. И лежатъ три слѣда звѣриные:
Первой слѣдъ гнѣдаго тура,
А другой слѣдъ лютаго звѣря,
А третій слѣдъ дикаго вепря.
Сталъ онъ Иванъ разъясачивати 1):
100. Послалъ онъ за гнѣдымъ туромъ сто человѣкъ,
И велѣлъ поимать его бережно,
Безъ той раны кровавыя;
И за лютымъ звѣремъ послалъ другое сто,
И велѣлъ изымать его бережно,
105. Безъ той раны кровавыя;
И за дикимъ вепремъ послалъ третье сто,

1) Дѣлать нарядъ; разряжать молодцовъ по отрядамъ.

А велѣлъ изымать его бережно,
Безъ тоя раны кровавыя,
И привесть ихъ во стольной Кіевъ градъ
110. Ко великому князю Владиміру.
А самъ онъ, Иванъ, поѣхалъ единый во Черниговъ градъ.

И будетъ Иванъ во Черниговѣ,
А у Дмитрія гостя богатаго,
Скачетъ 1) Иванъ середи двора,
115. Привязалъ коня къ дубову столбу,—
Походилъ онъ во гридню свѣтлую,
Къ Дмитрію гостю богатому,
Спасову образу молится,
Дмитрію гостю не кланяется;
120. Походилъ за занавѣсу бѣлую
Онъ къ душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ.
А тутъ у Дмитрія гостя богатаго
Сидятъ мурзы, улановья,
По нашему Сибирскому дружки словутъ.
125. Привезли они платьице цвѣтное,
Что на душку Настасью Дмитревну,
Платья того на сто тысячей
Отъ царя Афромея Афромеевича;
А самъ царь Афромей Афромеевичь
130. Онъ отъ Чернигова въ трехъ верстахъ стоитъ;
А силы съ нимъ три тысячи.
Молодой Иванушка Годиновичь
Онъ изъ за занавѣсу бѣлаго
Душку Настасью Дмитревну
135. Взялъ за руку за бѣлую,
Потащилъ онъ Настасью, лишь туфли звенятъ.
Что взговоритъ ему Дмитрій гость:
— Гой еси ты, Иванушка Годиновичь!
— Суженое пересуживаешь,
140. — Ряженое переряживаешь:
— Можно тебѣ взять не гордостью,
— Веселымъ пиркомъ, свадебкой.—

1) Слѣзаетъ (вскочить—взлѣзть).

Только Иванъ слово выговорилъ:
„Гой еси ты, славной Дмитрій гость!
145. „Добромъ мы у тебя сваталися,
„А сватался Владиміръ князь;
„Не могъ ты честью мнѣ отдать,—
„Нонѣ беру и не кланяюсь.“
Вытащилъ ее середи двора,
150. Посадилъ на добра коня,
И самъ метался въ седѣлечко Черкасское.
Некому бѣжать во Кіевъ градъ
За молодомъ Иванушкомъ Годиновичемъ;
Переѣхалъ онъ, Иванъ, девяносто верстъ.
155. Поставилъ онъ, Иванъ, тутъ свой бѣлъ шатеръ,
Развернулъ ковры сорочинскіе,
Послалъ пóтнички 1) бумажные,
Изволилъ онъ, Иванъ, съ Настасьею опочивъ держать.

Донеслась скоро вѣстка нерадошна
160. Царю Афромею Афромеевичу;
А пріѣхали мурзы, улановья,
Телячьимъ языкомъ разсказываютъ:
„„Изъ славнаго, де, города изъ Кіева,
„„Прибѣжалъ удалъ молодецъ,
165. „„Увезъ твою противницу 2) Настасью Дмитревну.““
Царь Афромей Афромеевичь
Скоро онъ вражбу чинилъ:
Обернется гнѣдымъ туромъ,
Чистыя поля туромъ перескакалъ,
170. Темные лѣса соболемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ,—
Скоро онъ сталъ у бѣла шатра.
А и тутъ царь Афромей Афромеевичь
Закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
175. —Гой еси, Иванушка Годиновичь!
—А и ты суженое пересуживаешь,
—Ряженое переряживаешь:
—Почто увезъ ты Настасью Дмитревну?—

---

1) Подстилки подъ сѣдло, чтобы не тереть лошади.
2) Ровню, сверстницу, дружку, что пришлась кому; сербск. „слика и прилика.“

А скоро Иванъ выходитъ изъ бѣла шатра,
180. Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичь:
„Гой еси, царь Афромей Афромеевичь!
„Станемъ мы съ тобою боротися,
„А большинѣ 1), что кому наша Настасья достанется.“
И схватилися они тутъ боротися.
185. Что, де, ему парю дѣлати
Со молодымъ Иваномъ Годиновичемъ 2)?
Согнетъ онъ царя корчагою,
Опустилъ онъ о сыру землю:
Царь Афромей Афромеевичь
190. Лежитъ на земли, свѣту не видитъ.
Молодой Иванъ Годиновичь
Онъ ушелъ за кустикъ мочитися;
Царь Афромей едва пропищалъ:
— Думай ты, Настасья, не продумайся!
195. — За царемъ за мною быть—царицею слыть,
— Пановя всѣ поклонятся,
— Пановя всѣ, улановья,
— А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
— За Иваномъ быть—холопкой слыть,
200. — А избы мести, заходы скрести.—
Приходитъ Иванъ ко бѣлу шатру,
Напустился съ нимъ опять боротися,
Схватилися они руками боротися;
Душка Настасья Дмитревна
205. Изымала Ивана Годиновича за ноги,
Тутъ его двое и осилили.
Царь Афромей на грудяхъ сидитъ,
Говоритъ таково слово:
— А и нѣтъ чингалища 3) булатнаго,
210. — Нечѣмъ пороть груди бѣлыя.—
Только лишь царь слово выговорилъ:
— Гой еси ты, Настасья Дмитревна!
— Подай чембуръ 4) отъ добра коня.—

---

1) Кто кого пересилитъ, чья будетъ сила и большина: о большинѣ.
2) На оборотъ: „Что Ивану дѣлать съ царемъ?“
3) Кинжалища.
4) Третій поводъ: ср. вып. 1-й, стр. 75.

И связали Ивана руки бѣлыя,
215. Привязали его ко сыру дубу.
Царь Афромей въ шатеръ пошелъ,
Сталъ съ Настасьею поигривати,
А назолу даетъ 1) ему молоду Ивану Годиновичу.
По его было талану добра молодца,
220. А и молода Ивана Годиновича,
Первая высылка изъ Кіева бѣжитъ,
Ровно сто человѣкъ:
Прибѣжали ко тому бѣлу шатру,
Будто зайца въ кустѣ изъѣхали:
225. Спиря скочилъ, тотъ поспириваетъ,
Сёма прибѣжалъ, тотъ посёмываетъ;
Которы молодцы они поглавнѣе,
Срѣзали чембуры шелковые,
Молода Ивана Годиновича опрастывали.
230. Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичь:
„А и гой вы еси, дружина хорабрая!
„Ихъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
„Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ:
„Повезите его ко городу ко Кіеву,
235. „Ко великому князю Владиміру.“

А и тутъ три высылки всѣ сбиралися,
Нарядили царя въ платье цвѣтное,
Повезли его до князя Владиміра.
И будутъ въ городѣ Кіевѣ,
240. Разсказали тутъ удалы-добры молодцы
Великому князю Владиміру
Про цари Афромея Афромеевича.
И Владиміръ князь со княгинею
Встрѣчаетъ его честно, хвально и радошно,
245. Посадилъ его за столы дубовые,
Тутъ у князя столъ пошелъ
Для царя Афромея Афромеевича.

Молодой Иванушка Годиновичь,
Остался онъ во бѣломъ шатрѣ,
250. Сталъ онъ, Иванъ, жену свою учить,

1) Дѣлаетъ досаду (на зло): Ивану, глядя на то, завистно.

Онъ душку Настасью Дмитревну.
Онъ перво ученье—то руку отсѣкъ ей,
Самъ приговариваетъ:
„Эта мнѣ рука не надобна,
255. „Трепала она руку Афромея царя.“
А второе ученье—ноги ей отсѣкъ:
„А и та, де, нога мнѣ не надобна,
„Оплеталася со царемъ Афромеемъ невѣрныимъ.“
А третье ей ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
260. „А и эти губы мнѣ не надобны,
„Цѣловали они царя невѣрнаго.“
Четверто ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
„Эта голова мнѣ не надобна,
„И этотъ языкъ мнѣ не надобенъ,
265. „Говорилъ со царемъ невѣрныимъ,
„И здавался на его слова прелестныя.“

Втапоры Иванъ Годиновичь
Поѣхалъ ко стольному городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
270. И будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Благодаритъ князя Владиміра
За велику милость, что женилъ его
На душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ.
Втапоры его князь спрашивалъ:
275. —Гдѣ же твоя молодая жена?—
Втапоры Иванъ о женѣ своей сказалъ,
Что хотѣла съ Вахромеемъ царемъ
Въ шатрѣ убить его,
За что ей поученье далъ, голову срубилъ.
280. Втапоры князь веселъ сталъ,
Что отпускалъ Вахромея царя, своего подданника,
Въ его землю Загорскую.
Только его увидѣли,
Что обернется гнѣдымъ туромъ,
285. Поскакалъ далече во чисто поле къ силѣ своей.

(Ср. ниже дополненія или разнорѣчія).

* *
*

ДАНИЛО ЛОВЧАНИНЪ

СЪ ЖЕНОЮ.

I.

1.

(Симбирск. губ., село Станичное).

Не красное солнце, числовалося 1):
Заводилося пированьеце честно́е у князя Володиміра
Про всѣхъ ли про князей-бояръ,
Про сильныхъ-могучихъ богатырей,
5. Про всю поленицу уда́лую.
Они пили-ѣли, прохлаждалися,
Промежду́ себя похвалялися:
Кто хвалится житьемъ-бытьемъ,
Кто хвалится богатствомъ 2),
10. А кто хвалится силушкою,
А кто хвалится молодой своей женой.
Возго́воритъ нашь батюшка Володиміръ князь:
„Ой вы гой еси, князи-бо́яре,
„Сильные-могучіе богатыри
15. „И вся поленица уда́лая!
„Всѣ вы у меня переже́нены:
„Одинъ-то я не женатъ хожу, холостъ гуляю.
„Гдѣ было бы мнѣ за себя невѣсту взять,

---

1) Владиміръ прозванъ „краснымъ солнышкомъ;“ солнышко играетъ и по небу ходитъ; и играя, и ходя оно показываетъ „число-время:“ Владиміръ также называется „числомъ-временемъ,“ у него пиры и игры, онъ всегда на пиру похаживаетъ, онъ на пиру гостей „числитъ“ или „чествуетъ“ (считаетъ въ счетъ, чтитъ, откуда у Славянъ пиръ называется „честью“ и „частью“). Таковы связи выраженій въ языкѣ эпическомъ; а въ народномъ простомъ числиться и числоваться—то же, что „значить, обозначаться;“ въ простомъ говорѣ народъ и теперь сказалъ бы: „не красное было солнце, а было, значитъ, пированье у Владиміра, и самъ онъ на пиру числится то же, что солнце на небѣ.“—2) Должно быть „богатествомъ“.

„И было бы мнѣ съ кѣмъ думу подумати,
20. „И было бы съ кѣмъ слово промолвити,
„При пиру́ при бесѣдушкѣ похвалитися,
„И было бы кому вамъ поклонитися?“
Возго́воритъ Путятинъ Путятовичь:
— Ты батюшка нашь, Володиміръ князь!
25. — Возьми ты невѣсту за себя
— У Данилы Ло́вчанина,
— Грозную Настасью Никулишну:
— Есть тебѣ съ кѣмъ думы подумати,
— Есть съ кѣмъ слово промолвити,
30. — При пиру при бесѣдушкѣ похвалитися,
— Есть кому намъ поклонитися.—
Возго́воритъ Володиміръ князь:
„Ты гой еси, Путятинъ Путятовичь!
„Какъ мнѣ у живаго жену отнять?“
35. Возго́воритъ опять Путятинъ Путятовичь:
— Ой ты гой еси, нашь батюшка Володиміръ князь!
— Наряди его въ службу дальнюю, невзворо́тивную,
— На Буянъ островъ;
— Вели тамъ ему убить звѣря лютаго,
40. — Звѣря лютаго, сивопрянаго 1), лихошёрстнаго,
— Вели вынуть изъ него сердце со печенью.—
И возго́воритъ тутъ Володиміръ князь:
„Ой ты гой еси, Данило Ло́вчанинъ!
„Сослужи ты мнѣ службу дальнюю:
45. „Съѣзди на Буянъ островъ,
„Убей звѣря лютаго,
„Звѣря лютаго, сивопрянаго, лихошёрстнаго,
„И вынь сердце его со печенью.“

Становился Данило Ло́вчанинъ
50. На свои но́женьки рѣзвыя
Изъ за столовъ за дубовыихъ,
Ска́тертей бѣлобраныихъ,
Яствъ сахарныихъ,

1) Сиво-перянаго, сиво-пёраго (въ старшемъ корнесловіи, по связи блеска съ быстротою, отъ корня *сн-* слово „сиво-пряный“ можетъ значить — быстро прядающій, бросающійся какъ синяя молнія).

Пойловъ медовыихъ;
55. И выходитъ на широкой дворъ;
Садился онъ на своего коня добраго,
И поѣхалъ къ своему подворьицу.
Увидала его молодая жена
Изъ высока терема
60. Грозная Настасья Никулишна,
Что-то онъ ѣдетъ не́ веселъ,
Буйну головушку повѣсилъ,
Очи ясны понасупилъ въ матушку сыру землю:
Знать онъ у князя не учéщенъ былъ 1),
65. Или мѣстомъ сидѣлъ всѣхъ ниже,
Или чара приходила всѣхъ послѣ?
Возго́воритъ Данило Ло́вчанинъ:
„Ой ты гой еси, моя молода жень,
„Грозна Настасья Никулишна!
70 „У князя-то я учéщенъ былъ,
„И мѣстомъ сидѣлъ всѣхъ выше,
„И чара приходила всѣхъ прежде:
„Погубляютъ меня перемёты 2) женскія.
„Подавай мнѣ малъ колча́нъ въ полтретья́ ста стрѣлъ,“
75. Она подала ровно въ триста стрѣлъ.

Поѣхалъ же добрый молодецъ
Далече въ чисто́ поле;
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ
Ко Буянову острову.
80. Увидалъ онъ звѣря лютаго,
Снимаетъ съ себя ту́гой лукъ,
Накладываетъ тоё стрѣлу позлачёную
На тети́вочку шелко́вую;
Убиваетъ онъ звѣря лютаго,
85. Вынимаетъ онъ сердце со печенью.
А самъ добрый молодецъ сѣлъ хлѣба покушать,
Бѣла лебедя порушать.

---

1) Не учествованъ, не получилъ своей части и чести.—2) Обороты, путаницы, сплетни, сѣти; измѣны.

Ѣдутъ къ нему триста бояриновъ
Да триста Татариновъ,
90. Триста Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добры́хъ молодцевъ:
„„Хлѣбъ тебѣ соль, Данило Ловчанинъ, кушати,
„„Бѣла лебедя рушати!
„„Не хлѣба-соли мы пришли кушати,
95. „„Не бѣла лебедя рушати,
„„Пришли мы за твоей буйной головушкой.““
Становился Данило Ловчанинъ
На свои рѣзвыя но́женьки,
Натягивалъ ту́гой лукъ,
100. Накладывалъ калены́я стрѣлы,
Не по стрѣлкѣ онъ накладывалъ,
А накладывалъ по пяти все онъ стрѣлъ,
Побивалъ всѣхъ онъ триста бояриновъ,
Побивалъ всѣхъ Татариновъ,
105. Побивалъ онъ всѣхъ Донскихъ козаковъ,
Съ перваго до послѣдняго.
И самъ онъ добрый молодецъ позадумался:
„Знать, я князю неугоденъ сталъ!“
Упиралъ копье тупымъ концемъ въ сыру землю,
110. А во́стрымъ копьемъ въ ретиво сердце.

Тутъ малые люди остались
И донесли князю.
Володиміръ князь
Собиралъ по́ѣздъ вѣнчаться
115. На грозной Настасьѣ Никулишнѣ.
И возго́воритъ тутъ грозная Настасья Никулишна:
„Охъ ты гой еси, батюшка, Володиміръ князь!
„Дозволь ты мнѣ съ другомъ милымъ повидаться,
„Съ бѣлымъ тѣломъ распроститься?“
120. И пошла она отъ него
И увидѣла: дѣлаютъ гробницу;
И возго́воритъ грозная Настасья Никулишна:
„Ой вы гой еси, плотники мастера!
„Дѣлайте гробни́цу просторную,

125. „Чтобъ было гдѣ ему положиться,
„Костямъ бы его поворотиться:
„Его кости богатырскія.“
Какъ пришла къ тѣлу Данилы Ло́вчанина,
И на то же копье споролася.

(Доставлено А. М. Языковымъ).

*

2.

(Село Павлово, Нижегородск. губ.).

У князя было у Владиміра,
У Кѣевскаго солнышка Сеславича
Было пированьицо почесное,
Чесно и хвально, больно радышно
5. На многи князья и бо́яря,
На сильныхъ-могучихъ бога́тырей.
Въ по́лсыта бояря наѣдалиса,
Въ по́лпьяна бояря напивалиса;
Промежь себя бояря похвалялиса:
10. Сильн-а-тъ хвалитса силою,
Богатой хвалитса богатествомъ;
Купцы тѣ хвалятса товарами,
Товарами хвалятса заморскими;
Бояря-та хвалятса помѣстьями,
15. Онѣ хвалятса вотчинами.
Одинъ только не хвалитса Данила Денисьевичь.
Тутъ возго́воритъ самъ Володиміръ князь:
„Охъ ты гой еси, Данилушка Денисьевичь!
„Ишшо што ты у меня ничѣмъ не хвалишса?
20. „Али не чѣмъ тѣ похвалитися?
„Али нѣту у тея золотой казны?
„Али нѣту у тея молодой жоны?
„Али нѣту у тея платья свѣтново 1)?“

1) Цвѣтнаго.

Отвѣтъ держитъ Данила Денисьевичъ:
25. — Ужь ты батюшка нашь, Володиміръ князь!
— Есь у меня золота казна,
— Ишшо есь у меня и молода жена,
— Ишшо есь у меня и платье свѣтное;
— Нéшта тáкъ я это призадумалса.—

30. Тутъ пошолъ Данила съ широка двора.
Тутъ возговоритъ самъ Володиміръ князь:
„Охъ вы гой естя, мои князья-бóяря!
„Ужь вы всѣ у меня переженены,
„Только я одинъ холóстъ хожу;
35. „Вы ишшúте мнѣ невѣстушку хорошую,
„Вы хорошую и пригожую,
„Штобъ лицомъ красна и умомъ свёрстна,
„Штобъ умѣла Рускую грамату
„И четью-пѣтью церковному,
40. „Штобы было ково назвать вамъ матушкой,
„Ввеличать бы государыней.“
Изъ за лѣвой было изъ за сторонушки
Тутъ возгóворитъ Мишатычка Путятинъ сынъ:
— Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
45. — Много я ѣжжалъ по инымъ землямъ,
— Много видалъ я королевишонъ,
— Много видалъ и изъ ума пыталъ:
— Котора лицомъ красна—умомъ не сверстна,
— Котора умомъ сверстна—лицомъ не красна.
50. — Не нахаживалъ я такой красавицы,
— Не видывалъ я эдакой пригожицы,—
— У тово ли у Данилы у Денисьича,
— Ишшо та ли Василиса Никулишна:
— И лицомъ она красна, и умомъ сверстна,
55. — И Рускую умѣетъ больно грамоту,
— И четью-пѣтью горазда церковному;
— Ишшо было бы кого назвать намъ матушкой,
— Ввеличать намъ государыней!—
Это слово больно князю не показалося,
60. Володиміру словечко не полюбилося.

Тутъ возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
„Ишшо гдѣ это видано, гдѣ слыхано
„Отъ живово мужа жону отнять!“
Приказалъ Мишатычку казнить-вѣшати.
65. А Мишатычка Путятинъ приметливъ былъ 1),
На иную на сторонку перекинулся:
— Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
— Погоди меня скорò казнить вѣшати,
— Прикажи, государь, слово мóлыти.—
70. Приказалъ ему Володиміръ слово мóлыти:
— Мы Данилушку пошлёмъ во чистò поле,
— Во тѣ ли луга Леванидовы,
— Мы ко ключику пошлёмъ ко гремячему,
— Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу,
75. — Принести её къ обѣду княженецкому;
— Што ишшо убить ему льва лютово,
— Принести его къ обѣду княженецкому.—
Это слово князю больно показалося,
Володиміру словечко полюбилося.
80. Тутъ возговоритъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:
„Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
„Изведёшь ты ясново сокола:
„Не пымать теѣ бѣлой лебеди!“
85. Это слово князю не показалося,
Посадилъ Илью Муромца во погребъ.

Садился самъ во золотъ стулъ,
Онъ писалъ ярлыки скорописные,
Посылалъ ихъ съ Мишатычкой въ Черниговъ градъ.
90. Тутъ поѣхалъ Мишатычка въ Черниговъ градъ
Прямо ко двору ко Данилину и ко терему Василисину.
На двор-а-тъ въѣзжаетъ безопасышно,
Во полатушку входитъ безобсылышно.

---

1) Переметливъ: умѣлъ обернуться на другую сторону

Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
95. „Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецкой сынъ!
„Для чего ты, невѣжа, эдакъ дѣлаешь:
„Ты на двор-а-тъ въѣзжаешь безопасышно,
„Въ полатушку входишь безобсылышно?“
Отвѣтъ держитъ Мишатычка Путятинъ сынъ:
100. — Охъ ты гой еси, Василиса Никулишна!
— Не своей я волей къ вамъ въ гости зашолъ,
— Прислалъ меня самъ батюшка Володиміръ князь
— Со тѣми ярлыками скорописными.—
Положилъ ярлычки, самъ вонъ пошолъ.
105. Стала Василиса ярлыки пересматривать:
Заливалася она горючьми́ слезми́.
Скидовала съ сея платье свѣтное,
Надѣваетъ на сея платье молодецкое,
Сѣла на добра коня, поѣхала во чисто поле
110. Искать мила дружка свово Данилушка.
Нашла она Данилу свѣтъ Денисьича;
Возговоритъ ему таково слово:
„Ты надежинька, надежа, мой сердешной другъ,
„Да ужь мо́лодой Данила Денисьевичь!
115. „Што останное 1) намъ съ тобой свиданьицо!
„Поѣдемъ-ка съ тобою къ широку́ двору.“
Тутъ возго́воритъ Данила Денисьевичь:
— Охъ ты гой еси, Василисушка Никулишна!
— Погуляемъ-ка въ остатки по чисту полю,
120. — Побьемъ съ тобой гуськовъ да лебёдушокъ!—
Погулямши поѣхали къ широку двору.
Возго́воритъ Данила свѣтъ Денисьевичь:
— Внеси-ка мнѣ мало́й колчанъ калёныхъ стрѣлъ.—
Несетъ она большой колчанъ каленыхъ стрѣлъ.
125. Возго́воритъ Данилушка Денисьевичь:
— Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецка дочь!
— Чево ради ты, невѣжа, ослушаешса?
— Аль не чаешь надъ собою бо́льшово?—
Василисушка на это не прогнѣвалась,

1) Послѣднее.

130. И возгóворитъ ему таково слово:
„Ты надежинька, мой сердешной другъ,
„Да ужь мóлодой Данилушка Денисьевичь!
„Лишнии стрѣлычка теѣ пригóдится:
„Пойдетъ она ни по князѣ, ни по баринѣ,
135. „А по свымъ братѣ богáтырѣ.“

Поѣхалъ Данила во чисто поле,
Што во тѣ луга Леванидовы,
Што ко ключику ко гремячему,
И къ колодезю пріѣхалъ ко студёному.
140. Беретъ Данила трубыньку подзорную,
Глядитъ ко городу ко Кѣеву.
Не бѣлы́ снѣги забѣлѣлиса,
Не чёрныя грязи зачернѣлиса:
Забѣлѣласа, зачернѣлаеа сила Руская
145. На тово ли на Данилу на Денисьича.
Тутъ заплакалъ Данила горючьми́ слезми́,
Возгóворитъ онъ таково слово:
— Знать, гораздо я князю сталъ ненадобенъ,
— Знать, Володиміру не слуга я былъ! —
150. Беретъ Данила саблю боёвую,
Прирубилъ Денисьичь силу Рускую.
Погодя тово времечко манёшинько,
Берётъ Данила трубычку подзорную,
Глядитъ ко городу ко Кѣеву.
155. Не два слона въ чисты́мъ полѣ слонятса,
Не два сыры́ дуба шатаютса:
Слонятса-шатаютса два богáтыря
На тово ли на Данилу на Денисьича,
Ево рóдной братъ Никита Денисьевичь
160. И названной братъ Добрыня Никитовичь.
Тутъ заплакалъ Данила горючьми́ слезми́:
— Ужь и въ правду, знать, на меня Господы прогнѣвалса,
— Володиміръ князь на удáлово осéрдилса! —
Тутъ возговоритъ Данила Денисьевичь:
165. — Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,

— Братъ на брата со боёмъ идётъ?—
Берётъ Данила ово востро̀ копьё,
Тупымъ концомъ втыкатъ во сыру́ землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
170. Сворольъ сеѣ Данила груди бѣлыя,
Покрылъ сеѣ Денисьичь очи ясныя.
Подъѣзжали къ нему два бога́тыря,
Заплакали объ нёмъ горючьми́ слезми́.
Поплакамши, назадъ воротилиса,
175. Сказали князю Володиміру: „„Не стало Данилы
„„Што тово ли уда́лово Денисьича!“

Тутъ сбираетъ Володиміръ поѣзд-а-тъ.
Садилса въ колёсычку во зо́лоту,
Поѣхали ко городу Чернигову.
180. Пріѣхали ко двору ко Данилину;
Восходятъ во те́ремъ Василисин-а-тъ.
Цѣловалъ ее Володиміръ во саха́рныя уста
Возго́воритъ Василиса Никулишна:
„Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
185. „Не цѣлуй меня въ уста во кро́вавы,
„Безъ мово друга Данилы Денисьича.“
Тутъ возговоритъ Володиміръ князь:
— Охъ ты гой еси, Василиса Никулишна!
— Наряжайся ты въ платье свѣтное,
190. — Въ платье свѣтное подвѣнешное.—
Наряжалась она въ платье свѣтное,
Взяла съ собой булатной ножь.
Поѣхали ко городу ко Кѣеву.
Поверсталиса супротивъ луговъ Леванидовыхъ.
195. Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
„Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
„Пусти меня проститься съ милымъ дружкомъ
„Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.“
Посылалъ онъ съ ней двухъ бога́тырей.
200. Подходила Василиса ко милу́ дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу;

Поклонилась она, да восклонилася,
Возговоритъ она двумъ богáтырямъ:
„Охъ вы гой естя, мое вы два богáтыря!
205. „Вы подите, скажите князю Володиміру:
„Штобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
„По чисту полю со милымъ дружкомъ,
„Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.“
Беретъ Василиса свой булатной ножь,
210. Спорола сеѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла сеѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два богáтыря,
Пошли онѣ ко князю Володиміру:
„„Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
215. „„Не стало нашой матушки Василисы Никулишны.
„„Передъ смертью она намъ промолыла:
„„— Охъ вы гой естя, мое вы два богатыря!
„„— Вы подите, скажите князю Володиміру,
„„— Штобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
220. „„— По чисту́ полю со милымъ дружкомъ,
„„— Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.—““
Пріѣхалъ Володиміръ во Кѣевъ градъ,
Выпушшалъ Илью Муромца изъ погреба,
Цѣловалъ ёво въ головку, во темичко:
225. — Правду сказалъ ты, старóй казакъ,
— Старой казакъ Илья Муромецъ!—
Жаловалъ ёво шубой соболиною,
А Мишаткѣ пожаловалъ смолы котёлъ.

(Ср. Приб. къ Изв А. Н., т. I; записано свящ. Е. Ѳаворскимъ).

Дополненія или разнорѣчія ср. ниже.

* *
*

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ

съ сыномъ.

I.

1.

(Симбирск. губ., с. Станичное).

Во городѣ во Кіевѣ
Жилъ тутъ Данило Игнатьевичь,
Сильный могучій богатырь;
Поизволилъ онъ постричься,
5. Попосхимиться во чуднымъ монастырѣ.
И послышали óрды невѣрныя,
Что не стало у князя Володиміра
Сильнаго богатыря Данилы Игнатьевича.
Они пишутъ ярлыки скорописные князю Володиміру:
10. „„Охъ ты гой еси, Володиміръ князь!
„„Вышли къ намъ поединщика;
„„А не вышлешь къ намъ поединщика,
„„То все твое вызжемъ и вырубимъ,
„„Самого тебя князя въ полонъ возмемъ.“
15. Растужится, расплачется Володиміръ князь:
„Не стало у меня застóюшки 1) великой!“
Некому съѣздить далече во чистó поле,
Попровѣдать орды великія,
И некому привести къ нему языка поганаго 2).
20. Растужится, расплачется Володиміръ князь.
И приходитъ къ нему молодой вьюношь,
Иванъ Даниловичь двѣнадцатилѣтецъ:
— Охъ ты гой еси, нашь батюшка, Володиміръ князь!

1) Застоя — защита, оборона. — 2) Вѣстовщика, изъ поганыхъ (невѣрныхъ и не-Русскихъ).

— Не плачь, не тужи и не печалься:
25. — Я твоя великая застоюшка,
— Оборонушка не малая,
— Я съѣзжу далече во чисто́ поле,
— Попровѣдаю о́рды великія
— И приведу языка поганаго.—
30. — „Охъ ты гой еси, мла́дый вьюношь, Иванъ Даниловичь!
„Молодехонекъ, зеленехонекъ:
„Ты на большихъ бояхъ не бывывалъ,
„Страстей-ужастей ты не видывалъ.“
Возговоритъ младый вьюношь Иванъ Даниловичь:
35. — Охъ ты гой еси, князь Володиміръ!
— Возьму я благословеньице великое
— У своего батюшки у родимаго Данилы Игнатьевича,
— И попрошу его коня добраго,
— И сбрую богатырскую.—

40. — Государь ты мой батюшка, Данила Игнатьевичь!
— Дай ты мнѣ благословеньице великое,
— Коня добраго и сбрую богатырскую.—
Возговоритъ отецъ его:
„Ой ты гой еси, мое дитятко Иванъ Даниловичь!
45. „Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:
„На большихъ бояхъ не бывывалъ,
„Страстей-ужастей ты не видывалъ
„И богатырскимъ конемъ ты владывалъ.“
И далъ онъ ему благословеньице,
50. Коня добраго, сбрую богатырскую.

Поѣхалъ же молодой вьюношь далече въ чисто́ поле.
И никуда конца не видно и силы смѣты нѣтъ;
Его добрый конь разъярился,
И не усидѣлъ онъ на добромъ конѣ,
55. Среди силы невѣрной, и сронилъ его;
И поскакалъ къ монастырю, гдѣ сидитъ его родной отецъ,
Данила Игнатьевичь.

Всталъ добрый молодецъ на рѣзвы ноги,
И взялъ Татарина за ноги,
60. И побилъ всю силу невѣрную
Съ перваго до послѣдняго.
И самъ дивуется Татарину:
— Исполатъ тебѣ, Татаринушка!
— Крѣпокъ ты и гибокъ, не порвешься,
65. — Не порвешься и не изломишься;
— Какова палица боевая:
— И то изгибается и ломается! —
Расправилъ шатеръ и легъ почивать.

А отецъ его Данила Игнатьевичь
70. Прискакалъ на добромъ конѣ къ шатру,
И—нынъ изъ лука стрѣлой—шатеръ бѣлый сшибъ,
И увидѣлъ свое дѣтище 1).

И поѣхалъ къ князю Володиміру:
Князь Володиміръ встрѣтилъ ихъ съ образами мѣстными
75. И служилъ молебны чéстные.

(Доставлено А. М. Языковымъ).

*

2 *).

(Онега).

Какъ во славномъ то во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра 2)
Заводилось пированьице—почѐстенъ пиръ.

---

1) Перебито: конь сронилъ Ивана Даниловича, но, поправившись, Иванъ побилъ враговъ, Татариномъ; тогда онъ поѣхалъ къ отцу въ монастырь и тамъ его убилъ было Данило, не узнавши. Ср. слѣдующую пѣсню.

*) Разнорѣчія взяты изъ другаго образца былины, въ которомъ по мѣстному говору употребляется вообще: ч вм. щ и на оборотъ; е вм. я—„кнезь“, „лапшалисе“; ѳ вм. ѳ—„веи“; „тоби“ вм. „тебя“, и т. п. Разнорѣчія же болѣе важныя приведемъ особо.

2) Владимера.

А и всѣ на пиру 1) да наливалися,
5. А и всѣ на чесномъ да пріѣдалися 2),
Да и всѣ на чесномъ видь приросхвасталися,
А иной же-то 3) хвасталъ широкимъ дворомъ,
А друго-ё-тъ-то видь хвасталъ золотой казной,
А ново̀-ё-тъ-то 4) хвасталъ 5) добрымъ конемъ,
10. Да другой-то хвасталъ силою могучею,
Только 6) глупо-ё-тъ видь хвасталъ 7) молодой женой,
И сидитъ мо̀лодець 8), да онъ не пьетъ не ѣстъ,
А не пьетъ да онъ не ѣстъ 9), да онъ не кушаётъ,
И ничѣмъ же мо̀лодець да видь не хвастаётъ,
15. И повѣсилъ молоде́ць да буйну голову:
Ише на́ имя Данила свѣтъ Игнатьевичь.
Ише эфто̀ князю Владиміру не показалося.
По сѐреду 10) кирписьному онъ заноха́живалъ,
Да онъ бѣлыма руками заразваживалъ,
20. Да онъ желтыма кудрями запотряхивалъ:
„А што же ты, Данилушка Игнатьевичь,
„А не пьешь да ты не ѣшь, да ты не кушаёшь,
„И ничимъ же ты, Данило, видь не хвастаёшь?"
Втогды́ сталъ тутъ 11) Данило на рѣзвы́ ноги,
25. Втогды кланялся Владиміру до сырой земли:
— Ише чимъ мнѣ-ка, Владиміръ князь, видь хвастати?
— Ни двора-то у меня широко̀го не было,
— Золотой у меня казны видь не лучилося,
— А и сила-та была видь во мнѣ ровная 12).

---

1) На пиру-ту.
2) Наѣдалисе.
3) Ино-ё-тъ-то.
4) Новòй — иной (ср. въ друг. мѣстахъ).
5) Хвастаётъ.
6) Тольки.
7) Хвастатъ.
8) Молоде́ць.
9) Не ѣсъ.
10) Середъ, середа и среда (обыкновенно кирпичатая, иногда же металлическая и особенно серебряная)—полъ; помостъ внутри жилья; въ старину, въ родѣ дворика среди строеній, какъ на югѣ и у тамошнихъ Славянъ доселѣ.
11) Становился втогда.—12) Посредственная, такъ и сякъ.—Прим. 1-го изд.

30. — Видь служилъ я у тобя да пятьдесятъ годовъ,
— Да убилъ я тобѣ 1) видь пятьдесятъ царёвъ,
— А мелкой силы убилъ—да той и смѣту нѣтъ.
— Топеръ отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
— Ты спусти-тко 2), спусти, Владиміръ, въ монастырь пречѐстные,
35. — Да во тѣ ли 3) спусти во кельи низкія,
— Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная 4).—
А отвѣтъ держалъ Владиміръ князь:
„Ой, нельзя 5), нельзя спустить тебя, Данилушко,—
„Ише нѐкому дѣлать видь защиты всему Кіеву.“
40. И во втòрой разъ просилъ 6) Данилущко Игнатьевичь:
— Да спусти же ты, Владиміръ, въ монастырь пречестные,
— Да во тѣ-то ты спусти во кельи низкія,
— Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная 4).—
Говорилъ же тутъ Данило да Игнатьевичь:
45. — А и будетъ тѣ ограда бѣлокаменной,
— Да и будетъ тѣ защита всему Кіеву:
— Есть видь у меня да сынъ Михайлушко 7).—
И втогда 8) спустилъ его Владиміръ въ монастырь пречѐстные,
Да во тыи-то спустилъ во кельи низкія.

50. А узнали тутова 9) цари невѣрные,
Што во Кіеви богатыри ушли въ монастыри.
Приходитъ втогда туда невѣрный царь,

---

1) У тобя.—2) Спусти-тко-се.—3) Во тыи.—4) Объ этомъ (тематическомъ) падежѣ при неокончательномъ (изъ чего образуется сложное слово въ тематической формѣ) см. наши замѣтки по другимъ мѣстамъ изданія.

5) А нельзи.

6) Прошалъ.

7) — За то есь видь у миня Михайло Даниловиць:
— Вотъ и будетъ тѣ защита всёму Кіеву,
— Будетъ тѣ ограда бѣлокамённой.

„Бѣлокаменной“ — вѣроятно Москвы, прозвище которой перенесено въ Кіеву.—Или ослышка вмѣсто „бѣлокаменна?“

8) Втогды.

9) Ту.

Приносилъ видь онъ книгу настольную,
Ише требуетъ, собака, поединщины.
55. Выходилъ Владиміръ князь да на (балконъ) высокіе,
Да смотрѣлъ Владиміръ князь да во всѣ стороны:
У собаки видь силы-то въ чистомъ поли
Будто облако ходячоё нагонено.
И втогда Владиміръ князь зачалъ почестенъ пиръ,
60. Што на всѣ князи 1), на всѣ бояра,
Да на всѣ и паленицы-то удалые,
Ише и на весь-то народъ да православные 2).
Дакъ и всѣ видь на пиру-то напивалися,
Да и всѣ видь на чесномъ да наѣдалися.
65. Говорилъ втогда 3) Владиміръ князь въ первой наконъ 4):
„Ужь вы ой еси, князи мои бояра,
„Да вы ой еси, паленицы 5) да удалые,
„Ише весь-то вы народъ да православные 2)!
„А и хто бы бы то видь съѣздилъ да въ чисто поле,
70. „Да пересчитывать силы невѣрныя?“
А и въ тую пору было, во то время
Большой видь хоронится за среднёго,
Ише средне-ё-тъ хоронится за младшого,
А отъ младшого Владиміру отвѣту нѣтъ.
75. Говорилъ же видь Владиміръ во второй наконъ,
Да говорилъ же видь онъ и во третей наконъ.
А и въ тую-то пору было, во то время
Выходилъ тутъ дородне 6) доброй молодецъ
Изъ за тово онъ стола видь бѣлодубова,
80. Ише на имя Михайло да Даниловичь.
Понизёшеньку онъ Владиміру поклоняется,
Помалёшеньку ко Владиміру подвигается:
— Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ князь, въ чисто поле,

---

1) Пируху.—2) Множественное при собирательномъ (хотя здѣсь и вообще е и ё въ концѣ при единственномъ равно члену).—3 Ту.
4) Наконъ или начинъ — разъ.
5) Мои.
6) Дородне, дороднё — дородній, дородный

—Пересчитывать-то видь силы невѣрныя.—
85. А отвѣтъ таковъ держалъ ему Владиміръ князь:
„Ой же ты, Михайло да Даниловичь!
„А и ростомъ-то видь ты же есь глупешенёкъ,
„Да и разумомъ-то ты же есь малешенёкъ 1);
„Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ,
90. „Потеряшь, братъ, ты, Михайло, свою голову.“

А и то видь Михайлу да не показалося.
Ише скоро онъ пошелъ по сѐреды кирпиcьныя,
Широко отворялъ онъ двери нà пяту,
Запиралъ онъ ты́и двери крѣпко нà крѣпко,
95. А двери-ты на штёпочки всѣ разсыпàлися 2),
Да и двери-ты видь тѣ да покололися,
И вся эта палата зашаталася,
Да одва эта палата не розрушилась.
Ише скоро онъ пошелъ да 3) на широкой дворъ,
100. Да скоря́ того пошелъ онъ къ свòёй матери 4).
Да сѣдлалъ, да онъ уздалъ да лошадь добрую,
И поѣхалъ нашь Михайло во чистò полё,
Во чистò полё поѣхалъ—онъ роздумался:
„Што я не съѣздилъ къ свòёму родителю,
105. „Да не взялъ отъ его благословленья-та да поднаго 5).“
Поворачивалъ добрà коня ко монàстырю пречѐстному,
Да ко тѣмъ ли да ко кельямъ низкіемъ.
А въ ту́ю пору мать сырà земля да зазыбалася 6),
Старо старчишшо Данильшо засовалося:
110. — А не мой ли видь 7) пріѣхалъ да Михайлушко?

---

1) На оборотъ: „ростомъ малешенекъ, а разумомъ глупешенекъ.“ Такъ и есть въ разнорѣчіи — Ростомъ — возрастомъ
2) Разсыпались.
3) Скоро выходилъ онъ.
4) Пропущено:
Да и взялъ у ей благословленьё полноё
Пересцитывать силы невѣрныя.
5) Пересцитывать да силы невѣрныя.
6) Зазыбалася — заколебалася
7) Тутъ.

— А куда, Михайло, ѣдёшь, куда путь дёржишь?—
„Ѣду видь я, бачько, да во чисто полё,
„Пересчитывать-то видь силы невѣрныя.“
Отвѣтъ дёржалъ старо старчишшо Данилишшо:
115. — Этая-та должность не твоя бы есть,
— Не спустилъ бы я тобя да во чисто полё.
— И тая 1) заповѣдь положена тяжелая,
— Да и застава положена великая 2).
— Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ 3):
120. — Да потеряёшь ты, Михайло, свою голову!—
А и то видь какъ Михайлу да не показалося!
Скоро поворачивалъ добра коня въ чисто поле;
И рыкалъ да старо старчишшо Данильшо гласомъ громкіемъ 4):
— Стой-ко ты, Михайло, да удёржи коня,
125. — Да возьми-тко отъ меня благословленьё полное.
— А 5) поѣдёшь ты, Михайло, во чисто полё,
— Выѣдёшь ты на шеломя на окатисто 6),
— А по Русскому—на гору да на высокую,
— Да крычи-тко ты, Михайло, во всю голову,
130. — Ише требуй-ко ты бурушка косматого:
— „Ай, которой же служилъ ты мойму батюшки,
— „Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушку!“
— Прибѣжитъ тутъ конь да видь 7) косматые,

---

1) Къ тому.

2) Порученіе дано тебѣ тяжелое, обѣтъ, тобою положенный, труденъ, и простоять на такой „заставѣ,“ противъ такого непріятеля, дѣло великое. Порученія, дававшіяся богатырямъ, обозначаются общимъ именемъ „богатырской заставы;“ ср. „застоя,“ защита, оборона.

3) А и разумомъ-то ты вить есь глупешонёкъ,
Да и ростомъ-то вить ты есь малешонёкъ.

4) Старо старцишшо Данильшо тутъ опомнилсе,
Да скрыцялъ старой вить гласомъ громкіемъ:

5) Какъ.

6) Холмъ со скатомъ вокругъ: съ котораго можно вокругъ осмотрѣть. Шеломя, какъ слово древнее (извѣстное и по Слову о П. И.), выраженіе „шеломя окатистое,“ какъ древле-пѣсенное, переводится уже „по русски,“ т. е. на современный обиходный языкъ.

7) Да конь.

— Стоитъ онъ на горы да на высокія;
135. — Да отмѣръ-но ты, Михайлушко, какъ пять ло-
котъ,
— И копай ко ты, Михайло, мать сыру землю,
— Да во сторону копай да ты во встосьную;
— А и тутова 1) збруя да видь богатырская. —

Втогда выѣхалъ Михайло на шеломя окатисто,
140. Да крычалъ Михайло во всю голову,
Ише требовалъ онъ бурушка косматого:
„Ай, которой же служилъ ты мойму батюшки,
„Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушку 2)!“
Да отмѣрялъ тутъ Михайло какъ видь пять локотъ,
145. Да во сторону копалъ да онъ во встосьную,
И копалъ Михайло да мать сыру землю,
Находилъ онъ тутъ все збрую богатырскую,
И втогды ужь онъ поѣхалъ во чисто поле 3):
Забречала его палиця боёвая,
150. Засвистѣла его сабля, сабля вострая.
Выходило старо старчишшо Данильшо на зеленой лугъ,
Да просилъ онъ Спаса съ Богородицей:
— Ты, Спаса всемилослива Богородица?
— Да прими-тко ты 4) моленьё пустынное,
155. — Да прими-тко ты моленьё скоро на скоро:
— Помоги-тко ты сыну Михайлушку:
— Исполнятъ онъ все да дѣла добрыя 5),
— Ише дѣлатъ онъ защиту всему Кіеву 6). —

---

1) Лёжитъ.
2) Прибѣжалъ ту конь, да конь косматые
3) Да копалъ тутъ Михайло мать сыру землю,
Да во сторону копалъ землю во встосьную (восточную),
Копалъ Михайло, коналъ да и выкопалъ:
Тутъ лёжала збруя богатырьская.
Принималъ Михайло саблю вострую,
Бралъ въ бѣлы руки паличу боёвую,
Да поѣхалъ Михайло во чисто поле
4) Мое.
5) Исполняётъ вить онъ дѣло доброё.
6) Ише дѣлаётъ ограду бѣлокамённой.

Только 1) въ тую было пору 2), въ то время.
160. Доброй конь у Михайла провѣщился:
„„Бей-ко 3) ты, Михайло, силу съ крайчику,
„„Не заѣжжай-ко се, Михайло, въ силу въ матику 4):
„„А и копаютъ тутъ 5) уланове три погреба,
„„А три погреба копаютъ тутъ глубокіе,
165. „„И становятъ тутъ у погребъ копья вострые,
„„Ише перво-ё-тъ я погребъ дакъ перѐскочу,
„„Видь и дру́го-ё-тъ я погребъ да перѐскочу,
„„А третьёго мнѣ-ка погреба не перѐскочить.“
И бьетъ Михайло тутъ коня по тусьны́мъ 6) бедрамъ:
170. „Ахъ ты конь, мой конь, травяной мѣшокъ!
„Не хочешь ты послужить мнѣ-ка времени малого?“
Да началъ коня приправливать во силу да въ матику:
Пѐрвой-то погрѐбъ его конь перѐскочилъ,
Да и дру́го-ё-тъ онъ погребъ видь перѐскочилъ,
175. А третьёго-то онъ погреба не перѐскочилъ;
И упалъ ногами онъ да заднима,
Уронилъ Михайла онъ въ глубокъ погрѐбъ,
Только нѐ палъ тотъ 7) на копья вострые.
Набиралися уланове поганые,
180. Да вязали видь его за руки бѣлыя,
Да тѣмà петля́ми 8) видь шелкòвыма,
И ковали, ковали да во желѣза тяжелые,
Видь рѣзвы́ ноги́ ковали Михайловы,
И повели-то его ко царищу ко Уланищу.
185. Только молится Михайло Спасу съ Богородицѐй:

---

1) Тольки.
2) Втапоры.
3) Бей-ко-се.
4) Матика — матица, приподнятая, выдающаяся надъ краями середина (на потолкѣ, на поверхности рѣки, и т п.).
5) Тамъ.
6) Тучнымъ. — 7) Михайло. — 8) Петлѐми.

„Ты не дай-ко-се меня поганымъ на поруганье:
„Буду я служить да съ вѣку до вѣку
„Да за тую я за вѣру за крещоную,
„Да за церкви я служить буду за Божьи 1)!"
190. А втогда видь у Михайлы съ двое съ трое силы прибыло 2),
Разорвалъ онъ петли-ты шелковые,
Да сломалъ 3) желѣза онъ тяжелые,
Уваличъ онъ видь беляды 4) телѣжную,
Да и завелъ 5) видь онъ беляды помахивать.
195. Конь впередъ-то онъ махнетъ,—дакъ тутъ улица,
А на задъ-ту отмахнетъ,—дакъ переулочекъ.
И узнала тутъ его конь-лошадь добрая,
Прибѣгала 6) со всей со сбруей богатывскою,
И садился тутъ Михайло на добра коня,
200. Заводилъ 7) онъ силы пересчитывать,
Пересчитывать тутъ силы 8) съ крайчику,
Да поломить тѣ силы тутъ да съ края на край.
И поѣхалъ онъ къ царишшу по Уланишшу,
И отсѣкъ царишшу онъ да буйну голову,
205. Положилъ 9) онъ тую голову на копье вострое.
Сонъ онъ головы-то удивляется:
Вить ушишша-та у царишша—быдто блюдишша,
А глазишша-та у царишша—быдто чаши пивныя,
А носишшо-то у царишша—быдто палица боевая.

210. Дакъ и ѣдетъ втогды Микайло по чисту полю.
И ходитъ тутъ старо-старчишшо Даниляшшо

---

1) За тѣ церквы служить буду за Божьи.
2) А втогда видь у Михайлы Даниловиця
Съ двое съ трое силы-то прибыло.
3) Разломалъ.
4) Ослядь, оследь — одинъ изъ двухъ длинныхъ толстыхъ стяговъ, составляющихъ пяла телѣги.—Прим. 1-го изд.
5) Да и поцялъ (почалъ).
6) Тутъ узналъ.... прибѣгалъ.
7) Да и нацялъ (началъ).
8) Онъ силу.
9) Насадилъ.

Да со той ли со клюкою со желѣзною,
Ише тая-та клюка да сорока пудовъ 1),
А старик-о-тъ самъ видь приговаривалъ:
215. — Ой же вы еси, улановe поганые,
— А убили у меня вы сына Михайлушка! —
Тутъ пріѣхалъ самъ Михайло близь его,
Да крычалъ 2) ему онъ гласомъ громкіемъ:
„Што тыише, старой, тутo дѣлаешь?"
220. А отвѣтъ дёржалъ старо старчишо.
— Ой же ты, улановинъ поганые!
— Да подвинься-ко сюда 3), да ко мнѣ старому!
— Дакъ розсѣку я тя клюкой и съ конемъ на две. —
А скрычалъ Михайло гласомъ скромкіемъ 4),
225.Ише скромкіемъ онъ гласомъ, да робечіемъ:
„Стой-ко-се ты, монахъ, да удёржи коня 5),
„Приздыни-тко 6) ты свой колпакъ шелковые,
„Втогда да увидишь, кого надобѣть!"
Приздынулъ 7) монахъ колпакъ шелковые,
230. Подъѣжалъ втогда Михайло близь его,
Тутъ 8) во первыхъ опозналъ своего бурушка,
Во вторыхъ-то опозналъ сына Михайлушка.
— Ты куда, Михайло, ѣдёшь, куда путь дёржишь? —
„Ѣду я, бачко, видь во Кіевъ градъ.
235. „Былъ же я видь, бачко, во несчастіи.
„Пересчитывалъ я силы видь поганыя,
„Въ глубокиѝ погрѐбы ѣздилъ 9) — убитъ не былъ:
„Видно ваши-ты молитвы да пустынныя
„Видь послѣдовали къ Спасу многомилостивому.

---

1) Примётыватъ тулова-та (ходитъ да переворачиваетъ клюкою туловища) целовѣцески.
2) Скрыцялъ.
3) Суды.
4) Скрóмкой — тихій, слабый. — Прим 1-го изд.
5) Клюку.
6) Приподними.
7) Приздымалъ
8) Дакъ
9) Падалъ?

240. „Да поди-тко ты, бачко, во монастырь пречѐстные,
„Да моли-тко ты, моли Бога по прежному,
„А сам-о-ты я поѣду видь во Кіевъ градъ 1).“

Да во Кіевъ градъ заѣхалъ не воротами—
Черѐзъ стѣну́ заѣхалъ онъ городо́вую,
245. Черезъ башню онъ заѣхалъ наугольную,
И вязалъ коня къ кольцю онъ золоченому.
Выходилъ втогда Владиміръ со Опраксіёй,
И дивились головы-то тутъ улановой.
Дакъ втогда ужь вотъ завелся тамъ 2) почѐстенъ пиръ,
250. Што на всѣ князи пиру́ха 3) на бо́яра,
Да на всѣ и паленицы-ты уда́лыя.

(Записано г. Верещагинымъ со словъ Нименгскаго крестьянина Ивана Пахомова; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. III).

Дополненія или разнорѣчія и объясненія см. ниже.

* * *

1) „Да, видно, молитвы-тѣ твои пустынныя
„Послѣдовали Спасу да съ Богородичёй
„Топерь поди-тко ты, бацько, въ монастырь пречѐстные,
„Да во тѣ поди кельи низкія,
„Да моли-тко ты, моли Бога по прежному,
„А я топерь поѣду во Кіевъ градъ.“
2) Втогды зацяли.
3) Пируху.

I.

(Шенкурекъ).

Во славномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра
Столованье было пированьице,
Почестенъ пиръ на всѣхъ на князей на бояръ,
5. На сильныхъ-могучихъ на богатырей,
На всѣ полиницы удалыя.
Всѣ ко князю на пиръ собиралися,
Всѣ князи и бояра,
И всѣ сильные-могучіе богатыри,
10. И всѣ полиницы удалыя.
Всхожее солнушко идетъ къ закату,
Бѣлый день-то идетъ къ вечеру,
Почестенъ пиръ идетъ на весело;
И всѣ на пиру напивалися,
15. Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ князья и бояра,
И сильные-могучіе богатыри,
И всѣ полиницы удалыя;
Всѣ они пьяны-веселы,
20. Всѣ они промежь собой порасхвастались:
Первой князь хвалился чистымъ серебромъ,
Второй князь хвалился краснымъ золотомъ,
Третёй князь хвалился скатнымъ жемчугомъ.
Не золота трубочка вострубила,
25. Не серебряна сопловочка 1) возыграла,

1) Дудочка (форма слова старшая—Греческ. „σαλπιγξ“; позднѣе „сопелка, сиповочка“.

Проговорилъ слово князь Владиміръ,
Князь Владиміръ столный Кіевскій:
„Не дѣлонъ вы, братцы, квастаете,
„Не удачей своей похваляетесь;
30. „У меня ли то нѣтъ чиста серебра?
„У меня ли то нѣтъ красна золота?
„У меня ли то нѣтъ скатна жемчуга?
„А всѣ вы, князья, у меня изжѣлены 1),
„Но мѣстамъ вы, князья, да исповешены,
35. „И всѣ вы, князья, у меня жалованы:
„А я ли Владиміръ не женатъ живу,
„Не женатъ живу, да холостымъ слыву,
„А кто мнѣ знаетъ супротивницу,
„Супротивницу 2)—красну дѣвицу?"
40. Всѣ князья и бояра,
Всѣ сильные-могучіе богатыри,
И всѣ полиницы удалыя—
Всѣ другъ за друга хоронятся:
Большой князь хоронится за средняго,
45. А середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
Не изъ бо́льшаго-то мѣста, не изъ меньшаго,
Изъ того ли мѣста изъ середняго,
Изъ за столья изъ за бѣлодубоваго
50. Вставалъ-то да добрый молодецъ,
Тихій 3) Дунай сынъ Ивановичь,
Низко Владиміру князю покланяется:
— Ужь ты батюшка-князь, Владиміръ князь,
— Ты Владиміръ князь столный Кіевскій!
55. — Благослови мнѣ слово молвити,
— Безъ скораго безъ казненья
— И безъ дальнія мнѣ-ка высылки?—
„Теперь ты, Тихій Дунай сынъ Ивановичь,
„Теперь ты что хочешь говори."

---

1) Переженены.

2) Ровню, достойную меня; ср. выше.

3) Дунай прозывается Тихимъ, ибо таково исконное прозвище тихій и бѣлый у Славянъ для ихъ старшей рѣки—Дуная.

60. — Жилъ я, Владиміръ князь, въ Ляховинской землѣ
— У Ляховинскаго короля двѣнадцать лѣтъ;
— Ровно три года я былъ въ нóнюкахъ;
— Три года я у воротъ стоялъ;
— У воротъ стоялъ приворотничкомъ;
65. — Три года я у дверей стоялъ,
— У дверей стоялъ придверничкомъ;
— Три года я у стола стоялъ,
— У стола стоялъ—стольничалъ.
— У того-то у короля у Ляховинскаго
70. — Есть двѣ дочери—двѣ хорошія:
— Большая-то дочь возрастомъ не мала
— И умомъ-то она на статѣ 1),
— Въ грамоту дѣвица поучёная,
— Лицомъ она бѣла, какъ зимній снѣгъ,
75. — Очи у ея, какъ у сокола,
— Брови у ея, какъ у соболя,
— Ходитъ она—словно лебедушка,
— Глазомъ сдянетъ—словно свѣтлый день;
— Будетъ тебѣ она супротивница. —
80. Князю Владиміру слова приглянулися,
Приглянулися, прилюбилися;
Садилъ онъ его за дубовый столъ,
Учáлъ онъ его чествовать:
„Поѣзжай ты, Дунай, сватовцомъ,
85. „Бери ты казны, сколько надобно,
„Бери ты тридцать богатырей.“
— Казна мнѣ твоя не надобна,
— О богатыряхъ мнѣ не подумати;
— Дай ты мнѣ любимаго товарища
90. — Добрыню Никитича.—

Пошли они съ Добрыней Никитичемъ;
Пришли они къ королю Ляховинскому,
Зашли въ палаты высокія бѣлокаменныя.
Не креститъ онъ лица бѣлаго,

1) Статна, къ стати, пригодна, въ мѣру, какъ слѣдуетъ быть.

95. На всѣ на четыре стороны поклонился,
Королю Ляховинскому на особицу.
Проговорилъ король Ляховинскій:
„Что́ ты пришолъ ко мнѣ: войной воевать,
„Или по старому служить?"
100. — Я пришолъ не войной воевать,
— Не по старому служить;
— Я пришолъ о добромъ дѣлѣ — о сватаньѣ:
— Ты отдай большую дочь свою
— За нашего князя за Владиміра. —
105. Отвѣтъ держитъ король Ляховинскій:
„За Владиміра можно дѣвка 1) давать;
„Хорошой женихъ, во елавѣ во почести."
— А другую дочь за меня отдай. —
„Веселымъ пиркомъ да и свадебка!"

110. Отошло дѣло 2), и домой снялись,
И пріѣхали ко князю ко Владиміру.
Владиміръ князь возрадовался,
И пошли они ко Божьей церкви, обвѣнчалися;
И пошло у нихъ пированьицо,
115. Пированье-столованье на весь крещеный людъ.
На пиру Дунай порасхвастался:
— Нѣтъ на свѣтѣ меня сильнѣй! —
„Не дѣломъ ты, Дунай, хвастаешь,"
Говоритъ ему молодая жонка,
120. „Нѣтъ на свѣтѣ меня стрѣльнѣе 3),
„А Ильи Муромца сильнѣе.
„Я у тебя съ тѐмечка перстенекъ сострѣлю,
„И тѐмечка не задеру."
Не задѣла она, сострѣлила.
125. Дунай разъ стрѣлилъ — онъ задѣлъ выше:
Надо головы не прихватить,
Дрргой разъ стрѣлилъ, — на праву сторону на аршинъ;
Третій разъ Дунай намѣтилъ въ ретиво сердце.

---

1) Извѣстная древняя, тематическая форма, обыкновенно при неокончательномъ (такой же неизмѣняемой, тематической формѣ въ области глагола), съ коимъ составляетъ какъ бы односложное существительное (среда. рода). — 2) Покончили сватовство. — 3) Болѣе мѣткой на стрѣльбу.

Проговорила жонка Дунаева:
130. „Почто ты стрѣляешь мнѣ въ ретиво сердце?
„У меня во утробѣ два чада:
„Одно—по колѣнъ ножки въ серебрѣ,
„По локоть ручки въ золотѣ.“
Не слушаетъ Дунай жонки своей,
135. Стрѣлилъ онъ ей въ ретиво сердце;
Распородъ груди бѣлыя:
Какъ увидѣлъ онъ два чада—испугался,
Воткнулъ копье тупымъ концомъ въ дубовый полъ,
Бросился на остріе—и животъ скончалъ.

(Записано въ 1844 году г. Н. Борисовымъ и доставлено В. И. Даломъ).

*

2.

(Сузунскій заводъ).

У ласково князя Володиміра
Было пированье—почетный пиръ,
Было столованье—почетный столъ
На всѣ князи и бо́яре,
5. И сильные-могучіе бога́тыри,
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ столъ во полу́-столѣ;
Богатыри прирасхвастались
Молодецкою у́далью:
10. Алешенька Поповичь—что боротьcя гораздъ,
А Добрыня Никитичь—гораздѣ его,
А Дунай сынъ Ивановичь—изъ лука стрѣлять
По той, было, мѣточкѣ—въ золо́тъ перстѣ́нь,
Что во ту, было, ставочку муравлену 1).
15. Говорила тутъ Дуная жена,
Что по имени Дарья Бродовишна 2):

---

1) Расписную (травами) цѣль.—2) Збродовична (ср. вып. 2-й и друг.).

„Ахъ ты гой еси, Дунай сынъ Ивановичь!
„А и я тебя не хуже стрѣлять
„По той мѣточкѣ—въ золо́тъ перстень,
20. „Въ ту ставочку муравленую.“
Тутъ-то Дунаю за бѣду стало,
За великую обиду показалося.
Говорилъ онъ своей молодой женѣ:
— Ты гой еси, Дарья Вродовишна!
25. — Пойдемъ-но мы на горы высокія,
— На тѣ, было, шеломы окатистые 1),
— Станемъ съ тобой изъ туга лука стрѣлять,
— По той мѣточкѣ—въ золо́тъ перстень,
— Въ ту ставочку муравлену.
30. Тутъ-то его молодая жена
Сдогадалася, спохваталася:
„Ахъ ты, Дунай сынъ Ивановичь!
„Ты прости меня, глупу женщину,
„Что тебя при бесѣдѣ избезчестила:
35. „У меня есть въ утробѣ чадо милое,
„Чадо милое, любимое,
„По колѣнъ у чада ноги въ золотѣ,
„По локо́ть у чада руки въ се́ребрѣ,
„Во лбу у чада солнце красное,
40. „На затылкѣ свѣтѣлъ мѣсяцъ,
„По коси́цамъ 2) часты звѣзды́.“
Тому-то Дунай не увѣровалъ;
Бралъ онъ жену за бѣлы́ руки́,
За бѣлы руки, за златы перстни́,
45. Повелъ ее на горы высокія,
На тѣ, было, шеломы окатисты,
Становилъ Дунай молоду жену;
Отскакивалъ на версту пятисотную;
Стрѣлялъ Дунай изъ туга́ лука́:
50. Перво́й разъ стрѣлилъ,—не до́стрѣлилъ,
Второй разъ стрѣлилъ,—пере́стрѣлилъ,

1) Ср. выше.
2) По вискамъ.

Въ третій разъ попалъ въ молоду жену,
Угодилъ по ретиву сердцу,
И убилъ Дунай молоду жену.
55. Подскакивалъ къ своей молодой женѣ,
Выдергивалъ чинжалище булатное,
Споролъ у ней бѣлую грудь,
Посмотрѣлъ—въ утробѣ чадо милое:
По колѣнъ бы у чада ноги въ золотѣ,
60. По локоть у чада руки въ серебрѣ,
Во лбу у чада солнце красное,
На затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ,
По косицамъ часты звѣзды.
Тутъ ему за бѣду стало,
65. За великую досаду показалось:
Становилъ кинжалъ тупымъ концомъ,
Становилъ въ сыру землю
И падалъ на кинжалъ ретивымъ сердцомъ.

Отъ той ли крови отъ горячія
70. Протекала матушка Дунай рѣка.

(Безъ начала; записано Д. П. Соколовымъ отъ старика Епанешникова; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. II).

*

3 *).

(Онега).

Ай былъ-жилъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Гулялъ-гулялъ Дунай да съ земли 1) въ землю,
И загулялъ Дунай да къ королю въ Литву,
А къ тому ли королю да Ляковинскому.
5. Три годы у короля Дунай конюхалъ,

*) Разнорѣчія изъ былины, записанной такъ же и тѣмъ же, но съ большимъ соблюденіемъ мѣстнаго говора; отношеніе между обѣими былинами совершенно то же, какъ выше между двумя былинами о Данилѣ Игнатьевичѣ.

1) Изъ земли.

Да три́ годы у короля онъ стольничалъ,
Ише три́ годы у короля онъ клюшничалъ,
Какъ корол-ёть молодца да любилъ-жаловалъ,
Да и королиха молодця вить тако же,
10. А Настасья королевисьня молодця у души держитъ.

У короля въ тую пору завелся 1) почестенъ пиръ;
Не спущшаётъ Настасья вить на пиръ молодця;
„Не ходи-тко ты, Дунай, да на почестенъ пиръ,
„А на томъ-то пиру да напиваются,
15. „Да на томъ тамъ пиру 2) все наѣдаются,
„Да похвасташь какъ мной ты, красной дѣвицей,
„Дакъ потеряёшь ты, Дунай, да свою голову.“
Дуна-ё-тъ Настасьи вить да не слушаётъ,
И пошелъ Дунай да на почестенъ пиръ.
20. Всѣ на пиру тутъ напивалися,
Вить и всѣ да на пиру-то наѣдалися,
Да и всѣ на пиру 3) да приросхвастались.
А Дуна-ё-тъ говорилъ да таковы слова:
— Гулялъ я молодѐць да изъ земли въ землю,
25. — Загулялъ я молодѐць да къ королю въ Литву 4),
— Король меня, молодця, да любилъ-жаловалъ,
— Да и королиха видь молодця тако же 5),
— А Настасья королевисьня 6) у души держитъ. —

А то вить 7) какъ королю да не показалося.
30. Скрычалъ король да гласомъ громкіемъ:

---

1) Втогды у короля зацялсе.
2) Да на томъ ли на пиру-ту.
3) Ише вси вить на цесно́мъ.
4) — А къ тому ли королю да Ляховиньскому:
— Три́ годы у короля я конюхалъ,
— Да три́ годы у короля я стольницялъ,
— Ише три́ годы у короля я клюсьницялъ.
5) — Королиха ласкала, приголубливала.
6) — Молодця да
7) Ише эвто.

„Ой же вы, палачи еси немилосливы,
„Да возмите-тко Дуная за бѣлы руки,
„Ише за тѣ перстни возмите за злаченые,
„Да ведите-тко Дуная во чисто поле;
35. „Отсѣните-тко Дунаю да буйну голову!“
Повели Дуная мимо домъ да Настасьюшкинъ 1);
А не дойдучись дому да Настасьиного,
Скрычалъ Дунай въ полгласа 2) человѣческа:
— Спишь ты, Настасья, не пробудишься:
40. — Вить ведутъ-то Дуная во чисто поле 3)! —
Проходилъ онъ противъ дому Настасьина,
Да скрычалъ Дунай да во всю голову:
— Все ты спишь, моя Настасья, не пробудишься:
— Вить ведутъ Дуная да во чисто поле! —
45. А скрычалъ Дунай-то 4) гласомъ громкіемъ:
Отъ того палата да и зашаталася,
И королевисьня Настасья пробужалася 5).
И бѣжитъ Настасья да на широкой дворъ,
Бо единой вить рубашечки и бѣзъ пояса,
50. И крычала же она да гласомъ зычныемъ 6):
„Ой же вы еси, палачи немилосливые 7)!
„Возмите-тко казны да колько надобно 8),
„А спустите-тко Дуная во чисто поле!
„Да подите-ткоише да 9) на царевъ кабакъ,
55. „И напойте, палачи, да пьяницю кабацкого,
„Да отсѣките-тко ему да буйну голову,
„Тую голову снесите королю Ляховинскому.“

---

1) Настасьинъ.
2) Въ половину гласа.
3) Ему ссѣкци, сказнить да буйна голова.
4) Дуна-ё-тъ.
5) Пробужеится.
6) И бѣжитъ въ одной рубашки да и бѣзъ пояса,
И крыцитъ Настасья гласомъ громкіемъ.
7) Немилостивы.
8) Надобѣть.
9) А сами-ты подитё.

И послушались Настасьи палачи немилосливы,
Да и брали оны казны, да колько надобно,
60. И спустили вить Дуная 1) во чисто поле,
И пошли оны ише да на царевъ кабакъ,
Напоили оны тамъ да пьяницю кабацкого,
Да отсѣкли оны ему да буйну голову,
И снесли ту голову да къ самому царю 2).

65. И пошелъ втогда Дунай да во чисто поле,
Да зашелъ ише Дунай нашъ вить во Кіевъ градъ.
Заходилъ Дунай да на царевъ кабакъ,
Пропилъ 3) тутъ Дунай да шляпу Гречеську,
Ише пропилъ онъ съ собя сапожки сафьяные,
70. Да съ собя онъ пропилъ и все платье цвѣтное.
Сидитъ топерь Дунай да вить въ рогозочки.
Втогда 4) зачался у Владиміра почестенъ пиръ,
Ише всѣ вить на пиру-ту напивалися,
Да и всѣ вить на честномъ да наѣдалися.
75. Говорилъ втогда Владиміръ таково слово:
„Всѣ у насъ во Кіеви поженены,
„Да и всѣ у насъ во Кіеви подаваны *),
„Только я, Владиміръ, одинъ холостъ хожу.
„Хто бы мнѣ зналъ жену да супротивную 5),
80. „Да и станомъ мнѣ ровну, да и умомъ сверетну,
„Штобы очи у ей были, какъ у ясна сокола,
„Да и брови были, какъ у черна 6) соболя,
„Што у черного ли то соболя Сибирского?"
А въ тую-то было пору, во то время,

---

1) Тѣ Настатьи-то, вить, послушали,
Деньги взели, Дуная спустили....

2) Тую голову снесли да самому королю,
Самому королю да Ляховиньському.

3) Пропивалъ.

4) Втогды.

*) Повыдаваны, повыданы.

5) Супротивничу.—Ср. выше.

6) У цернаго.

85. Большо-ё-тъ хоронится за среднёго,
А середнё-ё-тъ хоронится за мéньшого 1),
А отъ мéньшого Владимiру отвѣту нѣтъ.
Говорилъ тутъ Владимiръ во другой наконъ *),
Говорилъ же вить Владимiръ и въ третей наконъ.
90. А и было въ тую пору, да во то время,
Выходилъ тутъ дородне-доброй молодець
Изъ за того онъ стола да бѣлодýбова,
Изъ за тóя онъ скатёрки-то берчáтыя **),
Ише нà имя Малюта Воскурлатовъ сынъ 2).
95. Самъ онъ говорилъ да таково слóво:
„Ой же ты, осударь нашь, Владимiръ князь!
„Прикажи-тко-се мнѣ да слово молвити,
„Безъ той ли безъ высылки безъ дальныя,
„Безъ той ли безъ кáзани ***) безъ смертныя?“
100. „Говори же ты, Малюта, тобя Богъ проститъ!
„Есть на царевомъ бóльшомъ кáбаки:
„Сидитъ вить тамъ Дунай да въ рогóзочки ****),
„Къ тобѣ не въ чемъ притти ему да на поссенъ пиръ;
„А знатъ онъ тобѣ жену да супротивницю,
105. „И станóмъ тобѣ ровнý, да и умомъ сверстнýю,
„Вить и очи-то у ей какъ у ясна сокола,
„Да и брови-ты у ей, какъ у черна соболя,
„Што у черного ли то соболя Сибирсково!“
Роворилъ тутъ Владимiръ таковы слова:
110. „Бери-тко ты, Малюта, золоты ключи,
„Отмыкай-ко-се, Малюта, кованы сундуки,
„Да бери-тко ты казны, да колько надобно 3),
„И поди же 4) ты, Малюта, на царевъ кабакъ,

---

1) За младьшого.
*) Разъ.
**) Браной.
2) Ише нà имя Олёша Поповиць сынъ.—И ниже то жа.
***) Казни.
****) Повторяется, чтó пропилъ Дунай.
3) Надобѣть.
4) Иди-тко.

„Выкупай-ко-се ты платье Дунаёво,
115. „Да веди-тко ты Дунай на почестенъ пиръ.“
Бралъ Малюта да золоты ключи,
Отмыкалъ онъ да коваиы сундуки,
И онъ бралъ казны, да колько надобно.
Приходилъ Малюта на царевъ кабакъ 1):
120. „„Ой же вы, чумаки, цѣловальники!
„„Берите-тко вы денегъ, да колько надобно,
„„А отдавайте-тко вы платье Дунаёво!““
Обирали оны деньги, колько надобно,
Отдавали оны платье Дунаёво.
125. „„Ты пожалуй-ко, Дунай, къ князю Владиміру,
„„Званъ ты имъ да вить на почестенъ пиръ 2).““
Отвѣтъ держалъ Дунай да таковы слова:
— Со похмѣлья у меня, видно, съ голоду
— Розломило у меня да буйну голову *).—
130. Наливали ему чару зелена вина,
Ише тая-та чара вить въ полтора ведра,
Принималъ ее Дунай да единой рукой,
Да выпивалъ Дунай да на единой духъ.
Тутъ молодцы заотправлялися,
135. Ише шли оны по городу по Кіеву,—
Дѣвки, жонки по плечь въ окно металися:
„Ише гдѣ эдаки молодцы да спорожалися?“
Приходилъ Дунай къ Владиміру на почестенъ пиръ;
Началъ тутъ Владиміръ у Дуная спрашивати,
140. А Дунай-то сталъ ему отвѣтъ держать:
— Гуляль я, молодець, да изъ земли въ землю,
— Загулялъ я, молодець, да къ королю въ Литву,
— Былъ въ услуженьи 3) у короля я девить лѣтъ;
— Вить какъ есть у короля двѣ дочери:

---

1) Да крицялъ Олёша гласомъ зысьныемъ.
2) Говорилъ ему Олёша таковы слова:
«Ты пожалуй-ко, Дунай да сынъ Ивановиць,
«Ко Владимеру кнезю на поцестёнъ пиръ.»
*) Народная пословица.
3) Служилъ.

145. — Бо́льшая дочка Настасья королевисьна,
— Да все ѣздитъ во чисто́ полё полякова́ть;
— А вторая-то есть дочка да Опраксія,
— Сидитъ она за тридевятью замка̀ми,
— Да сидитъ она за тридевятью ключами,
150. — Штобы и вѣтеръ не за̀вѣлъ, да и солнцё не за-
пекло 1),
— Да и добры мо́лодци штобы не за̀видѣли,
— И станомъ тобѣ 2) ровна, да и умомъ сверстна̀,
— И очи-то у ей, какъ у ясна сокола,
— А и брови-ты у ей, какъ у черна соболя,
155. — Што у черного ли то соболя Сибирского,
„Ой же ты, Дунай да сынъ Ивановичь!
„Бери-тко ты, Дунай, да што тѣ надобно,
„Городы тѣ нать-ли *) съ пригоро́дами,
„Ише 3) села ли тѣ нать да со приселками,
160. „Али мнова **) тобѣ надоть золота́ казна,
„Али сила тобѣ надоть несчетная;
„Доставай-ко-се ты, Дунай, да Опраксію!“
Отвѣтъ дёржалъ Дунай да таковы слова:
— Мнѣ не надоть твои го́роды да съ пригородами,
165. — И не надоть мнѣ-ка сёла со приселками,
— Да не надоть и твоя мнѣ золота̀ казна,
— Да не нать мнѣ-ка и сила да несчетная;
— Только дай ты мнѣ Добрынюшу 4) Никитича,
— Да и дай-ко ты ише мнѣ Алешу Поповича.
170. И спустилъ съ Дунаемъ-то Владимі́ръ князь
Добрынюшу Никитича да со Алешёю 5).

---

1) — Штобы, вишь, вѣтры не за̀вѣли,
— Да соньчё красно не за̀пекло.

2) Она тѣ.

*) Надоть ли

3) Али.

**) Многа.

4) Добрынюшку.

5) Да и далъ ему Владимеръ князь
Добрынюшку Микитиця да Олёшу Поповиця.

И поѣхали вить да свататися 1).
Только видѣли мо̀лодцёвъ сѣдучись,
Да не видѣли вить ихъ да поѣдучись 2),
175. Только ходитъ пыль, да курева̀ *) столбомъ стоитъ.

Пріѣжжали мо̀лодци къ королю да къ Ляховинскому,
И корол-ё-тъ мо̀лодця да стрѣчаётъ тутъ:
„Да ты здрастуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичь!
„Ты служить ко мнѣ пріѣхалъ да по прежному,
180. „Да служить ли ты пріѣхалъ мнѣ по старому?“
Отвѣчалъ ему Дунай да таковы слова:
— Не служить я къ тѣ пріѣхалъ да по прежному,
— Не пріѣхалъ я служить тобѣ по старому 3);
— Вить я ѣжжу за добрымъ дѣломъ—за сватовсьвомъ:
185. — Да отдай-ко ты Опраксію да королевисьню
— Да за нашёго ли князя за Владиміра.—
А и то вить 4) королю не показалося,
Хочетъ король Дуная притѣснити тутъ.
А Дуна-ё-тъ сдергивалъ скамейку дубовую,
190. Да завелъ вить онъ скамьею-то помахивать.
Втогда король одва и живъ лёжитъ,
Вышелъ онъ потомъ да на крыльцё злаченоё,
А Опраксію втогда вить на коня садятъ 5).
Говорилъ туто король да таковы слова:
195. „Ой же ты, Дунай да сынъ Ивановичь!
„Коли ты берешь у меня 6) Опраксію,

---

1) Поѣхали мо̀лодци-ти свататьсе
Да къ тому тамъ королю Ляховиньському.
2) Сѣдуци.... поѣдуци....
*) Пыль.
3) — Я пріѣхалъ къ тобѣ, вить, служить не по прежпому,
— Да пріѣхалъ къ тобѣ служить не по старому.
4) Ише эвто.
5) Сдёргиватъ Дунай скамейку дубовую,
Да и нацялъ Дуна-ё-тъ скамейкой помахивать:
Дакъ втогды король одва и живъ лёжитъ;
Выходили втогда мо̀лодци на крыльчё золоцёноё,
Выводили Опраксѐю да и на коня садятъ.
6) Дочку.

„Дакъ возми-тко ты съ ей и придано все!“
Обирали молодци все приданоё 1),
И поѣхали молодци во чисто поле.

200. Ѣдутъ какъ оны по чисту́ полю,
Перепала ископыть *) лошадиная,
А на ископыти подпись похвальная:
„„Хто во этую поѣдётъ дороженьку 2),
„„Дакъ тому-то и вить живу́ не быть.“
205. Розгорѣлося тутъ у Дуная ретиво́ сарцо́,
Помутилися 3) его ясны́ очи́:
— А возми-тко ты, Добрыня, Опраксію,
— Да вези-тко ты ее да во Кіевъ градъ 4),
— А сам-о-тъ я 5) поѣду во чисто́ полё.—
210. Во чистомъ поли Дуна-ё-тъ усматриватъ,
Што бога́тырь какъ сѣнна куча шатается 6).
Съѣхались скоро мо́лодци, ударились,
Палици у ихъ поломалися;
Во второй 7) разъ съѣхались, ударились,
215. Сабли у ихъ пощербалися **);
Соходили потомъ 8) молодци рукопашкою:
Первой день водилися оны до вечера,

---

1) Повыбралъ Дунай да золоту казну,
Повыносилъ златыхъ перстнёвъ, скатна жéньцюга.
*) Попался по дорогѣ комъ изъ подъ копыта или выбросокъ изъ него: ёр. выше.
2) Кому въ этую дороженьку ѣхати.
3) И смутилисе.
4) — Ой же ты, Добрынюшка Микитовиць,
— Да ты ой еси, Олёша Поповиць сынъ!
— Вы возьмите-тко Опраксéю королевисьню,
— Да возите-тко ей да во Кіевъ градъ
— А ко нашему-то кнезю ко Владимеру....
5) — А я-та.
6) Во цистóмъ поли видитъ бога́тырь,
Какъ сѣ́нна куця стоитъ да шатаитсе.
7) Въ другой.
**) Выщербились, зазубрились.
8) Дакъ соходили.

Да темну ноченьку водились до бѣла̀ свѣта̀,
И второ-ё-тъ день водилися до вечера.
220. И упалъ дородне-доброй мо́лодець,
Со добра коня упалъ на мать сыру́ землю,
А Дуна-ё-тъ да садился на черны́ груди́ 1).
И говорилъ тутъ Дунай да таковы слова:
— Ты скажись мнѣ-ка, скажись-ко-се 2),
225. — Ты которой земли, да ты коёй орды?
— Да и какъ же тобя да именёмъ зовутъ 3)?—
А въ исподи́ лежитъ да гордо́й думаётъ:
„Кабы я сидѣлъ да на бѣлы́хъ 4) грудя́хъ.
„Не спрашивалъ бы ни имени, ни вотчины,
230. „А распоролъ бы 5) я вить груди бѣлыя,
„Да и вынялъ бы 6) вить я да сарцо́ *) съ печенью.“
Говорилъ Дунай да во второй наконъ:
— Ты скажись мнѣ-ка, скажись-ко-се,
— Ты которой земли, да ты коёй орды?
235. — Ише какъ тобя да именёмъ зовутъ?—
Вынималъ Дунай да свой булатенъ ножь,
И видитъ молодѐць, што хлопота̀ пришла:
„Да ты здрастуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичь!
„А попомни-тко 7), какъ жилъ ты у нашего у батюшка,
240. „Да у короля-та жилъ ты Ляховинского?
„Я вить есть Настасья королевисьня!“
Ставалъ втогды Дунай да на рѣзвы́ ноги,
Подымалъ Дунай Настасью на рѣзвы ноги́ 8),
Цѣловалъ Настасью онъ въ уста саха̀рьныя;
245. Съ того со времени́ во Кіевъ градъ отправились 9).

---

1) На цёрну́ю грудь.
2) — Ты скажись-ко-се, скажись, доброй мо́лодець,
3) — Да и какъ тя велицёютъ изъ отецесьва?—
4) На цёрны́хъ.
5) А поролъ бы.
6) Вынималъ бы. — *) Сердце.
7) А помни-тко.
8) Настасьюшку съ сырой земли.
9) Заотправлелисе.

Пріѣзжаютъ 1) оны ко городу ко Кіеву,—
Опраксію королевисьню отвѣнчали ужь,
А Настасью королевисьню ко вѣньцю ведутъ 2).
У Владиміра втогда зачался почестенъ пиръ.
250. Дакъ и всѣ на пиру-ту напивалися,
Да и всѣ вить на честномъ да приросхвасталисъ.
А Настасья королевисьня похвастала:
„Вить не долго я во Кіеви пожила,
„А все я во Кіеви повызнала:
255. „Вить Алёши Поповича смѣлѣ нѣтъ во Кіеви 3),
„А Добрынюша 4) вѣжливѣ нѣтъ во всемъ Кіеви,
„А коли по мѣтамъ-то стрѣлять,
„Дакъ мѣтнѣ *) меня нѣтъ во всемъ Кіеви!"
То такъ да Дунаю и не показалося.
260. Положили оны великъ залогъ **):
Отойти за вёрсту за мѣрную,
Положить злаченъ перстѐнь на буйну главу,
Да на буйну главу положить на Дунаёву.
Отходила Настасья за вёрсту за мѣрную;
265. Заводила она стрѣлить 5) въ злаченъ перстѐнь,
Што на буйнòй головы да на Дунаёвой,
Дакъ рошшибла она перстень на двое,
И ни котора половина не болѣе.
Становилась потомъ Настасья королевисьня;
270. Положили ей 6) злаченъ перстéнь на буйну главу;
А Дунай-то отходилъ за вёрсту мѣрную,
Въ первòй разъ онъ стрѣлилъ,—не дòстрѣлилъ,
А въ другой разъ стрѣлилъ,—да перѐстрѣлилъ.

---

1) Пріѣжжали.
2) Повели.
3) Во всемъ Кіеви.
4) Добрыни Микитиця.
*) Мѣтня, мѣтнѣе; „мѣтной"—мѣтко попадающій въ цѣль.—Прим. 1-го изд.
**) Закладъ.
5) Она стрѣлила.
6) Положилъ ей Дуна-ё-тъ злацёнъ перстéнь,
Положилъ перстéнь Настасьи на буйну главу.

И видитъ Настасья, што хлопота̀ пришла,
275. Говорила 1) Настасья да таковы слова:
„Нѐ жаль мнѣ-ка свѣту бѣлого,
„А жалко мнѣ младеня во череви;
„По локо̀ту у младеня руки въ сѐребри,
„По колѣнъ у младеня ноги въ золоти 2).“
280. Стрѣлилъ Дунай да и въ третѐй наконъ:
Попало Настасьи въ ретиво̀ сарцо̀,
И убилъ Дунай молоду жену,
Приходилъ къ ей Дунай шаго̀мъ варо̀выемъ 3),
И видитъ—Настасья мертва̀ лёжитъ 4).
285. Становилъ 5) Дунай да въ мать сыру землю
Свой булатенъ ножь да тупымъ концемъ,
И говорилъ Дунай да таковы слова:
„А гдѣ тѣло лёжитъ Настасьино 6),
„Да останься тутъ тѣло и Дунаево!“
290. И падалъ онъ на ножь да ретивы́мъ сарцо́мъ.

Со того ли времени, отъ крови горячія
Протекала матушка Дурай-рѣка,
Отнынѣ Дунай да и да̀ вѣку 7).

(Записано г. Верещагинымъ; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. III).

*

---

1) Говоритъ.
2) «По коси́чамъ (по вискамъ) у младеня цясты́ звѣзды.»
3) Скоро на̀ скоро.—Варо̀вый, быстрый, проворный.—Прим 1-го изд.
4) Вынималъ Дунай да свой булатёнъ ножь.
5) Тутъ втыкалъ.
6) Настасьюшкино.
7) Втогды падалъ Дунай на вострой ножь,
И убилъ онъ—закололъ самъ собя,
Пролилась-то кровь, да кровь горе́цяя.

Отъ той ли то крови горецiя
Протекала мать Дунай-рѣка,
Отнынѣ Дунай до и до́ вѣку.

4.

(Кирша Даниловъ).

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова сударь князя Владиміра,
А и было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ;
5. Много на пиру было князей и бояръ,
И Рускихъ могучихъ богатырей.
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкой столъ во полу-столѣ,
Владиміръ князь распотѣшился,
10. По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черные кудри расчесываетъ,
Говорилъ онъ, сударь, ласковой
Владиміръ князь таково слово:
„Гой еси вы, князи и бояра, и могучіе богатыри!
15. „Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
„Только я Владиміръ князь холостъ хожу,
„А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю:
„А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу 1),
„Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу?
20. „Какъ бы та была дѣвица станомъ статна,
„Станомъ бы статна и умомъ свершна 2),
„Ея бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
„И ягодицы 3) какъ бы маковъ цвѣтъ,
„А и червыя брови какъ соболи,
25. „А и ясныя очи какъ бы у сокола.“
А и тутъ большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаге ему князю отвѣту нѣту.
Изъ того было стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
30. Выступается Иванъ Гостиной сынъ,
Скочилъ онъ на мѣсто богатырское,

---

1) Ср выше; ровню, дружку, подходящую, пару мнѣ.
2) Конечно сверстна: сверстница по уму.
3) Здѣсь (но не вездѣ)—щёки.

Вскричалъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
— Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ князь!
— Благослови предъ собой слово молвити,
35. — И единое слово безопальное,
— А и безъ тоя опалы великія:
— Я ли, Иванъ, въ Золотой ордѣ бывалъ
— У грознаго короля Етмануйла Етмануйловича,
— И видѣлъ во дому его двухъ дочерей:
40. — Первая дочь Настасья королевишна,
— А другая Афросинья королевишна;
— Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
— За тридесять замками булатными,
— А и буйные вѣтры не вихнутъ 1) на ее,
45. — А красное солнце не печетъ лице.
— А то-то, сударь, дѣвушка станомъ статна,
— Станомъ статна и умомъ свершна,
— Бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
— А ягодицы какъ маковъ цвѣтъ,
50. — Черныя брови какъ бы соболи,
— Ясныя очи какъ у сокола.
— Посылай ты, сударь, Дуная свататься.—
Владиміръ князь стольной Кіевской
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
55. Подносить Ивану Гостиному
За тѣ его слова хорошія,
Что сказалъ ему обручницу 2).
Призываетъ онъ, Владиміръ князь,
Дуная Ивановича въ спальню къ себѣ,
60. И сталъ ему на словахъ говорить:
„Гой еси ты, Дунай сынъ Ивановичь!
„Послужи ты мнѣ службу заочную,
„Съѣзди, Дунай, въ Золоту орду
„Ко грозному королю Етмануйлу Етмануйловичу,
65. „О добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ
„На его любимой на дочери,
„На честной Афросиньѣ королевишнѣ;

1) Не повѣютъ.
2) Это начало ср. съ былиною выше, объ Иванѣ Гостиномъ.

„Бери ты моей золотой казны,
„Бери триста жеребцовъ и могучихъ богатырей.“
70. Подноситъ Дунаю чару зелена вина въ полтора ведра,
Турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра;
Выпиваетъ онъ, Дунай, чару тоя 1) зелена вина,
И турій рогъ меду сладкаго,
Разгоралася утроба богатырская
75. И могучія плеча расходилися
Какъ у молода Дуная Ивановича,
Говоритъ онъ, Дунай, таково слово:
— А и ласково солнце, ты Владиміръ князь!
— Не надо мнѣ твоя золота казна,
80. — Не надо триста жеребцовъ,
— И не надо могучіе богатыри;
— А и только пожалуй одного мнѣ молодца,
— Какъ бы молода Екима Ивановича,
— Которой служитъ Алешѣ Поповичу 2).—
85. Владиміръ князь стольной Кіевской
Тотчасъ самъ онъ Екима руками привелъ:
„Вотъ, де, тѣ, Дунаю, паробочекъ 2)!“
А скоро Дунай снаряжается,
Скоря того богатыри поѣздку чинятъ
90. Изъ стольнаго города Кіева
Въ дальну орду, Золоту землю.

И поѣхали удалы-добры молодцы;
А и ѣдутъ недѣлю споряду,
И ѣдутъ недѣлю уже другую,
95. И будутъ они въ Золотой ордѣ
У грознаго короля Етмануйла Етмануйловича;
Середи двора королевскаго
Скакали молодцы съ добрыхъ коней,
Привязали добрыхъ коней къ дубову столбу,
100. Походили во палату бѣлокаменну,
Говоритъ тутъ Дунай таково слово:
— Гой еси, король въ Золотой ордѣ!
— У тебя ли во палатахъ бѣлокаменныхъ

1) Тоё, ту. — 2) Ср. вып. 2-й.

— Нѣту Спасова образа,
105. — Некому у тя помолитися,
— А и не за что тебѣ поклонитися.—
Говоритъ тутъ король Золотой орды,
А и самъ онъ король усмѣхается:
„Гой еси, Дунай сынъ Ивановичь!
110. „Али ты ко мнѣ пріѣхалъ по старому служить и по прежнему?“
Отвѣчаетъ ему Дунай сынъ Ивановичь:
— Гой еси ты, король въ Золотой ордѣ!
— А и я къ тебѣ пріѣхалъ не по старому служить и не по прежнему,
— Я пріѣхалъ о дѣлѣ о добромъ къ тебѣ,
115. — О добромъ-то дѣлѣ о сватаньѣ,
— На твоей, сударь, любимой-то на дочери,
— На честной Афросиньѣ королевишнѣ,
— Владиміръ князь хочетъ женитися.—
А и тутъ королю за бѣду стало,
120. А рветъ на главѣ кудри черные
И бросаетъ о кирпищетъ полъ,
А при томъ говоритъ таково слово:
„Гой еси ты, Дунай сынъ Ивановичь!
„Кабы прежде у меня не служилъ вѣрою и правдою,
125. „Тобъ велѣлъ посадить во погреба глубокіе
„И уморилъ бы смертью голодною
„За тѣ твои слова за бездѣльныя.“
Тутъ Дунаю за бѣду стало,
Разгоралось его сердце богатырское,
130. Вынималъ онъ свою сабельку острую,
Говорилъ таково олово:
— Гой еси, король Золотой орды!
— Кабы у тя во дому не бывалъ,
— Хлѣба-соли не ѣдалъ,
135. — Ссѣкъ бы по плечь буйну голову.—
Тутъ король не ладомъ 1) заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Псы борзы заходили на цѣпяхъ,
А и хочетъ Дуная живьемъ стравить

1) Безобразно, не порядкомъ.

Тѣми кобелями Меделянскими.
140. Скричитъ тутъ Дунай сынъ Ивановичь:
— Гой еси, Екимъ сынъ Ивановичь!
— Что̀ ты сталъ, да чего глядишь?
— Псы борзы заходили на цѣпяхъ,—
— Хочетъ насъ съ тобой король живьемъ стрелить.—
145. Бросился Екимъ сынъ Ивановичь,
Онъ бросился на широкой дворъ,
А и тѣ мурзы-улановья
Не допустятъ Екима до добра коня,
До своей его палицы тяжкія,
150. А и тяжкія палицы мѣдныя,
Лита она была въ три тысячи пудъ;
Не попала ему палица желѣзная,
Что попала ему ось-то телѣжная,
А и зачалъ Екимъ помахивати,
155. Прибилъ онъ силы семь тысячей мурзы-улановья,
Пять сотъ онъ прибилъ Меделянскихъ кобелей.
Закричалъ тутъ король зычнымъ голосомъ:
„Гой еся, Дунай Ивановичь!
„Уйми ты своего слугу вѣрнаго,
160. „Оставь мнѣ силы хоть на сѣмена;
„А бери ты мою дочь любимую
„Афросинью королевишну.“
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Унималъ своего слугу вѣрнаго,
165. Пришелъ ко высокому терему,
Гдѣ сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными;
Буйны вѣтры не вихнутъ на ее,
Красное солнце лица не печетъ;
170. Двери у палатъ были желѣзныя,
А крюки-пробои по булату злачены;
Говорилъ тутъ Дунай таково слово:
— Хоть нога изломить 1), а двери выставить!—
Пнетъ во двери желѣзныя,
175. Приломалъ онъ крюки булатные,

1) Ср. выше стр. 55 и друг.

Всѣ тутъ палаты зашаталися,
Бросится дѣвица, испужалася,
Будто угорѣлая вся,
Хочетъ Дуная во уста цѣловать;
180. Проговоритъ Дунай сынъ Ивановичь:
— Гой еси, Афросинья королевишна!
— А и ряженой кусъ, да не суженому ѣсть 1):
— Не цѣлую я тебя во сахарныя уста;
— А и Богъ тебя, красну дѣвицу, милуетъ,
185. — Достанешься ты князю Владиміру. —
Взялъ ее за руку за правую,
Повелъ изъ палатъ на широкой дворъ,
А и хочутъ садиться на добрыхъ на коней;
Спохватился король въ Золотой ордѣ,
190. Самъ говорилъ таково слово:
„Гой еси ты, Дунай Ивановичь!
„Пожалуй, подожди мурзы-улановья.“
И отправляетъ король своихъ мурзы-улановья
Везти за Дунаемъ золоту казну;
195. И тѣ мурзы-улановья
Тридцать телѣгъ ордынскихъ насыпали златомъ,
И серебромъ, и скатнымъ жемчугомъ,
А сверхъ того каменьи самоцвѣтными.
Скоро Дунай снаряжается,
200. И поѣхали они ко городу ко Кіеву.
А и ѣдутъ недѣлю уже споряду,
А и ѣдутъ уже другую,
И тутъ же везутъ золоту казну.
А наѣхалъ Дунай бродучій слѣдъ,
205. Не доѣхавши до Кіева за сто верстъ;
Самъ онъ Екиму сталъ наказывать:
— Гой еси, Екимъ сынъ Ивановичь!
— Вези ты Афросинью королевишну
— Ко стольному городу ко Кіеву,
210. — Ко ласкову князю Владиміру,

---

1) Пословица: кусъ ряженой, пригодный, да не мнѣ суждено его ѣсть, не я твой суженый —Ср. выше и вып. 2-й, объ Алёшѣ.

— Честно, хвально и радостно 1);
— Было бы намъ чѣмъ похвалитися
— Великому князю во Кіевѣ.—
А самъ онъ Дунай поѣхалъ
По тому слѣду по свѣжему, бродучему.
А и ѣдетъ ужь сутки, другіе,
Въ четвертые сутки слѣдъ дошелъ,—
На тѣхъ на лугахъ на потѣшныихъ,
Куда ѣздилъ ласковой Владиміръ князь завсегда за охотою:
Стоитъ на лугахъ тутъ бѣлъ шатеръ,
Во томъ шатру опочивъ держитъ красна дѣвица,
А и та ли Настасья королевишна.
Молодой Дунай—онъ догадливъ былъ:
Вымалъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынулъ калену стрѣлу,
А и вытянулъ лукъ за ухо—калену стрѣлу 2),
Котора стрѣла семи четвертей,
Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу,
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго,—
Угодила стрѣла въ сыръ-крековистой 3) дубъ,
Изломала его въ черенья ножевые.
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра будто угорѣлая;
А и молодой Дунай—онъ догадливъ былъ:
Скочилъ онъ, Дунай, со добра коня,
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
И гораздъ онъ со дѣвицею дратися,
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,
А пнулъ онъ дѣвицу подъ .....,—
Женской полъ отъ того пухолъ живетъ,—
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище булатное,
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя;

1) Д. б. Радошно.— 2) Потянулъ лукъ и спустилъ стрѣлу.—3 Крековистый, кряковистый: съ корявымъ, крюковатымъ пнемъ, суковатый и здоровый.

Втапоры дѣвица возмолилася:
„Гой еси ты, удалой-доброй молодецъ!
„Не коли ты меня до смерти:
„Я у батюшки-сударя отпрошалася 1),—
250. „Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
„За того мнѣ дѣвицѣ за мужь итти.“
А и туто Дунай сынъ Ивановичь
Тому ея слову обрадовался,
Думаетъ себѣ разумомъ своимъ:
255. — Служилъ я, Дунай, во семи ордахъ,
— Въ семи ордахъ семи королямъ,
— А не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы:
— Нонѣ я нашелъ во чистомъ полѣ
— Обручницу- сопротивницу.—
260. Тутъ они обручалися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися;
А скоро ей приказъ отдалъ собиратися,
И обралъ у дѣвицы сбрую всю:
Куякъ 2) и панцырь съ кольчугою;
265. Приказалъ онъ дѣвицѣ наряжатися,
Въ простую епанечку бѣлую,
И поѣхали ко городу ко Кіеву.
Только Владиміръ стольной Кіевской
Втапоры ѣдетъ отъ злата вѣнца,
270. И пріѣхалъ князь на свой княженецкой дворъ,
И во свѣтлы гридни убиралися,
За убраные столы сажалися.
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Пріѣхалъ ко церкви соборныя,
275. Ко тѣмъ попамъ и ко дьяконамъ,
Приходилъ онъ во церкву соборную,
Проситъ честныя милости
У того архіерея соборнаго,
Обвѣнчать на той красной дѣвицѣ.
280. Ради были тому попы соборные,—

---

1) Съ тѣмъ, чтобы...—2) Куякъ: слово, понынѣ употребительное въ Тамбовск. и Рязанск. губерніи, въ смыслѣ шелома и колпака; въ старину—щитковыя или наборныя изъ бляхъ латы, нашитыя на сукно.

Въ тѣ годы присяги не вѣдали,—
Обвѣнчали Дуная Ивановича:
Вѣнчальнаго далъ Дунай пять сотъ рублей
И поѣхалъ ко князю Владиміру.
285. И будетъ у князя на широкомъ дворѣ,
И скочили со добрыхъ коней съ молодой женой,
И говорилъ таково слово:
— Доложитесь князю Владиміру,
— Не о томъ, что итти во свѣтлы гридни,
290. — О томъ, что не въ чемъ итти княгинѣ 1) молодой,
— Платья женскаго только одна и есть епанечка бѣлая.—
А втапоры Владиміръ князь—онъ догадливъ былъ,
Знаетъ онъ, кого послать:
Послалъ онъ Чюрила Пленковича
295. Выдавать платьице женское цвѣтное,
И выдавали они тутъ соянъ 2) хрущатой 3) камки
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью королевишну,
А цѣна тому сояну сто тысячей;
300. И снарядили они княгиню новобрачную,
Повели ихъ во палаты княженецкія,
Во тѣ гридни свѣтлыя,
Сажали за столы убраные,
За яства сахарныя и за питья медвяныя:
305. Сѣли уже двѣ сестры за однимъ столомъ.
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Женилъ онъ князя Владиміра,
Да и самъ тутъ же женился,
Въ томъ же столѣ столовати сталъ.
310. А жили они время не малое.
У князя Владиміра, у солнышка Сеславьевича
Была пирушка веселая.
Тутъ пьяной Дунай расхвастался:

---

1. Невѣстѣ —2) Соянъ: понынѣ, въ Смол. и Тверск. губ., исподница, суконная юбка; крашенинный сарафанъ.—Иначе саянъ отъ сая тонкая Италіанская (Фряжская) матерія, въ древности шелковая; ср. наше изданіе „Бѣлорусск. пѣсней.“—3) *Хрущатый* (хруст — хряст) — хрящатый, плотный; золотистый: ср. въ друг. мѣстахъ.

— Что нѣтъ противъ меня во Кіевѣ такова стрѣльца,
315. — Изъ туга лука по примѣтамъ 1) стрѣлять.—
Что взговоритъ молода княгиня Апраксѣевна:
„Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,
„Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
„Что нѣту, де, во Кіевѣ такого стрѣльца,
320. „Какъ любезной сестрицы моей Настасьи королевишны.“
Тутъ Дунаю за бѣду стало.
Бросали они жеребья,
Кому прежде изъ туга лука стрѣлять,
И досталось стрѣлять его молодой женѣ
325. Настасьѣ королевишнѣ,
А Дунаю досталось на главѣ золото кольцо держать.
Отмѣрили мѣсто на цѣлу версту тысячну,
Держитъ Дунай на главѣ золото кольцо:
Вытягала Настасья калену стрѣлу,
330. Спѣла, де, тетивка у туга лука,
Сшибло съ головы золото кольцо
Тою стрѣлкою каленою;
Князи и бояра тутъ металися,
Усмотрѣли калену стрѣлу,
335. Что на тѣхъ-то перушкахъ лежитъ то золото кольцо.
Въ тѣ поры Дунай становилъ на примѣту свою молоду жену;
Стала княгиня Апраксѣевна его уговаривати:
„„А и ты гой еси, любимой мой зятюшка,
„„Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
340. „„То вѣдь шуточка пошучена.““
Да говорила же его и молода жена:
„Оставимъ, де, стрѣлять до другаго дня,
„Есть, де, въ утробѣ у меня могучь богатырь;
„Первой, де, стрѣлкой не дострѣлишь,
345. „А другой, де, перестрѣлишь,
„А третьею, де, стрѣлкою въ меня угодишь.“
Втапоры князи и бояра
И всѣ сильны-могучи богатыри
Его молода Дуная уговаривали.

---

1) Примѣта: мѣта, цѣль.

350. Втапоры Дунай озадорился,
И стрѣлялъ въ примѣту на цѣлу версту въ золото кольцо,
Становилъ стоять молоду жену;
И втапоры его молода жена
Стала ему кланятися и передъ нимъ убиватися:
355. „Гой еси ты, мой любезной ладушка,
„Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
„Оставь шутку на три дни,
„Хошь не для меня, но для своего сына нерожденнаго:
„Завтря рожу тебѣ богатыря,
360. „Что не будетъ ему сопротивника.“
Тому-то Дунай не повѣровалъ,
Становилъ свою молоду жену Настасью королевишну
На мѣту съ золотымъ кольцомъ,
И велѣли держать кольцо на буйной главѣ,
365. Стрѣлялъ Дунай за цѣлу версту изъ туга лука:
А и первой стрѣлой онъ не дострѣлилъ,
Другой стрѣлой перестрѣлилъ,
А третьею стрѣлою въ ее угодилъ.
Прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ,
370. Выдергивалъ чингалише булатное,
Скоро споролъ ей груди бѣлыя,—
Выскочилъ изъ утробы удалъ молодецъ,
Онъ самъ говоритъ таково слово:
„„Гой еси, сударь мой батюшка!
375. „„Какъ бы далъ мнѣ сроку на три часа,
„„А и я бы на свѣтѣ былъ попрыжѣе 1)
„„И полутчѣе въ семь семерицъ тебя.““
А и тутъ молодой Дунай сынъ Ивановичь запечалился,
Ткнулъ себя чингалищемъ во бѣлы груди,
380. Съ горяча онъ бросился во быстру рѣку.

Потому быстра рѣка Дунай словетъ:
Своимъ устьемъ впала въ сине море.
А и то старина, то и дѣянье!

* *
*

1) Попрытче.

СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

I.

1.

(Шенкурск. уѣзда, деревня Шихеринская.)

Изъ Волынца го́рода, изъ Галича 1),
Изъ той же Корелы изъ богатыя,
Во ту ли во пустыню во Данилову,
Собиралося, собруня́лося 2)
5. Сорокъ каликъ со каликою,
Сорокъ дородныхъ-добрыхъ мо́лодцевъ.
Собиралися калики на зеленый лугъ,
Становилися калики во единый кругъ,
Клю́шки-посохи всѣ въ землю испотыкали,
10. Клю́ши-посохи тѣ были таволжевые 3),
Одна клюща была кипарисъ-древо.
По сумочкѣ на клюшу исповѣсили,
Тѣ сумочки были рыта бархата,
Одна сумочка хрущато́й 4) камки—
15. У того же у большаго подъата́манья,
У молода Михайлушки Касьянова.
Они думали думу за единую,
Они клали заповѣдь великую:
„Еще кто изъ насъ, изъ сорока каликъ,
20. „Котора калика заворуется,
„Котора калика заплутуется,
„Котора обза́рится на бабицу,—

---

1) Галичья.

2) Надѣвали броню, сбрую, походный приборъ.

3) Изъ таволги, кустарника.

4) Ср. выше, стр. 78: по происхожденію (съ Греческаго) — золотистой, а въ осмысленіи (по Русски, отъ хруста)—плотной, производящей хрустъ, шорохъ и шумъ.

„Отвести того дородна-добра молодца,
„Отвести далеко во чисто поле:
25. „Копать ему ямище глубокое,
„Зарывать его во сыру землю,
„Во сыру землю по бѣлымъ грудямъ;
„Чистъ-рѣчистъ языкъ вынять теменемъ,
„Очи ясныя—косицами 1),
30. „Ретиво сердце промежду плечей;
„Казнена дородна-добра молодца
„Во чистомъ полѣ оставити.“

Походили калики въ пѣшь дорогою.
Походили калики въ стольный Кіевъ градъ,
35. Ко ласкову князю ко Владиміру:
Во Ерданѣ-рѣкѣ окупатися,
Господу Богу помолитися,
Ко Господней Гробницѣ приложитися,
Владиміру князю поклонитися.

40. Идутъ калики по Кіеву,
На встрѣчу каликамъ—Владиміръ князь.
Вскрычали калики зычнымъ голосомъ,
Зычнымъ голосомъ, по каличьему:
„Ужь ты красно наше солнышко, Владиміръ князь!
45. „Ты подай намъ милостыню-спасенную 2),
„Ради Христа, Царя небеснаго,
„Ради Матери Божьей Богородицы!“
Возговоритъ Владиміръ стольный Кіевскій:
—Ужь вы гой есте, сорокъ каликъ со каликою!
50. —У меня, право, казны съ собой не случилося,
—Подаянья вамъ, каликамъ, не пригодилося.
—Вы идите ко княгинѣ ко Апраксіи:
—Она подастъ вамъ милостыню спасенную!—

Походятъ калики въ пѣшь дорогою,
55. Ко той ко княгинѣ ко Апраксіи:
„Ужь ты гой еси, княгиня, свѣтъ Апраксія!
„Ты подай намъ милостыню спасенную,

1) Висками.—2) Спасительную, спасающую (подающаго и принимающаго).

„Ради Христа, Царя небеснаго,
„Ради Матери Божьей Богородицы!“
60. Отнирала княгиня окошко косящето,
Говорила каликамъ таково слово:
— Ужь вы сорокъ калнкъ со калнкою!
— Вы подите ко мнѣ въ нову горницу:
— Я въ тѣ-но́ръ подамъ вамъ милостыню спасенную.—
65. Заходили калики въ нову горницу.
Еще эта княгиня Апраксія
На одного калику обза́рилась,
На того ли на большаго подъатаманья,
На молода Михайлушку Касьянова:
70. Онъ не вздумалъ княгини потѣшити,
Не посмѣлъ озабы́ть заповѣди крѣпкія.

Беретъ княгиня чашу наливную,
Наливную чашу однозоло́тную,
Клала княгиня чашу въ сумочку
75. Ко тому ли Михайлу Касьянову.
Пошли калики въ путь-дороженьку.
Говоритъ княгиня Апраксія:
— Не калики то ходятъ,—разбойники,
— Разбойники ходятъ,—грабежники:
80. — Украли у меня чашу однозолотную,
— Изъ которой князь на поѣздѣ пилъ,
— Изъ которой князь на пріѣздѣ пьетъ!—
Посылаетъ за ними двухъ догонщиковъ.
Наѣзжали княгинины нагонщики
85. Сорокъ каликъ со каликою,
Сами крычатъ громкимъ голосомъ:
„Не кали́ки вы хо́дите, а разбойники,
„Разбойники ходите, грабежники!
„Вы украли чашу однозолотную,
90. „Изъ которой князь на пріѣздѣ пилъ,
„Изъ которой князь на поѣздѣ пилъ.“
Взяли сорокъ каликъ со каликою—
Метнули нагонщиковъ подъ облако.
Посылаетъ княгиня новы́хъ нагонщиковъ:

95. — Побѣгите вы за калинами,
— Обойдите дураковъ словами честными.—
Наѣзжали нагонщики сорокъ каликъ,
Говорятъ сами таковы рѣчи:
„Не попала ли какъ къ вамъ чаша питейная,
100. „Питейная чаша, однозолотная,
„Изъ которой князь на пріѣздѣ пилъ,
„Изъ которой князь на поѣздѣ пилъ?“
Становилися калики во единый кругъ,
Заобыскивали калики свои сумочки:
105. Нашли калики чашу питейную
У большаго подъатаманья Михайлушки Касьянова.
Отвозили его на чисто поле,
Копали ямище глубокое,
Закопали его во сыру землю,
110. Во сыру землю до бѣлыхъ грудей;
Чистъ-рѣчистъ языкъ тянули теменемъ,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердце промежду плечей;
Казнена 1) удала молодца
115. На чистомъ полѣ оставили.

(Не кончено. Записано г. Харитоновымъ, 29 Августа 1848 года, и доставлено В. И. Далемъ).

*

2.

(Петрозав. уѣзда, Сѣнногубской волости, деревни Догмасы).

Собиралося сорокъ каликъ со каликою,
Самъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичь 2).
Собиралися калики на зеленый лугъ,
Садилися калики во единый кругъ,
5. И думаютъ думушку добрую,
И совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Итти ко городу Еросолиму,
Ко святой святынѣ помолитися,
Ко Господню гробу приложитися.

1) Казнивши, оставили калѣкою.
2) По другимъ варіантамъ это Потыкъ—Михайло Ивановичь.

10. И положили они заповѣдь великую:
„Кто обворуетъ и кто облядуетъ,—
„Бить клюхамы каличьима,
„Тянуть языкъ со теменемъ,
„И копать очи ясныя косицамы,
15. „И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.“
И пошли они,—котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышили 1) краснымъ золотомъ,
И повысадили 1) скатнымъ жемчугомъ;
20. У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки Турецъ-сафьянъ;
На головушкахъ шляпы земли Греческой;
И взяли они по камешку Антавенту 2):
И скоро 3) калики въ походъ пошли,
25. День идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку Антавенту.
И выходили они на чисто поле,
И садилися они въ единый кругъ,
Думали думушку добрую,
30. Совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Зайти ко городу ко Кіеву,
Поисть-попить, хлѣба покушати.
И приходили ко городу ко Кіеву,
И закричали калики громкимъ голосомъ:
35. „„Свѣтъ ты, надежа, князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
„„Пошли мы ко Еросолиму,
„„А зашли ко городу ко Кіеву
„„Поисть-попить, хлѣба покушати.““
И тая побѣда 4) учинилася:
40. Дома князя не случилося.
Выходила Опракса королевична,
Бьетъ челомъ, покланяется:
„Ай же вы, калики перехожіе!
„Пойдите въ столовую богатырскую

---

1) Повышиты, повысажены? — 2) Съ Греч. anth-os, сложн. ak-anth-os (яхонтъ), еще сложнѣе hy-ak-inth-os (гіацинтъ), цвѣтъ и драгоцѣнный камень: первоначально — цвѣтистый, блестящій какъ небо, потомъ голубой и даже синій.—3) Какъ скоро, когда —4) Бѣда.

45. „Поставлю столы дубовые,
„Постелю скатерти браныя,
„И дамъ вамъ ѣствушекъ сахарныихъ,
„И дамъ питьицевъ медвяныихъ:
„Ѣшьте дó сыта и пейте дó люби!“
50. И шли во столовую богатырскую:
Поставили имъ столы дубовые,
Постлали скатерти браныя,
Поставили ѣствушекъ сахарныихъ
И дали питьицевъ медвиныихъ:
55. Ѣли калики до сыта и пили до люби,
И много они благодарствуютъ:
„„Благодарствуешь, Опракса королевична,
„„За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья.““
Дарила ихъ Опракса королевична
60. Чистымъ серебромъ и краснымъ золотомъ,
А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
И проговоритъ Опракса королевична:
„Ай же ты, атаманъ, Ѳома сударь Ивановичь!
„Пожалуй во спальну во теплую:
65. „Есть молвить словечушко тайное.“
И приходятъ во спальну во теплую,
Садились на кроваточку тесосую,
На периночку пуховую.
И проговоритъ Опракса королевична:
70. „Ай же ты, атаманъ, Ѳома сударь Ивановичь:
„Сдѣлаемъ любовь со мной великую.“
Проговоритъ Ѳома сударь Ивановичь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Не сдѣлаю съ тобой любви великія,—
75. — Пошли мы ко городу Еросолиму
— И положили заповѣдь великую:
— „Кто обворуетъ, кто облядуетъ,
— „Бить клюхамы каличьима,
— „Тянуть языкъ со теменемъ,
80. — „И копать очи ясныя косицамы,
— „И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.“—
Эты ей рѣчи не слюбилися,

И скорешенько бѣжитъ въ особливъ покой,
И хватаетъ чашу княженецкую,
85. И положила въ переплеты 1) каличьім.

И скоро калики въ походъ пошли,
И выходили на чисто поле,
Садились калики во единый кругъ,
И тутъ калики порасхвастались:
90. „„Были во городѣ во Кіевѣ,
„„Кормила насъ Опракса королевична,
„„Дарила насъ чистымъ серебромъ,
„„Дарила насъ краснымъ золотомъ,
„„А самого атамана скатнымъ жемчугомъ.““
95. И проговоритъ Опракса королевична:
„Ѣсть да пить,—такъ во Кіевѣ,
„А постоять за Кіевъ,—такъ некому!“
Повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты, Опракса королевична!
100. — Пойду я ко кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
Не бьетъ челомъ, не покланяется,
105. И говоритъ не съ упадкою 2):
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, много хлѣба стрескали,
— И украли чашу княженецкую:
110. — Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калики на рѣзвы ноги
И стянули ему штаны бархатны,.
115. И .... ему клюхамы натыкали:
„„Пойди ко городу ко Кіеву
„„И неси на насъ жалобу великую.““
И приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты, Опрка королевична!

1) Сумокъ, и самыя сумки.—2) Безъ боязни.

120. — А не калики есть, всё воры-грабители.—
Проговоритъ Опракса королевична:
„Ѣсть да пить,—такъ во Кіевѣ,
„А постоять за Кіевъ,—такъ некому!“
Повыскочитъ Алеша Поповичь сынъ Ивановичь:
125. — Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
130. Не бьетъ челомъ, не покланяется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ.
— Ѣли-пили, много хлѣба стрескали,
135. — И украли чашу княженецкую:
— Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калики на рѣзвы ноги
140. И стянули ему штаны бархатны,
Наклескали .... долонямы:
„„Пойдя ко городу ко Кіеву
„„И неси на насъ жалобу великую.““
И приходитъ ко Опраксы королевичной:
145. — Ай же ты, Опракса королевична!
— А не калики есть, всё воры-грабители.—
Проговоритъ Опракса королевична:
„Ѣсть да пить,—такъ во Кіевѣ,
„А постоять за Кіевъ,—такъ некому!“
150. Повыскочитъ Добрынюшка Никитиничь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я къ кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
155. И приходитъ къ кругу каличьему,
И бьетъ челомъ, покланяется:
— Ай же вы, калики перехожіе!

— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, хлѣба кушали,
160. -- У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую.—
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
165. У того атамана Ѳомы сударь Ивановича.
И били его клюхамы каличьима,
И копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ со теменемъ,
И копали въ сыру землю по бѣлымъ грудимъ.
170. И пошли ёны, калики, по чисту полю.
Напустилъ Господь на ясны очи:
И пошли они по чисту полю
Не дорогою, бездорожицею.
И за его правду великую
175. Послалъ Господь съ небеси двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу лицу,
И пошелъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичь по чисту полю.
И ходятъ калики—кричатъ по чисту полю,
180. Не дорогою ходятъ, бездорожицею.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичь:
„Ай же вы, калики перехожіе!
„Что́ же вы ходите не дорогою, бездорожицей?“
И кричатъ всѣ калики громкимъ голосомъ:
185. „„Ай же ты, Ѳома сударь Ивановичь!
„„За твою за правду за великую
„„Вложилъ тебѣ Господь душу въ бѣлы груди,
„„А за нашу за неправду за великую
„„Напустилъ темень на ясны очи.““

(Не кончено; записано П. Н. Рыбниковымъ отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова, 13 Генваря 1861 г.; отпечатано было здѣсь, въ 1-мъ изданіи, по согласію собирателя, прежде его 2-го тома, гдѣ нами повторено)

3.

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Іерусалиму,
5. Сорокъ каликъ ихъ со каликою.
Становилися во единой кругъ,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крѣпкую:
Выбирали большаго атамана
10. Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичь—
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ:
„А иттить намъ, братцы, дорога не ближняя,
15. „Итти будетъ ко городу Іерусалиму,
„Святой святынѣ помолитися,
„Господню гробу приложитися,
„Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
„Нетлѣнной ризой утеретися;
20. „Итти селами и деревнями,
„Городами тѣми съ пригородками;
„А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
„— Кто украдетъ, или кто солжетъ,
„— Али кто пустится на женской блудъ,
25. „— Не скажетъ большому атаману,
„— Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,—
„— Едина оставить во чистомъ полѣ
„— И окопать по плеча во сыру землю.—“
И въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана,
30. Бѣлыя рученьки исприложены:
Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичь,
Податаманье—братъ его родной,
Молодой Михайло Михайловичь;
Пошли калики во Іерусалимъ градъ.
35. А идутъ недѣлю уже спóряду,
Идутъ уже время не малое,

Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ.
Сверхъ тое рѣки Череги,
На его потѣшныхъ 1) на островахъ,
40. У великаго князя Владиміра,
А и вышли они изъ раменья 2),
Встрѣчу имъ-то Владиміръ князь.
Ѣздитъ онъ за охотою,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
45. Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ;
Пригодилося ему ѣхати по близости.
Завидѣли его калики тутъ перехожіе,
Становилися во единый кругъ,
50. Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
55. Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали,
А Спиря сталъ поспиривать,
Сёма сталъ пересёмывать 3).
Едва пробудится 4) Владиміръ князь,
60. Разсмотрѣлъ удалыхъ-добрыхъ молодцовъ,
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостыню,
А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти 5).
65. Отвѣчаетъ имъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой вы еси, калики перехожіе!
„Хлѣбы съ нами завозные,
„А и денегъ со мною не годилося,
„А и ѣзжу я, князь, за охотою,
70. „За зайцами и за лисицами,
„За соболи и за куницами,
„И стрѣляю гусей, бѣлыхъ лебедей,

1) Гдѣ его потѣха—охота.—2) Краснаго лѣсу 3) Ср. объясненія въ друг. мѣстахъ.—4) Очнется (отъ испуга).—5) Ср. стр. 82.

„Перелетныхъ малыхъ уточекъ.
„Изволите вы итти во Кіевъ градъ
75. „Ко душѣ княгинѣ Апраксѣевнѣ:
„Честна роду дочь, королевична,
„Напоитъ-накормитъ васъ добрыхъ молодцовъ,
„Надѣлитъ вамъ въ дорогу злата-серебра.“
Не долго калики думу думали,
80. Пошли ко городу ко Кіеву.
А и будутъ въ городѣ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
85. Подсумочья рыта бархата;
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Съ теремовъ верхи повалялися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися.
90. Становилися во единой кругъ,
Прошаютъ святую милостыню
У молоды княгини Апраксѣевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула.
95. Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
Звать каликъ во свѣтлу гридню;
Пришли тутъ стольники и чашники,
Бьютъ челомъ, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову,
100. Со своими его товарищами:
Хлѣба ѣсть во свѣтлу гридню
Къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ.
А и тутъ Касьянъ не ослушался,
Походилъ во гридню во свѣтлую:
105. Спасову образу молятся,
Молодой княгини поклоняются,—
Молода княгиня Апраксѣевна,
Поджавъ ручки будто Турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
110. Съ красными сѣнными дѣвушки.

Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Садился въ мѣсто большое:
Отъ лица его молодецкаго,
Какъ бы отъ солнышка отъ краснаго,
115. Лучи стоятъ великіе;
Убирались тутъ всѣ добры молодцы,
А и тѣ калики перехожіе,
За тѣ столы убраные;
А и стольники-чашники
120. Поворачиваютъ-пошевеливаютъ
Своихъ они приспѣшниковъ;
Понесли-то яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя;
А и тѣ калики перехожіе
125. Сидятъ за столами убраными,
Убираютъ яства сахарныя,
А и тѣ вѣдь пьютъ питья медвяныя,
И сидятъ они время—часъ, другой,
Во третьемъ часу подымалися,
130. Подымавши они Богу молятся,
За хлѣбъ за соль бьютъ челомъ
Молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ
И всѣмъ стольникамъ и чашникамъ;
И того они еще ожидаючи
135. У молодой княгини Апраксѣевны,—
Надѣлила бъ на дорогу златомъ серебромъ,
Сходить бы во градъ Іерусалимъ.
А у молодой княгини Апраксѣевны
Не то въ умѣ, не то въ разумѣ:
140. Кошлетъ Алёшу Поповича,
Атамана ихъ уговаривати
И всѣхъ каликъ перехожіихъ,
Чтобъ не итти бы имъ сего дня и сего числа.
И сталъ Алёша уговаривати
145. Молода Касьяна Михайловича,
Зоветъ къ княгинѣ Апраксѣевнѣ
На долгіе вечеры посидѣти,
Забавныя рѣчи побаити,
А сидѣть бы на единѣ во спальнѣ съ ней.

150. Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь.
Замутилось его сердце молодецкое,
Отказалъ онъ Алёшѣ Поповичу,
Не идетъ на долгіе вечеры
Къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ,
155. Забавныя рѣчи баити:
На то княгиня осердилася.
Посылаетъ Алёшиньку Поповича,
Прорѣзать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
160. Которой чарочкой князь на пріѣздѣ пьетъ.
Алёша-то догадливъ былъ,
Распоролъ суму рыта бархата,
Запихалъ чарочку серебряну
И зашивалъ гладехонько,
165. Что познать было не́ можно;
Съ тѣмъ калики и въ путь пошли,
Калики съ широка двора;
Съ молодой княгиней не прощаются,
А идутъ калики—не оглянутся.
170. И верстъ десятокъ отошли они
Отъ стольнаго города Кіева,—
Молода княгиня Апраксѣевна
Посылаетъ Алёшу въ погонь за ними
Молодой Алёша Поповичь младъ
175. Настигъ каликъ во чистомъ полѣ.
У Алёши вѣжство не рожденное 1),—
Онъ сталъ съ каликами здорити,
Обличаетъ ворами-разбойниками:
„Вы-то, калики, бродите по міру по крещеному,
180. „Кого окрадете, своимъ зовете!
„Покрали княгиню Апраксѣевну,
„Унесли вы чарочку серебряну,
„Которой чарочкой князь на пріѣздѣ пьетъ!“
А въ томъ калики не даются ему,
185. Молоду Алёшѣ Поповичу,
Не давались ему на обыскъ себѣ.
Поворчалъ Алёшинька Поповичъ младъ,

1) По роду, съ роду (поповскаго), отъ природы былъ невѣжливъ.

Поѣхалъ ко городу Кіеву;
И такъ пріѣхалъ во стольной Кіевъ градъ.
190. Во то же время и во тотъ же часъ
Пріѣхалъ князь изъ чиста поля,
И съ нимъ Добрынюшка Никитичь младъ:
Молода княгиня Апраксѣевна
Позоветъ Добрынюшку Никитича,
195. Посылаетъ за каликами,
За Касьяномъ Михайловичемъ.
Втапоры Добрынюшка не ослушался,
Скоро поѣхалъ во чисто поле,—
У Добрыни вѣжство рожденное и ученое 1),—
200. Настигъ онъ каликъ во чистомъ полѣ,
Сскочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ:
„Гой еси, Касьянъ Михайловичь!
„Не наведи на гнѣвъ князя Владиміра,
„Прикажи обыскать калики перехожіе,
205. „Нѣтъ ли промежу васъ глупаго?“
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Становилъ каликъ во единой кругъ,
И велѣлъ онъ другъ друга обыскивать,
Отъ малаго до стараго,
210. Отъ стараго и до большаго лица,
До себя Касьяна Михайловича.
Нигдѣ-то чарочка не явилася,
У молода Касьяна пригодилася.
Братъ его, молодой Михайло Михайловичь,
215. Принимался за заповѣдь великую:
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистомъ полѣ
Молода Касьяна Михайловича;
Отдавали чарочку серебряну
220. Молоду Добрынюшкѣ Никитичу,
И съ нимъ написанъ виноватый тутъ
Молодой Касьянъ Михайловичь.
Добрыня—онъ поѣхалъ во Кіевъ градъ,
А и тѣ калики въ Іерусалимъ градъ.

---

1) По природѣ (боярской) и воспитанію—навыку.

225. Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Съ ними калики 1) прощается.
И будетъ Добрынюшка въ Кіевѣ,
У младой княгини Апраксѣевны,
Привезъ онъ чарочку серебряну:
230. Виноватаго назначено 2)—
Молода Касьяна сына Михайлова,
А съ того время часу захворала скорьбью недоброю,
Слегла княгиня въ великое во гноище.

Ходили калики въ Іерусалимъ градъ,
235. Впередъ шли три мѣсяца.
А и будутъ въ градѣ Іерусалимѣ:
Святой святынѣ помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ерданѣ-рѣкѣ искупалися,
240. Нетлѣнною ризою утиралися,
А все то молодцы отправили,
Служили обѣдни съ молебнами
За свое здравіе молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
245. А и тутъ калики не замѣшкались,
Пошли ко городу Кіеву
И ко ласкову князю Владиміру.
А идутъ назадъ уже мѣсяца два,
На то мѣсто не угодили они,
250. Обошли маленькой сторонкою
Его молода Касьяна Михайловича.
Голосокъ наноситъ 3) помалеконьку:
А и тутъ калики остоялися 4),
А и мѣсто стали опознавать;
255. Подалися малехонько,—и увидѣли
Молода Касьяна сына Михайловича.
Онъ ручкой машетъ, голосомъ кричитъ.
Подошли удалы-добры молодцы,
Въ началѣ атаманъ родной братъ его,
260. Михайло Михайловичь.

---

1) Каликами.—2) Обозначилась вина.—3 Доносится голосъ Касьяна.—
4) Останавливались.

Пришли всѣ они, поклонилися,
Стали здравствовать;
Подаетъ онъ, Касьянъ, ручку правую,
А они-то къ ручкѣ приложилися,
265. Съ нимъ поцѣловалися,
И всѣ къ нему переходили.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда:
270. А всѣ они, молодцы, дивуются,
На его лице молодецкое
Не могутъ зрѣть добры молодцы,
А и кудри на немъ молодецкіе до самаго пояса.
И стоялъ Касьянъ не мало число,
275. Стоялъ на землѣ шесть мѣсяцевъ,
А шесть мѣсяцевъ будетъ полгода.
Втапоры пошли калики ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Дошли они до чудна креста Леванидова,
280. Становилися во единой кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали
И стоятъ калики потихохоньку.
Молодой Михайло Михайловичь
Атаманомъ еще правилъ у нихъ;
285. Посылаетъ легкаго молодчика 1)
Доложиться князю Владиміру:
„Прикажетъ ли итти намъ пообѣдати?“
Владиміръ князь пригодился въ домѣ,
Посылалъ онъ своихъ ключниковъ-ларечниковъ.
290. Побить челомъ и поклонитися имъ-то каликамъ,
Каликамъ пообѣдати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тутъ ключники-ларечники,
Пришли они къ каликамъ, поклонилися,
295. Бьютъ челомъ къ князю пообѣдати,
Пришли калики на широкой дворъ,
Середи двора княженецкаго

1) Скораго гонца.

Поздравствовалъ ему Владиміръ князь,
Молоду Касьяну Михайловичу;
300. Взялъ его за бѣлы руки,
Повелъ во свѣтлу гридню.
А втапоры молодой Касьянъ Михайловичь
Спросилъ князя Владиміра
Про молоду княгиню Апраксѣевну:
305. „Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
„Здравствуетъ ли твоя княгиня Апраксѣевна?"
Владиміръ князь едва рѣчи выговорилъ:
— Мы, де, уже недѣлю—другу не ходимъ къ ней.—
Молодой Касьянъ тому не брезгуетъ,
310. Пошелъ со княземъ во спальну къ ней;
А и князь идетъ,—свой носъ зажалъ;
Молоду Касьяну—то ничто ему,
Никакого духу онъ не вѣруетъ.
Отворяли ему у свѣтлы гридни,
315. Раскрывали окошечки косящатыя;
Втапоры княгиня прощалася 1),
Что нанесла рѣчь напрасную.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
320. На младу княгиню Апраксѣевну:
Не стало у ней того духу—пропасти 2);
Оградилъ ее святой рукой,
Прощаетъ ее—плоть женскую:
Захотѣлось ей—и пострадала она,
325. Лежала въ сраму полгода.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Пошелъ ко князю Владиміру во свѣтлу гридню,
Помолился Спасову образу
Со своими каликами перехожими,
330. И сажалися за убраны столы,
Стали пить-ѣсть, потѣшатися.
Какъ будетъ день въ половина дня,
А и тѣ калики напивалися,
Напивалися и наѣдалися;

1) Просила прощенія.--2) Дурнаго—злаго духа.

335. Владиміръ князь убивается 1),—
А калики-то въ путь наряжаются,—
Проситъ тутъ ихъ Владиміръ князь
Пожить-побыть тотъ денекъ у себя.
Молода княгиня Апраксѣевна
340. Вышла изъ кожуха 2), какъ изъ пропасти,
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тутъ же къ нимъ къ столу пришла
Съ няньками, съ мамками
345. И съ сѣнными красными дѣвицами;
Молоду Касьяну поклоняется
Безъ стыда, безъ сорому;
А грѣхъ свой на умѣ держитъ.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
350. Тою рученькой правою размахиваетъ
По тѣмъ ѣствамъ сахарнымъ,
Крестомъ ограждаетъ и благословляетъ.
Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются.
Втапоры молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
355. Вынималъ изъ сумы книжку свою,
Посмотрѣлъ и число показалъ:
„Что много мы, братцы, пьемъ-ѣдимъ, прохлаждаемся,
„Уже третій день въ доходѣ идетъ,
„И пора намъ, молодцы, въ путь итти.“
360. Вставали калики на рѣзвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьютъ челомъ князю Владиміру
Съ молодой княгиней Апраксѣевной,
За хлѣбъ за соль его.
365. И прощаются калики съ княземъ Владиміромъ
И съ молодою княгинею Апраксѣевною.
Собрались они и въ путь пошли,
До своего монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.
370. То старина, то и дѣянье.

(Ср. „Древн. Р. Стихотвор.;“ прочія дополненія и разнорѣчія ниже).

* * *

1) Усильно проситъ остаться, горюя о разставаньѣ.—2) Изъ коросты и проказы, которою была наказана.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

I.

1.

(На Уралѣ).

Изъ за горъ было высокіихъ
Не ясенъ соколъ тутъ вылетывалъ,
Молодой кречетъ тутъ выпархивалъ:
Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ
5. Дюкъ Степановичь,
На своемъ онъ на добромъ конѣ, бурымъ Бахматѣ.
Подъ нимъ добрый конь, какъ лютый звѣрь,
Онъ самъ сидитъ, какъ ясенъ соколъ,
Его лукъ-колчанъ по бедрамъ бьется.
10. У молодца не мало стрѣлъ:
Полторасга стрѣлъ,
Кажда стрѣлочка во пять сотъ рублей,
Только тремъ стрѣламъ цѣны нѣту:
Онъ день стрѣляетъ, а ночь стрѣлы сбираетъ,
15. Потому эти стрѣлы дороги:
Гдѣ стрѣла лежитъ, тутъ свѣча горитъ,
Свѣча горитъ воску ярова.
Оттого же эти стрѣлы еще дороги:
Въ ушахъ перья все орловыя,
20. Не здѣшнихъ орловъ Тульскихъ,—заморскіихъ,
Которые вьются надъ Окіянь-моремъ,
Выроняютъ 1) въ Окіянь-море;

---

1) Перья.

Сбираютъ перья корабельщички.
Ко всему эти перья надобны:
25. И плоты плотить, корабли снастить,
И для снастей (и для струментовъ всѣхъ);
Эти перышки царю надобны.

*

2.

(Кирша Даниловъ).

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ славна Волынца, красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
5. Какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ:
Выѣзжалъ удача доброй молодецъ,
Молодой Дюкъ сынъ Степановичь,
По прозванью Дюкъ былъ Боярской сынъ.
А и конь подъ нимъ, какъ бы лютой звѣрь,
10. Лютой звѣрь конь, и буръ, косматъ,
У коня грива на лѣву сторону, до сырой земли,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ.
Не много съ Дюкомъ живота пошло:
15. Что куякъ и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота
А куяку и панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчугѣ на немъ красна золота
Цѣна сорокъ тысячей,
20. А и конь подъ нимъ въ пять тысячей.
Почему коню цѣна пять тысячей?
За рѣку онъ броду не спрашиваетъ;
Котора рѣка цѣла верста пятисотная,
Онъ скачетъ съ берега на берегъ:

25. Потому цѣна коню пять тысячей.
Еще съ Дюкомъ не много живота пошло:
Пошелъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи;
Потому цѣна луку три тысячи:
30. Полосы были серебряны,
А рога краснѣ золота,
А и тетивочка была шелковая,
А и бѣлаго шелку Шимаханскаго.
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
35. А въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по пяти рублевъ;
А и еще есть въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и не свѣдомо;
40. Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-древа.
Строганы тѣ стрѣлки во Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьицемъ сиза орла,
45. А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія,
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы—за Синимъ моремъ 1):
Своимъ устьемъ впала въ Сине море.
50. А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ,
А ронилъ онъ перьица во сине море,
А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перья на синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь,
55. Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ:
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублевъ, во тысячу.
Почему тѣ стрѣлы дороги?
Потому они дороги,

---

1) За Хвалынскимъ, Каспійскимъ; не смѣшана ли здѣсь Кума?

60. Что въ ушахъ поставлено по Тирону,
По каменю по дорогу, самоцвѣтному;
А и ещё у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ.
65. Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ;
Онъ днемъ стрѣляетъ,
Въ ночи тѣ стрѣлки сбираетъ;
70. Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ,
Свѣчи теплются воску яраго:
Потому онѣ, стрѣлки, дороги.
Настрѣлялъ онъ, Дюкъ, гусей, бѣлыхъ лебедей,
75. Перелетныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ,
Поѣхалъ ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.

Онъ будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Что у ласкова князя Владиміра,
80. Середи двора княженецкаго,
А сскочилъ онъ со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ кольцу булатному,
Походилъ во гридню во свѣтлую,
85. Ко великому князю Владиміру.
Онъ молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На всѣ четыре стороны.
Тутъ сидятъ князи-бояра,
90. Скочили всѣ на рѣзвы ноги,
А глядятъ на молодца, дивуются;
И Владиміръ князь, стольной Кіевской,
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подавали Дюку Степанову.
95. Принимаетъ онъ, не чванится,

А принялъ чару единой рукой,
А выпилъ чару единымъ духомъ:
И Владиміръ князь, стольной Кіевской,
Посадилъ его за единой столъ хлѣба кушати.
100. А и повара были догадливые,
Носили яства сахарныя,
И носили питья медвяныя,
И клали калачики крупичаты
Передъ того Дюка Степанова.
105. А сидитъ Дюкъ за единымъ столомъ
Со тѣми князи и бояры,
Откушалъ калачики крупичаты,
Онъ верхню корочку отламываетъ,
А нижню корочку прочь откладываетъ.
110. А во Кіевѣ былъ счастливъ добрѣ
Какъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ;
Оговорилъ онъ Дюка Степанова:
„„Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?
„„Верхню корочку отламываешь,
115. „„А нижню прочь откладывиешь?""
Говорилъ Дюкъ Степановичь:
„Ой ты гой еси, Владиміръ князь!
„Въ томъ ты на меня не прогнѣвайся:
„Печки у тебя биты 1) глиняны,
120. „А подики кирпичные,
„А помелечко мочальное,
„Въ лохань обмакиваютъ;
„А у меня, Дюка Степанова,
„А у моей сударыни матушки,
125. „Печки были муравлены,
„А подики мѣдные,
„Помелечко шелковое,
„Въ сыту медвяную обмакиваютъ;
„Калачикъ съѣшь—больше хочется."
130. Втапоры князю Владиміру
Захотѣлось къ Дюку ѣхати,
Зоветъ съ собой князей-бояръ,
И взялъ Чурила Пленковича.

1) Были?

И пріѣхали они на пашню къ нему,
135. Ко тѣмъ крестьянскимъ дворамъ;
И тутъ у Дюка стряпчій былъ,
Припасъ про князя Владиміра почестной столъ,
И садился ласковой Владиміръ князь
Со своими князи-бояры
140. За тѣ столы бѣлодубовы;
И въ тѣ поры повара были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя.
И будетъ день въ половину дни,
145. И будетъ столъ во полу-столѣ,
Владиміръ князь полсыта наѣдается,
Полпьяна напивается.
Говорилъ онъ тутъ Дюку Степанову:
„Каково про тебя сказывали,
150. „Таковъ ты и есть."
Покушавши, ласковой Владиміръ князь
Велѣлъ домъ его переписывать,
И былъ въ томъ дому сутки четверо:
А и домъ его крестьянской переписывали,—
155. (Переписывали—) бумаги не стало
То оттеля Дюкъ Степановичь
Повелъ князя Владиміра
Со всѣми гостьми и со всѣми людьми
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
160. Честной вдовѣ многоразумныя.
И будутъ онѣ въ высокихъ теремахъ,
И ужасается Владиміръ князь,
Что въ теремахъ хорошо изукрашено.
И втапоры честна вдова, Дюкова матушка,
165. Обѣдъ чинила про князя Владиміра
И про всѣхъ гостей, про всѣхъ людей;
И садился Владиміръ князь
За столы убраные, за яства сахарныя
Со всѣми гостьми, со всѣми людьми.
170. Втапоры повары были догадливы,
Носили яства сахарныя, питья медвяныя.
И будетъ день въ половину дни,

Будетъ столъ во полу-столъ,
Говорилъ онъ, ласковой Владиміръ князь:
„Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная,
„Съ своимъ сыномъ Дюкомъ Степановымъ:
„Употчивала меня со всѣми гостьми, со всѣми людьми;
„Хотѣлъ было вашь и этотъ домъ описывать,
„До отложилъ всѣ печали 1) на радости.
И втапоры честна вдова многоразумная
Дарила князя Владиміра
Своими честными подарками:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ 2) лисицъ,
Еще сверхъ того каменьи самоцвѣтными.

То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье 3),
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря.
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ 4) на потѣшенье.

(Дополненія, разнорѣчія и объясненія см. ниже).

---

1) Заботы, хлопоты.
2) Бурыхъ.
3) На утишенье, на тишину, чтобъ было тихо.
4) Скоморохамъ—пѣвцамъ, смѣнившимъ древнихъ гусельщиковъ и пѣвшимъ эту былину; ср. о Ставрѣ

СУРОВЕЦЪ СУЗДАЛЕЦЪ.

I.

1.

(Симбирск. губ., село Головино).

Ой ты гой еси, охотничекъ,
Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ 1)!
Ѣздилъ ты ровно три года,
Не убилъ ни гуся, ни лебедя,
5. Ни малова, ни сѣрова утёночка.
Тутъ молодецъ незагнойчивъ 2) былъ.
Билъ коня по крутымъ бедрамъ,—
У коня бедры разъярются,
Молодецкое сердечко разгорается,—
10. Поѣхалъ самъ далече во чисто поле,
Еще того подалѣ ко раздольицу.

Тутъ стоитъ сырый дубъ,
Сырый дубъ, колповистый 3);
На дубу тутъ сидитъ черный вранъ,
15. Черный вранъ, птица вѣщая,
Провѣщаетъ человѣческимъ голосомъ,
Хочетъ онъ его подстрѣлити,

---

1) Суздалецъ,—по мѣсту, откуда родомъ; а вмѣстѣ ходебщикъ и аѳень—богатый гость, торговецъ по далекимъ краямъ Суровенъ, Суровецъ или Сурожанинъ, Сурожениниъ,— торговецъ по Сурожскому или Азовскому морю; объ этомъ см наши „Замѣтки.“

2) Можетъ быть это незазнойчивъ; если же и незагнойчивъ (отъ корня гни—, откуда гнѣвъ и гной), то значеніе одинаково: не задоренъ, не жаденъ, выносливъ, терпѣливъ Ср. въ другихъ пѣсняхъ выраженіе: „тѣло его распотѣлося (ознобилося), сердце пожадѣлося,“ наступила жажда и жадность

3) Колповистый—кляповистый, покляпый, изогнутый, кривой; вѣроятнѣе —кряковистый, о чемъ ср. выше.

Подстрѣлити, погубити;
Натягивалъ тетивочки шелковыя,
20. Накладывалъ стрѣлочки кленовыя;
Возговоритъ ему черный вранъ,
Провѣщаетъ человѣческимъ голосомъ:
„Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
„Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ!
25. „Что́ ты меня подстрѣлишь,
„Какую себѣ корысть въ домъ 1) получишь?
„Пукъ перья по чисту полю,
„Кровь пустишь по сыру дубу,
„По сыру дубу, во сыру землю.
30. „Я скажу тебѣ диво-дивовище,
„Самъ тому диву подивуешься:
„Поѣзжай ты далече во чисто поле,
„А еще того подалѣ ко синю морю,
„Ко широкому, ко чистому раздольицу:
35. „Тутъ стоитъ Кумбалъ царь,
„Кумбалъ царь Самородовичь,
„Со многими Татарами со уланами,
„Хочетъ онъ тебя погубити,
„Погубити и сорубити.“

40. Тутъ молодецъ не загнойчивъ былъ.
Билъ коня по крутымъ бедрамъ,—
У коня бедры разъяряются,
Молодецкое сердечко разгорается,—
Поѣхалъ онъ далече во чисто поле,
45. Еще того подалѣ ко раздольицу,
Ко раздольицу, ко синю морю,
Ко тому ли ко царю ко Кумбалу.
Сталъ по силѣ поѣзживати,
Сталъ Татаръ попугивати,
50. Попугивати, потукивати;
Гдѣ онъ ни проѣдетъ—тутъ улица,
Гдѣ онъ ни станетъ—тутъ площадью,

1) Въ томъ?

Гдѣ онъ ни обернется—тутъ проулочекъ.
Возговоритъ тутъ Кумбалъ царь:
55. „Не велика птица въ полѣ показалася:
„Много она въ полѣ начудила,
„Начудила и напурила,
„Много Татаръ въ полѣ положила!
„Ой вы еси, Татарищи-уланищи!
60. „Ройте вы ровы глубокіе,
„Ставьте поторчи 1) желѣзныя:
„'Вось 2) ли собана обрушится,
„Ево добрый конь набрушится 3).“
Первый ровъ его Богъ перенесъ,
65. Другой-то ровъ его конь перевезъ,
Третій ровъ—обрушился,
Его добрый конь набрушился.
Берутъ его за бѣлы руки,
Тысяча беретъ за руку,
70. Другая тысяча за другу руку.
Возговоритъ добрый молодецъ,
Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ:
— Ой гой еси вы, Татарищи-уланищи!
— Моя-то смерть будетъ чудная,
75. — Чудная и прокудная 4):
— Кто у васъ поменѣ, тотъ поближе стань,
— Кто у васъ поболѣ, тотъ подалѣ стань,
— Всѣмъ бы была она видимая,
— Видимая и слышимая.—
80. Тутъ они его слушались:
Кто у нихъ поменѣ, тотъ поближе сталъ,
Кто у нихъ поболѣ, тотъ подалѣ сталъ.
Встаетъ тутъ молодецъ на рѣзвы ноги,
Онъ беретъ Татарина за ноги,
85. Сталъ Татариномъ помахивати,

---

1) Къ верху вострые колья, на которые можно наткнуться.
2) Авось.
3) Напорется (брухать—бодать).
4) Прокудная, то же почти, что чудная, но вмѣстѣ съ изъяномъ, съ ущербомъ и вредомъ, съ пакостью для кого ни будь.

Сталъ онъ Татаръ попугивати,
Попугивати, потукивати:
Гдѣ онъ ни пройдетъ, тутъ улица,
Гдѣ ни повернется, проулочекъ,
90. Гдѣ онъ ни станетъ, тутъ площадь.
Возговоритъ тутъ Кумбалъ царь:
„Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
„Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ!
„Будь ты мнѣ названый братъ,
95. „Вотъ тебѣ палаты золотой казны,
„И отдамъ тебѣ конай заповѣданныхъ.“
Возговоритъ добрый молодецъ,
Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ:
— Ой ты гой еси, Кумбалъ царь!
100. — Видя смерть, отговариваешься,
— Братомъ нарекаешься,
— Сулишь палаты золотой казны,
— Отдаешь табуны заповѣдные! —

(Получено отъ Языкова; не кончено).

*

2.

Въ старые вѣки, прежніе,
Не въ нынѣшнія времена, послѣднія,
Какъ жилъ на Руси Суровецъ молодецъ,
Суровецъ богатырь 1), онъ Суроженинъ,
5. По роду города Суздаля,
Сынъ отца гостя богатаго.
Охочь онъ ѣздить за охотою,
За гусями, за лебедями,
За сѣрыми за утицами.
10. Ѣздитъ день до вечера,
А покушать молодцу нечего.

Какъ наѣхалъ во чистомъ полѣ на сырой дубъ,
Сырой дубъ, еще не простой,

1) Изъ „богатаго“ гостя сдѣлавъ уже „богатырь.“

Не простой,—корокольчестой 1);
Что на томъ на дубу сидитъ черной вранъ,
Черной вранъ, птица вѣщая;
Онъ снимаетъ съ себя крѣпкой лукъ,
Крѣпкой лукъ и калену стрѣлу,
Онъ накладываетъ на тетивочку шелковую,
Хочетъ стрѣлить по верьхъ дерева,
Хочетъ убить черна ворона,
Черна ворона, птицу вѣщую,
Что возговоритъ ему черной вранъ,
Черной вранъ, птица вѣщая:
„Гой еси ты, Суровецъ молодецъ,
„Суровецъ богатырь, еще Сурожениръ!
„Тебѣ меня убить,—не корысть получить:
„Мясомъ моимъ не накушаться,
„Кровью моей не напитися,
„Перьямъ 2) моимъ не тѣшиться,
„Инъ я тебѣ вѣстку скажу,
„Вѣстку скажу, вѣстку радостную:
„Какъ далече-далече, во чистомъ полѣ,
„А далѣ того во зеленыхъ лугахъ,
„Какъ стоитъ тамо Курбанъ царь,
„Еще Курбанъ царь да и Курбановичь,
„Со всею силою могучею,
„Что со всей ли поганицею удалою;
„Что стоитъ онъ широкими рвами окопавшиеся,
„Землянымъ валомъ оградившися.“
Молодецкое сердце не утерпчивое,
Разгоралася кровь богатырская,
Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,—
Подымается его добрый конь
Выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго,
Горы и долы между ногъ пускаетъ,
Быстрыя рѣки перепрыгиваетъ,
Широкія раздолья хвостомъ устилаетъ,

1) У котораго кора кольцами: по значенію то же, что кряковистый.
2) Перьемъ?

50. По землѣ бѣжитъ,—земля дрожитъ,
Въ лѣсу раздается, на нивахъ чуть 1).
Онъ взялъ—поскакалъ во чистыя поля,
Во чистыя поля, еще къ Курбану царю,
Еще къ Курбану царю да и къ Курбановичу.
55. Первой ровъ его Вогъ перенесъ,
Другой ровъ его конь перескочилъ,
Въ третій ровъ онъ обрушился,
Его доброй конь набрюшился.
Ай что взяли—прискакали удалы молодцы,
60. Подъ лѣву руку взяли двадцать человѣкъ,
Подъ праву руку взяли его сорокъ человѣкъ,
Поперегъ подхватили—еще смѣты нѣтъ.
Взяли—повели еще къ Курбану царю,
Еще къ Курбану царю да и Курбановичу.
65. Молодецкое сердце разъярилося,
Богатырская кровь разыгралася,
Какъ взялъ онъ Татарина за волосы,
Да какъ учалъ Татариномъ помахивати,
Какъ куда побѣжитъ, тамо улица лежитъ,
70. Гдѣ повернется, тамо площадью;
И пробился молодецъ онъ до бѣлаго шатра,
Что до бѣлаго шатра и до Курбана царя.
Какъ возмолится ему Курбанъ царь:
„Ты гой еси, Суровецъ молодецъ,
75. „Суровецъ богатырь и Суроженинъ!
„Погляди-ко ты, что въ книгѣ написано:
„Что не велѣно вамъ князей казнить,
„Что князей казнить и царей убивать.“

(Пѣсенникъ Новиковскій, ч. II, М., 1780 г., стр. 204—206; дополненія и разнорѣчія см. ниже).

* *
*

1) Слышно.

САУРЪ ВАНИДОВИЧЪ
или
САУЛЪ ЛЕВАНИДОВИЧЪ
съ сыномъ.

I.

1.

(Симбирск. губ.).

Изъ сильнаго было царства Астраханскаго,
Жилъ-былъ тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ.
Накопилъ онъ силушки себѣ многое множество,
Накопя онъ силушки въ походъ пошелъ,
5. Въ походъ пошелъ подъ три царства:
Подъ первое царство Латынское,
Подъ другое царство Литвинское,
Подъ третіе царство Сорочинское.

Провожала его молодая жена,
10. Провожала она его за два рубежа,
Отъ третьяго назадъ воротилася.
Входила она на вышку на высокую,
Становилась на бѣлъ-горючъ камень,
Глядѣла-смотрѣла въ чисто поле:
15. „Далеко ли идетъ мой князь
„Сауръ сынъ Ванидовичъ?“
Изъ того ли изъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
20. Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася,—
Во чревѣ дитя встрепенулося.
Она пишетъ ярлыки скорописные,
Посылаетъ за самимъ княземъ,
25. Чтобы князь Сауръ сынъ Ванидовичъ
Воротился домой:
„Молодая княгиня беременна.“

Догониетъ его скорый посолъ,
Кладетъ (пакеты) на бѣлы руки.
30. (Пакеты тѣ) онъ прочитываетъ:
— Да не первый-то разъ она меня обманываетъ,
— Да не другой разъ она меня назадъ ворочаетъ:
— Теперь не ворочусь я домой!
— Коли дочь родитъ,—пой-корми пятнадцать лѣтъ,
35. — А на шестнадцатомъ за мужъ отдай;
— А сына родитъ,—такъ лелѣй его до восьми годовъ,
— А на девятомъ году присылай его ко мнѣ на помочь.—
Родила княгиня сына себѣ.
Поила-кормила она его восемь лѣтъ,
40. На девятомъ году собирать
Она стала его на подмочь,
Давала силы съ нимъ сорокъ тысячь.
И пошелъ же молодой вьюношь къ отцу на подмочь:
Латынское царство онъ выжегъ и вырубилъ,
45. А Литвинское царство въ полонъ все взялъ;
Подходитъ онъ къ царству Сорочинскому.
Увидали старики Сорочинскіе,
Они дѣлали сходки все великія:
„„Подступила намъ, братцы, сила несмѣтная,
50. „„Просютъ поединщика.“
Возговорили старики Сорочинскіе:
„„Есть у насъ, братцы, полоненочекъ, заторенщи-
чекъ 1).
„„Пошлемъ мы его напродивъ силы поединщиковъ.“
Приходили же старики Сорочинскіе къ земляной тюрьмѣ:
55. „„Ты гой еси, полоненьщичекъ,

1) Въ Сербскомъ эпосѣ заточникъ: плѣнникъ и колодникъ, приберегаемый на случай отчаянной битвы; присяжный, нарочитый поединщикъ (хайдукъ), всегда готовый на подвиги подвижникъ. Итальянская литература сохранила изъ XVI—XVII в. описаніе и даже рисунки такихъ героевъ, составлявшихъ иногда у южныхъ Славянъ цѣлый отрядъ (чету): это первообразы и предшественники послѣдующихъ усковъ и хайдуковъ, на переходѣ отъ періода владѣтельныхъ воеводъ къ періоду бродячихъ хайдуковъ, въ отмщеніи врагамъ, особенно Туркамъ. У насъ въ древности и въ старшемъ эпосѣ Заточникъ — дружинникъ (иногда и бояринъ), сосланный въ заточеніе, или богатырь, заточенный въ тюрьму (въ какой роли былъ и самъ Илья Муромецъ), позднѣе разбойникъ, разбойничекъ, лишь попавшій въ плѣнъ и подъ иго, но освобождаемый подъ условіемъ опасной борьбы противу напавшаго врага.

„Ты гой еси, затюремщичекъ!
„Сослужи ты намъ службу великую,
„Напротивъ силы поединьщикомъ.
Возговорилъ еси 1) князь Сауръ сынъ Ванидовичь:
60. — Ой вы гой еси, старики Сорочинскіе!
— Давайте мнѣ коня добраго
— И збрую богатырскую,—
Сѣлъ на добра коня
И полетѣлъ напротивъ силы во чисто поле.
65. Съѣхались, поздоровались
И поцѣловались, врозь разъѣзжались 2),
И бились день до вечера,
И никто никого не одолѣваетъ.
И взо́зрѣлъ князь Сауръ
70. Сынъ Ванидовичь на небо:
— Помоги ты мнѣ, Господи,
— Молодаго воина 3) изъ сѣдла выладить!
И выладилъ изъ сѣдла,
И палъ ему на бѣлу грудь,
75. И сталъ его спрашивать:
— Охъ ты гой еси, молодой воинъ!
— Какого ты роду-племени?
„Не моя въ полѣ Божья помочь!
„Не сталъ бы я много спрашивать,
80. „Срубилъ бы съ тебя буйну голову
„По самыя могучія плечи 4)!
„Былъ у меня батюшка
„Князь Сауръ сынъ Ванидовичь,
„Пошелъ воевать подъ три царства,
85. „Тамъ и пропалъ.
Тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичь заплакалъ,
И поднялъ за бѣлы руки, и возговорилъ:
— Ой ты гой еси, добрый молодецъ!
— Вѣдь я твой родной батюшка!

---

1) Есь, есть.—Оказывается, что отецъ успѣлъ попасть въ плѣнъ къ Сорочинцамъ и выпущенъ былъ — на сына. — 2) „Разъѣхались". — 3) Вьюна, вьюнота у вьюнку? — 4) Теперь не моя побѣда въ поединкѣ, не бывать бы и сидѣлъ бы я у тебя на грудяхъ, я не сталъ бы тебя спрашивать.

90. Тутъ онъ написалъ письмо
И послалъ гонца къ своей матушкѣ;
„Гой ты еси, моя родная матушка!
„Выручилъ я роднаго батюшку.“

(Доставилъ Языковъ).

2.

(Кирша Даниловъ).

Царь Саулъ Леванидовичь
Поѣхалъ за море синее,
Въ дальну орду, въ Половецку землю,
Брать дани и невыплаты.
5. А царица его проводила
Отъ перваго стану до втораго,
Отъ втораго стану до третьяго;
Отъ третьяго стану воротилася,
А сама она 1) царю поклонилася:
10. „Гой еси ты есми 2), царь Саулъ,
„Царь Саулъ Леванидовичь!
„А кому меня, царицу, приказываешь,
„А кому меня, царицу, наказываешь?
„Я остаюсь царица нерéвоста,
15. „Черéвоста осталась на тѣхъ порахъ 3).“
А и только царь слово выговорилъ,
Царь Саулъ Леванидовичь:
— А и гой еси, царица Азвяковна,
— Молода Елена Александровна!
20. — Никому я тебя, царицу, не приказываю,
— Не приказываю и не наказываю;
— А то коли тебѣ Господи сына дастъ,
— Вспой-вскорми и за мной его пошли;
— А то коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
25. — Вспой-вскорми, — за мужъ отдай, —
— А любимаго зятя за мной пошли:
— Поѣду я на двѣнадцать лѣтъ. —

1) Приставаньемъ. — 2) Вмѣсто „еси,“ повтореніе. — 3) Беременна на сносяхъ

Вскорѣ послѣ его царицѣ Богъ сина даетъ.
Попъ приходилъ со молитвою,
30. Имя даетъ Константинушкомъ Сауловичемъ.
А и царское дитя не по годамъ ростетъ,
А и царско дитя не по мѣсяцамъ,
А которой ребенокъ двадцати годовъ,
Онъ Константинушка семи годковъ.
35. Присадила его матушка грамотѣ учиться.
Скоро ему грамота далася и писать научился.
Будетъ онъ, Константинушка, десяти годовъ,
Сталъ-то по улицамъ похаживати,
Сталъ съ ребятами шутку шутить,
40. Съ усатыми, съ бородатыми,
А которые ребята двадцати годовъ
И которые во полу-тридцати 1),—
А всѣ вѣдь дѣти княженецкіе,
А всѣ-то вѣдь дѣти боярскіе,
45. И всѣ-то вѣдь дѣти дворянскіе,
Еще ли дѣти купецкіе,—
Онъ шутку шутитъ не по ребячью,
А творки творилъ не по маленьнимъ:
Котораго возметъ за руку,
50. Изъ плеча тому руку выломитъ,
И котораго задѣнетъ за ногу,
По ..... ногу оторветъ прочь;
И котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ-реветъ, окорачь ползетъ,
55. Безъ головы домой придетъ.
Князи-бояра дивуются
И всѣ купцы богатые:
„„А что это у насъ за уродъ ростетъ?
„„Что это у насъ за выблядочекъ?““
60. Доносили они жалобу великую
Какъ бы той царицѣ Азвяновнѣ,
Молодой Еленѣ Александровнѣ:
Втапоры скоро завела его матушка во терему свои,
Того ли млада Константинушку Сауловича,
65. Стала его журить-бранить,

1) Т. е. двадцати пяти; ср. „пол-тор-а (полъ-втора).“

А журить бранить, на умъ учить,
(На умъ учить—) смиренно жить.
А младъ Константинъ сынъ Сауловичь
Только у матушки выспросилъ:
70. „Гой еси, матушка,
„Молода Елена Александровна!
„Есть ли у меня на роду батюшка?“
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
75. — Гой еси, мое чадо милое,
— А и ты младой Константинушка Сауловичь!
— Есть у тебя на роду батюшка,
— Царь Саулъ Левандиовичь;
— Поѣхалъ онъ за море синее,
80. — Въ дальну орду, въ Половецку землю,
— Брать дани, невыплаты,
— А поѣхалъ онъ на двѣнадцать лѣтъ;
— Я осталося черевоста,
— А черевоста осталася на тѣхъ порахъ,
85. — Только ему царю слово выговорила:
— „А кому меня, царицу, приказываешь?“
— Только лишь царь слово выговорилъ:
— „Никому я тебя, царицу, не приказываю,
— „(Не приказываю) и не наказываю;
90. — „А то коли тебѣ Господь сына дастъ,
— „Ты, де, вспой-вскорми,
— „Сына за мной пошли;
— „А то коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
— „Вспой-вскорми,—за мужь отдай,
95. — „А любимаго зятя за мной пошли.“
Много царевичь не сдращиваетъ,
Выходилъ на крылечко на красное:
„Конюхи, приспѣщники!
„Осѣдлайте скоро мнѣ добра коня
100. „Подъ то сѣделечко Черкесское,
„А въ задней слукѣ и въ передной слукѣ
„По Тирону по каменю,
„По дорогу по самоцвѣтному:
„А не для-ради меня молодца,

105. „Басы для-ради 1), богатырскія крѣпкости,
„Для-ради пути для дороженьки,
„Для-ради темной ночи осенней,
„Чтобы видѣть при пути-дороженьки
„Темна ночь 2) до бѣла свѣта.
110. А и только вѣдь матушка видѣла,
Ставалъ во стремя вальящатое,
Садился въ сѣдельцо Черкесское,
Только онъ въ ворота выѣжалъ,
Въ чистомъ полѣ дымъ столбомъ.
115. А и только съ собою ружье 3) везетъ,
А везетъ онъ палицу тяжкую,
А и мѣдну литу въ триста пудъ.
И наѣхалъ часовню 4), пошелъ Богу молитися,
А отъ той часовни три дороги лежатъ;
120. А и перва дорога написана,
А написана дорога въ право:
„„Кто этой дорогой поѣдетъ,
„„Конь будетъ сытъ, самому смерть,
А другою крайнею дорогою лѣвою:
125. „„Кто этой дорогой поѣдетъ,
„„Молодецъ самъ будетъ сытъ, конь голоденъ,
А середнею дорогою поѣдетъ:
„„Убитъ будетъ смертью напрасною.
Втапоры богатырское сердце разъярилося,
130. Могучи плечи расходилися,
Молодой Константинушка Сауловичъ
Поѣхалъ онъ дорогою среднею.
Доѣзжать 5) до рѣки Смородины.
А втапоры Кунгуръ царь перевозится
135. Со тѣми ли Татары погаными.
Тутъ Константинушка Сауловичъ
Зачалъ Татаровъ съ краю бити
Тою палицею тяжкою.
Онъ бьется-дерется цѣлой день

---

1) Для ради красы. — Вѣроятно: „не для ради меня, не для ради красы, а для ради крѣпости, для ради пути-дороженьки“ — 2) О значеніи этого оборота при неокончательномъ ср. выше и въ другихъ мѣстахъ. — 3) Оруже, оруділ. — 4) Вотъ уже что явилось вмѣсто древняго Алатырь-камня. — 5) Вѣроятно: доѣзжать, доѣзжаетъ.

140. Не пивоючи не ѣдаючи,
Ни на малой часъ отдыхаючи.
День къ вечеру вечеряется,
Ужь красное солнце закатается.
Молодой Константинушка Сауловичъ
145. Отъѣхалъ онъ отъ Татаръ прочь,
Гдѣ бы молодцу опочивъ держать,
Опочивъ держать и коня кормить.
А ко утру заря занимается,
А и молодой Константинушка Сауловичъ—
150. Онъ молоденъ ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Бѣлымъ полотномъ утирается,
На востокъ онъ Богу молится.
Скоро, де, садился на добра коня,
155. Поѣхалъ онъ ко Смородинѣ рѣкѣ.
А и туто Татары догадалися,
Они къ Кунгуру царю пометалися:
„„Гой еси ты, Кунгуръ царь,
„„Кунгуръ царь Самородовичь!
160. „„Какъ намъ будетъ дѣгину ловить,
„„Силы мало осталося у васъ?""
А и Кунгуръ царь Самородовичь
Научалъ тѣхъ ли Татаръ поганыихъ
Копати ровы глубокіе:
165. — Заплетайте вы туры 1) высокіе,
— А ставьте поторчины дубовыя,
— Колотите вы надолбы желѣзныя.—
А и тутъ Татары поганые,
И копали они ровы глубокіе,
170. Заплетали туры высокіе,
Ставили поторчины дубовыя,
Колотили надолбы желѣзныя.
А по утру рано ранешенько,
На свѣтлой зарѣ, рано, утренней,
175. На всходѣ краснаго солнышка,
Выѣзжалъ удалой-доброй молодецъ
Младой Константинушка Сауловичъ;

1) Плетюшки, корзины, насыпаемыя землею; прочіе термины ср. выше.

А и бѣгаетъ-скачетъ съ одной стороны,
И завéрнется на другу сторону,
180. Усмотрѣлъ ихъ Татарскіе вымыслы,—
Тамо Татары просто 1) стоятъ:
И которыхъ вислоухихъ—всѣхъ прибилъ,
И которыхъ висячихъ—всѣхъ оборвалъ.
И пріѣхалъ къ шатру къ Кунгуру царю,
185. Разбилъ его въ кроши .....
А достальныхъ Татаръ домой отпустилъ.

И поѣхалъ Константинушка по городу Угличу.
Онъ бѣгаетъ-скачетъ по чисту полю,
Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ 2),
190. Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Сильна-могуча богáтыря,
Съ кѣмъ побиться-подраться и поратиться.
А Углицки мужики были лукавые,
Городъ Угличь крѣпко заперли,
195. И взбѣгали на стѣну бѣлокаменну,
Сами они его обманываютъ:
„„Гой еси, удалой-доброй молодецъ!
„„Поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну,
„„А и нѣту у насъ царя въ Ордѣ,
200. „„(Царя въ Ордѣ,) короля въ Литвѣ 3),
„„Мы тебя поставимъ царемъ въ Орду,
„„(Царемъ въ Орду,) королемъ въ Литву.““
У Константинушки умокъ молодешенекъ,
Молодешенекъ умокъ, зеленешенекъ.
205. И сдавался на ихъ слова прелестныя,
Подъѣзжалъ подъ стѣну бѣлокаменну:
Они крюки-багры заметывали,
Подымали его на стѣну высокую
Со его добрымъ конемъ.
210. Мало время замѣшкавши,
И связали ему руки бѣлыя
Въ крѣпки чембуры шелковые;

---

1) Безъ опаски.—2) Перемахивалъ участки (хоботы) величиною съ цѣлый темный лѣсъ.—3) Обыкновенное, техническое выраженіе о двухъ противуположныхъ окраинахъ и державахъ относительно древней Руси, какъ у Южныхъ Славянъ „царя (султана въ Ордѣ) и тесара (въ Австріи).“

И сковали ему ноги рѣзвыя
Въ тѣ ли желѣза Нѣмецкія;
215. Взяли у него добра коня
И взяли палицу мѣдную,
А и тяжку пяту въ триста пудъ;
Сняли съ него платье царское цвѣтное
И надѣвали на него платье опальное,
220. (Опальное—) будто тюремное 1),
Повели его въ погребы глубокіе,
Мѣсто темной темницы;
Только его посадили, молодца,
Запирали дверями желѣзными
225. И засыпали хрящемъ, пески мелкими.
Тутъ десятники засовалися,
Бѣгаютъ они по Угличу,
Спрашиваютъ подводы подъ царя Саула Леванидовича:
И которыя подъ царя пригодилися,
230. И проѣхалъ тутъ онъ, царь Саулъ,
Во свое царство въ Алыберское.
Царица его царя встрѣтила,
А и молода Елена Александровна;
За первомъ поклономъ царь поздравствовалъ:
235. „Здравствуй ты, царица Азвяковна,
„А и ты молода Елена Александровна!
„Ты осталася черевоста:
„Что̀ послѣ меня тебѣ Богъ далъ?“
Втапоры царица заплакала,
240. Скрозь слезы едва слово выговорила:
— Гой еси, царь Саулъ Леванидовичь!
— Вскорѣ послѣ тебе Богъ сына далъ,
— Попъ приходилъ со молитвою,
— Имя давалъ Константинушкомъ.—
245. Царь Саулъ Леванидовичь
Много ли царицу не спрашиваетъ,
А и только онъ слово выговорилъ:
„Конюхи вы мои, приспѣшники!
„Сѣдлайте скоро мнѣ добра коня,
250. „Которой жеребецъ стоитъ тридцать лѣтъ.“

1) Сдѣлали его такимъ же заточникомъ, какъ выше въ другомъ образѣ былины.

Скоро тутъ конюхи метались,
Осѣдлали ему того добра коня,
И беретъ онъ, царь, свою збрую богатырскую,
Беретъ онъ сабельку острую и копье мурзамецкое.
255. Поѣхалъ онъ скоро ко городу Угличу.
А тѣ же мужики Угличи, извощики,
Съ нимъ ихнимъ разсказываютъ,
Какого молодца посадили въ погребы глубокіе,
И сказываютъ, каковы коня примѣты,
260. И каковъ былъ молодецъ самъ.
Втапоры царь Саулъ догадается,
Самъ говорилъ таково слово:
„Глупы вы мужики, неразумные!
„Не спросили удала-добра молодца
265. „Его дядины 1), отчины;
„Что онъ прежде того
„Не мало у Кунтура царя силы порубилъ:
„Можно за то вамъ его благодарити и пожаловати,
„А вы его назвали воромъ-разбойникомъ,
270. „И оборвали съ него платье цвѣтное,
„И посадили въ погреба глубокіе,
„Мѣсто темной темницы!“
И мало время поизсидучи,
Подъѣзжалъ онъ, царь, ко городу Угличу,
275. Просилъ у мужиковъ Угличевъ,
Чтобы выдали такого удала-добра молодца,
Которой сидитъ въ погребахъ глубокіихъ.
А и тутъ мужики Угличи
Съ нимъ со царемъ заздорили,
280. Не пущаютъ его во Угличь градъ,
И не сказываютъ про того удала-добра молодца:
„„Что, де, у насъ нѣтъ такого и не бывало.“
Старики тутъ вмѣстѣ соходилися,
Они думали думу единую,
285. Выводили тутъ удала-добра молодца
Изъ того ли погреба глубокаго,
И сымали желѣза съ рѣзвыхъ ногъ,
Развязали чембуры шелковые,

1) Дядины.

Приводили ему добра коня,
290. А и отдали палицу тяжкую,
А мѣдну литу въ триста пудъ,
И его платьице царское, цвѣтное:
Наряжался онъ, младой Константинушка Сауловичь,
Въ тое свое платье царское, цвѣтное;
295. Подошелъ Константинушка Сауловичь
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Сталъ свою родину разсказывати.
А и царь Саулъ спохватается,
А и беретъ его за руку за правую,
300. И цѣлуетъ его во уста сахарныя:
„Здравствуй, мое чадо милое,
„Младой Константинушка Сауловичь!"
А и втапоры царь Саулъ Леванидовичь
Спрашиваетъ мужиковъ Угличевъ:
305. „Есть ли у васъ мастеръ заплечной 1) съ подмастерьями?"
И тутъ скоро таковыхъ сыскали и къ царю привели.
Царь Саулъ Леванидовичь
Приказалъ казнить и вѣшати,
Которые мужики были главные во Угличѣ.
310. И садилися тутъ на свои добры кони,
Поѣхали во свое царство въ Алыберское.

И будетъ онъ, царь Саулъ Леванидовичь,
Во своемъ царствѣ въ Алыберскомъ,
Со своимъ сыномъ младымъ Константинушкомъ Сауловичемъ,
315. И съѣхалися со царицею, обрадовалися.
Не пива у царя варить, не вина курить:
Пиръ пошелъ на радостяхъ,
А и пили да ѣли, потѣшалися;
А и день къ вечеру вечеряется,
320. Красное солнце закатается,
И гости отъ царя разъѣхалися.

Тѣмъ старина и кончилася.

*

1) Палачь.

При двухъ былинахъ, только что предъ симъ отпечатанныхъ у насъ, необходимы нѣкоторыя объясненія: я ихъ высказалъ ихъ съ подробностію въ обширной „Замѣткѣ“ по II-й части Рыбниковскаго собранія, нами изданнаго (1862 года, стр. CVII и дал.; ср. также „Замѣтки“ къ 3-му и 4-му вып. собранія Кирѣевскаго по 1-му изданію); здѣсь же повторимъ вкратцѣ, развивая и дополняя одно только существенное.

Въ обѣихъ былинахъ, имя и лицо героевъ,—„Саулъ сынъ Ванидовичъ съ сыномъ или Саулъ Ивановичъ,“—одно изъ самыхъ загадочныхъ въ нашемъ древнемъ эпосѣ. Само творчество былинъ, по всѣмъ признакамъ, несомнѣнно исходитъ изъ круга Владимірова, изъ старшей области Кіевской (въ обширномъ смыслѣ). Походъ въ „царство Сорочинское,“ противуполагаемое западнымъ царствамъ Латынскому и Литвинскому, это первая ступень и черта, древнѣйшая, уступающая дальнѣйшей — походу „въ дальну орду, Половецку землю,“ и наконецъ третья, позднѣйшая черта и ступень — битвы противу „Татаръ“ и царя ихъ „Кунгура,“ — такія обстоятельства указываютъ на инородцевъ Востока и Юга, преимущественно *Южныхъ*, въ направленіи къ Югу. Но въ семъ же, Южномъ краю, является Угличъ, претерпѣвающій отъ инородцевъ и родственный героямъ Русской былины, по обстоятельствамъ на нѣкоторое время враждебный для нихъ, а въ концѣ концовъ подчиняющійся имъ, какъ подданный и подвластный. По былинамъ, Угличъ явно страдаетъ отъ тѣхъ пришлыхъ враговъ, кои названы Татарами (старше — Половцами, а еще старше — Сарацинами): Русскій герой за нихъ „не мало у Кунтура-царя силы порубилъ“ и Угличамъ говоритъ въ упрекъ: „Можно за то вамъ его благодарити и пожаловати, а вы его назвали воромъ-разбойникомъ, и оборвали съ него платье цвѣтное, и посадили въ погреба глубокіе.“ Угличане поступившіе такъ дурно съ *сыномъ*, даютъ однако же *отцу* подводы, какъ родные, одного роду-племени, а потомъ съ нимъ „заздорили, не пущаютъ его во Угличь-градъ.“ Сами Русскіе герои, отецъ и сынъ, въ двухъ былинахъ мѣня-

ются ролями: въ одной освобождаетъ сынъ отца, въ другой отецъ сына,—очевидно, что имя, носимое былиною, собственно принадлежитъ кому либо одному изъ нихъ. Встрѣчая такія видимыя странности, мы по невольѣ обращаемся за разъясненіемъ къ тѣмъ эпизодамъ Русской исторіи, которые весьма сжаты и кратки у нашего древнѣйшаго лѣтописца, вѣроятно по отдаленности событія, а между тѣмъ заключаютъ въ себѣ, двумя-тремя словами, черты столь рѣзкія и характерныя, что онѣ непремѣнно должны были заинтересовать собою древнее эпическое творчество. Такова, между прочимъ, извѣстная по лѣтописи борьба, которую мы нѣкогда назвали не безъ основанія завязкою великой, исторической и поэтической драмы, ибо эта борьба вывела за собою на сцену Владиміра, — солнце средоточіе нашего эпоса и первой положительной нашей исторіи (см. „Замѣтки" къ I-й Ч. Рыбн. и къ 4-му вып. Кир. по I-му изд.). Это дѣло, возникшее изъ за убійства Ляха сына Свѣнальдова.

Мы нашли нѣкогда, и повторяемъ здѣсь, что Олегъ Вѣщій (по былинамъ „Вольга или Вольга") несомнѣнно смѣшивается для нашего эпоса съ позднѣйшимъ по времени Олегомъ Святославичемъ: простѣйшимъ поводомъ для смѣшенія служило какъ самое имя *Олегъ*, у обоихъ одинаковое, такъ и то, что оба дѣйствовали съ *Деревлянами*, въ одной и той же области—въ Деревѣхъ; самъ Вѣщій, первый „нача воевати Деревляны и, примучивъ, и, имаше на нихъ дань," другой же владѣлъ симъ самымъ удѣломъ, и прозванъ Древлянскимъ, и умеръ здѣсь. Вотъ почему, какъ мы знаемъ, былины 1) перенесли отъ второго Олега, Древлянскаго, отчество *Святославича* къ Олегу Вѣщему, именуя сего послѣдняго „Вольгою *Святославичемъ*;" 2) надѣлили Вѣщаго Олега тѣми же удѣльными Древлянскими городами, какіе пожалованы были Олегу Святославичу, именно *Гурчевцемъ*, т. е. *Вручевцемъ* (Вручичемъ, Овручемъ), и *Креопьмовцемъ*, т. е. *Коростенцемъ* (Коростенемъ, по счастливой догадкѣ Н. Дм. Кваснина-Самарина): „Жаловалъ его (Вольгу Вѣщаго), какъ поютъ былины, родный дядюшка, стольно-Кіевскій, тремя городами

дамы — первымъ городомъ Гурчевцемъ, другимъ городомъ Орѣховцемъ, третьимъ городомъ Крестьяновцемъ." Мало того, борьба Вѣщаго Вольги противу города Гурчевца (Врачаго) и мужиковъ (земцевъ) Гурчевскихъ, куда онъ ходилъ за получкою даней, изображена былевымъ творчествомъ точно такъ, какъ лѣтописная бѣда и смерть Олега Святославича Древлянскаго подъ Вручимъ: „Мужики Гурчевскіе," по былинамъ, „подѣлали мосточки подѣльные," а Вольговы дружинники „посылали свою силушку великую ма тыи на мосточки на калиновы, мосточки всѣ подломалися, тая сила вся въ рѣченькѣ подавалася, начала силушка тонуть да гинуть;" въ лѣтописи же — „Побѣгъшю Ольгу (Святославичу) съ вои своими въ градъ, рекомый Вручій, бяше черезъ проблю мостъ ко врѣтамъ гредным, тѣснячеся другъ друга нихаху въ гробѣ, и спекнуша Ольга съ мосту въ дебрь, падахуще людие мнози и удавиша кони человѣци." Однимъ словомъ, внѣ сомнѣнія, историческій Олегъ Святославичъ, братъ Владиміра, далъ половину своего имени и долю красокъ творческому Олегу или Вольгѣ Вѣщему въ былинахъ, равное же событіе смерти Олеговой подъ Вручимъ, какъ начало драмы, принесшей жизнь одного брата — Олега — въ жертву другому — Ярополку, а своими послѣдствіями выдвинувшей третьяго брата — Владиміра на сцену исторіи и эпоса, увлекли одинаково и вниманіе лѣтописи, и воображеніе народной поэзіи, тамъ и здѣсь отозвавшись одинаковыми яркими образами и даже близкими словесными выраженіями.

Между тѣмъ, все событіе подъ Вручимъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, получило себѣ мѣсто въ исторіи и въ былинѣ, какъ извѣстно, изъ за воеводы Ярополкова *Сфенкалда* и изъ за сына его *Люта Свенальдовича*: удалецъ юноша, отправившись изъ Кіева на охоту, гнелъ по звѣрю и, разгорячившись (по былинамъ — „разъярившися"), зарвался и заѣхалъ дальше мѣры или условной межи — „вѣдомо," — какъ говоритъ лѣтопись, „въ деревѣхъ" — т. е. въ Деревьскомъ краю — какъ можемъ мы дополнить объясненіе, предполагая именно, что онъ забрался въ окраину Дре-

линской области, Ольгова удѣла; Олегъ же въ ту пору самъ у себя „дѣлалъ ловы“ и, какъ всякой ревнивый охотникъ, вскипѣлъ досадою, поспѣшилъ спросить—кто этотъ дерзкій, получилъ въ отвѣтъ—„Свѣналдичь,“ стало быть—не князь, не княжичь, а сынъ подвластнаго, братняго (Ярополкова) воеводы, и—подстерегши въ засадѣ („заѣхавъ“) съ горяча убилъ неосторожнаго юношу-соперника. Отецъ убитаго, лишенный возможности открыто и лично отомстить владѣтельному князю, родному брату своего повелителя Ярополка, тѣмъ паче не могъ простить сыновней смерти и, глубоко затаивши жажду мести, не переставалъ подъучать Ярополка противу Олега, пока добился сего и съ тѣмъ вмѣстѣ добился извѣстной кровавой развязки подъ Овручемъ. Лѣтопись по обычаю своему въ разсказѣ о семъ немногословна, и тѣмъ однакоже ярче собственною краткостію: „Ловъ дѣющю Свѣналдичю, именемъ Лютъ (шедъ бо изъ Кіева, гна по звѣри въ лѣсѣ), и узрѣ и́ (его) Олегъ, и рече: „„Кто се есть?““ И рѣша ему:—Свѣналдичь;—и заѣхавъ, уби и́ (его); бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: „„Поиди на братъ свой и прими волость его,““ хотя отмстити сыну своему... Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю,“ — и — конецъ подъ Вручимъ. Лютъ Свѣналдовичь, изъ за котораго заварилась вся эта каша и разъигралась великая перепетіями своими драма, кончившаяся убіеніемъ Ярополка и возвышеніемъ Владиміра, уже по одному этому участію въ трагическомъ событіи Древлянскомъ, какъ звѣно приключенія долженъ былъ пріобрѣсти и съиграть видную роль: и въ исторіи, куда ввела его лѣтопись не по заслугамъ, хотя и воздержалась отъ обильныхъ красокъ, и въ народномъ творчествѣ, коему оставалось расцвѣтить сіи краски и дополнить образъ юнаго героя собственными средствами. Если цѣлое событіе, заключившееся подъ Овручемъ, не осталось въ творческой области безъ отзыва, документально введено въ былины и перенесено, какъ мы видѣли, на самого Олега Вѣщаго: тѣмъ естественнѣе, звѣно приклю-

нившейся борьбы и casus belli, имя и лицо юноши, надъ героя, долженствовало также найти себѣ память, роль и мѣсто въ эпосѣ. Подавно же, кромѣ связи съ сыномъ, имѣлъ право на эту роль и память самъ Свѣналдъ: Свѣналдъ, своимъ именемъ, рѣчами и дѣяніями испестривший страницы нашей древнѣйшей лѣтописи и не только грекиій въ исторіи Русской, но извѣстный даже и тогдашнимъ Византійцамъ. Прибавимъ, что онъ, еще болѣе сына своего, связанъ былъ своими подвигами съ областью Древлянскою, какъ убѣдимся ниже, а слѣдовательно связанъ былъ и съ Овручемъ, и съ памятниками сего послѣдняго, словесными и даже вещественными (ибо тамъ, между прочимъ, долго хранился памятникъ Олегу: „и есть могила его и до сего дне у Вручего,“ замѣчаетъ лѣтописецъ; памятникъ сей извѣстенъ былъ народу почти до нашихъ дней). Отъ того, прямымъ путемъ, образъ Свѣналда долженъ былъ стать рядомъ съ образами обоихъ Олеговъ (соединенныхъ преданіями) и глубоко отпечатлѣться въ мѣстныхъ сказаніяхъ Древлянскихъ; а сказанія эти, какъ извѣстно, дали равно богатую пищу и поэтическимъ вставкамъ въ лѣтописи, и разнымъ историческимъ чертамъ въ эпосѣ (напр. Ольга и месть ея, Малъ при Добрынѣ, Малуша при Владимірѣ, и т. п.). Къ сожалѣнію или нѣтъ, только отдаленность приключеній вообще, и такая частность ихъ — какъ ссоры лицъ между собою, и самая эта неопредѣленность роли, въ которой—то сынъ своей бѣдою вызываетъ на сцену мстителя отца, то отецъ выступаетъ изъ за сына и руководится образомъ его, вопіющимъ о мщеніи, — все это естественно должно было повліять на сбивчивость творческихъ образовъ и красокъ, перемѣшивая ихъ и переводя попеременно съ сына на отца, съ отца на сына; именно такую сбивчивость и находимъ мы въ предлежащихъ былинахъ. Сюда присоединилось еще одно важное обстоятельство: то и другое имя, сына и отца, Свѣналда и Свѣналдовича, слишкомъ затруднительно для выговора и для народнаго Русскаго языка, особенно въ простонародьѣ, куда позднѣе перешли былины и откуда изъ устъ теперь мы черпаемъ. Имя отца

крайне сбивчиво и въ самыхъ лѣтописяхъ: *Свѣнаалдъ*, *Свѣнаалдъ*, *Свентелдъ*, *Исвѣнелдъ*, *Свѣнделъ* и т. д.; мы остановимся на болѣе употребительномъ — Свѣналдъ: но сбивчивость конечно еще болѣе должна была возрасти въ творчествѣ устномъ. Сынъ же одинъ разъ только въ лѣтописи названъ *Лютъ*, а два раза просто по одному отчеству — Свѣналдичь: „Ловъ дѣющю Свѣналдичю.... и рѣша ему: „Свѣналдичь.“ Замѣтимъ кстати, что обычай выводить героевъ — *юношей* и, для вящей опредѣленности ихъ образа, называть ихъ *по отцу* (болѣе прославленному), даже употреблять *одно только отчество*, — этотъ обычай, укрѣпившійся въ быту нашемъ и обиходной жизни, равно извѣстенъ у насъ и по исторіи, и по былинамъ того древняго времени: таковы — *Блудовичь* (Годинъ, Годенъ или Хотенъ и Гордей), по *Блуду*, знаменитому современнику и соучастнику событій при Ярополкѣ, Свѣналдѣ и Владиміръ; *Путятичь*, *Путятичъ* (Мишатычка) и *Путятична* (Запава, Забава) по отцу Путятѣ (той же эпохи); *Илеевичь* (Чуриило) по *Илецку* или *Илью*, *Часовая* и *Часовичь* по *Часу* или *Чесу*, и т. п. — И такъ, беремъ странное имя по лѣтописи и по былинамъ имя героя, сопоставляя разныя недовоупотребленія:

СВѢНАЛДОВИЧЬ (по исторіи и лѣтописи)
СЫНЪВАНИДОВИЧЬ (оба имени по
САУРЪВАНИДОВИЧЬ. былинамъ)

Сауръ или суръ, т. е. герой, вѣроятно есть прозвище (эпитетъ), одинаковое впрочемъ по смыслу съ именемъ *Лютъ* (ср. „Зам.“ при 4-мъ вып. Кир. по 1-му изданію): прозвище, весьма употребительное въ нашей древности (относится поднятое звукомъ *сауръ* къ простому *суръ* тоже точно, какъ *кауръ*, *каурый* къ основному *куръ* въ словѣ *бело-куро*). Но еще вѣроятнѣе, что это имя, какъ общепонятное, употребилъ пѣвецъ, разлагая мудренаго Свѣналдовича на двѣ части, подобно какъ изъ того же отчества „Свѣн-алдовича“ сдѣлалъ „сына Ванидовича.“ Какъ бы то ни было, изъ сотни примѣровъ, приведенныхъ нами въ прежнихъ „Замѣткахъ“ къ изданію народныхъ памят-

никовъ, всякому нужно убѣдиться, что такая передѣлка имени весьма естественна, легка и возможна, особенно когда прошло до насъ около тысячи лѣтъ. Итакъ, имя героя былины—Свѣналдовичь, разложенное на „Саура Ванидовича," „Саура сына Ванидовича" или просто „сына Ванидовича." Имя это собственно принадлежитъ сыну: дѣйствительно, въ одной изъ двухъ, уцѣлѣвшихъ намъ былинъ, имя сбережено только одно, лицо названо одно, Сауръ Ванидовичь. Въ другой для двухъ лицъ два особыхъ имени: посмотримъ, какъ они сдѣланы. Вмѣсто Сауръ вставлено болѣе знакомое Саулъ; вмѣсто Ванидовичь также болѣе привычное—Лѣванидовичь. Это послѣднее даже еще ближе къ Свѣналдовичу:

СВѢНАЛДОВИЧЬ
ЛѢВАНИДОВИЧЬ.

Только перестановлены звуки; и мы должны запомнить здѣсь, извѣстные по былинамъ, подъ Кіевомъ, на острову *Лѣва* (можетъ быть „деревъ"—Древлянъ, ср. выше), тамъ называемые Потѣшные, т. е. ловчіе и охотничьи луга, именуемые иногда въ творчествѣ „луга Лѣванидовы" оказывается, что это, въ передѣлкѣ, луга Свѣналдовы, получившіе имя по Свѣналду или Свѣналдичу, въ память тѣхъ лова и связанныхъ событій.—Далѣе, при отцѣ Сауръ вышелъ въ былинахъ естественно уже сынъ Сауйловичь: а „Сауловичь" и „Самуйловичь," мы знаемъ (см. наши „Замѣтки"), постоянно въ Стихахъ есть царь Константинопольскій или вообще восточный—Константинъ; и вотъ является имя сыну—Константинъ Сауйловичь, при немъ мать *Елена*, и т. д. Вмѣстѣ съ симъ и поприще дѣйствія былинъ отводится въ близость къ тогдашней Византіи, между царствомъ „Латинскимъ" и „Сорочинскимъ:" а это отводитъ насъ опять къ Югу и весьма гармонируетъ съ исторической мѣстностью, гдѣ вскорѣ увидимъ мы *Уличанъ*.

Теперь, выигравши по лѣтописи и былинамъ двухъ лицъ, равно извѣстныхъ, равно важныхъ для древности, отца

съ сыномъ, Свѣналда и Свѣналдовича, оставимъ въ сторонѣ и имена ихъ, и различія, тѣмъ болѣе, что, повторяемъ, въ былинахъ—то отецъ спасаетъ сына, то сына отецъ, и герой сливается изъ двухъ одинъ; быть можетъ, когда ни будь одинъ и спасъ другаго или отомстилъ за другаго, но не въ томъ дѣло. Посмотримъ лучше, какія важныя событія связаны въ лѣтописи съ этими лицами. Одно мы уже указали—убіеніе Свѣналдича и возникшая отсюда драма; другое, не менѣе замѣчательное, сейчасъ увидимъ. Именно за тридцать лѣтъ до убіенія Свѣналдовича, 945 года, у Нестора читаемъ ропотъ дружины Игоревой: „Отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази! Поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши, и мы!“ „Вонъ, молодцы-то у Свѣналда набрались добычи, разодѣлись и оружьемъ, и одѣжами, а мы наги! Ну-ка, поди, князь, съ нами собирать также дань, чтобъ и тебѣ добыть, и намъ!“ Ропотъ былъ такъ силенъ, что Игорь пустился съ дружиной по дань къ Деревлянамъ и тамъ сложилъ голову: конецъ такой же драматическій, вызвавшій такую же месть Ольги, какъ Ловъ Свѣналдича — месть отца. Опять событіе, равно важное, равно впечатлительное для памяти былеваго творчества, и притомъ одинаково изъ области *Древлянской*: не диво, если это всего этого былина убережетъ намъ двѣ-три черты, какъ отрывокъ цѣлаго сказанія, сопровождавшаго роковыя лица Свѣналда и Свѣналдича. Что же это за добыча Свѣналда, которой позавидовала дружина Игорева? Несторъ пропускаетъ сей эпизодъ, сохраненный для насъ другими лѣтописями (Никоновская, Воскресенская и т. п.). Оказывается, Игорь подарилъ передъ тѣмъ своему любимому воеводѣ Свѣналду дань *Деревскую* (за подвиги въ области *Древлянской*), да подарилъ и еще *другую* дань *далекую*. А именно. „И бѣ у него (Игоря) воевода именемъ Свѣнъ-тѣлдъ, и премучи (примучи; оружіемъ привелъ въ подданство, обычное выраженіе) Оуглвцы (Угличи); и возложи на нихъ Игорь дань (на ня дань Игорь), и вдасть (даде) Свѣнътельду.“ Игорь налагаетъ здѣсь дань въ смыслѣ только верховнаго и великаго князя, признающаго фактъ

покоренія и утверждающаго количество подати; собственно же покорилъ, привелъ въ дань или, что то же, сдѣлалъ Угличей подданными Свѣналдъ, за что и получилъ эту дань въ даръ. А такъ какъ къ этому присоединялась еще и предъидущая дань Деревская, то дружина великолепная жесткая возопила—„се далъ еси единому мужеви много,“ заропгала, принудила Игоря итти самого еще за данью, и прочее, что разсказано уже Несторомъ. Такъ вотъ они, Угличи, поминаемые въ нашихъ былинахъ! Это самая Южная и далекая изъ Русскихъ вѣтвей тогдашняго народнаго строя, жившая при низовьяхъ Днѣстра и Днѣпра (въ сосѣдствѣ съ Сорочиною „долгополою“ и областями, подвластными тогдашней Византіи). До Свѣналда она не была еще „примучена“ подъ власть объединявшихъ Русскихъ князей и встрѣчается, какъ пара, обыкновенно съ другою вѣтвію—Тиверцами. Племенная вѣтвь обширная, сильная, связанная по мѣсту поселенія всего ближе съ Греками и Южными Славянами, съ развитою по тому времени гражданственностью. У Нестора о разселеніи Южныхъ Славянъ: „А Улучи (Улутичи), Тиверьци сѣдяху по Днѣстру (по Бугу и по Днѣпру), присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру (по Бугу и по Днѣпру) оли до (даже до) моря, суть гради ихъ и до сего дне: да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь (Скитія).“ Потомъ: „И бѣ обладая Олегъ (Вѣщій) Поляны и Деревляны, Сѣверены и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверци (Тиверьци) имяше ратъ.“ О походѣ Олега (Вѣщаго) на Грековъ: „Поя... Дулѣбы, и Тиверци, яже суть толковины (слово, требующее особыхъ объясненій, для которыхъ здѣсь нѣтъ мѣста), си вси звахуться Великая Скуѳь (значитъ, Тиверцы были уже примучены, Угличи еще нѣтъ).“ То же о походѣ Игоря: „Совкупивъ вои многи.., и Тѣверьцѣ (Тиверци; Тивиреци), и Печенѣги (опять Угличи еще не покорены).“ Наконецъ Свѣналдъ покоряетъ ихъ. Тѣверцы или Тиверцы—Днѣстряне, жители Днѣстра, отъ древняго имени рѣки Турасъ или Тюрасъ (Τύρας Tyras; *у* или *ю* переходитъ въ *ев*—какъ *ру*, *рю-*, *рев-ѣть*: Теверцы). Ихъ сосѣди, Угличи, не даромъ въ разнорѣчіяхъ Нес-

тора помѣщаются и на Днѣпрѣ; они тамъ жили прежде, потомъ перешли на Днѣстръ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, изъ коихъ мы выше привели свидѣтельство о Свѣналдѣ: „И бѣша сѣдяще Оуглици (Угличи) по Днѣпру внизъ, и по семъ придоша (преидоша) межи вои (воин) Днѣстръ и сѣдоша тамо (перешли промежутокъ и сѣли на Днѣстрѣ).“ Изъ городовъ ихъ, о коихъ поминаетъ Несторъ, особенно извѣстенъ Перкесѣченъ или Пересѣченъ: онъ, какъ завоеванный Кіевскими князьями, упоминается послѣ по городовымъ росписямъ въ числѣ Кіевскихъ; поминаютъ о немъ и позднѣйшіе Молдаво-Волошскіе (т. е. собственно Болгарскіе, средняго Болгарскаго государства) государи, въ XV вѣкѣ. Ю. И. Венелинъ, незабвенный ученый, нашелъ его еще какъ многолюднѣйшее село Бессарабіи (позднѣе тамъ станція), самъ объизслѣдовалъ всю мѣстность, открылъ слѣды, что гербъ и до того не разъ перемѣнялъ мѣстность, наконецъ убѣдился, что весь тотъ край дѣйствительно образуетъ Уголъ, откуда и Татары назвали его „Буджакъ,“ что значитъ „уголъ:“ вотъ откуда имя Угличей (Венелинъ, „Влахо-Болгарскія грамоты,“ 1840 г.; что къ представленію „угла“ присоединялись и нѣкоторыя еще другія представленія, а къ Угличамъ равно шло имя и „Уличей,“ и „Улутичей;“ обо этомъ скажемъ при случаѣ въ другомъ мѣстѣ; теперь остановимся пока на этомъ). Родичи же той и другой вѣтви на Сѣверѣ основали Тверь (Тьверь, Тьверь) и Угличь съ округомъ Тверичей и Угличей или Утиичанъ (объ этомъ также въ другомъ мѣстѣ).

Остается намъ сравнить съ этими свѣдѣніями и другими словами лѣтописей показанія былинъ. 1) Былина. Отецъ „накопилъ силушки себѣ многое множество, накопя онъ силушки въ походъ пошелъ...; поѣхалъ за море синее (къ морю), въ дальну орду, въ Половецку землю, брать дани и невыплаты:“ моремъ и Половцами (каковы были Лукоморскіе) означенъ Южный край, прилегавшій къ морю; за данями, какъ именно и ходилъ Свѣналдъ. 2) Въ походѣ туда же сынъ бьется съ „Татарами:“ это древніе Печенѣги, которые убили въ порогахъ Святослава, а въ

нашихъ былинахъ замѣняются съ позднѣйшей точки зрѣнія Татарами, какъ и Половцы (Свѣналдъ жилъ и при Святославѣ, и при его дѣтяхъ; ср. выше убіеніе Свѣналдича). Мы говорили уже, что за это пособіе противъ Печенѣговъ упрекалъ отецъ Угличей, такъ что племя ихъ представляется врагомъ Печенѣговъ и роднымъ герою. 3) По былинамъ: Угличи ни съ того, ни съ сего, захватили по одиномъ отца, по другимъ сына, вообще заздорили, заспорились (отпираясь платить дань): „городъ Углинь крѣпко заперли и взбѣгали на стѣну бѣлокаменну... и и тутъ мужики Угличи съ нимъ со царемъ (отцемъ) заздорили, не пущаютъ его во Угличь-градъ.“ Лѣтописи: „и премучи Оуглецы... и не дадеся ему единъ градъ, именемъ Пересѣченъ.“ 4) Былины: „подходитъ онъ къ царству Сорочинскому (названо такъ по прежнимъ владѣтелямъ-насильникамъ, Восточникамъ), увидали старики Сорочинскіе, они дѣлали сходки все великія...; старики тутъ вмѣстѣ соходилися, они думали думу единую (шло время въ думѣ, въ сходкѣ, въ переговорахъ).“ Лѣтописи: „и сѣде около его (города) три лѣта, и едва взя и (взятъ его).“ 5) „Царь Саулъ Леванидовичь приказалъ казнить и вѣшати, которые мужики были главные во Угличѣ:“ послѣдствіе долгаго упорства и рѣшительнаго покоренія. 6) „Тутъ десятники засовалися, бѣгаютъ они по Угличу, спрашиваютъ подводы подъ царя Саула Леванидовича: и которыя подъ царя пригодилися, и проѣхалъ тутъ онъ царь Саулъ во свое царство въ Алыберское...; и садилися тутъ (послѣ казни) на свои добры кони, поѣхали во свое царство въ Алыберское:“ выраженіе подданства, въ которое вступили Угличи, а потомъ, по завоеваніи, возвращеніе воеводы домой. 7) „А и отдали (Угличи) его платьице царское, цвѣтное, наряжался онъ младой Константинушка Сауловичь въ тое свое платье царское, цвѣтное:“ описаніе богатства даней, которому позавидовала и дружина великокняжеская (прибавимъ, что, по извѣстной намъ связи, изображеніе упорства и сдачи Угличей при Свѣналдѣ весьма сходно съ такимъ же упорствомъ Древлянъ при Олегѣ Вѣщемъ по былинамъ; ср. выше). —

Дальнѣйшія мелкія подробности, запутавшія собою былину, вставлены или переиначены конечно послѣ; что же касается до эпизода объ освобожденіи при этомъ отъ Угличей схваченнаго то отца, то сына, — это могло быть и въ самомъ дѣлѣ, и потому же осада могла длиться долго, могло и не быть, а вставлено въ эпическій разсказъ на основаніи помянутой гибели Свѣналдича и мести отца. Во всякомъ случаѣ разсказъ объ отношеніяхъ отца къ сыну дополняетъ скудныя лѣтописныя свѣдѣнія о Свѣналдѣ и Свѣналдичѣ. Мы думаемъ, что мы вскрыли такимъ образомъ въ былевомъ творчествѣ, въ предлежащихъ двухъ былинахъ, любопытный эпизодъ, съ его историческою и лѣтописною связію.

* *
*

Конецъ пѣсней 3-го выпуска по I-му изданію.

ВЕСЬ ТЕКСТЪ ПѢСНЕЙ, КАКЪ ВХОДИЛЪ ОНЪ ВЪ III-Й ВЫПУСКЪ ПО I-МУ ИЗДАНІЮ, НАПЕЧАТАНЪ ЗДѢСЬ СЪ ТОЮ ЖЕ САМОЙ ПОМѢТОЮ (НУМЕРАЦІЕЙ) СТРАНИЦЪ, КАКЪ БЫЛО ТАМЪ: ПОТОМУ ВСѢ СНОСКИ НА I-Е ИЗДАНІЕ И ВСѢ ВЫПИСКИ ОТТУДА ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХЪ НЕ ИЗМѢНЯЮТСЯ И НЕ ТЕРЯЮТЪ ЗНАЧЕНІЯ ПРИ НАСТОЯЩЕМЪ II-МЪ ИЗДАНІИ.

II.

ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ ВЫПУСКУ III ВО ВТОРОМЪ ИЗДАНІИ
И
ДОПОЛНЕНІЯ
(ДАЛЬНѢЙШІЯ).

ВСѢ ДОПОЛНЕНІЯ ПѢСЕННАГО ТЕКСТА, РАЗНОРѢЧІЯ (ВАРІАНТЫ), ОСОБЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ, КАКИХЪ НЕ БЫЛО ВЪ 1-МЪ ИЗДАНІИ, ЯВЛЯЮТСЯ ТЕПЕРЬ СЪ ПОМѢТОЮ НОВОЮ И ДАЛЬНѢЙШЕЮ *).

*) Основанія, цѣли и виды для такого способа печатанія, равно какъ ожидаемыя отъ того послѣдствія разъяснены «отъ издателя» въ послѣсловіи ко 2-му изданію 2-го выпуска, стран. I—IV.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

I.

Къ №№ 1—3 (стран. 1—8).

4 *).

(Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было столованьице, почестный пиръ,
На многихъ князей на бояръ
5. И на Русскіихъ могучіихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались:
Кто ль хвастаетъ отцемъ-матерью,
10. Кто ль хвастаетъ молодой женой,
Кто ль хвастаетъ золотой казной,—
Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастаетъ молодой женой,
Богатый хвастаетъ золотой казной.
15. Душка 1) Иванъ Гостиный сынъ
Не ѣстъ не пьетъ— не кушаетъ,
И бѣлой лебеди не рушаетъ,
И ни чѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
20. „Душка, Иванъ Гостиный сынъ!

---

*) Разнорѣчія беремъ, взаимно сводя ихъ, изъ ближайшей по составу и выраженіямъ былины, записанной *А. Ѳ. Гильфердингомъ* (ср. его «Онежск. былины,» 1873, № 135) 1871 г. 4-го Іюля въ Леликовѣ, отъ пожилой дѣвицы *Степаниды Кононовны Пеклодиной*, жившей на Зяблыхъ Нивахъ у Конды, Сѣнногубской волости.

1) Обыкновенное ласкательное прозвище героевъ *молодыхъ* («душа-молодецъ»), по преимуществу же изъ гостинаго или торговаго слоя, какъ доселѣ въ пѣсняхъ при имени купчика, купеческаго сына, прикащика, сидѣльца, подрядчика и т. п., а еще обычнѣе при имени *Ивана* («душа-Ванюша,» «душа-Ванюшка»).

„Что̀ ты не ѣшь не пьешь—не кушаешь,
„Бѣлыя лебеди не рушаешь,
„И ни чѣмъ ты, молодецъ, не хвастаешь 1)?
„Хлѣбъ ли соль тебѣ не по̀ душѣ,
25. „Чарою ль тебя поо̀бошли,
„Али пьяница надъ тобою надсмѣялася?"
Тутъ душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему не съ упадкою 2):
— Хлѣбъ-соль мнѣ была по̀ душѣ,
30. — Чарою меня не о̀бошли
— И пьяница надо мной не надсмѣялася:
— А нечѣмъ мнѣ, молодцу, похвастати.
— А столько я похвастаю:
— Есть ли у васъ единъ 3) молодецъ
35. — Ѣхать то на добрыхъ коняхъ
— Ко тому ко городу Чернигову?
— А поребѣ̀гу 4) ровно триста верстъ
— И тридцать три версты мѣрныихъ 5),
— И съѣздить намъ промежь обѣдней и заутреней 6).
40. — Съѣздить намъ и къ обѣдни поспѣть?—
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
„Во хмѣлю дѣтина порасхвастался:
„Не на комъ тебѣ будетъ повыѣхать,
„По широкому раздолью разгуливать."

---

1) «Мѣсто ли было тебѣ (въ печати «тебя») не по̀ люби...»

2) «Мѣсто мнѣ-ка по̀ люби...»

3) Какой ни будь; Сербское «едан.»

4) *Перебѣгъ* —разстояніе, промежутокъ между крайними точками бѣга или ѣзды.

5) «Триста три версты мѣрныихъ.»

6) «Межь обѣдней и межь завтреней, Межу частыма молебнама.»— *Молебны* (съ эпитетомъ «частые» какъ служба мелкая, краткая, чаще крупныхъ повторяемая)—обыкновенное приложеніе къ слову «обѣдня» (за которой и слѣдуетъ: «служить, заказывать обѣдни съ молебнами»). Но здѣсь ближе—*промежутокъ* между заутреней и обѣдней, въ который по селамъ чаще совершаются молебны и даже ходы съ образами для молебновъ.

45. Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему таково слово:
— Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Станемъ мы бить въ великъ закладъ:
— Ты заложи казны своей сорокъ тысячей,
50. — А я заложу свою буйну голову 1). —
Тутъ скоро написали письма крѣпкія 2),
И приложили ручки бѣлыя.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
55. Скоро 3) приходитъ на широкъ дворъ,
Беретъ своего добра коня
За поводы шелковые,
За подброздья 4) серебряныя,
Палъ онъ коню въ ножку правую,
60. Въ правую ножку лошадиную;
— Ай же ты, мой добрый конь!
— Былъ я сегодня на честномъ пиру,
— Билъ я сегодня въ великъ закладъ 5):
— Князь заложилъ казны сорокъ тысячей,
65. — А я заложилъ буйну голову.
— Можешь ли ты мою буйну голову повыкупить,
— Князя Владиміра къ стыду привести,
— А большаго брата посоромить 6)? —
Провѣщалъ тутъ ему добрый конь
70. Голосомъ человѣческіимъ:
„„Я твою буйну голову повыкуплю,
„„Князя Владиміра къ стыду приведу,
„„А большаго брата посоромлю 6).““

---

1) «Лучше станемъ во великъ закладъ: Я пробью свою буйну голову, Ты пробей казны своей, Казны своей сорокъ тысящей.»

2) Крѣпостную запись, закрѣплявшую сдѣланный договоръ съ закладомъ или залогомъ.

3) Какъ скоро.

4) Отъ *бразды (борозды)*—удила конскія, коими правятъ коня.

5) «Пробилъ я севодня буйную голову.»

6) Брата—коня—(бывшаго у Владиміра, отъ одной матери) посрамить—перегнать.—«Братца своего—его пострамлю.»

Кормитъ онъ коня пшеной бѣлояровой
75. И поитъ медомъ сладкіимъ.... 1)
Сталъ онъ коня по двору поваживать,
Сталъ конь его за шубку похватывать,
По черному соболю выдергивать.
Тутъ всѣ собрались князи-бояра,
80. Всѣ стоятъ—всѣ дивуются,
Всѣ говорятъ таково слово:
„„Глупый 2) Иванъ Гостиный сынъ!
„„Спортитъ 3) твою шубу добрый коньа
„„Этой бы ты шубой подарилъ князь Владиміра,
85. „„Онъ простилъ бы тебя во великой вины 4).“
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ имъ не съ упадкою:
— Глупые вы, князи и бояра!
— Живъ молодецъ,—шубу наживу,
90. — А помретъ молодецъ,—шубу держивалъ!
— Эта шуба была въ пятьсотъ рублевъ,
— А сошьетъ молодецъ въ цѣлу тысящу 5).—
Тутъ ночь пришла и всѣ спать легли.
А душка Иванъ Гостиный сынъ
95. По утру встаетъ ранешенько,
Умывается онъ бѣлешенько,
Въ шелкову ширинку утирается
И Господу Богу онъ молится.

---

1) «Взялъ онъ за поводы за шелковые, За подбрюздьи за серебряно, Приводитъ ко тому и (ли?) ко князю Владиміру, Приводитъ его на широкій дворъ, Тутъ сидятъ князи-бояра; Сталъ онъ по двору похаживать.»

2) «Душка.» — 3) «Спортилъ.» — 4) Простилъ бы и порушилъ договоръ съ закладомъ, котораго ты на вѣрное и сдержишь и провинишься.

5) «Стоитъ эта шубка мнѣ-ка-ва пятьсотъ рублей, Живъ я бывалъ,—шубку держивалъ, Живъ я буду,—шубку сдѣлаю въ тысящу.»—Извѣстная народная пословица, о которой мы уже упоминали въ примѣчаніяхъ: здѣсь возведена своимъ происхожденіемъ къ эпическому событію.

Приходитъ онъ на широкій дворъ 1),
100. Беретъ своего добра коня
За повода за шелковыя,
За подброздья серебряныя,
Положилъ онъ сѣдельцо точечо,
Стремена у него были золочены,
105. А кисточки виситъ шелковыя,
Садился онъ тихохонько,
И поѣзжалъ онъ (точно какъ на ярмонку) 2),
И скочилъ его конь на три поскока,
Пріѣхалъ къ князю Владиміру 3):
110. — Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Не время ли намъ будетъ поѣхати
— Къ этому городу Чернигову?
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Говоритъ онъ тутъ 4) своимъ конюхамъ:
115. „Ай же вы, мои конюхи!
„Бѣжите вы на широкій дворъ 5),
„Выбирайте-тко вы изъ трехъ сотъ жеребцовъ
„И изъ тридцати жеребцовъ
„И изъ трехъ жеребцовъ,
120. „Сивогривыихъ и пологривыихъ,
„Маленькаго полонена 6) воронна:
„На него надежа 7) великая.“

---

1) Ненужное повтореніе: Иванъ былъ уже на дворѣ у Владиміра, ночевалъ здѣсь, и только является за симъ на очи князя, чтобы начать выполненіе договора — перегонку.

2) Вставочный, поздній стихъ. — 3) «Приходитъ въ палату бѣлокаменную, Крестъ-то клалъ по писаному» и проч.

4) «Зовопилъ,» завопилъ, закричалъ.

5) «Подьте-тко вы, мои конюхи, Подьте вы на конюшій дворъ,» — Замѣтимъ, у Андрея Иванова выбранъ княземъ одинъ Воронко, а у Навлодиной, какъ и слѣдуетъ, выбраны на перегонку всѣ 33 жеребца, и Сивогривъ, и Кологривъ, впослѣдствіи заразъ всѣ пожрамленные.

6) Приведеннаго изъ Орды, ордынскаго, какъ знаемъ по другимъ былинамъ. — 7) «Надѣя.»

Тутъ прибѣжали его конюки
И творятъ жалобу великую,—
125. Что душки Ивана Гостинаго
Скрычалъ 1) конь по звѣриному,
И засвисталъ по змѣиному,
Что триста жеребцовъ всѣ мертвы лежатъ,
А тридцать жеребцовъ ископытились,
130. А сивогривый, кологривый
И маленьній полоненъ воронкé 2)
Голову залячилъ 3) и хвосты заломилъ,
Черезъ Пущай-рѣку 4) скочилъ и въ чисто поле ушелъ.
Тутъ не на комъ князю повыѣхать 5).
135. Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему не съ упадкою:
— Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
— Не держи меня добра молодца,
— Отсчитай мнѣ великъ закладъ 6),
140. — Великъ закладъ сорокъ тысячей.—
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Отсчиталъ ему казны сорокъ тысячей.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
„Душка, Иванъ Гостиный сынъ!
145. „Подари-тко мнѣ добра коня:
„Мнѣ-ка князю не на комъ повыѣхать.“
Душка Иванъ Гостиный сынъ

---

1) «Заржалъ — Князя Владиміра во конюшенки.»

2) «Сивогривый жеребецъ ископытился (потерялъ, попортилъ копыта), Кологривый жеребецъ на колѣнки палъ, Маленькій...» (и проч.). — 3) «Залячилъ» (изогнулъ, скривилъ излучиною, натянулъ какъ лукъ).

4) «Пучай,» Почай, Почайну.—Стихъ сбитъ изъ двухъ.

5) За симъ у Неплюдиной сокращено и обрывъ: «Ай же князи-бояра (А князи и бояра) Буде (пришлось, что) отдали сумы великая (извѣстный намъ по прежнимъ примѣрамъ тематическій падежъ при оборотѣ, равномъ неокончательному наклоненію — «принуждены были *отдати*») Душкѣ Ивану Гостиному.»

6) Такъ какъ ты его уже проигралъ.

Говоритъ ему не съ упадкою:
— Ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
150. — Мой конь купленъ въ Большой Орды,
— Въ Большой Орды изъ-подъ матери,
— За коня было плочено пятьсотъ рублевъ,
— А съ проводинами 1) сталъ цѣлу тысящу;
— Развѣ Владиміра конемъ подарить?—
155. Какъ подарилъ Владиміра добрымъ конемъ.
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сказалъ своимъ конюхамъ:
„Подите-тко, мои конюхи,
„Возьмите вы коня добраго
160. „Душки Ивана Гостинаго,
„Сведите въ конюшню бѣлодубову,
„Кормите пшеной бѣлояровой
„И пойте медомъ сладкіимъ."
Скоро прибѣгаютъ его конюхи,
165. Творятъ жалобу великую:
„„Конь душки Ивана Гостинаго
„„Пшены не ѣстъ и меда не пьетъ,
„„Скрычалъ онъ по звѣриному,
„„И засвисталъ онъ по змѣиному,
170. „„И прибилъ онъ всѣхъ жеребчиковъ."
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Сказалъ душки Ивану Гостиному:
„Что не надобенъ мнѣ твой добрый конь,
„Мнѣ не надобенъ, поѣзжай домой 2)!"

(Записано П. Н. Рыбниковымъ отъ кр. Андрея Иванова въ Петрозаводскѣ, 12 Октября 1863 г.; ср. т. III).

* *

1) Съ расходомъ на проводы изъ Орды.

2) Послѣдній стихъ весьма прозаиченъ, *придѣланъ*. — Разнорѣчія къ сему заключенію беремъ изъ другой былины, записанной *А. Ѳ. Гильфердингомъ* тамъ же и тогда же, какъ предыдущая, отъ 80-тилѣтняго старика *Василья Аксенова* («Онежск. был.» № 133); (послѣ проказъ коня) «Въ теремахъ верхи пощатялися, И на столахъ питья росплескалися, А тутъ князи-бояра—тутъ вси мертвы

Слѣдующій II-й отдѣлъ былинъ объ Иванѣ Гостиномъ долго оставался неизвѣстенъ и въ нашемъ изданіи приводится первый разъ. По всему видно, онъ не столько

лежатъ, А Влад. князь ходитъ раскаракою, Соболиной шубой укрывается, А самъ говоритъ таково слово: «Ай же ты, Иванушко Гостиный сынъ! Веди-тко своего косматушка-бурушка съ моего двора, Чортъ съ тобою и съ твоимъ конемъ (опять чисто-прозаическое)!» Только-то они и ѣздили.»

Вообще это разнорѣчіе въ особомъ нумерѣ былины растянуто и, теряя существенныя черты, только рѣчисто, притомъ со многими ошибками, недомолвками и ослышками. Вотъ еще его особенности:

«А тутъ солнышко Влад. кн. Самъ да поросхвастался: «Кто бы со мной билъ во великъ закладъ—Скакать отъ города отъ Кіева, Отъ Кіева до города Черпигова, Между тѣми частыми межу *лебедами* (грубая ошибка отъ недослышки), Межу тою обѣдней—завтреницей, *А перескоку-то* было (было бы) да *ровно триста верстъ*...» «У меня-то у князя есть — Триста жеребцовъ и три жеребца, Кологр. жер. и Сивогр. жер., Есть *младый косматый бурушко* (ошибочно переведенъ ко князю Ивановъ бурушка, «Сивка-бурка вѣщая каурка» сказочнаго Ивана): А у тебя, Иванушка Гостиный сынъ, На коемъ-то черти (чортѣ) буде повыѣхать?...» «Кланялся ему (коню) *во правую - во лѣвую* во поженку:—Былъ я у князя на пиру, *Въ пьяномъ разумѣ* поросхвастался...» «Проходитъ (Иванъ, послѣ договора съ княземъ) во гридни во столовыи, Во свою во теплую спаленку. Тутъ Иванушку не очень спится, Подушечка въ головахъ вертится (прозаически и изъ другихъ пѣсней), Ставалъ онъ по утру ранёшенько... Сталъ онъ латиться-булатиться, булатиться-кольчужиться (единственное хорошее мѣсто, искупающее остальную болтовню)... Надѣвалъ онъ шубу соболиную, Надѣвалъ онъ шапочку собольюю, Пушисту и ушисту, ушисту и завѣсисту, Спереди съ-подъ шапки глазъ не видать, А сзади съ-подъ шапки (не видать) шеи бѣлоей...» «Косматый конь съ Иванушкой шуточки пошучивалъ, За соболиную шубоньку покусывалъ, По цѣлому соболю выдергивалъ...» «—Ахъ ты, стольне—Владиміръ—князь, Полно спать, пора вставать, Закладніи заповѣди пора выполнить! —...» «Тутъ скоро конюхи пригнали *триста* жеребцёвъ, (Тр. жер.) *и трехъ* жеребцёвъ, *Кологрива* жеребца и *Сивогрива*

относится къ *эпическому* герою, извѣстному подъ именемъ „Ивана Гостинаго Сына“ изъ круга Владимірова, сколько къ Ивану *сказочному*, а въ эпосѣ Кіевскомъ *примѣнимъ* къ имени сего героя, такъ какъ дѣло идетъ о куплѣ и продажѣ, свойственной „гостямъ“ и отъ того показавшейся умѣстною въ приключеніяхъ „Гостинаго сына.“ Подлинно же „продажа дѣтей за непослушаніе и дурное поведеніе“ извѣстна изъ многихъ старщихъ, прозаическихъ изреченій, сказаній, новеллъ и легендъ, начиная съ Греческихъ (ср. сборникъ „Пчелу“ въ нашемъ изданіи). Случай этотъ, какъ *возможный*, породилъ разныя пѣсни и особенно олицетворенъ въ пѣсняхъ „Молодецкихъ“ или „Безъимянныхъ;“ но, хотя онъ, не безъ вліянія прозаическихъ повѣстей, возведенъ какъ *былевой*, *дѣйствительный* и *историческій*, въ кругъ былинъ Владиміровыхъ, къ опредѣленной эпохѣ: тѣмъ не менѣе, онъ замѣтно здѣсь *раздутъ* и *искусственъ*, тенденціозенъ и педагогически-сухъ, съ намѣреннымъ нравственнымъ поученіемъ, безъ дѣйствительной, былевой и исторической подкладки.—Совсѣмъ другое въ области *сказочной*: тамъ *продажа* Ивана за море служитъ рубежомъ или моментомъ, съ коего начинается рядъ его приключеній какъ *Гостя-мореходца* или *Гостя заморскаго*, а по преимуществу во *второй* половинѣ героя—какъ Ивана *Годиновича*, что̀ и увидимъ ниже.

* * *

жеребца (въ печати «живобецъ,» «живобеца:» пѣвецъ былъ вартавъ?), И младаго *косматаго Буручака*. Иванушковъ конь увидалъ и заржалъ На тѣхъ триста жеребцёвъ: Кологривый жер. исконытился, Сивогривой жер. *обнаричился* (издатели объясняютъ «захромалъ:» но, судя по корню слова,—*нарекать*, *нарицать*, скорѣе «осрамился, посрамился,» какъ и есть въ другихъ мѣстахъ былины; конечно тѣмъ посрамился, что упалъ, захромалъ и т. п.), А млад. косм. бурушко Хвостъ *васкалъ* да въ поле *ускалъ* (задралъ, удралъ)...» Прочее заключеніе приведено выше.

II.

1 *).

(Повѣнецкаго уѣзда; Выгозеро).

Отъ батюшки было отъ умнаго
И отъ матушки отъ разумныя
Зародилося 1) чадушко безумное,
Безумное чадо, неразумное 2),
5. Изъ-по имени Иванушко 2) Гостиный сынъ.
Померъ у Иванушка родный батюшка,
Осталась у Иванушка родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна.
Посылаетъ честна вдова Офимья Александровна
10. Своего ли чада милаго,
Торговать за сине море;
И наказываетъ чаду родна матушка 3):
„И станешь торговать ты, чадо миное,
„Чадо милое, дитя любимое,
15. „Изъ по имени Иванушко Гостиный сынъ,—
„Отнюдь не ходи ты на царевъ кабакъ,
„Ты не пей-ка, чадо, зелена вина,

---

*) Записано *П. Н. Рыбниковымъ* или, по замѣчанію А. Ѳ. Гильфердинга, для Рыбникова писаремъ мѣстнаго исправника, отъ Выгозерскаго крест. *Ѳедора Никитина*, а напечатано въ IV-мъ томѣ 1867 г. подъ № 13-мъ (въ нашемъ VII-мъ выпускѣ опечаткою № 7-й). Разнорѣчіе, которое здѣсь сводимъ, записано *А. Ѳ. Гильфердингомъ* 1871 г. 17 Іюля въ Тайгеницѣ отъ того же пѣвца, имѣвшаго въ ту пору лѣтъ 45 и жившаго на Корельскомъ острову верстъ 50 отъ Выгозерскаго погоста; научился былинамъ преимущественно на Поморьѣ въ Кемскомъ уѣздѣ (ср. «Онежск. былины» 1873 г. № 172).—Не смотря на *личное* сношеніе съ пѣвцомъ, Гильфердингомъ записано хуже и съ пропусками.

1) «Зарождается.»—2) То же, что въ сказкахъ «*Иванушка Дурачокъ*.»— 3) «И унимаетъ родна матушка да своего чада (дóма, безъ отпуска на сторону)...»

„И не имѣй союзъ со дѣвками.....,
„И со тѣма со женками со .....,
20. „И со тѣма голями кабацкима 1).“

Поѣхалъ Иванушко за сине море
Торговать разными товарами,—
Не послушалъ чадо наказанья родной матушки:
И сталъ часто ходить на царевъ кабакъ,
25. И сталъ много испивать зелена вина,
Сталъ имѣть союзъ со дѣвками.....,
И со тѣма со женками со .....,
Со тѣма ли голями со кабацкима 2).
И пропилъ-прогулялъ все отцовское имѣніе,
30. И всѣ промоталъ товары заморскіе,
И отдалъ въ закладъ черны корабли 3).

Про то услышала 4) его родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна,—
Пріѣзжаетъ она за сине море,
35. За тѣ ли города иностранные,
Стала добираться чада милаго,
Чада милаго, сына любимаго,
По имени Иванушка Гостинаго 5).
Приходитъ она къ цареву кабаку,
40. Испроговоритъ она таково слово:
„Ай же вы, народъ православныій,
„Ай же вы, голи кабацкіе!
„Не видали ли вы моего чада милаго,
„Чада милаго и сына любимаго,
45. „По имени Иванушка Гостинаго 6)?“

---

1) «И не имѣй союзъ со голями каб., И не связывайся, чадо, со жонками со к., И со тѣма ли со дѣвками со б.»

2) И выше читай окончаніе *ма.* — 3) Читай: «ка́рабли.» — *Черны* позднѣе передѣлано изъ старшаго — *червлены*, *черлены*, — красные и красивые, узорчатые, рѣзные и расписные. — 4) «И какъ прослышала.» — 5) У Гильфердинга представляется все до́ма, на мѣстѣ, на родинѣ. — Вмѣсто «За тѣ ли» слѣдуетъ по видимому исправить: «Во тѣ ли города иностранные.» — 6) У Гильферд. лучше, обра-

И испроговорятъ ей тутъ голи кабацкіе:
„„Ай же ты, честна вдова Офимья Олександровна!
„„Сидитъ твое чадо милое
„„За стойкой во царевомъ во ка́бакѣ,
50. „„И пьетъ-кушаетъ онъ зелено вино 1).""

Приходитъ она да во царевъ кабакъ,
Она крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Она бьетъ челомъ да о сыру землю,
55. Она бьетъ челомъ да низко кланяется,
Своему ли она сыну—ему въ особину:
Прокатились у ней слезы изъ ясны́хъ очей 2).

И беретъ она чада милаго,
Чада милаго и единаго сына любимаго,
60. По имени Иванушка Гостинаго,
Беретъ она за бѣлы́ руки,
За тые ли перстни за злаченые 3),
И ведетъ его ко синю морю,

щеніе сперва къ *одному* народу, и онъ конечно отвѣчаетъ незнаніемъ: «А гой же вы, народъ, люди православныи! И не видали ль вы...?» «Испроговорятъ (множ. при собирательномъ) народъ да православныя (=*ы-й-а*, *ы-й-тъ*, *ы-я-тъ*): ««А гой же ты, честна вдова Оф. Ол.! И не видали мы твоего да чада милаго, И что ль (=*Ишто ль*, *ещё ль*) по имени Иванушка Гостинаго.»» Тогда уже обращеніе къ голямъ: «А гой же вы, голи вы кабацкія! Вы скажите-тко, да гдѣ моё есть чадо милоё... И за то дарю васъ златомъ-серебромъ.» А на это отвѣтъ голей.

1) У Гильф. въ слѣдъ за симъ привели Ивана сами голи: «И привели тутъ голи кабацкія Ай оборва́наго да добра молодца.»

2) При видѣ оборванаго и пьянаго.

3) У Гильф. прибавлено сначала: «И какъ беретъ ево да за *жалты кудри.*»

Ко синю морю, ко со́лоному 1),

---

1) Извѣстный эпитетъ Гомерическій, перешедшій у Грековъ въ названіе самого «моря» (за недостаткомъ шрифта: ħalos polioio, polias halos; hals—halos=sal—salis, «море» и «соль»; изъ сего уже вытекло *собственное* названіе «моря» — thalassa=*саласса*, съ шепелеватымъ *с*): 1) сначала *сѣдое*, *бѣлесоватое* (*сѣрое*), *блестящее* (каковъ и первоначальный цвѣтъ *синій*—отъ *си*—*си-ять*, Югослав. *си-нути*),—то же что *солонь* (откуда названіе самого «солнца»); 2) *синее*—въ значеніи цвѣта уже нынѣшняго, пониженнаго по ступенямъ цвѣтности, какбы опущеннаго и глубокаго (съ чѣмъ связывается уже значеніе и *глубины* моря, какъ извѣстно однородной по корню слова съ нашимъ *голуб-ъ*, *голуб-ой*; ср. выше замѣтки о цвѣтѣ и камнѣ яхонтѣ, гіацинтѣ); 3) позднѣе еще — *солёное*, уже *по вкусу*, хотя *соль*, *солёнь* и *со́лонъ* связаны первоначально съ помянутыми выше представленіями (бѣлизны, блеска и самого добыванія—изъ минераловъ, озёръ и моря: ср. *солонь*—солнце, встающее изъ моря и въ него спускающееся).—Mare съ производными напоминаетъ еще собою наше *марево* и т. п., блескъ, миражи (mir-ari); но у Славянъ, въ формѣ *море*, спустилось оно по извѣстнымъ ступенямъ еще *глубже*, до цвѣта *чернаго*, ибо совпадаетъ, какъ знаемъ, съ корнями *маур-*, *мавр-* (откуда *Мавр*=*Мур-икъ*), *мур-* (*с-мур-и*, *на-с-мур-*), *мбр-* (имя тѣхъ же Муриновъ и Арабовъ. Ср. *смур-од-ина* и *смор-од-ина*, — ягода *цвѣтной воды*, позднѣе *черной*; откуда и древнее названіе *рѣкъ*, нашихъ эпическихъ *Смородинъ* и исторической Москвы-рѣки): все это означаетъ нынѣ уже цвѣтъ *черный*, хотя спустилось сюда по другимъ, старшимъ ступенямъ цвѣтовъ (ягода «смородина»—и *бѣлая*, и *красная*, и—послѣ—*черная*: названіе ея точь въ точь=Греч. halos-hyd-ne, морево-вод-ина, какъ именовались «дочери моря,» Нереиды, Ѳетида, Амфитрита.— Ср. при этомъ выше *черные* корабли изъ *черленыхъ* и *чермныхъ*). — Соотвѣтственно такому ходу представленій и словообразованій, моря у Славянъ пріобрѣли постепенные (по цвѣту) эпитеты: *Бѣлое* (Средиземное, Эгейское и на Русскомъ Сѣверѣ); *Сѣрое* (сурое, суровое: *Суражь* и *Сурожь*, Сурожское или Суровское—Азовское); *Синее* (Адріатическое, Каспійское-Хвалынское, на нашемъ Сѣверѣ Балтійское); наконецъ *Черное* (исключительно «Русское»).

65. На тую пристань корабельную 1),
Ко тѣмъ ко купцамъ ко заморскіимъ 2),
И да спроговоритъ она да таково слово:
„Ай же вы, купцы-замо́ряна,
„Вы замо́ряна и Вавилоняна!
70. „Вы купите у меня чада милаго,
„Чада милаго, дитя любимаго,
„По имени Ивана Гостинаго,
„И дайте вы за него пятьсотъ рублей.“
И испроговоритъ Иванушко Гостиный сынъ:
75. — Не жалѣйте вы за меня цѣлой тысящи 3).—
Испроговорятъ купцы-заморяна:
„„Ай же ты, честна вдова Офимья Олександровна!
„„Ты не вора ли продаешь, не разбойника,

---

1) То же у Гильфердинга, но тамъ представляется продажа изъ дому, изъ своего города и съ родины: а здѣсь, въ редакціи Рыбникова, совершается «за моремъ,» «въ иностранномъ городѣ,» а потому и купцы на пристани являются «заморскіе, Вавилоняне.» Другими словами, по редакціи Гильфердинга, купцы оказываются «пришлыми, заѣзжими, чужими,» и *увозятъ* Ивана съ родины; а по Рыбниковской они—купцы «мѣстные въ иностранномъ городѣ» и, продавши имъ, мать *оставляетъ* сына на чужбинѣ, сама же должна вернуться къ себѣ домой.—2) «И ко замо́рянамъ-купцамъ, да къ Вавилонянамъ.»—Этой послѣдней чертою былина роднится со знаменитою продажею Іосифа Прекраснаго и съ тѣми пресловутыми сказаніями о похищеніи дѣтей, сына или дочери, на пришлый торговый корабль, сказаніями, кои мы не разъ излагали и объясняли въ своихъ «Замѣткахъ,» начиная Геродотомъ и до современныхъ сказокъ.—3) Т. е. пригожусь я вамъ, не обманетесь въ покупкѣ, я сто́ю и больше, а вмѣстѣ намекается, что и самъ Иванъ радъ былъ перемѣнѣ своей участи: это гораздо проще. Напротивъ редакція Гильфердинга помѣщаетъ эту рѣчь ниже, послѣ того, какъ купцы усумнились въ личности предлагаемаго раба и выразили боязнь, не воръ ли это; при семъ прибавляется новая, моральная и лирическая черта, едва ли не позднѣйшая, именно, что Иванъ хотѣлъ иронически упрекнуть мать свою или даже доставить ей хорошую пенсію на будущее прожитіе: «Ай отвѣтъ держитъ да добрый мо-

„„Не ночнаго ты подорожника 1)?““—
80. „Я не вора продаю и не разбойника,
„И не ночнаго я подорожника:
„Продаю я единаго сына любимаго,
„По имени Иванушка Гостинаго.“

Тутъ прощается Иванушко съ родной матушкой,
85. Прокатилися у Иванушки горячи слезы 2),
Горячи слезы изъ ясныхъ очей,
Во слезахъ онъ словцо вымолвилъ:
— Ты прощай-ка, прощай, родна матушка,
— Честна вдова Офимья Олександровна!
90. — По закону 3) была родна матушка,
— А по житью-бытью 4) змѣя лютая,
— Змѣя лютая, подколодная,
— Подколодная, подкустовная.—
Тутъ простилася родна матушка
95. Со своимъ-ли чадомъ милыимъ 5);
Прокатилася слеза изъ ясныхъ очей,
Во слезахъ она словцо промолвила:
„Не дивитесь вы, народъ православныій,
„Что продала я своего чада милаго,
100. „По имени Иванушка Гостинаго:
„Не кормитель онъ былъ родной матери,
„А разоритель былъ золотой казны,
„А за проступокъ я его и прóдала!“

*

лодецъ...:—И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи, И что (Ишто, ещё) былó бы моёй матушкѣ И до гробнóй доски сй да не скитатися.—» 1) Что разбойничаетъ по дорогамъ и при дорогахъ ночью.— 2) «И тутъ пролилъ горючія слезы добрый молодецъ.» — 3) «По писáному.» — По настоящему, какъ быть бы должно по закону и обычаю, ты мать мнѣ родная. — 4) Какъ жила со мной и какъ поступила теперь въ жизни.—5) Здѣсь кончается редакція у Гильфердинга.—И точно, послѣдующее за симъ есть уже мораль и тенденція: во всякомъ случаѣ она не можетъ принадлежать ни древнему составу былины, ни древнѣйшему складу сказокъ, откуда позаимствовалось былевое творчество Кіевскаго эпоса и Владимірова круга.

Отпечатанный сейчасъ II-й отдѣлъ былинъ объ Иванѣ Гостиномъ Сынѣ далеко отводитъ героя изъ богатырскаго Эпоса въ область древнѣйшихъ нашихъ Сказокъ, породняя его со всякого рода извѣстными „Иванами,“ а по содержанію и складу сближаясь съ былинами или, лучше, Молодецкими и Безъимянными Пѣснями о Безчастномъ молодцѣ, о Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой, о Горѣ и т. п. (ср. другіе выпуски и наши разныя „Замѣтки“).

Въ „Замѣткѣ“ при I-мъ изданіи 3-го выпуска (стран. I—II, XI—XXXVI) разсмотрѣны и объяснены у насъ съ подробностію: мѣсто Ивана въ Кіевскомъ эпосѣ Владимірова круга, какъ богатыря (въ своемъ родѣ) изъ *гостиннаго* или *торговаго слоя* тогдашней жизни; болѣе древнее значеніе его собственнаго имени и обширная роль его подвиговъ въ области Все-славянской, доисторической; распространеніе его геройства за предѣлы Славянскіе и, при столкновеніи съ инородцами, появленіе между прочимъ въ сказаніяхъ и сказкахъ объ Ерусланѣ (Арсланѣ = Львѣ) Лазаревичѣ, въ качествѣ и съ прозвищемъ „*Ивана Русскаго богатыря*;“ отзывъ его же имени и значенія при Артуровомъ „Кругломъ столѣ“ и въ легендахъ Британскихъ; по старшимъ нашимъ Сказкамъ, этимъ остаткамъ племеннаго, „Придунайскаго“ и „Черноморскаго,“ эпоса, разнообразные до безконечности, на постоянно типическіе подвиги *Ивана* со всевозможными качествами, выражающими собою отличія древнѣйшей нашей жизни, а потому съ безчисленными прозвищами, — какъ Ивана *Богатыря*, *Бѣлой Епанчи* и *Рубашки*, *Царевича*, *Дурака* и *Дурачка*, *Водовича—Медвѣжьяго ушка—Сученка* и *Поваренка—Пономаревича*, и т. п.; въ связи съ Бовою, царемъ Далматомъ, Бѣлымъ Поляниномъ и Бѣлою Палицей, Булатомъ-молодцемъ, царемъ Выславомъ, Катомой-дядькою, Никаноромъ-богатыремъ, богатыремъ Лукоперомъ, Ѳомою Беренниковымъ и Ѳедоромъ Лыжниковымъ, Жаръ-птицею и птицею Ногомъ или Ноемъ, съ Богатырь-дѣвицею или Царь-дѣвицею, Еленою Прекрасною, Марьею и Марѳою царевнами, королевною Трудою, Анною Прекрасною, Василисою Премудрою; въ сотняхъ битвъ, споровъ и борьбы со Змѣемъ,

Норкою-звѣремъ, Кощеемъ, Полканомъ, Чудомъ-Юдомъ, Бабою-Ягою, царями—Водянымъ, Волшаномъ и Афрономъ, и т. д.—Изслѣдованія эти продолжали мы также въ „Замѣткѣ“ при выпускѣ IV-мъ по I-му изданію (стран. CLII—CXCIV): но тогда мы пособіемъ въ матеріалѣ брали только Сказки, отпечатанныя А. Н. Аѳанасьевымъ въ первыхъ *пяти* выпускахъ, изданія предшествовавшія и собственное собраніе Лубочныхъ; съ тѣхъ поръ вышли въ свѣтъ еще *три* выпуска у г. Аѳанасьева (6—8), сказки Дѣтскія и многія другія, значительно дополняющія матеріалъ именами, подвигами героевъ и событіями той же самой эпохи, такъ называемой „Сказочной,“ т. е. помянутаго старшаго эпоса, который предшествовалъ спеціальному Русскому —Кіевскому и Владимірову; мы отсылаемъ къ этому богатому источнику желающихъ продолжать и развивать наши соображенія, по пути, однажды нами уже указанному и прочно установленному для науки.—При изданіи II-й части собранія Рыбниковскаго, въ томъ же 1862 году, какъ и IV-й выпускъ собранія Кирѣевскаго, мы не успѣли закончить этой работы сами (ср. стран. CCCLXIII—IV въ „Замѣткѣ“ при II-й части Рыбник.): за то мы съ большою подробностію разсмотрѣли тамъ нѣкоторыя, вновь вскрытыя и выставленныя нами, событія или данныя изъ эпоса „Черноморскаго“ и „Придунайскаго,“ а съ тѣмъ вмѣстѣ расширили значительно кругъ очертаній, именованій и дѣяній тамошняго героя *Ивана*, о которомъ теперь рѣчь (стран. XXV—CCCLXIII въ „Замѣткѣ“). Такъ, мы выставили тамъ и по возможности разъяснили: Агрика и Агрикана, въ связи съ Рохлеемъ-Росланеемъ и Россоланомъ, а сего послѣдняго въ связи—то съ „Иваномъ Русскимъ богатыремъ,“ то съ Еруслановомъ-Арсланомъ и Русланомъ; царство Идольское, Кудріянское—Рахлейское (Гераклейское), Рахманское и Арабское—Сорочинское, какъ языческое поприще нашихъ древнѣйшихъ героевъ, впослѣдствіи, при Христіанствѣ, поставленное къ нимъ во враждебное отношеніе своимъ идольствомъ и поганствомъ; мы вглядѣлись въ крупнаго, удивительно яркаго и рѣзкаго чертами своими представителя отдаленной сей эпохи, ге-

роя, извѣстнаго въ двойственномъ образѣ—то Саламана и Саламаніи — Саламониды, то Саломона и Морольеа — Мелькарта, то Саломона и Китовраса съ Кентавромъ и Полканомъ, и т. д., изъ коихъ каждый снова двоился и являлся половинчатымъ въ свою очередь, какъ на примѣръ Мелькартъ переходилъ въ Геракла, Маркольеа и Марка, Гераклъ въ нашего Тарашку и Тараканчика Корабликова, Саломонъ (чрезъ Саламониду) во Ѳракійскаго Салмоксида—Саломоновича и Велеса, а Велесъ и Волосъ зарождались изъ Мелеха и Молоха, изъ первой половины имени и существа Мелех-карта (Молох-карта, Мелькарта), и т. п.; далѣе — мы видѣли, изъ той же области, Акира или Акура въ связи съ Агрикомъ и Агриканомъ, съ продолженіемъ въ Син-А-Курѣ и Русскомъ Васильѣ Сынѣ-Акульевичѣ; наконецъ, во всемъ этомъ и особенно въ исторіи доисторическаго Саломона, мы прослѣдили участіе или ближайшія связи того же Ивана, сказочнаго и легендарнаго, начиная отъ греческаго Эвана вакхическихъ Сабацій (послѣдующаго Діониса) до Ивы или Ивана въ Славянской формѣ имени и до Ивана — Іоанна въ разныхъ очертаніяхъ Христіанскаго времени, тѣмъ не менѣе въ обычныхъ соотношеніяхъ съ Еленою Прекрасною и съ Василисою Премудрою, съ Полканомъ и прочими его сотоварищами либо врагами. Образъ прадревняго Ивана, на переходѣ къ былевой и исторической Руси, достаточно уже ясно обозначился передъ нами: его дорисовали еще послѣдовавшія затѣмъ изданія памятниковъ о Саломонѣ и Китоврасѣ съ подобающими изысканіями (хотя въ рукахъ нашихъ хранится еще довольно данныхъ, обѣщающихъ дополненіе и съ нашей стороны), особенно же былины, возникшія на основахъ сказочныхъ и отпечатанныя у Рыбникова въ III-мъ и IV-мъ томѣ.

Въ особенности сюда относятся у Рыбникова Былины: а) о царѣ Саламанѣ (т. III, №№ 54, 55, 56), гдѣ Саламанія или Саламонида — то сестра, то жена (половина) Саламана; соперникъ вѣщій или врагъ отца Саламанова Давида — царь Втоломѣй (м. б. связанный позднѣе съ историческимъ Птоломеемъ) или Антоломанъ, т. е. Воло-

томанъ, Волотъ и Волшанъ (=Волосъ и Велесъ, старше Молохъ и Мелехъ, ср. выше), предшественникъ въ той роли послѣдующаго князя Владиміра (наприм. въ „Голубиной книгѣ"), онъ же отецъ Саламаніи; по смѣнѣ пререканій между Давидомъ и Волотоманомъ, сыну Давида Саламану выступаетъ измѣнницею дочь Волотомана, жена (или половина) Саламана—Саламанія, а врага на смѣну старшаго Волота и Китовраса олицетворяетъ Цареградскій царь Василій Окульевичь, похищающій Саламанію при посредствѣ Таракашки Заморянина или Корабликова, за что и наказуемый.—б) У того же собирателя, въ варіантѣ тѣхъ же былинъ (т. IV-й, № 18, стран. 97, 98) мѣсто Таракашка (Геракла, Мелькарта и Морольоа) занимаетъ *Ивашко*, т. е. прямо нашъ герой Иванъ, въ его трудовыхъ, чернорабочихъ, служебныхъ подвигахъ древнѣйшей эпохи (объясненіе сихъ подробностей читатели найдутъ въ помянутой нашей „Замѣткѣ" при II-мъ томѣ собр. Рыбниковскаго и на своемъ мѣстѣ ниже).—У него же, в) былина о „Похожденіяхъ Ивана" (т. III-й, № 57) есть ничто иное, какъ сказка о нашемъ героѣ, подъ именемъ *Ивана Васильевича*, возведенная только въ рангъ былины по образцамъ Кіевскимъ и остихотворенная. Отецъ продаетъ здѣсь Ивана въ рабы (какъ мать—Ивана Гостинаго), за то, что не разгадалъ ему сна (мотивъ, одинаковый съ былинами и сказаніями о Давидѣ, Волотоманѣ и Саламанѣ); Иванъ, послѣ нѣсколькихъ ступеней, переходитъ на службу къ *царю Ѳедору Васильевичу* (то же, что „къ царю Ѳеодулу Змѣю" при Иванѣ Русскомъ богатырѣ, къ „царю Далмату" при Иванѣ Бѣлой Епанчѣ или Бѣлой Рубашкѣ, къ „Морскому и Водяному царю," къ „царю Волшану," о коемъ ниже, и т. п.); на службѣ совершаетъ онъ для царя, изъ за сестры-невѣсты, *Анны Васильевны* (какъ во всѣхъ сказкахъ — изъ за Анны Прекрасной и т. п.), подвиги служебные, чернорабочіе и трудные, тѣ самые, кои равняютъ Ивана со всѣми, извѣстными намъ и подобными героями его эпохи, отъ Геракла до Таракашки; между прочимъ, разрѣшеніями трудныхъ задачъ, Иванъ помогаетъ своему господину добыть дочь у „Грознаго царя

Василья Левидова" (по имени то же, что „*Василій* Окульевичь," по отчеству и характеру это извѣстный притѣснитель-царь, *Лиховидъ*, позднѣе *Левикъ*, „царь или король *Литовскій*;" дочь его *Настасья*—одинакова съ „Настасьей Литовскою," героинею при Иванѣ Годиновичѣ, Потыкѣ, Дунаѣ и Молодцѣ Безчастномъ); въ сихъ приключеніяхъ Иванъ безпрестанно является *на морѣ* и дѣйствуетъ при посредствѣ *корабля*, какъ Таракашка Корабликовъ и какъ подобаетъ всякому древнему „гостю." Съ этой послѣдней стороны герой приближается тѣсно къ „Ивану Гостиному сыну," проданному матерью: похожденія Ивана на кораблѣ, на морѣ и за моремъ, нужно безъ сомнѣнія разсматривать именно какъ *продолженіе* того пути, на который вступилъ онъ (и охотно, какъ мы видѣли), простившись съ матерью. Наконецъ, отслуживши и выслуживши себѣ невѣсту, Иванъ примиряется и съ продавшимъ его его отцомъ (какъ Молодецъ Безчастный, на возвратѣ, съ женою), разгадывая ему прежній сонъ,—мотивъ, возвращающій Ивана опять къ чертамъ Давида, Волота и Саламана. — г) То же, но гораздо запутаннѣе, — ибо основа еще сказочнѣе,—излагается у Рыбникова въ былинѣ „О царствѣ Подсолнечномъ, царѣ Иванѣ Васильевичѣ и сынѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ (т. III-й, № 58). У царя—*Царевичь Иванъ* (Васильевичь): онъ пользуется изобрѣтеніями мастеровъ-братьевъ (въ родѣ сказочныхъ „Семи Семіоновъ," о которыхъ см. нашу „Замѣтку" при II-мъ т. собран. Рыбник.) и совершаетъ извѣстные *подвиги* въ „царствѣ Подсолнечномъ," изъ за дочери тамошняго Грознаго царя *Лиховида Лиховидьевича* (то же, что выше „Левидова"),—*Марьи Лиховидьевны* (позднѣе—*Настасьи Литовской*; самое имя *Левикъ*, *Литвы* и *Литовскихъ* героевъ съ героинями, на почвѣ эпоса и исторіи, привилось, по сходству звуковъ, къ сказочнымъ *Лиховидамъ*, Лиховидовичамъ и Лиховидовнамъ). Птица-*орелъ*, на которой онъ летаетъ, *баба-задворенка* (Яга), *ларецъ* съ тайнами—извѣстные сказочные образы. Со временемъ, у Ивана подростаетъ еще сынъ—*Ѳедоръ Ивановичь*, и это новый молодой герой: собственно же онъ *повторяетъ* собою отца (какъ въ предыдущей былинѣ обратно

—Ѳедоръ является старшимъ), и это знаменуетъ лишь другую *ступень* Былины, вплетеніе въ нее *новаго* эпизода изъ *другаго* періода. И дѣйствительно, тутъ появляется и новая героиня — *Анна Дмитріевна*: эта та самая, что въ эпосѣ при Иванѣ Годиновичѣ „дочь Дмитрія гостя богатаго“ и позднѣе сестра, жена или дочь при князѣ Романѣ Дмитріевичѣ. Похожденія Ѳедора царевича съ Анною (въ сказкахъ—„Прекрасною“), подъ образомъ *купца*, возвращаются явно въ исторію Саламана и Саламаніи (царевичъ соблазняетъ невѣсту отцовскую, подстереженъ, ведется на казнь—на висѣлицу, но узнается при этомъ, спасенъ и женится на Аннѣ), а съ другой стороны предупреждаетъ другую исторію — уже въ эпосѣ—о Настасьѣ Литовской; отецъ царевича, Иванъ (онъ въ молодости и самъ царевичъ) женится на Подсолнечной (болѣе древней и волшебной) царевнѣ, которая изъ прежней Марьи Лиховидьевны обращается въ *Марью Лебедь бѣлую*, въ ту самую, которая въ эпосѣ при Потыкѣ, Годиновичѣ, Дунаѣ, князѣ Романѣ. Однимъ словомъ, это опытъ—возвести Сказку въ Былину и трактовать сказочныхъ героевъ съ героинями точно такъ, какъ послѣ — на своемъ мѣстѣ — являются они среди эпоса, въ обстановкѣ богатырской и даже княжеской *).

Итакъ, *Иванъ*, кромѣ собственнаго имени, образа и царства, собственной области (наиболѣе обширной) и собственныхъ похожденій, въ области *сказочной* является еще подъ *другими* именами, въ одинакой роли и фигурѣ съ другими героями, заходитъ во многія смежныя области и связуется со всякими однородными приключеніями. Все это — *иное* и *другое*, въ родѣ Саламана, Акура и Акуровича, Василья Акульевича и т. п., *по сущности* одно и то же: мы должны видѣть здѣсь только *наслоеніе* и *разные слои* однѣхъ и тѣхъ же сказокъ и сказаній, получающіе различіе лишь по *эпохамъ* и *періодамъ*, когда слагались и

*) Въ IV-мъ томѣ собранія Рыбниковскаго (кромѣ приведеннаго варіанта о Саламанѣ), а тѣмъ паче у Гильфердинга нѣтъ уже такихъ „Сказочныхъ былинъ.“

развивались, по *мѣстностямъ*, гдѣ родились и крѣпли, далѣе по *племенамъ* и *племеннымъ вѣтвямъ*, у которыхъ формировались, отъ родственныхъ намъ Индо-европейскихъ народовъ (отчасти и Семитовъ) до Славянъ вообще, а отъ нихъ до выдѣленія Руси; Руси же все-таки главною формою и фигурою принадлежитъ форма и фигура съ именемъ *Ивана* или, такъ сказать, *Ивановская*. Здѣсь, на переходѣ къ собственному нашему *эпосу* и *исторіи*, въ область Кіевскую и въ кругъ Владиміровъ, Иванъ опять попадаетъ въ Былины, хотя въ началѣ еще „Сказочнымъ" и также подъ разными видами, но уже не столько въ *своемъ спеціальномъ* видѣ, сколько прообразуетъ собою, какъ прототипомъ, разныхъ *Эпическихъ* героевъ, ниже поименованныхъ.

На такомъ-то переходѣ является намъ Иванъ въ „*Вашкѣ* удовкинѣ или вдовкинѣ сынѣ съ царемъ Волшаномъ и его волшенскою книгою," въ былинѣ, совпадающей и со Сказками, и съ духовными Стихами („Стихомъ Ерусалимскимъ," „Голубиною книгою" и т. п.; самая былина въ I-мъ томѣ Рыбник. собр., разборъ ея въ „Замѣткѣ" нашей тамъ же, при II-мъ томѣ и при 3-мъ вып. Кир. по 1-му изд.). *Волшанъ*, которому рабски служитъ Иванъ, есть тотъ же, извѣстный намъ, *Волотъ* (изъ коего и Волотоманъ, и самъ Володиміръ), *Волосъ* и *Велесь*, *Молохъ* и *Мелехъ*, и т. п. Иванъ прячется отъ него и, въ семъ скрытномъ бытіи, проходитъ длинный рядъ подвиговъ и приключеній, изъ коихъ наконецъ „спасается" и выходитъ на свѣтъ Божій, заклиная въ заключеніе и самого Волшана, „его Волшенскую книгу," и всѣ „слова проклятыя" (знаменующія языческое и доисторическое міровоззрѣніе); Волшанъ умолкаетъ въ своихъ волхвованіяхъ, съ отчаянія сжигаетъ книгу (какъ прекращаются „загадки бытія" въ загадочномъ мірѣ, когда онѣ разгаданы); разрушены законы рабскаго и постыднаго существованія, Иванъ самъ дѣлается царемъ и—въ лицѣ его „Русскій *человѣкъ*" возрастаетъ въ „Русскій *народъ*," со своею собственною, народною и государственною областію, съ эпосомъ и исторіей. По спасеніи Ивана, всѣ враги, мѣшавшіе его освобожденію, побѣждены, присты-

жены или устранены: человѣчество Русское, изъ племени обще-Славянскаго, крѣпнетъ въ народъ и, какъ народъ, становится въ рядъ со всѣми другими народами, даже старшими и упредившими развитіемъ; Ивану обѣтуется *свое* царство, за правду, за подвиги, понесенные въ ея имя. Для вѣросознанія, съ окончаніемъ путей стихійныхъ, проходившихъ черезъ рядъ разныхъ видовъ бытія, начиная отъ природы неорганической (и ея „внѣшняго духа") до органической (и до бытія „внутренняго, сосредоточеннаго въ духѣ"), въ слѣдъ за опредѣленіемъ формъ внѣшняго быта (которыя вырабатываются для Русскаго „человѣка" на пути подвиговъ въ мірѣ сказочномъ), для вѣросознанія начинается развитіе внутренняго человѣческаго духа, обрѣтающаго себѣ мѣру, цѣль и цѣльность: это знаменуется переходомъ къ Христіанству, оно уже близко, уже вѣетъ его духомъ и духу народному готовится христіанская печать. Въ слѣдъ за племеннымъ броженіемъ въ нѣдрѣ развѣтвлявшагося Славянства, за кочевьемъ, еще близкимъ къ кочевому Востоку, на Европейской почвѣ сложившійся міръ-народъ Русскій закрѣпляетъ свои формы народныя и постепенно ихъ превращаетъ въ политическія, создавая такъ называемую Землю и Земщину, міры—общины—сходки—вѣча—соборы, верви, города и гражданство, Дружину Земскую и Княжескую при Князѣ, и т. д. Настаетъ и пора творчества спокойнаго, наиболѣе опредѣленнаго, плавно текучаго, размѣреннаго въ стихѣ, складѣ, напѣвѣ и музыкѣ: творчество становится Былевымъ, Былинами или Эпосомъ въ собственномъ смыслѣ, сосредоточивается въ древней области Кіевской, вокругъ типическаго Владиміра; скоро появится и исторія, и ея лѣтопись.

Вмѣстѣ съ симъ наступила и, до нашихъ дней уцѣлѣвши въ извѣстномъ смыслѣ, предъ глазами у насъ такая минута (такой моментъ), когда *Иванъ*, представитель Русскаго человѣка, обращаясь постепенно въ представителя Русскому народу, на переходѣ семъ могъ дѣлаться и дѣйствительно былъ какимъ угодно *Русскимъ народнымъ богатыремъ*: онъ переходитъ изъ *Сказочнаго* героя въ *Былеваго*, Эпи-

ческаго (и понятно: Русскій, сдѣлавшись *народомъ*, не переставалъ быть *человѣкомъ* и на лицѣ своемъ долго несъ еще всѣ черты, пріобрѣтенныя постепенно въ развитіи человѣческаго образа, по ту сторону міра народнаго, въ области племенной, стихійной, кочевой, языческой, сказочной; такъ точно, какъ и въ послѣдствіи, зарождаясь изъ нѣдра *народнаго*, продолжаетъ въ себѣ развитіе *человѣка*, съ тою выгодой, что человѣкъ *могъ* уже быть и *долженъ* былъ дѣлаться человѣкомъ *народнымъ*). Герой Сказочный и богатырь Эпическій или Былевой, Русскій племенной (или, иначе, Славянскій) и Русскій народный, Иванъ древнѣйшей Сказки и Иванъ Кіевской Былины,— это *два лица одного и того же существа*, смотря по степени его развитія или куда обращено оно, къ прошлому или грядущему. Порою это даже *одно лицо*: но своимъ сказочнымъ существомъ ростетъ оно въ народъ и эпосъ, врастая съ ними въ исторію, а въ эпосѣ и народѣ младенчествуетъ до сказки, разлагая или—такъ сказать—элементируя въ нее свои историческія силы. Наши прежнія „Замѣтки," куда мы и отсылаемъ за подробностями (при I-мъ и II-мъ т. собр. Рыбник., при 3-мъ и 4-мъ вып. Кирѣевск. по 1-му изданію, при 2-мъ вып. по изд. 2-му), доказали несомнѣнно, что *на нѣкоторое время* и *въ извѣстной мѣрѣ*— Иванъ отождествляется: со старшими Калѣками Перехожими, такъ что даетъ свое имя даже „Сильному *Ивакищу*;" съ *Микулою Селяниновичемъ* (въ „Голѣ *Ва-ян-скомъ*:" ср. Ирландское имя *Эванъ*, *Янъ*, *Ва-янъ*, *Ва-ян-во* и т. п.); съ *Олешомъ Вѣщимъ* или *Вольгою* (въ „Ванькѣ удовкинѣ," по своимъ превращеніямъ въ оборотня, по „скаканьямъ" горностаемъ и т. п.); съ *Ильею Муромцемъ* (знаменательно являясь *отцомъ* его — *Иваномъ*); со всѣми богатырями по преимуществу бродячими, перехожими, полукочевыми или полустихійными, въ родѣ *Потыка*, *Дуная;* даже съ *Добрынею* и со всѣми полуисторическими героями въ родѣ *Яна*-усмошвеца и т. д.

Въ Былины подъ собственнымъ именемъ перешелъ герой нашъ, знаемъ уже, 1) какъ *Иванъ Гостиный сынъ:* этому былевому герою вполнѣ предшествуетъ, по иноже-

ству сказокъ и въ разныхъ видахъ, Иванъ сказочный съ тѣми же аттрибутами и приключеніями, именно съ „сивою-буркою—вѣщею кауркою“ или „вѣщимъ воронкомъ,“ съ закладами изъ за коня и съ побѣдами на конѣ. Роль одинаковая, даже иногда одинаково и самое имя, ибо есть сказки прямо съ героемъ „Гостинымъ сыномъ“ и „Купеческимъ,“ объ „Иванѣ-кручинѣ, Купеческомъ сынѣ,“ о „Соловьѣ сынѣ Гостяномъ Ивановичѣ“ (упоминается, хотя и не напечатана, въ собраніи Сахарова 1841 г.) и т. д.; съ прибавкою и окраскою позднѣйшихъ иностранныхъ сказаній, какъ кажется Италіанскихъ, возникла отсюда даже цѣлая книга, въ двухъ частяхъ, 1785—86 гг. (очень рѣдкая, С. П. Б.)—„Похожденіе Ивана Гостинаго сына.“ Это *одна половина* былеваго Ивана Гостинаго (съ конемъ): *другая половина* (гдѣ онъ проданъ, поступая въ гости-мореходцы и въ купцы заморскіе) возвращаетъ былеваго Ивана обратно въ область сказочную и роднитъ его съ Саламаномъ, Васильемъ Акульевичемъ, Таракашкою Корабликовымъ, и т. д. И въ первой половинѣ, Иванъ еще плохо, недостаточно созрѣлъ для новаго поприща—между былинами: былины о немъ немногочисленны, отрывочны, кратки, сосредоточены около одного лишь мотива — коня; по всему видно, что *не тутъ* главное, спеціальное мѣсто герою, что онъ старше и раньше сихъ опредѣленныхъ формъ, что онъ уже съигралъ достаточно роль свою *до эпоса*, по сказкамъ. Въ другой же половинѣ, Иванъ явно только что *начинаетъ* свои подвиги (по морю, въ купечествѣ, какъ гость), то есть подвиги его, развитые сказками, для былинъ могли составить одно только *начало* и былина не нашлась, *чѣмъ продолжить* такое начало съ помощію *собственныхъ былевыхъ средствъ*. Другими словами, Иванъ изъ этихъ былинъ снова долженъ былъ вырваться въ сказку и, если бы былина упорствовала продолжать свою опредѣленную и стихоразмѣренную форму, то ей оставалось бы лишь *повторять сказку*. На этомъ пунктѣ, какъ помянуто, былины съ одной стороны превращаются въ особый видъ—былинъ „сказочныхъ,“ а съ другой,—и такихъ множество,—разлагаются на Пѣсни Безъимянныя и Молодец-

кія," то есть теряютъ всякое отношеніе къ общей народной исторіи, къ опредѣленному времени и мѣсту, утрачиваютъ историческое и даже богатырское имя героя, сглаживаютъ и стираютъ всякую черту характерную, переходятъ постепенно въ *простую пѣсню*: изъ Дуная, Потыка, Ивана Годиновича и тому подобныхъ, весьма опредѣленныхъ въ эпосѣ, разложился (вмѣстѣ со складомъ былины, превращаемой въ побывальщину, бабью старину и женскую пѣсню), безъименовался, обезличился, поблѣднѣлъ и опростился „Безсчастный молодецъ" (хотя съ тѣми же похожденіями въ Литву и съ тою же невѣстою), „Добрый молодецъ съ женою неудачливой," „Горемычный удалой молодецъ," наконецъ—герой почти отвлеченный, олицетворенное „Горе" и „Горюшко сѣрое," и т. д. Слѣдовательно, герой Иванъ вводитъ насъ собою и самъ входитъ въ былину, въ былевое творчество и кругъ эпическій, а съ другой стороны и выводитъ отсюда, и самъ выходитъ, превращая Былину въ Сказку или въ Пѣсню Молодецкую — Безъимянную. Такъ и должно быть: ибо онъ *Русскій человѣкъ*, всегда поставляющій собою матеріалъ и контингентъ для народа, для міра народнаго и эпическаго или историческаго, но столько же, по другую сторону, и тотъ самый человѣкъ, на котораго разлагается *Русскій народъ* какъ на единицы, къ которому возвращается народъ своими личными и частными интересами, семьею, бытомъ и обиходомъ, единичнымъ развитіемъ, индивидуальными вопросами и элементами, женственною, слабѣйшею или матеріальною половиною.

Какъ бы то ни было, хотя на долю и отчасти, но *Иванъ* все-таки вошелъ въ область былевую и въ циклъ Владиміровъ-Кіевскій, все-таки онъ въ извѣстной мѣрѣ сталъ здѣсь *богатыремъ*, въ ряду *прочихъ богатырей* Кіевскихъ и Владиміровыхъ. Онъ сталъ такимъ, видѣли мы, 1) какъ *Иванъ Гостиный сынъ* (въ двухъ половинахъ—а) съ конемъ, б) проданный и пускающійся на море или за море), 2) какъ *Иванъ Годиновичь*, къ коему мы въ слѣдъ за симъ и переходимъ.

* * *

Конецъ 1-й половины III-го выпуска по 2-му изданію.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЫПУСКЪ 4.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

П. БЕЗСОНОВЫМЪ.

I.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1879.

По опредѣленію Общества:

1877 года, Октября 29.

Редакторъ изданія

П. Безсоновъ.

Повторяется по прежнему просьба и предупрежденіе: не перепечатывать.

ВЫПУСКЪ 4,

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ.

I.

БОГАТЫРИ: ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ; НИКИТА ИВАНОВИЧЪ, БОГАТЫРЬ-ЗАОЛѢШАНИНЪ; МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ, БОГАТЫРЬ-ПОТОКЪ, БРОДЯГА; СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЪ, БОЯРИНЪ; БОГАТЫРИ-ГОРОЖАНЕ, ПОСАДСКІЕ, ГОРДЕНЪ ИЛИ ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ И ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЪ; МИХАЙЛО ПЕТРОВИЧЪ, БОГАТЫРЬ-КАЗАРЯНИНЪ; СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ, БОГАТЫРЬ-МОРЕХОДЕЦЪ.

СЪ КАКИХЪ ПОРЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ.

АНИКА ВОИНЪ.

СТАРШІЕ БОГАТЫРИ:

СВЯТОГОРЪ.

Выписка изъ протоколовъ Общества Любителей Россійской Словесности *).

1877 года, Октября 29, CCCXXVIII засѣданіе, п. 9.—Выслушавъ представленіе г. завѣдующаго печатаніемъ «Пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» о необходимости повторить изданіе *3-го и 4-го выпусковъ*, Общество опредѣлило: предоставить г. завѣдующему изданіемъ немедленно приступить къ печатанію обоихъ выпусковъ, во всемъ согласно изложенному представленію, по окончаніи же выпустить въ свѣтъ.

---

*) Печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

1 *).

(Архангельскій уѣздъ).

Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держалъ,
Во селѣ было въ Корочаровѣ,
Жилъ тутъ старикъ со старухою.
5. Даровалъ имъ Богъ на старость дѣтище.
Сидитъ дѣтище сѣдунòмъ тридцать лѣтъ.
Пришелъ подъ окно старъ человѣкъ,
Проситъ старъ человѣкъ милостыню благословенную [1].
«Съ печи не вставáю тридцать лѣтъ,»
10. Молвилъ Илья Муромецъ.
— Вставай, добрый молодецъ,—
Проговорилъ старъ человѣкъ.
Встаетъ съ печи Илья Муромецъ,
Беретъ хлѣба великъ коровай,
15. Ладитъ [2]) подать милостыню благословенную,
Подходитъ къ окошку наволочному [3]):
Пропалъ старикъ съ науличья [4]).

---

*) Это Побывальщина, съ разрушеннымъ стихомъ и складомъ, почти Сказка; стихи ея раздѣлены здѣсь гадательно, такъ впрочемъ, что знакомый съ пріемами былеваго творчества довольно легко можетъ возстановить ихъ первобытный видъ.—По содержанію близка Побывальщина къ пѣснямъ III-го отдѣла въ 1-мъ выпускѣ.

[1]) Милостыня отъ того *благословенная*, что даютъ ее съ *благимъ*, добрымъ *словомъ*.

[2]) Хочетъ, намѣревается.

[3]) Волоковому, задвижному, безъ рамъ. Въ сѣверныхъ областяхъ Руси оставляютъ въ этомъ окнѣ готовую пищу и питье для бѣдныхъ прохожихъ.

[4]) *Науличье*, продольная площадь улицы.

Въ тѣ поры въ селѣ Корочаровѣ
Праздникъ былъ:
20. Старикъ Иванъ Тимоѳеевичь
Наварилъ великъ щанъ [1]) пива.
Выходилъ Илья на широкій дворъ,
Поднималъ великъ щанъ пива пьянаго,
Завздынулъ [2]) чанъ на повѣть [3]) высокую.
25. Воротился старикъ Иванъ Тимоѳеевичь
Изъ церкви Троицкой,
Послѣ воскресенской обѣдни,
Диву дался, когда не увидѣлъ
На старомъ мѣстѣ щана́ съ пивомъ.
30. ««Что̀ же это, старуха, за притча прилучилася:
««Семерыма да осьмерыма [4]) не могли щана̀
««Ни въ кую сторону пода́ть,
««А теперь щанъ изъ-подъ оконъ убрали?
««Мужики всѣ были въ церквѣ Троицкой:
35. ««Не Илейко ли сѣдунъ экимъ чудомъ потѣшается?»»
Проговорилъ старикъ,
И оба со старухой засмѣялися.
Приходятъ старики въ горницу,
Тутъ они въ до́сталь придивилися:
40. Подходилъ къ нимъ Илья Муромецъ,
Зе́мнымъ поклономъ чевствовалъ своихъ родителей,
Просилъ у нихъ крѣпкаго благословенія,
Самъ засряжа́лся во путь во дорогу дальнюю.
На прямоѣзжей дорогѣ,
45. Промежь Кіева и Мурома,
Залегало чудище поганое,
Алатырецъ [5]) некрещеный,
Соловей разбойникъ.
Чинилъ онъ обиды всему міру крещеному:

---

[1]) Чанъ.

[2]) Поднялъ.

[3]) *Повѣть:* кровля надъ дворомъ или кровля навѣсовъ, окружающихъ дворъ; иногда чардакъ или палати подъ этой кровлей, гдѣ сани, оглобли, и т. п.; доходя до воротъ и кроя ихъ, она получаетъ названіе *обвершки*.

[4]) Въ четверомъ да въ восьмеромъ.

[5]) Объясненіе см. въ разныхъ нашихъ „Замѣткахъ“ и въ „Указателѣ.“

50. Никого не пропускалъ
Мимо своёй окаянной залòги [2]);
А сидѣло это чудище на девяти дубахъ,
Чтò вершинами въ нёбо ввиваются;
Засвиститъ чудище въ полсвиста—
55. Замретъ листъ въ зеленомъ лѣсу;
Засвиститъ чудище полнымъ свистòмъ—
Оглушитъ всякого человѣка крещенаго.
А по той дорогѣ
Ходы́ [1]) въ Кіевъ полтора часа,
60. А по окольной дорогѣ
Ходы́ въ Кіевъ полтора года.
Пошелъ Илейко на Кіевъ градъ
По прямоѣзжей дорогѣ,
Помимо залòги [2]) Алаты́рца
65. Соловья разбойника,
Сострѣлилъ Соловья съ девяти дубовъ,
Приковывалъ, прищуру́пливалъ [3]) его ко стремени булатному,
Повози́лъ его во палаты княженецкія,
Свѣтлому князю Владиміру на пока́заньё.

70. Доѣзжали они до терема до Соловьинаго:
Сидятъ у окóленокъ [4]) малы дѣточки,
Малы дѣточки Соловьиныя;
Новòй [5]) говоритъ: ««Батюшко богатыря въ стремени везетъ,»»
А новой [5]): ««Богáтырь батюшка въ стремени везетъ.»»
75. Какъ увидѣлъ Соловей разбойникъ
Своихъ малыхъ дѣтушекъ,
Слезно всплакался онъ у стремени булатнаго:
— Государь ты, мой батюшко,

---

[1]) Ходьбы.
[2]) Заставы: Соловей *заложилъ* дорогу.
[3]) Привинчивалъ: *щурупъ*, съ нѣм. *Schraube*, винтъ.
[4]) У оконницъ.
[5]) Иной; одинъ—другой.

— Илья Ивановичь!
80. — Отпусти ты меня на волю вольную,
— Положу я тебѣ заповѣдь великую:
— Не буду я больше сидѣть надъ дорогой прямоѣзжею,
— Не стану свистѣть по соловьиному,
— Не стану губить народу крещенаго.—
85. Илья Муромецъ тому не воймуетъ [1]):
«Повезу я тебя, чуда, въ Кіевъ градъ,
«На показаньё князю Владиміру.»

Подъѣзжали они ко городу ко Крякову:
Городъ Кряковъ обсаженъ обсадою,
90. Морятъ Кряковцевъ смертью голодною.
Говоритъ Илейко Соловью разбойнику:
«Пособи мнѣ-ка выручить
«Кряковъ изъ неволюшки.»
Поѣхалъ Илья по праву руку,
95. Соловей пошелъ по лѣву руку:
Подъ Кряковымъ добры молодцы силу выбили.
Выносили Кряковцы золоты ключи,
Отпирали ворота городовыя:
««Поклоняемся тебѣ, богатырь честной,
100. ««Нашимъ городомъ:
««Приходи къ намъ въ становьё [2]),
««Вотъ тебѣ городъ нашь, будь набольшимъ!»»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
«Ой вы гой еси, горожана Кряковцы!
105. «Подъ вами сила была неосильчива [3]):
«Вы живите, братаны, по старому,
«Я поѣду въ стольный Кіевъ градъ!»
Прищурупливалъ онъ Соловья ко стременю булатному.
Пріѣзжали они ко граду ко Кіеву.

---

[1]) Не внимаетъ.
[2]) Въ станы, гдѣ стоятъ они, живутъ.
[3]) Неодолима.

110. Походилъ Илья въ церковь Божію,
Слушать обѣдню великую,
Воскресенскую [1]).
Увидѣлъ его въ церквѣ
Князь Владиміръ стольный Кіевскій.
115. Учалъ онъ его доспрашивати:
— Котораго города, которой земли,
— Какъ молодца именемъ зовутъ?—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ,
Сынъ Ивановичь [2]):
120. «Здѣсь не то поютъ, не то и слушаютъ,
«Здѣсь идетъ обѣдня воскресенская.»
Отошла обѣдня воскресенская,
Проситъ Владиміръ Илью Муромца
Къ себѣ на трапезу.
125. Учалъ онъ его на пиру допрашивать:
— Которой ты, молодецъ, ѣхалъ дорогою:
— Прямоѣзжею дорогой, аль окольною?—
«Ѣхалъ я дорогою прямоѣзжею.»
— Въ очью ты облыга́ешь меня, добрый молодецъ:
130. — Той дорогой ни конному, ни пѣшему
— Пропу́ску нѣтъ,
— Тамъ залога чу́дища
— Соловья разбойника.—
«Ѣхалъ я дорогою прямоѣзжею,
135. «Наѣзжалъ вора Соловья разбойника,
«Сидѣлъ онъ на девяти дубахъ,
«Что̀ вершинами въ нёбо ввиваются;
«Засвистѣлъ онъ по соловьиному—
«Подо мною конь на колѣнцы палъ,
140. «На великую силу я посправился,
«Стрѣлялъ въ Соловья изъ туга лука,

---

[1]) То есть стихъ таковъ:
„Великую, Воскресенскую."
[2]) Опять стихъ:
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь."

«Сшибъ его съ дерева жароваго [1]),
«Приковалъ къ стременю булатному
«И привезъ къ тебѣ на показаньё.»
145. Выходили они на красно крыльце:
Илья Муромецъ взялъ князя подъ праву руку,
А княгиню взялъ подъ лѣву руку.
Самъ велѣлъ Соловью разбойнику
Сосвистѣть тихимъ посвистомъ.
150. Соловей разбойникъ сосвистѣлъ по соловьиному:
Князи и бояра
И сильные-могучіе богатыри
Съ ногъ попадали,
Круты крыши съ хоромъ окаталися.
155. Еще смекалъ [2]) воръ Соловей разбойникъ,
Что тѣмъ посвистомъ уходитъ Илью Муромца:
Илья Муромецъ взялъ его да и розорвалъ.

(Записано А. Харитоновымъ, доставлено В. И. Далемъ.—Дополненія или разнорѣчія изъ другихъ выпусковъ и изданій см. ниже особо).

*

2 *).

(Тамъ же).

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цысарскіихъ,
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;

---

[1]) *Жаровой* лѣсъ—рослый, выбѣжавшій высоко, съ чистою лѣсиной (ростъ ускоряется на открытомъ мѣстѣ, на припекѣ, на *жару*). Ср. вып. 1-й стр. 51.

[2]) Сообразилъ, чаялъ, надѣялся, разсчитывалъ.

*) Былина эта одинакова съ тою, какая помѣщена у насъ въ 1-мъ выпускѣ, отд. IV. № 1; но здѣсь нѣсколько особыхъ словъ и оборотовъ: вмѣсто того, чтобы ихъ выписывать со сносками на 1-й выпускъ, мы нашли удобнѣе напечатать всю былину, тѣмъ болѣе, что та записана г. Кузмищевымъ, а эта г. А. Харитоновымъ и, при нѣсколькихъ разнорѣчіяхъ, доказываютъ обѣ, какъ вѣрно онѣ записаны со словъ.—Объясненія прибавляемъ только къ тѣмъ словамъ и выраженіямъ, которыя встрѣчаются здѣсь впервые: остальное см. въ 1-мъ выпускѣ.

5. Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичь млалъ;
Есаулъ Алёша Поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополище.
Всѣ были братцы въ разъѣздищѣ:
10. Гришка Боярскій въ тѣ-поръ кравчимъ жилъ;
Алёша Поповичь ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистòмъ полѣ,
Во чистòмъ полѣ спалъ въ бѣлòмъ шатрѣ;
Добрыня Никитичь ѣздилъ за охотою,
15. За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлялъ гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископоть великую.
Учалъ онъ ископоть досматривать:
20. «Еще чтò же то за богатырь ѣхалъ?
«Изъ той ли земли изъ Жидовскія
«Проѣзжалъ Жидовинъ могучь богатырь
«На эти степи Цысарскія!»
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
25. Прибиралъ свою братію приборную:
«Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
«Мы чтò на заставушкѣ устòяли?
«Мы чтò на заставушкѣ углядѣли?
«Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!»
30. Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Полòжили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
35. Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
«Не ладно, ребятушки, положили,
«Не ладно, ребятушки, удумали,—
«У Васьки полы долгія:
«По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
40. «На бою на дракѣ заплететься,
«Погинетъ Васька по напрасному.»
Положились на Гришку Боярскаго:

Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
45. Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
«Не ладно, ребятушки, удумали,
«Не ладно, ребятушки, положили,—
«Гришка рода боярскаго:
50. «Боярскіе роды хвастливые;
«На бою-дракѣ Гришка призахвастнется,
«Погинетъ Гришка по напрасному.»
Положились на Алешу Поповича:
Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
55. Состигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика во чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
«Не ладно, ребятушки, положили,
60. «Не ладно, ребятушки, удумали,
«Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,—
«Алешка рода поповскаго:
«Поповскіе глаза завидущіе,
«Поповскія руки заграбущія;
65. «Увидитъ Алешка на нахвальщикѣ,
«Увидитъ онъ много злата-серебра,—
«Злату Алешка позавидуетъ,
«Погинетъ Алешка по напрасному.»
Положились на Добрынюшку Никитича:
70. Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Состигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика во чистомъ полѣ,
По плечь отсѣчь буйну голову.
Привезти голову на заставу богатырскую.
75. Добрыня того не отпирается.
Похóдитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имáетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ во уздечку тесмянную,
Сѣдлаетъ во сѣдельце Черкесское,
80. Въ торока вяжетъ палицу боевую,—

А вѣсомъ та палица девяносто пудъ,
На бедры беретъ саблю острую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣхалъ Добрыня на гору Сарачинскую.
85. Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
«За чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
90. «Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
«Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
«Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
«На всю нашу братію приборную?»
Заслышалъ нахвальщина зыченъ голосъ,
95. Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Добрынюшку Никитича.
Мать сыра земля сколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнцы палъ.
100. Добрынюшка Никитичь младъ
Господу Богу возмолится,
Донъ-Мать [1]) Пресвятой Богородицѣ:
«Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
Подъ Добрыней конь поправился,
105. Уѣхалъ Добрыня отъ нахвальщика,
Пріѣхалъ на заставу богатырскую,
Встрѣчаетъ его Илья съ братіей приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичь младъ:
«Какъ выѣхалъ на гору Сарачинскую,
110. «Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
«Увидѣлъ на полѣ чернизину,
«Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
««Воръ, собака, нахвальщина!
««Ты за чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
115. ««Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
««Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?

---

[1]) Донской Божіей Матери.—*Примѣч. записавшаго.*

««Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
««На всю нашу братію приборную?»
«Заслышалъ нахвальщина зыченъ голосъ,
120. «Поворачивалъ нахвальщина добра коня:
«Мать сыра земля сколебалася,
«Изъ озеръ вода выливалася,
«Подо мною конь на колѣнцы палъ,
«Господу Богу я возмолился,
125. «Донъ-Мать Пресвятой Богородицѣ:
««Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
«Подо мною конь посправился,
«Воротился я отъ нахвальщика.»
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ:
130. «Малое бо́льшимъ замѣняется,
«Бо́льшему некѣмъ замѣнитися:
«Ѣхать атаману самому!»
Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаетъ Илья добра коня,
135. Уздаетъ во уздечку тесмянную,
Сѣдлаетъ во сѣдельце Черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую,—
Не величка палица—полтораста пудъ,—
На бедра беретъ саблю острую,
140. Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сарачинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
145. Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
«Ты за чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
«Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
«Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
150. «На всю нашу братію приборную?»
Заслышалъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня:
Мать сыра земля сколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася;

155. Попущалъ коня на Илью Муромца:
Илья Муромецъ не удробилъ.
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Въ первые палками ударились,—
У палокъ чивья [1]) отламались,
160. Другъ друга не ранили;
Саблями вострыми ударились,—
Востры сабли приламались,
Другъ друга не ранили;
Бились-дрались рукопашнымъ боёмъ.
165. Бились-дрались день до вечера,
Со вечера бьются до полуночи,
Со полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою,—
Поскользитъ у Илейки ножка лѣвая,
170. Палъ Илья на сыру землю;
Сѣлъ ему нахвальщикъ на бѣлы груди,
Вынималъ чингалище булатное,
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
175. По плечь отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщикъ наговаривать:
— Старый ты старикъ, старый, матёрый!
— За чѣмъ ты ѣздишь во чисто поле?
— Будто некѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
180. — Ты поставилъ бы себѣ келейку
— При той пути при дороженькѣ;
— Собиралъ бы ты, старикъ, въ келейку:
— Тутъ бы, старикъ, и животъ скончалъ!—
Лежитъ Илейко подъ богатыремъ,
185. Говоритъ Илейко таково слово:
«Да не ладно у Святыхъ Отцевъ написано,
«Да не ладно у Апостоловъ удумано;
«Написано было у Святыхъ Отцевъ,
«Удумано было у Апостоловъ:

---

[1]) *Чивьё*—рукоять какого либо орудія, ручка вещи; такъ говорятъ: чивьё ковша, кувшина.—*Примѣч. записавшаго.*—То же, что *цьвья* (*цьтья*, за что можно *уцьнитися*).

190. ««Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;»
«А нынѣ Илья подъ богатыремъ!»
Лежучи у Ильи вдвое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщика въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева стоячаго,—
195. Палъ нахвальщикъ о сыру землю,
Въ сырую землю ушелъ до̀ поясъ.
Не досугъ Ильѣ много спрашивать,—
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро закрылъ очи ясныя,
200. По плечь отсѣкъ буйну голову;
Воткнулъ на копье бржемецкое [1]),
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня встрѣчаетъ Илью Муромца
Со своею братьею приборною.
205. Илья бросилъ голову о сыру землю,
При своей братьи похваляется:
«Ѣздилъ во полѣ, братцы, тридцать лѣтъ,—
«Экого чуда не наѣзживалъ!»

(То же).

*

3 *).

(Тамъ же).

За городомъ было за Кіевомъ,
Стояли за Кіевомъ по три года,
Ничего въ чистомъ полѣ не видѣли;
Третій годъ на проходѣ сталъ,
5. Четвертый ходитъ по науличью [2]).
На ранней зорюшкѣ, на утренней,
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,

---

[1]) Мурзавецкое, мурзинское (въ произношеніи: *бржем.* или *быржем.*).

*) По содержанію ср. эту былину съ 1-мъ выпускомъ отд. I, № 2, 3, 4, 5, 6; отд. IV, № 2. А также см. Дополненія.

[2]) Т. е. подходитъ уже близко.

Смотрѣлъ по далечу-чисту-полю.
Увидѣлъ паленицу преудалую:
10. Ѣдетъ молодецъ на добромъ конѣ,
На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
У стремени прикована змѣя Горынская.
Воротился Илья во бѣлъ шатеръ:
15. «Кто бы изъ насъ съѣздилъ во чисто поле,
«Досмотрѣлъ паленицу преудалую?»
««Мы пошлемъ Алешу Поповича?»»
«Алеша Поповичь гордливъ-спѣсивъ:
«Не умѣетъ съ богатыремъ какъ съѣхаться,
20. «Не умѣетъ богатырю честь отдать.»
««Мы пошлемъ Тихаго Дуная сына Ивановича?»»
«У Дуная повороты были тихія [1]),
«Онъ не за̀ виды [2]) положитъ буйну голову.»
««Пошлемъ мы Добрынюшку Никитича:
25. ««Тотъ знаетъ, какъ съ богатыремъ съѣхаться,
««Знаетъ, какъ богатырю честь отдать.»»

Походитъ Добрыня на конюшій дворъ:
Видѣли молодца, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли поѣздки богатырскія.
30. Заѣхалъ онъ на шо́ломя [3]) высокое,
Смотрѣлъ-глядѣлъ по далечу-чисту полю,
Увидѣлъ паленицу удалую:
Ѣздитъ молодецъ по чисту полю,
Тѣшится утѣхою дворянскою,—
35. Мечетъ острое копье подъ вышину небесную,
На конѣ подъѣзжаетъ и подхватываетъ,
Легко копьемъ поворачиваетъ,
Самъ копью приговариваетъ:
— Коль легко я верчу острымъ копьемъ,

---

[1]) Память объ отношеніи Дуная-богатыря къ Дунай-рѣкѣ, которая у Славянъ постоянно носитъ названіе Дуная *Тихаго* и *Бѣлаго*.

[2]) *Не за̀ виды*: ни за что (не въ зависть никому и ничему).

[3]) См. вып. 3, стр. 46, примѣч. 6-е.

40. — Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—
Добрыня Никитичь воротился въ бѣлъ шатеръ,
Самъ отвѣтъ держитъ Ильѣ Муромцу:
«Видѣлъ я паленицу преудалую:
«Ѣздитъ паленица по чисту полю,
45. «Потѣшается потѣхой дворянскою,—
«Мечетъ копье подъ высоту небесную,
«На конѣ подъѣзжаетъ, самъ подхватываетъ,
«Самъ копью наговариваетъ:
«— Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
50. «— Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
«Ой ты гой еси, Алеша Поповичь младъ!
«Не твоя чаша,—не тебѣ и пить [1])!»

Походилъ Илья на конюшній дворъ,
55. Сѣдлалъ своего коня добраго,
Тянулъ двѣнадцать подпругъ шелковыихъ,
Бѣлаго шелка Шемаханскаго,
Тринадцатую тянулъ черезъ хребетную кость:
Не ради красы,—ради крѣпости,
60. Чтобъ не оставилъ добрый конь во чистомъ полѣ.
Видѣли старика, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли поѣздки богатырскія:
Только въ чистомъ полѣ курева̀ стоитъ [2]).
Заѣхалъ онъ на шо́ломя высокое,
65. Смотрѣлъ-глядѣлъ по далечу-чисту полю,
Увидѣлъ паленицу преудалую:
Ѣздитъ паленица на добромъ конѣ,
Потѣшается утѣхой дворянскою,—

---

[1]) Народное творчество такъ привыкло къ „загребущимъ рукамъ“ Алеши Поповича (См. 2-й выпускъ), что когда кто бы то ни было берется не за свой кусъ, тотчасъ является представленіе о Поповичѣ, его образъ передъ глазами. И здѣсь, при хвастовствѣ паленицы, у Ильи вырываются слова: „Ты, паленица, затѣялъ то же, что, случалось, затѣвалъ Алеша! И тебѣ та же будетъ доля, что Алешѣ: не твой кусъ,—неравно подавишься, не твоя чаша,—не тебѣ и пить!“—Алеша П. является типомъ своего рода древней пословицы.

[2]) Пыль столбомъ.

Мечетъ копье въ вышину небесную,
70. Подъѣзжаетъ на конѣ и подхватываетъ,
Самъ копью наговариваетъ:
— Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
— Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ,
75. Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
«Ой ты гоій еси, паленица преудалая!
«Ты за чѣмъ рано похваляешься?
«Не уловя ты птицы, теребишь ее,
«Не сваривши птицы, Богу молишься [1])?»
80. Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигалися:
Два богатыря съѣзжались во чистомъ полѣ.
Ударились первымъ боёмъ палицами желѣзными,—
Тѣмъ боёмъ другъ друга не ранили,
85. Въ кольцахъ [2]) палицы поламалися.
Кололись они копьями пурманецкими [3]),—
Въ чивьяхъ копья поламалися,
Они тымъ боёмъ другъ друга не ранили.
Хватались они тягами желѣзными,
90. Тянулись черезъ гривы лошадиныя,—
Одинъ одного не перетягиваетъ,
Добры кони пали на корачь,
Тѣмъ боёмъ другъ друга не ранили.
Сходили они со добрыхъ коней,
95. Хватались плотнымъ боёмъ, рукопашкою,—
Водились они не мало времени,
Водились добры молодцы полтора года,
По колѣнямъ въ землю пріобмялися.
У Ильи права нога окатилась [4]),
100. А лѣвая нога подломилася:

---

[1]) Т. е. садишься уже ѣсть ее.

[2]) По словамъ сказочниковъ, рукояти палицы были просверлены, въ эти дыры вдѣвались кольца, за которыя уже брались руками.—*Примѣч. записавшаго.*—Вѣроятнѣе, что это были кольца или колѣна самаго дерева, изъ котораго были палицы.

[3]) Мурзавецкими.

[4]) Раскатилась, поскользнулась.

Падалъ Илья на сыру землю,
Паленица садилась на бѣлы груди.
Тутъ Илейко возмолится:
«Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
«Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
«Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
«За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ женъ,—
«Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
«Онѣ были богомольныя,
«День и ночь онѣ Богу молятся [1]).»
Не сѣрая утица востопорщится:
Илья на земли поворотится;
Металъ сокольника подъ вышину небесную,
Выше всякого шарóваго [2]) дерева,
Самъ всталъ, да и подхватывалъ,
Клалъ паленицу на сыру землю,
Садился къ паленицѣ на бѣлы груди,
Учалъ онъ паленицу доспрашивать:
«Коего, молодецъ, города, которой земли,
«Которой Сибирской украины [3]),
«Какъ молодца именёмъ зовутъ,
«Какъ молодца по отцѣ чёвствуютъ?»
Отвѣчаетъ паленица удалая:
— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ бы ни имени, ни отчины,
— Ни роду бы не спрашивалъ, ни племени,
— Скоро бы споролъ груди бѣлыя!—
Вопросилъ его Илья второй накóнъ [4]):
«Коего, молодецъ, города, которой земли,
«Которой Сибирской украины,

---

[1]) Смыслъ тотъ, что за дѣла добрыя и по молитвамъ сиротъ Илья выразилъ твердую надежду на свое спасеніе.

[2]) Т. е. „жароваго;“ см. выше.

[3]) *Сибирская украйна* была для Руси самая дальняя; потому, когда дѣло шло о появленіи незнакомца издалека, украйна, съ которой онъ появлялся, представлялась Сибирскою.

[4]) Начинъ, разъ.

«Какъ молодца именёмъ зовутъ,
«Какъ молодца по отцѣ чёвствуютъ?»
— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
— Много бы я съ тобой не разговаривалъ,
135. — Скоро бы споролъ груди бѣлыя!—
Вопросилъ его Илья третёй наконъ:
«Коего, молодецъ, города, которой земли,
«Которой Сибирской украины,
«Какъ молодца именёмъ зовутъ,
140. «Какъ молодца по отцѣ чёствуютъ?»
Отвѣчаетъ паленица преудалая:
— Отъ моря я отъ Студенаго [1]),
— Отъ камени я отъ Латыря,
— Отъ той отъ бабы отъ Латыгорки [2]),
145. — Именёмъ зовутъ меня Сокольничекъ.—
Соходилъ Илья со бѣлыхъ грудей,
Бралъ его за руку за правую,
Цаловалъ во уста во сахарныя:
«Здравствуй, мое чадо милое!»

150. За бѣду пало Сокольнику, за великую [3]).
Онъ садился на добра коня,
Поѣзжалъ онъ ко своей матушкѣ:
— Гой ты, матушка, Амелѳа Тимоѳеевна!
— Ты скажи мнѣ-ка моего батюшку.—
155. Отвѣчала Амелѳа Тимоѳеевна:
«Ужь ты дитятко мое рожёное!
«Когда ты ѣхалъ во чисто поле,
«Говорила я тебѣ заповѣдь великую:
«Ты наѣдешь стараго,—старому кланяйся,
160. «Младаго наѣдешь,—младаго спрашивай.»
За бѣду ему пало, за великую.
Ѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,

---

[1]) Море *Студеное—Бѣлое*, и далѣе все сѣверное; у Русскихъ Славянъ ему противоположно *Черное*, иначе *Теплое*.

[2]) Объясненіе Латыря, Латыгорки и т. п. см. въ нашихъ „Замѣткахъ.“ — [3]) Т. е. когдъ онъ догадался о своемъ происхожденіи (незаконномъ или отъ инородца?).

Металъ вострымъ копьемъ въ бѣлъ шатеръ,
Прилетѣло копье Ильѣ во бѣлы груди;
У Ильи былъ оберегъ [1]) полтора пуда,
Полтора пуда былъ съ четвертью;
Прянулъ Илья изъ бѣла шатра,
Хваталъ Сокольника со добра коня,
Схвативши его онъ, на полы розорвалъ.

(То же).

*

4*).

(Тамъ же).

Старъ казакъ Илья Муромецъ,
Ѣздитъ Илья по чисту полю,
Онъ не годъ ѣздитъ, не другой ѣздитъ,
Ѣздитъ Илейко двѣнадцать лѣтъ:
Пался ему въ стрѣчу Сильный Иванище;
Не на коиѣ ѣздитъ Иванище, ходитъ въ пѣшы;
Остоялся [2]) Илья передъ Иванищемъ,
Самъ говоритъ таково слово:
«Путь-дорога, Калика перехожая!
«Куда снялся [3]), сумка перемётная [4])

---

[1]) По другимъ пѣснямъ—крестъ.—*Оберегъ*—ладонка, въ значеніи талисмана: Орловск., Тульск., въ ладонкѣ зашить сокъ чертополоха съ ладономъ и воскомъ; на сѣверѣ—выползенка змѣиная; на востокѣ, Пермск. и Вятск., защиты заговоры знахаря на бумагѣ. Сѣверная поговорка: „Оберегъ знай (очень, сильно) бережетъ."

*) Слѣдующія двѣ Былины и одна (въ разнорѣчіяхъ) Побывальщина представляютъ подвиги Ильи на службѣ Владиміру, потому относятся къ IV-му отдѣлу пѣсенъ, помѣщенныхъ въ 1-мъ выпускѣ; но тамъ не было у насъ пѣсенъ собственно о борьбѣ съ Идолищемъ, упомянуто объ ней только въ приложенной сказкѣ и „Замѣткѣ."

[2]) Остановился.

[3]) Собрался; пустился. Замѣчательно, что, судя по отвѣту, вопросъ „куда" имѣетъ вмѣстѣ смыслъ и „откуда."

[4]) Обыкновенное знамя, а отсюда и прозвище Калѣкъ Перехожихъ.

— Снялся я, Калика, изъ Кіева.—
Говоритъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
«По старому ли въ Кіевѣ звонъ звонятъ,
«Просятъ ли милостыню спасенную?»
15. — Не постарому въ Кіевѣ звонъ звонятъ,
— Не просятъ милостыни спасенныя;
— Обнасильничалъ Идолище поганое,
— Сидитъ у князя въ новомъ теремѣ,
— У княгини держитъ руки въ пазухѣ.—
20. Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
«Ты отдай мнѣ-ка свое платье цвѣтное,
«Ты отдай свою шляпу земли Гренецкой,
«Ты отдай мнѣ-ка свою клюшу яра дерева [1]),
«Самъ садись на моего коня добраго.»

25. Скоро пошелъ Илья въ стольный Кіевъ градъ,
Шагалъ ушаги [2]) по полуверсты,
Приходилъ Илья въ стольный Кіевъ градъ,
Приходилъ Илья въ княжой теремъ:
Княженецкія гридни съ боку на боку попадилися,
30. Ставинки въ окнахъ помитуслися [3]),
Воходитъ Илья въ княжой теремъ,
Остоялся за дверми дубовыми,
Проситъ у князя милостыню спасенную.
Говоритъ Идолище поганое
35. Ласкову князю Владиміру;
— Князь Владиміръ стольный Кіевскій!
— У насъ заповѣдь положена крѣпкая:
— Не просить по Кіеву милостыни спасенныя;
— А теперь милостыня въ терему стоитъ.—
40. Говорятъ Ильѣ придверники:
«У насъ Идолище вышины двухъ саженъ,

[1]) Клюшу изъ дерева явора, яворчатую; ср. „яворчатыя гусли;“ но здѣсь *яръ*, *яровой* можетъ также значить *жаръ*, *жаровой*, о чемъ см. выше.

[2]) *Ушагъ*—уходъ шага, мѣра его, величина.

[3]) *Митуситься* — бочиться, кривиться.—*Примѣч. записавшаго.* — *Митусить*, сѣверн., глядѣть однимъ глазомъ; —*ся*, суетиться, шататься, мотаться, рябить, мерещиться, мелькать.

««Ходитъ Идолище по терему—шаговъ ни путь [1]):
««А ты идешь, Калика перехожая, неизродная [2]),
««А по шагамъ твоимъ теремъ ходенёмъ ходитъ.»»
45. Приходитъ онъ въ хоромы княженецкія,
Говоритъ ему Идолище поганое:
— Отколь пришелъ ты, старъ человѣкъ?
— У насъ была кладена заповѣдь великая;
— Не просить милостыни спасенныя.—
50. «Я не зналъ про вашу заповѣдь великую,
«А пришелъ я со степей Цыцарскіихъ,
«Поклониться пресвѣтлому князю Владиміру.»
Говоритъ Идолище поганое:
— Ты скажи-ко мнѣ, Калика перехожая:
55. — Походилъ ты вѣкомъ на святой Русѣ,
— Повидалъ ты всякого народа православнаго,—
— Ты скажи, какой есть у васъ Илья Муромецъ?
— Есть мнѣ охота съ нимъ повидиться.—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
60. «На меня гляди, буде хошь узнать Илью Муромца.»
Говоритъ Идолище поганое:
— Ты скажи, Калика перехожая:
— По многу ли Илейко хлѣба ѣстъ,
— По многу ли Илейко къ выти [3]) пива пьетъ?—

---

[1]) Не слыхать.

[2]) Безобразная, безпорядочная, невѣжливая.—*Изродный* (сынъ, хлѣбъ), въ средней полосѣ Руси значитъ—негодный; на оборотъ, на сѣверѣ,—годный, изрядный, видный, статный, красивый. То есть это слово, какъ и *уродъ, уродливый*, принимаетъ двоякое значеніе,—выродка въ хорошемъ и въ дурномъ. Такому различію у Русскихъ соотвѣтствуетъ различіе и Славянскихъ нарѣчій, гдѣ на юго-востокѣ *у* въ этомъ случаѣ значитъ недостатокъ, ущербъ, а на западѣ отличіе или усиленіе въ хорошемъ смыслѣ и красоту.

[3]) Здѣсь—количество, сколько кто съѣстъ или выпьетъ за одинъ разъ, въ одно время, для утоленія голода и жажды.—*Выть*, по областямъ Руси: корнъ; потомъ—количество корма (и питья) по дачамъ, отпускамъ; отсюда—тягло, какъ доля, какъ мѣра кормящей земли; дача какъ мѣсячина, кормъ отпускаемый помѣсячно, погодно, отсюда же—жалованье; жалованье въ значеніи помѣстья; въ Московскомъ государствѣ съ этимъ связывалось вотчинное вѣдомство, дѣлопроизводство по этой части (откуда, до послѣдняго времени, *повытчикъ*—дѣлопроизводитель, столоначальникъ, *повытье* — столъ); далѣе—часъ корма (поговорка—„за каждую выть да руки мыть"), у крестьянъ зимой четыре раза,

65. Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
«Ѣстъ Илейко по калачику,
«Пьетъ Илейко по стаканчику.»
Насмѣялся надъ нимъ Идолище поганое:
— Еще что же онъ за богатырь такой!
70. — Я къ выти по три печи хлѣба ѣмъ,
— По сорокоушкѣ къ выти пива пью!—
Говоритъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
«У моего батюшки было коровище старое,
«Не молодо коровище было,—ста годовъ,
75. «Вышла та коровища на задворьё,
«Обожралась коровища дробиною [1]),—
«Тутъ оно, коровище, треснуло:
«И съ тобой то же будетъ, Идолище поганое!»
Хваталъ Идолище булатный ножь,
80. Металъ онъ ножемъ въ Илью Муромца;
Снималъ Илья шляпу земли Греческой,
Металъ ту шляпу въ Идолища:
Улетѣлъ Идолище сквозь стѣну во чисто поле.

Походилъ Илейко во чисто поле,
85. Настигалъ Иванища Сильнаго,
Говорилъ ему таковы рѣчи:
«Есть въ тебѣ, Иванище, силы—два меня,
«А нѣтъ въ тебѣ смѣлости—полъ-меня!»

(То же).

*

лѣтомъ пять; промежутокъ между этами вытями, рабочіе часы, то, что Тверск. и Новгор. называютъ нынѣ *уповодъ*; наконецъ—побудка на ѣду, аппетитъ („у больнаго выти нѣтъ"). Сродно съ латинск. *vita*, въ значеніе поддержки жизни („reperire sibi vitam;" въ нашемъ древнемъ языкѣ *жизнь, жиръ, животъ* въ значеніи корма, лѣтописное—„и тако *ожиша*," когда послѣ голоду подвозили кормъ).

[1]) Заторъ солода съ мукою, послѣ того какъ слито сусло, гуща послѣ пива, браги или квасу, выжимки, хмѣлины, и т. п.

5 *).

(Тамъ же).

Не тычинушка [1]) въ чистомъ полѣ шатается:
Добрый молодецъ подвигается [2]),
Добрый молодецъ—Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь;
5. Съ пенечка на пенечекъ онъ поскакиваетъ,
Съ холмочка на холмочекъ онъ поплясываетъ.
На встрѣчу идетъ дядя [3]) Данило сынъ Игнатьевичь.
Тутъ братаны повстрѣчалися,
Повстрѣчалися братаны, поздоровались.
10. Возговоритъ Илья Муромецъ:
«Ужь ты здравствуешь, Данило сынъ Игнатьевичь!
«Ты откуль идешь, ты куда пошелъ?»
Отвѣчаетъ Данило сынъ Игнатьевичь:
— Иду я отъ града Ерусалима,
15. — Отъ царя Константина Боголюбова,
— Отъ царицы Елены Александровны.—
Возговоритъ Илья Муромецъ:
«По хорошему ли живетъ Константинъ Боголюбовичь?»
Отвѣчаетъ Данило Игнатьевичь:
20. — Не здорово живетъ царь Константинъ Боголюбовичь:
— Не стало въ Ерусалимѣ четья-пѣтья церковнаго,
— Не стало звона колокольнаго,
— Разселилось Одолище поганое,
— Поганое Одолище, проклятое.

---

*) Къ этой Былинѣ приводимъ, какъ разпорѣчіе, „Сказаніе о седьми русскихъ богатыряхъ,“ напечатанное съ рукописи (XVII вѣка?) въ „Памятникахъ старин. русск. литературы,“ вып. 2, 1860 г. Въ основѣ своей это народная былина, но съ разрушеннымъ складомъ и стихомъ, т.-е. Побывальщина. Когда же занесли ее въ рукопись, тогда нѣсколько окрасили книжнымъ цвѣтомъ, съ пріемами Московскихъ лѣтописей и языкомъ Московскаго Двора: вышло „Сказаніе.“ Удерживаемъ особенности языка, но исправляемъ правописаніе.

[1]) Тростинка.—[2]) Движется, а вмѣстѣ *подвизается*, совершаетъ подвиги, полюетъ.—[3]) То же, что *дѣдъ*, *старецъ*, калѣка.

25. — Въ долину Одолище пяти сажень,
— Промежду плечми у Одолища коса сажень,
— Головища его какъ пивной котелъ,
— Глаза у него какъ чаши питейныя,
— Носище какъ палка дровокольная.—
30. Возговоритъ Илья Муромецъ:
«Ужь ты гой еси, Данило сынъ Игнатьевичь!
«Ты за чѣмъ Одолища на бѣлъ свѣтъ спустилъ [1])?»
Отвѣчаетъ Данило сынъ Игнатьевичь:
— Ужь ты гой еси, Илейко сынъ Ивановичь!
35. — Голова моя стала теперь при старости,
— Нога за ногу запинается,
— Рука за руку заплетается.—
Возговоритъ Илья Муромецъ:
«Разболокай [2]), Данило, платье каличьее,
40. «Скидай съ ногъ лапоточки-обтопточки,
«Подавай мнѣ-ка шляпу земле-грецкую [3]),
«Земле-грецкую шляпу—сорокъ пять пудовъ.»
Оболокаетъ [4]) Илейко платье каликино,
Обуваетъ лапотки-обтопточки,
45. Накладаетъ шляпу земле-грецкую,
Походитъ Илья во дороженьку:
Съ горы на гору Илеюшка поскакиваетъ,
Съ шоломя на шоломя поплясываетъ *).

---

[1]) Т.-е. оставилъ въ живыхъ.
[2]) Разоблѣкай, скидавай.
[3]) Т.-е. земли Греческой.
[4]) Надѣваетъ.

*) Приводимъ помянутую Побывальщину. Въ скобкахъ тѣмъ же шрифтомъ поставлены нами дополненія, для гадательнаго возстановленія, гдѣ можно, разрушеннаго склада, а шрифтомъ помельче—исправленія и объясненія.

Въ столномъ было градѣ Кіевѣ
У великаго князя Владиміра
Было пированье почестное
На многія князи и бояря (бóяря),
И на сильныя могучія богатыри (богáтыри).
И какъ пошелъ пиръ новоселной (на вéселѣ?),
И зговоритъ (возговоритъ) князь Владиміръ Кіевскій

Приходитъ во городъ въ Ерусалимъ
50. Ко царю къ Константину Боголюбову,
Къ его палатамъ бѣлокаменнымъ,
Скрычалъ-сзычалъ зычнымъ голосомъ,
Зычнымъ голосомъ по калиичьему:
«Ужь ты гой еси, царь Константинъ Боголюбовичь,

Своимъ рускимъ богатырямъ (богáтирямъ):
«Князямъ-богатырямъ вѣдомо ли,
«Что отпущаетъ на меня царь,
«[Царь] изъ Царяграда (изъ Царяграда)
«Сорокъ два богатыря (богáтыря),
«А велитъ итти ко мнѣ изгонею (изгоною, для нападенія въ расплохъ),
«[Изгонею] въ Кіевъ градъ?
«А вамъ, богатырямъ, на крѣпко стоять,
«Съ стольнаго града Кіева
«Отъѣзду никакого не учинить,
«Никуды себѣ изъ моея вотчины.»
И заслышали рускія богатыри таково слово,
И пошли они изъ за стола не докушамши,
Бьютъ челомъ они великому князю,
[Князю] Владиміру Кіевскому,
[Бьютъ челомъ они] семь богатырей (богáтирей),
А первой богатырь славный Илья Муромецъ,
Второй богатырь Дворянинъ Залѣшенинъ,
Третій богатырь младъ Алеша Поповичь (Алеша Поповичь младъ),
Четвертый богатырь Глапитъ,
Пятый богатырь Суханъ Доманьтьевичь,
Шестой богатырь Дворянинъ Бѣлая Палица,
Седьмой богатырь Добрыня Микитичь [младъ];
Что зговорятъ богатыри таково слово:
«Государь ты, великій князь,
«[Князь] Владиміръ Кіевской!
«Не извадились (не повадились, не навыкли) мы, государь, дома сидѣть,
«Извадились мы, государь, сами ѣздить,
«[Сами ѣздить] по полю по чистому,

55. «Ужъ ты гой еси, царица Елена Александровна!
«Подайте милостыню спасенную,
«Ради Христа, Царя небеснаго,
«Ради Матери Божіей Богородицы!»
Отъ того отъ каличьяго голоса
60. Небо съ землею потрясалися,
Бѣлокаменны палаты пошаталися,
Во палатахъ столы сколыбалися,

«Побивать люди многія.
«Отпусти насъ, государь, во поле чистое:
«Мы тебѣ принесемъ вѣсть правую
«И языки приведемъ многія.»
И зговоритъ великій князь,
[Князь] Владиміръ Кіевскій:
«Не пригоже вамъ мене покинуть
«Въ стольномъ градѣ Кіевѣ:
«И я тѣхъ людей жду къ себѣ
«[Жду къ себѣ] съ часу на часъ.»
И въ тѣ поры рускіе богатыри закручинились,
Ударили челомъ князю и прочь пошли.

Идутъ же богатыри къ своимъ добрымъ (добрымъ) конямъ,
И кладутъ на себя доспѣхи крѣпкія,
Садятся богатыри на свои добрые кони (кони добрые),
Ѣдутъ же богатыри въ поле чистое,
Прямыхъ (правыхъ, истинныхъ) вѣстей провѣдывать.
И зговорятъ ѣдучи промежь себя,
[Промежь себя] таково слово:
«Лучше намъ тое срамоты великія,
«Какъ случится намъ въ чистомъ полѣ смерть недобрая,
«Пойдемъ мы прямо къ Царюгороду!»
(Чѣмъ повстрѣчать въ чистомъ полѣ смерть недобрую, лучше той срамоты—пойдемъ прямо къ Царюгороду).
И какъ будутъ богатыри (богатыри)
Отъ Царяграда (Цараграда) за двѣнадцать верстъ,
Переѣждаютъ богатыря Смугру рѣку:
Ажно (анъ вотъ) ѣдутъ встрѣчи (въ стрѣчу) двѣнадцать человѣкъ,
Все Каличи Перехожія.

На столахъ питья-кушанья поплескалися,
За столомъ князи-бояра всѣ припадали,
65. Поганое Одолище пріужахнулось.
Возговоритъ Одолище поганое:
— Ужь ты гой еси, царь Константинъ сынъ Боголюбовичь!

И пріѣхалъ къ нимъ молодъ Алеша Поповичь (Алеша Поповичь младъ),
И самъ говоритъ имъ таково слово:
«Братцы Каличи Перехожія!
«Давайте вы намъ съ себя платье калическое,
«А у насъ берите платье скорлятное (скардатъ, шарлахъ, пурпуръ),
«[Того ли] скорлягу бѣлаго (по Ю. Слав. обыкновенно „чистаго“)!»
И зговорятъ Каличи таково слово:
«Ой еси, младъ Алеша Поповичь (Алеша Поповичь младъ)!
«Не дадимъ тебѣ мы
«Своего платья калическаго!»
А у Каликъ атаманъ,
И зовутъ его Никитою,
А родомъ Карачевецъ (Карачевецъ).
И пріѣжаетъ къ нимъ другой богатырь,
[Богатырь] Илья Муромецъ,
А самъ говоритъ таково слово:
«За то намъ браниться не за што;
«Возмите вы у насъ платье свѣтлое,
«А намъ дайте платье калическое.»
И зговоритъ Каличи таково слово:
«Съ тобою говорить, Илья, нечего,
«[Говорить нечего] и спору нѣтъ!»
Даютъ же Каличи свое платье съ себя,
Калическое [платье] рускимъ богатырямъ (богатырямъ).
А богатыри даютъ съ себя
Свое платье свѣтлое.
И спрашиваетъ ихъ Илья Муромецъ,
[Спрашиваетъ] Перехожихъ Каликъ (К. перехожіихъ):
«По что, Никита, ходилъ во Царьградъ?»
Никита ему сказалъ таково слово:
— Ходили мы провѣдывать прямыхъ вѣстей:

— Эки у васъ на Руси калики голосастые!
— Скрычи-ко [1]) калину въ нову горницу!—
70. Отпиралъ Константинъ царь окошечко косящето:
«Ужь ты гой еси, Калика перехожая,

— Есть ли отпускъ изъ Царяграда
— Богатырямъ ко граду Кіеву?
(Снаряжаютъ ли оттуда богатырей на Кіевъ?)
— И тѣ вѣсти намъ прямо неизмѣнныя:
— Ѣздятъ богатыри во Царѣгородѣ,
— А хвалятся при царѣ [богатыри],
— Что хотятъ ѣхать къ Кіеву,
— И въ Кіевѣ учинить сѣча великая,
— А князя Владиміра и его княгиню (со княгинею?)
— И съ его богатыри въ полонъ взять. —
И заслышали рускіе богатыри таково слово.
И зговоритъ сильный богатырь Илья Муромецъ,
[Зговоритъ] своимъ товарищамъ:
«Слышите ли, братцы, таково слово?
«За совѣтъ слуги и головы складываютъ.»
(Что порѣшили, за то слуги и головы сложатъ, то и выполнятъ богатыри Цареградскіе.)
И оставляютъ тотъ (тутъ) богатыри
[Коней] своихъ у Смугры рѣки
И всѣ свои наряды богатырскія,
Емлютъ же по одной по булатной палицѣ,
И тѣ несутъ подъ полами,
И пошли прямо къ Царюграду.
Идучи говорятъ таково слово:
«Кто у насъ, братцы, говоритъ горазд?
«Языкомъ татарскимъ (татарскімъ: иностраннимъ)?»
И сговоритъ Дворянинъ Залѣшенинъ:
— Всѣхъ у насъ лучче говоритъ
— Младъ Алеша Поповичь (Алеша Поповичь младъ);
— Каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянъ;
— И всѣхъ насъ лучше бранится (бранится; говоритъ чужимъ, непонятнымъ, телячьимъ языкомъ, который всегда словно брань и ругательство).—

[1]) Позови, кликни.

««Перехожая калика, сумка переметная!
««Ты поди-ко ко мнѣ въ нову горницу,
««Я въ тѣ-поръ подамъ милостыню спасенную.»
75. Походилъ Илейко на лѣстницу:
Отъ ходы [1]) его лѣстницы заскрыпѣли,
По мостамъ [2]) онъ идетъ,—мосты погнулися.
Заходилъ онъ въ палату бѣлокаменну,
Онъ крёстъ кладетъ по писаному,
80. Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ четыре стороны покланяется:
«Ужь ты здравствуешь, царь со царицею!
«Ужь вы здравствуйте, князи-бояра!»
Онъ поганому Одолищу челомъ не бьетъ,
85. Онъ челомъ не бьетъ, не покланяется.
Это Одолищу за бѣду пало.
Возговоритъ Одолище поганое;
— Ужь ты здравствуешь, Калика перехожая.
— Перехожая калика, сумка переметная!
90. — Какой на Руси есть Илья Муромецъ,
— Сильный-могучій богатырь?
— Много ли онъ вытью хлѣба съѣстъ,
— Много ли онъ вина духомъ [3]) пьетъ,
— Высокъ ли онъ ростомъ-возрастомъ?—
95. Отвѣчаетъ Калика перехожая:
«Знаю Илью я, ровно какъ себя:
«Вытью хлѣба ѣстъ онъ по три просвиры,
«Вина духомъ пьетъ по одной чарочкѣ,
«Ростомъ-возрастомъ онъ ровёнъ со мной.»
100. Говоритъ Одолище поганое:
— Еще что же онъ за богатырь пришелъ?
— А какъ я ли, Одолище поганое,
— Вытью хлѣба ѣмъ по три пуда въ выть,
— Вина духомъ пью по ведру на разъ.—
105. Возговоритъ Калика перехожая:

---

[1]) Отъ ходьбы.

[2]) По мостамъ,—настланнымъ переходамъ, наружнымъ сѣнямъ (сѣни собственно внутренняя).

[3]) Однимъ духомъ, за одинъ разъ.

«Встарь было у князя у Владимира,
«Было коровище обжористо:
«Не могло коровище наѣдатися,
«Не могло коровище напиватися;
110. «Вышло коровище во чисто поле,
«Напало коровище на дробинище [1]).
«Еще тутъ коровищу разорвало,
«Еще тутъ коровищу растресмуло,
«Еще тутъ коровище окопылилось [2]).
115. «И тебя, поганаго, розорветы!»
Это Одолищу за бѣду пало,
За бѣду пало за великую;
Говорилъ Одолище поганое:
— Кабы былъ здѣсь Илья Муромецъ,
120. — На долонь бы посадилъ, да другой прижалъ,
— Межь долонями мокро бы повыжалось **).

---

[1]) См. выше.—[2]) Издохло, околѣло.—*Копылъ*—шестъ столчій (напр. въ саняхъ, связь полозьевъ съ трядками), какъ *рожень*—кокачій. Обратилось въ торчекъ: ср. *окольть*—отъ *колъ*, малорусск. *одубѣлъ*—отъ *дубъ*.—Значитъ также *кость*, откуда *копылки*—кости, кладбище.

**) И какъ пришли богатыри въ Царьградъ (въ Царьградъ богатыри),
И въ тѣ поры идетъ у царя столъ новосельной (ср. выше),
А въ столѣ подаютъ третью яству;
И учали Калики просить у царя
[Просить] На новоселье милостыни
(Сдѣлавши изъ „на веселѣ" новоселье, не осмыслилъ ли этого по своему писецъ рукописи?),
Стояли противъ окна царскаго,
И воскричатъ громкимъ голосомъ;
И услышалъ тутъ царь Констянтинъ,
[Услышалъ] самъ Каликъ прошенія
Изъ своея палаты царскія,
И зговоритъ царь Констянтинъ
Своему богатырю Тугарину Зміевичу:
«Вели позвать Каликъ въ палату ко мнѣ,
«И услышу по рѣчамъ о Кіевскихъ вѣстяхъ:
«Либо что они вѣдаютъ (не знаютъ ли они чего либо)?»
И позвали въ палату Каликъ тѣхъ ко царю,
И царь учалъ ихъ спрашивать:

***) Бралъ Одолище булатный ножь,
Киналъ [1]) въ Калику перехожаго.

«Скажите намъ, Калики Перехожіе,
«Изъ котораго града ходите?»
И зговоритъ туто стоячи Илья Муромецъ:
— Ходимъ мы, государь, изъ Кіева града (изъ града Кіева),
— Отъ князя Владиміра Кіевскаго.—
А противъ царя сидитъ его богатырь (богатырь его),
[Богатырь его] Идолище Жидовское;
И зговоритъ богатырь Идолище
Великому царю Константину:
«Государь ты, сильной царь!
«Спроси ихъ о Кіевскихъ богатырахъ (богатыряхъ)
«Сколько ихъ нынѣ у великаго князя,
«[У великаго князя] Владиміра Кіевскаго?»
И зговоритъ туто стоячи Илья Муромецъ:
— Въ Кіевѣ, государь, тридцать два богатыря;
— Да удалы (удалъ?) добрѣ необычно есть
— Славенъ богатырь Илья Муромецъ.—
И зговоритъ царь Константинъ:
«Каковъ онъ рожею и ростомъ (ростомъ и рожею)?
«Посмотри по нашимъ богатырямъ (сравни съ ними, на кого похожъ).»
И зговоритъ стоячи Илья Муромецъ:
— Ростомъ только съ меня
— И рожею походитъ на меня.—
И зговоритъ тутъ сидючи Идолище,
Великое насмѣхаючись:
«Аще правда (книжное),
«Что онъ таковъ Илья Муромецъ,
«И я его посажу на лодонь,
«И другою раздавлю!»

***) Отселѣ въ нашей Былинѣ слѣдуетъ убіеніе Идолища, такое, какое совершилъ въ Кіевѣ Илья Муромецъ; но Побывальщина раздѣляетъ два поприща дѣйствій, одно въ Царѣградѣ, другое въ Кіевѣ, и описываетъ между обоими совершенно особыя отношенія:

И зговоритъ Идолъ-богатырь
Царю Константину [Боголюбовичу]:

---

[1]) Кидалъ.

Разсержалось у Илейка сердце богатырское,
125. Расходились плечи могучія:
Захватилъ онъ шляпу земле-грецкую,

«Не мѣшкай, государь царь Константинъ, службы богатырскія
(Государь царь, Константинъ Боголюбовичь,
Не мѣшкай службы богатырскія),—
«Отпусти насъ скоро къ Кіеву граду (по граду Кіеву),
«Вольнаго слова не будетъ солганаго
(То же, какъ и выше: что порѣшили мы, на что добровольно вырвались, того не солжемъ, а выполнимъ):
«Мы какъ будемъ въ Кіевѣ,
«И привеземъ мы къ тебѣ великаго князя,
«[Великаго князя] Владиміра Кіевскаго,
«И съ княгинею его, и съ его богатырями (богатыри),
«И въ Кіевѣ учинимъ сѣчь великую.»
И не стерпѣлъ такова слова слышать (слышать такова слова)
Младъ Алеша Поповичь (Алеша Поповичь младъ)
И зговоритъ таково слово Идолищу:
— Какъ ты пріѣдешь къ Кіеву,
— Такова тебѣ слова не говорити,
— И не узнаешь отъ Кіева дороги,
— И не путемъ прочь поѣдешь,
— И еще тебѣ живу не отъѣждевать,
— [Не отъѣждевать] прочь отъ Кіева!—
Идолище же на него осержается.
И зговоритъ Дворянинъ Залѣшанинъ:
— Твоего, государь, царскаго меда
— Упился Калика (Алеша) и говоритъ нитушисъ (ни то, ни се, невпопадъ).—
И зговорятъ Алешѣ товарищи потихонку:
«Уйми свое сердце богатырское,
«Потерпи малешенько:
«Нельзя намъ съ тобою
«Такова слова молвити.»
И спрашиваетъ ихъ царь Констянтинъ:
«Видали ли вы въ Кіевѣ
«Лошадей богатырскихъ (богатырскіихъ)?»

Земле-грецкую шляпу—сорокъ пять пудовъ,
Металъ шляпой въ Одолища поганаго,
Попадалъ ему въ буйну голову,—

И зговоритъ Дворянинъ Залѣшанинъ:
— По вся дни видаемъ мы
— Лошадей Кіевскихъ богатырей (богатырей).—
И зговоритъ богатырь Идолище великое:
«Государь ты, вольной (сильной?) царь!
«Вели показать наши лошади богатырскія.».
И скоро ведутъ лошади богатырскія:
Идолища богатыря лошадь
Ведутъ двадцать человѣкъ,
На двухъ цѣпяхъ золотыхъ;
Ведутъ же лошадь богатыря
Тугарина Змѣевича десять человѣкъ
(Лошадь богатыря Т. Зм.
Ведутъ десять человѣкъ);
И Калики лошадей видѣли.
И зговоритъ Дворянинъ Залѣшанинъ:
— Сверху, государь, мы не умѣемъ смотрѣть:
— Вели, государь, намъ на земли посмотрѣть.—
Идутъ же Калики отъ царя изъ палаты,
Изъ сѣней они лошадей смотрѣли,
И говорятъ промежь себя идучи:
«Теперь и намъ, товарищи, пора пришла:
«Готовьте вы свои булатныя палицы!»
И скоро кинулись Калики,
И отняли по добру коню;
И полетѣли тутъ головы
Богатырскія и Татарскія;
И сѣли на добрые кони,
И поѣхали изъ града вонъ.
Одинъ остался тутъ младъ Алеша Поповичь (А. П. младъ),
А самъ говоритъ царю таково слово:
— Потому есть поѣхали изъ града вонъ,
— Что оставили мы своихъ коней
— [Коней] богатырскихъ у Смугры рѣки,

130. Полетѣла голова ровно пугвица,
Вышибала въ горницѣ три паклинка [1]).

— А хотимъ мы съ тобою и съ твоими богатыри..
— [Хотимъ] перевѣдаться.—
И ударя челомъ царю, и поѣхалъ прочь,
[Поѣхалъ] до своихъ товарищовъ
И къ своимъ добрымъ конемъ.

И учали богатыри рускіе наряжаться (изъ калинъ, передѣвать ся богатыри),
И класть на себя доспѣхи крѣпкія,
И емлютъ свою сбрую ратную:
Ажно скачютъ богатыри
Отъ Царяграда погонею великою.
И зговоритъ младъ Алеша Поповичь
Своимъ товарищемъ
(И зговоритъ своимъ товарищемъ
Алеша Поповичь младъ):
— Постойте, братцы, малешенько,
— Дайте мнѣ съ ними перевѣдаться
—[Перевѣдаться] и поперетися!—
А Илья Муромецъ встрѣчаетъ ихъ
Отъ своего стана во полуверстѣ,
И всѣ богатыри за нимъ же.
И скоро (какъ скоро) богатыри съѣхались,
И ударились копьями, вострыми концами,
И пробили на себѣ всѣ доспѣхи крѣпкія,
[Пробили] копьями вострыми,
И подъ присадки (*Присадка* — древко: по древко изломались ихъ копья) поламались.
И зговоритъ Илья Муромецъ:
«Ужели сбили богатырей съ добрыхъ коней?»
И побили туто всѣ (всѣхъ) богатырей,
[Всѣхъ богатырей] сороковъ человѣкъ,
А двухъ человѣкъ живьемъ взяли,
Идола Скоропита а (и) Тугарина Зміевича,

---

[1]) Короткіе обрубки бревенъ, изъ которыхъ простѣнокъ между окнами.

Возговоритъ Калика перехожая,
Перехожая калика Илья Муромецъ:

И поѣхали ко Царю-граду,
Ко царю Константину (Боголюбову).

И зговоритъ Илья Муромецъ:
«Вѣдомо ли тебѣ, царю,—
«Мы твоихъ богатырей побили,
«А двухъ живыхъ взяли?
«А тебя мы, царь, ничѣмъ ни двигнемъ,
«[Ничѣмъ не двигнемъ,] ни чернымъ волосомъ,
«Потому что мы поѣхали изъ Кіева
«Безъ государева вѣдома,
«На похвалу твоихъ богатырей
(Изъ того, что богатыри твои разсхвастались).
«И мы тебѣ не отдадимъ твоего богатыря,
«[Твоего богатыря] Тугарина Зміевича;
«Отдадимъ тебѣ твоего богатыря,
«[Твоего богатыря] Идола Скоропита:
«А съ собой емлемъ въ Кіевъ градъ
«Ко князю Владиміру на показъ
«Тугарина Зміевича богатыря удалаго
(На показъ ко князю Владиміру
Богатыря удалаго Тугарина Зміевича).»
Не бѣлая лебедъ воскликала,
Восплачится Тугаринова мать,
Бьетъ челомъ рускимъ богатырямъ
И благовѣрной царицѣ Еленѣ:
«Благовѣрная царица Елена
(Царица Елена благовѣрная)!
«Упроси ты у рускихъ богатырей!»
И зговоритъ благовѣрная царица Елена:
— Ой еси ты, Илья Муромецъ съ товарищи!
— Отпустите вы Тугарина Зміевича,
— Утрите вы слезы кровавыя,
— Не нанесите на себя клятвы вѣчныя.—
И зговорятъ рускіе богатыри таково слово:
«Государыня, благовѣрная царица Елена!

«Ужь ты царь Константинъ, сынъ Боголюбовичь!
135. «Увози Одолища поганаго въ чисто поле,

««Не двигнемъ мы Тугарина,
««[Не двигнемъ] ни чернымъ волосомъ,
««Для твоего государынина попрошенья (попрошенія);
««А Тугаринъ будетъ въ Кіевѣ градѣ
(А будетъ Тугаринъ въ градѣ Кіевѣ),
««У князя Владиміра Кіевскаго,
««И потомъ будетъ въ Царѣградѣ
««У тебя, государыня;
««А теперьво (древнее „то-перво") оставить во Царѣградѣ нельзя (книжное),
««Потому что намъ государю
««Великому князю Владиміру
««Ударить челомъ нечѣмъ
(Нечѣмъ челомъ ударити).»»
И рускіе богатыри ударили челомъ (челомъ ударили)
Царю Константину (Боголюбову).
И поѣхали прочь къ Кіеву граду (ко граду Кіеву).

И ведутъ богатыря Тугарина Зміевича,
И ѣдутъ богатыри по полю по чистому.
И какъ будутъ богатыри
Близь града Кіева,
Выбираютъ себѣ богатыря Залѣшанина,
И посылаетъ (посылаютъ) его ко граду Кіеву,
Ко князю Владиміру Кіевскому со здоровьемъ (книжное: спросить о здоровьѣ).
И пріѣхалъ Дворянинъ Залѣшанинъ,
[Пріѣхалъ] въ Кіевъ градъ,
Ко князю Владиміру Кіевскому,
И говоритъ таково слово:
«Многолѣтное здравіе (книжное) государю,
«Великому князю Владиміру Кіевскому
(Государю Кіевскому,
Великому князю Владиміру)!
«Вели, государь, намъ, холопамъ твоимъ (позднѣйшее),
«Свои очи видѣти!

«Сѣрымъ волкамъ на съѣденьице,
«Чернымъ воронамъ на пограянье [1])»
Возговоритъ царь Константинъ сынъ Боголюбовичь:

«Были мы, государь, безъ твоего государева вѣдома, во Царѣградѣ
(Были мы, государь, во Царѣградѣ,
Безъ твоего, государь, вѣдома),
«Для твоихъ государевыхъ недруговъ,
«И убили въ Царѣградѣ сорокъ богатырей,
«А двухъ живыхъ взяли,
«Идола Скоропита да Тугарина Зміевича:
«Одного отдали царю Констянтину
(Одного царю Константину отдали),
«А другого съ собой взяли,
«Тугарина Зміевича, удалаго богатыря.
«А къ тебѣ, государь, пріѣхалъ (а)
«Дворянинъ Залѣшанинъ,
«Въ великому князю Владиміру,
«Просить (*прошать* или *спросить*) отъ своихъ товарищевъ здоровье.
И государь ихъ пожаловалъ.
Велѣлъ имъ пріѣхать къ себѣ.
И пріѣхали богатыри въ Кіевъ градъ
Къ великому князю Владиміру,
И принели языка добраго (съ разсказами),
Удалаго богатыря Тугарина Зміевича.
И государь ихъ пожаловалъ
За ту службу вѣрную,
Давалъ имъ шубы соболиныя
И цѣпи златыя великія,
Да имъ же говоритъ таково слово:
— И впредъ я васъ буду жаловать
— За вашу службу вѣрную. —
Спрашиваетъ великій князь Владиміръ Кіевскій Тугарина Зміевича о вѣстяхъ
(Спрашиваетъ о вѣстяхъ Тугарина Зміевича
Великій князь Вл. Кіевскій):

[1]) Воронiй крикъ: они *грáютъ* собирались на падаль.

«Ужъ ты батюшка, Илья Муромецъ!
140. «Ты бери казны, сколько надобно!»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

— Что́ у васъ вѣсти въ Царѣградѣ?—
И зговоритъ Тугаринъ Зміевичь,
[Зговоритъ] таково слово:
«Что́ ты меня, государь,
«О вѣстяхъ спрашиваешь?
«Всѣ вѣсти у тебя, государь:
«Нѣтъ, государь, тебя грознѣе
«Во всѣхъ царствахъ,
«А богатырей нѣтъ твоихъ удалѣе
«Во всѣхъ земляхъ!»
Бьетъ челомъ Илья Муромецъ съ товарищи:
«Смилуйся, государь, великій князь Кіевскій,—
«Отпусти, государь, Тугарина Зміевича:
«Дали есть (есмь, есмы) слово
«Благовѣрной царицѣ Еленѣ
(Царицѣ Еленѣ благовѣрныя),
«Что намъ у тебя, государя,
«Упросить Тугарина Зміевича.»
И зговоритъ князь Владиміръ Кіевскій
Своимъ богатырямъ
(И зговоритъ своимъ богатырямъ
Владиміръ князь Кіевскій):
— Были вы во Царѣградѣ,
— И всѣхъ богатырей въ полѣ побивали
(И побивали въ полѣ всѣхъ богатырей;
Не докончено: „а нонѣ...").—
Отпущаетъ же Тугарина Зміевича
Съ добрымъ конемъ и съ своею сбруею ратною,
И провожаетъ его до Царяграда,
До рубежа (Царегрaдскаго).
И отпустили его во Царьградъ,
И зговорятъ ему богатыри таково слово:
«Скажи ты, Тугаринъ Зміевичь, государынѣ
«Благовѣрной царицѣ Еленѣ
(Царицѣ Еленѣ благовѣрныя):

«Что̀ мнѣ надобно, каликѣ перехожему?
«На приходѣ ты гостя не учествовалъ;
«На походѣ-то гостя не учествовать!»

(То же).

*

6*).

(Тамъ же).

Изъ-за моря, моря Синяго,
Изъ-за Синяго моря, изъ-за Чернаго,
Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
5. Со любимымъ зятемъ со Ульюшкомъ,
Собралъ собака силы трехъ годовъ,
Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
10. Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
Сорокъ королей, королевичей,
Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
Сопущалъ собака якори булатные,
Выпущалъ шеймы [1]) шелковыя,

«Еще есмы въ правдѣ устояли,
«И царское все исполнили,—
«Государю служба служена
«И честь получена.»
И поѣхали богатыри назадъ въ Кіевъ градъ
Ко князю Владиміру Кіевскому.

И стали славно жить въ градѣ Кіевѣ,
И ихъ храбрости слава не минуется.

---

*) Былина эта по содержанію относится къ тѣмъ, которыя помѣщены въ V-мъ отдѣлѣ 1-го выпуска.

[1]) Канаты.

15. Выметывалъ сходенки дубовыя,
Выходилъ на крутъ-красенъ бережокъ,
Раздернулъ бѣлъ-полотняный шатеръ,
Поставилъ въ шатеръ дубовый столъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
20. Скричалъ зычнымъ голосомъ, богатырскимъ,
Созывалъ своихъ мурзовъ-бурзовъ, Татаровей:
«Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?
«Кто бы съѣздилъ ко тому городу ко Кіеву,
«Ко ласкову князю ко Владиміру,
25. «Отвезъ бы ему посольный листъ, ярлыкъ скорописчатый?»
Поголовно молчатъ бурзы-мурзы, Татаровя.
Закричалъ онъ по второй наконъ [1]):
«Ой вы гой еси, мурзы-бурзы, Татаровя!
«Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?
30. «Кто бы съѣздилъ ко городу ко Кіеву,
«Ко ласкову княю ко Владиміру,
«Отвезъ бы ему посольный листъ, ярлыкъ скорописчатый?»
Тутъ выскочилъ бурза-мурза, Татаровичь:
Старъ-горбатъ, на передъ поклянъ [2]),
35. Синь кафтанъ, голубой карманъ;
Говорилъ самъ таково слово:
— Ужь ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичь!
— Умѣю я говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ,
— Отвезу ему посольный листъ, ярлыкъ скорописчатый.—
40. «Поѣзжай ты, бурза-мурза, Татаровичь,
«Поѣзжай не путемъ не дорогою,
«Черезъ лѣса дремучіе,
«Черезъ лузи дыбучіе [3]),

---

[1]) Разъ.—[2]) Погнутъ, сгорбленъ.—[3]) *Лузъ*—въ старинномъ славянскомъ значеніи—поросли, рощи; лѣса *дыбучіе*—одного корня, что и *дубовые*, а *дубъ*—древнѣйшее названіе для всякого дерева, въ значеніи—растущаго къ верху, дыбомъ, на дыбъ (какъ Славянское *стром-ъ*).

«Поѣзжай ты ко Кіеву,
45. «Перескочи черезъ стѣну городо́вую,
«Черезъ эту башню науго́льную,
«Брось своего коня середь двора,
«Не привязана, не приказана,
«Иди во гридни княженецкія,
50. «Двери грудью на́-пяту бери [1]),
«Положь ярлыкъ на ду́бовъ столъ,
«Оборотясь приступи [2]) крѣпко, вонъ поди,
«Приступи, чтобъ спѣли [3]) свѣтлыя оконницы!»

Видѣли, какъ мо́лодецъ коня сѣдлалъ,
55. Двѣнадцать подпругъ со подпругою натягалъ,
Не для басоты [4]) молодецкія, а для крѣпости богатырскія:
Никто ни видѣлъ поѣздочки богатырскія;
Конь горы и долы промежь но́ги бралъ,
А маленькія рѣчки хвостомъ устилалъ.
60. Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Перескочилъ черезъ стѣну городо́вую,
Черезъ тѣ башни науго́льныя,
. . . . . .
Положилъ ярлыкъ на ду́бовъ столъ,
Оборотясь, приступилъ толь крѣпко, самъ вонъ пошелъ.

65. Тутъ Владиміръ стольный Кіевскій
Со своей женой Апра́ксіей
Крычатъ сильныхъ-могучихъ богатырей:
«Ужь вы гой есте, Добрыня Никитичь и Алеша Поповичь младъ!
«Вы примайте ярлыки, распечатывайте,
70. «Поскорѣе того прочитывайте,
«Не утайте вы слова е́дного!»
Говорили Добрыня Никитичь съ Алешей Поповичемъ:

---

[1]) Растворяй.—[2]) Вѣроятно *преступи*, переступи черезъ порогъ.—[3]) Дрогнули, загудѣли, зазвенѣли. Ср. то же о спускѣ стрѣлы.—[4]) Красоты.

««Ярлыкъ, князь батюшко, не радостный:
««Изъ-за моря, моря Синяго,
75. ««Иза-за Синяго моря, изъ-за Чернаго;
««Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
««Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
««Со любимымъ зятемъ со Ульюшкомъ.
««Собралъ собака силы трехъ годовъ,
80. ««Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
««За сыномъ было силы сорокъ тысячей;
««За зятемъ было силы сорокъ тысячей,
««Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
««Сорокъ королей, королевичей,
85. ««Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
««Проситъ Батый у насъ трехъ сильныхъ могучихъ богатырей:
««Богатыря стараго козака Илейку Муромца,
««Другаго богатыря Добрыню Никитича,
««Третьяго богатыря Алешу Поповича.
90. ««Похваляется:—Дашь, не дашь, за боёмъ возьму,
««— Сильныхъ богатырей подъ мечь склоню,
««— Князя со княгинею въ полонъ возьму,
««— Божьи церкви на дымъ спущу,
««— Чудны иконы по плавь [1]) рѣки,
95. ««— Добрыхъ молодцевъ полоню станицами,
««— Красныхъ дѣвушекъ плѣнницами [2]),
««— Добрыхъ коней табунами.—»

Надѣвалъ Владиміръ платье цѣнное [3]),
Цѣнное платье, печальное,
100. Походилъ ко Божьей церкви, Богу молится;
Въ стрѣту идетъ нищая Калика перехожая:
— Ужь ты здравствуй, Владиміръ, стольный Кіевскій!
— Ты за чѣмъ надѣлъ черное платье, печальное?

---

[1]) Вдоль по теченью, чтобы плыли.—[2]) *Плѣнницы* — узы; плѣнныхъ, становившихся рабами, забивали кучами вмѣстѣ въ колодку, такъ и водили; подобную кучу плѣнныхъ рабовъ, забитыхъ въ одну колодку или цѣпь, нынѣ Славяне называютъ доселѣ *синджиръ*, съ турецкаго, а Турки взяли съ греческаго σίδηρος, желѣзо, цѣпь, узы, плѣнницы.— [3]) Черное, черное?

— Что́ у васъ во Кіевѣ учинилося?—
105. «Молчи, нищая Калика перехожая,
«Не хорошо у насъ во Кіевѣ учинилося:
«Изъ-за моря, моря Синяго,
«Изъ-за Синяго моря, изъ-за Чернаго,
«Подымался Батый царь сынъ Батыевичь,
110. «Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
«Со любимымъ зятемъ со Ульюшкомъ.
«Собралъ собака силы трехъ годовъ,
«Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
«За сыномъ было сорокъ тысячей,
115. «За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
«Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
«Сорокъ королей, королевичей.
«Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
«Проситъ Батый у насъ трехъ сильныхъ-могучихъ богатырей:
120. «Богатыря стараго козака Илейку Муромца,
«Другаго богатыря Добрыню Никитина,
«Третьяго богатыря Алешу Поповича.
«Похваляется:—Дашь, не дашь, за боёмъ возьму,
«— Сильныхъ богатырей подъ мечь склоню,
125. «— Князя со княгинею въ полонъ возьму,
«— Божьи церкви на дымъ спущу,
»— Чудны иконы по плавь рѣки,
«— Добрыхъ молодцевъ полоню станицами,
«— Красныхъ дѣвушекъ плѣницами,
130. «— Добрыхъ коней табунами.—»
— Не зови меня нищей Каликой перехожею,
— Назови меня старымъ козакомъ Ильей Муромцемъ.—
Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
«Ужы ты здравствуй, старъ козакъ Илья Муромецъ!
135. «Постарайся за вѣру христіянскую,
«Не для меня, князя Владиміра,
«Не для-ради княгини Апраксіи,
«Не для церквей и монастырей,
«А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!»
140. Говоритъ старъ козакъ Илья Муромецъ:

—Ужь давно намъ отъ Кіева отказано,
—Отказано отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ.—
«Не для меня ради, князя Владиміра,
«Не для-ради княгини Апраксіи,
145. «А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!»
Проводилъ Владиміръ Илейка во гридни княжецкія,
Посылалъ его къ царю Батыю, сыну Батыевичу.
Бралъ Илейко съ собою Алешу Поповича и Добрынюшку,
Брали они много злата-серебра,
150. Поѣзжали ко Батыю съ подарками.

Увидали ихъ бурзы-мурзы, Татаровя,
Говорили сами таковы рѣчи:
««Ѣдетъ Владиміръ стольный Кіевскій,
««Везетъ намъ Илейку во подарочки!»»
155. Подъѣзжаетъ Владиміръ стольный Кіевскій
Со старымъ козакомъ Ильей-Муромцемъ
Ко Батыю царю сыну Батыевичу.
Подаютъ ему они подарочки,
Сами просятъ сроку на три года,
160. На три года, на три мѣсяца,
Даетъ Батый сроку только на три дня,
Наливаетъ чару зелена вина,
Не велику чару—въ полтора ведра,
Подавалъ чару князю Владиміру:
165. Принималъ Владиміръ чашу въ обѣ-руцѣ,
Прикушалъ изъ чаши съ пивной стаканъ;
Подаетъ чару Ильѣ Муромцу:
Принимаетъ онъ чару единой рукой,
Выпиваетъ онъ чару на единой духъ,—
170. Расходилися плечи могучія,
Раскипѣлося сердце богатырское:
«Ты прощай, Батый царь, Батыевичь!»

Отправился въ путь-дороженьку,
Къ своему ко граду стольну Кіеву.
175. Говорилъ козакъ Илейко Муромецъ:
«Запирай, князь, ворота крѣпко на-крѣпко,

«Засыпай ихъ желтымъ пескомъ, сѣрымъ камешкомъ;
«Я поѣду, добрый молодецъ, на Почай-рѣку,
«Я поѣду созывать сильныхъ богатырей.»
180. Пріѣзжалъ онъ на Почай-рѣку,
На Почай-рѣкѣ богатырей не наѣхалъ;
Поѣзжалъ Илейко на Дунай-рѣку.
Тутъ богатыри сидятъ во бѣломъ шатрѣ:
«Поѣдемте, братцы, отстаивать Кіевъ градъ,
185. «Не для-ради князя Владиміра,
«Не для-ради княгини Апраксіи,
«А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!»
Добры молодцы собиралися,
Садилися по своимъ добрымъ конямъ,
190. Поѣзжали братаны за Дунай-рѣку.
Подъѣзжаютъ братаны ко Дунай-рѣкѣ:
Первый скочилъ племянникъ [1]) Самсонъ Колывановичь,—
Скочивши погрязъ посередь рѣки;
Разскочился дядюшка [1]) Самсона Колывановича,—
195. Вытянулъ племянника и съ лошадью;
Всѣ богатыри переѣхали.
Подъѣзжали ко граду стольну Кіеву.
Метали жеребей промежь себя:
Кому изъ нихъ ѣхать въ руку правую,
200. Кому изъ нихъ ѣхать въ руку лѣвую,
Кого поставить въ середку силы, въ матицу;
Доставалася Самсону рука правая,
Никитѣ [2]) съ Алешей рука лѣвая,
Илейкѣ доставалась середка силы, матица.

205. Бьются-рубятся двѣнадцать дней,
Не пиваючи, не ѣдаючи.
Добрымъ конямъ вадоха не даваючи;
Поѣхали добры молодцы опочивъ держать;
Не поѣхалъ Илейко опочивъ держать.
210. Проговорилъ его добрый конь по человѣчьему:

---

[1]) Дядюшка Самсону, *старшему* богатырю, *Никита*? И если здѣсь разумѣется *Илья*, то перебитъ, ибо онъ скорѣе племянникъ Самсону.
[2]) Залѣшанину.

— Ужь ты старъ козакъ Илья Муромецъ!
— Есть у Татаръ въ полѣ накопаны рвы глубокія,
— Понатыканы въ нихъ копья мурзамецкія,
— Копья мурзамецкія, сабли вострыя:
215. — Изъ перваго подкопа я вылечу,
— Изъ другого подкопа я выскочу,
— А въ третьемъ останемся ты и я!—
Билъ Илья коня по крутымъ ребрамъ:
«Ахъ ты волчья сыть [1]), травяной мѣшокъ!
220. «Ты не хочешь служить за вѣру христіанскую!»
Пала лошадь во третей подкопъ,
Остался Илейко во подкопѣ.
Набѣжали злыя Татаровя,
Оковали Илеюшку желѣзами,
225. Ручными, ножными и заплечными,
Проводили ко Батыю Батыевичу,
Говорилъ ему Батый царь, сынъ Батыевичь:
— Ужь ты гой еси, старъ козакъ Илья Муромецъ!
— Послужи мнѣ-ка также, какъ Владиміру.
230. — Вѣрою неизмѣнною ровно три года!—
Отвѣчалъ старъ козакъ Илья Муромецъ:
«Нѣтъ у меня съ собой сабли вострыя,
«Нѣтъ у меня копья мурзамецкаго,
«Нѣтъ у меня палицы боёвыя:
235. «Послужилъ бы я по твоей по шеѣ по татарскія!»
Говорилъ Батый царь, сынъ Батыевичь:
— Ой вы, слуги мои вѣрныя!
— Вы ведите Илейку на широкій лугъ,
— Вы стрѣляйте его стрѣлами калеными!—
240. То Илеюшкѣ не поглянулося,
Говорилъ онъ таково слово:
«Ой ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичь!
«Ты такъ казни, какъ на Руси казнятъ богатырей.
«У насъ выведутъ на поле на Куликово. [2])
245. «Положатъ голову на плашку на липову,
«По плечь отсѣкутъ буйну голову;

[1]) См вып. 1-й стр. 42.—[2]) По исторической славѣ сдѣлалось оно общимъ именемъ *всякого* поля, въ Москвѣ—болото и поле, гдѣ казнили.

«Не толь старику будетъ смерть страшна!»
То Батыю слово показалося:
—Выводите его на поле Куликово,
250. —Положите голову на плаху на липову,
—По плечь срубите буйну голову!—
Возмолится старъ козакъ Илья Муромецъ
Тому угоднику Божьему Николаю:
«Погибаю я за вѣру христіянскую!»
255. У Илейки силы вдвое прибыло;
Рвалъ онъ оковы желѣзныя,
Хваталъ онъ поганаго Татарина,
Который покрѣпче, который по жилѣ не рвется,
Взялъ Татариномъ помахивать:
260. Въ которую сторону махнетъ,—улица.
Подбѣгаетъ къ Илейкѣ добрый конь,
Садился онъ на добра коня,
Билъ Татаръ чуть не до единаго.
Убирался Батый царь съ большими убытками,
265. Съ большими убытками, съ малыми прибытками,
Съ малыми прибытками, со срамотою вѣчною,
На мелкихъ судахъ, на паузкахъ.

(То же; записано 5 Янв. 1849 года. Дополненія или разнорѣчія объ Ильѣ см. ниже).

*

7 *).

Никита Золотоманинъ.

(Тамъ же).

. . . . . .

Ѣдетъ Илья во чистомъ полѣ,
Говоритъ себѣ таково слово:
«Побывалъ я, Илья, во всѣхъ городахъ,

---

*) Эта былина, у которой, къ величайшему сожалѣнію, не сохранилось начала, по содержанію относится къ тѣмъ, кои помѣщены у насъ въ VI-мъ отдѣлѣ 1-го выпуска, гдѣ изображается ссора Ильи со Владиміромъ и кончина Ильи; на эту ссору есть намекъ и въ былинѣ предыдущей, стихи 141, 142.

«Не бывалъ я давно во Кіевѣ;
5. «Я пойду въ Кіевъ, попровѣдаю,
«Что́ такое дѣется во Кіевѣ?»

Приходилъ Илья Муромецъ въ стольный Кіевъ градъ:
У князя Владиміра пиръ на весело.
Похо́дитъ Илейко во княжо́й теремъ.
10. Остоялся [1]) Илейко у ободверины.
Не опознялъ его Владиміръ князь,
Князь Владиміръ стольный Кіевскій:
— Ты откуль родомъ, откуль племенемъ,
— Какъ тебя именемъ величать,
15. — Именемъ величать, отцомъ чествовать?—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
«Свѣтъ Владиміръ, красное солнышко!
«Я Никита Заолѣшанинъ.»
Не садилъ его Владиміръ со боярами,
20. Садилъ его Владиміръ съ дѣтьми боярскими!
Говоритъ Илья таково слово:
«Ужь ты батюшко, Владиміръ князь,
«Князь Владиміръ, стольный Кіевскій!
«Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
25. «Самъ ты, князь, сидишь со воронами,
«А меня садишь съ воронятами!»
Князю Владиміру за бѣду пало:
— Есть у меня, Никита, три богатыря,—
— Выходите-ко вы, самолучшіе,
30. — Возмите Никиту Заолѣшанина,
— Выкиньте вонъ изъ гридницы!—
Выходили три богатыря,
Стали Никитушку понёхивать,
Стали Никитушку поталкивать:
35. Никита стоитъ—не шатнется,
На буйной главѣ колпакъ не тряхнется.
«Ежели хошь, князь Владиміръ, позабавиться,
«Подавай еще трехъ богатырей!»

---

[1]) Остановился.

Выходили еще три богатыря.
49. Стали они Никитушку попёнивать,
Стали они Никитушку поталкивать:
Никита стоитъ—не шатнется,
На буйной главѣ волосъ не трахнется.
«Ежели хошь, князь Владиміръ, потѣшаться,
45. «Посылай еще трехъ богатырей»
Выходили третьи три богатыря:
Ничего не могли унахать [1]) съ Никитушкой.

При томъ пиру при бесѣдушкѣ,
Тутъ сидѣлъ да посидѣлъ Добрынюшка,
50. Добрынюшка Никитичь младъ;
Говорилъ онъ князю Владиміру:
««Князь Владиміръ, красное солнышко!
««Не умѣлъ ты гостя на пріѣздъ учёствовать!
««На отъѣздѣ гостя не учёствуешь:
55. ««Не Никитушка пришелъ Заолѣшанинъ,
««Пришелъ старъ козакъ Илья Муромецъ»
Говоритъ Илья таково слово:
«Князь Владиміръ, стольный Кіевскій!
«Тебѣ охота попотѣшиться?
60. «Ты теперь на меня гляди:
«Глядючи, снимешь охоту тѣшиться»
Сталъ онъ, Илейко, потѣшиться,—
Сталъ онъ богатырей попихивать,
Сильныхъ-могучихъ учалъ попинывать:
65. Богатыри по гридницѣ ползаютъ,
Ни одинъ на ноги не можетъ встать.
Говоритъ Владиміръ стольный Кіевскій:
— Ой ты гой еси, старъ козакъ Илья Муромецъ!
— Вотъ тебѣ мѣсто подлѣ меня,
70. — Хоть по правую руку, аль по лѣвую,
— А третьёе тебѣ мѣсто,—куда хошь садись!—
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
«Володиміръ, князь земли свято-русскія!

---

[1]) Ничего не могли подѣлать, сработать.

«Правду сказывалъ Добрынюшка,
«Добрынюшка Никитичь младъ:
75. «Не умѣлъ ты гостя на пріѣздѣ учёвствовать,
«На отъѣздъ гостя не учёвствуешь!
«Самъ ты сидѣлъ со воронами,
«А меня садилъ съ воронятами!»

Всѣ эти семь былевыхъ пѣсень доставлены В. И. Далемъ, записаны А. Харитоновымъ).

* *
*

8 *).

(Онежскій уѣздъ, Архангл. губ.).

Въ гридню идетъ
Незнамъ человѣкъ:
Шуба на немъ
Струйчатой камки;
5. Ожерелье на шубѣ
Черна соболя,
Пуговки
Фальяшныя,
Петелки
10. Бѣлошелковыя;
На ножкахъ сапожки—
Зеленъ сафьянъ;
Шиты [1]) пяты,
Носки востры;
15. Подъ пятами-то подбиты
Змѣи лютые;
Подъ пяту-пяту
Воробей пролетѣлъ.

---

*) Эту Старину (такъ называемую „бабью," особаго склада, соотвѣтствующаго пѣснямъ „Женскимъ"), къ сожалѣнію также записанную въ отрывкѣ, мы присоединяемъ къ предыдущей Былинѣ потому, что въ ней является тотъ же герой—Никита (Залѣшанинъ) и записана она въ той же Архангельской области.—[1]) Шиломъ?

Онъ и крестъ кладетъ
20. По писаному,
Поклонъ ведетъ
По ученому;
Бьетъ челомъ
Князю Владиміру,
25. Послѣ княгинѣ
Апраксинѣ [1]):
«Здравствуй, Владиміръ,
«Славный Кіевскій!
«Поишь ли ты кормишь
30. «Государевыхъ дѣтей,
«Заѣзжихъ удалыхъ
«Добрыхъ молодцовъ?
«Я къ тебѣ
«Служить пришелъ,
35. «Вѣрою
«Неизмѣнною.
«Не боюсь я Татаръ
«Въ полѣ тысячи;
«Не боюсь я Татаръ
40. «Въ полѣ дру́гоя;
«Отъ третей тысячи
«Въ побѣгъ не йду;
«Тридцати воробьямъ
«Со мной что пособить [2])?»
45. За столомъ сидитъ
Тридцать бояриничковъ,
Тридцать великихъ-могучеихъ.
Пришедши Никита
Въ нову горницу,
50. Пришедши Никита
Къ дубову столу,
Бралъ онъ чару

---

[1]) Апраксія?

[2]) Намекъ на то, что тридцать богатырей хотѣли его притѣснить и вѣроятно онъ самъ ихъ поприжалъ.

Серебрянную,
Налилъ чару
55. Зеленаго вина,
Выпилъ чару,—
Онъ въ карманъ положилъ.
Никитушка
Изъ гридни вонъ:
60. Дверми хлопъ,—
Ободверины вонъ;
Вòротьми хлопъ,—
Вереюшки вонъ;
Какъ точеныя
65. Перила пріоосыпались.
««Тихонько, ребятушка [1]),
««Не гаркайте,
««Не шеберните [2]):
««Не услышалъ бы
70. ««Никита Ивановичь!
««Услышитъ—онъ воротится,
««Насъ и всѣхъ
««Убьетъ;
««Не оставитъ
75. ««Ни стараго, ни малаго,
««Не оставитъ
««Владиміру на сѣмена....»»
— Ужь ты гой еси, Владиміръ,
— Славный Кіевскій....—

(Ср. Прибавл. къ Изв. А. Н., XL, л. CV—XXVI; записано священ. А. Ивановскимъ.—Дополненія или разнорѣчія ср. ниже).

*

Тотъ же г. Харитоновъ, который записалъ приведенныя выше семь пѣсней для сборника В. И. Даля, прибавляетъ въ заключеніе:

«На вопросъ мой — гдѣ умеръ Илья и что знаютъ объ его смерти, пѣвецъ сказалъ:

---

[1]) Ребятушки?— [2]) Не шевелитесь, не дѣлайте шороху. — Не бесѣдуйте съ *шабрами*—сосѣдями?

Всѣ богáтыри получили смерть,
А Илья богатырь окáменѣлъ.

При этомъ присовокупилъ онъ, что въ Кіевѣ и теперь есть огромная окаменѣвшая фигура когда-то жившаго Ильи богатыря. Крестьяне Шенкурскаго уѣзда о смерти его говорятъ то же самое.»

***

ПОТОКЪ МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЪ.

(Кирша Даниловъ).

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ
На три братца названые
5. Свѣто-рускіе [1]) могучіе богатыри:
А на перваго братца названаго,
Свѣто-рускаго могучаго богатыря,—
На Потока Михайлу Ивановича;
На другаго братца названаго,—
10. На молода Добрыню Никитича;
На третьяго братца названаго,—
Что молода Алёшу Поповича.
Что взговоритъ тутъ Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Потокъ Михайло Ивановичь!
15. «Сослужи мнѣ службу заочную:
«Съѣзди ты ко морю синему,
«На теплыя-тихи заводи,
«Настрѣляй мнѣ гусей, бѣлыхъ лебедей,
«Перелетныхъ малыхъ уточекъ
20. «Къ моему столу княженецкому;
«До люби я молодца пожалую.»
Потокъ Михайло Ивановичь,

---

[1]) Свято-русскіе.

Не пьетъ онъ, молодецъ, ни пива, ни вина,
Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ.
25. А скоро, де, садился на добра коня,
И только его видѣли,
Какъ молодецъ за ворота выѣхалъ,
Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.

Онъ будетъ у моря синяго,
30. По его по щаски великія
Привалила птица въ круту берегу:
Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей
И перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Хочетъ ѣхать отъ моря синяго,
35. Посмотрѣть на тихія заводи,—
И увидѣлъ бѣлую лебедушку:
Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней
Увивана краснымъ золотомъ
40. И скатнымъ жемчугомъ усажена.
Вынимаетъ онъ, Потокъ,
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
45. Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухю,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
50. И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спустить калену стрѣлу,—
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
— А и ты, Потокъ Михайло Ивановичь!
55. — Не стрѣляй ты меня, лебедь бѣлую,
— Не въ кое [1]) время пригожусь тебѣ.—
Выходила она на крутой бережокъ,

---

[1]) Въ нѣкое, въ какое ни будь.

Обернулася душой красной дѣвицей,
А и Потокъ Михайло Ивановичь
60. Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки
И цѣлуетъ ее во уста сахарныя;
Авдотьюшка Лиховидьевна
65. Втапоры больно его уговаривала:
— А ты, Потокъ Михайло Ивановичь!
— Хотя ты на мнѣ и женишься,
— И кто изъ насъ прежде умретъ,
— Второму за нимъ живому во гробъ итти.—
70. Втапоры Потокъ Михайло Ивановичь
Садился на своего добра коня,
Говорилъ таково слово:
«А и ты гой еси, Авдотья Лиховидьевна!
«Будемъ въ городѣ Кіевѣ,
75. «Въ соборѣ ударятъ къ вечернѣ въ колоколъ,—
«И ты втапоры будь готовая,
«Приходи къ церкви соборныя,
«Тутъ примемъ съ тобою обрученье свое.»

И скоро [1]) онъ поѣхалъ къ городу Кіеву отъ моря синяго,
80. Авдотьюшка Лиховидьевна,
Полетѣла она бѣлой лебедушкой въ Кіевъ градъ
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Къ матушкѣ и къ батюшкѣ.
Потокъ Михаило Ивановичь
85. Нигдѣ не мѣшкалъ, не стоялъ;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Перво [2]) его въ свой домъ ускорить могла;
И сидитъ она подъ окошечкомъ косящатымъ,
Сама усмѣхается;
90. А Потокъ Михайло Ивановичь

---

[1]) Какъ скоро, когда.
[2]) Прежде.

Ѣдетъ—самъ дивуется:
«А нигдѣ я не мѣшкалъ, не стоялъ,
«А она перво меня въ домѣ появилася!»
И пріѣхалъ онъ на княженецкой дворъ;
95. Приворотники доложили стольникамъ,
А стольники князю Владиміру,
Что пріѣхалъ Потокъ Михайло Ивановичь.
И велѣлъ ему князь ко крылечку ѣхать.
Скоро Потокъ скочилъ со добра коня,
100. Поставилъ ко крылечку красному,
Походитъ во гридню свѣтлую,
Онъ молится Спасову образу,
Поклонился князю со княгинею,
И на всѣ четыре стороны:
105. «Здравствуй ты, ласковой, сударь, Владиміръ князь!
«Куда ты меня послалъ, то сослужилъ,
«Настрѣлялъ я гусей, бѣлыхъ лебедей,
«Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
«И самъ сговорилъ себѣ красну дѣвицу,
110. «Авдотьюшку Лиховидьевну,
«Къ вечернѣ быть въ соборѣ
«И съ ней обрученье принять.
«Гой еси, ласковой, сударъ, Владиміръ князь!
«Хотѣлъ было сдѣлать пиръ простой
115. «На три брата названые,
«А нынѣ для меня одного
«Доспѣй свадебной пиръ веселой,
«Для Потока Михайлы Ивановича.»
А и тутъ въ соборѣ къ вечернѣ
120. Въ колоколъ ударили,
Потокъ Михайло Ивановичь
Къ вечернѣ пошелъ;
Съ другу сторону Авдотьюшка Лиховидьевна
Скоро втапоры наряжалася и убиралася,
125. Убравши къ вечернѣ пошла.
Ту вечерню отслушали.
А и Потокъ Михайло Ивановичь
Соборнымъ попамъ покланяется,

Чтобъ съ Авдотьюшкой обрученье принять;
130. Эти попы соборные,
Тому они дѣлу радошны,
Скоро обрученье сдѣлали,
Тутъ обвѣнчали ихъ
И привели къ присягѣ такой:
135. ««Кто перво умретъ,
««Второму за нимъ живому въ гробъ итти.»»
И походитъ онъ, Потокъ Михайла Ивановичь,
Изъ церкви вонъ со своею молодою женою,
Съ Авдотьюшкой Лиховидьевной,
140. На тотъ широкой дворъ ко князю Владиміру;
Приходитъ во свѣтлы гридни;
И тутъ имъ князь сталъ веселъ-радошенъ,
Сажалъ ихъ за убраны столы:
Втапоры для Потока Михайлы Ивановича
145. Столъ пошелъ;
Повары были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя;
А и тутъ пили-ѣли, прохлаждалися,
150. Предъ княземъ похвалялися.
И не мало время замѣшкавши,—
День къ вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,—
Потокъ Михайло Ивановичь
155. Спать въ подклѣть убирается;
Свели его во гридню спальную,
Всѣ тутъ князи и бояра разъѣхалися,
Разъѣхались и пѣшкомъ разбрелись.

*

А у потока Михайлы Ивановича
160. Со молодой женой Авдотьей Лиховидьевной
Не много житья было—полтора года.
Захворала Авдотьюшка Лиховидьевна.
Съ вечера она разхворается,

Ко полуночи разболѣлася,
165. Ко утру и преставилася.
Мудрости искала надъ мужемъ своимъ [1],
Надъ молодымъ Потокомъ Михайлою Ивановичемъ.
Рано зазвонили къ заутрени,
Онъ пошелъ, Потокъ,
170. Соборнымъ попамъ вѣсть подавать,
Что умерла его молода жена;
Приказали ему попы соборные,
Тотчасъ на саняхъ привести [2]
Ко тоя церкви соборныя,
175. Поставить тѣло на паперти.
А и тутъ стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною-шириною по двадцати сажень:
Сбиралися тутъ попы со дьяконами
180. И со всѣмъ церковнымъ причетомъ,
Погребали тѣло Авдотьино.
И тутъ Потокъ Михайло Ивановичь
Съ конемъ и збруею ратною
Опустился въ тое жь могилу глубокую;
185. И заворочали потолкомъ дубовымъ,
И засыпали песками желтыми,
А надъ могилой поставили деревянной крестъ,
Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
Которая была привязана
190. Къ колоколу соборному.

И стоялъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичь,
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
Съ полудни до полуночи,
И для страху добывъ огня,
195. Зажигалъ свѣчи воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная,

---

[1]) Хотѣла его перехитрить, опутать чарами, погубить живьемъ въ силу клятвеннаго договора. — [2]) Древнѣйшій обычай класть умиравшихъ на сани, извѣстный изъ Поученія Владиміра Мономаха и рисунковъ къ Житію Бориса и Глѣба (хотя, впрочемъ, сани въ старину значили и *одръ*, носилки).

Собиралися къ нему всѣ гады змѣиные,
А потомъ пришелъ большой змѣй,
Онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ;
200. А потокъ Михайло Ивановичь
На то-то не робокъ былъ:
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И ссѣкаетъ ему голову,
205. И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Втапоры она, еретница,
Изъ мертвыхъ пробуждалася;
И онъ за тое веревку ударилъ въ колоколъ;
210. И услышалъ трапезникъ,
Бѣжитъ тутъ къ могилѣ Авдотьиной,—
Ажно тутъ веревка изъ могилы
Къ колоколу торгается.
И собираются тутъ православной народъ,
215. Всѣ тому дивуются.
А Потокъ Михайло Ивановичь
Въ могилѣ реветъ зычнымъ голосомъ;
И разрывали тое могилу на скоро,
Опускали лѣсницы долгія,
220. Вынимали Потока и съ добрымъ конемъ,
И со его молодой женой;
И объявили князю Владиміру
И тѣмъ попамъ соборнымъ,
Поновили ихъ святой водой [1]),
225. Приказали имъ жить по старому.

И какъ Потокъ живучи состарѣлся,
Состарѣлся и переставился,
Тогда попы церковные,
По прежнему ихъ обѣщанію,
230. Его Потока похоронили,
А его молоду жену Авдотью Лиховидьевну

---

[1]) Освятили надъ ними воду, отпѣвши молебенъ, и окропили.—*Поновленіемъ* называется доселѣ и св. причастіе.

Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю.
И тутъ имъ стала быть память вѣчная.

То старина, то и дѣянье.

(Дополненія или разнорѣчія ср. ниже).

* * *

СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(Оттуда же)

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ
У ласкова осударь-князя [1]) Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
5. На многи князи и бояра,
И на рускіе могучіе богатыри,
И гости богатые.
Будетъ день въ половина дня,
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
10. Князи и бояра пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются,
И великимъ княземъ похваляются;
И только изъ нихъ одинъ бояринъ
Ставръ Годиновичь не пьетъ не ѣстъ,
И при своей братьи не хвастаетъ,
15. Только на единѣ съ товарищемъ
Таковы рѣчи сказываетъ:
«Что̀ это за крѣпость во Кіевѣ
«У великаго князя Владиміра?
«У меня, де, Ставра боярина,
20. «Широкой дворъ не хуже города Кіева:
«А дворъ у меня не семи верстахъ,
«А гридни-свѣтлицы бѣлодубовы,
«Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
«Потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей,

---

[1]) Государя князя.

25. «Полъ-середа одного серебра,
«Крюки да пробои по булату злачены.»
А и были тутъ у князя слуги вѣрные,
Доносили о томъ самому князю Владиміру:
««Что, де, осударь, ласковой Владиміръ князь,
30. ««Ставръ бояринъ въ очи ни о чемъ не хвалится,
««А за очи похваляется,
««Что есть у него дворъ на семи верстахъ,
««Крѣпче города Кіева:
««Гридни-свѣтлицы бѣлодубовыя,
35. ««Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
««Потолокъ черныхъ соболей,
««Полъ-середа одного серебра,
««Крюки да пробои по булату злачены.»
Услыша о томъ Владиміръ князь,
40. Приказалъ сковать Ставра боярина,
На руки и на ноги желѣза ему,
Посадить его въ погреба глубокіе,
Затворять дверями желѣзными,
Запирать на-крѣпко замки булатными.
45. И Владиміръ князь посылалъ посла
Немилостиваго ко Ставру боярину,
Чтобъ дворъ его запечатати
И взять въ Кіевъ молоду его жену
Ко великому князю Владиміру.

50. И ей, Ставровой молодой женѣ,
Перепала вѣсть нерадошна,
Что Ставръ бояринъ во Кіевѣ
Посаженъ въ погреба глубокіе,
Руки и ноги скованы.
55. Скоро она наряжается
И скоро убирается;
Скидавала съ себя волосы женскіе,
Надѣвала кудри черные [1]),

---

[1]) Подобныя многія юго-славянскія пѣсни показываютъ, что женщина въ этомъ случаѣ остригала длинные волосы и оставляла одни кудри по мужскому: таково здѣсь значеніе—„скидавать“ и „надѣвать.“

А на ноги сапоги—зеленъ сафьянъ,
60. И надѣвала платье богатое,
Богатое платье посольское,
И называлась грознымъ [1]) посломъ,
Грознымъ посломъ Васильемъ Ивановичемъ,
И поѣхала съ великою [святою] ко городу Кіеву.

65. Половину дороженьки проѣхали,
И въ стрѣчю ей изъ Кіева грозенъ посолъ:
Тутъ они съѣхались, послы поздоровались,
Какъ послы послуются [2]),
Они ручка объ ручку цѣлуются.
70. Сталъ, де, изъ Кіева спрашивать посолъ:
«Ай и гой вы еси, удалы-добры молодцы!
«Куда вы ѣдете и куда Богъ несетъ?»
И взговорятъ ему, послу, таковы слова:
— А ѣдемъ мы изъ дальней Орды, Золотой земли [3]),
75. — Отъ грозна короля Етмануйла Етмануйловича,
— Ко городу ко Кіеву,
— Ко великому князю Владиміру,
— Брать съ него дани-невыплаты,
— Не много не мало—за двѣнадцать лѣтъ,
80. — За всякой годъ по три тысячи.—
Изъ Кіева посолъ позадумался,
А и единое словечко повыговоритъ:
«Я, де, изъ Кіева грозенъ посолъ,
«Ѣду, де, ко Ставру боярину,
85. «Дворъ его запечатати,
«А его молоду жену въ Кіевъ взять.»

---

[1]) Посолъ, какъ и всякій вѣстникъ, являющійся обыкновенно нечаянно, съ неожиданною вѣстью, въ былевомъ творчествѣ Славянъ представляется и называется всегда *грознымъ* или *страшнымъ* (хотя бы онъ былъ съ радостью и милостью, у Сербовъ и Болгаръ при встрѣчѣ его схватываетъ *грозница*, лихорадка, а у насъ въ народѣ доселѣ непремѣнный переполохъ).—[2]) Какъ всегда съ какими пріемами ведутъ *послы* посольское *дѣло* при *переговорахъ*. Сравни при этомъ сербское *посао* (посолъ)—дѣло, и *пословье*, *пословицу* (м. проч. манеру говорить и держать себя), при чемъ корень *съл-*, *сл-а-ти* сближается со *слу-ти*, откуда *слава* и *слово*. [3]) По нынѣшнему словосочиненію: „изъ дальней земли, Золотой Орды.“

Отвѣчаютъ тутъ удалы-добры молодцы:
— Прежде у насъ тотъ [1]) былъ постоялой дворъ:
— Нонѣ заѣзжали,—въ дому нѣтъ никого,
90. — Молода его жена убиралася
— Въ дальну Орду, Золоту землю.—
Изъ Кіева посолъ воротился назадъ,
Пріѣхалъ во стольной во Кіевъ градъ,
Сказалъ онъ князю тихохонько,
95. Что ѣдетъ изъ дальней Орды, Золотой земли,
Грозенъ посолъ Василій Ивановичь.
А и тутъ больно князь запечалился;
Кидалися, металися;
То улицы метутъ, ельникъ ставили [2]):
100. Передъ воротами ждутъ посла
Изъ дальней Орды, Золотой земли,
Отъ грозна короля Етмануйла Етмануйловича.

И пріѣхалъ онъ, посолъ, на княженецкой дворъ;
Они скоро поскакали со добрыхъ коней,
105. А идутъ во гридни во свѣтлыя.
Вывела княгиня князя за собой
И во тѣ во подвалы—погребы,
Молвила словечко тихохонько:
««Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся,—
110. ««А не быть тому грозному послу Василью Ивановичу,
««Быть Ставровой молодой женѣ
««Василисѣ Микулишнѣ [3]);
««Знаю я примѣты всѣ по женскому [4]):
««Она по двору идетъ—будто уточка плыветъ,
115. ««А по горенкѣ идетъ—частенько ступаетъ,
««А на лавицу садится—колѣнца жметъ,
««А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,

---

[1]) Тутъ?
[2]) Ставили вѣхи для проѣзда, по древнему (и нынѣшнему) плохому состоянію русскихъ дорогъ и улицъ.
[3]) Не долженъ быть это посолъ, а должна быть Василиса.
[4]) Примѣты женскаго пола

««Дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ [1]),
А туто-тъ-ко Владиміръ стольной Кіевской,
120. Ну же онъ посла сталъ [2]) потчивати;
Всяко питье по таковкамъ [3]) пьютъ;
Ужь тутъ ли посолъ напивается;
А Владиміръ князь сталъ провѣдывати [4]):
«Тако посолъ буде женщина [5]),
125. «Не станетъ онъ во Кіевѣ боротися
«Со моими могучими богатырями.»
Таковы люди были во Кіевѣ,
Нарочны борцы, удалы молодцы,
Притченки да Хапилонки [6]),
130. Выводилъ тутъ князь семь борцовъ;
И того ли посолъ Василій не пятится,
Вышелъ онъ на дворъ боротися;
Середи двора княженецкаго
Сошлися борцы съ посломъ боротися:
135. Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ногу выломитъ,
Она третьяго хватила поперегъ хребта,
Ушибла его середи двора.
А плюнулъ князь, да и прочь пошолъ:
140. «Глупая княгиня, неразумная!
«У тя волосы долги, умъ коротокъ:
«Называешь ты богатыря женщиною;

---

[1]) Читай „Дюжины (дужины) изъ перстовъ не вышли всѣ," не всѣ вышли изъ перстовъ слѣды дугъ, колецъ: остались слѣды колецъ; ср. въ пѣсняхъ П. Н. Рыбникова—„А гдѣ на рукахъ были жуковины, тутъ и мѣсто знать."—[2]) Тождесловіе: „ну же" однозначуще со „сталъ," началъ. — [3]) По таковскому, за урядъ, не разбирая, много.—[4]) Искушать, испытывать.—[5]) Только посолъ будетъ женщина, если онъ женщина.—[6]) Какъ въ выраженіи „Спира поспиривается, Сёма пересёмывается" собственныя имена обращены въ глаголъ, выражено ими дѣйствіе, такъ здѣсь на оборотъ свойства и нарицательныя прозвища обращены въ имена собственныя: *притченки* отъ *притка* (извѣстное древнее слово)—кто натыкается, является откуда ни возьмись, задираетъ невзначай, прыткій, удалый; *хапилонки* – хапать, хватать,— хватъ. Ср 1-й вып. стр. 45, „два брата Хапиловы," и наши „Замѣтки."

«Такого посла у насъ еще было и не видано!»
Втапоры княгиня съ княземъ заспоровалась:
145. ««А и ты, ласковой, сударь, Владиміръ князь!
««Да не быть этому грозному послу,
««Быть Ставровой молодой женѣ!»»
Говорилъ тутъ Владиміръ стольной Кіевской:
«Гой ты еси, княгиня Апраксѣевна!
150. «Я ли посла Василья провѣдаю:
«Заставлю его изъ туга лука стрѣлять
«Со своими могучими богатырями.»
Выводилъ тутъ Владиміръ стольной Кіевской
Двѣнадцать сильныхъ-могучихъ богатырей;
155. Стали они стрѣлять по сыру дубу за цѣлу версту,
Попадаютъ они по сыру дубу;
Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыихъ
И отъ той стрѣльбы богатырскія
Только сырой дубъ шатается,
160. Будто отъ погоды сильныя.
Говорилъ посолъ Василій Ивановичь:
— Гой еси, Владиміръ князь!
— Не надо мнѣ эти луки богатырскіе;
— Есть у меня лучонко волокитной [1]),
165. — Съ которымъ я ѣзжу по чисту полю.—
Въ тапоры кинулися ея [2]) удалы-добры молодцы:
Подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащать каленыхъ стрѣлъ
170. Тридцать человѣкъ;
И говоритъ князю таково слово:
— Что потѣшить, де, тебя, князя Владиміра!—
Беретъ она во ту рученьку лѣвую,
И беретъ стрѣлу каленую,—
175. Та была стрѣлка булатная,—
Вытягала лукъ за ухо,

---

[1]) Который *волочать* за собою въ дорогѣ, дорожный, завозный, кое какой.
[2]) Вѣроятно это „ся,“ дважды повторенное при *кинули-ся*.

Хлеснетъ по сыру дубу,
Изломала его въ черенья ножевые,—
Спѣла тетивка у туга лука,—
180. И Владиміръ князь окорачь наползался,
И всѣ тутъ могучіе богатыри
Встаютъ какъ угорѣлые,—
Звыла да пошла калена стрѣла,
Угодила въ сыръ-кряковистой [1]) дубъ,
185. Изломала въ черенья ножевые [2]).—
И говорилъ посолъ таково слово:
— Не жаль мнѣ сыра дуба кряковистаго,
— Только жаль мнѣ своей калены стрѣлы:
— Никому не найти во чистомъ полѣ.—
190. Плюнулъ Владиміръ князь, самъ прочь пошелъ,
Говоритъ себѣ таково слово:
«Развѣ самъ Василья посла провѣдаю.»
Сталъ съ нимъ въ шахматы играть
Золотыми тавлеями;
195. Первую заступь заступовали [3]):
И ту посолъ поигралъ [4]);
Другую заступь заступовали:

---

[1]) Ср. выше, въ другихъ выпускахъ.

[2]) Перебито. Два описанія стрѣльбы:

1-е: И беретъ стрѣлу каленую,—
Та была стрѣлка булатная,—
Вытягала лукъ за ухо,
Хлеснетъ по сыру дубу,
Изломала его въ черенья ножевые.

2-е: Спѣла тетивка у туга лука,
Звыла да пошла калена стрѣла,
Угодила въ сыръ-кряковистой дубъ,
Изломала въ черенья ножевые.

За этимъ слѣдствіе:

И Владиміръ князь окорачь наползался,
И всѣ тутъ могучіе богатыри
Встаютъ какъ угорѣлые.

[3]) Ходъ сходили.

[4]) Выигралъ.

И другую заступь посолъ же поигралъ;
Третью заступь заступовали:
200. Шахъ да и матъ, да и подъ доску [1]).
И сталъ посолъ говорить таково слово:
— Гой еси, стольной Владиміръ князь!
— Отдай ты мнѣ дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ,
— За всякой годъ по три тысячи.—
205. Говоритъ Владиміръ князь:
«Изволь меня, посолъ, взять головой съ женой.»
И говорилъ тутъ посолъ таковы слова:
— Чѣмъ ты, Владиміръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?
— Есть ли у тебя веселые молодцы [2])?—
210. И тотчасъ посылалъ Владиміръ князь
Искать таковыхъ людей всякихъ рукъ [3]),
И собрали веселыхъ молодцовъ
На княженецкой дворъ.
Втапоры у великаго князя ради посла
215. Было пированье почестное,
На великихъ на радостяхъ;
И тутъ посолъ невеселъ сидитъ,
Только князю таково слово выговоритъ:
— Нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?—
220. Похватится [4]) Владиміръ князь,
Послалъ по Ставра боярина,
Боярина Годиновича,
Велѣлъ его расковать всего;
Сымали желѣза съ рукъ и съ ногъ,
225. И приводили Ставра на почестной пиръ.
И втапоры посолъ скочилъ на рѣзвы ноги,
Посадилъ Ставра противъ себя,
[Противъ себя] въ дубову скамью,
И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати:

---

[1]) Подъ доску шашки, игра кончена.

[2]) Обыкновенное, постоянное прозвище Скомороховъ; здѣсь изъ нихъ выводятся, кажется, одни плясуны, ибо Василиса послѣ добивается игрока на гусляхъ и пѣвца.

[3]) Всякого сорта и на всякую руку.

[4]) Спохватится, спохватился.

230. Съигрышь съигралъ Царя-града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ Еврейской Стихъ [1]).
Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ [2]);
235. Говорилъ таковы слова:
— Гой еси, Владиміръ князь!
— Не надо мнѣ твои дани-выходы,
— Только пожалуй веселымъ молодцомъ
— Ставромъ бояриномъ Годиновичемъ.—
240. И Владиміръ князь о томъ радошенъ сталъ,
Отдавалъ Ставра руками своими;
Взявши посолъ Ставра,
Отъѣзжалъ изъ Кіева вонъ;
Провожаетъ его Владиміръ князь и со княгинею.

245. И становился онъ, посолъ, у быстра Днѣпра,
Разставлялъ палатки свои бѣлыя,

---

[1]) Ставръ перебралъ всѣ роды: 1) съигрывалъ одни съигрыши, мелодіи, Цареградскія (хитрыя, искусныя), одна музыка; 2) заводилъ плясовую, на иностранный ладъ, что̀ перенимали отъ пріѣзжихъ (самые отдаленные чужіе края отводились къ „Ерусалиму" и въ Кіевѣ для заѣзжихъ иностранцевъ была „слобода Ерусалимская"; 3) давалъ наигрыши, т.-е. пѣлъ уже съ опредѣленнымъ содержаніемъ, именно *величальныя* пѣсни, *величалъ*; 4) пѣлъ наконецъ *Стихъ*, т.-е. духовный (священный, Еврейскій).

[2]) Любопытно, что по общему Славянамъ воззрѣнію это есть непремѣнное слѣдствіе и лучшая рекомендація для музыки и пѣнія. Приведемъ одинъ примѣръ изъ Сербскихъ пѣсень. Ѣдутъ сквозь горы знаменитые два брата названныхъ, Кралевичь Марко и Милошь. Милошь пѣвалъ такъ, что его заслушивались, ему завидовали горныя бѣлыя вилы:

Тогда Милошь началъ попѣвати:
А красную пѣсню онъ началъ,—
Ото всѣхъ нашихъ лучшихъ и старшихъ,
Какъ и кто держалъ себѣ царство
По честной по Македоніи
И что̀ онъ оставилъ на поминъ душѣ (т.-е. началъ пѣсню билѣвую).
Смилилася Марку пѣсня:
Наслонился онъ сѣдлу на облучье,
Марко спитъ себѣ, Милошь попѣваетъ.

(Ср. Собран. Караджича, т. II).

Говорилъ таково слово:
— Пожалуй, де, государь, Владиміръ князь,
— Посиди до того часа, когда я высплюся.—
250. Раздѣвался посолъ изъ своего платья посольскаго
И убирался въ платье женское,
При томъ говорилъ таково слово:
— Гой еси, Ставръ, веселой молодецъ!
— Какъ ты меня це опознываешь?
255. — А доселѣва мы съ тобой въ свайку игрывали:
— У тебя, де, была свайка серебряная,
— А у меня кольцо позолоченое;
— И ты меня поигрывалъ,
— А я тебѣ толды-вселды.—
260. И втапоры Ставръ бояринъ догадается,
Скидавалъ платье черное,
И надѣвалъ на себя посольское;
И съ великимъ княземъ и со княгинею прощалися,
И отъѣзжали во свою землю дальную.

(Дополненія или разнорѣчія ср. ниже).

* * *

ГОРДЕНЪ или ГОРДЕЙ, ХОТЕНЪ или ХОТИНЪ БЛУДОВИЧЬ.

1.

(Оттуда же).

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова осударь-князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ;
5. Много было у князя Владиміра
Князей и бояръ, и княженецкихъ женъ.
Пригодились тутъ на пиру двѣ честныя вдовы:

Первая вдова Чесовая жена [1]),
А другая вдова-то Блудова жена;
10. Обѣ жены богатыя,
Богатыя жены, дворянскія.
Промежу собой, сидятъ, за прохладъ говорятъ [2]);
Что взговоритъ тутъ Блудова жена:
«Гой еси ты, Авдотья, Чесовая жена!
15. «Есть у тебя девять сыновей,
«А девять сыновей какъ ясныхъ соколовъ,
«И есть у тебя дочь возлюбленна
«Молода Авдотья Чесовична,
«Та вѣдь дѣвица какъ лебедь бѣлая;
20. «А у меня у вдовы, Блудовы жены,
«Единъ есть сынъ Горденъ, какъ ясенъ соколъ;
«Многіе пожитки осталися ему
«Отъ своего родимаго батюшки;
«Нонѣ, за прохладъ, за чужимъ пиркомъ,
25. «Молвимъ словечко о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ:
«Я хощю у тебя свататься
«За молода Гордена Блудовича,
«Дочь твою [3]), возлюбленну Авдотью Чесовичну.»
Втапоры Авдотья Чесова жена на то осердилася:
30. Била ее по щекѣ, таскала по полу кирпищету,
И при всемъ народѣ, при бесѣдѣ,
Вдову опозорила,
И весь народъ тому смѣялися [4]).

Исправилась она, Авдотья, Блудова жена,
35. Скоро пошла ко двору своему;
А идетъ ко двору—шатается,
Сама больно закручинилася.
И завидѣлъ Горденъ сынъ Блудовичь,
Скоро онъ метался съ высока терема,

---

[1]) Жена Чеса или Часа.

[2]) Ведутъ прохладную бесѣду, за отдыхъ, спокойную.

[3]) Т. е. „хочу сватать."

[4]) При словѣ „народъ," какъ собирательномъ, множествен. число; такъ и во многихъ друг. мѣстахъ.

40. Встрѣчалъ за воротами ее,
Поклонился матушкѣ въ праву ногу:
— Гой еси, матушка!
— Что̀ ты, сударыня, идешь—закручинилася?
— Али мѣсто тебѣ было не по отчинѣ?
45. — Али чарой—зеленымъ виномъ обносили тебя?—
Жалобу приноситъ матера вдова
Авдотья Блудова жена,
Жалобу приноситъ своему сыну
Гордену Блудовичу:
50. «Была я на честномъ пиру
«У великаго князя Владиміра;
«Сидѣли мы съ Авдотъей, Чесовой женой,
«За прохладъ съ нею рѣчи говорили
«О добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ;
55. «Сваталась я на ея любимой на дочери,
«Авдотьѣ Чесовичнѣ,
«За тебя, сына, Гордена Блудовича;
«Тѣ ей мои рѣчи не взлюбилися:
«Била меня по щекѣ
60. «И таскала по полу кирпищетому,
«И при всемъ народѣ, на пиру, обесчестила.»
Молодой Горденъ сынъ Блудовичь
Уклалъ спать свою родимую матушку—
Втапоры она была пьяная—
65. И пошелъ онъ на дворъ къ Чесовой женѣ.

Сжималъ песку горсть цѣлую,—
И будетъ противъ высока терема,
Гдѣ сидитъ молода Авдотья Чесовична,—
Бросилъ онъ по высокомъ терему,
70. Полтерема сшибъ, виноградъ [1]) подавилъ.
Втапоры Авдотья Чесовична
Бросилась, будто бѣшеная, изъ высокаго терема,
Середи двора она бѣжитъ, ничего не говоритъ,
Пропустя она Гордена, сына Блудовича,

---

[1]) Садъ, посаженный вокругъ терема.

75. Побѣжала къ своей родимой матушкѣ
Жаловатися, на княженецкой пиръ.
Втапоры пошелъ Горденъ на княженецкой дворъ,
Ко великому князю Владиміру,
Разсматривать вдову, Чесову жену:
80. Та вдова, Чесова жена, у великаго князя
Сидѣла на пиру за убраными столы.
И тутъ молодой Горденъ выходилъ назадъ,
Выходилъ онъ на широкой дворъ;
Вдовины ребята съ нимъ заздорили;
85. А и только не всѣ они пригодилися,
Пригодилось ихъ тутъ пять человѣкъ,
Взяли Гордена пощипывати,
Надѣючи на свою родимую матушку;
Молодой Горденъ имъ взмолится:
90. — Не троните меня, молодцы!
— А меня вамъ убить—не корысть получить.—
А они тому не вѣруютъ ему,
Опять приступили къ нему,
И онъ отбивался и метался отъ нихъ,
95. И прибилъ всѣхъ тутъ до единаго.
Втапоры донесли народъ Кіевской
Честной вдовѣ, Чесовой женѣ,
Чтъ ««молодой Горденъ Блудовичь
««Учинилъ драку великую,
100. ««Убилъ твоихъ дѣтей до смерти.»»
И послала она, Чесова жена,
Любимыхъ своихъ четырехъ сыновей
Ко тому Гордену Блудовичу,
Чтобъ онъ отъ того не убрался домой,
105. Убить бы его до смерти;
И настигли его на широкой улицѣ,
Тутъ обошли вкругъ его,
Ничего съ нимъ не говорили;
И только одинъ хотѣлъ было ударить по уху,
110. Да не удалось ему,
Горденъ вертокъ былъ,
Того онъ ударилъ о землю,

И ушибъ его до смерти;
Другой подвернется, и того ушибъ;
115. Третій и четвертой кинулися къ нему,
И тѣхъ всѣхъ прибилъ до смерти.

Пошелъ онъ, Горденъ, къ Авдотьѣ Чесовичнѣ,
Взялъ ее за бѣлы руки
И повелъ ко Божьей церкви;
120. Съ вечернями [1]) обручается,
Обручился и обвѣнчался съ ней,
И домой пошелъ.
По утру Горденъ столъ собралъ,
Столъ собралъ и гостей позвалъ,
125. Позвалъ тутъ князя со княгинею
И молоду свою тещу, Авдотью Чесовую жену.
Втапоры было честна вдова, Чесовая жена,
Загординилася, не хотѣла было итти
Въ домъ къ зятю своему;
130. Тутъ Владиміръ князь, стольной Кіевской,
И со княгинею стали ее уговаривати,
Чтобы она на то больше не кручинилася,
Не кручинилася и не гнѣвалася.
И она тутъ ихъ послушала,
135. Пришла къ зятю на веселой пиръ:
Стали пити-ясти, прохлаждатися.

2.

(Онега).

Во славномъ во городи во Кіеви,
У ласкова кнезя у Владимера
Заводилось столованье, цёстёнъ пиръ.
Ужь какъ вси на пиру-то напивалисе,
5. Вить и вси на цёсномъ наѣдалисе,
Да и вси на цёсномъ приросхвасталисъ.

---

[1]) Во время вечеренъ, вечернее.

А сидѣла на пиру да молода вдова,
Молода вдова да Блудова жона,
Да и нацяла Блудова жона у Цясовой свататьсе:
10. «Да отдай-ко-се ты Катеринушу Цясовисьцю
«За моёго Хотёнышка, сына Блудова?»
А Цясовой жоны то не показалосе,
Да и говорила ей таковы слова:
— У тя мужа-та звали Блудишшомъ,
15. — А сына-та зовутъ у тя уродишшомъ:
— Тотъ ли по заполямъ уродуётъ [1])
— Да стрѣлятъ сорокъ-воронъ за цюжимъ дворомъ.—
И взела она цяру зелена вина,
И ленула [2]) ей насупротивъ въ ясны оци,
20. Подмоцила ей шубу соболиную.

Съ того пира не весела Блудова жона,
Идетъ домой да не въ корысти [3]), не въ радости.
Хотёнышко матушку стрѣцеётъ:
— Штò же ты, моя рòдна матушка,
25. — Идешь домой да не въ корысти, не въ радости?
— Али мѣсто тѣ дали не по вотцины,
— Али цярой тобя да обнесли,
— Али пьенича-дуракъ не насмѣялсе ли?—
Отвѣцяла молода вдова, Блудова жона:
30. «Мѣсто мнѣ-ка дали по вотцины,
«И цярой миня не обнесли,
«И пьенича надъ мной не насмѣялсе;
«А сидѣла на цёсномъ пиру,
«Насупротивъ сидѣла молода вдова,
35. «Молода вдова да Цясова жона;
«Ише я за тобя нацяла свататьсе
«На той ли Катеринуши Цясовисьны.
«Отвѣцяла молода Цясова жона:
«— У тя мужа-та звали Блудишшомъ,

---

[1]) Проказитъ, чудитъ, около гуменъ, по загуменьямъ,—мѣсто проказъ и любовныхъ дѣлъ въ простомъ народѣ.

[2]) Плеснула, отъ „лить.“

[3]) Ничего хорошаго, пригоднаго не несетъ оттуда.

40. «— А сына-та зовутъ у тя уродишшомъ:
«— Тотъ ли по заполямъ уродуётъ,
«— Стрѣлятъ сорокъ-воронъ да за цюжимъ дворомъ.—
«И взела она цяру зелена вина,
«Да ленула виномъ мнѣ въ ясны оци,
45. «И подмоцила шубу соболиную.»

То Хотёнышку не показалосе.
Скоро шелъ онъ да на широкой дворъ,
Сѣдлалъ-уздалъ да коня доброго,
Скоро онъ поѣхалъ во цисто полё.
50. Идетъ Хотёнъ изъ циста поля,
Голосомъ крицитъ да шляпой машотъ:
— Здраствуй-ко ты, тёшша гордливая,
— Да здрствуй-ко ты, тёшша ломливая!
— Стрѣцей-ко-се ты зетя уродишша,
55. — Да тотъ ли по заполямъ уродуётъ,
— Стрѣлятъ сорокъ-воронъ да за цюжимъ дворомъ!—
Какъ попёръ молодецъ домъ копьемъ, тупымъ коньчомъ,
Да тотъ ли домъ онъ по окнамъ [1]) снялъ!
Приходила молода вдова, Цясова жона,
60. Говорила Катеринушки Цясовисьны:
««Што это, цядо моё милоё,
««Кажись, не было въ поли ни вѣтра, ни вѣхоря,
««А наш-о-тъ домъ, вить, по окнамъ снятъ!»»
Отвѣцяла Катеринушка своёй матери:
65. «Ой ты, матушка моя родная!
«Изъ циста поля шелъ доброй молодець,
«Голосомъ крыцялъ да и шляпой махалъ,
«А сам-о-тъ онъ да выговаривалъ:
«— Здраствуй-ко ты, тёшша гордливая,
70. «— Да здраствуй-ко ты, тёшша ломливая!
«— Стрѣцей-ко-се ты зетя уродишша,
«— Да тотъ ли по заполямъ уродуётъ,
«— Стрѣлятъ сорокъ-воронъ да за цюжимъ дворомъ!—

---

[1]) По окна, весь верхъ.

«Да попёръ молодéць домъ копьемъ, тупымъ коньчомъ,
75. «И дом-о-тъ онъ, вить, по окнамъ снялъ,
«А сам-о-тъ поѣхáлъ во цистò полё.»
Скоро-нá-скоро вдова тутъ догадалдасе,
Што дороднё-доброй мóлодець не хто другой,
Какъ Хотёнышко, Блудовъ сынъ;
80. Ише скоря [1]) того пошла она къ своимъ сынамъ,—
А у ей сыновьёвъ было деветеро,—
Приносила имъ жалобу на Хотёныша:
««Ой же вы еси, сыны, добры мóлодци!
««Подьте да захватите сына Блудова,
85. ««Приведите его мнѣ предъ ясны оцú!»»
А отвѣтъ дёржáтъ сыны, добры мóлодци:
«Ой ты, наша рóдна матушка!
«Намъ, вить, у Хотёна взеть-то нецего!»
Молодой вдовы то не показалосе:
90. ««Кабы было у миня деветь зѐтевьёвъ,
««Дакъ оны бы миня послушалисьі»»
Да не стали тутъ добры мóлодци
Отзыватьсе отъ своёй рóдной матери,
И поѣхали въ нагонъ за Хотёнышкомъ.
95. Спитъ Хотёнъ во бѣлòмъ шатри,
Спитъ онъ, спитъ да не пробудитсе;
Наѣжжали молодци да близь шатра,
Добры кони стоптали [2]) копытами громко-нà-громко.
Отъ того Хотёнъ и пробужеитсе,
100. Да не долго Хотёнъ тутъ срежеитсе,
Садилсе Хотёнъ да на добра коня
И поѣхалъ къ молодцямъ насупротивъ.
Троихъ молодцёвъ копьемъ скололъ,
Да троихъ молодцёвъ конемъ стопталъ,
105. Да ише троихъ къ стремени привезалъ.
Скоро-нá-скоро поѣхалъ къ Цясовой жоны,

---

[1]) Скорѣй.
[2]) Затопотали, начали топать.

И крыцялъ онъ гласомъ громкіемъ:
— Здраствуй-ко-се ты, молода жона [1]),
— Молода жона [1]), да Цясова жона!
110. — Выкупай-ко ты своихъ добрыхъ молодцёвъ:
— Вить, троихъ я копьемъ скололъ,
— Да троихъ я конемъ стопталъ,
— Да ише троихъ къ стремени привезалъ.
— Коли выкупишь, дакъ живыхъ спушшу,
115. — А не выкупишь, дакъ смерти придамъ.—
Тутъ молода вдова и спасаласе [2]):
На торелку клала золота,
Да на другу скатна женьцюга,
А на третью—ширинку золоцёную,
120. И называла его зётёмъ родныимъ.

[3]) А самъ поварацивалъ коня въ цисто полё,
И отсѣкъ своему коню голову,
Выливалъ церево [4]) лошадиноё,
Залѣзалъ онъ самъ въ кониноё церево.
125. Прилетали ту два ворона,
Воронъ старшіе да воронъ младшіе:
А спроговоритъ-то воронъ младшіе:
«Бацько, намъ Богъ обѣдъ послалъ!»
А отвѣтъ дёржалъ воронъ старшіе:
130. — Нѣтъ, малой, тутъ обманъ, вить, есь.—
И нацялъ воронъ младшой облётывать,
Нацялъ воронъ покыркивать [5]),
Да нацялъ и церево поклюивать [5]);
Ухватилъ тутъ ворона Хотёнышко за ногу:
135. Тутъ и старой воронъ заоблётывалъ,
Старой воронъ запокыркивалъ,

---

[1]) Въ обоихъ случаяхъ должно быть: „молода вдова."
[2]) Спохватилась, принимала мѣры ко спасенію.
[3]) Слѣдующее за симъ есть явная вставка: неловко казалось играть свадьбу, когда побиты были братья невѣсты; потому вставляется разсказъ объ ихъ оживленіи, отличающійся складомъ отъ цѣлой былины.
[4]) Опоражнивалъ черево, черевья, внутренность.
[5]) Покаркивать, поклевывать.

Проситъ малого выпустить.
Отвѣцялъ Хотёнъ таковы слова:
— Ой жо ты, воронъ старшіе!
140. — Принеси-тко мнѣ-ка воды живыя,
— Да принеси-тко-се воды мертвыя:
— Втогды выпушшу вороненыша.—
Полетѣлъ какъ воронъ старшіе
За тридевять земель, за тридевять морей,
145. За водою живою да за водой мертвою.
И прилетѣлъ воронъ съ водой живою,
Прилетѣлъ воронъ съ водой мертвою,
Отдалъ Хотёнышу во бѣлы руки:
Втогда спустилъ онъ ворона младшого.
150. Водой живою обрызгалъ коня мертвого,—
И конь его нацялъ здрыгивать [1]);
Водою мертвою сталъ обрызгивать,—
Конь ёго сталъ ужь на ноги;
И сѣлъ молодець на добра коня,
155. И поѣхалъ оживлять своихъ шурьяковъ,
Оживилъ, вить, онъ своихъ шурьяковъ,
И поѣхалъ къ палаты бѣлокамённой.

Стали социнеть [2]) свадьбу брасьную,
Собирались итти ко Божіимъ церквамъ
160. Принимать вѣнчи да пресвѣтлые,
Обруцетьсе перстнеми золоцёныма.
Такъ женилсе Хотёнъ на Катеринуши;
Со того времени зацялсе поцестёнъ пиръ.

(Ср. Приб. къ Изв. А. Н., XL, л. CV–XXIV; записано г. Верещагинымъ).

(Дополненія или разнорѣчія ср. ниже).

***

---

[1]) Вздрагивать.
[2]) Сочинять.

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧЬ.

1.

(Кирша Даниловъ).

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова осударь-князя Владиміра,
Было пированіе, почестной пиръ,
Было столованіе, почестной столъ
5. На многи князи и бояра,
И на Рускіе могучіе богатыри.
Будетъ день въ половина дня,
А и будетъ столъ во полу-столѣ,
Князь Владиміръ распотѣшился,
10. А незнаемы люди къ нему появилися:
Есть молодцовъ за сто человѣкъ,
Есть молодцовъ за другое сто,
Есть молодцовъ за третье сто;
Всѣ они избиты-изранены,
15. Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
««Свѣтъ, государь, ты Владиміръ князь!
««Ѣздили мы по полю по чистому,
20. ««Сверхъ тоя рѣки Череги,
««На твоемъ государевомъ займищѣ [1]):
««Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
««Не наѣзживали звѣря прыскучаго,
««Не видали птицы перелетныя;
25. ««Только наѣхали во чистомъ полѣ:
««Есть молодцовъ за три ста,

---

[1]) *Займище* — топкое мѣсто, болото (*занимать*, *понимать* — водою), иногда поросшее тростникомъ, лѣсомъ,—приволье для охоты.

««[Есть молодцовъ] и за пять сотъ;
««Жеребцы подъ ними Латинскіе,
««Кафтанцы на нихъ камчатные,
30. ««Однорядочки-то—голубъ скурлатъ [1]),
««А и колпачки—золоты плаши [2]);
««Они соболи, куницы повыловили,
««И печерски [3]) лисицы повыгнали,
««Туры, олени выстрѣлили,
35. ««И насъ избили-изранили;
««А тебѣ, осударь, добычи нѣтъ,
««А отъ васъ, осударь, жалованья нѣтъ,
««Дѣти, жены осиротѣли,
««Пошли по міру скитатися [4]).»»
40. А Владиміръ князь стольной Кіевской,
Пьетъ-онъ-ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилася:
45. Есть молодцовъ за три ста,
Есть молодцовъ за пять сотъ,
Пришли охотники рыболовые,
Всѣ избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
50. Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
««Свѣтъ, государь, ты Владиміръ князь!
««Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ:
««На твои щаски княженецкія
55. ««Ничего не поимавали;
««Нашли мы людей: есть молодцовъ

---

[1]) *Скурлатъ*, сербск. *скерлет*, соссит, шарлахъ; пурпуръ (откуда „порфира"); поелику же встрѣчается цвѣта и бѣлаго, и голубаго, и краснаго (пурпуръ), то, безъ отношенія къ цвѣту, тонкая восточная ткань, конечно шерстяная, въ родѣ кашмира.

[2]) То же, что *плѣши*, верхушки, щитыя *плашмя*, какъ бывало на прежнихъ козацкихъ колпакахъ; а висячія—*лѣпасть*.

[3]) Пещерскія, что живутъ въ норахъ.

[4]) Это говорятъ государевы охотники, которымъ, по недостатку лова, нѣтъ задѣльнаго жалованья, нечѣмъ и кормиться.

««За три ста и за пять сотъ [1]),
««Всю они бѣлую рыбицу повыловили,
««Щуки, караси повыловили жъ
60. ««И мелкую рыбицу повыдавили:
««Намъ въ томъ, государь, добычи нѣтъ,
««Тебѣ, государю, приносу нѣтъ,
««Отъ васъ, государь, жалованья нѣтъ,
««Дѣти, жены осиротѣли,
65. ««Пошли по міру скитатися;
««И насъ избили-изранили.»»
Владиміръ князь стольной Кіевской
Пьетъ-ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
70. А и тѣ толпы со двора не сошли,
Двѣ толпы вдругъ пришли:
Первая толпа—молодцы сокольники,
Другіе—молодцы кречетники,
И всѣ они избиты-изранены,
75. Буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
««Свѣтъ, государь, Владиміръ князь!
««Ѣздили мы по полю чистому,
80. ««Сверхъ тоя Череги,
««По твоемъ государевомъ займищу,
««На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ:
««На твои щаски княженецкія
««Ничего не поимавали, не видали
85. ««Сокола и кречета перелетнаго;

---

[1]) Стихи явно перебиты; вѣроятно (судя по напѣву и примѣру другихъ стиховъ):

На твои щаски княженецкія
Ничего (мы въ полѣ) не поимавали;
Только нашли мы, нашли людей:
Есть молодцовъ и за три ста,
Есть молодцовъ и за пять сотъ.

««Только наѣхали мы молодцовъ
««За тысячу человѣкъ:
««Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повыхватали
««И бѣлыхъ кречетовъ повыловили,
90. ««А насъ избили-изранили *),
««Называются дружиною Чуриловою.»»
Тутъ Владиміръ князь
За то слово спохватится:
«Кто это Чурила есть таковъ?»
95. Выступался туто старой
Бермята Васильевичь:
— Я, де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю:
— Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
— А живетъ онъ пониже Малаго Кіевца.
100. — Дворъ у него на семи верстахъ,
— Около двора желѣзной тынъ,
— На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
— А и есть по жемчужинкѣ;
— Середи двора свѣтлицы стоятъ,
105. — Гридни бѣлодубовыя,
— Покрыты сѣдымъ бобромъ,
— Потолокъ черныхъ соболей,
— Матица-то валженая [1]),
— Полъ-середа одного серебра,
110. — Крюки да пробои по булату злачены;
— Первые у него ворота вальящатые [2]),

---

*) Опять стихи вѣроятно таковы:

Ничего (мы въ полѣ) не поимавали,
Не видали птицы перелетныя;
Только наѣхали мы мóлодцевъ,
Есть человѣкъ за тысячу,
Ясныхъ они сóколовъ повыхватали,
Всѣхъ бѣлыхъ кречетовъ повыловили (дважды);
Насъ (они) избили-изранили...

[1]) *Матица* — середній брусъ потолка; *валженая* (—влаженая, вымокшая, сыромятная) — обыкновенное прозвище ремней, кожи; обтянутая кожей?

[2]) Рѣзные; ср. другіе выпуски.

— Другіе ворота хрустальные,
— Третьи ворота оловянные.—

Втапоры Владиміръ князь и со княгинею,
115. Скоро онъ снаряжается,
Скоря того поѣздку чинятъ;
Взялъ съ собою князей и бояръ,
И могучихъ богатырей,
Добрыню Никитича
120. И стараго Бермяту Васильевича;
Тутъ ихъ собралось пять сотъ человѣкъ,
И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.
И будутъ у двора его,
Встрѣчаетъ ихъ старой Пленъ:
125. Для князя и княгини
Отворяетъ ворота вальящатые,
А князямъ и боярамъ хрустальные,
Простымъ людямъ ворота оловянные;
И наѣхало ихъ полонъ дворъ.
130. Старой Пленка Сароженинъ [1])
Приступилъ ко князю Владиміру
И ко княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраные столы,
135. [Сажалъ] въ мѣсто почетное;
Принималъ-сажалъ князей и бояръ
И могучихъ Рускихъ богатырей.
Втапоры были повары догадливые,
Носили яства сахарныя
140. И питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Чѣмъ бы князя развеселить:
Веселая бесѣда, на радости день.
Князь со княгинею веселъ сидитъ.
145. Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое,—
И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:

---

[1]) Сароженинъ, торговецъ по Сурожу, Сурожу; ср. вып. 8-й и ниже.

«По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося,—
«Князя, меня, въ домѣ не случилося,
150. «Ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
«Или какой грозенъ посолъ.»
Старой Пленка Сароженинъ
Лишь только усмѣхается, самъ потчиваетъ:
— Изволь ты, осударь, Владиміръ (Володиміръ) князь
155. — (Володиміръ князь) со княгинею,
— И со всѣми своими князи и бояры кушати:
— Что, де, ѣдетъ не король изъ орды
— И не грозенъ посолъ;
— Ѣдетъ, де, дружина хорабрая [1]) сына моего,
160. — Молода Чурилы сына Пленковича;
— А какъ онъ, осударь, будетъ предъ тобою жь,
— Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
— Будетъ столъ во полу-столѣ.—

Пьютъ, они-ѣдятъ, потѣшаются,
165. Всѣ уже они безъ памяти сидятъ;
А и на дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа въ полѣ сбирается:
Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
170. Есть [молодцовъ] и до тысячи.
Ѣдетъ Чурила ко двору своему;
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица;
И пріѣхалъ Чурила ко двору своему;
175. Перво [2]) его скороходъ прибѣжалъ,
Заглянулъ скороходъ на широкій дворъ,—
А и некуда Чурилѣ на дворъ ѣхати
И стоять со своимъ промысломъ [3]);
Поѣхали они на свой окольной дворъ,
180. Тамъ они становилися
И совсѣмъ убиралися.
Втапоры Чурила догадливъ былъ:

---

[1]) Хороброю.—[2]) Впередъ.—[3]) Съ сопровождавшей его охотою.

Беретъ золотыг ключи,
Пошелъ во подвалы глубокіе,
185. Взялъ золоту казну,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Другую [1]) сорокъ печерскихъ лисицъ,
И бралъ же камку бѣло-хрущату [2]),
А цѣна камкѣ сто тысячей,
190. Принесъ онъ ко князю Владиміру,
Клалъ передъ нимъ на убраной столъ.
Втапоры Владиміръ князь, стольной Кіевской,
Больно со княгинею возрадовалися,
Говорилъ ему таково слово:
195. «Гой еси ты, Чурила Пленковичь!
«Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
«Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
«[Въ Кіевѣ жить], князю служить.»

Втапоры Чурила князя Владиміра не ослушался:
200. Приказалъ тотчасъ коня осѣдлать,
И поѣхали они всѣ въ тотъ стольной Кіевъ градъ [3]),
Ко ласкову князю Владиміру;
Въ добромъ здоровьѣ ихъ Богъ перенесъ.
А и будутъ на дворѣ княженецкіимъ,
205. Скочили они со добрыхъ коней,
Пошли во свѣтлицы [4]) гридни,
Садилися за убраные столы.

*

Посылаетъ Владиміръ, стольной Кіевской,
Молода Чурила Пленковича
210. Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ'

---

[1]) Вѣроятно (судя и по напѣву): „другое."
[2]) О *хрущатой* камкѣ см. другіе предыдущіе выпуски.
[3]) Весь стихъ сбитъ; возстановленіе стиховъ этой разрушенной по складу былины, сдѣланное нами для исполненія пѣвцомъ *Славянскимъ*, см. ниже и въ друг. мѣстахъ.
[4]) Свѣтлыя.

А зватаго [1]) приказалъ брать
Со всякого по десяти рублевъ.
Обходилъ онъ, Чурила, князей и бояръ,
И собралъ ко князю на почестной пиръ.
215. А и зайдетъ онъ, Чурила Пленковичь,
Въ домъ ко старому Бермятѣ Васильевичу,
Ко его молодой женѣ,
Къ той Катеринѣ прекрасной [2]);
И тутъ онъ позамѣшкался;
220. Ожидаетъ его Владиміръ князь,
Что долго замѣшкался.
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Чурила Пленковичь:
Втапоры Владиміръ князь
225. Ни во что положилъ;
Чурила пришелъ—и столъ пошелъ,
Стали пити-ясти, прохлаждатися,
Всѣ князи и бояра до пьяна напивалися,
Для новаго стольника, Чурилы Пленковича;
230. Всѣ они напивалися и домой разъѣжалися.

По утру рано ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояра пошли къ заутрени;
Въ тотъ день выпадала
235. Пороха снѣгу бѣлаго:
И нашли они свѣжій слѣдъ;
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай;
А иные тутъ усмѣхаются,
240. [Усмѣхаются иные] сами говорятъ:
««Знать [3]), это не зайка скакалъ,
««[Не зайка скакалъ], не бѣлъ горностай;

---

[1]) Побору за зовъ, вѣроятно въ пользу Чурилы.
[2]) По стиху требуется:
Къ той Катеринѣ прекрасныя.
[3]) Замѣтно, видно, что...

««Это шелъ Чурила Пленковичь
««Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
245. ««Къ его молодой женѣ
««Катеринѣ прекрасныя [1]).»»

*

2.

(Село Павлово, Нижегородской губ.).

У князя было у Володиміра,
У Кѣевсково было у Сыславича,
Было пированьицо почéсное,
Чеснò и хвальнò, больно рáдышно,
5. На многи на князи на бóяря
И на всю поляницу, на удалыхъ молодцòвъ.
Становилась ѣства пята-нá-двадцать [2])—
Бѣлая лебёдушка подъ уксусомъ.
Рушила княиня лебедь бѣлую,
10. Заглядѣлась она на Чуриву на Цыплёнковича [3]),
Порѣзала княиня руку лѣвую;
Со стыду со срамý подъ столъ руку свѣсила,
Сама взгóворитъ таковò слово:
«Нé годенъ Чуривушка въ постельнички,
15. «Во наши во постели княженецкія;
«Сказана Чуривѣ служба я́вленая:
«Ёму ѣздить по городу по Кѣеву,
«Ёму звать гостей съ гости́нами жоны́ [4]),
«Ёму звать князей со княинюшками,
20. «Ёму звать бояръ со боярынями.»

---

[1]) По стиху и напѣву должно быть:
Ко его (онъ шелъ) къ молодой женѣ,
Къ той Катеринѣ прекрасныя.
[2]) Шло кушанье двадцать пятое.
[3]) Испорчено изъ „Чурилу сына Пленковича.“
[4]) Съ женами гостинными, купеческими.

Встаётъ Чурива ранёхынько,
Умываетса Цыплёнковичь бѣлёхынько,
Надѣватъ сапожки—зелёнъ сафьянъ,
Пятки гладки, носки плоски,
25. Кругъ пяты хоть ицомъ прокати,
Подъ пяту воробей проскочи.
Поѣхалъ Чуривушка по городу по Кѣеву,
Заглядѣлись на Чуриву всѣ люди-тѣ:
Гдѣ дѣвушки глядять,—заборы трешшать,
30. Гдѣ молодушки глядятъ,—лишь окóненки [1]) звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ,— манатьи [2]) на сеѣ бёрутъ [3]).

(Записано свящ. Е. Ѳаворскимъ; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. I).

3.

(Сузунскій заводъ).

Благословляй-ко, хозяинъ,
Благословляй, господинъ,
Старину сказать стародавную
Про молода Чурила сына Плёнковича.

5. Онъ добро по городу погуливалъ:
Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
Лазоревый цвѣточикъ не ломится,
Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.
Что съ вечера пороша порошила,
10. Съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ,
Выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ:
По той-то порошѣ два слѣдочка лежатъ,
Малымъ-то малы, коротешеньки.

---

[1]) Околенки, оконницы.
[2]) То же, что книжное „мантіи.“
[3]) Ошибка вмѣсто „дёрутъ,“ дерутъ.

Стары старики собиралися,
15. Они тѣмъ слѣдкамъ дивовалися:
««Чьи это слѣдки малешеньки,
««Малымъ-то малы, коротешеньки?
««Это молода Чурила сына Плёнковича.»»

*) Выходили часовы, выносили фонари;
20. Выходила госпожа Пермитьиха,
Беретъ она Чурилу за бѣлыя руки,
За бѣлыя руки, за златы перстни,
Ведетъ его въ новую горницу,
Садитъ его за дубовый столъ,
25. Поитъ его сладкимъ медомъ, зеленымъ виномъ.
Тутъ-то сѣнной ея дѣвушкѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Пошла она—боярину пожаловалась:
— Ты гой еси, нашь превысокой господинъ!
30. — У насъ въ дому чудо чудится,
— Чудо чудится, диво дѣется:
— Чурило Пленковичь гоститъ у тебя.—
Скочилъ Пермитьевъ [1]) на рѣзвы ноги,
Говоритъ онъ таковы слова:
35. «Налей ты мнѣ чару зелена вина,
«Зелена вина въ полтора ведра!»
Беретъ Пермитьевъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Беретъ онъ со спички [2]) востру сабельку,
40. Пошелъ Пермитьевъ въ нову горницу.
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ покалачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На спички, подъ спички посматриватъ;

---

*) Начало разсказа пропущено: Чурило постучался у Бермяты, за тѣмъ выходятъ сторожа (часовые), потомъ сама хозяйка.—О связи отрывочныхъ разсказовъ про Чурила см въ „Замѣткѣ" къ 4-му вып. по 1-му изданію и ниже.

[1]) Бермята, Пермята.

[2]) Вѣшалки.

45. Увидѣлъ на спичкѣ золотъ колпакъ:
«Это что̀, мнѣ не надобно?»
Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!
50. — Я по городу ходила, по базару гуляла,
— По базару гуляла, у батюшки была,
— Мнѣ батюшка пожаловалъ, родимый подарилъ:
— Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго [1].—
55. Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ покалачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На грядки, подъ грядки [2]) поглядыватъ,
Увидѣлъ на грядѣ перчатки шелковы:
60. «Это что̀, мнѣ не надобно?»
Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!
— Я по городу ходила, по базару гуляла;
65. — По базару гуляла, у матушки была,
— Мнѣ матушка дала, родна жаловала:
— Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго.—
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
70. Чеботами въ полъ покалачиватъ,
Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На полки, подъ полки поглядыватъ,
Увидѣлъ на полкѣ зеленъ кафтанъ:
«Это что̀, мнѣ не надобно?»
75. Подходила госпожа Пермитьиха,
Говорила она таковы слова:

---

[1]) Нарядить тебя, старика, лучше молодаго.—[2]) *Грядка*—шестъ, подвѣшенный или придѣланный въ избѣ лежмя, для вѣшанья одежи; обыкновенно дѣлается надъ кутникомъ, въ бабьемъ углу. — По областямъ — двѣ жерди, или полка, или то же, что *воронецъ*, т.-е. толстая доска отъ печи или палатей къ противуположной стѣнѣ.

— Ты гой еси, превысокой господинъ!
— Я по городу ходила, по базару гуляла,
— У братца была, мнѣ братецъ пожаловалъ,
80. — Братецъ пожаловалъ, родной подарилъ:
— Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго.—
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ покалачиватъ,
85. Востру сабельку на ручкѣ поправливатъ,
На лавки, подъ лавки поглядыватъ;
Увидѣлъ подъ лавкой сафьяны сапожки:
«Это что̀, мнѣ не надобно?»
Подходила госпожа Пермитьиха,
90. Говорила она таковы слова:
— Ты гой еси, превысокой господинъ!
— Я по городу ходила, по базару гуляла,
— По базару гуляла, у сестрицы была,
— Мнѣ сестрица подарила, родна жаловала:
95. — Хочу я тебя срядить лучше стараго,
— Лучше стараго, лучше новаго.—
Онъ грозно по горенкѣ похаживатъ,
Чеботами въ полъ покалачиватъ,
Востру сабелку на ручкѣ поправливатъ,
100. На печку, за печку поглядыватъ;
Увидѣлъ за печкой—двѣ свѣчки горятъ:
То ясны очи глядятъ, то Чуриловы.
«Выходи-ко ты, Чурило, середи пола̀:
«До тебя-то мнѣ, Чурило, дѣла нѣту-ка,
105. «Мы съ тобой, Чурило, побратуемся.—
«Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа!
«Выходи-ко ты, княгиня, на красно̀ крыльцо,
«На красно̀ крыльцо, на перильчато:
«Женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ,
110. «На другомъ женихѣ—вострой сабелькѣ.»

(Записано Д. П. Соловьевымъ (Соколовымъ?); ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. III.)
Объясненія и дополненія см. въ Замѣткѣ къ 4-му вып. по 1-му изд. и ниже.

* * *

МИХАЙЛО КАЗАРЯНИНЪ.

(Кирша Даниловъ).

Какъ изъ далеча было изъ Галичья,
Изъ Волынца города изъ Галичья,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ,
5. Выѣзжалъ удача доброй молодецъ,
Молодой Михайло Казарянинъ.
Какъ конь подъ нимъ—какъ бы лютой звѣрь,
Онъ самъ на конѣ—какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ.
10. Куякъ [1]) и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота;
А куяку и панцырю цѣна стоитъ на сто тысячей:
А кольчуга на немъ красна золота,
Кольчугѣ цѣна сорокъ тысячей;
15. Шеломъ на буйной головѣ замычется [2]),
Шелому цѣна три тысячи;
Копье въ рукахъ мурзамецкое, какъ свѣча горитъ;
Ко лѣвой бедрѣ припоясана сабля острая,
Въ долину сабля сажень печатная [3]),
20. Въ ширину сабля осми вершковъ;
Еще съ нимъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи:
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были булатныя,
25. А жилы—слоны сохатныя [4]),

---

[1]) См. вып. 3.—[2]) Замыкается, застегивается, обомкнувши голову.—[3]) Вымѣренная, заклейменная, вѣрная, т.-е. цѣлая, не меньше.

[4]) *Сохатый* (въ пѣсняхъ „звѣрь сохатый“)—лось, сибирское (вѣроятно отъ *соха*, по виду роговъ); *сохатный* будетъ дальнѣйшее прилагательное, произведенное отъ *сохатаго*. Если здѣсь *слоны* не испорчено изъ *словны*, *словно* (будто), то *слоною* (женскаго рода, ед. ч., родит. пад.), а еще вѣроятнѣе—*слономъ* (въ муж. родѣ, именит. пад., множ. ч.) названь здѣсь *лось*

И рога красна золота,
А тетивочка шелковая,—
Бѣлаго шелку Шамаханскаго;
И колчанъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
30. А во колчанѣ было полтораста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по пяти рублевъ;
А конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Цѣны коню—смѣты нѣтъ;
Почему коню цѣны—смѣты нѣтъ?
35. Потому ему цѣны—смѣты нѣтъ:
За рѣку броду не спрашиваетъ,
Онъ скачетъ конь съ берегу на берегъ,
Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ.
А и ѣдетъ ко городу Кіеву,
40. Что ко ласкову князю Владиміру,
Чудотворцамъ въ Кіевѣ молитися
И Владиміру князю поклонитися,
Послужить вѣрою и правдою,
По заочью князю не измѣною [1]).
45. Какъ и будетъ онъ во городѣ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Скочилъ Казарянинъ со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ дубову столбу, къ кольцу булатному,
50. Походилъ въ гридню во свѣтлую,
Ко великому князю ко Владиміру.
Молился Спасу со Пречистою,

(ср. въ Шенкурскѣ *сланью—лоскомъ*), съ прозвищемъ *сохатнаго*. *Слонъ* въ народномъ словопроизводствѣ сопоставляется съ глаголомъ *слониться*, *слоняться*, т. е. шататься, бродить: „не два *слона* въ чистымъ полѣ *слонятся*, не два сыры дуба *шатаются*,—*слонятся-шатаются* два богатыря (ср. вып. 3).“ Здѣсь конечно разумѣется не то опредѣленное животное—слонъ, которое могло быть извѣстно лишь по преданію самому древнему, а вообще животное дикое, существо на волѣ бродящее, шатающееся. Едва ли самое *солн-це* (по славянск. нарѣчіямъ *слън-це*, *слон-це*, *слун-це*), сверхъ представленія о блескѣ (лоскѣ), чуждо того же „круговратнаго“ смысла: ср. формы *солонъ*, *солунь* и шенкурское *солоновать*, ходить кругомъ, кругообращаться, по солнцу и *по образцу* солнца.

[1]) Въ очью—вѣрой и правдой, заочно также, не измѣною, не измѣняя и не измѣняясь.

Поклонился князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны;
55. Говорилъ ему ласковой Владиміръ князь:
«Гой еси, удача доброй молодецъ!
«Отколь пріѣхалъ, отколь Богъ тебя принесъ?
«Еще какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
«А по имени можно тебѣ мѣсто дать,
60. «По изотчеству можно пожаловати.»
И сказалъ удалой-доброй молодецъ:
— А зовутъ меня Михайлою, Казарянинъ,
— А Казарянинъ душа Петровичь младъ.—
А втапоры стольной Владиміръ князь
65. Не имѣлъ у себя стольниковъ и чашниковъ;
Наливалъ самъ чару зелена вина,
Не велика мѣра—въ полтора ведра,
И провѣдываетъ [1]) могучаго богатыря,
Чтобы выпилъ чару зелена вина
70. И турій рогъ меду сладкаго,
[Меду сладкаго] въ полтретья ведра.
Принималъ Казарянинъ единой рукой,
А и выпивалъ единымъ духомъ,
И турій рогъ меду сладкаго.
75. Говорилъ ему ласковой Владиміръ князь:
«Гой еси ты, молодой Михайло Казарянинъ!
«Сослужи ты мнѣ службу заочную:
«Съѣзди ко морю синему,
«Настрѣляй гусей, бѣлыхъ лебедей,
80. «Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ
«Къ моему столу княженецкому;
«До́ люби я молодца пожалую.»
Молодой Михайло Казарянинъ
Великаго князя не ослушался,
85. Помолился Богу, самъ и вонъ пошелъ,
И садился онъ на добра коня,
И поѣхалъ къ морю синему,
Что на теплы-тихи заводи.

---

[1]) Испытываетъ, выпьетъ ли столько.

Какъ и будетъ у моря синяго,
90. На его щаски великія
Привалила птица къ берегу:
Настрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ,
Ко его [1]) столу княженецкому,
95. Обвязалъ онъ своего добра коня
По могучимъ плечамъ до сырой земли,
И поѣхалъ отъ моря отъ синяго
Ко стольному городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
100. Наѣхалъ въ полѣ сыръ-кряковистой дубъ:
На дубу сидитъ тутъ черной воронъ [2]),
Съ ноги на ногу переступываетъ,
Онъ правильно [3]) перушко поправливаетъ,
А и ноги, носъ—что огонь горятъ.
105. А и тутъ Казарянину за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Онъ Казарянинъ дивуется,
Говорилъ таково слово:
— Сколько по полю я ѣзживалъ,
110. — По его государевой отчинѣ,
— Такого чуда не наѣзживалъ,
— И наѣхалъ [4]) нынѣ черна ворона!—
Втапоры Казарянинъ
Вынималъ изъ палушна свой тугой лукъ,
115. Изъ колчана калену стрѣлу,
Хочетъ застрѣлить черна ворона;
А и тугой лукъ свой потягиваетъ,
Калену стрѣлу поправливаетъ;
И потянулъ свой тугой лукъ за ухо,
120. Калену стрѣлу семи четвертей;
И завыли рога у туга лука,
Заскрипѣли полосы булатныя,

---

[1]) Владимірову.—[2]) По складу стиха нужно „вранъ.“—[3]) Книжное; *онъ правитъ ли перушко*, поправливаетъ?—[4]) Что наѣхалъ, какъ наѣхалъ.

Чуть было спустилъ калену стрѣлу,—
Провѣщится ему черной воронъ:
125. «Гой еси ты, удача доброй молодецъ!
«Не стрѣляй меня ты, черна ворона:
«Моей крови тебѣ не пить будетъ,
«Моего мяса не ѣсть будетъ,
«Надо мною сердце не изнести [1]);
130. «Скажу тебѣ добычу богатырскую:
«Поѣзжай на гору высокую,
«Посмотри въ раздолья широкія,
«И увидишь въ полѣ три бѣла шатра,
«И стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ [2]),
135. «На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,
«Какбы три собаки наѣздники,
«Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
«Русская дѣвица полоняночка,
«Молода Мароа Петровична.»

140. *) И за то слово Казарянинъ спохватается:
Не стрѣлялъ на дубу черна ворона,
Поѣхалъ на гору высокую;
Смотрѣлъ раздолья широкія,
И увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра,
145. Стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,
Три собаки наѣздники,
Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Руская дѣвица полоняночка,
150. Молода Мароа Петровична;
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добрѣ [3]) жалобно причитаючи:

---

[1]) Не сорвать сердца, не утишить, не потѣшить.—[2]) Моржовая кость, извѣстная у насъ изстари и доселѣ употребительная въ Арханг. губ. для рѣзьбы разныхъ вещей; или отъ *пилы-рыбы*, ножки спиралью у скамья; по другимъ же *мамонтъ*. — *Бесѣда* — скамья, рѣзная, съ нарѣзками изъ кости, съ рѣзными ножками и вообще съ разными украшеніями.

*) Отселѣ начинается разсказъ, встрѣчаемый въ простыхъ пѣсняхъ, такъ называемыхъ Татарскихъ, изъ Татарскаго времени или быта, связаннаго съ Татарами, отчасти въ Колыбельныхъ.

[3]) Сильно, весьма.

«О злосчастная моя буйна голова,
«Горе-горькая моя руса коса!
155. «А вечоръ тебя матушка расчесывала,
«Расчесала матушка, заплетала;
«Я сама, дѣвица, знаю-вѣдаю,—
«Расплетать будетъ моя руса коса [1])
«Тремъ Татарамъ наѣздникамъ!»
160, Они тѣ-то рѣчи Татара договариваютъ,
А первой Татаринъ проговоритъ:
««Не плачь, дѣвица-душа красная,
««Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго:
««Асделу [2]) Татарину достанешься,—
165. ««Не продамъ тебя дѣвицу дешево,
««Отдамъ за сына за любимаго,
««За мирнаго [3]) сына—въ Золотой Ордѣ.»
Съ тыя горы со высокія,
Какъ ясенъ соколъ напущается
170. На синемъ морѣ на гуси и лебеди,
Во чистомъ полѣ напущается
Молодой Михайло Казарянинъ,
А Казарянинъ душа Петровичь младъ.
Приправилъ онъ своего добра коня,
175. Принастегивалъ богатырскаго,
И въ рукѣ копье мурзамецкое:
Перваго Татарина копьемъ скололъ,
Другаго собаку конемъ стопталъ,
Третьяго о сыру землю.
180. Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Руску дѣвицу полоняночку,
Повелъ дѣвицу во бѣлъ шатеръ.
Какъ чуть съ дѣвицею ему грѣхъ творить,
185. А грѣхъ творить, съ нею блудъ блудить,

---

[1]) Объ этомъ согласованіи или, лучше, тематическомъ падежѣ, образующемъ одно *сложное* слово съ неокончательнымъ (съ отглагольнымъ существительнымъ) см. подробнѣе въ 3-мъ выпускѣ по 2-му изданію: „Расплетанье моей русой косы будетъ...“—[2]) *А съ дѣлу*, съ раздѣлу, на долю?—[3]) Т.-е. за мирнаго Татарина, изъ мирной орды.

Расплачется красна дѣвица:
«А не честь твоя молодецкая, богатырская,
«Не спросилъ ни дядины [1]), ни отчины,
«Княженецкая дочь и (иль) боярская:
190. «Была я дочь гостиная [2]),
«Изъ Волынца города изъ Галичья,
«Молода Марѳа Петровична.»
И за то слово Казарянинъ спохватается:
— Гой еси, душа, красная дѣвица,
195. — Молода Марѳа Петровична!
— А ты по роду мнѣ родна сестра!
— И ты какъ Татарамъ досталася,
— Ты какъ тремъ собакамъ наѣздникамъ?—
Говоритъ ему родная сестра:
200. «Я вечоръ гуляла въ зеленомъ саду
«Со своей сударынею матушкою:
«Какъ изъ далеча, изъ чиста поля,
«Какъ черны вороны налетывали,
«Набѣгали тутъ три Татарина наѣздники,
205. «Полонили меня красну дѣвицу,
«Повезли меня во чисто поле;
«А я такъ Татарамъ досталася,
«Тремъ собакамъ наѣздникамъ.»
Молодой Михайло Казарянинъ
210. Собираетъ въ щатрахъ злата-серебра,
Онъ кладетъ во тѣ сумы переметныя,
Переметныя-сыромятныя,
И беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
Посадилъ дѣвицу на добра коня,
215. На Рускаго богатырскаго,
Самъ садился на Татарскаго,
Какъ бы двухъ коней [3]) въ поводу повелъ.

---

[1]) *Дѣдины*, роду отъ дѣда, какъ *отчина-отечество* отъ отца.

[2]) Пропущено нѣсколько стиховъ: „Не честь твоя молодецкая-богатырская, что напущаешься на меня не спросивъ не дѣдины, ни отчины“ За этимъ долженъ слѣдовать вопросъ Михайлы, чья она дочь, княженецкая иль боярская, и отвѣтъ ея, что „не княженецкая она дочь и не боярская,“ а дочь гостиная—гостя, торговца.

[3]) А между тѣмъ двухъ остальныхъ коней (отъ 2-го и 3-го Татарина).

И поѣхалъ къ городу Кіеву.
Въѣзжаетъ въ стольной Кіевъ градъ,
220. А и стольники-приворотники
Доложили князю Владиміру,
Что пріѣхалъ Михайло Казарянинъ.
Поколь Михайло снялъ съ добра коня
Свою сестрицу родимую
225. И привязалъ четырехъ коней
[Четырехъ коней] къ дубову столбу,
Идутъ послы отъ князя Владиміра,
Велятъ иттить Михайлѣ во свѣтлу гридню.
Приходилъ Казарянинъ во свѣтлу гридню
230. Со своею сестрицею родимою;
Молится Спасову образу,
Кланяется князю Владиміру
И княгинѣ Апраксѣевнѣ:
— Здравствуй ты, ласковой, сударь, Владиміръ князь
235. — Со душею княгинею Апраксѣевною!
— Куда ты меня послалъ, то сослужилъ:
— Настрѣлялъ гусей, бѣлыхъ лебедей
— И перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
— А и самъ въ добычѣ богатырскія!
240. — Убилъ въ полѣ трехъ Татариновъ,
— Трехъ собакъ наѣздниковъ,
— И сестру родную у нихъ выручилъ,
— Молоду Марѳу Петровичну.—
Владиміръ князь стольной Кіевской
245. Сталъ о томъ свѣтелъ-радошенъ;
Наливалъ чару зелена вина
[Зелена вина] въ полтора ведра
И турій рогъ меду сладкаго
[Меду сладкаго] въ полтретья ведра,
250. Подносилъ Михайлѣ Казарянину;
Принимаетъ онъ, Михайло, единой рукой,
И выпилъ единымъ духомъ:
Втапоры пошли они на широкой дворъ,
Пошелъ князь и со княгинею,
255. Смотрѣлъ его добрыхъ коней,

Добрыхъ коней Татарскіихъ;
Велѣлъ тутъ князь
Со добра коня птицъ обрать,
И велѣлъ снимать сумы сыромятныя,
260. Относить во свѣтлы гридни,
Беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,
А и коней поставить велѣлъ
[Поставить велѣлъ] по стойломъ [1]) своимъ.
Говорилъ тутъ ласковой Владиміръ князь:
265. «Гой еси ты, удача доброй молодецъ,
«Молодой Михайло Казарянинъ,
«А Казарянинъ душа Петровичь младъ!
«У меня есть триста жеребцовъ,
«И три любимы жеребца:
270. «А нѣтъ такого единаго жеребца!
«Исполать тебѣ добру молодцу,
«Что служишь князю вѣрою и правдою!»

(Ср. ниже объясненія).

* * *

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧЪ.

(Оттуда же).

Высота ли—высота поднебесная;
Глубота—глубота Океанъ-море;
Широко раздолье—по всей земли;
Глубоки омуты—Днѣпровскіе.
5. Изъ за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья [2]) зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца [3]),
Отъ того, де, царя вѣль заморскаго,
Выбѣгали-выгребали тридцать кораблей,
10. Тридцать кораблей, единъ корабль

---

[1]) По стойламъ?—[2]) Лукоморья, луки или облучины моря, извилистаго морскаго побережья. — [3]) Ср. въ Сербскомъ эпосѣ заморскій городъ *Ледянъ* (женитьба Душана и др.).

Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены,
Одинъ корабль получше всѣхъ.
15. У того было Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю—по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю Якутскому,
20. И Якутскому вѣдь, Сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія,
25. И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя [1]);
30. Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было Соколѣ кораблѣ
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ-корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному,
35. Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру.

На томъ Соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ [2]) чердакъ;
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ [3]),
40. Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ [4]) молодецъ,

---

[1]) Бурыя.
[2]) Муравою, травами, разводами, расписной, пестрый, рѣзной.
[3]) См. объясненіе выше.
[4]) Употребительно и *упавъ*, женское же имя — *купава, упава*, ниже увидимъ *Запава*, и т. п., — красавецъ, красавица; юго-слав. *хубавъ*, санскритск. *шуб'а*.—Ср. другіе выпуски.

Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь.
Говорилъ Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости-корабельщики
45. «И всѣ цѣловальники любимые!
«Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
«У ласкова князя Владиміра,
«Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
«Чѣмъ свѣта жаловати?»
50. Отвѣчаютъ гости-корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые:
««Ты славной, богатой гость,
««Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь!
««Есть, сударь, у васъ золота казна [1]):
55. ««Сорокъ сороковъ черныхъ соболей;
««Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
««Есть, сударь, дорога камка,
««Что не дорога камочка,—узоръ хитеръ:
««Хитрости были Царяграда,
60. ««А и мудрости Іерусалима,
««Замыслы Соловья Будиміровича [2]);
««На златѣ на серебрѣ—не погнѣваться [3]).»»

Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ-рѣку,
65. Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможнѣ платили,
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну,—
70. Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Второе сорокъ бурнастыхъ лисицъ,
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владиміру.

---

[1]) Эпитетъ „обычный:“ то же, что дорогая, дорого стоившая, хотя и не было въ ней золота.

[2]) Общій смыслъ тотъ, что искусство сдѣланныхъ узоровъ было заграничное, а добыты такіе товары замысломъ и промысломъ Соловья.

[3]) А злата-серебра князю можно и не дарить, князь на томъ и не погнѣвается; у гостей-купцовъ (особенно древнихъ—мѣновыхъ) не деньги, а товаръ.

Идетъ во гридню во свѣтлую,—
Какъ бы на пяту [1]) двери отворялися,—
75. Идетъ во гридню купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на особицу,
80. И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Не дорога камочка,—узоръ хитеръ:
85. Хитрости Царяграда,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
90. А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковой Владиміръ князь:
— Гой еси ты, богатой гость,
— Соловей, сынъ Будиміровичь!
— Заимуй [2]) дворы княженецкіе,
95. — Заимуй ты боярскіе,
— Заимуй дворы и дворянскіе.—
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичь:
«Не надо мнѣ дворы княженецкіе,
«И не надо дворы боярскіе,
100. «И не надо дворы дворянскіе:
«Только ты дай мнѣ загонъ земли
«Не паханыя и не ораныя,
«У своей, осударь, княженецкой племянницы,
«У молоды Запавы Путятишной,
105. «Въ ся осударь, зеленомъ саду,
«Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
«Построить мнѣ, Соловью, снаряденъ дворъ.»

---

[1]) См. объясненія выше въ вып. 1 и друг.
[2]) Занимай подъ постой.

Говорилъ сударь ласковой Владиміръ князь:
— На то [1]) тебѣ съ княгинею подумаю;—
110. А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли
Не паханыя и не ораныя.

Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будиміровичь:
«Гой еси вы, мои люди работные!
115. «Берите вы топорики булатные,
«Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
«Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
«Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ.»
Съ вечера, позднимъ-поздно,
120. Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала его дружина хорабрая [2]),
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
125. Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ,—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды,—въ теремѣ звѣзды;
130. На небѣ заря,—въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени,
Ото сна-то Запава пробужалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
135. Въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой, вѣдь, хорошій, во зеленой садъ:
Чудо Запавѣ показалося
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,—
Что стоятъ три терема златоверховаты.
140. Говорила Запава Путятишна:
— Гой еси, нянюшки и мамушки,
— Красныя сѣнныя дѣвушки!

---

[1]) О томъ.—[2]) Хоробрая: Калайдовичь при изданіи не зналъ этой народной формы.

— Подте-тко, посмотрите-тко,
— Что мнѣ за чудо показалося
145. — Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?—
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки,
И сѣнныя красныя дѣвушки:
««Матушка, Запава Путятишна!
««Изволь-ко сама посмотрѣть:
150. ««Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло.»»
Скоро, де, Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,—
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей,—
155. Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой во хорошъ, во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ-молчитъ [1]),—
Лежитъ Соловьева золота казна;
160. Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
По маленьку говорятъ, все молитву творятъ,—
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными;
165. У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту,—
Больно Запава испугалася,
170. Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ,—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды,—въ теремѣ звѣзды;
175. На небѣ заря,—въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная:
Подломились ея ноженьки рѣзвыя.

---

[1]) Молчаніе, только лишь щелкаетъ, пересыпается золота казна; такъ „въ избѣ молчитъ, а сверчокъ сверчитъ.“

Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ,—
Бросилъ свои звончаты гусли,
180. Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Клалъ на кровать слоновыхъ костей,
Да на тѣ ли перины пуховыя;
«Чего, де, ты, Запава, испужалася?
«Мы, де, оба на возрастѣ.»
185. — А и я, де, дѣвица на выданьѣ,
— Пришла, де, сама за тебя свататься.—
Тутъ они и помолвили:
Цѣловалися они, миловалися,
Золотыми перстнями помѣнялися.

190. Провѣдала его, Соловьева, матушка,
Честна вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Свадьбу кончити посрочила [1]):
««Съѣзди, де, за моря синія,
««И когда, де, тамъ расторгуешься,
195. ««Тогда и на Запавѣ женишься.»»
Отъѣзжалъ Соловей за моря синія.

Втапоры поѣхалъ и голой шапъ Давидъ Поповъ [2]).
Скоро за морями исторгуется,
А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ:
200. Приходилъ ко ласкову князю съ подарками,
Принесъ сукно смурое [3])
Да крашенину печатную [4]).
Втапоры князь сталъ спрашивати:
— Гой еси ты, голой шапъ Давидъ Поповъ!
205. — Гдѣ ты слыхалъ, гдѣ видывалъ
— Про гостя богатаго, про молода
— Соловья, сына Будиміровича?—

---

[1]) Отсрочила.—[2]) *Шапъ—щапъ, щапство*, по областямъ нынѣ—*щепливый, щепеткой, щепетильный, щепетиниться*,—все это означаетъ щегольство, охорашиванье, модную вычурность; прозвище—голый, т. е. на фу-фу, безъ состоянія, откуда сложное по областямъ—*голощапъ*, франтъ; самое *щеголь* вѣроятно отъ того же корня *ще* (*тще?*) и *голь—да быть* (вѣдь) (Алексѣй) *Поповъ*,—Алёша Поповичъ?—[3]) Собственно—черное, темное, потомъ—грубое.—[4]) Набойчатую.

Отвѣчалъ ему голой шапъ:
«Я, де, объ немъ слышалъ,
210. «Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ,
«У того царя заморскаго:
«Соловей у царя въ протаможье попалъ [1]),
«И за то посаженъ въ тюрьму,
«А корабли его отобраны
215. «На его жь царское величество.»
Тутъ ласковой Владиміръ князь закручинился;
Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за голаго шапа Давида Попова;
Тысяцкой [2])—ласковой Владиміръ князь,
220. Свашела [3])—княгиня Апраксѣевна,
Въ поѣзду—князи и бояра;
Поѣзжали ко церкви Божіи.

Втапоры жь въ Кіевъ [флотъ] пришелъ
Богатаго гостя, молода
225. Соловья, сына Будиміровича,
Ко городу ко Кіеву;
Якори метали во быстрой Днѣпръ,
Сходни бросали на крутъ-красенъ бережокъ;
Выходилъ Соловей со дружиною,
230. Изъ Сокола корабля съ каликами,
Во бѣломъ платьи сорокъ каликъ со каликою [4]);
Походили они ко честной вдовѣ Амелѣ Тимоѳеевнѣ,
Правятъ челобитье отъ сына ея, гостя богатаго,
Отъ молода Соловья Будиміровича,
235. Что прибылъ [флотъ] въ девяностѣ корабляхъ
И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ городомъ Кіевомъ;
А оттуда пошли ко ласкову князю Владиміру
На княженецкой дворъ,
И стали во единой кругъ [5]).

---

[1]) Не заплатилъ за таможу, мѣту товаровъ: контрабанда. — [2]) Свадебный предводитель въ поѣздѣ (у другихъ Славянъ *воеводы*). — [3]) Свашенька, сваха. — [4]) Выходили каликами, одѣвшись въ каличье бѣлое платье, притворившись каликами. — [5]) Какъ всегда калики.

240. Втапоры слѣдовалъ со свадьбою
Владиміръ князь въ домъ свой;
И пошли во гридни свѣтлыи,
Садилися за столы бѣлодубовые,
За яства сахарныя;
245. И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со каликою;
Тогда ласковой Владиміръ князь
Велѣлъ подносить вина имъ заморскія
И меда сладкіе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали [1]),
250. Приводили его ко княженецкому столу;
Сперва говорила Запава Путятишна;
«Гой еси, мой сударь-дядюшка,
«Ласковой сударь Владиміръ князь!
«Тотъ-то мой прежній обрученной женихъ,
255. «Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь;
«Прямо, сударь, скачу,—обезчещу столы [2])!»
Говорилъ ей ласковой Владиміръ князь:
— А ты гой еси, Запава Путятишна!
— А ты прямо не скачи, не безчести столы.—
260. Выпускали ее изъ за дубовыхъ столовъ,
Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую,
И пошла за столы бѣлодубовы,
И сѣли они за яства сахарныя, на большо мѣсто.
265. Говорила Запава таково слово
Голому шапу Давиду Попову:
«Здравствуй женимши, да не съ кѣмъ спать [3]).»
Втапоры ласковой Владиміръ князь веселъ сталъ,
А княгиня наипаче того;
270. Поднимали пирушку великую.

(Объясненія при 1-мъ изданіи, а равно ниже при Дополненіяхъ).

* * *

---

[1]) Узнавали.—[2]) Если не выпустите изъ за столовъ, къ жениху, то я скачу черезъ столы.—[3]) Сравни выше пѣсни о Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ, вып. 2-й и друг.—Обратилось въ народную пословицу, основанную на эпическомъ событіи съ Алешею Поповичемъ или примѣнившуюся къ нему.

СЪ КАКИХЪ ПОРЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ.

(Сибирь).

Выѣзжали на Сафатъ-рѣку,
На закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ Русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ:
5. Выѣзжалъ Годенко [1]) Блудовичь,
Да Василій Казиміровичь,
Да Василій Буслаевичь [2]),
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичь младъ,
10. Выѣзжалъ Добрыня молодецъ,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.

Передъ ними раскинулось поле чистое [3]),
А на томъ полѣ старый дубъ стоитъ,
15. Старый дубъ стоитъ, кряковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужь какъ первая дорога ко Нову-городу:
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву;
А что третія дорога ко синю морю,
20. [Ко синю морю] далекому,—
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,

---

[1]) Изъ *Годенъ Годинъ*; тотъ же богатырь *Хотенъ*, *Хотинъ*; *Гордеть*, *Гордей*.

[2]) Позднѣйшая прибавка: имя удальца Новгородскаго примѣшано къ богатырямъ Кіевскимъ.

[3]) Стихъ позднѣйшей работы.

Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
25. Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣлъ-полотнянъ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чисту полю;
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
30. Золотой уздечкой побрякиваютъ;
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держатъ.

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
35. Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой
Бѣлъ-полотнянъ шатеръ:
40. Въ томъ ли шатрѣ залегъ Татарченокъ,
Злой Татаринъ, бусурманченокъ,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня [1]),
45. Клалъ на него онъ потнички [2]),
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельце Черкасское,
Бралъ копейце урзамецкое [3]),
Бралъ чингалище [4]) булатное,
50. И садился на добра коня;
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечетъ [5]) по мѣрной верстѣ,

---

[1]) Коня борзаго.—[2]) См. вып. 2-й и друг.—[3]) Мурзавецкое, мурзинское.—[4]) Кинжалище, кинжалъ.—[5]) То же, что „хоботы мечетъ,“ „хоботы металъ:“ перемахиваетъ (между ногъ пускаетъ) пространства или разстоянія съ такую-то величину.—Ср. вып. 3 и друг.

Выскоки [1]) мечетъ по сѣнной копнѣ.
55. Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
«Выходи-ка, Татарченокъ,
«Злой Татаринъ, бусурманченокъ!
«Станемъ мы съ тобой честный бой держать.»
60. Вта́поры выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Слеталися-сходилися два удалые витязя.
65. Ломалися копья ихъ острыя,
Разлеталися мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хватались въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
70. Правая ручка Добрыни удрогнула,
И валился онъ на сыру землю:
Скакалъ ему Татаринъ на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.

75. Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичь раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
80. Помолился чудну образу;
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланный и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только невеселъ,
Потупилъ очи во сыру землю,
85. Знать, тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ [2]).

---

[1]) То же, что „ископоть", ископыть (комъ изъ копита или выбоина копитомъ): ср. вып. 1 и друг.—[2]) Эти два стиха позднѣйшей работы: такъ выражаться можетъ не Былевая, а Бытовая, Женская (лирическая) пѣсня.

Садился Алеша на добра коня;
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
90. Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной копнѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася:
Забѣлѣлася ставка [1]) богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася:
95. Засинѣлись мечи булатные;
Что не крась во поляхъ закраснѣлася:
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,—
У того ли шатра сидитъ Добрыня молодецъ:
100. Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша звучнымъ [2]) голосомъ:
«Вылѣзай-ка ты, Татаринъ злой,
105. «На честной бой, на побраночку [3])!»
Отвѣчаетъ ему Татарченокъ:
— Охъ ты гой еси, Алеша Поповичь младъ!
— Ваши роды [4]) не уклончивы,
— Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
110. — Что не стать тебѣ со мной бой держать!—
Возговоритъ на то Алеша Поповичь младъ:
«Не хвались на пиръ идучи,
«А хвались съ пиру идучи!»
Втапоры выходитъ Татаринъ изъ бѣла шатра
115. И садится на добра коня.

---

[1]) Шатеръ, о которомъ говорится ниже; сравненіями очерчено предварительно мѣсто подвига и набросаны краски самого подвига.

[2]) По обычному употребленію и предыдущему примѣру должно быть „звычнымъ“; впрочемъ „зыкъ“ — „звукъ“ филологически, только старше.

[3]) Брань, не продолжительную, а сшибку.

[4]) Т. е. богатыри вашего разбора, вы, богатыри Кіевскіе; а можетъ статься, это намекъ и на поповскій родъ Алеши,—дерзкаго, напористаго, но въ то же время нестойкаго: о Добрынѣ на оборотъ можно было сказать, что онъ уклончивъ (по его пріемамъ, мягкимъ, уступчивымъ, вѣжливымъ), а между тѣмъ стоекъ.

Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися-слеталися два удалые витязя;
Ломалися копья ихъ острыя,
120. Разлетались мечи ихъ булатные:
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой;
Одолѣлъ Алеша Татарина:
Валилъ его на сыру землю,
125. Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ не взялся черный воронъ [1]),
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
130. ««Охъ ты гой еси, Алеша Поповичь младъ!
««Ты послушай меня, чернаго ворона:
««Не пори ты Татарину бѣлыхъ грудей;
««А слетаю я на синѐ море,
««Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
135. ««Вспрыснешь Добрыню мертвой водой,—
««Сростется его тѣло бѣлое;
««Вспрыснешь Добрыню живой водой,—
««Тутъ и очнется добрый молодецъ.»»
Втапоры Алеша ворона послушался.
140. И леталъ воронъ на синѐ море,
Приносилъ мертвой и живой воды;
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой,—
Сросталося тѣло его бѣлое,
Затягивалися [2]) раны кровавыя;
145. Вспрыскивалъ его живой водой,—
Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.
Отпускали они Татарина.

*

---

[1]) Вранъ?

[2]) Слишкомъ длинно для народнаго творческаго языка: „затягѣлися“ или „затянулися.“

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
150. Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ,—черезъ Сафатъ-рѣку
155. Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
160. «Ой ужь гдѣ вы, могучіе витязи,
«Удалые братья названные!»
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
165. Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.

170. И стали витязи похвалятися:
««Не намахалися наши могутныя плечи,
««Не уходилися наши добрые кони,
««Не притупилися мечи наши булатные!»»
И говоритъ Алеша Поповичь младъ:
175. «Подавай намъ силу нездѣшнюю:
«Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей [1]),
И крикнули они громкимъ голосомъ:
180. — А давайте съ нами, витязи, бой держать?
— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—

[1]) Подобное выраженіе могло проникнуть въ Былину развѣ потому только, что она въ концѣ своемъ переходитъ уже къ Стиху, которому не чужды бываютъ слововыраженія книжныя.

Не узнали витязи воителей;
Разгорѣлся Алеша Поповичь на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
185. Налетѣлъ на воителей,
И разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
190. Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
195. Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ:
200. А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
[Бились] три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могу́тныя,
205. Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
210. Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣетъ [1]);
Какъ подбѣжитъ другой,

---

[1]) Замѣчательно, что при концѣ своемъ Былина явно разрушена въ стихѣ и складѣ, обращаясь въ сказочный говоръ: потому ея заключеніе и выводъ (по которымъ составлено и заглавіе, какъ говоритъ г. Мей, недостававшее въ пѣсни) могутъ не принадлежать древности и первобытному виду Былины.

215. Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи
на святой Руси.

(Записано г. Л. Меемъ въ 1840-мъ году отъ стараго Сибирскаго козака Ивана Андреева; ср. Сынъ Отеч., 1856 г., № XXVII, стр. 96, 97.—Оцѣнка въ 4-мъ выпускѣ по 1-му изданію и ниже).

* * *

АНИКА ВОИНЪ.

1 *).

(Оренбургск. губ., Уфимскаго уѣзда, сельцо Новоселки).

Жилъ-былъ Аника Воинъ,
Два ста лѣтъ и двадцать лѣтъ.
Отживалъ онъ останное время.
Онъ при пирѣ при бесѣдѣ похваляется,
5. И при попахъ, и при дьяконахъ:
«Я поѣду, Аника Воинъ,
«Въ Іерусалимъ-градъ,
«Весь Іерусалимъ-градъ порублю,
«Весь въ полонъ возьму [1])!»

---

*) Къ этой „Бабьей старинѣ," для полноты, приведемъ мы разнорѣчія изъ Побывальщины, доставленной во II-е отд. Ак. Наукъ; ср. „Сборникъ Русскихъ духовныхъ стиховъ," г. Варенцова, стр. 118—120; къ сожалѣнію не означено, гдѣ она записана; судя по языку, вѣроятно въ Онегѣ или близко.

[1]) Былъ-жилъ Оника Воинъ богатые.
Проживалъ Оника триста девяносто лѣтъ,
А все пассе да берегсе Цюда цюднаго,
Смерти цюдные, Смерти страшные,
А само-тъ все пустыни да монастыри розорялъ.
Положилъ свое злобно намѣренье
Святая Святыхъ (т.-е. въ Іерусалимѣ) да роззорити
И по цисту полю бревна розвозити.

10. Ѣдетъ онъ путемъ-дорогою,
Валяется среди пути-дорженьки
Чудо престрашное.
Онъ Чудѣ воздивился,
Воздивился, устрашился:
15. «Что это за Чудо
«Середи пути-дороженки валяется?
«Царь ли ты, царевичь,
«Или король, королевичь,
«Или изъ иной земли скорый посолъ?»
20. — Я не царь, не царевичь,
— Не король, королевичь,
— Не изъ земли я скорый посолъ:
— Я твоя-то Смерть,
— Хочу тебя воскусити [1]),
25. — Не хочу тебя
— До Іерусалима-града допустити.—
«Я Смерти этой не вздивляюся:
«Я палицу всподымаю,
«Хочу ударить тебя по главѣ.»
30. — Аника Воинъ, не бодрися:
— Были не въ твою высоту,
— И то Смерти, меня, не миновали.
— Былъ сотворшій Богъ,
— Сотворилъ небо и землю,
35. — И луны, и звѣзды:
— И то меня, Смерти, не миновалъ [2]).—

---

[1]) По другимъ разнорѣчіямъ „искосити," скосить; по инымъ же „скушать".

[2]) Во избѣжаніе соблазна разныхъ миѳологическихъ толкованій, нужно замѣтить, что все это мѣсто спутано: прочія разнорѣчія показываютъ, что здѣсь приводятся примѣры сильныхъ богатырей, не избѣгшихъ смерти: Богъ же, говорится, сотворилъ вмѣстѣ съ прочими тварями Смерть и попустилъ ее на землю.—

На стрѣчу-ту Оники
Цюдо цюдное, Диво дивное:
Ноги-ты у Цюда-та звѣриныи,
Голова-та у Цюда целовѣцеська,
А тулово у Цюда лошадиное.

Невзвидимо къ нему
Смерть подкралася,
Косой ноги ему подкосила,
40. Пилой она ему руки подпилила:
Онъ съ добра коня свалился,
Онъ и Смерти возмолился:
«Охъ, матушка ты моя, Смерть!
«Дай ты мнѣ пожити хоть на годочекъ.»
45. — Не дамъ я тебѣ пожити на часочекъ.—
«Охъ, матушка ты моя, Смерть!
«Дай ты мнѣ пожити хоть на мѣсяцъ:
«Я въ свое житье-бытье [1]) съѣзжу,

Говорилъ Оника таковы слова:
«Штó ты тако, Цюдо цюдное,
«Штó ты тако, Диво дивное?
«Али ты еси царь, али царица ты,
«Али князь еси ты, али княгиня ты,
«Али ты еси паленица да удалая,
«Али ты хресьенина жона хресьеньская?»
Отвѣцяло Цюдо цюдное, Диво дивное:
— Я не царь, да и не царица, вить,
— Я не князь, да и не княгиня же,
— Я не паленица да удалая,
— Да не хресьенина жона я хресьеньская:
— А я, вить, есь Смерть, да Смерть престрашная.—
Становилсе тутъ Оника противу Цюда цюднаго,
Говоритъ Оника Воинъ таковы слова:
«Я, вить, тобя, Цюдо, копемъ стопцю,
«Да я, вить, тобя, Цюдо, копьемъ сколю.»
Отвѣцяло Цюдо цюдное, Диво дивное:
— Были богатыри-то славнѣ тобя,
— Былъ Самсонъ богатырь, тотъ славнѣ тобя,
— Былъ Полканъ богатырь, тотъ славѣ тобя:
— И тѣ сдалисе, вить, склонилисе,
— Подъ мою, вить, руку приклонилисе;
— Да и тобѣ, Оника, быть подъ моей рукой!—

---

[1]) Жилище.

«Съ отцемъ съ матерью распрощуся,
50. «Съ родомъ съ племенемъ поклонюся.
«У меня казны много множество:
«Я свою казну расточу
«По нищимъ по братьямъ,
«По церквамъ—по соборамъ.»
55. — Аника Воинъ!
— Твоя казна кровавая:
— Въ твоей казнѣ
— Душѣ пользы не будетъ [3]).—

*

---

[3]) А втогда Оника подъ конемъ лежитъ,
А Цюдо на Оникѣ на верху сидитъ.
Какъ просилъ Оника у Цюда цюднаго
Времени только на три годы,
Штобы ему имѣнье-богатесьво
По пустынямъ и монастырямъ розвозить.
Отвѣцяло Цюдо цюдное, Диво дивное:
— Да не дамъ я тѣ строку (сроку) на три годы:
— У тобя, вить, имѣнье неправедно,
— Да твоей души польза не буде.—
Какъ просилъ Оника у Цюда цюднаго
Времени только на три мѣсеця,
Штобы ему имѣнье-богатесьво
По пустынямъ и монастырямъ розвозить,
И спасти ему душа грѣшная *).
Отвѣцяло Цюдо цюдное, Диво дивное:
— Да не дамъ я тѣ строку на три мѣсеця:
— У тобя, вить, имѣнье неправедно,
— Да твоей души польза не буде.—
Какъ просилъ Оника у Цюда цюднаго
Только строку на три цяса,
Штобы ему имѣнье-богатесьво
По пустынямъ и монастырямъ розвозить,
Да спасти ему душа, душа грѣшная.
Тутъ Цюдо опять отговаривало:

*) О семъ оборотѣ въ языкѣ см. вып. 3-й по 2-му изд. и друг.

2 *).

Жилъ да былъ на землѣ
Храбрый человѣкъ [1]) Аника.
Много онъ полонилъ,
Много онъ покорилъ
5. Царей и царевичей,
Королей, королевичей,
И сильныехъ-могучихъ богатырей.
Собирается Аника
Въ Ерусалимъ-градъ:
10. Хочетъ Аника
Святую святыню [2]) погубити,
Господень гробъ раззорити [3]).

— Да не дамъ я тѣ строку и на три цяса:
— Вить твое-то имѣнье неправедно,
— Да твоей души польза не буде.—

Тутова Оника и преставилсе,
Тутова Оники и славы поютъ
(Т.-е. умеръ онъ и ему поютъ славу, какъ обыкновенно умершимъ, а въ Стихахъ святымъ),
Славы поютъ, да и Дунай поютъ,
Поютъ Дунай,
Да и впередъ не знай.
(*Слова* обыкновеннѣе въ Стихахъ, въ Былинахъ же, въ концѣ, любимый на Сѣверѣ Руси припѣвъ — „Дунай, Дунай, впередъ болѣ не знай," съ разными прибаутками, и т. п.).

*) Мы приведемъ сюда для полноты разнорѣчія, записанныя въ Нолинскѣ, Вятск. губ.; ср. Сборникъ г. Варенцова, стр. 110—116.

[1]) Храборъ, богатырь.

[2]) Святая святыхъ, въ Іерусалимѣ: см. выше.

[3]) Во славномъ градѣ во Евлесѣ (Евдесѣ, Едессѣ)
Жилъ былъ рабъ (храбръ) человѣкъ Аника Воинъ.
Жилъ на землѣ двѣсти двадцать два года, воевалъ (воинъ? много войны повоевалъ?),
Много Латынскія силы облатынилъ,
Много Русскія силы побѣдилъ.

Ѣдетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ ѣдетъ Чудо:
15. Голова у Чуда человѣческа,
Власы у Чуда до пояса,
Тулово у Чуда звѣриное,
А ноги у Чуда лошадиныя.
Аника на конѣ становился
20. И этому Чуду дивился:
«Скажи ты мнѣ, Чудо, провѣдай [1]),
«Царь ли ты, ли царевичь,
«Король ли ты, королевичь,
«Или ты сильные-могучій богатырь?»
25. Чудо ему отвѣщаетъ:
— Я не царь, не царевичь,
— Не король, королевичь,
— И не сильный-могучій богатырь:
— А я Смерть, страшна и грозна,
30. — Вельми непомѣрна,

Добивается Аника до начальнаго (главнаго) царства,
Хочетъ Ерусалимъ-градъ разбивати,
Соборныя церкви нарушати,
Гдѣ Пресвятая Богородица
Стоитъ на престолѣ,
Гдѣ Христова гробница
Пребываетъ на воздуси,
Гдѣ съ дамьяномъ (онміамомъ) съ ладаномъ выходитъ,—
То онъ хочетъ разбивати,
То онъ хочетъ нарушати,
Русскую кровь проливати.
Походитъ Аника во чистое поле,
Имаетъ себѣ добраго коня,
Садился Аника на добраго коня,
Беретъ онъ палицу боевую,
Поѣхалъ Ерусалимъ-градъ разбивати,
Соборныя церкви нарушати,
Русскую кровь проливати.

---

[1]) Проповѣдай, повѣдай: обычное слово въ Стихахъ.

— Сердцемъ своимъ непосульна.
— Кто сотворилъ небо и землю,
— Кто сотворилъ облаки, звѣзды,
— Тотъ меня сотворилъ.
35. — По всеи землѣ попустилъ.
— Гдѣ кого застану, искошаю [1]):
— Въ пути въ дорогѣ застану, искошаю;
— Въ избѣ на подворьѣ застану, искошаю;
— Хочу и тебя, Аника, искосити.—
40. Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
«Я палицу подыму, палицей пришибу,
«Либо коня попущу, копемъ потопчу
«По главѣ по твоей.»
Она [2]) ему отвѣщаетъ:
45. — Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
— Былъ на землѣ Свѣтогоръ богатырь:
— И я ихъ искосила;
— Хочу и тебя, Аника, искосити [3]).—

---

[1]) Скошу.—Въ другихъ разпорѣчіяхъ сдѣлано „скушаю," „искушаю" и т. п.
[2]) Уже не Чудо, а Смерть.

[3]) До полу́пути Аника не доѣхалъ,
На полу́пути Аника остановился,—
Попало Аникѣ во стричу
Чудо чудное, Диво дивное:
У Чуда тулово звѣриное,
Ноги лошадиныя,
Голова человѣчья и руки человѣчьи,
Власы у Чуда до пояса.
Аника Чуда устрашился:
«Что это за Чудо чудное и за Диво дивное!
«Скажи мнѣ, Чудо, провѣдуй (повѣдай):
«Али ты изъ царей какой царевичь,
«Али изъ королей королевичь,
«Али изъ богатырей какой богатырь,
«Или не Русская ли сильна-удалая полонйда?
(*Паленица, полянница*: но любопытно, что *плянида* и *полонйда*, доселѣ весьма употребительное на Руси слово, есть греческое *планета*, того же корня и смысла, что *поляница*, *поленица*, т.-е. блуждающая)

Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
50. «О Смерть, страшна и грозна!
«Дай ты мнѣ сроку хоть на полгода:
«Сострою я тебѣ церковь,
«Спишу твой ликъ на иконѣ,
«Поставлю твой ликъ на престолѣ;
55. «И будутъ къ намъ съѣзжаться
«Князья и бояре,

Аникѣ Чудо отверзаетъ (отвѣчаетъ):
— Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— Я не царь какой, не царевичь,
— Не изъ королей королевичь,
— Не изъ богатырей какой богатырь,
— И не Русская сильна-удалая полонйда;
— А я есть гордая Смерть сотворенна,
— Отъ Христа по тебя Смерть послана я (или „посланная," ср. ниже):
— Хочу я тебя, Анику, умертвити,
— Во сырую землю положити;
— Полно тебѣ, Аника, воевати,
— Соборныя церкви разбивати,
— Русскую кровь проливати.—
Аника на Чудо не здиваетъ (диву не дается, не дивится),
Беретъ онъ палицу боевую,
Хочетъ Аника Смерть ушибити,
Во сырую землю положити.
Аникѣ Смерть отверзаетъ:
— Ты рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— Не хочешь ты мнѣ покориться
— И не хочешь ты мнѣ поклониться?
— Былъ на землѣ богатырь Малафей (Олофернъ; Мальфредъ, Манфредъ?),
— Былъ на землѣ богатырь Соловей (Разбойникъ?),
— Былъ на землѣ богатырь Егоръ-Святогоръ (по замѣчанію пѣвца, сынъ Самсона: Святъ-Егоръ, Егорій?),
— Былъ богатырь—надъ семидесятью землями богатырь (по замѣч. пѣвца—Самсонъ, у котораго были три ангельскихъ волоса):
— И то они мнѣ покорились,
— И то они мнѣ поклонились.—

«И сильные-могучіе богатыри,
«И станутъ намъ свозить
«Казну золотую.»
60. Она ему отвѣщаетъ:
— Кабы, де, брать мнѣ казну золотую,
— Были бы у меня горы золотыя
— Отъ Востока и до Запада.—
Вынимаетъ пилы невидимыя,
65. Потираетъ его по рукамъ и по ребрамъ.
Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
«О Смерть, страшна и грозна!
«Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ:
«Есть у меня казна золотая,
70. «Раздамъ я ее по тюрьмамъ,
«[По тюрьмамъ] по богадѣльнямъ.»
Она ему отвѣщаетъ:
— Казна твоя кровавая
— Душѣ твоей не помога.—
75. Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ его по костямъ и по жиламъ.
Возговоритъ храбрые человѣкъ Аника:
«О Смерть, страшна и грозна!
«Дай ты мнѣ сроку хоть на полгода:
80. «Есть у меня отецъ и мать,
«Дай ты мнѣ съ отцомъ съ матерью проститься.»
Она ему отвѣщаетъ:
— Какъ же ты, ѣхалъ [1]) на ратное дѣло [2]),
— За чѣмъ съ отцомъ съ матерью не простился?—
85. Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ его по костямъ, по жиламъ:
Аника на конѣ шатается,
И смертныя [3]) уста запекаются,
Аника съ коня повалился.

---

[1]) Т.-е. ѣхавши, ѣдучи.
[2]) Въ поле, на подвиги, могущіе встрѣтиться.—[3]) Какъ при смерти.

90. Тутъ по Аникѣ и слава [1]).

(Болѣе тридцати лѣтъ назадъ это напечатано было въ Современникѣ 1840 г., т. XVII, стр. 140—142; потомъ какъ новость, за исключеніемъ вступленія (12-ти первыхъ стиховъ), помѣщено и вызвало многія разсужденія въ „Русскомъ Словѣ," 1859 г, № 1-й, стр. 90—94, и въ „Лѣтоп. Русск. Литер.," 1859 г., кн. 2. Въ доказательство, что это одно и то же, только съ ошибками отъ неправильной переписки или неправильнаго чтенія, мы въ слѣдъ за симъ печатаемъ:

---

[1]) Ср. выше: тутъ ему и смерть (была).

Вынимастъ Смерть пилы невидимы,
Подпиляетъ у Аники становыя жилы
И тѣ подъ колѣны рѣзвыя ноги.
Аника, будто пьяный, на конѣ зашатался,
Рѣзвыя ноги подвихнулись,
Бѣлыя руки опустились,
Ясныя очи помутились,
Буйная глава съ плечь повалилась,
И Аника съ коня повалился,
О сырую землю поразился.
Аника плачетъ и рыдаетъ,
Смерть матерью родимой называетъ:
«Гордая Смерть сотворенна,
«Отъ Христа по меня, Смерть, посланна́я!
«Дай ты мнѣ стро́ку и вѣку,
«На тридцать лѣтъ ты мнѣ вѣку:
«Я поѣду во свой домъ, побываю,
«Есть у меня, у Аники, казны много,
«Я съ тобой казной подѣлюся.»
Аникѣ Смерть отверзаетъ:
— Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— Есть на землѣ много изъ царей, царевичевъ,
— Изъ королей, королевичевъ,
— Изъ богатыхъ богатые:
— Они бы со мной казной подѣлились,
— У меня бы казны было много,
— Была бы казна золотая
— Отъ Востоку солнца до Заката.
— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,

3.

(Вологда).

Ѣдетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ ѣдетъ Чудо:
Голова у Чуда человѣческа,
Волосы у Чуда до полса,
5. Тулово у Чуда звѣриное,
А ноги у Чуда лошадиныя.
Аника на конѣ остановился

— На двадцать лѣтъ тебѣ вѣку.—
Аника плачетъ и рыдаетъ,
Смерть матерью родимой называетъ:
«Гордая Смерть сотворенна,
«Отъ Христа по меня, Смерть, посланная!
«Дай ты мнѣ строку и вѣку,
«На двадцать лѣтъ ты мнѣ вѣку:
«Я поѣду въ свой домъ, побываю,
«У меня въ дому казны много,
«Я свою казну расточаю
«По тѣмъ церквамъ по соборнымъ,
«По тѣмъ тюрьмамъ-богадѣльнямъ
«И по тѣмъ по бѣднымъ по людямъ,
«По всей по нищей по братьи,
«Не будетъ ли моей душѣ помощь.»
Аникѣ Смерть отверзаетъ:
— Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— У тебя казна не трудовая,
— У тебя казна праховая,
— У тебя казна слезовая,
— У тебя ли съ кроволитья нажитая:
— Да не будетъ твоей душѣ помощь.
— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,
— На десять лѣтъ тебѣ вѣку.—
Аника плачетъ и рыдаетъ,

И этому Чуду дивился:
«Скажи ты мнѣ, Чудо, повѣдай:
10. «Царь ли ты, царевичь,
«Король ли ты, королевичь,
«Или ты сильный-могучій богатырь?»
Чудо ему отвѣчаетъ:

Смерть матерью родимой называетъ:
«Гордая Смерть сотворенна,
«Отъ Христа по меня посланнàя!
«Дай ты строку и вѣку
«На десять лѣтъ ты мнѣ вѣку:
«Я поѣду въ свой домъ, побываю,
«Я сниму твой ликъ на икону,
«Поставлю во церковь во соборну,
«Будемъ мы тебѣ покланяться
«И будемъ тебѣ всѣ покаряться,
«Будемъ тебѣ молебны исправляти
«И будемъ въ канонѣ тебѣ читати.»
(Читать тебѣ канонъ, праздновать тебѣ *канонъ* или *канунъ*, какъ празднику, варить на празднество канунъ, пива ячныя, собирать пиръ).
Аникѣ Смерть отверзаетъ:
— Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— Нельзя мнѣ во церкви стояти,
— Нельзя мнѣ молебны исправляти,
— Нельзя мнѣ въ канонъ читати.
— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,
— На пять лѣтъ тебѣ вѣку.—
Аника плачетъ и рыдаетъ,
Смерть матерью родимой называетъ:
«Гордая Смерть сотворенна,
«Отъ Христа по меня, Смерть, посланнàя!
«Дай ты мнѣ строку и вѣку,
«На пять лѣтъ ты мнѣ вѣку:
«Я поѣду въ свой домъ, побываю,
«Есть у меня казны много,
«Есть у меня отецъ-мати,
«Есть у меня родъ и племя,

— Я не царь, не царевичь,
15. — Не король, не королевичь
— И не сильный-могучій богатырь,
— А я Смерть, страшна и грозна,
— Вельми непомѣрна,
— Сердцемъ своимъ непосульна.

«Есть у меня друзи-братья,
«Я поѣду—съ нимя распрощуся.»
Аникѣ Смерть отверзаетъ:
— Рабъ человѣкъ, Аника Воинъ!
— Нѣтъ у меня, у Смерти, ни отца, ни матери,
— Ни роду, ни племени,
— Ни друзи, ни братіи.
— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,
— На три часа тебѣ вѣку.
— Гдѣ я раба застигаю,
— Тутъ раба я искушаю (ср. выше),
— Хотя я при церкви при соборной,
— Хотя при торгу при базарѣ,
— Хотя я при пиру при бесѣдѣ,
— Хотя я при пути при дорогѣ,
— Хотя я во чистомъ во полѣ,
— Хотя во темномъ во лѣсѣ,
— Хотя на синемъ на морѣ,
— Тутъ я раба застигаю,
— Тутъ я раба искушаю.
— Нѣтъ тебѣ строку и вѣку,
— На три минуты тебѣ вѣку.—

Солетали съ небесъ ангелы Господни,
Вынимали Аникину душу
(Заключеніе какъ въ Стихахъ).
Аникѣ слава и держава во вѣки вѣковъ.
(„Емуже—Богу, Христу—слава и держава во в. в.", — обыкновенное заключеніе древнихъ рукописей, переносимое часто и въ Стихи, а здѣсь пріуроченное къ Аникѣ).

*

20. — Кто сотворилъ небо и землю,
— Кто сотворилъ облака и звѣзды,
— Тотъ меня сотворилъ,
— По всей землѣ попустилъ.
— Гдѣ кого застану,—искошаю,
25. — Въ пути въ дорогѣ застану,—искошаю,
— Въ избѣ, на подворьѣ застану,—искошаю:
— Хочу и тебя, Аника, искосити.—
Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
«Я палицу подыму, палицей пришибу,
30. «Либо коня попущу, конемъ потопчу,
«По главѣ по твоей.»
Она ему отвѣчаетъ:
— Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
— Былъ на землѣ Свѣтогоръ [1]) богатырь,—
35. — Я ихъ искосила:
— Хочу и тебя, Аника, искосити.—

Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
«О Смерть, страшна и грозна!
«Дай ты мнѣ сроку на два года:
40. «Сострою я тебѣ церковь,
«Спишу твой ликъ на иконѣ,
«Поставлю твой ликъ на престолѣ,
«И станутъ къ намъ съѣзжаться
«Князья и бояре,
45. «И сильные-могучіе богатыри,
«И станутъ намъ свозить
«Казну золотую.»
Она ему отвѣчаетъ:
— Кабы, де, брать мнѣ казну золотую,
50. — Были бы у меня горы золотыя
— Отъ Восхода до Заката.—
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею [2]) по рукамъ, по ребрамъ.

---

[1]) Ср. выше: Святъ-Егоръ, Егорій Храбрый, Старшій, Придунайскій и Черноморскій богатырь, воспѣтый въ Стихахъ.

[2]) Ошибкою переписано или прочтено вмѣсто „его:“ ср. предыдущій №.

Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
55. «О Смерть, страшна и грозна!
«Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ:
«Есть у меня казна золотая,—
«Раздамъ я ее
«По тюрьмамъ, по богадѣльнямъ.»
60. Она ему отвѣчаетъ;
— Казна твоя кровавая,
— Душѣ твоей не помогла [1]).—
Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ.
65. Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
«О Смерть, страшна и грозна!
«Дай ты мнѣ сроку на полгода:
«Есть у меня отецъ и мать,—
«Дай ты мнѣ
70. «Съ отцомъ съ матерью проститься.»
Она ему отвѣчаетъ:
— Какъ же ты, ѣхалъ на ратное дѣло,
— За чѣмъ съ отцомъ съ матерью не простился?—
Вынимаетъ пилы невидимыя,
75. Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ:
Аника на конѣ шатается
И смертныя уста запекаются,
Аника съ коня повалился:
Тутъ по Аникѣ и слава.

(Напечатано вторично г. Н. Бунаковымъ, какъ записанное нѣкогда въ Вологдѣ однимъ изъ его знакомыхъ).

*

4.

Жилъ на землѣ храбрые человѣкъ Аника Воинъ.
Много Аника по землѣ походилъ,
И много Аника войны повоевалъ,
И много Аника городовъ раззорялъ,

[1]) Ошибка вмѣсто „не помога," „не подмогъ."

5. Много Аника церквей растворивши,
И много Аника ликъ Божіихъ поругавши,
И много Аника святыя иконы переколовши,
Много Аника христіанскія вѣры облатынилъ.
Добирается Аника до начальнова граду Ерусалиму,
10. И хочетъ Аника начальной градъ Ерусалимъ раззорити,
И соборную церкву растворити,
И хочетъ ликъ Божій поругати,
И святыя иконы хочетъ переколоти,—
И гдѣ на воздусѣ гробница пребывала,
15. Гдѣ демьянъ-ладанъ изъ кадила вонъ не выходитъ,
Гдѣ горятъ свѣчи неугасимы.
И поѣхалъ Аника домою,
Садился Аника на доброва коня,
И поѣхалъ Аника въ чистое поле погуляти,
20. Начальной градъ Ерусалимъ раззоряти.

До половины пути начальнова граду Ерусалима не доѣхалъ,
При пути при дороги
Аники же Чудо объявилось:
У Чуда ноги лошадины,
25. У Чуда тулово звѣрино,
У Чуда буйна глава человѣчья,
На буйной главѣ власы до споясу.
На то же Аника удивилса
И тому же Аника разсмѣхнулса:
30. «Скажи ты мнѣ, Чудо, проповѣдай:
«Царь ли ты, царевичь, король ли ты, королевичь,
«Али ты Русская могучая-удалая поленица?»
Аникѣ же Смерть проглаголила:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
35. — Я ни царь, ни царевичь, ни король, королевичь,
— Я и не Русская могучая-удалая поленица:
— Я гордая Смерть сотворенна,
— Отъ Господа Бога попущенна
— По твою, по Аникину, душу.

40. — Хочу тебя, Аника, искусити [1]),
— На мать на сырую землю поразити.—
Аника на то же удивился,
Аника тому же разсмѣхнулся:
«Я прежде про Смерть слыхомъ не слыхалъ
45. «И видомъ не видалъ,
«А теперя я предъ собою ее вижу.
«Сказали мнѣ про Смерть,—
«Страшна, грозна и непомѣрна:
«Я этою Смерти не боюся,
50. «На главу палицу боёвую воздыму
«И тебя, Смерть, я ушибу,
«И на мать на сырую землю поражу.»
И Аникѣ же Смерть проглаголела:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
55. — Жилъ на землѣ сильной-могучой Святигоръ [2]) богатырь,
— Жилъ на землѣ сильной-могучой Молоферъ [2]) богатырь,
— Жилъ на землѣ сильной-могучой и Самсонъ богатырь:
— И тѣ мнѣ, Смерти, покорилися,
— И тѣ мнѣ, Смерти, поклонилися;
60. — А ты же, храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
— И не хошь ты мнѣ, Смерти, покоритися,
— И не хошь ты мнѣ, Смерти, поклонитися?—
Аника на то же не взираетъ,
И палицу боёвую на главу воздымаетъ,
65. И хочетъ Смерть ушибити,
На мать на сырую землю поразити.
И Смерть вынимала пилы неувидимы,
И подпилила у Аники въ руцахъ и въ нозѣхъ становныя [3]) жилы.
У Аники въ стременахъ рѣзвыя нозѣ подогнулись,
70. У Аники бѣлыя руцы опустились,

[1]) Ср. выше.—[2]) Ср. выше: „Святъ-Егоръ;“ „Олофернъ (по книжному),“ а въ Былинахъ отголосокъ „Малфреда“ или Манфреда (ср. Лѣтописи).—[3]) Становыя.

У Аники бѣло̀ лицо помрачилось,
У Аники очи ясныя помутились,
Аники буйна глава долой съ плечь покатилась,
И, яко пьяныя, Аника на конѣ зашаталса,
75. Упалъ же храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
На мать на сырую землю.

Плачетъ-рыдаетъ храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
Онъ Смерть матерью родною называетъ:
«Ты гордая мать сотворе́нна,
80. «Отъ Господа Бога попуще́нна!
«Дай ты мнѣ вѣку на двадцать лѣтъ,
«И домо̀ю дай уѣхать:
«Я поѣду въ дом-о-тъ свой, побываю.
«И много въ дому у меня житья̀-бытья,
85. «Много злата и се́ребра,
«Я расточу свою казну
«По церквамъ, по монастырямъ,
«И по нищеѣ братіѣ:
«Хочу своей душѣ пользы получити
90. «На второмъ суду̀—на пришествіи.»
Аникѣ же Смерть проглаго̀лела:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
— Твоя казна пороховая [1]):
95. — И святъ духъ [2]) дохнётъ,—
— Твоя казна прахомъ пройдетъ, прова̀литса,
— Не будетъ твоей душѣ пользы
— И на второмъ суду—на пришествіи.—
Плачетъ-рыдаетъ храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
100. Онъ Смерть матерью родною называетъ:
«Ты гордая мать сотворе́нна,
«Отъ Господа Бога попуще́нна!
«Дай ты мнѣ вѣку на десять лѣтъ,

---

[1]) Праховая, какъ прахъ.—[2]) Здѣсь просто—вѣтеръ.

«Домо́ю [1]) дай уѣхать,
105. «Я поѣду въ дом-о-тъ свой, побываю.
«У меня въ дому много житья-бытья,
«Много злата и се́ребра:
«Я съ тобою бы казной подѣлилса,
«Что теѣ надобно, то съ меня возми.»
110. Аникѣ же Смерть проглаго́лела:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
— Мрутъ на землѣ цари и царевичи,
— Мрутъ на землѣ короли и королевичи,
— Мрутъ на землѣ сильны и богаты,
115. — И всѣ православные христіани;
— И тѣ бы мнѣ казной подѣлялись:
— Кобы мнѣ со всякова человѣка казны брати,
— Была бы у меня гора золотая накладена
— Отъ востоку сонцу и до западу.—
120. Плачетъ-рыдаетъ храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
Онъ Смерть матерью родною называетъ:
«Ты гордая мать сотворе́нна,
«Отъ Господа Бога попуще́нна!
«Дай ты мнѣ вѣку на три года,
125. «Домою дай уѣхать,
«Я поѣду въ сво-ё-тъ домъ, побываю.
«У меня въ дому житья-бытья много,
«Много злата и се́ребра:
«Я состроилъ бы тебѣ соборную церкву,
130. «Я спишу твой ликъ на икону,
«И поставлю твой ликъ въ Божію церкву ца престолѣ,
«И станутъ къ тебѣ съѣжатса цари и царевичи,
«Короли и королевичи,
«Сильные и богатые,
135. «И всѣ православные христіани,
«Станутъ на теѣ Богу молитса,
«И станутъ и теѣ мѣсны молебны [2]) служити,

---

[1]) Домой (домо-ё-тъ, домо-ё: ю изъ ё).—[2]) *Мѣстныя* иконы, поднимаемыя при молебнахъ: а самые молебны обыкновенно *честные*.

«Частой канунъ говорити [1]),
«И станутъ тей украшати
140. «Каменьями драгоцѣнными.»
Аникѣ Смерть же проглаголела:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
— Не можно мнѣ строитъ соборную церковь,
— Не можно мой ликъ писать на иконахъ,
145. — Не можно мнѣ стоять во Божьей церкви на престолѣ
— И не можно на меня Богу молитца,
— Не можно мнѣ мѣсны молебны служити,
— Частой канунъ говорити,
— И не можно меня украшати
150. — Каменьями драгоцѣнными.—
Плачетъ-рыдаетъ храбрые человѣкъ Аника Воинъ,
Онъ Смерть матерью родною называетъ:
«Ты гордая мать сотворенна,
«Отъ Господа Бога попущенна!
155. «Дай ты мнѣ вѣку на единый часъ, на единую минуту,
«Я поѣду въ дом-о-тъ свой, побываю.
«У меня въ дому есь отецъ и мать,
«Есь и малыя дѣти,
«Есть молодая жена,
160. «Есь и сродники, и пріятели:
«Я съ отцомъ бы со матерью простилса,
«И попросилъ бы великое благословленье,
«И благословилъ бы я своихъ малыхъ дѣтокъ,
«И простилса бы съ своей молодой женой,
165. «И съ сродниками, и съ пріятелями.»
Аникѣ Смерть же проглаголела:
— Ты храбрые человѣкъ, Аника Воинъ!
— Нѣтъ у меня, у Смерти, не отца и не матери,
— Нѣтъ и малыихъ дѣтокъ,
170. — Нѣту и молодой жены,
— Нѣтъ ни сродниковъ, ни пріятелёвъ.

---

[1]) Ср. выше; *частой—честной.*

— Меня Господь возлюбилъ
— И по землѣ попустилъ:
— Я всякова раба вознимáю,
175. — Я всякова раба воскушáю;
— Я гдѣ раба застигаю,
— Я тутъ раба воскушáю:
— Хоть во чистыимъ полѣ,
— Хоть на синіимъ морѣ,
180. — Хоть въ тёмныимъ лѣсѣ,
— Хоть при пути при дороги:
— Я тутъ раба и воскушáю;
— Гдѣ тужутъ-плачутъ,
— Тутъ мнѣ, Смерти, и празникъ.—

185. Сослалъ Господь по Аникину душу
Двухъ ангеловъ, двухъ архангеловъ,
И вынули Аникину душу
Сквозь рёберъ-костей,
И не чéсно не хвáльно, и не рáдушно [1]),
190. Посадили Аникину душу на копіё,
И вознесли Аникину душу вельмы́ высокò,
И возры́нули [2]) Аникину душу во тьму глыбокò,
Въ муку вѣчную, во плящай [3]) огонь [4]).

Славенъ Господи Богъ [5]), прославилса,
195. И велика Его милость Господня [6]).

(Изъ доставленнаго во II-е отд. Ак. Н.; ср. Сборникъ г. Варенцова, стр. 120—127: къ сожалѣнію не означено, гдѣ записано).

*

---

[1]) Не радышно, не радостно.—[2]) Сринули, низринули.
[3]) Палящій.
[4]) Заключеніе изъ Стиха объ Лазарѣ (богатомъ).
[5]) Господь и Богъ?
[6]) Такое заключеніе обыкновенно бываетъ въ Стихахъ.

5 *).

Сильный и славный,
Храбрый Аника Воинъ,
Ѣздя по чисту полю,
И пріиде къ нему Смерть,
5. И рече ему: «О человѣче!
«Азъ къ тебѣ пришла,
«Погубити тебя.»
И рече Аника Воинъ:
— Что̀ ты за баба,
10. — Что̀ за піяница?
— Азъ я [1]) тебя не боюсь,
— И кривыя твоея косы
— И оружія твоего
— Не страшусь:
15. — Азъ есть Воинъ,
— Ѣзжу по чисту полю,
— Много побилъ [2]) царей и королей,
— И сильныхъ богатырей.—
«Да азъ къ тебѣ пришла,
20. «Погубити тебя.»

Потомъ Аника Воинъ
Въ силѣ своей изнеможе,
И рече ей:
— О Смерте, мати моя!
25. — Дай мнѣ сроку на годъ.—
И рече Смерть:
«Нѣтъ тебѣ не на полгода.»
И рече Аника:
— Дай мнѣ на три мѣсеца.—

---

*) Съ лубочной картинки, изъ собранія Д. А. Ровинскаго.—Это собственно Бабья Старина, со свойственнымъ ей складомъ и распѣвомъ.—Исправляемъ правописаніе, но языкъ оставляемъ безъ всякой перемѣны.

[1]) То есть прежде было „азъ," а потомъ для поясненія поставлено „а," на картинку же попало то и другое.

[2]) Разнорѣчіе съ другой картинки: „побивалъ."

30. И рече Смерть:
«Нѣтъ тебѣ не на три недѣли.»
И рече Аника:
— Мати моя, Смерть!
— Дай мнѣ на три недѣли.—
35. И рече Смерть:
«Не даю тебѣ
«Ни на три дни.»
И рече Аника:
— Дай мнѣ на три дни.—
40. «Не даю тебѣ
«Ни на три часа.»
И рече Аника:
— Мати Смерть!
— Много у меня есть
45. — Злата и сребра,
— И каменія драгаго:
— Дай мнѣ раздати имѣніе.—
И рече Смерть:
«Жилъ ты на вольномъ свѣти,—
50. «Для чего ты
«Не раздавалъ имѣніе?
«Нѣтъ тебѣ сроку ни на часъ [1]).»
И рече Аника:
— Дай мнѣ на три часа,
55. — Попоститися Богу [2]).—

---

[1]) Складъ конечно таковъ:
Жилъ ты, Аника,
На вольномъ свѣту̀,—
Для чего ты, Аника,
Не роздалъ имѣнія?
Нѣтъ тебѣ, Аника,
Сроку ни на часъ.
Чтобы умѣстить конецъ на картинкѣ, нужно было сократить.

[2]) Разнорѣчіе: „покаятися.“—Вѣроятно:
Попоститися,
Богу помолитися.

«Нѣтъ тебѣ ни на полчаса.»
И подкоси его Смерть
Кривою косою,
И падъ Аника съ коня,
60. И умре.

Конецъ пѣсень 4-го выпуска по 1-му изданію.

—

ВЪ ВИДАХЪ, ПОЯСНЕННЫХЪ ПРИ 2-МЪ ИЗДАНІИ ВЫПУСКА 2-ГО И 3-ГО, И ЗДѢСЬ ТАКЖЕ ТЕКСТЪ ПѢСНЕЙ НАПЕЧАТАНЪ ВЪ ТѢХЪ ЖЕ СТРАНИЦАХЪ И ПО ВОЗМОЖНОСТИ СТРОКАХЪ, КАКЪ ПРИ ИЗДАНІИ 1-МЪ. ИЗМѢНЕНЫ ПО МѢСТАМЪ ТОЛЬКО ДѢЛЕНІЯ СТИХОВЪ, ПЕРЕНОСЫ И Т. П., ДА ПРИБАВЛЕНЫ ИЛИ СОКРАЩЕНЫ ПРИМѢЧАНІЯ ПОДЪ ТЕКСТОМЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ТЕКСТУ, НОВЫЯ ДОПОЛНЕНІЯ, РАЗНОРѢЧІЯ (ВАРІАНТЫ) И НѢКОТОРЫЯ ПОЯСНЕНІЯ ИЛИ ВЫВОДЫ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ВПРОЧЕМЪ СОКРАЩЕННЫЕ ПРОТИВЪ 1-ГО ИЗДАНІЯ, ДРУГІЕ ЖЕ ВНОВЬ СДѢЛАННЫЕ, СЛѢДУЮТЪ ЗА СИМЪ, ВЪ ИЗДАНІИ 2-МЪ, СЪ НОВЫМЪ СЧЕТОМЪ СТРАНИЦЪ ИЛИ СЪ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ СЧЕТА,— ЕСЛИ СРАВНИТЬ ИЗДАНІЕ 1-Е.

ополненія къ „Аникѣ," ради ближайшаго сосѣдства, слѣдуютъ тотчасъ же за симъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

(Продолженіе Пѣсней и Стиховъ объ Аникѣ).

6.

Оника Воинъ *).

(Святозерской волости, дер. Прятокъ).

Во тыя было времена досюльныя [1]),
Жилъ Воинъ Оника.
Не зналъ онъ себѣ супротивника:
Что̀ хотѣлось ему, то и дѣялось.

5. Вотъ разъ и обсѣдлалъ онъ
Своего богатырскаго коня,
Выѣхалъ въ чистое поле [2]).
А въ стрѣту ему
Ѣдетъ Чудо великое;
10. Оника Воинъ ужахнулся:
Голова у Чуда человѣческая,
А туловище у Чуда звѣриное,
А копыта лошадиныя.
Сталъ Оника у Чуда доспрашивать:

---

*) Былина эта, близкая къ Стиху (carmen), разложилась въ „Бабью Старину“ и почти прозу: мы раздѣляемъ стихи *(versus)* сами.

[1]) Доселѣ бывшія, прошлыя, давнія, древнія.—[2]) Конечно было прежде: „Своего коня богатырскаго, Выѣхалъ въ поле во чистое.“

15. «Кто ты такой, Чудо, есть?
«Царь ли ты есть, али царевичь,
«Король ли, королевичь,
«Али поленица удалая [1])?»
— Я не царь и не царевичь,
20. — Не король и не королевичь,
— И не поленица удалая:
— Я есть Смерть прекрасная,
— Безродная, безплемянная и безпосульная [2]);
— Пришла я тебя воскушати [3]).—

25. Замахнулся Оника палицей булатною,
Хочетъ Оника ударить Смерть
По буйной головы:
Свалилась у Оники
Палица черезъ плечо.
30. Возмолится онъ со слезами:
«Дай мнѣ, Смерть прекрасная,
«Сроку на три года!»
Говоритъ ему Смерть прекрасная:
— Не дамъ я тебѣ сроку на три года.—
35. «Дай ты мнѣ сроку на два года!»
— Не дамъ тебѣ сроку и на два года.—
«Дай ты мнѣ сроку на три мѣсяца!»
— Не дамъ тебѣ сроку и на три мѣсяца.—
«Дай ты мнѣ сроку
40. «Хотя золоту казну растаскати [4])!»
— Было тебѣ, Оника, пора-времячко
— Золоту казну растаскати.—
«Дай ты мнѣ хотя сроку
«Чистыя платья надѣти [5])!»

---

[1]) „Нечистая волшебная сила," какъ объясняла сама сказательница (ср. наши „Замѣтки").

[2]) Что не принимаетъ „посуловъ," которой нельзя посулить взятокъ и нельзя подкупить.

[3]) Ср. предыдущіе образцы.

[4]) Размыкать, раздѣвать по разнымъ мѣстамъ и назначеніямъ, раздать.

[5]) Какъ обыкновенно дѣлаютъ передъ смертію, чтобы лечь въ гробъ чистымъ.

45. — Было тебѣ, Оника, пора-времячко
— Чистыя платья надѣвати.—

Упалъ Оника съ добра коня Бахмата [1]),
Тутъ ему было и конченіе.

(Записано отъ крестьянки Дмитріевой; ср. I-й томъ собр. П. Н. Рибникова, № 81.)

*

7.

(Вытегорскаго погоста, Спасоматкозерскаго прихода).

Жилъ-былъ Оника Воинъ,
Жилъ-былъ не долго,—
Жилъ триста тридцать единое лѣто.
И сколько онъ землей проѣждялъ,
5. И много онъ землей разорялъ,
Божьи домы на дымъ спущалъ,
Божество-иконы на ладанъ [2]).

И говоритъ онъ Господу Богу,
И говоритъ онъ рѣць похвальню,
10. Похвальню рѣць, Господу противну:
«Кабы далъ да мнѣ-ка Господи
«Съ небеси во столбѣ колецюшко булатно,
«Повернулъ бы я всю землю на синё небо,
«А сине небо на сыру землю [3]):
15. «На міру бы смерти не было
«И народъ бы былъ весь живъ.»
Да не полюбились эты рѣци Господу Богу,
Посылалъ онъ двѣ сумоцьки переметны:
Одну сумоцьку онъ клалъ противъ неба,

---

[1]) См. наши „Замѣтки."

[2]) На курево отъ ладана, то же, что „на дымъ,"—*сожигалъ* Божественныя иконы.

[3]) Ср. рѣчи Святогора и Ильи Муромца.

20. А другу сумоцьку клалъ противъ земли.
И послалъ онъ своихъ скорыихъ Апостоловъ,
И куды итти Оникѣ ѣхати [1]).

И вотъ поѣхалъ Оника Воинъ,
Поѣхалъ цистымъ полемъ
25. Да широкіимъ раздольемъ.
И на той пути да на дороженькѣ
Лежатъ-то двѣ сумоцьки переметныи
И стоятъ тутъ люди добрыи.
«Оберите-тко [2]) вы, люди добрыи,
30. «Оберите-тко свои сумоцьки переметныи:
«Если я задѣну ножкой лѣвою,
«То негдѣ сумоцекъ будетъ искати;
«И если я задѣну ножкой правою,
«То негди будетъ сумоцекъ искати.»
35. — Ахъ ты, Оника пустохвастишко,
— Ахъ ты, Оника пустохвалишко!
— Ты ѣздишь, Оника,—похваляешься,
— А тебя съ дѣло не выхватыватъ [3]).—
Разсердился Оника Воинъ,
40. Задѣлъ онъ за сумоцьку ножкой лѣвою,—
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть [4]):
Задѣлъ Оника ноженькой правою,—
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть.
Соскоцилъ Оника со добра коня
45. И принимался во всю силу богатырскую:
И по колѣнъ ушелъ во матушку сыру землю,
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
Разсердился Оника по сердиному,
И разозлился Оника по звѣриному,
50. И принимался всею силой богатырскою:
И по поясъ ушелъ во матушку во сыру землю,

---

[1]) Въ разнорѣчіи „Еросолимъ градъ позорити.“
[2]) Приберите прочь.
[3]) Не хватаетъ тебя (твоей силы) на дѣло, на выполненіе похвальбы.
[4]) Приподнять.

И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
И принимался Оника не на шутоцьку:
И по грудей ушелъ онъ во матушку во сыру землю,
55. И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть,
И надорвалъ онъ свое ретливое сердецюшко [1]).
И со стыдомъ садился на добра коня,
На добра коня на Обахмата.

И поѣхалъ Оника Воинъ цистымъ полемъ,
60. Широкіимъ раздольемъ.
А на той пути на дороженьки
Лежитъ тутъ Цюдо цюдноё,
Лежитъ тутъ Диво дивноё:
Руки-ноги лошадиныи,
65. А голова лежитъ звѣриная.
И туша [2]) человѣцеска.
«Что̀ же ты лежишь, Цюдо цюдное?
«Али ты Цюдилиця есть прецюдная,
«Али ты полякъ есть, поленской сынъ [3]),
70. «Али ты полениця удалая?»
— А не Цюдо есть я цюдное,
— Не Цюдилиця есть прецюдная,
— Не полякъ, не поленской сынъ,
— Не полениця я есть удалая:
75. —Оника Воинъ, я есть Смерть скорая,
— Скорая есть Смерть, скоропостижная.—
«Ай же ты, душегубка!
«У меня есть сабля вострая:
«Отмахну же буйну голову!»
80. — А не хвастай, Оника Воинъ:

---

[1]) Эта первая половина разсказа ставитъ Анику совершенно въ то же миѳологическое и эпическое положеніе. какъ Святогора, Илью Муромца (до увѣренія его силы калѣками) и Вольгу передъ Микулой; къ Аникѣ же *спеціально* идетъ слѣдующая за симъ 2-я половина разсказа.

[2]) Туловище.

[3]) То же, что „поляница,“ только въ формѣ мужескаго рода.

— У меня есте́ [1]) шилья вострыя,
— И подпилю я у тя жилоцьки.—
Замахнулся Оника вострой саблею:
Во плеци̇̂ рука застоялася,
85. Ни куды рука не сгибалася.
Востра сабля съ руки выпала
И цють добра коня не изрѣзала.
«Ай же ты, Смертка скорая!
«Дай мнѝ строку [2]) хоть на три́-годы
90. «Свой животъ по церквамъ рознесть
«И золоту казну по нищей братіи,
«Мнѝ своя душенька набъ покаяти [3]).»
— Не дамъ я тебѝ строку и на три́-часы:
— Твой животъ есть неправедной,
95. — Золота казна не заработана
— И твоей души не будетъ по́моци.—
«И дай ты строку на три́-часы
«Мнѝ-ка свой животъ по церквамъ рознесть,
«Золота казна по нищей братіи,
100. «И свою душу набъ покаяти.»
— Не дамъ я ти строку ни три минуты:
— Твой животъ есть неправедной,
— Золота казна не заработана
— И твоей души не будетъ помоци.—

105. Зашатался Оника Воинъ на добрѝ конѝ,
И упалъ онъ на сыру землю:
И быдто вѣкъ души не было [4]).

(Доставлено Н. В. Обручевымъ и вошло во 2-й томъ собр. П. Н. Рибникова подъ № 48).

* * *

---

[1]) Есть тѣ?

[2]) Сроку, по народному выговору.

[3]) Надобъ покаяти. О „тематическомъ" падежѣ (похожемъ на Именительный) въ сложеніи съ отглагольнымъ существительнымъ (то же, что Неокончательнымъ глагола), безъ всякого управленія, а какъ сочетаются сложныя слова (напр. въ Нѣмецкомъ), —см. примѣчанія при выпускахъ предыдущихъ по 2-му изданію.

[4]) Какъ не бывало его, какъ будто давнымъ давно умеръ.

*
* *

Сказаніе объ *Аникѣ Воинѣ* носитъ на себѣ многія черты заимствованія и перехода къ намъ путемъ книжнымъ, черезъ рукописи. И на собственномъ мѣстѣ своемъ, вѣроятно въ Византіи, Греціи, а потомъ въ Болгаріи, оно исходило конечно изъ легендъ моральнаго содержанія, изображавшихъ борьбу самонадѣянной силы съ разрушеніемъ, жизни со смертію; потомъ привилось къ извѣстному опредѣленному лицу, получившему имя и болѣе-менѣе историческую обстановку; а наконецъ при случаѣ снова возвращалось къ изображенію прѣній между образами отвлеченными. На сколько можемъ прослѣдить здѣсь личность и историческую окраску, не можемъ не замѣтить, что имя *Аника*— Греческое и значитъ „непобѣдимый;“ онъ „много христіанскія вѣры *облатынилъ*,“ какъ истый врагъ Грекамъ; онъ „много *ликъ Божіихъ поругавши*, много святыя *иконы переколовши*,“ „*Божество-иконы* (спустилъ) на ладонъ (пожегъ)—,“ онъ иконоборецъ, черта изъ внутренней жизненной борьбы Византіи; разоривши много церьквей и монастырей, онъ „добирается до начальнаго града *Ерусалима*,“ главной святыни Христіанъ. Въ рукописяхъ, повѣствующихъ объ Аникѣ, выводятся извѣстные герои Ново-Греческихъ (и за тѣмъ Болгарскихъ) сказаній, напр. въ одной, о которой скажемъ еще ниже, Смерть говоритъ Аникѣ: „Отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ, никтоже противо мене стояти не могъ... *Царь Александръ Македонскіи* храбръ и мудръ и самъ былъ силный, и онъ говорилъ тако: „„аще было (бы) колцо въ землю вдѣлано..., азъ бы и всѣмъ свѣтомъ поворотилъ;““ да и тутъ не смѣлъ со мною дратися; да еще каковъ былъ *Акиръ премудрыи*, и тотъ спиратися не смѣлъ;“ то есть, приведены здѣсь такіе примѣры и изъ тѣхъ сказаній, которые по рукописямъ шли къ намъ черезъ Грецію и Славянскій Югъ. Въ нашей Былинѣ, Смерть приводитъ въ подобный примѣръ и *Олоферна*, героя ветхозавѣтной священной исторіи. Однимъ словомъ, вѣроятно это сказаніе сложилось первоначально съ примѣненіемъ основной моральной леген-

ды къ буйству иконоборцевъ и ожидающей ихъ казни, равно къ самонадѣянности Латинянъ, совращавшихъ народъ въ глазахъ Византіи и пробиравшихся черезъ Грецію на завоеваніе Ерусалима. У насъ же сказаніе это имѣло, какъ слѣдуетъ, свою исторію по рукописямъ: на примѣръ, въ сборникѣ Царскаго XVII в., № 410, л. 272—278, подъ заглавіемъ — „Прѣніе смерти съ животомъ;“ начало: „Бѣ нѣкій человѣкъ, воинъ удалый, ѣздилъ по полю чистому и по раздолью широкому, избивалъ полки многія;“ въ Погодинскомъ древлехранилищѣ, сборникъ XVII—XVIII в., № 1773, л. 80—84, подъ заглавіемъ:— „Повѣсть о бодрости человѣческой;“ начало: „Человѣкъ нѣкіи ѣздяше по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собою имѣя крѣпостію обложенъ, звѣровиденъ:“ и нѣкот. друг. И такъ же точно, какъ на мѣстѣ своего происхожденія, сказаніе это и у насъ, по разнымъ рукописямъ, весьма скоро пропиталось характеромъ всѣхъ остальныхъ духовныхъ произведеній, легко переходя въ Стихъ и вставляя отличительные его признаки, обороты, выраженія (ср. выше текстъ), такъ что мало по малу выскользнуло даже самое лице Аники и остались въ олицетворенномъ спорѣ одни отвлеченныя понятія Смерти и Жизни, откуда прямо выродились уже Стихи нравственнаго содержанія, Душеполезные и Умиленные (имѣющіеся во множествѣ у насъ, въ нашемъ собраніи). Но, хотя не безъ связи съ симъ, однако довольно независимо, представленіе, лежащее въ основѣ означенныхъ образовъ, получило себѣ дальнѣйшее и *самобытное развитіе* въ *народномъ Русскомъ творчествѣ.* Появилась *Былина,* не сказаніе, не Стихъ; она связалась своимъ содержаніемъ и пріемами творчества съ былинами прочими, съ разными народными преданіями и сказками. Такъ, на примѣръ, въ предлежащемъ видѣ своемъ былина объ Аникѣ Воинѣ есть почти слово въ слово извѣстная, только перелицованная, былина о смерти *Святогора*, которую мы знаемъ по нѣсколькимъ образцамъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что вмѣсто Смерти встрѣчается Старшему богатырю, полному избытка силъ, маленькая Сумка, на которую онъ бросается, какъ на Чудо и Диво, но которая губитъ его; и въ этомъ мы видѣли, указывая

не разъ читателямъ, образъ Земли Русской, упразднившей и сгубившей стихійную силу представителей предшествовавшаго періода, язычества, кочевья, племеннаго Славянства, изъ эпохъ на Дунаѣ, при Черномъ морѣ, и дальше, и старше. Въ № 7-мъ, у насъ отпечатанномъ, дѣлятся видимо даже двѣ половины: первая, съ *сумкою*, принадлежитъ Святогору и нашимъ мѣстнымъ былинамъ, вторая, съ *чудомъ-дивомъ*, усвоена *спеціально* Аникѣ, въ томъ образѣ, какъ онъ вынесенъ къ намъ съ чужи. Однимъ словомъ, Анику *своими* нашимъ былинамъ и здѣсь уподобили судьбѣ *Святогора*, за одно съ прочими Старшими богатырями. И, какъ по рукописямъ Смерть, въ лицо Аникѣ, перечисляетъ старшихъ, погибшихъ *предъ нимъ*, героевъ (при томъ такихъ, которые изъ древнихъ хартій и легендъ перешли одинаково и къ намъ, напр. *Александра*, *Акира*—у насъ „Акульевичь,—" *Самсона* и т. п.), влагая въ уста имъ рѣчи, отзывающіяся не рѣдко и въ нашихъ былинахъ: такъ и въ Русской устной былинѣ, ту же самую судьбу, постигшую Старшихъ богатырей, разсказываетъ Аникѣ Смерть, — о Святогорѣ, (при чемъ, мы замѣтили выше при текстѣ, къ Святогору близокъ *Святъ-Егоръ*, герой Стиховъ, Черноморскій и Славянскій), о Самсонѣ Колывановичѣ, Полканѣ-богатырѣ и прямомъ врагѣ слагавшейся Новой Руси—Соловьѣ (разбойникѣ). Въ этихъ чертахъ былина—произведеніе уже *чисто-народное*, *Русское*, притомъ съ памятью о дальнемъ прошломъ и въ связи съ самыми старшими былинами. Но, въ числѣ жертвъ своихъ, Смерть не именуетъ однакоже богатырей Владиміровыхъ, а только Старшихъ: вотъ минута времени, когда эта былина въ основѣ своей зародилась у Русскихъ. Послѣ того, мы знаемъ, подобная же участь умиранія постигла со временемъ и богатырей Кіевскихъ; не доходя до этой ступени, былина, словами Смерти, ставитъ Анику тотчасъ послѣ Старшихъ богатырей, *равняя* его, какъ современника, богатырямъ Кіевскимъ. Дѣйствительно, онъ совершенно и *ровенъ* имъ, какъ *сверстникъ* и *ровесникъ*, только не со всѣхъ сторонъ, а спеціально и исключительно съ одной—*со стороны физической, внѣшней и буйной силы*, обреченной, съ наступленіемъ извѣстнаго времени, на вымираніе и погибель.

Такимъ образомъ, сходясь съ Русскими Кіевскими богатырями, но сходясь *односторонне* и *исключительно* лишь въ извѣстныхъ, тѣхъ, а не другихъ, чертахъ, Аника пріобрѣлъ себѣ между сверстниками въ нашемъ творчествѣ и своего рода спеціальность, и оригинальность, и отличіе: сюда прибавились и тѣ отличія, кои вынесъ онъ на себѣ съ подлиннаго мѣста своего происхожденія, откуда первоначально ступилъ къ намъ. Соберемъ же вмѣстѣ эти черты Аники, и родственныя намъ, и спеціальныя, занесенныя съ чужи. Во первыхъ, Аника представляется образцомъ до крайности грубой, невѣжественной, самонадѣянной и наглой силы, до какой только могло дойти древнее богатырство и отъ которой даже самому Святогору, нѣсколько старшему и болѣе суровому, было „грузно какъ отъ тяжелаго беремени,“ а тѣмъ паче грузно было сложившейся Землѣ; припомнимъ о разсказѣ, вставленномъ въ повѣсть объ Аникѣ и приведенномъ выше изъ рукописи, о кольцѣ, которое еслибы повернуть въ землю, то поворотить бы весь свѣтъ: это та же титаническая сила и тѣми же словами обозначенная, какъ мы знаемъ изъ исторіи Ильи Муромца. Съ этою силою, въ этой грубости и самонадѣянности, прожилъ Аника нѣсколько сотъ лѣтъ, попирая святыню, собирая награбленное имѣніе; полевать въ поле выѣхалъ онъ съ „злобнымъ намѣреньемъ,“ добираясь до самой высшей святыни; а встрѣтивши Смерть, онъ не призналъ ея силы (привыкши не бояться ея) и еще болѣе испортилъ свое дѣло хвастовствомъ и наглостью передъ нею. Тогда сила духовная, нравственная, таинственная и высшая, явилась мстить за себя, какъ кара, уничтожающая зло, какъ Смерть. Кое-гдѣ образъ ея еще носитъ слѣды дальней древности, — это Сумка-Земля, карающая Святогора, а при Аникѣ спеціально—Чудо и Диво, съ оттѣнкомъ образа живаго, отчасти еще миѳологическаго: но этотъ образъ все больше и больше становится отвлеченнымъ, какъ отвлеченно понятіе смерти, и Былина постепенно превращается въ Стихъ. Мы замѣтили, что многія мѣста здѣсь прямо вставлены изъ Стиховъ: на примѣръ описаніе Ерусалима, — какъ въ Книгѣ Голубиной, или образъ ангеловъ, вынимающихъ душу Аники,—какъ въ Лаза-

рѣ богатомъ; а сдѣланное изъ „Аники Воина“ (и, можетъ статься, его самого породившее), „Прѣніе Смерти съ Животомъ“ есть уже *чистый* Стихъ. Еще болѣе видны свойства Стиха *въ мысли* разсказа, въ *точкѣ зрѣнія* на предметъ, въ *нравственномъ* его значеніи. Тогда какъ удальство прежде служило богатырскою славой, здѣсь оно навлекаетъ казнь; прежде не проститься богатырю съ отцемъ-матерью и уѣхать такъ, чтобы никто не видалъ, было почти обязанностію богатыря, а теперь это ставится Аникѣ въ вину; прежде у богатырей просили помилованія и жизни, теперь сами они униженно просятъ и не получаютъ пощады, и т. д., и т. д. Съ этой стороны Аника, какъ извѣстное творческое произведеніе, *моральнѣе*, *отвлеченнѣе* и потому *моложе* большей части нашихъ лучшихъ былинъ, нашего лучшаго, *словеснаго* и *устнаго* творчества: а если *старше* ихъ почему либо, то именно лишь въ *смыслѣ книжномъ*, по отношенію *къ рукописямъ* и къ исконному своему *происхожденію*, къ Византіи, Греціи и Болгаріи, откуда и пошли наши Стихи въ первоначальномъ своемъ типѣ. Сообразно тому, Аника Воинъ, какъ творческое произведеніе, называется у народа то Былиною, то Побывальщиной и Стариной—смотря по складу, то Стихомъ. Но въ какомъ бы то ни было видѣ, оно пустило глубокіе корни въ народѣ нашемъ и стало извѣстно почти всюду. Лицу Аники соотвѣтствуетъ въ Сказкахъ *Никаноръ* („побѣдитель мужей,“ Греческое), отождествляемый съ Чудищемъ, Вихремъ Вихревичемъ, сѣдымъ Кощеемъ, Дѣдомъ (ср. сказки Аѳанасьева). На старшихъ лубочныхъ картинахъ (безъ года), откуда мы въ семъ выпускѣ напечатали текстъ, имѣющій складъ Бабьей Старины (подъ № 5-мъ), Аника изображается, — которыя картинки постарше — въ восточной красной шапочкѣ съ опушкой (какъ пишутся Сарацины, Сиряне, Халдеи и т. п.), съ мечемъ, а которыя помоложе, - въ шлемѣ и съ саблею, въ обоихъ случаяхъ съ уланскимъ копьемъ и значкомъ, на конѣ; Смерть—голый оставъ, за плечами крошня съ разными пилами, на картинкахъ помоложе — сверхъ того въ рукахъ чаша. При такомъ обще-народномъ характерѣ Аники, еслибы и встрѣтилось гдѣ его имя въ дѣйствительной жиз-

ни, въ извѣстной мѣстности, въ Русской исторіи, то никакъ нельзя думать, чтобы образъ возникъ *отсюда*, а на оборотъ къ дѣйствительной жизни *перенесено изъ эпической старины* имя удальца Аники. Такъ, М. П. Погодинъ изъ своего путешествія по внутреннимъ областямъ Россіи передавалъ слѣдующій разсказъ (Москвит., 1843 года, № 11, стр. 245, 246): „За Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ верстахъ въ десяти отъ Вологды начинается *Аникинъ лѣсъ*. *Аника* былъ ужасный разбойникъ и жилъ въ этомъ лѣсу, нѣкогда дремучемъ и непроходимомъ (кромѣ одной дороги въ Бѣлозерскъ), называемомъ теперь *Оникіевскимъ*. Въ лѣсу есть пустыня *Заоникіевская*. Тамъ, въ глуши, на полянкѣ, стояла избушка безъ оконъ (какъ у Бабы-Яги или Кощея), гдѣ жилъ Аника и откуда ходилъ на большую дорогу грабить прохожихъ и проѣзжихъ, а иногда и въ сосѣднія деревни. Долго жилъ онъ и нажилъ себѣ всякого богатства, серебра и золота, и каменья самоцвѣтнаго. Однажды вышелъ онъ по обыкновенію на дорогу, — на встрѣчу ему старикъ съ котомкою за плечами. „Здорово, дѣдушка, откуда ты и куда идешь?“ — Изъ Кіева, ходилъ поклониться Святымъ Угодникамъ Печерскимъ, а теперь иду къ Соловецкимъ. — „Не тяжело ли тебѣ, старинушка, носить свою суму? У тебя, чаю, есть много лишняго, дай-ка я посмотрю, чего ты набралъ.“ Разбойникъ снялъ котомку и увидѣлъ въ ней узелки *съ землею* (замѣтьте отношеніе къ Святогору, Вольгѣ, Микулѣ и т. д.), пескомъ, частицами антидора и Святыхъ мощей. Съ досады началъ онъ разбрасывать узелки и разсыпать *землю* (замѣтьте опять, особенно въ сличеніи съ нашимъ № 7-мъ), сколько старикъ ни просилъ его со слезами о сохраненіи его сокровищъ. — Такъ берегись же ты, Аника, Богъ накажетъ тебя за обиду нищему старцу. Скоро наступитъ часъ твой. — Аника выхватилъ ножъ и хотѣлъ было зарѣзать старика, но тотъ сталъ невидимымъ. Аника испугался и бросился въ лѣсъ къ себѣ домой, но избы его уже не было, одна лошадь паслася на полянѣ. Аника сѣлъ на нее и поѣхалъ изъ лѣса, какъ вдругъ встрѣтилось съ нимъ, — слѣдуетъ разсказъ, повторяющій то же самое въ формѣ извѣстной намъ Былины или Стиха. Какъ ни много вставлено

здѣсь чертъ позднѣйшихъ, съ христіанской точки зрѣнія, но нельзя не узнать древней былины и совершенно того же содержанія, даже выраженій, какъ въ былинѣ о гибели Святогора при встрѣчѣ съ Сумочкой, съ Землею, или о слабости Вольги при Микулиной сошкѣ, съ которой не могъ онъ „*землю повытряхнуть.*“ „Показываютъ — прибавляетъ М. П. Погодинъ—гдѣ-то и могилу Аникину, высокій курганъ, на который всякій прохожій обязанъ бросить прутъ (символъ казни, особенно для оборотней и оживающихъ мертвецовъ): „Аничка, Аничка, вотъ тебѣ вичка (вѣтка, прутъ).“ Это исполняется до сихъ поръ.“—Прибавимъ изъ народныхъ пословицъ объ Аникѣ слѣдующую, наиболѣе выразительную: „Оникой глядитъ—щелчкомъ свалитъ.“—Г. Бунаковъ, въ примѣчаніяхъ къ повѣсти объ Аникѣ (см. у насъ выше при текстѣ и „Русск. Слово“) подтверждаетъ слова М. П. Погодина, что старожилы Вологды разсказываютъ „про нѣкоего Анику Воина, разбойника, жившаго нѣкогда въ Аникіевомъ лѣсу, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ Вологды, по Кириловской дорогѣ;“ лѣсъ этотъ „представляетъ теперь площадь, обросшую мелкимъ кустарникомъ.“ Отъ имени разбойника онъ названъ Аникіевымъ; а отъ лѣсу „Заоникіевская обитель,“ основанная, по свидѣтельству г. Бунакова, въ XVI вѣкѣ преподобнымъ Іосифомъ: значитъ, по заключенію г. Бунакова, Аника дѣйствительно жилъ еще ранѣе. Если же, скажемъ мы, по народнымъ сказаніямъ прилагать въ этомъ случаѣ къ Аникѣ лѣтосчисленіе, то по словамъ былинъ онъ жилъ нѣсколько сотъ лѣтъ и, стало быть, какъ разъ былъ современенъ до-татарскому періоду и богатырямъ, сгибшимъ подъ конецъ этого времени. А если брать въ разсчетъ его преемство въ слѣдъ за Старшими богатырями, обозначенное въ Былинахъ (см. выше), то образъ Аники уходитъ будетъ все глубже и глубже въ даль и старину: напрасный путь и трудъ итти туда за нимъ, ибо это образъ искони—народный. Если уже въ самой Греціи и вообще въ эпохѣ Византійско-Славянской, вкусившей много всякой отвлеченности, онъ облицованъ, получилъ и живыя черты, и фигуру, и личное имя, то тѣмъ больше и тѣмъ скорѣе онъ долженъ былъ оживиться, пополнѣть

и опоэтизироваться въ творчествѣ *нашемъ*, сравнительно столь еще юномъ, свѣжемъ и впечатлительномъ, въ сообществѣ съ типами прочихъ богатырей, столь образныхъ и личныхъ—какъ живые, какъ сейчасъ передъ нашими очами. А наконецъ, если какой либо Аника былъ у насъ лицемъ дѣйствительнымъ и извѣстнымъ разбойникомъ, что весьма вѣроятно, то не отъ него конечно возникъ общій народу Русскому образъ, а на оборотъ имя героически знаменитое и повѣсть общеизвѣстная перенесены изъ народнаго творчества на лицо дѣйствительное и историческое.

* * *

Былины *объ Аникѣ Воинѣ* и *о Гибели Русскихъ витязей* заключаютъ время Владимірово и даже весь рядъ богатырскихъ образовъ, съ нимъ связанныхъ: здѣсь Богатырство и Земская Дружина, въ своемъ древнемъ образѣ, чисто ли народномъ, или занесенномъ и усвоенномъ, умираетъ, гибнетъ или исчезаетъ. Мы знаемъ уже по многимъ отпечатаннымъ образцамъ, какъ представители этохи доисторической, Богатыри Старшіе, гибли при встрѣчѣ съ Землею, въ соприкосновеніи съ лицами новаго порядка вещей; слышали не разъ въ подвигахъ Кіевскихъ богатырей глухой гулъ или отзывъ глухой борьбы ихъ съ силами стихійными, съ остатками быта кочеваго. Когда борьба эта кончилась, когда совершена была первая, историческая и народная задача, наступилъ мало по малу конецъ и богатырямъ Кіевскимъ, и Владиміровой эпохѣ творчества. Передъ нашимъ взоромъ не одинъ уже дѣятель этого періода, перваго для исторіи, втораго или даже третьяго относительно глубины доисторической, подвергся роковой участи: одинъ исчезаетъ безъ вѣсти, другой каменѣетъ, третій сходитъ въ подземелье, въ пещеры, въ мощи, или начинаетъ строить церкви, обращается въ калѣку перехожаго, поядается страшнымъ чудовищемъ, и т. д. Конечно, большая часть этихъ образовъ сведена къ Ильѣ Муромцу, главному представителю Земли и ея Дружины: но нерѣдко участь одинаковая раздѣляется и другими лицами, Чурилою, Добры-

нею (который въ одной пѣсни изъ собранія П. Н. Рыбникова гибнетъ подобно Аникѣ), и т. д.; во всякомъ случаѣ и судьба Муромца, какъ представителя главнаго, простирается и дѣлится на прочихъ его сотоварищей; а изъ двухъ былинъ, при которыхъ теперь стоимъ мы, эти силы, Богатырскія, Дружинныя, Земскія или даже просто Земныя, въ образѣ Аники подкашиваются Смертію, а въ другой былинѣ, къ которой теперь обращаемся, онѣ гибнутъ въ борьбѣ съ „силою нездѣшнею,“ упраздняются съ лица Земли, сводятся подъ землю, каменѣютъ и т. п. Когда С. П. Шевыревъ, въ своихъ Чтеніяхъ о Русской Словесности, передалъ содержаніе послѣдней изъ сихъ пѣсень со словъ г. Никотина, невольно у многихъ любителей и знатоковъ древности явилось сомнѣніе въ народномъ происхожденіи разсказа *о Гибели Русскихъ Витязей*: напечатанное послѣ г. Л. Меемъ (нынѣ уже покойнымъ: см. сей 4-й выпускъ) совершенно оправдалось наконецъ собраніемъ Рыбникова и Гильфердинга, такъ что теперь нѣтъ уже мѣста сомнѣнію (хотя бы *частности* текста, болѣе или менѣе книжныя, подлежали бы устраненію, никого не соблазняя въ содержаніи *общемъ*). Правда, *гибель* здѣсь приноровлена, какъ мы замѣтили выше, по преимуществу къ Ильѣ Муромцу, къ этому *представителю* Русскаго эпическаго богатырства: но, при немъ, переносится и на *всѣхъ прочихъ* его сверстниковъ-богатырей, *замѣтно* или даже *дословно*, прямымъ указаніемъ. А именно, въ 22 № I-го тома Рыбникова и во 121 № Гильфердингова (со словъ одного и того же пѣвца) дѣло это передается слѣдующимъ образомъ:

Гибель Русскихъ богатырей.

2 (ср. выше № 1) *).

(Кижской волости, дер. Боярщины).

Какъ съѣхалъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Ко этымъ ко Татарамъ ко поганыимъ

*) Рыбник. т. I, № 22, стр. 118, 119.—Разнорѣчіе, помѣченное ниже подъ № 3-мъ, записано Гильфердингомъ въ Кижахъ 6 Іюля 1871 г. („Онежск. былины“ 1873, № 121, стр. 655–659).

Битися и ратися [1]).
Тутъ выскалъ старый казакъ Илья Муромецъ
5. Во этотъ во широкій дубъ [2]),
Посмотрѣлъ-то на этое на поле на чистое,
Во этую трубку во подзорную,
На этыихъ Татаръ на поганыихъ:
А младой Ермакъ, Тимоѳеевъ сынъ,
10. Какъ на морѣ волна колыбается,
Такъ рубитъ онъ Татаръ поганыихъ.
И проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же вы, Русскіе могучіе богатыри!
«Есть у Калина, у Татарина поганаго,
15. «Нагнано силы великія:
«Сѣрому волку въ день не оскакать
«И черному ворону въ день не облетѣть.»
Оны поѣхали, всѣ Русскіе могучіе богатыри,
На этое на поле на чистое,
20. Рубить-то Татаръ поганыихъ:
И прирубили всѣхъ Татаръ поганыихъ [3]).

И подумаетъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Еслибы была вся сила небесная,
«Прирубили бы и всю силу небесную [4])!»
25. Разгорѣлись всѣ серца богатырскія:
Разрубятъ Татарина единаго,—

---

[1]) Ратиться.—Весь разсказъ, по всѣмъ образцамъ, представляется *продолженіемъ* борьбы Муромца съ царемъ Калиномъ, гдѣ, на смѣну Кіевскихъ богатырей, выступаетъ уже младшій ихъ (эпическій) преемникъ Ермакъ, а *сами* богатыри гибнутъ (*гибель* ихъ соединяется съ образомъ *замѣны* и *пресмства*).

[2]) Собственно—выпрямился и приподнялся (вышиною въ дубъ), но съ этимъ въ пѣсняхъ соединилось уже представленіе, что онъ „взлѣзъ на высокій дубъ,“ дабы посмотрѣть, какъ и есть у Гильфердинга.

[3]) У Гильфердинга *не всѣ богатыри*, а только Илья съ Ермакомъ прирубили Татаръ „У этой у рѣки да у Смородины, У того ли дуба у широка, У того ль у камени у Олатыря.“ Посему Илья же здѣсь вступаетъ и въ борьбу „неподсильную,“ вслѣдствіе которой гибнетъ: однако выраженія *во множественномъ числѣ*—„разрубятъ, рубили“—намекаютъ, что дрались и сгибли *всѣ богатыри*.

[4]) Выраженіе это показываетъ, что въ послѣдующемъ образѣ *Татаръ* явилась *сила* или, лучше, *кара небесная*.

Сдѣлается два Татарина;
Разрубятъ Татарина два,—
Сдѣлается четыре Татарина;
30. Умножилося силы-войска поганаго
Во этоемъ во полѣ во чистоемъ.
Рубилъ старый казакъ Илья Муромецъ
Этую силу поганую великую,
И пересѣлся [1]) старый казакъ Илья Муромецъ:
35. И закаменѣвши конь его богатырскій
На этоемъ полѣ на чистоемъ [2]).

*

3.

(Тамъ же).

....Прирубили они [3]) всѣхъ Татаръ поганыихъ:
Розгорѣлися сердца богатырскія,
А подумалъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
5. Илья Муромецъ сынъ Ивановичь:
«Какъ была бы сила небесная,
«Прирубили бы мы силу всю небесную!»
И проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичь:
10. «Какъ явилась бы тутъ сила небесная,
«Прирубили бы мы силу всю небесную!»
Розрубятъ Татарина единаго,—
А сдѣлается съ едина два,
А розрубятъ и по [4]) двухъ Татаръ да поганыихъ,—
15. А сдѣлается съ двухъ да четыре.

---

[1]) Надорвался (ср. тождественное выраженіе Нѣмецкое), осѣкся, упали силы, не хватило крѣпости.

[2]) Конецъ былины такъ виженъ, что мы приводимъ его подъ №[illegible]мъ, изъ разнорѣчія „Онежскихъ былинъ,“ цѣликомъ.

[3]) Въ варіантѣ—Илья съ Ермакомъ, но собственно *всѣ Кіевскіе богатыри* (ср. выше и ниже).

[4]) Ино?

Рубили тутъ всё Татаръ да поганыихъ,
Да пересѣлся-то старо̀й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
Отъ этыихъ Татаръ да отъ поганыихъ:
20. Ока́менѣлъ его конь да бога́тырскои,
И сдѣлалися мощи да святыи
Да со стара̀ казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сынъ-Ивановича.

Оба образца, столь довольно отличные своими разнорѣчіями, записаны отъ одного пѣвца *В. П. Щеголёнкова*; записали потомъ и мы, отъ него же, и различно. Но еще прежде насъ, въ 4-й разъ (а по времени въ 3-й) записалъ эту былину отъ Щеголёнкова г. *М. Гурьевъ*, напечатавши 1873 года, въ III-мъ т. „Записокъ Р. Геогр. Общ.," при сборникѣ *Е. В. Барсова*. Это записано всѣхъ короче и менѣе тщательно: самъ *Калинъ* называется *Каиномъ*; о погибели богатырей и Муромца нѣтъ ничего, но есть все-таки *черта особенная*, ради которой и приводимъ конецъ:

*

4.

(Тамъ же).

....Пріѣзжаетъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Ко этыимъ ко Русскіимъ бога́тырямъ
Во палатки богатырскія [1]):
Вси кони стоятъ и вси пшено ѣдятъ,
Все пшено ѣдятъ да бѣлоярово,
5. И спятъ Русскіи могучіи бога́тыри.
Про́говоритъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ:
— Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
— И не честь спать Русскіимъ могучіимъ бога́тырямъ:
10. — Надо ѣхать ко тѣмъ Татарамъ ко поганыимъ!—

[1]) При вѣсти о нашествіи Татаръ.

Илья посылаетъ Ермака посмотрѣть, много ли Татаръ; тотъ, посмотрѣвши съ дуба, отвѣчаетъ:

— Только нагнано Татаръ поганыихъ,—
— Сѣрому волку въ день не оскакать
— И черному ворону въ день не облетѣть.
— И не честь Русскіимъ могучіимъ богатырямъ:
15. — Надо ѣхать ко Татарамъ ко поганыимъ!—
И поѣхалъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
На этое на поле на чистое
Ко этыимъ Татарамъ ко поганыимъ.

Взлѣзаетъ на дубъ Илья; видитъ такое же множество Татаръ и Ермака:

И младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
20. И ѣздитъ на томъ ли на конѣ на богатырскоемъ
По этому-то полю по чистому,
И плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
И палицей булатной поигрываетъ.
И во поли чистомъ младъ Ермакъ, Тимоѳеевъ сынъ,
25. Какъ на морѣ волна да колеблется,
Рубитъ Татаръ да поганыихъ.
Разгорѣлось у стараго казака Ильи Муромца
(Разгорѣлось) сердце богатырское:
«Воротитесь, Русскіи могучіи богатыри,
30. «Воротитесь во стольный градъ во Кіевъ (во Кіевъ-градъ):
«Поѣду единъ во поле во чистое!»
Садился на коня богатырскаго
Старый казакъ Илья Муромецъ,
(Илья Муромецъ) сынъ Ивановичь;
35. Плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
Палицей булатной поигрываетъ;
Пріѣхалъ ко Татарамъ ко поганыимъ,
(Пріѣхалъ) на поле на чистое.
Стали рубить Татаръ поганыихъ
40. Со этымъ со младымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ:
И прирубили Татаръ да поганыихъ
На этомъ на полѣ на чистоемъ.

Возвратились они ко городу ко Кіеву,
Ко солнышку князю ко Владиміру,
45. Зашли къ нему въ палаты княженецкіи,
Крестъ они кладываютъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
И на двѣ—на три—четыре на стороны покланяются,
И солнышку князю Владиміру да въ особину:
50. ««Солнышко Владиміръ князь, стольно-Кіевскій!
««Прирубили мы всѣхъ Татаръ поганыихъ,
««Со младымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
««По родительскому прощеньицу,
««По Божьему благословеньицу.»»

*

Здѣсь самые замѣчательные—стихи 27—42: оказывается, поѣхали было *всѣ богатыри* (ихъ устыдилъ Ермакъ), но у Муромца *разгорѣлось сердце* — захотѣлось биться *одному*, съ Ермакомъ, въ этомъ онъ понадѣялся на себя и „порасхвастался,“ *вернувши всѣхъ остальныхъ назадъ;* отъ того они и не сгибли, а сгибъ — по приведеннымъ выше образцамъ— *одинъ Муромецъ*. Но въ варіантѣ г. Гурьева, какъ видите, нѣтъ и этой гибели (такъ различно поютъ одни и тѣ же пѣвцы, смотря по наитію того или другаго преданія!): и этимъ онъ сходится *съ большею частію прочихъ былинъ*, воспѣвающихъ борьбу *Ильи съ Калиномъ*.

Наконецъ, улучивши того же пѣвца, *В. П. Щеголёнкова*, весною и лѣтомъ 1873 года мы записали отъ него еще *четвертый* (по времени) варіантъ Былины о борьбѣ Ильи съ Калиномъ, изъ которой (до помѣщенія ниже въ полнотѣ) приводимъ конецъ о *гибели* Муромца (такъ какъ тутъ есть разнорѣчія отъ записаннаго Гильфердингомъ, ср. выше № 3):

5.

(Тамъ же).

....Высталъ старый козакъ Илья Муромецъ,
Посмотрѣть во трубку во подзорнюю
На это на поле на чистое:
Вѣдь много нагнано Татаръ поганыихъ

5. Ко этой рѣкѣ ко Смородинѣ,
Ко этому дубу ко широку,
Ко этому камню къ Олатырю;
Тамъ ѣздитъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ,
По этому полю по чистому,
10. Онъ рубитъ Татаръ поганыихъ.
Увидѣлъ то старый козакъ Илья Муромецъ,
Опустился старый козакъ Илья Муромецъ
Со этого дуба со широка,
Проговоритъ тутъ таково слово [1]):
15. «Вы Руськіе могучіе богатыри,
«Ай же вы, паленицы да удалыя!
«Намъ надо ѣхать во поле во чистое,
«Рубить надо Татаръ поганыихъ!
«Тамъ ѣздитъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ,
20. «Какъ на мори волна колыблется,
«Онъ рубитъ такъ Татаръ тамъ поганыихъ.»
Садился старый козакъ Илья Муромецъ
На своёго коня богатырскаго,
Поѣзжаетъ во это во поле во широкое,
25. Ко той рѣкѣ ко Смородинѣ,
Ко тому ли ко дубу ко широку,
Ко тому ли ко камню къ Олатырю.
Какъ пріѣхалъ ли старый козакъ Илья Муромецъ
Да ко этыцмъ Татарамъ ко поганымъ,
30. На это на полюшко на чистое,
Онъ сталъ рубить, старый козакъ Илья Муромецъ,
Прирубили оны съ Ермакомъ Тимоѳеевымъ,
Прирубили-взяли Татаръ всѣхъ поганыихъ.
Да проговоритъ старый козакъ Илья Муромецъ:
35. «Какъ была бы тутъ сила небесная,
«Мы прирубили бы силу всю небесную!»
Какъ розрубятъ Татарина единаго,
А сдѣлается два Татарина поганыихъ;

---

[1]) Опять оказывается, что позваны (и поѣхали) биться *всѣ богатыри*: этого обращенія Ильи къ богатырямъ не записано у Гильфердинга (ср. выше и ниже).

Какъ розрубятъ два Татарина,
40. Сдѣлается да четыре тутъ Татарина поганыихъ.
Рубилъ ли тутъ старый козакъ Илья Муромецъ
Да этыихъ Татаръ поганыихъ,
Пересѣлся тутъ старый козакъ Илья Муромецъ,
Іо(ё)каменѣлъ-то ёго конь богатырьскія,
45. Во этоемъ во полюшки во чистоемъ,
А во чистомъ поли во широкоемъ;
Какъ сдѣлались со стараго козака Ильи Муромца,
Тутъ сдѣлалися мощи святыи,
Преставился тутъ [1]) старый козакъ Илья Муромецъ.

„А Ермакъ не хвалился своей силой, и остался живъ во плоти,“ прибавилъ пѣвецъ.

(Ср. ниже всю Былину вполнѣ).

*

Изъ прочихъ былинъ о борьбѣ съ Калиномъ не говорятъ о гибели ни Ильи, ни прочихъ богатырей, образцы въ собраніи Гильфердинга подъ №№ 57, 69, 75 (отъ Рябинина), 92, 105, 170, 296, 304.; не говорятъ и у насъ — въ вып. I-мъ и въ его дополненіяхъ; ни у Рыбникова въ томахъ I—IV — кромѣ приведеннато выше образца 22-го изъ I-го тома. Въ новомъ же, самомъ послѣднемъ сборникѣ, г. Ефименка (къ сожалѣнію дурно изданномъ и не умѣло редактированномъ, въ „Извѣстіяхъ Этнограф. Отд. М. Общ. Естествозн.,“ 1878, кн. V, вып. 2, № 8) есть еще одна былина съ такимъ же концомъ, а именно:

6.

(Губ. Арханг., въ гор. Мезени).

Былина сама не принадлежитъ къ нашему „чистому“ эпосу, къ его чисто-эпическому составу и типическому древнему складу: въ нее намѣшано много изъ области „сказочной“ и изъ пѣсней, прозванныхъ у насъ „сказочными (ср. Замѣтки при 3-мъ вып. по 2-му изданію),“ складъ разрушенъ, языкъ Бабьей Старины, разсказа и скороговорки, порою

[1]) Этого опять нѣтъ у Гильфердинга.

странный, вмѣсто Калина дѣйствуетъ уже *Мамай*—ступенью ниже и позднѣе; и т. д. Но въ основѣ и происхожденіи это та же, извѣстная былина о борьбѣ Ильи съ Калиномъ, и конецъ любопытенъ. Противъ Мамая, обложившаго Кіевъ съ Татарами и зятемъ своимъ *Василіемъ Прекраснымъ* (онъ же извѣстный „сказочный" Василій Акульевичь), Илья, черезъ посредника *Потанюшку Хроменькаго* (героя изъ временъ Москвы и Грознаго, какъ выше и Ермакъ), собираетъ братьевъ богатырей — *Самсона Колувана* (Колывановича, „крёстнаго отца" Ильи по другимъ образцамъ), *Дуная, Василья Касимерова* (Казимеровича), *Михайлу Игнатьева* съ *племянникомъ* (старчище съ молодымъ богатыремъ, ср вып. 3-й), *Потока, Добрыню, Алешу* и *двухъ братьевъ Ивановъ Суздальцевъ* (Збродовичи и т. п.). Ихъ Илья оставляетъ „въ засадѣ," на случай призыва рогомъ, дѣйствуя какъ „сказочный" Саламанъ, а самъ, впередъ отправившись, управляется съ Мамаемъ какъ съ Идолищемъ и Калиномъ, послѣ же того:

....Добрался до своего добра коня,
Скоро старый на коня вскочилъ,
И затрубилъ старый во турій рогъ,
И сомутилися у стараго очи ясныя,
5. И разгорѣлось у стараго ретиво сердце,
Не увидѣлъ старый свѣту бѣлаго,
Не узналъ старый ночи темныя,
И расходились у его плечи могучія,
И размахнулись руки бѣлыя [1]),
10. И засвистѣла у его палица боевая,
И зачивкала [2]) его сабелька острая,
И наѣхали удалы-добры молодцы [3]),
Тѣ же во поли быки кормленые [4]),

---

[1]) Замѣтьте это крайнее многословіе, неизвѣстное нашимъ старшимъ и лучшимъ былинамъ.

[2]) Забрящала.

[3]) Помянутые Кіевскіе богатыри.

[4]) Странное у насъ сравненіе и выраженіе, въ родѣ томъ, какъ по другимъ мѣстамъ сего образца на примѣръ: „Ты *безумный богатый* царь;"—„и *обратилъ* старый острый ножъ;"—„и поклонилися всѣ (богатыри) *низко* старому;"—„*Ли-*

Тѣ же сильные-могучіе богатыри.
15. И начали силу рубить со краю на край,
Не оставляли они ни стараго, ни малого,
И рубили они силу сутки пятеро,
И не оставили они ни единаго на сѣмена [1]),
И протекала тутъ кровь горячая,
20. И паръ шелъ отъ трупья по облака (!).
Оставалися только во лагеряхъ у стараго [2])
Два брата, два Суздальца,
Чтобы встрѣтить съ пріѣзду богатырей, кому быть [3]).
Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца,
25. И поѣхали во ту рать-силу великую.
А и пріѣхалъ тутъ старъ козакъ со другомъ (?),
А встрѣтить-то у лагерей и некому.
И ѣхали отъ рать-силы великая (?)
Тѣ два брата, два Суздальца,
30. И сами они похваляются:
««Кабы была теперь сила небесная,

чарда слуга вѣрная (изъ книжныхъ сказокъ);"—„ростомъ онъ (Илья) *умѣренный;*"—при Мамаѣ богатырь „*Рославней Рославнеевичъ*" (Рославей, Русланъ, Еруслан, изъ письменныхъ сказаній);—элегія въ устахъ Ильи передъ Владиміромъ: „Похорони наши *тѣла мертвыя* (!), И помяни Русскихъ богатырей, И пройдетъ *славушка* (сладость въ родѣ „Сахаровской") про насъ *не малая;*"—„войско *изрядное;*"—„*И на то* (Ино то?) старому слово понравилось;"—„Гуляли они (богатыри) трои суточки, А на четвертые сутки *протрезвилися;*"—„дарили еще *червонцей хорошихъ*, да бархатомъ дарили *краснымъ;*"—„сорокъ возовъ *хлѣба бѣлаго* (!);"—элегія — „Владиміръ горючими слезами уливается *Не подымаются у него бѣлы руки, Не глядятъ у его очи ясныя;*"—„на *бархатъ* (!) напечатано;" „*Даже* горючи слезы покатилися;"—„А безсрочныхъ и *на землѣ нѣту* (!);"—„за всякимъ *визиремъ* по сту тысячей;"—„не *матушка ли* (!) орда подымалася;"—„А свѣтлый мѣсяцъ отъ пару конскаго померкнулъ *весь*, *Замѣтно было* (!) въ гор. во Кіевѣ;"—*Разостали* (!) они войскомъ въ лагерѣ И поставили они *кругомъ войска стражу строгую;*" „со своимъ войскомъ со *любимымъ;*"—„Мимо *башенки тѣ наугольныя* (извѣстное выраженіе въ Родительномъ Единственнаго принято ошибкою за Винительный Множественнаго)," и т. п. друг. Еслибы г. Ефименко предложилъ это намъ для печатанія и редакціи, мы попросили бы его покорнѣйше разстаться съ пріемами и ухватками „Сахаровскими," которые прямо вредятъ народному дѣлу и творчеству.

[1]) Опять многословіе.

[2]) Въ помянутой засадѣ.

[3]) Канцелярская точность и книжное слововыраженіе.

««И всю бы мы побили ею [1]) по полю [2])!»»
Вдругъ [3]) отъ ихъ слова сдѣлалось чудо великое:
Возстала сила Мамаева
35. И стало силы больше въ пятеро.
И пріѣхали они ко старому,
И ко тѣмъ дружинушкамъ [4]) хоробрыимъ,
И начали они разсказывать,
Что ««мы ѣхали дорогой—похвалялися
40. ««И возстало силы въ пятеро;»»
И сами имъ во всемъ повинилися [6]).
Тутъ поѣхала дружинушка хороброя
Во ту рать-силу великую,
И начали бить съ краю на край,
45. И рубили они сутки шестеро,
А вставать силы больше прежняго.
Узналъ старый предъ (?) собой вину
И покаялся старый Спасу Пречистому:
«Ты прости насъ въ первой винѣ,
50. «За тѣ же слова глупыя,
«За тѣхъ же братовъ Суздальцей [6])!»
И повалилась тутъ сила кроволитная (!),
И начали копать мать-сыру землю,
И хоронить тѣло да во сыру землю [6]),
55. И протекла рѣка кровью горячею [6]).
Садилися тутъ удалы на добрыхъ коней,
Поѣхали удалы ко городу ко Кіеву,
Заѣхали они въ крашенъ Кіевъ-градъ,
Во тѣ же во честны монастыри,
60. Во тѣ же во пещеры во Кіевски:
Тамъ всѣ они и представилися [7]),
Тутъ старому славу поютъ.

(Записано А. М. Никольскимъ).

---

[1]) Ее?
[2]) Прибавлено лишнее, для стиха въ печати.
[3]) Неупотребительно.
[4]) Неупотребительно и сладко: могло быть развѣ въ Единствен. числѣ.
[5]) Канцелярская обстоятельность.
[6]) Лирика и элегія.
[6]) Многословіе и тождесловіе.
[7]) Переставились, преставились.

Здѣсь несравненно больше вставокъ и книжныхъ прикрасъ на ладъ народный, чѣмъ у г. Мея; никто конечно не поручится за частности, за подлинность выраженій и оборотовъ, за народность ихъ и непосредственное происхожденіе изъ устъ, а въ содержаніи конецъ явно и усиленно растянутъ, на примѣръ оставлены нарочно въ лагерѣ Суздальцы, чтобы потомъ ихъ выпустить на Татаръ съ похвальбою, возвращены они назадъ съ повинною—также нарочно, чтобы вытащить прочихъ богатырей на борьбу съ силою нездѣшнею, принятъ морально-лирически-элегическій тонъ, заставляющій Илью по христіански каяться и молиться за другихъ, гибель же богатырей—окаменѣвшихъ—*осмыслена и растолкована* у книжника, *для упражненія*, переходомъ ихъ въ монастырскія пещеры и благополучнымъ „преставленіемъ" тамъ, и т. д.: при всемъ этомъ, тѣмъ не менѣе, основа конечно подлинна, гибель въ борьбѣ не сомнѣнна, роль же *двухъ Суздальцевъ* (если только они не вымышлены) знаменательна. Они стоятъ конечно на рубежѣ между Кіевскимъ и Московскимъ эпосомъ или вообще творчествомъ: когда же сведены къ погибели сперва *Старшіе* богатыри, потомъ *вообще Кіевскіе*, тогда естественно долж. на была наступить очередь и преемникамъ—*Суздальскимъ* и *Московскимъ*.

*

Удальцы *Московскіе* выражены *Ермакомъ*, котораго мы и видѣли выше въ той же былинѣ и котораго всегда такъ растолковывали въ прежнихъ „Замѣткахъ" (къ 1—4 выпускамъ Кирѣевскаго по 1-му изданію, къ томамъ Рыбникова и т. д.): какъ *преемника* богатырямъ Кіевскимъ и Дружины Земской, а потому представляемаго обычно „младымъ," юношей, при помянутыхъ богатыряхъ, въ зависимости и въ урокѣ отъ нихъ, съ порывами, которые приходилось „укрощать," но которые вели Русь дальше, а самого Ермака свели со временемъ также „подъ землю." Настала очередь той же гибели и *Ермаку*; она и разсказана у Гильфердинга („Онежск. былины" 1873, № 138, стр. 704 и дал.); въ образцѣ болѣе позднемъ, изъ устъ женщины:

7.

(Сѣногубской волости, дер. Конды).

По обычаю, противъ наступившихъ на Кіевъ Татаръ съ Калиномъ собрались „на заставу“ извѣстные „двѣнадцать богатырей,“ не спѣшатъ, сидятъ, играютъ; „младъ“ Ермакъ съ нетерпѣніемъ упрекаетъ ихъ за то и, не сдержавъ сердца, самъ поскакалъ впередъ на поганыхъ. Черезъ посредство Добрыни, съ извѣстнаго дуба, осмотрѣвъ вдали подвиги Ермака, Илья опасается его „молодости,“ зарывчивости, считаетъ нужнымъ „сдержать“ его и выпустить на Татарскую силу болѣе надежныхъ Кіевскихъ богатырей:

Скрогóвори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Вы Русскіе могучіе богáтыри!
«Садитесь, богáтыри, на добрыхъ конéй,
«Поѣзжайте въ силу великую,
5. «Берите храпы [1]) желѣзныи,
«Младому Ермаку Тимоѳеевичу
«Накидывайте на плечи могутніи,
«Пословесно [2]) его уговаривайте:
««Ты сегодня позавтракалъ,
10. ««Дай ты намъ хоть пообѣдати [3])!»
«А онъ, младый вьюношь, перéрвется [4]),
«Не будетъ впередъ онъ богáтыремъ.»
А тутъ Русскіе могучіи богáтыри
Брали храпы желѣзныи,
15. Накидывали на плечи могутніи

---

[1]) *Храпъ*, *хоротъ*, дальнѣйшее *шурупъ*, Schraube: винтъ, крюкъ, багоръ, рычагъ, или цѣпь винтомъ; желѣзная полоса для стяги или „сутугъ;“ вообще желѣзное орудіе, которымъ можно зацѣпить и какъ цѣпью сдержать, сковать, спутать, притянуть къ себѣ, и т. п.

[2]) Кромѣ насилія, употребите увѣщанія и на словахъ.

[3]) Ты довольно похрабровалъ, оставь и намъ сколько ни будь Татаръ для расправы.

[4]) А то иначе, будучи молодъ, надорвется онъ и—конецъ его богатырству: то же, что выше „осѣкнется,“ „пересядется.“

Мла́дому Ермаку Тимоѳеевичу,
Пословесно ему выговаривали:
««Мла́дый вьюношь, пере́рвешься,
««Не будешь впредь бога́тыремъ!
20. ««Ай ты, мла́дый Ермакъ Тимоѳеевичь,
««Дай намъ хоть пообѣдати?»»
Тутъ Русскіе могучіи бога́тыри
Вывели съ силы съ великой [1])
Мла́даго Ермака Тимоѳеевича.
25. Заѣхалъ который отъ Нова́города,
Который отъ Бѣла́озера,
Который заѣхалъ отъ Кіева,
Который заѣхалъ отъ Еросо́лима [2]),
Всю прибили силу великую.
30. Тутъ въ одно мѣсто [3]) бога́тыри съѣхались,
А тутъ они поросхвастались:
««Кабы была на небо лѣстница,
««Мы прибили бы мы всю силу небесную!»»
А тутъ [4]) убьютъ Татарина,—станетъ два да три.
35. Тутъ Русскіе могучіе бога́тыри—
Прибились они, примучились,
И другъ-другаго прикололи-прирѣзали [5]),
Не осталось на Руси бога́тырей:
Остался одинъ мла́дый Ермакъ Тимоѳеевичь [6]),
40. Пріѣхали ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру...

Послѣднія слова, въ заключеніе за симъ, уже придѣланы за ново и ничтожны.

---

[1]) Вытащили изъ среды Татаръ.

[2]) Замѣчательное мѣсто, указывающее 1) стороны, откуда были родомъ съѣхавшіеся богатыри, 2) откуда, съ разныхъ концовъ, они заѣхали: вѣроятно—съ Сѣвера и Запада—изъ Новгорода и Бѣлаозера, съ Юга—отъ Кіева съ Востока—отъ Ерусалима.

[3]) Вмѣстѣ.

[4]) Въ слѣдъ за симъ, непосредственно за похвальбою: „Вдругъ," какъ выражается г. Ефименко.

[5]) Явленіе въ родѣ смѣшенія языковъ при столпотвореніи.

[6]) См. объясненіе въ слѣдъ за текстомъ.

Съ точки зрѣнія слагателя и пѣвца, имѣвшаго въ виду Кіевскихъ богатырей, съ ними было покончено; оставался цѣлымъ и надежнымъ одинъ Ермакъ, а за нимъ, какъ представителемъ, выдвигавшаяся сила Москвы; но и Ермакъ, по другимъ образцамъ той же былины, также гибнетъ (напр. въ № 20, въ I т. Рыбник.: „Тутъ молодой Ермакъ Тимоѳеевичь, Со этыихъ побоевъ со великіихъ, Со этыихъ съ ударовъ со тяжелыихъ, Кровь-то въ немъ была очень младая, Тутъ молодой Ермакъ онъ преставился“): и съ точки зрѣнія Московской, а потому въ эпосѣ и творчествѣ Московскомъ (историческомъ), Ермакъ дѣйствительно погибъ—когда пришла пора, —утонулъ, убитъ, исчезъ и т. п.

(Записано 4 іюля 1871 года отъ крестьянки Домны Васильевны Суриковой; былина всего сходнѣе съ помѣщенными у Рыбникова въ т. I-мъ, подъ №№ 19, 20 и 21, отъ Никифора Прохорова, Рябинина, Козьмы Романова, т. е. отъ лучшихъ пѣвцовъ и сказателей).

*

О разныхъ видахъ кончины Муромца мы будемъ еще говорить ниже, излагая подробно его подвиги.

Мы знаемъ также, изъ прежнихъ уже выпусковъ (напр. вып. 2, по 2-му изданію, см. стр. 124, 125, 133), что событіе *о гибели Русскихъ богатырей* извѣстно одинаково по былинамъ о Добрынѣ и вставляется въ нихъ какъ *эпизодъ*. Именно, по пророчеству вѣщаго ворона, Добрынѣ въ поѣздкахъ предстояло три *чуда-дива* и, сообразно тому, *три подвига* — въ *бѣломъ*, *красномъ* и *черномъ*. Второй изъ сихъ подвиговъ, на который идутъ они вмѣстѣ съ Алёшей (и съ другими богатырями, по инымъ образцамъ), „подъ сторону подъ сточную (восточную),“ гдѣ „стоитъ сила невѣрная — поганая,“ есть именно очерченная выше битва съ погаными Татарами (по инымъ съ Татариномъ, Невѣжею, Нахвальщикомъ, и т. п.): онъ именно изображенъ въ былинахъ о Калинѣ и выше у насъ въ семъ выпускѣ по воспроизведенію г. Мея. Битва эта по преимуществу именуется *кровавою*, *кроволитною* и *красною* (у г. Мея: „Не крась во поляхъ закраснѣлалася, Закраснѣлася кровь съ печенью“): самъ Добрыня былъ

убитъ здѣсь (варіантъ г. Мея), и только оживленъ живою водою при пособіи того же ворона и Алеши, а во всякомъ случаѣ „загрязъ“ на долго (варіанты другіе) и избавленъ какимъ либо чудомъ (какъ избавился по другимъ и Илья, и Ермакъ); это и подало Алешѣ послѣ „справедливый“ поводъ свататься за Настасью, ссылаясь на то, что Добрыню онъ „видѣлъ“ въ полѣ убитымъ. Вотъ какъ разсказываетъ о семъ еще одинъ варіантъ:

8.

(Чорга-губа, дер. Горка).

...— Ты поди на гору на Яичкину [1]),
— Пóглянь-ка подъ сторону подъ сточную:
— Тамо стоитъ сила невѣрная,
— Ай невѣрна сила, поганая,
5. — Людямъ тамо да проходу нѣтъ,
— Птиченки [2]) да пролету нѣтъ,
— Звѣрю тамо да пробѣгу нѣтъ,
— Добрымъ молодцамъ проѣзду нѣтъ [3]).—
И тотъ Чурилушка Плёнковичь,
10. И старый казакъ Илья Муромецъ,
Еще Добрынюшка Микитиничь,
Ай Алешенка Пóповичь [4]),
И стали они по силы поѣзживать,
И стали они Татаръ потаптывать:
15. Не оставили силы на сѣмена.
Годъ по году, прошло три года [5]).

---

[1]) Слова вѣщаго ворона, обращенныя къ Добрынѣ.

[2]) Птиченькѣ.

[3]) То же самое, какъ въ былинахъ о Калинѣ: Илья смотритъ или заставляетъ Добрыню, Ермака посмотрѣть съ дуба, сколько Татаръ.

[4]) Всѣ они и участвовали въ битвѣ, и должны были сгибнуть отъ ангеловъ, смѣнившихъ въ бою Татаръ.

[5]) Это повторяется не разъ, и ниже, чтобы указать, сколь долго „загрязъ“ Добрыня и на самомъ дѣлѣ какъ долго длился „переводъ“ богатырей на Руси въ постепенныхъ битвахъ съ Татарами-Восточниками, въ борьбѣ стихійныхъ и грубыхъ сихъ съ началами христіанскими, племенныхъ и народныхъ съ государственными.

Тутъ приходятъ отъ Добрынѣ [1]) вѣсточки не радостны,
Ай не радостны вѣсти, не веселыя [2]):
Лёжитъ убитъ Добрынюшка во чистомъ полѣ,
20. Ручки-ножки пораскиданы,
Буйна̀ головка поразломана,
Сквозь желтыя кудёрышки
Шолко́вая травушка про́росла,
Ай Добрынюшкинъ конь во мху до́ колѣнъ стоитъ [3])....
25. ....Ай скоро старина-то скажется,
Не скоро времечко сбывается:
Ай годъ по году, прошло три́ году [4]).
Тутъ Добрынюшка Микитинич—
Онъ говоритъ вѣдь онъ таково слово [5]),—
30. Да нынечку да теперечку,
Тутъ они какъ въ полѣ воевали,
И тутъ они сказали:
««И со небесной мы бы силой супротивились [6]),
««А не то что съ силой про́клятой!»»
35. Тутъ на нихъ Господь прогнѣвался [7]),
Спустилъ на нихъ столо́пъ огненный [8]):
Они какъ столопъ перерублятъ, такъ два̀ станётъ,
Два станётъ—всё поединщика;
Еще перерублятъ,—а тутъ три станётъ,
40. Три станётъ—всё опять поединщики.

---

[1]) Объ Добрынѣ или отъ Добрыни.

[2]) И помимо Алёши: Алеша самъ „загрязъ“ и долженъ былъ сгибнуть (только, судя по былинамъ, *раньше* Добрыни высвободился, чтобы имѣть время „подойти“ къ Настасьѣ за отсутствіемъ Добрыни).

[3]) Такъ изображенъ Добрыня *и дѣйствительно убитый* послѣ сраженія на Сафатъ-рѣкѣ, у г. Мея (ср. у насъ выше).

[4]) Опять рисуется долгій періодъ времени.

[5]) Дѣло о Добрынѣ: пѣвшія ему было одному приписали рѣчи, но, вспомнивши объ его сотоварищахъ битвы, въ слѣдъ за симъ поправились.

[6]) Стали бы въ борьбу—супротивниками, соперниками, и справились бы.

[7]) Точка зрѣнія уже христіанская.

[8]) Ср. выше: дѣйствительно, событіе гибели, гдѣ въ смятеніи богатыри поражали другъ друга, представлялось вторымъ, „Русскимъ“ столпотвореніемъ, „смѣшеніемъ языковъ“ (народныхъ началъ и лицъ), послѣдствіемъ гордости, карою для нея и началомъ новаго за симъ порядка вещей.

Тутъ они Богу смолилися:
««Намъ бы тое же слово—да не такъ сказать [1])!»»
Годъ по году, прошло опять три́ года....

Вотъ по году прошло и двѣнадцать лѣтъ [2])...

(Запис. отъ крестьянокъ Пастуховыхъ, въ Онегѣ, 1-го Іюля 1871 г.; ср. „Онежск. былины" 1873 г., № 168; а также смерть Добрыни какъ Аники, ниже)

*

О *смыслѣ* и *значеніи* этой постепенной *гибели* или этого послѣдовательнаго *перевода богатырей на Руси* говорено нами не разъ съ большою подробностію въ примѣчаніяхъ къ тексту и особенно въ разныхъ „Замѣткахъ" къ выпускамъ,— къ 1-му (по 1-му и 2-му изд.), ко 2-му по 2-му изд., къ 3-му по 1-му и 2-му изд., къ 4-му по 1-му изданію, стр. CIII—CVIII, и въ другихъ мѣстахъ. Вообще, это событіе такъ важно и обширно для жизни, эпоса и исторіи, что составляетъ въ нашемъ Эпосѣ, въ нашихъ Былинахъ и прочихъ Былевыхъ пѣсняхъ, *цѣлую особую область* (гораздо больше чѣмъ какой ни будь „эпизодъ"), а въ наукѣ должно бы составить предметъ разсужденій и сочиненій, особенно для молодыхъ силъ, для студентовъ и всей учащейся молодежи, въ задачахъ имъ съ каѳедры, и со временемъ составитъ непремѣнно достойный предметъ какого ни будь цѣльнаго научнаго трактата. Самъ О. Ѳ. Миллеръ, этотъ пылкій студентъ, столь ревностно штудирующій народное творчество въ слѣдъ за каждымъ новымъ нашимъ открытіемъ, изданіемъ и указаніемъ, привыкшій jurare in verba magistri — употребленіемъ нашихъ всѣхъ терминовъ и выводовъ (какъ *своихъ*), но за то отплачивающій намъ въ литературѣ при каждомъ случаѣ разными ребяческими колкостями, самъ О. Ѳ. Миллеръ вѣроятно еще займется симъ, когда пере-

---

[1]) Не такъ бы гордо и самохвально: спокаялись (ср. образцы выше).

[2]) Опять указаніе на долговременный періодъ: Добрыня узналъ о сватовствѣ Алеши черезъ посланныхъ отъ матери *голубковъ* (вѣстниковъ: см. выше *ворона*).

станетъ писать нынѣшнія посланія свои къ Англійскому народу и тому подобныя эпистолы, не достигающія намѣченной цѣли, и мы получимъ изъ рукъ его, *ему одному* приписанное, любопытное о семъ разсужденіе въ форматѣ и толщинѣ Библіи. Но пока, *до* Ореста Ѳедоровича, намъ приходится скромно продолжать, чтобы вызывать на трудъ прочихъ, хоть бы его же самого и подобнаго ему генія— г. Ягича.

Съ этой точки зрѣнія, весь нашъ Эпосъ собственно дѣлится на *двѣ* огромныхъ области или *два* обширныхъ отдѣла: на поэтическую повѣсть 1) о событіяхъ и герояхъ, полныхъ жизни и понынѣ какъ бы живыхъ ради задачъ народной жизни, и бывшей, и столько же продолжающейся, съ торжествомъ надъ врагами ея, большею частію старѣющими, выбывающими и обреченными на гибель силою самой древности, т.-е. прожитыхъ и антиквированныхъ ея началъ; 2) о герояхъ, и большею частію тѣхъ же самыхъ, прожившихъ свой урочный періодъ, сдѣлавшихъ для народа свое дѣло и съ сей стороны воспѣтыхъ, но посему же кончающихъ свое поприще и кончающихся, на разные лады, виды и способы, въ борьбѣ не столько со „врагами" (своими и народными), сколько съ соперниками, ихъ смѣняющими. Конечно, второй отдѣлъ наступаетъ относительно *каждаго героя*, *въ слѣдъ* за отдѣломъ предыдущимъ, и самая *гибель*, составляя событіе для эпоса, есть въ то же время здѣсь *заключеніе* событія, конецъ подвиговъ героя и рубежъ, съ коего перестаетъ или отказывается пѣть о немъ пѣсня, прибавляя, что тутъ ему уже „славу поютъ," прославляютъ *какъ былое* въ исторіи, тутъ „вѣкъ про него старину скажутъ." Но *въ каждомъ отдѣлѣ* есть своя періодическая *постепенность* и *послѣдовательность*: сперва вымираетъ одинъ—старшій, потомъ его преемникъ, сперва зрѣлый, а потомъ и молодой, недавній. Супротивники и соперники въ семъ второмъ отдѣлѣ совсѣмъ не „абсолютные *враги*," не такіе, которые имѣли нѣкогда права на жизнь и дѣятельность, а послѣ антиквированы народомъ и перезабыты народной жизнію какъ что-то далекое, устарѣвшее, ветхое и чудовищное, существовавшее *до народа* и *эпоса*, до Руси и Былины, не такіе враги, ка-

ковы на примѣръ безчисленные враги Русскаго Ивана, имъ уничтоженные, устраненные, вытѣсненные, обманутые, эти чуда-юда, чудовища-дивовища, цари въ звѣриныхъ и стихійныхъ образахъ, медвѣди, морозы, вѣтры, кощеи, ягибабы и т. п. Торжеству надъ ними народъ рукоплещетъ, радуется пѣсня, воспѣваетъ побѣду, и пѣніе это—часть *перваго* отдѣла въ творчествѣ. И Китоврасъ, и Василій Акульвичь при Саламанѣ, и самъ Святогоръ при Ильѣ, Вольга при Микулѣ, Владиміръ при Ильѣ и Гостиномъ Иванѣ, и т. д.,—все это *первый* еще отдѣлъ, хотя уже съ переходомъ иногда во *второй*: они по справедливости страдаютъ, поруганы, обмануты, осмѣяны. Герой, вызывающій сочувствіе и оправданіе, богатырь, коему посвящена сама эта былина, обыкновенно *юный* (какъ Греческое имя самого „героя," каковъ „юнакъ" у Славянъ Южныхъ), болѣе молодой и близкій, новый человѣкъ и членъ народа, и только сему *побѣдителю* творчество въ первомъ отдѣлѣ рукоплещетъ, только его „удачу" и „щастки" прославляетъ. На оборотъ, въ отдѣлѣ второмъ, *страдающій* и *гибнущій* вызываетъ сожалѣніе, скорбь, участіе, воспоминаніе—какъ чего-то, недавно оторваннаго отъ сердца и, тѣмъ не менѣе, эпосъ признаётъ *справедливость обрушившейся на него кары*, кару эту съ извѣстной точки зрѣнія оправдываетъ, потерпѣвшаго охотно *винитъ*, хотя порою и старается *извинить* (excuse—accuse). На сторонѣ *кары* и образа, ее выражающаго, остается своя доля правды, а нерѣдко и полное сочувствіе: это что-то неминуемое, и непремѣнно чаемое, и снова ожидаемое, и даже лучшее. Эта *смѣна* былаго для новой жизни съ перевѣсомъ за новою, хотя бы она только еще чаялась и не совсѣмъ опредѣлилась. Если это не опредѣленное добро, то никакъ уже и не зло и не враги опредѣленные. Если тутъ гибнущій любимецъ-герой, то совсѣмъ не то, что погибшій злодѣй. Въ первомъ отдѣлѣ при гибели скажутъ: „Ну, слава Богу, туда ему и дорога!" А во второмъ: „Жаль, а дѣлать-то нечего, безъ того нельзя!"

Кто и *какъ* симъ путемъ, на этой дорогѣ сгибъ и перевелся на вѣки, часто говорили мы, и не своими словами, а образами творчества, образцами эпоса и подлинными па-

мятниками былинъ. Намъ остается здѣсь взглянуть, и это мы предпочтемъ,—кто отъ *какого соперника сгибъ* и каково *значеніе сего послѣдняго*, другими словами – *кто и чьмъ „перевелъ“ на Руси героевъ эпоса.*

Иванъ, *Саламанъ* или *Саломанъ* и т. п., какъ герои Сказокъ и былинъ „Сказочныхъ,“ вмѣстѣ со своими *врагами*, стоятъ не только въ близи отдѣла *перваго*, но даже и выше его, и старше, а потому вводятся въ Былины такъ сказать изъ глуби и со стороны, держась на второмъ планѣ. Впрочемъ, по скольку они введены сюда и приняты, Иванъ какъ *Гостиный сынъ* гибнетъ вмѣстѣ съ прочими богатырями на Сафатъ-рѣкѣ, отъ „силы нездѣшней“ (въ двоякомъ смыслѣ, о чемъ ниже). *Годиновичъ* же, во многомъ смѣнившій и повторившій Саламана, вошелъ въ гнѣздо кіевскихъ богатырей тверже и, хотя боролся съ царемъ Афрономъ и Кощеемъ Трипетовымъ, представителемъ кочеваго и Чудскаго быта, но уцѣлѣлъ и вышелъ невредимъ. О нихъ обоихъ въ 3-мъ выпускѣ по 2-му изданію.

Калѣки Перехожіе, не тѣ, что со Стихами своими, христіанскими и православными, отчасти же нынѣ и съ былинами, смѣнили собою старшихъ Гусляровъ, Сказателей и Пѣвцовъ Былинъ, и не тѣ же, кои, искалѣчившись физически и обнищавъ въ быту, покрыли Русь послѣ эпохи Богатырской, Земской и въ подлинномъ смыслѣ Народной, а тѣ, кои выходили изъ глубины эпохи языческой, изъ вѣросознанія космическаго (выраженнаго ихъ Голубиною Книгою), изъ толпы и свиты Кубелы (Купалы), или изъ первыхъ временъ христіанскихъ, слѣдовательно Греческихъ и Юго-славянскихъ, изъ мѣстъ Придунайскихъ и Черноморскихъ (съ ихъ Черноморскимъ Егоріемъ, Югославянскими — Пятницею и Дмитріемъ Солунскимъ), слѣдовательно Калѣки Старшіе, почти сверстники Старшимъ Богатырямъ и развѣ лишь немного ихъ моложе, тѣ сами, при вступленіи въ нашъ Народный Земскій періодъ, въ Эпическій и Историческій Кіевскій (и Новгородскій) періодъ, сами обращались въ громадныхъ, могучихъ и сильныхъ Богатырей (такъ описывается ихъ фигура, таково ихъ—увеличительное—имя на *ще*—Старчище, Пилигримище, Калѣ-

чище, Данилище, Иванище, съ нарочитымъ прозвищемъ — „Сильное“). Громадность ихъ, тяжесть одежи, клюки, орудій, страшный—зычный крикъ, все это, близкое еще къ Богатырямъ Старшимъ, надѣлило ихъ отчасти и долею сихъ послѣднихъ: они грузны, стары, дряхлы, ветхи, древни (какъ ветхи ихъ рубища—ветошь, Югославянское „дряхи“), и такъ изображаются, „во лбу глазъ ихъ уже вѣкъ нѣту (въ Новгородѣ),“ „голова стала при старости, нога за ногу запинается, рука за руку заплетается“; они уже, такъ сказать, физически обречены на *Смерть;* и смерть естественную, „силы“ у нихъ есть еще въ двое супротивъ „новаго,“ наличнаго богатыря, но „смѣлости“ и отваги (по нынѣшнему „иниціативы“) нѣтъ и „въ полъбогатыря (таковы выраженія эпоса).“ Сообразно Старшимъ Богатырямъ, и они, при зрѣлыхъ, юныхъ и наличныхъ, держатся въ сторонѣ, на второмъ планѣ сцены, появляясь лишь порою, какъ обстановка быта и аксессуаръ: и только ради своей *спеціальности*, какъ „странники“ и „пилигримы,“ люди „прохожіе“ и „перехожіе,“ чаще „встрѣчаются,“ чѣмъ суть и дѣйствуютъ, чаще *по путямъ по дорогамъ*, изъ дали и въ даль, чѣмъ на твердомъ поприщѣ постоянной дѣйствительности. Тамъ, гдѣ думаютъ они подняться до роли активной, какъ на примѣръ въ Новгородѣ, тамъ они сталкиваются съ юными наличиными героями Земства, Общины и Города, тамъ борются и *гибнутъ*, изувѣченные, побитые, въ качествѣ уже *враговъ* героямъ отдѣла *перваго*. Тамъ же, гдѣ въ ихъ *образъ*, по старому обычаю, преемству и подражанію, облекаются „нарочно“, „подражательно“ и „повторительно“ герои активные, зрѣлые и молодые, какъ на примѣръ въ челѣ „Сорока каликъ“ Михайло, Касьянъ и подобные, тамъ, при малѣйшемъ поползновеніи на роль активную, на интересы жизни дѣйствительной и обиходной, на соблазны ея, на „любовь“ и самовластное (Богатырямъ простительное) „хищеніе,“ тамъ, правда ли это или неправда, тамъ, по одному даже подозрѣнію, караются они и насильно закапываются *въ землю*, уходя въ нее по поясъ и по голову (какъ нѣкоторые Богатыри Старшіе): ты становишься „земнымъ,“ ты и уходи „въ землю.“ Изъ нихъ же, со многими ихъ чертами на себѣ,

вырабатывается и особый *наличный Богатырь*, тотъ же, что по инымъ образцамъ во главѣ „Сорока,“ *Михайло Потыкъ* (=Бродяга и Перехожій): но и онъ подъ конецъ, въ слѣдъ за женою, за то, что держался „бабы“ и „волшебства“ ея, также зарывается *въ землю при церкви*. Смерть естественная, къ которой они близки всѣ по своей древности, сводя ихъ натурально *въ землю* и *подъ землю*, совпадаетъ и съ тѣмъ, что они скоро, безъ хлопотъ и проволочки, сходятся съ *Землею* и *Земствомъ*: они скитаются *по міру*, по міру-народу, отъ него поставлены въ зависимость, ему и прислуживаютъ, и стараются угодить; они ссужаютъ, на подержаніе, для разныхъ цѣлей, одежу свою, клюку, фигуру и весь образъ наличнымъ Богатырямъ (особенно часто Ильѣ), когда нужно облечься въ *образъ старшій*, маскирующій современнаго героя. Эти услуги и заработки спасаютъ ихъ (а заспорятъ они,—пожалуй въ концѣ концовъ проиграютъ: у нихъ „силòмъ возьмутъ,“ какъ выражается Эпосъ). Спасаетъ ихъ и то еще, что въ пору Христіанства, при торжествѣ православія, они ютятся къ *монастырямъ* и *церквамъ*: къ тѣмъ же кельямъ и пещерамъ, какъ впослѣдствіи Кіевскіе Богатыри, къ тѣмъ пріютамъ, гдѣ водворились послѣ на всегда ихъ дальнѣйшіе преемники—Нищіе Старцы, Старцы Соборные, Монастырскіе, Церковные и т. д. (таковъ Данилище, таковъ и Потыкъ при церкви, и друг.). Ихъ спасаетъ и пѣніе *Стиховъ*, постепенно усвоенное ими какъ спеціальность въ христіанскій-православный періодъ, произведеній „духовныхъ,“ мало по малу вытѣснившихъ Былину и многія Пѣсни мірскія. Они уже исполняются *духа*, они „одухотворяются,“ а это окончательный залогъ спасенія, оставляющій ихъ въ живѣ и упраздняющій насильственную гибель: они сжились съ міромъ-народомъ, съ землею и земствомъ на условіи духа, и тѣмъ спасены на всѣ грядущія стадіи развитія, идущаго повсюду къ духу и его внутреннимъ началамъ. Сами Богатыри потомъ, претерпѣвши внѣшнюю гибель, скрываясь для внѣшности и снаружи, прибѣгаютъ къ тому же средству, чтобъ остаться живыми: ангелы вселяютъ ихъ въ монастырь, въ келью, въ пещеру, въ мощи; тамъ человѣкъ

просвѣтился и, по народному выраженію, „посвятился,“ просіялъ, облекся вѣнцомъ и нимбомъ святости, ему поютъ славу и слава не минуется. Потыкъ-Касьянъ, зарытый въ землю, просвѣтился: на его лицо (отъ блеска) нельзя смотрѣть, къ его ручкѣ прикладываются, никакому духу (космическому) уже не вѣруетъ онъ, дуетъ „духомъ святымъ,“ ограждаетъ и благословляетъ. Подъ конецъ поприща, Богатыри сами нерѣдко идутъ „въ Калѣки,“ какъ Данилище, подъ кровъ монастырскій (о „Калѣкахъ“ подробнѣе надѣемся мы изложить въ продолженіи своего изданія „Калѣкъ Перехожихъ,“ съ 7-го выпуска).

Старшіе Богатыри (спеціально и технически такъ называемые), какъ не разъ было замѣчено и объяснено у насъ, входя въ среду міра-народа, круга Владимірова-Кіевскаго, Богатырства тогдашняго, Земскаго и Дружиннаго, держатся по большей части въ сторонѣ отъ кипѣнія облежащей жизни, рисуются на второмъ планѣ, составляютъ почти декорацію, со стороны—хотя не безъ участія—смотрятъ на подвиги „наличныхъ“ Богатырей, дивуются и любуются ими, высказываютъ замѣчанія, большею частію моральныя и почти сентенціи, какъ старики-педагоги при скамьяхъ юношества, а порою даже оставляютъ равнодушно своихъ младшихъ преемниковъ на краю гибели: они сдѣлали уже свое дѣло прежде, ихъ пѣсня спѣта, сама *жизнь* сводитъ ихъ съ поприща, антиквируетъ и обрекаетъ на безвѣстную *смерть*. Такъ поступаетъ съ ними *жизнь*: но не ея слово и творчество, не Эпосъ, который хочетъ знать и повѣдать—ибо помнитъ — самый *процессъ* сего дѣла смерти и уничтоженія. То, что̀ *гибнетъ*, для него *еще живетъ*. Всѣ эти Богатыри непремѣнно должны уступить: тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ не такъ еще легко уступаютъ, не добровольно скрываются, не сживаются и не теряются между другими; иные хотятъ роли активной, напрягаютъ энергію и послѣднія силы; а силы ихъ вообще громадны, безмѣрны, безкрайны, безпредѣльны, безо́бразны и безобра́зны, чудовищны, стихійны. Это силы еще племенныя, свойственныя и чужимъ народамъ, и всякой „Чуди,“ съ нами сталкивавшейся при водвореніи Руси на своемъ корню и мѣс-

тѣ народномъ; силы и свои, но только раннія, изъ эпохи общаго племени Славянскаго, пока изъ него не выдѣлился и не обособился еще народъ Русскій, изъ эпохи житья при Дунаѣ и за Дунаемъ, на Черноморьѣ, и даже можетъ статься еще въ Азіи, замѣтно—изъ эпохи кочевья—до осѣдлости и землепашества, до прочной и твердой земли съ земствомъ, изъ эпохи стихійной, изъ эпохи языческаго вѣросознанія и міросозерцанія. Имъ грузно, тяжко самимъ отъ избытка могучихъ, но неопредѣленныхъ силъ безъ образа, въ особенности безъ образа народнаго и христіанскаго: они ступаютъ или ѣдутъ тяжело, медленно, все и всѣхъ вокругъ подавляя, бременя собою, обрушаясь на все соприкоснувшееся гнетомъ и гибелью. При встрѣчѣ съ жизнію новою и бытомъ опредѣлившимся или даже опредѣляющимся, со всякою формою и образомъ, для нихъ новыми и невѣдомыми, съ лицами героевъ народной, земской, сложившейся Руси, съ богатырями активными и наличными героями дня, они исполняются зависти, ненависти и мщенія, готовы и спѣшатъ ринуться, подавить, уничтожить. Они становятся *прямыми*, *абсолютными врагами*, а передъ лицомъ героевъ, обыкновенно надъ ними торжествующихъ, естественно отходятъ въ отдѣлъ *первый*, гдѣ имъ рѣшена гибель безъ сожалѣнія и состраданія, гдѣ на переди побѣдитель. Тѣмъ не менѣе, на тѣхъ порахъ, въ которыхъ они выводятся на сцену былевымъ творчествомъ, изъ которыхъ извлекаются на показъ, на порахъ еще своей самостоятельной жизни, хотя и близкой къ концу, они полны силъ, они двигаются, ходятъ и ѣздятъ по Руси, какъ чужіе новому міру, но еще свои съ міромъ древнимъ, его въ себѣ несущіе, его олицетворяющіе; будущій побѣдитель ихъ еще слишкомъ юнъ и слабъ въ наличности: самъ Илья, старшій изъ прочихъ Кіевскихъ богатырей, передъ ними ребенокъ, дѣтская игрушка имъ на ладонкѣ, въ котомкѣ за спиной, за пазухой. Потому со Старшимъ Богатыремъ такой герой не можетъ еще бороться одинъ на одинъ, какъ ровня, дѣля равное поле: не хватитъ на то ни силы, ни меча, ни смѣлости и ловкости. Стало быть, это не совсѣмъ еще то же, что *враги* эпохи Ивановой, Сала-

мановой, ни *враги* отдѣла *перваго*, подводимые эпосомъ прямо подъ мечь героя, на закланіе, какъ готовая обреченная жертва, съ заранѣе предвидѣннымъ и рѣшительнымъ концомъ: побѣда еще „на остреѣ копья (по Греческому выраженію),“ еще не вѣрно, куда склонится съ лезвея, въ этомъ и есть интересъ изображенія, въ этомъ и любопытство, изъ за котораго эпическое творчество берется за изображеніе Богатырей Старшихъ. Потому наличные герои активной дѣятельности собственно и не побѣждаютъ ихъ, не преклоняютъ, не убиваютъ: они только *содѣйствуютъ* сему, они пользуются *случаями*, подсовываютъ *орудія*, *участвуютъ* въ періодѣ *гибели* и ее *созерцаютъ*. Слѣдовательно, здѣсь *гибель богатырей*, въ своемъ техническомъ значеніи, нами условленномъ, вполнѣ на своемъ мѣстѣ и это суть эпизоды изъ отдѣла *втораго*: только они *начинаютъ* сей отдѣлъ, тогда какъ Кіевъ и Новгородъ, періодъ Княжескій и Москва—кончаютъ. Свидѣтели сей гибели со словъ творчества и послухи сихъ сказаній, мы можемъ отозваться, что здѣсь *гибнутъ не враги Руси*, а также, какъ въ другихъ, позднѣйшихъ періодахъ, *гибнутъ Русскіе богатыри*, только *Старшіе*, старше Кіевскихъ, въ Кіевскій-Владиміровъ кругъ зашедшіе изъ далекой глуби, занесенные не со стороны, а занесенные *Русью самою*, изъ той эпохи, когда сама она *слагалась*, но еще *не сложилась* окончательно; можемъ отозваться, что это гибнутъ *ея собственныя силы*, только старшія, прежнія, переживаемыя и уступающія новымъ, не безъ потрясенія, не безъ болѣзни, не безъ содраганія въ цѣломъ организмѣ и состраданія при этой участи. Здѣсь, потому же, важно не столько *лицо*, антиквирующее и устраняющее Старшаго Богатыря, важенъ не побѣдитель—ибо его въ лицѣ собственно нѣтъ, не преемникъ, пожинающій плоды гибели и уничтоженія, а важны въ творчествѣ и для насъ—*средства-помочи* гибели, *орудія* сей гибели и *случаи* ихъ примѣненія, *образы*, въ коихъ воплощается сила карающая и губящая: здѣсь-то, въ самихъ образахъ гибели, вложена *загадка*, почему становятся они карою для Богатыря Старшаго: здѣсь же выражена и *разгадка* ихъ успѣха, побѣды и торжества. Однимъ словомъ, это *символы*, хотя и весьма про-

зрачные, и понятные. Творчество Былевое, живущее по преимуществу *лицами* и *событіями*, всего менѣе склонно къ символамъ; по задачѣ своей оно призвано напротивъ все выяснить въ живомъ образѣ и образномъ словѣ (эпосѣ): но на сей ступени (о коей идетъ у насъ дѣло), повѣствуя о Богатыряхъ и Эпохахъ *Старшихъ*, стихійныхъ, расплывчивыхъ, переходныхъ-кочевыхъ и, въ добавокъ, слишкомъ давнихъ для памяти, творчество по неволѣ становится здѣсь на нѣкоторую долю *символическимъ*. Оно рисуетъ — вмѣсто лицъ, героевъ и событій—какія-то сумки, куски земли, рычаги и тяги земли, сошки, кольца, вдѣланныя въ небо, столбы отъ земли до неба, и т. д.: и тутъ-то, на этихъ кажущихся „мелочахъ" или отъ нихъ-то именно и гибнетъ Богатырство Старшее, ими оно и упраздняется, и „переводится" на Руси. Вотъ почему, съ самаго начала мы сказали, въ отдѣлѣ *второмъ* намъ важно по преимуществу оглядѣть и запомнить, *чѣмъ* и *отъ чего* гибнутъ эпическіе герои. Любопытенъ не столько самъ Святогоръ, а еще меньше не крошечный Илья при немъ: важна сумка, въ ней земля и тяга земная, давленіе земли и та мѣра, на которую Святогоръ угрязъ въ землю. Какъ видите, это даже не *Эпосъ* въ собственномъ его смыслѣ, ибо главный предметъ здѣсь не *Герой Эпическій*, какимъ сдѣлался послѣ Богатырь Кіевскій: это, скорѣе, *въ нѣдрѣ Эпоса доля Символическая*, это *Символизмъ*, облекаемый въ *Миѳъ* и *какъ Миѳъ повѣствуемый*. Миѳъ же требуетъ пояснительнаго разбора со всѣми мельчайшими его чертами, а его символизмъ нуждается въ толкованіи. Нѣкоторые у насъ избѣгаютъ сего, не столько за недостаткомъ умѣнья разгадать и истолковать, сколько въ надменномъ предположеніи, будто бы— гдѣ же народу „простому" создать затѣйливые символы и вложить въ нихъ тонкій смыслъ, вызывая разумное толкованіе? Это и есть ошибка, самая грубая. Народъ, который назвалъ себя *землею*, еще легче могъ додуматься до того, чтобы въ обычномъ правѣ выражать уступку и покупку земли передачею нагляднаго куска ея; а еще того легче въ кускѣ земли, сгубившей стихійнаго и безнароднаго Святогора, могъ видѣть и назвать себя самого, землю и земство; наконецъ, назвать и воспѣть творчески эту же земскую и земную силу

свою. Кто всѣхъ лучше и ближе, будучи пахаремъ, знаетъ *тягу* и *тяжесть* земли, — въ горсти, на сохѣ и на лопатѣ, тому не трудно было досказать, что и самъ народъ, сама Русская земля и земство ея имѣетъ также точно тягу: тягу, которая стягиваетъ всѣ части въ единый союзъ между собою, и союзомъ симъ крѣпнетъ, и къ себѣ притягиваетъ все, что однородно, и безмѣрной тяжестью давитъ все чужеродное, враждебное, противодѣйствующее. Міръ, по которому ходятъ многія тысячи съ сумою, съ котораго собственно и идутъ всѣ поборы на жизнь, чья сума и есть всѣмъ мошна и казна, міръ, который однажды рѣшилъ—„не бранись съ сумой да тюрьмой,“ и таскаетъ на себѣ вѣчно повсюду, отъ Рюрика до вагоновъ желѣзной дороги, страшно-тяжелую сумку по всему лицу земли Русской, расходясь на заработки и работая на весь Русскій міръ,—этотъ міръ-народъ, онъ же земля и земскій, безъ труда могъ догадаться, что въ Былинѣ всего тяжелѣ придется гордому Святогору и хвастливому Аникѣ, всего легче и сгубитъ ихъ—*сума* съ *землею*. Добро бы краски символа были далеко за горами, добро бы всѣ эти предметы не были за плечами: а то они близки какъ сама жизнь, какъ трудъ и дѣло цѣлой жизни; отъ дѣла же до слова и отъ слова до творчества—разстояніе не далеко. Это именно не хитро: ибо у простаго народа все просто, и слово въ эпосѣ, и миѳъ въ словѣ, и символъ въ миѳѣ, и толкъ въ символѣ. Хитро кажется *намъ*, да если мы станемъ толковать *народу нашимъ варварскимъ языкомъ*: а въ самомъ языкѣ, въ самомъ народѣ и въ его творчествѣ, по предлежащимъ образцамъ его, все это проще, чѣмъ наши *азъ* и *буки*. И такъ, переходимъ къ сему, оживляя въ памяти толкованія свои прежнія и примѣняя по возможности соображенія, представляющіяся вновь.

Самый крупный и видный изъ Старшихъ Богатырей безспорно *Святогоръ*. Хотя онъ помѣщается творчествомъ „на *Святыхъ* на *Горахъ*,“ связуясь съ ними своимъ именемъ, а вмѣстѣ роднится съ Бабою Горынинкой или Латыгоркой; хотя Гильфердингъ и слышалъ отъ *одного* пѣвца имя *Святополка*, тамъ, гдѣ у другихъ Святогоръ, составивши отсюда затѣйливую гипотезу о Святополкѣ древле-Славянскомъ: но

все это, очевидно, есть народное „осмысленіе“ имени, знакомое намъ по тысячѣ примѣровъ (ср. „Замѣтки“ выше, особенно при II-мъ т. Рыбникова), прибѣгающее къ созвучію и примѣняющееся то къ природѣ, то къ историческимъ, болѣе знакомымъ лицамъ, а вообще это путь „*усвоенія*,“ которымъ древнѣйшій образъ усвоивается Кіевской Богатырской Руси, рисуясь по ея типамъ, вступая въ кругъ Владиміровъ и Эпическій. Помѣщеніе сего героя въ сказаніи объ Аникѣ рядомъ съ героями Библейскими и Христіанскими, Греческими и Юго-славянскими, Придунайскими и Черноморскими, притомъ въ формахъ такихъ, какъ напр. „Святигоръ,“ а въ удвоенной формѣ „Егоръ-Святогоръ“ (ср. нашь 4-й выпускъ, въ семъ и 1-мъ изданіи, особенно „Указатель“ при 1-мъ), невольно заставляетъ думать, что первоначально это *Святъ-Егóръ*, Святой Егорій, прозваніемъ Храбрый, т. е. Богатырь (извѣстно, что Храбръ, Храбóръ и Храбрый во всемъ древнемъ языкѣ синонимъ Богатыря): но конечно не въ облаченіи христіанскихъ, особенно же православныхъ идей, легендъ и образовъ, а въ томъ древнемъ значеніи, которое распространено было по Дунаю и при Черномъ морѣ у древнихъ Славянъ, въ тѣхъ гнѣздахъ племени, откуда впослѣдствіи выдѣлилась и подвинулась къ Сѣверу Русь. Тамъ создавались *свои* богатырскіе образы, *свои* миѳы и сказанія о нихъ, и они-то перешли потомъ на историческое или типическое лицо христіанскаго Егорія: какъ въ тысячѣ подобныхъ случаевъ, церковь, для одухотворенія языческихъ образовъ, перенесла ихъ на лицо подвижника христіанской эры. Такимъ способомъ Егорій сдѣлался *народнымъ* богатыремъ и героемъ, преимущественно у Южныхъ Славянъ, оставшихся на древнемъ гнѣздѣ, частію же отсюда и у прочихъ Славянъ, а въ связи и у другихъ народовъ Европы. Такъ создались и извѣстные *Стихи* объ немъ, тамъ же водворившіеся и оттуда же распространившіеся (ср. прежнія наши „Замѣтки,“ особенно при Калѣкахъ Перехожихъ; Кавказское побережье Чернаго моря, между прочимъ Арменія и Грузія, чтутъ Егорія необыкновенно широко, не только какъ древнѣйшаго христіанскаго святаго, но именно въ архаическихъ образахъ эпическаго героя,

связанныхъ съ играми, обрядами, народными празднествами). По Стихамъ извѣстенъ путь побѣдоноснаго шествія сего героя съ Юга, отъ Константинополя, Чернаго Моря и Дуная *на Русь*, т. е. на Сѣверъ вмѣстѣ съ нею: и преодолѣніе имъ сотни преградъ или „заставъ," отъ густыхъ лѣсовъ, крутыхъ горъ и дикихъ звѣрей до миѳическихъ чудовищъ, и побѣды надъ врагами, и спасеніе этимъ матери—Софіи Премудрыя, подъ которою, сверхъ легенды, нельзя же не видѣть началъ водворяемой церкви христіанской съ Юга. Когда Егорій такимъ способомъ ступилъ твердо на землю Русскую, естественно ему было уже *сообразоваться* съ землею и земствомъ, то есть принять образы, которые мы и знаемъ изъ первѣйшихъ народныхъ Былинъ. Онъ долженъ былъ сдѣлаться Богатыремъ, по требованію эпохи, а по старшинству своему и происхожденію иначе не могъ явиться, какъ Богатыремъ Старшимъ. Къ сему послѣднему привтекли уже, разумѣется, черты богатырства древнѣйшаго, племеннаго, языческаго и стихійнаго, такія черты, которыя ближе и роднѣе землѣ, міру, народу, черты мірскія и свѣтскія, сообразныя всему содержанію эпоса: подъ ними должны были потускнѣть и забыться начала христіанскія, образы изъ православныхъ легендъ и сказаній, тѣмъ больше, что Старшіе Богатыри по возможности усвоивались эпосу въ ту пору, когда Русскимъ народомъ не было еще усвоено христіанство, по крайности вполнѣ. И вотъ, изъ Святъ-Егора вышелъ эпическій Святогоръ. Мы не говоримъ, что на міру и въ земствѣ онъ приравнялся къ земскимъ богатырямъ Кіевскимъ,—онъ былъ старше сихъ преемниковъ: но онъ все-таки опредѣлился въ нѣдрѣ народнаго эпоса, онъ сталъ яснѣе и воспоминаніе о немъ живѣе изъ сопоставленія съ богатырями наличными, съ лицами жизни современной; лишь сравненіе и сопоставленіе съ ними могло сколько ни будь опредѣлить и упорядочить собственныя его начала стихійныя, вообразить и изобразить его чудовищную безобразность; потому при немъ обычно въ эпосѣ Илья, либо кто ни будь изъ младшихъ, а главное — при немъ помянутые миѳы и въ миѳахъ символы. Однимъ словомъ, Святъ Егорій остался въ Стихахъ и, хотя сберегъ еще здѣсь от-

тѣнки древнѣйшаго Богатырства языческаго, но въ христіанствѣ сравнительно-юномъ пріобрѣлъ геройское значеніе *отдѣла перваго*, какъ юный и торжествующій побѣдитель: Святогоръ же, хотя лицо то же самое, перешелъ въ Былины и здѣсь, какъ Старшій сравнительно съ Кіевомъ, какъ образъ *отдѣла втораго*, обреченъ былъ на гибель и явился гибнущимъ. Скажутъ, для того ли только, какбы безплодно и безцѣльно, вообразили и изобразили Святогора, чтобы тотчасъ же въ эпосѣ принудить сей образъ разложиться и неминуемо сгибнуть? Нѣтъ, *не для того*, а *потому*: эпосъ, еще не сложившійся, а слагавшійся, не могъ *отдѣлаться* отъ образовъ старшихъ, они тѣснились и напирали на фантазію и творческое слово, напрашивались и искали себѣ мѣста, безъ нихъ нельзя было обойтись, если творить съ начала, а не съ конца. Повторяемъ, что эпосъ есть своего рода исторія, только внутренняя и такъ сказать доисторическая, долѣтописная и дописьменная: онъ отражаетъ въ себѣ и выражаетъ самый *процессъ*, самый *генезисъ* народнаго развитія. Ко этому процессу и генезису безпрестанно восходилъ и возвращался всякій эпосъ старшій, во времена языческія, и въ Индіи, и въ Греціи: отъ героевъ обращался, какъ за началомъ, къ миѳамъ, демонамъ и богамъ. Обрисовать Добрыню и Алешу, и прочихъ богатырей, а тѣмъ паче Муромца какъ богатыря „стараго," нельзя было и не было средствъ иначе, какъ помянувъ Святогора и прочихъ Старшихъ. Но, какъ скоро Святогоръ съ прочими помянутъ и выведенъ,— онъ долженъ сгибнуть, и тутъ мѣсто *орудіямъ* или *средствамъ* его гибели. Скажемъ опять, какъ и о прочихъ Богатыряхъ Старшихъ: важно не имя ихъ, не дѣяніе, не событіе подвиговъ, даже не лицо въ какомъ либо образѣ, — важны явленія, орудія и средства, *губившія* самое лицо и самый образъ опредѣляется только ими, ихъ ролью, примѣненіемъ и смысломъ въ нихъ постигаемымъ.

—

Но, прежде, чѣмъ все это оцѣнить и всему дать должное мѣсто, нужно собрать главныя и существенныя *черты*, коими рисуется миѳическая и эпическая быль о Святогорѣ: а

для того нужны *памятники* и *образцы* Былинъ или вообще Сказаній, откуда по обычаю мы приводимъ черты дословно, позволяя себѣ лишь толкованіе, а не сочиненіе данныхъ. Къ Былинамъ же и отрывкамъ, имѣющимся и доселѣ изданнымъ, мы успѣли, весною и лѣтомъ 1873 года, записать въ пополненіе отъ извѣстнаго пѣвца *В. П. Щеголёнкова* важный варіантъ Былины о Святогорѣ, разнящійся отъ Гильфердингова („Онежск. Былины" № 119, стр. 642—646, запис. въ Петерб. 5 Сентября 1871 г.), а тѣмъ паче отъ прочихъ. Это прежде всего мы и отпечатаемъ здѣсь, чтобы отселѣ имѣть уже подъ рукою всѣ данныя для разбора и указанія.

*

СВЯТОГОРЪ.

1*).

(Кижской волости, дер. Боярщины).

Жилъ-былъ Садко̀ купецъ богатыя [1]),
Во земли онъ во Крымскои [2]).

Какъ жилъ Садко̀ купецъ богатыя,
А держалъ-то себѣ слуговъ вѣрныихъ
5. Да ростилъ ли онъ Святогора да бога́тыря [3]).
Да прого́воритъ ёму Святогоръ бога́тыря [4]):
«Ай ты, Садко̀ ты купецъ да богатыя!
«Дай-ко ты мнѣ коня да богаты́рьского,
«И ѣхать мнѣ ко городу да ко Кіеву,

---

*) Главнѣйшія разнорѣчія мы приводимъ изъ помянутаго образца, записаннаго Гильфердингомъ отъ того же Щеголёнкова прежде и отпечатаннаго въ „Онежск. был." подъ № 119.

[1]) То же, что съ членомъ: „богаты-й-тъ, богаты-й-а-тъ, богаты-я-тъ."

[2]) У Гильферд. этого стиха нѣтъ; нѣтъ 4-го и 5-го.

[3]) За симъ у Гильферд. очень важное:

Явилась у Святогора-то бога́тыря,
Явилась сила-то великая.

[4]) Опять въ родѣ члена: „бога́тырь-а, бога́тыр-я."

10. «Ко тому ли князю къ солнышку ко Владымеру [1])?»
Прогóворилъ Садкò купецъ да богáтыя:
— Поѣзжай-ко ты, Святогоръ да богáтыря,
— На томъ ли ты конѝ да богатырьскоимъ [2]).—

Какъ выходитъ Святогоръ тутъ богáтыря
15. На свой онъ широкъ на дворъ,
Отворяетъ онъ дверь нá пету
Да во эту онъ конюшню бѣлодýбову,
Берётъ себѣ коня да богатырьского,
Надѣваетъ онъ узду вотъ тесьмянную,
20. Во ýздицы повода̀ шелкóвые,
Что тыихъ шелкòвъ разныихъ,
Шелковъ разныихъ, шелковъ Шаньскiихъ [3]);
А выводитъ онъ, Святогоръ богáтыря,
Да свогò-то коня богатырьского
25. Да на ши́рокъ свой да вѣдь на бѣлый дворъ,
Привязываетъ этыма поводáмы да шелкóвыма
А ко этому кольцю да золочóному,
А ко этому ко столбику до точóному;
Кла́дываетъ Святогоръ богáтыря
30. На свогò-ли-то коня да богатырьского,
Кладываетъ онъ на коня испóднички,

---

[1]) Щеголёнковъ при этомъ добавилъ эпизодически: „Князь назывался *Владымеръ* и послѣ ужь—крестившись—по грамотному *Владимiръ*."

[2]) Вмѣсто того у Гильфердинга:

Да прогóворилъ Садко купецъ богатыя:
— Ай же, Святогоръ да богáтырь ты!
— И нѣтъ у насъ поспѣховъ (доспѣховъ) богатырскiихъ.—
И написалъ-то листъ (письмо) Садко купецъ богатыя,
Написалъ-то въ землю Сорочинскую:
Выслали-то шляпу Сорочинскую
А тому ли Святогору-то богáтырю,
Вѣсомъ шляпонька-то сорока пудовъ.
И облачае Святогоръ богáтырь
Своего ли онъ коня да богатырскаго.

[3]) Шемаханскихъ, какъ и есть у Гильферд.

На исподнички кладываетъ онъ и сѣдёлышко,
А сѣдёлышко да Черка́ськое;
А застёгиваетъ подпру́ги вѣдь двѣна́дцатеры,
35. А къ этому коню да богаты́рьскому,
А пристёгиваетъ пряжки да желѣзныма,
А пряжки желѣзныя—була́тъ-желѣза̀,
Штылёчики [1]) во пряжкахъ да чи́ста зо́лота:
Булатъ-то-желѣзо есть не ржа́вѣетъ [2])
40. И Ара́вьско золото есть не дёржится [2]);
Завязывалъ Святогоръ туто бога́тыря,
Завязывалъ-то свя́сточки [3]) семѝ шелко̀въ,
А не гля́-ради красы, ради крѣпости.
Надѣваетъ Святогоръ тутъ бога́тыря,—
45. Надѣваетъ на себя онъ одежду богаты́рьскую:
Надѣваетъ Святогоръ да бога́тыря—
Надѣваетъ онъ шляпоньку на головушку,
Да шляпоньку на головушку—земли Греческой,
А Греческой земли—да сорока̀ пудовъ [4]);
50. Берётъ Святогоръ туто бога́тыря —
А берётъ-то ёнъ поспѣхи [5]) богаты́рьскіе:
А берётъ ли па́лицю булатнюю,—
Па́лиця булатня сорока̀ пудовъ;
Берётъ да въ свои руки богаты́рьскія—
55. Да берётъ-то ёнъ свой да ту́гой лукъ [6]).

Какъ поѣхалъ Святогоръ тутъ бога́тыря
Изъ этого изъ го́рода и́зъ Крыму

---

[1]) Иглы для прокалыванія, гвоздики въ пряжкѣ.

[2]) Замѣчательное употребленіе Вспомогательнаго глагола при Настоящемъ Времени, гдѣ оно равно Причастію или Прилагательному краткаго окончанія на *тъ* („есть задѣтъ," „есть битъ," какъ „есть ржавленъ, держанъ").

[3]) Связочки.

[4]) Важное, и болѣе вѣрное, отличіе отъ Гильфердинга: *Сорочинскою* была на Перехожихъ и Странникахъ обыкновенно гуня, долгополая, бѣлая (а не шляпа, какъ у Гильферд.).

[5]) Доспѣхи.

[6]) У Гильферд. „Да садился Св.... Да на этого коня... Да со своими-то поспѣхами богатырскими, Да со этоей со палицей булатнею, Да со этыимъ мечемъ да вѣдь со вострыимъ, Да со этыимъ со лукомъ со тугінмъ, Во колчанѣ тамъ-то стрѣлочки каленыя."

Ко этому ко городу ко Кіеву [1]).
Да скакалъ-ли-то конь да съ горы на́ горы,
60. И ме́лкія рѣчки перешáхивалъ [2]),
Глубо́кіи о́зера перескакивалъ,
Тёмныи лѣ́са подъ себя пущалъ [3]);
Куды конь-то ёго летитъ,
Туды и́скопоть столбомъ стоитъ.
65. Ѣхалъ Святогоръ тутъ бога́тыря [4]),
Пріѣзжаетъ онъ ко городу близко Кіеву.
Ко этыимъ го́рамъ ко великіимъ [5]),
И ѣдетъ Святогоръ тутъ бога́тыря,
А ѣдетъ ли онъ да зе́млей Руською.
70. Наѣхалъ на Святогора изъ за́ду на бога́тыря—
Наѣхалъ ли Руской ли могучій да бога́тыря,
Ста́рой козакъ Илья Муромець,
Илья Муромець да сынъ Ивановичь [6]);

---

[1]) „Отъ Садка купца-то вѣдь богатаго Да въ путь во дороженьку великую“ За симъ обычное увѣщаніе къ коню и обычное обѣщаніе коня.

[2]) Перешагивалъ.

[3]) Вотъ что называется въ другихъ образцахъ „хоботами.“

[4]) Здѣсь замѣчательнѣйшее мѣсто у Гильфердинга, гдѣ выводится типическая „похвальба“ Святогора (противу неба) и, тотчасъ за нею, какъ „кара,“ встрѣча съ Русскимъ Богатыремъ:

Да вѣдь ѣдетъ Святогоръ-то бога́тырь,
Ѣдетъ вѣдь путемъ да дороженькой,
Палицу булатнюю выкидываетъ и́зъ виду вонъ;
Разъяренилъ-то свое сердце богатырское
И прого́ворилъ-то Святогоръ тутъ бога́тырь:
„Какъ бы было кольцё въ небѣ въ Божьеёмъ,
„Да дру́го кольцо во сырой землѣ во матушки,
„Поворотилъ бы я землю-то матушку,
„Поворотилъ бы я краемъ къ верху ю!“

[5]) И Егорій, „поѣзжаючи на Русскую землю“ и „святую вѣру утвержаючи,“ встрѣчаетъ „горы кру́тыя.“

[6]) У Гильферд. богатырь неизвѣстный, оказавшійся послѣ *Самсономъ Самойловичемъ*: важное разнорѣчіе, показывающее, какъ и въ другихъ мѣстахъ, что Самсонъ былъ *моложе* Святогора и *Русье* его; но Илья вмѣсто его, какъ у насъ, обычнѣе въ прочихъ образцахъ.

Задремалъ ли Святогоръ да бога́тырь
Да на этомъ кони си́дячи богатырскоемъ,
И наѣхалъ-то-ли сзади Русской могучой бога́тырь.

Розгорѣлось его сердьцё богатырьское:
75. Подъ старымъ козакомъ Ильёй да вѣдь Муромьцёмъ
Да степённой [1]) ли конь да богатырьскія,
Да подъ этыимъ ли Святогоромъ богатыремъ—
Подъ Святогоромъ конь повыше его,
Богатырь-то ёнъ сидитъ [2])—ёнъ потолще его—
80. Да старого козака Ильи Мурьмьця [3]).
Онъ ударилъ ли, старой козакъ Илья Муромець,
Илья Муромець сынъ Ивановичь,
И этого ли богатыря своёй палицёй да богатырьскою,—
Только ёнъ [4]) пошшупалъ ёнъ своёй рукой да богатырьскою
85. Да проговорилъ Святогоръ да тутъ богатыря:
«Какъ Руськіи-то мухи кусаються!»
Другой разъ ударилъ ли старой козакъ Илья Муромець,
Илья Муромець да сынъ Ивановичь,
Этой палицёй да булатнёю
90. Этого богатыря великого,—
Какъ взялъ ли Святогоръ тутъ богатыря
Да проговорилъ ещё таково слово:
«Видно, вы Руси [5]) мухи злыи!»
Оглянулся назадъ да на праву руку,
95. Захватилъ-то ёнъ и этого коня да богатырьского,
Посадилъ-то ёнъ, Святогоръ-онъ [6]) тутъ богатыря,
Въ свой-то колчанъ богатырьскій-то,
Понёсъ-то онъ, Святогоръ-онъ [6]) богатыря [7]).

---

[1]) „Рядовой,“ „рядовичный,“ изъ ряду: не больше какъ порядочный, такъ себѣ, обыкновенный.

[2]) Святогоръ.

[3]) Это въ родѣ зависти Ильи къ Святогору, побужденіе къ нападенію не хорошее, близкое къ дерзости; по другимъ образцамъ „степенность“ Ильи, старость, малорослость, воздержность,—особенно въ сравненіи съ Идолищемъ да и передъ другими Старшими богатырями,—служатъ въ творчествѣ мотивомъ *превосходства* и *преимущества*; богатыри Кіевскіе „хвалятся“ этими качествами передъ Старшими и разными чудовищными.

[4]) Святогоръ.

[5]) Во *Руси*, на *Руси*.

[6]) *Онъ*—какъ членъ *тъ* или *отъ*.

[7]) У Гильферд. „Ёнъ (Самсонъ) ударилъ-то копьемъ по плечамъ могучінмъ, Ёнъ ударилъ-то концемъ да не вострынмъ, Да проговорилъ ли Святогоръ...:„Какъ

И нёсъ только мѣста—стрѣлища [1]),
100. Потнулся-то конь богатырьскій подъ нимъ,
Потнулся-то онъ до сырой земли,
Да палъ онъ на сыру землю колѣнкамы.
Да проговорилъ ли ёнъ, Святогоръ богатыря:
«Ай же ты, конь ли мой да богатырьскій ты!
105. «Что жь ты, не можь да служи [2]) ты мнѣ вѣрой-правдою,
«Спотыкаешься ли подо мною ты?»
Да проговорилъ-то конь голосомъ человѣчьеимъ:
— Ай жо, Святогоръ ты богатыря!
— Не могу нести на себѣ я-то двухъ богатырей [3])!—

110. Да сунулъ праву руку Святогоръ тутъ богатыря
Въ свой колчанъ богатырьскій-то:
Попалъ ёму во праву руку
Богатырь съ конёмъ а богатырьскіимъ [4]).
Поставилъ ли Святогоръ тутъ богатыря
115. И этого коня да богатырьскаго:
Да сидитъ на томъ кони да богатыря,
Да сидитъ на нёмъ тутъ богатыря [5]).
Онъ проговорилъ тутъ, Сватогоръ тутъ богатыря:
«Да хто ты есть, и Руськой и могучій богатыря [6])?»
120. — Я есть-то ли богатырь — старой козакъ Илья Муромець,

кусаютъ мухи Русскіи да до больня!" И онъ другой разъ ударилъ по плечамъ могучіимъ.., И взялъ онъ (Святогоръ)—росправилъ свою руку богатырскую, Захватилъ-то Р. мог. богатыря, Посадилъ во свой колчанъ.."

[1]) Пространство, сколько стрѣла дострѣлитъ (извѣстная мѣра въ нашей древности): у Гильф. этого стиха нѣтъ.

[2]) Форма сокращенная, какъ у Южныхъ Славянъ и особенно (Новыхъ) Болгаръ: *могу*, какъ Вспомогательный глаголъ, съ краткою тематическою формою, „не може да служи, да говори."—Не можешь служить?

[3]) У Гильферд. вопроса нѣтъ: „Да конь—потыкается—и проговорилъ...: „Отъ того я не могу (итти,—Не могу) нести двухъ богатырей,—И кладенъ у тебе (положенъ у тебя другой богатырь) да во свой колчанъ."

[4]) У Гильферд. короче: „Онъ и вынялъ изъ колчана да богатыря И со этымъ конёмъ да богатырскіимъ."

[5]) Этихъ предыдущихъ 4-хъ стиховъ нѣтъ у Гильф.

[6]) Прямо догадывается, что это *Русскій* богатырь.

— Илья Муромець сынъ Ивановичь.—
Да прогóворилъ старòй козакъ Илья Муромець:
— Ай жо, Святогоръ да ты богáтыря!
— Да пусть-ко ты будёшь да бóльшой братъ,
125. — И я-то буду да мéньшой братъ [1])!—

Да поѣхали тутъ тыи богáтыри
Да по этой ли дороженькѣ да по широкой [2]).
Да прогóворитъ Святогоръ тутъ богáтыря:
«Ай жо ты, старòй козакъ Илья Муромець,
130. «Илья Муромець сынъ Ивановичь!
«Мы-то бýдёмъ ли пытать съ тобой силы да великія [3])?»

---

[1]) Илья *самъ*, первый предлагаетъ побрататься, побратимство: конечно изъ страха, чтобъ не потерпѣть отъ сильнѣйшаго и побратимствомъ связать ему руки. У Гильф. на оборотъ, и вѣроятнѣе потому, что вмѣсто Ильи Самсонъ, имѣвшій нѣкоторыя права (какъ „Старшій" также богатырь) на старшинство: „Онъ (Самсонъ) проговорилъ ему таково слово:—Я богатырь отъ стольнаго отъ города отъ Кіева, Да *Самсонъ* да и *Самойловичь*. — Да проговорилъ ли Святогоръ... „По крестовому по брáтовству *я бóльшой* братъ, А ты будешь ли Самсонъ да ты Самойловичь, Да ты будешь мнѣ мéньшій братъ." „*Крестовое* братство," не идущее къ языческимъ и Старшимъ богатырямъ, упоминается здѣсь потому, что въ другихъ образцахъ Былинъ и другіе разные богатыри *Кіевскіе* также точно, хотя и болѣе дружественно, сошлись съ Самсономъ (какъ здѣсь Илья со Святогоромъ); когда же Самсонъ сблизился съ кругомъ Кіевскимъ, онъ сдѣлался „крестовымъ" *старшимъ* братомъ (или *отцомъ* у иныхъ) для прочихъ богатырей и симъ именемъ часто называется. Но все-таки и здѣсь оказывается, что Святогоръ, если не по кресту, то по силѣ и древности естественно былъ *старшимъ*, *бóльшимъ* братомъ Самсону, а подавно Ильѣ и прочимъ.

[2]) У Гильферд. прибавлено за симъ: „Розсержаютъ они своихъ коней богатырскіихъ, Розгарается ихъ сердце богатырское;" послѣдствіемъ этого „разгоранья" и выраженія о немъ обыкновенно является въ нашемъ эпосѣ *битва богатырей*. Такъ и вышло: поѣхавши рядомъ и осмотрѣвши хорошенько другъ друга, богатыри захотѣли *помѣряться силою*.

[3]) Очень важное мѣсто, недостающее у Гильф. Когда оба „разгорѣлись" (ср. выше), Святогоръ, какъ слѣдуетъ, тотчасъ предложилъ *попытать* силы или ею *помѣряться*. Илья, хотя и выказалъ при встрѣчѣ нѣкоторое подобострастіе (предложивши побратимство), но первый же сдѣлалъ сначала и нападеніе, а вообще, по характеру своему и какъ ниже оказывается, не прочь былъ помѣряться и конечно съ охотою согласился (хотя этого и не сказано, но очевидно). Тогда, по обычаю эпическаго богатырства, *съѣхавшись первый разъ* (для *встрѣчи*), богатырямъ предстояло *для битвы—разъѣхаться* (какбы разбѣжаться для взаимнаго удара), а подъ конецъ *снова* уже *съѣхаться* — *сшибиться въ сшибку, въ ударъ* (таковъ вездѣ порядокъ въ эпосѣ): отъ того,

Да прогóворилъ ли Святогоръ тутъ богáтыря:
«Ай жо ты, старòй козакъ Илья Муромець,
«Илья Муромець сынъ Ивановичь!
135. «Поѣзжай-ко ты горою да вѣдь высокою,
«Я поѣду дороженькой вѣдь широкой!»
Какъ выстáлъ ли [1]) старòй козакъ Илья Муромець
На эту ли на гору да на высокую,
Прогласилъ съ неба гласъ Господёнь:
140. ««Ай жо ты, старòй козакъ Илья Муромець,
««Илья Муромець сынъ Ивановичь!
««Хоть тебѣ не сказано на страженьи [2]) смерти гóрькои [3]),
««Только [4]) ты поѣдешь съ этымъ Святогоромъ да богáтырёмъ,
««Умертвить тебя Святогоръ да вѣдь богáтыря [5])!»»
145. Онъ ѣдетъ ли, старòй козакъ Илья Муромець,
А по этой ли горы́ онъ высокою,
А на своёмъ кони да богаты́рьскоемъ,
Роздражáеть ёго силы богатырьскія [6]).
Втóрый разъ гласи́лъ съ неба гласъ Господёнь:

въ слѣдъ за симъ, Святогоръ предлагаетъ „разъѣхаться,"—онъ самъ поѣдетъ *низомъ*, прежнею дорогой (гдѣ они встрѣтились), а Илья долженъ ѣхать *горою* (и взбирается на нее), съ тѣмъ, чтобъ потомъ *съѣхаться къ битвѣ при спускѣ горы, на подгорьѣ*. Но Илью, какъ сейчасъ увидимъ, при всей его горячнѣ, остановилъ съ неба гласъ, и онъ, вернувшись на старую дорогу, назадъ, волею-неволею далъ тягу. Пропустивши это предъ Гильфердингомъ, хотя и тотъ же пѣвецъ, сдѣлался уже не понятенъ, говоря непосредственно: „Да *свернулъ-то* (за чѣмъ?) вѣдь Самсонъ да вѣдь Сам., Да свернулъ-то во праву руку, въ дороженьку окольнюю."

[1]) Поднялся, взобрался.

[2]) Народный выговоръ вмѣсто „сраженья (для легкости)."

[3]) Извѣстное пророчество объ Ильѣ и собственное его сознаніе.

[4]) Но только если.

[5]) Замѣчательное противуположеніе: вызванная дерзкимъ самохвальствомъ Старшихъ богатырей (а позднѣе и Кіевскихъ), небесная сила готовитъ имъ гибель, но напротивъ становится на сторонѣ младшихъ, христіанскихъ или готовившихся ко христіанству, и *предостерегаетъ ихъ отъ предстоящей опасности, отъ гибели* (какъ послѣ спасла Ермака, младшаго, обрекши на гибель богатырей Кіевскихъ; изъ нихъ нѣкоторые отыскали себѣ спасеніе лишь при монастыряхъ, въ пещерахъ, и т. п.).

[6]) Не смотря на гласъ, продолжаетъ ѣхать по условному пути—по горѣ и продолжаетъ горячиться, готовясь съѣхаться въ битву.

150. ««Воротись, старо̀й козакъ Илья Муромець,
««Илья Муромець сынъ Ивановичь!»»
Воротился старо̀й козакъ Илья Муромець,
По этой ли горы по высокою,
Выѣхалъ онъ на путь онъ на старую [1]),
155. Да уходъ ли онъ держалъ [2]) на кони богатырьскоемъ,
Наряжалъ ли [3]) старо̀й козакъ Илья Муромець
Своего-ли-то коня богатырьского [4]).
Онъ пріѣхалъ Святогоръ да бога́тыря,
Гдѣ они сговаривались съѣхаться,
160. Съѣхаться ко низу̀ горы:
Нѣту стара̀ козака Ильи Муромця,
Ильи Муромця сына Ивановича!
Какъ поѣхалъ ли Святогоръ ли вотъ да бога́тыря —
Поѣхалъ ли этой ли горой-то да вѣдь высокою:
165. «Если онъ [5]) ѣдетъ по пу̀дгорью,
«Завалюетъ каме́ньёмъ ёго, каме́ньёмъ великима [6]).»

---

[1]) Въ Женск. родѣ, какъ во всемъ древнемъ языкѣ.

[2]) Давалъ тягу.

[3]) Приправлялъ къ тому, торопилъ.

[4]) Все это важнѣйшее мѣсто, о „розстаняхъ," о разъѣздѣ и съѣздѣ, о двукратномъ гласѣ съ неба и бѣгствѣ Гильф. варіантъ пропускаетъ: отъ того-то Самсонъ тамъ, не извѣстно зачѣмъ свернувши, исчезаетъ совсѣмъ, а только выступаетъ разъяренный бѣгствомъ, обманомъ и жаждою мести—Святогоръ. Онъ сдержавъ слово и обычай, прибылъ по уговору къ условленному мѣсту сшибки—*ко низу горы, ко подгорью*, гдѣ выдавался *утесъ со скалистою расщелиной* (къ низу), такъ называемое на Сѣверномъ языкѣ *щелье — щилье, щелья - щилья, щель—щиль*: тамъ, подъ утесомъ при расщелинѣ, и была условлена *мѣта* богатырской сшибки.

[5]) Муромецъ.

[6]) Множественное при собирательномъ „каменье."—Поѣхалъ Святогоръ горою съ тѣмъ что,—мыслитъ и говоритъ про себя,—„Если, де, Муромецъ ѣдетъ тамъ внизу, по спуску горы или подъ горою, то онъ, де, Святогоръ, отрывая и кидая съ горы камни, утёсы, завалитъ ими и побьетъ Муромца въ отместку за обманъ и бѣгство."—У Гильфердинга, въ другихъ выраженіяхъ, яснѣе и обстоятельнѣе:

И пріѣхалъ-то Святогоръ да богатырь
И ко этой ко щельи ко великіи,
И вѣдь вышелъ (слѣзъ) изъ коня да богатырскаго (изготовившись къ ожидаемой битвѣ).

Онъ проѣхалъ всю гору да высокую [1]),
Да выѣхалъ онъ на путь да на дороженьку [2]).

—

Да идётъ спереди ёго два старьца незнакомыихъ [3]):
170. Несуть оны за своима-то плечамы за могучима —
Несуть оны по сумочки по бархатной [4]).
Какъ туть Святогоръ-тотъ [5]) богатыря
Своего коня онъ наряживаетъ [6]),
Плёточкой шелковой понуживаетъ
175. По этой степи [7]) по лошадиною,

Розгорѣлось его сердце богатырское (въ ожиданіи);
Оглянулся вѣдь назадъ Святогоръ богатырь:
А вѣдь нѣтъ Самсона-то Самойловича!
Онъ (Святогоръ) поднялся на эту-то щельгу на великую,
Каменьевъ кидать своима руками богатырскима:
„Если поѣдетъ Самсонъ-то вѣдь Самойловичь,
„Я убью его камнями великима
„Со щельги со крутою!“

[1]) Все высматривая, нѣтъ ли Муромца по спуску или на возвратной дорогѣ.

[2]) У Гильфердинга:

Да не могъ дождать Святогоръ-то богатырь,
Да садился на коня своего да богатырскаго,
Онъ ѣдетъ ли путемъ-дороженькой широкою.

Здѣсь кончается *первая* и начинается *вторая* половина Былины, гдѣ вмѣсто *лица* или *героя*, въ обманъ или гибель Святогору, появляется равнозначущій *символъ*, вмѣсто земскаго богатыря Ильи—Старчество, сума, земля и тягота ея.

[3]) Это, старше самихъ Кіевскихъ Калѣкъ и родоначальники ихъ, извѣстные „перехожіе старцы,“ представители сѣдой древности, не уступавшей самому Святогору, но вмѣстѣ сжившіеся и съ Землею, носители древности и прадревней силы земли, раздаватели и укротители сей силы вліяніемъ духа, тѣ самые, которые посѣтили Муромца въ дѣтствѣ и показали ему, какова можетъ быть сила, а потомъ умѣрили ее.

[4]) Какъ всѣ вообще „старцы“ и „калѣки,“ но еще съ особымъ символическимъ значеніемъ сумы. — Теперь идетъ дѣло (какъ на сценѣ, на поприщѣ) уже *не на горѣ* и *не на горахъ*, а *по пути-дороженькѣ*, гдѣ обыкновенно и встрѣчаются старцы, калѣки перехожіе.

[5])=Члену *тъ*, *то*.

[6]) Приправляетъ и торопитъ.

[7]) Ср. въ прежнихъ выпускахъ: верхняя плоскость надъ заднею частью

Да дотра́гиваетъ Святогоръ да тутъ бога́тыря —
Дотрагиваетъ своима ли шпорамы вострыма
И того коня да богатырьского,
Дотрагиваетъ ёго подъ круты̀ ребра̀.
180. Да прого́воритъ тутъ конь голосомъ да человѣчы́имъ:
— Ай жо ты, Святогоръ да ты бога́тыря!
— Не натя́гай поводо̀въ да ты шолко́выихъ,
— Не хлыщи-ко ты меня по степи лошадиною,
— Не хлыщи меня ты плёточкой шолко́вою,
185. — Не жми меня ты шпорамы да вострыма,
— Не жми-т-ко ты меня подъ круты̀ ребра̀:
— Я-то что̀-то [1]) достану этыхъ старьцёвъ на своёй на воли̇.—
Онъ поѣхалъ Святогоръ да вѣдь бога́тыря
По этой по дороженькѣ по ши́рокой,
190. Да спустилъ онъ повода̀ шолко́вые на́-слабку [2]),
Доста́лъ [3]) онъ, конь этотъ богатырьскія,
Досталъ этыхъ старьцёвъ на пути-дороженькѣ.
Остановились эты ста́рьцы на земли на матери [4]).

---

[1]) Я и безъ того, во всякомъ случаѣ.

[2]) Слабко-па́-слабко, очень слабко: старинное *наи, на́й* (превосходная степень), употребительное доселѣ (на́-большій и т. п.), особенно же въ Новоболгарскомъ языкѣ, гдѣ прибавляется (какъ и *по* при степ. сравнит.) ко всѣмъ именамъ существительнымъ, и нарѣчіямъ, и т. д.

[3]) Достигъ.

[4]) Хотя и тутъ Святог. *съ усиліемъ* догоняетъ старцевъ и только *конь* его особенный, *смогъ* это сдѣлать (понужденіе его и отвѣтъ у Гильфёрд. выше, безъ примѣненія къ старцамъ), но у Гильфердинга черты выразительнѣе:

И онъ коня-то богатырскаго понуживаетъ,
Да не можетъ достать онъ старцевъ незнакомыихъ:
И остоялись (остановились, уже сами, иначе не догнать бы) эти старцы незнакомыи,
Положили они сумочки да на сыру землю.

Такъ во многихъ другихъ мѣстахъ нашего эпоса, такъ и съ оратаемъ Микулою, котораго не могъ догнать Вольга̀: отъ того, что они несли землю, имѣли дѣло съ землею, а Землѣ суждено было далеко уйти впередъ и перегнать представителей всякой другой, Стихійной и даже Государственной, силы.—*Старцы*, по самому имени, сверстники *Старшимъ* богатырямъ: но они, какъ сказано, успѣли дожить до земли (сложившагося народа), сжились съ нею (почему и носили, и даже представляли ее), и съ этой стороны *пере-*

Прогóворитъ тутъ старець [1]) таковò слово:
195. ««Аи жо, Святогоръ да ты богáтыря!
««Да ты думушку-ту думаёшь великую,
««Великую думушку да тяжолую,
««Роскидываёшь свою ты силу богатырьскую [2]),
««Да ты думаёшь,—«—Какъ было бы
200. ««—Кольцё во неби [3]) во Божіемъ,
««—Да дрýго бы кольцё бы во сырòй земли,
««—Во сырòй земли да во матушки,
««—Поворотилъ бы я землю крáйчикомъ,
««—Добрáлся бы старà козака Ильи Муромьця,

іхали Старшихъ богатырей, ушли впередъ; Старшіе богатыри не въ силахъ были *догнать* ихъ. Естественно, что Старцы были старше и оратая Микулы (каковъ и представляется при Микулѣ Старчище Елизарище, котораго увидимъ ниже): ибо Микула является уже эпическимъ *лицемъ*, онъ уже возится съ землею какъ съ вещественною наличностью и дѣйствительностью, тогда какъ старцы *носятъ* ее (въ сумѣ) и представляютъ еще какъ *символъ*, какъ силу невещественную, духовную и „прообразовательную," они „прообразуютъ" ту силу, которая впослѣдствіи „олицетворилась" земствомъ въ дѣйствительности. Они и умѣряютъ эту силу духовными началами (какъ пре Ильѣ, въ эпосѣ), одухотворяютъ ее, связуютъ съ силою небесною и христіанскою, ибо сами связуются съ христіанствомъ, живутъ при монастыряхъ и церквахъ, творятъ и поютъ „Стихи *духовные*." Такимъ образомъ, если полуязыческій Вольга, позднѣе представитель силы княжеской и государственной, не могъ догнать Микулы, этого наличнаго земца, это эпическое земское лицо: то гдѣ же было Святогору догнать Старцевъ, этихъ прообразователей, эти *символы* слагавшейся Земли? Ни догнать, ни *постигнуть* ихъ не было еще ни средства, ни силъ разумѣнія. Только позднѣе, въ эпосѣ уже Кіевскомъ, земскіе дружинники-богатыри начали встрѣчаться со старцами, обратившимися въ простыхъ Калѣкъ Перехожихъ, какъ *со своимъ братомъ*: но и тутъ признавали за ними силу вдвое противу себя (ср. о томъ прежде).

[1]) Одинъ изъ старцевъ.

[2]) Раскидываешь—не умомъ-разумомъ (какъ бы слѣдовало), а силою, распускаешь силу и въ ея распущенности самонадѣешься: *сила*, во всемъ эпическомъ языкѣ Славянъ, особенно Южныхъ, доселѣ имѣетъ всегда характеръ чрезмѣрности и оттѣнокъ *насилія*, а вмѣстѣ бѣшенства и безумія („Силан ли си па си се помамно?" Взбѣсился что̀ ли ты со своей силы? Въ томъ смыслѣ отчасти и Душанъ именуется „сильнымъ," — насильникомъ; сила же въ мѣру, обычная—называется *снага*, крѣпость, мощь.

[3]) Употребляя въ формахъ почти вездѣ *и* вмѣсто *ѣ*, языкъ Сѣверный постоянно и правильно употребляетъ его въ Мѣстномъ Средн. рода.

205. ««—Ильи Муромьця сына Ивановича [1])!—»
««Ай Святогоръ да ты богáтыря!
««У меня клáдена [2]) сумочка на землю на матушку:
««Подойми-т-ко-ка ты своёй да силой богатырьскою [3])!»»

---

[1]) Всѣхъ этихъ стиховъ, со 196, нѣтъ у Гильфердинга: они тамъ помѣщены выше, при началѣ поѣздки Святогора; оказывается, что гордая дума всё *продолжалась* у Святогора. Кромѣ того, она примѣнена здѣсь *къ Илье*: значитъ, поворотить всю землю было бы то же, что одолѣть представителя земли — Муромца. Эта дума *тяжелая*, а хотѣла съ земли подняться до неба: старцы воротили ее къ землѣ, укротили и погрузили въ землю, куда и загрязла сила Святогора. Наконецъ, этотъ умѣряющій голосъ старцевъ (равный тому же, который умѣрилъ въ дѣтствѣ Илью) равнозначущъ гласу съ неба, укротившему и умѣрившему самонадѣянную силу Ильи (ср. выше).

[2]) Вотъ я положилъ.

[3]) И прогóворитъ тутъ старецъ единò слово:
„„Ай же, Святогоръ да ты богáтырь!
„„Óпустись-ко ты со своего коня да богатырскаго
„„Да на этую на матушку сырý землю:
„„Да подписана на сумочкахъ (обозначена на нихъ, то же, что *есть* и притомъ *назначена*, *узаконена*)—
„„Да подписана всё земляная тягота:
„„Ты попробуй, Святогоръ да ты богáтырь,
„„Своей силы ты великою (надъ сумою, поднять ее).““

Тяжелой думѣ, поднимавшейся *къ небу*, старцы противополагаютъ *тяжесть земли* и возвращаютъ силу оттуда къ землѣ: здѣсь *тяга* земная та же, которую самонадѣянно искалъ прежде Святогоръ въ похвальбѣ (ср. выше и въ другихъ образцахъ), какъ рычагъ, коимъ бы опереться и поворотить землю краемъ къ верху, а небо къ низу; это было то же, что вызовъ силѣ небесной, дабы *потягаться* съ нею *на землѣ*; значитъ, здѣсь опять *тяга земная* то же, что Илья Муромецъ (и Самсонъ)—въ лицахъ. Въ лицѣ Ильи Святогоръ вызывалъ на бой силу высшую, лучшую, и встрѣтилъ тягу земную, которая одолѣла самого Свтогора, ибо, съ помощію небеснаго гласа, Илья избѣгъ боя и упразднилъ чудовищную силу Святогора, загрязнувшую въ безплодныхъ усиліяхъ надъ утесами и камнями. Такъ земля, земство и народъ упразднили чудовищную стихійную силу доисторическую, положивъ ее ни во что, обрекши загрязнуть въ безплодныхъ усиліяхъ, а сами хранили за собою силу высшую, которая на ихъ сторонѣ (гласъ съ неба). Отъ того-то сей тяги и нельзя было *поднять* Старшему богатырю,—ему была она не подъ силу; нельзя было и догнать,—онъ опережала развитіемъ внутреннимъ; она, какъ глубокая сила, топила и грязнила въ себѣ, до уничтоженія, силу не-земскую и не-народную, излишнюю, чрезмѣрную и безóбразную. *Лично* героя—Ильи—явно повторяется въ *символѣ*; послѣдствія встрѣчи одинаковы.

Да тутъ то Святогоръ да тутъ бога́тыря
210. Захватилъ онъ ногой да правою [1])
Эту сумочку у старьця-то единого,—
Увя́знулъ ли ёго конь да богатырьскій-то—
Угря́знулъ конь да во сыру̀ землю—
Во сыру̀ землю да по щу́точки [2]).
215. Розгорѣлась ли Святогора тутъ да бога́тыря—
Розгорѣлась ёго сила да великая [3]),—
Опустился Святогоръ тутъ бога́тыря—
Опустился со своёго коня богаты́рьского—
Опустился ёнъ на матерь на сыру̀ землю,
220. Захватилъ ёнъ эту сумочку за лямочку [4]),—
Какъ подписано во этой во сумочки
Вся-то земная тутъ тагота́ [5]).
Захватилъ-ли Святогоръ да тутъ бога́тыря
Эту сумочку своима ли рукамы богаты́рьскима,—
225. Угрязнулъ ёнъ да по колѣночку [6]).

---

[1]) Съ коня, думая сдвинуть сумку (и разсыпать землю), какъ Аника (ср. выше—въ семъ выпускѣ).

[2]) По щиточки, по щиколотки.

[3]) То же, что выше „розгорѣлось сердце:“ разъярился (отъ досады и желанія преодолѣть).

[4]) На которой носятъ сумку и всякое тяжелое *бремя, иго*.

[5]) Какъ захватилъ,—оказалось, увидѣлъ, испыталъ, (какъ бы прочелъ надпись и понялъ значеніе), что тутъ тяжесть всей земли; тогда во слѣдъ онъ захватилъ уже не за *лямку*, а прямо сумку своими (голыми, безъ посредства другаго) руками.

[6]) *Колѣну, колѣночку*,—Родительный Двойственнаго.—Варіантъ, пропѣтый Гильфердингу, остановился на семъ и не дошелъ до *кончины* Святогора (ибо имѣлъ ее въ виду, оставилъ еще впереди, хотя и упомянулъ о *трехъ пріемахъ*, кои употреблялъ Святогоръ на сумку три раза):

И онъ (Святогоръ) захватилъ-то сумочку однимъ перстомъ (самонадѣянно),
Другой разъ захватилъ да вѣдь одной рукой,
Да третей разъ-то Святогоръ да вѣдь бога́тырь
Потребилъ (употребилъ и вмѣстѣ положилъ на дѣло, истощилъ, потратилъ) онъ свою силу всю великую:
Не могъ приздыну̀ть (приподнять) онъ сумочки-то старцевой,

Какъ третій разъ [1]) переправилъ [2])
Святогоръ да тутъ богатыря
Да здынуть эту сумочку великую,
Пересѣлся [3]) Святогоръ да тутъ богатыря,
230. Кончился Святогоръ да тутъ богатыря
При этыихъ при старьцихъ [4]) да на пути-дорожки,
Остался только ёго конь да богатырьскія.

Да привороти́лся тутъ съ пути
Старо̀й козакъ Илья Муромець [5]).
235. Пріѣзжаетъ къ Святогору-ту богатырю,
Прогóворятъ-то старьцы незнакомыи:
««Ай жо ты, старо̀й козакъ Илья Муромець,
««Илья Муромець сынъ Ивановичь!
««Возьми-т-ко ты этого коня да богатырьского—
240. ««Этого Святогора да богатыря,
««Гони-т-ко ты ко городу ко Кіеву,
««Ко солнышку ко князю ко Владымеру.
««Скажи ёму [6]) тогда таково̀ слово:

Онъ угрязнулъ во сыру землю по колѣночку;
Потерялись (исчезли) тутъ-то старци незнакомыи.

Угрязнулъ такъ, что не могъ уже выѣзть, и долженъ былъ погибнуть: отъ того старцы исчезли, *покончивши* свое дѣло.

Явно, что симъ *кончается 2-й отдѣлъ, 2-я половина* былины и 2-я ея *редакція*, по которой здѣсь была *смерть* Святогору и конецъ всему. Потому нашъ варіантъ еще *продолжаетъ* эту редакцію, доводя до надлежащаго конца и описываетъ самую *смерть* Святогора, появленіе Ильи—свидѣтелемъ кончины и передачу коня ему. Всего этого, описанія смерти, нѣтъ у Гильфердинга и слѣдуетъ оно у насъ со стиха 226.

[1]) Уже угрязнувъ до колѣнъ, но еще имѣя силу въ рукахъ и въ послѣдній разъ ее напрягши.—[2]) Приготовился, снарядился (Сербск. „спреми се"), напрягся, изловчился.—[3]) Ср. выше: надорвался, осѣкся силами.—[4]) Ср. выше: въ вар. у Гильф. они исчезли, когда онъ завязъ *окончательно*, скончался.—

[5]) Во всѣхъ типическихъ образцахъ, какъ и слѣдуетъ по смыслу, Илья долженъ быть и представляется *свидѣтелемъ* кончины Святогора (но не долженъ, не въ силахъ и не можетъ быть его убійцею и губителемъ, ибо это *не первый* отдѣлъ Былинъ: молодой герой не въ состояніи взять побѣду силою); потому здѣсь Былина *возвращаетъ* его на мѣсто гибели Святогора, вѣроятно по гласу съ неба, высшему голосу внутренняго сознанія.

[6]) Старцы сами туда не идутъ: они являются внезапно (и также исчезаютъ), знаменуя симъ свое *высшее* (съ неба идущее, духовное) дѣло, *при богатыряхъ*, и безъ нужды не разгуливаютъ, особенно по княжескимъ пирамъ.

««—Ай жо ты, солнышко Владымеръ князь,
245. ««—А Владымеръ князь стольнё-Кіевьскій!
««—Этотъ конь найденъ [1]) на путй-дорожкй,
««—Былъ это конь богатырьскія,
«—Былъ ли подъ Святогоромъ тутъ богатыремъ.
««—Только мнѣ наказали [2]) старьцы незнакомыи
250. ««—Да отъ этой ли отъ горы высокія:
««—«Да кончавши тутъ [3]) Святогоръ тутъ богатыря,
««—«Не могъ-то поднять ту сумочку великую,
««—«Тяготы тутъ со всёй земли [4]).»—»»
Наказалы ли [5]) эты старьцы незнакомыи:
255. ««Ай жо ты, старой козакъ Илья Муромець,
««Илья Муромець сынъ Ивановичь!
««Скажи солнышку князю Владымеру:
««—Этымъ конёмъ богатырьскіемъ
«—Только будетъ владать Самсонъ да вѣдь Самуйловичь,
260. ««—Руськой да могучой да богатыря [6]).—»»

---

[1]) Дабы не подумали даже, что Илья *отбилъ* коня у Святогора.

[2]) Поручили передать: Сербск. „наручили, поручили, препоручили.“ — Слѣдуютъ *рѣчи старцевъ*, кои имѣлъ передать Муромецъ Владиміру.

[3]) Скончался.

[4]) Не смогши поднять земной тяготы, тяги, заключающейся въ сумкѣ.

[5]) Еще поручили передать.

[6]) Передача коня въ наслѣдство и пользованіе героя конемъ предковъ — мотивъ извѣстный не по *Былинамъ Кіевскимъ*, не изъ нашего срединнаго эпоса, а по „Сказочнымъ,“ старшимъ отрывкамъ, или прямо по Сказкамъ. — Оказывается, что Самсонъ имѣлъ *ближайшее* отношеніе къ Святогору (отъ того-то онъ и выведенъ Щеголёнковымъ въ варіантѣ, пѣтомъ Гильфердингу, и отъ того въ побратимствѣ упоминается „крестовый“ братъ или отецъ, какимъ обыкновенно представляется Самсонъ; ср. выше). Онъ, а не Илья, является и *свидѣтелемъ кончины* Святогора въ варіантѣ, ниже предложенномъ. Между тѣмъ, здѣсь равно на своемъ мѣстѣ и *Илья* (ср. выше): что же это значитъ? Очевидно, что въ Былинѣ о Святогорѣ *нѣсколько Отдѣловъ* или *Редакцій*, кои мы и раздѣлили, и указали: въ одной изъ нихъ, вѣроятно *старшей* (ибо Самсонъ старше Ильи), при кончинѣ былъ и получилъ коня въ наслѣдство *Самсонъ*, въ другой *Илья*, который все-таки однако получилъ коня *не себѣ*, а чтобы передать Самсону. Въ какой же редакціи вѣрнѣе на своемъ мѣстѣ тотъ или другой? Такъ какъ редакція съ *гробомъ* и *разрубаньемъ его посредствомъ меча* скорѣе представляетъ *миѳъ*, чѣмъ *символъ*, а редакція съ *сумкою* и *тягою* руководится *символомъ*, миѳъ же по большей части бываетъ вездѣ старше символа и требуетъ больше времени (хотя менѣе отвлеченна-

Да тебѣ-то [1]) вѣдь старинушку-славу поють [2]).

—

го смысла и логическаго вывода) дабы сложиться, чѣмъ символъ; такъ какъ миѳъ сей встрѣчается и у другихъ народовъ, а сумка и тяга—символами — по преимуществу усвоены Русью; такъ какъ символъ о землѣ и тягѣ ея предполагаетъ понятіе о значеніи Земли и Земства какъ Народа, и, стало быть, уже существованіе сихъ явленій или существъ въ жизни, что̀ происходитъ позднѣе и у насъ формировалось позже, въ творчествѣ же опредѣлилось лишь среди Кіевскаго періода; такъ какъ, мы видѣли, при сумкѣ и тягѣ неизбѣжны *старцы*, съ ихъ духовными и внутренними началами, и они же являются потомъ *при Муромцѣ*, да и самъ Муромецъ — какъ лицо героя — равенъ по смыслу символической тягѣ и землѣ (отъ того же онъ чаще всѣхъ другихъ богатырей *передѣвается* и *облекается* Калѣкою Перехожимъ); такъ какъ, наконецъ, при разрубкѣ является *мечь*, извѣстный *кладенецъ*, и онъ же обыкновенно по Былинамъ Сказочнымъ или Сказкамъ переходитъ въ наслѣдство младшему богатырю *вмѣстѣ* съ *конемъ*, а *коня* получилъ *Самсонъ*: по всему этому мы съ большимъ основаніемъ утверждаемъ, что *Редакція* съ *гробомъ и мечемъ старше*, что старше въ ней *Самсонъ*, что одна изъ старшихъ былинъ живописала гибель Святогора не сумою или тягою, а именно гробомъ и мечемъ при участіи Самсона; Самсону же, какъ старшему и сильнѣйшему, было и легче рубить гробъ, а симъ отчасти *содѣйствовать* гибели Святогора, легче, чѣмъ Ильѣ, младшему и слабѣйшему, который годился лишь во *свидѣтели* кончины (ср. выше). Напротивъ, Редакція съ *сумою-тягою моложе* и принадлежитъ какъ лицу *Ильи*, такъ и его времени. Вотъ почему Щеголёнковъ, помня *старшую* роль *Самсона*, вездѣ вставилъ *его* (безъ Ильи) въ варіантъ, пѣтый Гильфердингу, Святогора же заставилъ тамъ *окончательно* сгибнуть не при тягѣ, а при гробѣ, и кончилъ все изложеніемъ миѳа о гробѣ, — что̀ мы за симъ и напечатаемъ; нашъ же варіантъ пропѣлъ пѣвецъ какъ *особую* (младшую) Былину, вставивши вездѣ *Илью*, кончивши Святогора *тягою* и *выпустивши* все о гробѣ. *Впослѣдствіи*, когда изъ *двухъ* Редакцій и Былинъ постепенно сложилась *Редакція и Былина одна*, въ нее попали и 1) единоборство съ героемъ Ильей, и 2) символъ о тягѣ, и 3) миѳъ о гробѣ, а Самсонъ и Илья въ разныхъ роляхъ. Еще позднѣе, наконецъ, всѣ отношенія Святогора сведены *на одного Илью*, какъ *прямаго* наслѣдника и преемника Святогору по относительному старшинству и сравнительной силѣ между Кіевскими богатырями. Во всемъ этомъ убѣдимся ниже по другимъ образцамъ и тамъ же увидимъ еще *Редакцію Сказочную*, гдѣ въ Былины проникли разные элементы изъ *Сказокъ* (эпоса Черноморскаго и Придунайскаго).

[1]) Кому собственно? Скорѣе Ильѣ, ближе помянутому, чѣмъ Святогору: ср. ниже.

[2]) Здѣсь *кончается у насъ*: но у Гильфердинга, гдѣ, говорили мы, Святогоръ при тягѣ еще *не совсѣмъ* кончился, а какъ-то (непонятно для *одной* Былины, но понятно лишь при *разныхъ Редакціяхъ*, изъ коихъ одна тутъ прерывалась и начиналась другая) успѣлъ высвободиться и поѣхалъ далѣе, чтобы встрѣтить гибель *другую*, у Гильфердинга за симъ является *продолженіе*, собственно же *другая Редакція, съ гробомъ и Самсономъ*. Мы и приведемъ ее, уже не подстрочно, а въ текстѣ съ особою нумераціей.

262 (1). Да тутъ [1]) сѣлъ ли Святогоръ да вѣдь бога́тырь —
Да онъ сѣлъ ли на своего коня да богатырскаго,
И уходилось ёго сердце богатырское
265 (4). А у этой да вѣдь у сумочки [2]).
266 (5). Да поѣхалъ ли Святогоръ да бога́тырь —
Да дороженькой поѣхалъ да широкой,
Попадаетъ-то на встрѣчу Самсонъ да вѣдь Самойловичь;
Они поѣхали ко городу ко Кіеву [3]).
270 (9). Лежитъ-то вѣдь о путь о дороженьку [4])
Да гробница тутъ да каменна,
Она о́бнята обручамы да желѣзныма [5]).

---

[1]) Какъ не справился Святогоръ съ сумкою и потерялись старцы.

[2]) Собственно (и такъ конечно въ Редакціи, здѣсь кончавшейся) это значитъ, что сердце упало и силы потерялись, положилъ онъ ихъ на мѣстѣ при сумочкѣ; но симъ не кончая и переходя къ Редакціи другой, пѣвецъ долженъ былъ *спасти* Святогора отъ сумки и погруженья въ землю: потому онъ, такъ сказать, схитрилъ и далъ понять, что ярость Святогора *унялась*, *притихла*, отказался онъ отъ надежды поднять сумку и—поѣхалъ далѣе; „дѣлать, дескать, нечего, ничего не подѣлаешь, поѣду прочь."

[3]) Убѣдитесь симъ, что это *другая Редакція*, *приставленная* сюда съ *перерывомъ*, который хотѣлъ пѣвецъ замаскировать и загладить, и таковъ смыслъ предшествующихъ *восьми* стиховъ: съ какой стати Самсону было *попасться на встрѣчу*, когда онъ уже разъ *свернулъ*, и *далъ тягу*, и *обманулъ*, а Святогоръ искалъ *убить* его каменьями? Съ чего, снова встрѣтившись, поѣхали бы они оба мирно одною дорогою? Нѣтъ, завязывался ли бой у Святогора съ Самсономъ или Ильею (мы думаемъ, что *съ Ильею*—въ томъ видѣ, какъ обычно изображенъ: Самсонъ вѣроятно не далъ бы тягу и, какъ Старшій Богатырь, какъ съ *равнымъ*, боролся бы со Святоторомъ; и можетъ быть точно боролся, и можетъ статься существовала такая, старшая и утраченная нынѣ, Былина); была ли Редакція (какая и есть)—съ одною сумкою-тягою, безъ участія Самсона и Ильи (такъ и передается она, *съ однимъ* Святогоромъ да со Стардами): во всякомъ случаѣ *одна* изъ Редакцій повѣствовала о *поѣздкѣ* Святогора, о *похвальбѣ* его (кольцомъ, противъ неба и земли), потомъ о *встрѣчѣ* съ Русскимъ богатыремъ (вѣроятнѣе Самсономъ), котораго Святогоръ повезъ съ собою и потомъ высадилъ (въ семъ именно порядкѣ и длится *долго* варіантъ у Гильфердинга, прерванный *единоборствомъ* и потомъ *тягою*), послѣ чего поѣхали они *вмѣстѣ съ Самсономъ* (безъ единоборства— въ *данномъ видѣ* — то есть безъ бѣгства, укрывательства и мести) и по дорогѣ *встрѣтили гробъ*, какъ и идетъ за симъ *предлежащій* разсказъ.

[4]) *Около*, *при* пути-дороженькѣ.

[5]) Объясненіе всѣхъ этихъ подробностей ниже—при разборѣ разныхъ образцовъ, о томъ же повѣствующихъ.

Да прогóворилъ ли тутъ Святогоръ да вѣдь богáтырь:
«Ай же ты, Самсонъ да вѣдь Самойловичь!
275 (14). «Розруби-т-ко ты саблей вострою [1])
«Да вѣдь эти обручи желѣзныи!»
Ёнъ ударилъ ли, Самсонъ да вѣдь Самойловичь,
Да вѣдь по этыимъ обручамъ желѣзныимъ,
И отвалились эты обручи желѣзныи
280 (19). И отъ этой отъ гробницы [2]) отъ каменной,
И открылъ-то онъ доску-то [3]) гробóвую
И отъ этой гробницы отъ каменной.
Да прогóворилъ ли тутъ Самсонъ да вѣдь Самойловичь:
—Ай ты, бóльшой братъ [4]) Святогоръ да богáтырь!
285 (24). —Да ты лягъ во эту во гробницу-то во каменну!—
Опустился Святогоръ да богáтырь
Да на этую на матерь на сыру землю [5]);
Да прошли-то его слёзы-то горючія—
А прошли-то óны изъ яснѝхъ очей [6]);
290 (29). Ёнъ и легъ-то во гробницу вѣдь во каменну,
Да сложилъ онъ свои руки богатырскіи
И на свои-то онъ да на бѣлы груди [7]),
На бѣлы груди да богатырскіи:
Да тутъ принялъ сéби Святогоръ да вѣдь богáтырь—

---

[1]) Черта болѣе поздняя: старше *мечь*, еще миоичнѣе *кладенецъ*; можетъ быть (какъ и есть въ другихъ образцахъ) *мечь* Самсону переданъ Святогоромъ, а до того Самсонъ имѣлъ (болѣе Восточную и Азіатскую) *саблю*.

[2]) *Гробъ* у Славянъ старше (отъ *греб-у*, *гре-с-ти*) означаетъ могилу, яму или (еще старше) пещеру, а *гробница* (моложе, образовано изъ *гробъ*) — то, что̀ кладется въ гробъ, т. е. нынѣшній *гробъ* (вмѣстилище трупа), сперва тесанный изъ камня, потомъ сдѣланный изъ дерева.

[3]) Крышку, здѣсь—каменную.

[4]) Ср. выше объ ихъ побратимствѣ.

[5]) Съ коня.

[6]) Почему и о чемъ онъ заплакалъ, ср. ниже при сличеніи съ другими образцами.

[7]) Какъ дѣлаютъ обычно умирающіе въ мирѣ.

295 (34). Принялъ сéби тутъ онъ смерть великую [1]·
Да тутъ Святогору [2]) да богáтырю славу̀ поёмъ.

(Записано все отъ В. П. Щеголёнкова).

*

Кончивши пѣть намъ Былину о Святогорѣ, Щеголёнковъ прибавилъ *на словахъ*: „Старьци — это ангелы отъ Бога, черноризьци (ср. выше наше отождествленіе голоса старцевъ съ гласомъ небеснымъ и близость старцевъ—Калѣкъ—къ монастырямъ, къ черноризцамъ). Онъ (Святогоръ) мыслилъ, поворотилъ бы землю и козака Илью Муромьця нашолъ бы (ср. также выше это *примѣненіе* похвальбы къ значенію и роли Ильи): а сумочки здынуть не могъ. Конемъ-то управлялъ во Кіевѣ Самсонъ Самуйловичь богáтырь.“ Эту Старину Щеголёнковъ, по словамъ его, забылъ спѣть А. Ѳ. Гильфердингу на мѣстѣ и вспомнилъ послѣ—будучи въ Петербургѣ. Такъ пѣлъ и дядя его (Тимоѳей безногій), такъ пѣлъ и *Илья Елустаѳьевъ* (Евстаѳьевъ: знаменитый въ краю). „И Садкó, и Святогоръ (продолжалъ Щеголёнковъ) жилъ во землѣ *не-Руськія* (пришелъ изъ старшихъ областей, до опредѣленія Руси народомъ). А Святотогоръ былъ *Бóгомъ-данный*, *не-Руській* (не извѣстно, откуда взялся, явился на Русь готовымъ, посланъ на нее, а не изъ среды сложившагося народа, богатырства и эпоса), и кончался (только принялъ кончину, гибель) на Кіевьской земли. А во Святыхъ его нѣтъ (не *спасся*, не избѣгъ *роковой* гибели, какъ Илья—обращеніемъ внутрь, къ духу и къ Христіанству). А конь Ильи окáменѣлъ въ Кіевѣ, и самъ онъ во Святыхъ. Когда окончаніе свѣта будетъ, тогда оживётъ Илья Муромець и конь его оживетъ. Раскольники повѣщевають, что крестъ старый любили, двуперстный; потому справили справку у Ильи Муромьця въ пещерахъ: и видять, что въ старь хоть и было двуперстное у него сложеженіе, а послѣ у Ильи трехперстное, и многіе этымъ обра-

---

[1]) Важную, нешуточную, серіозную (ср. ея эпитеты при Аникѣ).

[2]) Тутъ уже не сомнѣваемся, что *ему*, ибо Редакція прямо объ немъ, тогда какъ другая (ср. выше) скорѣе поетъ *объ Ильѣ* и *его* встрѣчѣ со Святогоромъ.

тились (подобное разказано объ Ильѣ и Гильфердингу: см. „Онежск. Был.“ стр. 659, *Примѣч.*).

Отъ того же *Щеголёнкова* въ *третій* разъ по счету, хотя прежде насъ и Гильфердинга, записано г. *Мих. Гурьевымъ* и сообщено *Е. В. Барсовымъ* (въ „Запискахъ Р. Геогр. Общ.“ т. III, 1873, стр. 524—530). Къ сожалѣнію, записавшій, по неопытности, допустилъ старика Щеголёнкова, вмѣсто *пѣнія, пересказать на словахъ* (по трудности „натянуть“ пѣсню, чтобы „спѣть,“—какъ натянуть лукъ, чтобы спѣла стрѣла, пѣвцы, особенно старики, да еще когда имъ плохо платятъ, предпочитаютъ отдѣлываться пересказомъ). Но, если уже при пѣніи, дважды пѣвши, Щеголёнковъ пропѣлъ Гильфердингу и намъ различно, почти что въ двухъ розныхъ Редакціяхъ; если тому же г. Гурьеву пѣлъ онъ о Калинѣ и записалъ слушавшій плохонько (ср. выше образцы): то тѣмъ больше „на словахъ,“ какъ это всегда бываетъ со сказателями и какъ доказываетъ приведенный сейчасъ нами разказъ, старикъ повѣствовалъ уже на половину съ пропусками, на половину со вставками, не вездѣ словами творчества, а своимъ личнымъ говоромъ (хотя и народнымъ), безъ многихъ „эпическихъ“ пріемовъ и выраженій, съ повтореніями сказаннаго или позднимъ припоминаньемъ забытаго, съ разными личными соображеніями, сужденіями, взглядами и выводами. Т. о. хотя, благодаря пересказу, мы выигрываемъ отсюда нѣсколько добавочныхъ любопытныхъ чертъ, однако тутъ нужно быть очень осторожнымъ: сравнивать съ „пѣтою“ Былиной, оговаривать, истолковывать, провѣрять и даже исправлять въ примѣчаніяхъ, съ догадками и отгадками. Мы не считаетъ нужнымъ здѣсь даже раздѣлять и стиховъ (коихъ собственно и нѣтъ), а печатаемъ какъ варіантъ предыдущаго, прозою:

2.

(Оттуда же).

Святогоръ богатырь—сила у него неизвѣстная [1])—поѣзжаетъ въ путь-дороженьку во широку, со этыма съ доспѣ-

[1]) Безмѣрная, стихійная; то же, что выше въ разсказѣ „Богомъ данный,“ Богъ вѣсть откуда родомъ, отъ темной безвѣстной силы; по Былинамъ отъ „отца темнаго“ или „купца темнаго,“ изъ котораго въ Былинѣ же передѣланъ Садко.

хамъ богатырскима: беретъ онъ плеточку шелковую, коня-то богатырскаго попуживать, палицу булатную—поигрывать. Гдѣ конь идетъ, по колѣнъ въ землю гряжетъ подъ этымъ Святогоромъ богатыремъ [1]). Сдремалъ Св. бог. на томъ конѣ да богатырскоемъ: вдругъ и сзаду (изъ заду) его наѣхалъ человѣкъ неизвѣстенъ, ударилъ палицей булатною. И проговорилъ Святогоръ таково слово: „Русскіе мухи кусаютъ больно!“ И другой разъ ударилъ Святогора богатыря, и проговорилъ Св. таково слово: „Садко! Терпѣть не могу [2])!“ Оглянулся назадъ Св. бог. со этого коня бог., со этого со стремени булатнаго, поворотъ держалъ да на праву руку [3]), схватилъ онъ человѣка неизвѣстнаго съ сырой земли, положилъ онъ человѣка во свой колчанъ [4]). Поѣхалъ Святогоръ—палицу булатну съ руки на́ руку переметыватъ—конь-то идетъ—спотыкается:„Что̀же ты, конь, да спотыкаешься, что̀ же ты служишь не правдою [5]) мнѣ?“ Проговоритъ тутъ конь богат. голосомъ человѣческимъ, самъ говоритъ,—самъ спотыкается [6]):—Два бога́тыря на верху сидятъ! не могу нести, Св. бог., двухъ бога́тырей! Выпусти изъ колчана бога́тыря на сыру землю, побрата́итесь, одинъ будь бо́льшій братъ, другой будь меньшій братъ [7]).—Проговоритъ Св. бог. так. слово: „Кто же ты есть за бога́тырь?“ Отвѣчаетъ Р. могучій бога́тырь:—Есть Р. мог. богатырь, старый коз. И. Муромецъ с. Ивановичь.—Проговоритъ Св. таково слово: „Ай же ты, И. М. с. Ив.! Какой же ты Р. могучій бога́тырь? Везъ тебя въ колчанѣ *три поприща* со тымъ конемъ да богатырскіимъ,

---

[1]) Грязнетъ, уходитъ въ грязь: отъ давленія, отъ тяжести Святогора; за симъ опущена „похвальба,“ вставленная ниже.

[2]) Вѣроятно, пѣвецъ вспомнилъ и хотѣлъ что-то вставить о Садкѣ, у котораго по Былинѣ воспитывался Святогоръ; потомъ поправился и продолжалъ, что послѣ втораго удара Святогоръ не могъ больше вытерпѣть, оглянулся. Можетъ-быть это ошибка и записавшаго или печатавшаго: поставилъ имя или нашелъ его и не разбирая послѣ внесъ въ текстъ. Впрочемъ ср. ниже.

[3]) Поворотился, по Былинѣ „оглянулся на праву руку.“

[4]) За симъ нѣсколько разъ перебито и безъ нужды повторено.

[5]) Прозаически.

[6]) Отселѣ опять печатаемъ подъ рядъ.

[7]) Щеголёнковъ для краткости вложилъ это въ уста коню.

со этой плеточкой шелковоей, со этой палицей булатноей [1])?" И говорилъ Свят. бог.: „Когда ты называешься Р. мог. богáтыремъ – старый козакъ [2]) И. М. с. Ив.,—а я Русскій [3]) мог. бог. Святогоръ: кони у насъ *мѣрныи* [4]),—*сила у насъ неизвѣстная, у Русскіихъ могучіихъ богатыревъ* [5]).“ Вышли они [6]) со тѣхъ коней богатырскіихъ, отдохнуть на матерь на сыру землю, насыпали конямъ пшены да бѣлояровой. Кони стоятъ да всё пшено идятъ, пшено идятъ да бѣлоярово, самы ревомъ ревутъ да богатырскіимъ [7]), сѣдла у коней [8]) потрескиваютъ [9]). Пробудились Р. могуч. богатыри отъ сна да богатырскаго [10]), — не много не мало спали Р. мог. бог., не много не мало спали на сырой землѣ — *трои сутки* [11]),— стали стремена булатны перелаживать, прикрѣпить [12]) поспѣхи всѣ богатырскіи, на тыхъ коняхъ да богатырскіихъ. Садятся эты Р. мог. бог. на эт. кон. да бог. со этыма поспѣхамъ богатырскима [13]). Хочутъ ѣхать по сырой землѣ

---

[1]) Насмѣшка; въ Былинѣ „стрѣлище.“

[2]) Старымъ козакомъ.

[3]) По эпической привычкѣ: собственно же онъ „не-Русскій,“ ср. выше.

[4]) Въ мѣру, соразмѣрные, одной мѣры, ровные; но въ Былинѣ конь у Святогора повыше.

[5]) Сила же, какая есть у насъ у Русскихъ богатырей, обоимъ намъ неизвѣстна, потому нужно помѣряться, давай помѣряемся! Это извѣстный вызовъ къ единоборству: и вотъ первое, чтó замѣчательно въ варіантѣ пересказа. О предстоящемъ же единоборствѣ онъ говоритъ очень много, хотя съ повтореніями и спутанно, такъ что намъ приходится раздѣлить и разставить. Именно: 1) по обычаю эпическому, предъ боемъ, на первой встрѣчѣ, богатыри опочивъ держатъ.

[6]) Сошли, слѣзли.

[7]) Ссорясь, огрызаясь одинъ на дртаго и предвѣщая битву, какъ это обыкновенно въ эпосѣ.

[8]) Отъ реву.

[9]) Теперь 2) встаютъ отъ сна и приправляютъ коней, готовясь въ битву.

[10]) По реву коней.

[11]) Обычный эпическій терминъ: вообще видно, что поѣздка Самсона или Ильи со Святогоромъ, пока они додумались до единоборства, можетъ быть еще изъ-за какой ни будь распри, до насъ не дошедшей по Былинамъ, продолжалась довольно долго.

[12]) Прикрѣплять.

[13]) Это 3) посадка на коней и выѣздъ на единоборство, на испытанье силы, а цѣль дальнѣйшая—кому быть большимъ, кому быть меньшимъ братомъ, т.-е. кто сильнѣе и по силѣ будетъ старше.

и испытать своя сила богатырская [1]),—*который буде бо́льшій брать и который буде меньшій брать* [2]). Говорили со Святогоромъ богатыремъ *слова* да оны *крѣпкіи* [3]),—испытать своей силы богатырскоей на томъ полѣ да на чистоемъ [4]). Поѣхали оны по сырой земли по матери, коней стали попуживать этыма плеточкамъ шелковыма, палицами булатныма поигрывать, палицы кидаютъ подъ облако [5]). И *наладили разъѣзды* на сырой землѣ эты Р. мог. бога́тыри, не на много не на мало—*на три поприща* [6]), испытать-то своей силы богатырскоей [7]). Поѣхали эты бог. по чисту полю, коней стали попуживать плеточками(ы) шелковыма, тымы ль палицамы булатныма поигрывать [8]), выкидывали палицы булатныи подъ облако [9]). *Разгорѣлося сердце богатырское* у этого Св. бог., *ужахнулось сердечко* у стара коз. Ильи М. [10]), *Ужахнулось сердечко* у стара коз. И. М. с. Ив—ча, прого́воритъ коню своему бог.:—Ай же ты, конь мой бога́тырскій! *На уходъ уходи*, будемъ мы убиты [11]) отъ этого Св. бога́тыря [12])!"

---

[1]) Извѣстный граматическій оборотъ.

[2]) Эта черта замѣчательна, она дополняетъ пробѣлъ другихъ Былинъ,—тамошній внезапный переходъ къ побратимству; дѣйствительно, братаются обыкновенно уже послѣ единоборства. Теперь долженъ быть 4) уговоръ, условіе единоборства; это вставлено Щеголёнковымъ ниже. когда онъ припомнилъ, а мы должны переставить сюда.

[3]) Крѣпко слово—крѣпкій договоръ: гдѣ будутъ „розстани," какъ разъѣхаться и куда на сшибку съѣхаться, съ тѣмъ чтобы испытать свою силу.

[4]). Послѣ того, 5) самыя розстани, разъѣздъ и съѣздъ, съ указаніемъ мѣты,—черта варіанта опять замѣчательная и пополнительная.

[5]) Обычное въ эпосѣ „разъигрыванье" коней и богатырской силы, а вмѣстѣ хвастовство другъ передъ другомъ.

[6]) Съ тѣмъ, чтобы испытать...

[7]) Повтореніе.

[8]) Повтореніе.

[9]) Теперь 6) страхъ Ильи и бѣгство, утёкъ, хотя и безъ гласа съ неба, въ варіантѣ повторены и разказаны въ двухъ мѣстахъ, такъ что нужно соединить.

[10]) Выразительное и тѣмъ замѣчательное описаніе.

[11]) Прозаически.

[12]) Мы уже замѣтили выше, что гласъ съ неба—внутренній голосъ сознанія Ильи.

Разгорѣлось сердце богат. у старâ коз. И. М. с. Ив—ча [1]): поѣхалъ онъ дорожкой широкою, въ умѣ держитъ—уѣхать отъ Св. бог. Не охота получить смерти напрасныя [2]). Коня сталъ бог. плеточкой попуживать [3]), шпорами коня да бог. потыкивать, плет. шелк. помахивать, самъ говоритъ стар. каз. И. М. да с. Ив—чь:—И служи-т-ко ты, конь бог., безъизмѣнно мнѣ!—Малыя рѣки конь перешахиватъ, озера не широки перескакиватъ, лѣса дремучи подъ себя пущалъ, болота на кругъ оббѣгалъ. *Укрылся* стар. каз. Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ *со этого да со чисти поля* [4]), *уѣхалъ* стар. каз. И. М. со этого со поля чистаго [5]). На томъ ли онъ (*Свят.*) да на чистòмъ полѣ [6]) *размялъ* [7]) свою силу богатырскую: *оглянулся Св.* тутъ богатырь,—*не видать* Р. мог. богáтыря на чистòмъ полѣ, *уѣхалъ* Р. мог. богатырь со чистâ поля. *Разсмотрѣли очи ясныя*, что нѣтъ Р. мог. богáтыря на чистòмъ полѣ [8]). *Расходились печени богатырскiи* [9]), проговоритъ своему коню да богат. Святогоръ бог. так. слово: „Служи-т-ко ты мнѣ да безъ измѣнушки!“ *Разгорѣлось сердце бог.* у Святогора да богáтыря,—*догнать надо* стара каз. И. М. с. Ив—ча [10]). Шпорамы коня да онъ потрогиваетъ, конь подъ богатыремъ почувствиваетъ [11]), плеточкой шелковой полаживаетъ [12]), а палицей булатной поигрываетъ и палицу

---

[1]) Противуположеніе Святогору—уже не съ тѣмъ, чтобъ драться, а какъ бы утечь.

[2]) Сужденіе Щеголёнкова.

[3]) „Палицей булатной поигрывать,“—лишняя за симъ вставка—по привычкѣ, а здѣсь не идетъ къ струхнувшему.

[4]) Вмѣстѣ отказался „дѣлить поле,“ Югослав. „мейданъ,“ сразиться въ единоборствѣ.

[5]) Повтореніе. Потомъ послѣдовательно, 7) *пріѣздъ* Святогора на „мѣту,“ уговоренное мѣсто боя, *догадка* о бѣгствѣ Ильи и *гнѣвъ*, *рѣшимость на погоню* и *погоня*, чтобъ *достать* Илью; выраженія пересказа въ этомъ мѣстѣ очень *замѣчательны*, хотя мы по необходимости нѣкоторыя *переставляемъ*.

[6]) Откуда бѣжалъ Илья и гдѣ былъ разъѣздъ.

[7]) Разъѣздомъ, приготовленіемъ.

[8]) Хотя повтореніе, и прозаическое, но выразительное.

[9]) Отъ желчи, гнѣва.

[10]) Опять повтореніе, но сильное.

[11]) Личное выраженіе Щеголёнкова.

[12]) „Похаживаетъ;“ еще нѣсколько прибавленій, ради привычки эпическаго языка: „коня да надо ему богат. попуживать да пріударивать, палицу булатну съ ножней да вытягивать.“

подъ облако выкидываетъ. Малыи рѣчки конь перещахиватъ, озера нешироки перемахиватъ, лѣсы дремучи подъ себя пущалъ: *не досталъ* Св. бог. стара каз. И. М. [1]). Разгорѣлось сердце богат. у того ль Св. да богатыря, выходитъ [2]) онъ со добра коня, со д. к. да богат., становится онъ да на сыру землю, самъ прогóворитъ Св. бог. таково слово: „*Удержи-т-ко ты, мать сыра земля, Русскіихъ могучихъ богáтыревъ – и Святогора да богáтыря, и старà коз. Илью Муромца* [3])!“ Поднимается Святогоръ-то богатырь на эту на щелью [4]) великую: спущаетъ каменья огромныи *по всѣмъ сторонамъ, по всѣмъ сторонамъ—на три поприща.* Разсмотрѣлъ Святогоръ-то богатырь по всѣмъ по четыремъ сторонамъ: нѣтъ Русскаго мог. богáтыря, старà козака И. М. с. Ив—ча [5])! Поднимался Святогоръ да бог. на этого коня да богат., поѣхалъ-то по этому по полю по чистому, говоритъ-то онъ

---

[1]) За этимъ безплодная *месть* Святогора и *отчаяніе*, и въ послѣднемъ отчаяніи *похвальба къ небу*, пропущенная выше, а сначала еще *обращеніе къ землѣ*, чтобъ *удержала*: всего этого или нѣтъ въ другихъ варіантахъ, или здѣсь выражено съ особой силою и красотою, такъ что становится *очень замѣчательно* и еще болѣе жаль, что это пропущено въ Былинахъ, здѣсь же *не напѣто*, только пересказано.

[2]) Слѣзаетъ.

[3]) По ближайшему смыслу собственно здѣсь была просьба,—„Удержи ти Илью Муромца, чтобъ не убѣжалъ онъ, чтобы намъ сразиться, а коли бѣжалъ, чтобы мнѣ достать его каменьями,“ и тогда битва обоихъ богатырей въ извѣстномъ смыслѣ состоялась бы. Но, по видимому, это опять вставка, которую *вспомнилъ* Щеголёнковъ и которая должна бы помѣститься *предъ единоборствомъ*, когда, надѣясь еще найти противника, Святогоръ ожидалъ *страшной* сшибки и просилъ землю, чтобы она сдержала тяжесть сей борьбы, *не дрогнула бы.* Слѣдуетъ 8) *месть* Святогора, въ разсказѣ весьма *картинно* и *замѣчательно* описанная, ибо онъ не бросаетъ уже каменьевъ только *на дорогу, по спуску горы*, въ сторону бѣжавшаго, какъ въ Былинѣ, а съ отчаянія мечетъ *на удачу*, по всѣмъ сторонамъ, не попадетъ ли случайно.

[4]) Скалу съ разсѣлиной, см. выше.

[5]) Вѣроятно это должно было *предшествовать* метанью по всѣмъ сторонамъ: но, можетъ быть, и раскидавши каменья, Св. еще разъ осмотрѣлся и убѣдился, что не попалъ. Тогда Св. поѣхалъ дальше, *своею дорогой*, и вступаетъ 9) извѣстная *похвальба*. Но она въ варіантѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ образцахъ—ср. выше, — поставлена *въ отношеніе къ Илье*; Святогоръ *для того*, де, хотѣлъ перевернуть землю *крайчикомъ*, чтобы *на другомъ коньи ея*, куда скрылся Муромецъ, *достать сего послѣдняго*.

да таково слово: „Было бы кольцо да во сырой землѣ, *друго бы кольцо* да въ высокомъ небѣ [1]), поворотилъ бы я мать сыру землю *вверхъ крайчикомъ* [2]),—не уѣхалъ бы отъ меня старый казакъ И. М. с. И—чь [3])!“ Поѣхалъ путемъ-дороженькой Св. богатырь — *отъ этой думы крѣпкоей* — измѣнаконь-то пошахиваетъ [4])—приздынулъ [5]) да своей-то головы богатырской этотъ Святогоръ богатырь [6]), *утупилъ-то* опять *свои очи ясныи во сыру землю* [7]): «Не съ кѣмъ испытать силы богатырской, *нѣтъ-то мнѣ, видно, попарщичка* [8]) *и нѣтъ-то*

---

[1]) Здѣсь *два кольца*, хотя собственно нужно было *одно*—въ землѣ, чтобы перевернуть ее; и по другимъ образцамъ видно, что Св. желалъ и искалъ собственно *точки опоры*, куда бы упереться, *рычага*, коимъ бы повернуть, а *силы* хватало; эту точку опоры и указала ему судьба—представивъ на лицо земную *тягу*, которую стоило только перевернуть или поднять, но съ которою онъ однакоже не справился.

[2]) Земля конечно не представлялась *круглою*, достаточно было повернуть къ небу *конецъ или другой край плоскости* и, что было тамъ на концѣ или на краю, куда и скрылся Муромецъ, досталось бы въ руки Святогору; а безъ отношенія къ Ильѣ, Святогоръ перевернулъ бы землю и земство *вверхъ дномъ*, потрясъ бы ихъ и разрушилъ.

[3]) Дума эта, „прегордая,“ продолжала владѣть Святогоромъ и вертѣлась у него въ головѣ; самонадѣянность должна была еще усилиться: если уже Илья (а по другимъ Самсонъ) спрятался, то, значитъ, не осталось на землѣ Святогору *никого супротивникомъ*. Тогда-то, въ кару за сіе, предстала ему маленькая по объему *тяга*: но Щеголёнковъ, съ своей стороны, видимо думалъ о той досадѣ, которая овладѣла Святогоромъ *при утекѣ* Ильѣ и далъ *похвальбѣ* выраженіе нѣкотораго *унынія*, *жалобы* на неудачу ожидавшейся борьбы. Можетъ статься, *въ своемъ мѣстѣ*, т. е. немного выше, эта жалоба и разсказывалась древнимъ творчествомъ, а пѣвецъ помнилъ ее изъ какихъ либо слышанныхъ образцовъ. Во всякомъ случаѣ, то и другое, *похвальба* и *жалоба* съ *унынiемъ* описаны хотя немного спутанно, но рельефно.

[4]) Странность, отъ того ли, что не разобралъ записавшій, или послѣ не могъ вѣрно прочитать записаннаго; или—„отъ думы крѣпкой, что *изтка* былъ Ильи Муромца; или, еще проще, „*изъ нимъ*, *изъ подъ нимъ* конь-то пошахиваетъ“,—ступаетъ; ср. ниже.

[5]) Приподнялъ.

[6]) Отъ думы крѣпкой — горделивой, какъ конь началъ гордо пошагивать, такъ поднялъ голову и Святогоръ.

[7]) Но снова, послѣ похвальбы, обращенной къ небу, вспомнивъ, что на землѣ нѣтъ ему соперника, поникъ головою въ унынiи и съ жалобою.

[8]) Пары, соперника, супротивника, ровни.

мнѣ да поединьщичка [1])!» Лежитъ-то *колчанъ* да о широку

---

[1]) Этого важнаго мѣста нѣтъ въ другихъ образцахъ Былинъ. За симъ-то вдругъ и появляется *тяга*. Въ описаніи сего варіантъ имѣетъ слѣдующія, *интересныя особенности*: а) при тягѣ нѣтъ ни *старцевъ*, ни *Самсона*, ни *Ильи*, Святогоръ *одинокъ*; б) не сумочка съ землею и тягою ея, а *колчанъ*: это древнѣе и исходитъ конечно изъ той Былины, гдѣ не было *старцевъ* (какъ нѣтъ и въ семъ образцѣ), носителей *сумы*, гдѣ не было и противуположенія *земли* или ея *тяги*, а слѣдовательно гдѣ и въ колчанѣ *не было земли*, т.-е. когда Святогоръ являлся еще *безотносительнымъ, самъ по себѣ* какъ герой былины *перваго* отдѣла. Тогда въ колчанѣ могли быть стрѣлы, принадлежавшія богамъ или полубожескимъ, демоническимъ существамъ и исполинамъ (стрѣлы Зевсовы, Перуновы); усиливаясь поднять колчанъ, Святогоръ вступалъ въ борьбу съ *божествомъ*, противъ коего и воздымался „похвальбою," а наконецъ умеръ отъ *напряженія силъ* при поднятіи колчана и стрѣлъ божескихъ. Дальнѣйшая ступень творчества, противуполагавшая Святогора уже Землѣ и Народу, могла *всыпать* въ колчанъ землю, какъ и есть въ настоящемъ варіантѣ, а еще дальнѣйшая—замѣнить колчанъ болѣе извѣстною и примѣнимою къ символу—сумою, какъ въ другихъ Былинахъ. Въ такомъ случаѣ тутъ нѣтъ и *символа* (который состоитъ въ „подразумѣніи" земли и тяги), а есть миѳъ о найденномъ колчанѣ и усиліи поднять его. Иначе, безъ вліянія какой либо особой традиціи, слышанной и принятой, хотя случайно, отъ какого либо старшаго пѣвца, Щеголёнковъ едва ли смогъ бы, не проговорившись, до конца пересказа, выдержать образъ и слово *колчана*. И то еще нужно прибавить, что колчанъ *съ землею* (хотя она всыпана и позднѣе) прямо отвѣчаетъ колчану съ *богатыремъ*, съ *Ильею*, который былъ туда всаженъ Святогоромъ (см. выше и другіе образцы), а *Илья*, мы знаемъ, равенъ въ извѣстномъ періодѣ эпоса *земли* и *земству*. в) Конь *предчувствуетъ* гибель Святогора и, оставаясь единственнымъ *свидѣтелемъ* гибели хозяина (вмѣсто помянутыхъ лицъ), самъ съ горя и съ *натуги лопается, умираетъ*, сопровождаемый прощаньемъ Святогора; онъ *никому не достается*, ни Самсону, ни Ильѣ, стало-быть—противно типу „Сказочному (ср. выше)" и показанію другихъ образцовъ той же Былины, но сходно съ Югославянскимъ типомъ коня у *Марка Кралевича*, а потому, можетъ статься, восходитъ къ древности Македонской (какъ при Александрѣ Великомъ и его Букефалѣ), къ преданіямъ Южныхъ Славянъ въ Македоніи, однимъ словомъ къ связи Славянства съ Эллинизмомъ, принося къ намъ черты Святогора, чрезъ словесное преданіе и отчасти черезъ вліяніе древнихъ рукописей, отъ старшей эпохи Обще-Славянскаго творчества за Дунаемъ; при чемъ сравните и *похвальбу*, одинакую у Святогора и Александра Македонскаго,—вообще же сопоставленіе ихъ обоихъ при Аннѣ; см. выше при семъ послѣднемъ. Отъ этого-же Святогорова коня, можетъ статься, перенесенъ позднѣе образъ на *коня Ильина*, который, по словамъ того же Щеголёнкова, также *окаменѣлъ*, никому не доставшись; ср. выше. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ изображеніе *смерти коня* здѣсь и рѣдко—между другими образцами,—и оригинально, и выразительно, и очевидно очень древне.—г) Послѣ двухъ попытокъ поднять колчанъ, прибавлена здѣсь и *третья*, которая точно какъ то ждется и мы ожидали бы ее: именно, послѣ второй, Святогоръ угрязъ до колѣнъ, чѣмъ и кончается большею частію въ

путь-дороженьку [1]); подпись на колчанѣ да подписана [2]): „Въ этомъ колчанѣ *вся земная тягота.*“—Остановилъ-то Св. богатырь своего-то коня да богатырскаго, выходитъ съ коня да богат. на эту на матерь на сыру землю, глядитъ [3]) на коня да богатырскаго [4]): „Служилъ ты, конь богáтырской, вѣрой-правдой мнѣ [5])!“ Стоитъ конь—да голова повѣшена. Хочетъ Святогоръ-то богатырь испытать своей силы богатырскоей,—принимается за этотъ колчанъ подписанный [6]). Первый [7]) приздынулъ колчанъ съ сырой земли,—угрязнулъ во сыру землю по косточки [8]); второй разъ колчанъ да приздымываетъ,—угрязнулъ Святогоръ да богатырь по колѣночка. Заревѣлъ-то конь богатырской по звѣриному [9]), самъ прогóворитъ голосомъ человѣческимъ:—Некому больше ѣздить будетъ на конѣ да богатырскоемъ!—Вздохнулъ конь богатырской отъ своихъ печеней [10]),—лопнули стремена булатніи, оборвались свясточки шелковыи: увалился [11]) конь на сыру землю. Проговорилъ Святогоръ да таково слово [12])...

другихъ образцахъ, ср. выше; здѣсь же принялся богатырь и въ *третій разъ*, и успѣлъ дѣйствительно *поднять колчанъ*, но съ тѣмъ вмѣстѣ потерялъ уже окончательно послѣднія силы и *погибъ*. Однимъ словомъ, все это *великія достоинности* варіанта, за которыя не можемъ не отблагодарить гг. Гурьева и Барсова, повторяя только сожалѣніе, что это было *пересказано на словахъ*, а иногда и *своими словами*, но *не напѣто*.

[1]) Вдругъ, на пути, послѣ крайней надменностію похвальбы Святогора, лежитъ—оказывается близь, около пути...

[2]) Колчанъ значилъ, значеніе его было таково.

[3]) Слѣзши, невольно оборачивается.

[4]) И проговоритъ...

[5]) „А нынѣ прощай!“ И самъ конь предчувствуетъ.

[6]) Подпись указываетъ, что Святогоръ долженъ былъ уже знать значеніе колчана и земли, въ немъ вложенной: онъ вступалъ въ борьбу *сознательно*.

[7]) Первóй, разъ.

[8]) По кости за ступнею, по щиколотки.

[9]) Видя это; какъ животныя ревутъ.

[10]) Глубокимъ вздохомъ.

[11]) Свалился мертвымъ.

[12]) Какое? Вѣроятно выше приведенное—„Нѣтъ-то мнѣ, видно, попарничка“ или рѣчь, приписанную выше коню (какъ въ другихъ образцахъ), или, вѣроятнѣе, какъ въ другихъ еще Былинахъ, — „Видно судьбина поискала меня,“ „видно, моя смерть пришла!“

И поднялъ колчанъ со сырой земли [1]): и принялъ себѣ смерть Божью.

(Отъ Щеголёнкова).

* * *

Такова, въ трехъ варіантахъ, главная, сжатая *схема* событій со Святогоромъ, предложенная нами какъ необходимый, предварительный *общій обзоръ*, послѣ коего наступаетъ *анализъ* частностей и въ концѣ уже заключительный *сводъ*.

Другія Былины (или Старины, Побывальщины), пересказы, отрывки и вообще памятники о *Святогорѣ* записаны, собраны и отпечатаны: *П. Н. Рыбниковымъ*, т. I (нами съ Хомяковымъ изданный, 1861 г.), стр. 32--42, № 7 (со словъ крестьянки Дмитріевой, Святозерской волости, деревни Прятокъ); № 8 (отъ крестьянина *Леонтія Богданова*, Петрозаводскаго уѣзда, Кижскаго погоста), Былина и конецъ ея Пересказомъ *на словахъ* (прозаическій), съ особымъ разсказомъ о *женидьбѣ Святогора*.—Т. III (имъ же изданный въ Петрозаводскѣ, 1864 г.) стр. 1—5, № 1 (подъ именемъ Самсона), о *поѣздкахъ* Святогора, частнѣе о *женидьбѣ*, о встрѣчѣ *ангела* подъ образомъ *Ратая* или *Старца*, съ *сумами*, отъ коихъ грязнетъ богатырь (хотя и не гибнетъ, ибо отселѣ ведется разказъ о спеціальныхъ подвигахъ Самсона и его *собственной* смерти) и стр. 5—6, № 2, на половину въ *пересказѣ, о поѣздкѣ съ Ильею*, о побывкѣ у *Темнаго* отца Святогорова и о *гибели* отъ *гроба* (оба №№ отъ извѣстнаго *Т. Г. Рябинина*).—Т. IV (изданный г. Миллеромъ въ Петербургѣ, 1867), стр, 3—4, № 1, Побывальщина, *на словахъ* (отъ крест. *Трофима Романова*, изъ Колодозера, Пудожскаго уѣзда).—Затѣмъ слѣдуютъ, изъ „Онежск. Былинъ (СПб. 1873),“ записанныхъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года, №№: стр. 6, № 1, по словамъ пѣвца—окончаніе пространной Былины, а собственно „кончина“ Святогора, *въ гробу*, при Ильѣ, изъ первыхъ поѣздокъ Муромца; вставленъ разказъ о посылкѣ Ильи къ отцу Святогора за прощеньемъ при смерти; запис.

---

[1]) Третій разъ, дѣйствительно.

въ дер. Римъ, на Пудожской горѣ, 24 Іюля (1871), отъ крест. 43-хъ лѣтъ, изъ дер. Горки, Пудожгорскаго погоста, Повѣнецкаго уѣзда, *Петра Лукина Калинина*, который перенялъ сей конецъ Былины 20 лѣтъ назадъ (стало быть около 1850 г.) отъ *древняго старика нищаго* около Толвуя или Шуньги (ст. б. носителя Былины съ конца XVIII в. или по крайности начала XIX-го), но потомъ многое перезабылъ и больше отрывка не могъ припомнить.—№ 65, стр. 1.199—1.201, записано въ Кенозерѣ 17 Августа, отъ крест. дер. Росляковой, 58 лѣтъ, *Игнатья Григорьева Третьякова*, который перенялъ отъ отца, знавшаго очень много Былинъ: изъ первыхъ поѣздокъ Муромца, сначала о борьбѣ его съ Збутомъ-Сокольникомъ (который здѣсь названъ „Петръ царевичь Золототочнанинъ,“ т.-е. сказочный *Петръ Золотые ключи*); потомъ встрѣча со Святогоромъ и поѣздка съ нимъ на *Святы Горы*, куда отправился Святогоръ (самъ) кончаться и кончился, безъ миѳа о *сумѣ* и *тягѣ* или о *гробѣ*, давши Ильѣ лизнуть богатырскаго *поту* (въ другихъ образцахъ частицу своего *духа*, ибо *духъ* и—пахнущій—потъ въ народѣ часто смѣшиваются); Святогоръ здѣсь именуется *Свят-игоръ* (Святъ-Егоръ).—Стр. 1.210—1.211, № 270, съ тѣмъ же именемъ, но ошибочно двойнымъ—*Самсонъ-Святигоръ* (что впрочемъ указываетъ на непремѣнность отношенія Самсона къ Святогору), запис. въ Кенозерѣ 15 Авг., отъ крест. изъ Кривцова, 60 лѣтъ, *Ивана Александрова Гурьбина*, перенявшаго частію отъ отца, частью отъ стороннихъ стариковъ; *перезсказъ на словахъ* (хотя складный, размѣромъ Былинъ), изъ поѣздокъ Ильи, встрѣча со Святогоромъ, отправленіе вмѣстѣ на Святыя Горы, тамъ *двѣ сумки переметныя* и извѣстная кончина при Ильѣ, который его и схоронилъ.—№ 273, стр. 1,217—218, запис. въ Кенозерѣ, 14 Авг., отъ крест. съ Тамбасезера, на Югозападъ отъ Кенозера, 52 лѣтъ, *Петра Яковлева Меницкова*, который перенялъ весьма много частію отъ отца, частію по чужимъ людямъ на заработкахъ, и въ прежнее время самъ былъ хорошимъ пѣвцомъ Былинъ (ст. б., восходитъ передача по крайности къ началу XIX в.), но много и перезабылъ: изъ поѣздокъ Ильи, встрѣча Святогора, братимство, отправленіе вмѣстѣ по Святымъ Горамъ и, съѣха-

вши съ горъ на площади—луга, находка *гроба*, гдѣ и кончина Святогора, *пѣну* коего (выше *потъ*, въ друг. *дуаъ*) долженъ былъ лизнуть Муромецъ.—Наконецъ, изъ напечатанныхъ образцовъ явно относится къ Святогору (впрочемъ, безъ *шбели* его, рисующій только его положеніе и образъ) *Пересказъ*, переданный *словами* покойнаго *К. С. Аксакова*, какъ его воспоминаніе, и помѣщенный нами при 1-мъ выпускѣ (стр. XXX—XXXI), ибо исходитъ изъ эпохи и эпоса Ильи, изъ его поѣздокъ (обозначимъ его сокращеніемъ *Аксак.*).

Вотъ все главное. Для Свода и Выводовъ мы кладемъ въ основу отпечатанные выше образцы изъ устъ Щеголёнкова, въ коихъ соединены, послѣдовательно или вставками, четыре замѣтныхъ Редакціи: 1) о происхожденіи и молодости Святогора, вообще *о немъ самомъ*, о поѣздкахъ его, какъ героя перваго отдѣла (хотя и старшаго), о похвальбѣ, потомъ о гибели его — во второмъ отдѣлѣ, особенно отъ *колчана* (см. выше), при чемъ погибъ и конь. Всѣ три остальныхъ Редакціи относятся ко второму отдѣлу, къ гибели Святогора, при встрѣчѣ съ наступавшею или водворявшеюся новою жизнію, новымъ порядкомъ вещей и новыми героями.—Именно 2-я) Редакція, съ *Самсономъ* (хотя и Старшимъ богатыремъ, но младшимъ сверстникомъ Святогора и потомъ старшимъ сотоварищемъ Кіевскихъ богатырей), съ гибелью Святогора во гробѣ, съ переходомъ коня къ Самсону же (было ли между ними единоборство, вѣроятно, хотя и трудно рѣшить на вѣрное, ибо въ той формѣ, въ какой изображено, съ утекомъ и бѣгствомъ, прямѣе усвоивается оно Ильѣ).—Не позже 2-й, но старше 4-й (съ Ильею) выдается Редакція, которую мы означимъ 3-ю и о которой ниже, но которой нѣтъ у Щеголёнкова: о встрѣчѣ Святогора съ *Микулою Селяниновичемъ* (см. выше), Микулою, который въ земствѣ и эпосѣ нѣсколько древнѣе Муромца, и потому самъ Святогоръ при немъ представляется еще въ *молодыхъ лѣтахъ;* она же подробностями *женидьбы* Святогора переходитъ въ *Сказочную* (о которой мы особо говорили выше), приближаясь равно и ко 2-й, а всего болѣе къ 1-й, такъ что изъ старшихъ, не дошедшихъ къ намъ *Былинъ*

сего рода, образовались позднѣе *Сказочныя*, и просто *Сказки*, вставляемыя частями въ Былину Кіевскую (сюда же, со стороны сказочной, переходятъ черты у Щеголёнкова о купцѣ Садкѣ, въ другихъ образцахъ объ отцѣ *темномъ* и *купцѣ темномъ*, о *женѣ* — блудной поляницѣ и т. п.). Вообще эту 3-ю Редакцію мы именуемъ *Промежуточною*, ибо, роднясь съ 1-ю или даже истекая изъ ней, она роднится и съ прочими, и могла *держаться при нихъ*, какъ особая *Сказочная Былина* или прямо *Сказка* при опредѣленной *Былинѣ Кіевской—Владиміровой—Богатырской.*—У Щеголёнкова весьма мало Сказочнаго; за то, послѣ 2-й Редакціи, особенно развита у него 4-я Редакція: она характеризуется тѣсными связями съ *Ильею Муромцемъ*, представляя все событіе въ числѣ *первыхъ* поѣздокъ Ильи, на его молодости, куда сведены весьма часто и черты старшія, но все сгруппировано около „старшаго" или „стараго богатыря Кіевскаго," совершается ради него, или при немъ какъ при свидѣтелѣ, преемникѣ, наслѣдникѣ. Здѣсь тоже довольно *своихъ*, болѣе дробныхъ частей, обозначенныхъ нами выше въ примѣчаніяхъ къ тексту: напр. *встрѣча* Ильи, *удары* его, *прятанье въ колчанъ* или *карманъ*, *побратимство*, *поѣздки вмѣстѣ* со Святогоромъ, *обученье* у сего послѣдняго, *опытъ* единоборства и *бѣгство*, безплодная *месть* Святогора; *гибель* Святогора въ этой обстановкѣ представляется то физическою, простою и естественною, то отчасти въ *гробѣ*, но преимущественно отъ *сумы и земной тяги.*—Такъ какъ у Щеголёнкова всего виднѣе, а частію и въ другихъ образцахъ, вставляется нѣсколько Редакцій и нѣсколько слоевъ ихъ смѣняются одинъ другимъ, то естественно образуются *повторенія*, гдѣ одно и то же—по смыслу и существу—получаетъ разный видъ и является то *миѳомъ*, какъ напр. Илья въ колчанѣ или Святогоръ въ гробѣ, то *символомъ*, какъ напр. въ особенности *тяга земная и сумка* съ нею, то чистымъ *эпосомъ въ лицахъ*, съ *геройскими лицами и событіями*, какъ напр. самъ Илья въ единоборствѣ, надрывающій Святогора безплодною местью (и здѣсь Муромецъ равенъ тягѣ), сотоварищъ его поѣздокъ, свидѣтель гибели, преемникъ силы, наслѣдникъ богатырскихъ аттрибутовъ, или напр. *старцы*, лицомъ

своимъ равные символу сумки, и т. п.—При различеніи Редакцій, разумѣется, различаются и *роли* или *мѣста*, такъ что извѣстное лицо на своемъ мѣстѣ и въ своей роли тамъ-то, а въ другомъ случаѣ другое, порою же одно занимаетъ мѣсто и роль другаго: напр. (ср. выше) въ единоборствѣ подъ *Самсономъ* (у Щеголёнкова) нужно видѣть или по крайности понимать *Илью*, при гробѣ же подъ *Ильею* скорѣе скрывается *Самсонъ*, или въ женидьбѣ, похвальбѣ и гибели отъ сумки выставляется *Самсонъ* (у Рыбинина въ III т. Рыбник.), но явно долженъ быть *Святогоръ* и т. п. Вообще впрочемъ, все это въ 4-й Редакціи по преимуществу совершается *при Ильѣ*, его касается или къ нему относится, и все это по преимуществу есть *эпическое*.

Кромѣ сего, въ виду повтореній одного и того же подъ разными образами, есть *еще* точка зрѣнія: съ ней, въ одной Редакціи господствуетъ и преимуществуетъ *миѳъ*, въ другой *символъ*, въ третьей *эпосъ* съ лицами и событіями богатырскими. Съ сей-то именно точки зрѣнія, 1-ю Редакцію слѣдуетъ признать *Эпическою*, но Старшею, эпоса Черноморскаго и Придунайскаго, предшествовавшаго Кіевскому—Владимірову, отчасти и *Сказочною*, отчасти и *Миѳическою*, но не *Символическою;* 2-ю Редакцію можно признать всего болѣе *Миѳическою*, хотя съ передачею *миѳа* уже въ *эпосъ* (такъ что начала миѳическія облеклись въ формы господствовавшаго эпоса), и въ эпосѣ сколько Старшемъ, столько же и Кіевскомъ, а короче признать Редакціей *Миѳо-эпическою*; 3-ю, Промежуточную, уже назвали мы *Сказочною*; 4-я же по преимуществу *Эпическая*, и притомъ эпоса подъ *собственнымъ* его, техническимъ именемъ у Русскихъ, подъ именемъ Былинъ Кіевскихъ—Владиміровыхъ—Богатырскихъ, хотя не столько съ отличіями 1-го отдѣла (о подвигахъ и торжествѣ юныхъ героевъ), сколько 2-го (о гибели устарѣвшихъ); отношеніе сего эпоса къ Старшему, къ Редакціи 1 й, отчасти 3-й и 2-й, связь съ творчествомъ болѣе древнимъ, способъ ихъ соединенія и такъ сказать modus vivendi выразились употребленіемъ *символовъ*, какъ средствъ и орудій возможно яснѣе и короче передать мысль и смыслъ эпоса

Старшаго, Сказки или Миѳа, но въ то же время вводя символъ въ рядъ *чисто-эпическихъ образовъ*, усвоенныхъ циклу Владимірову. Потому здѣсь особенно въ ходу часть *Символическая*, и 4-ю Редакцію, если не называть *Чисто-Эпическою*, всего правильнѣе именовать *Символо-Эпическою* (хотя, напомнимъ, *символъ* тяги напр. повторяется въ *лицѣ* и *образѣ* Ильи, *символъ* сумы въ *лицѣ* и *образѣ* старцевъ, и т. п.). *Чистый* же эпосъ начинается для насъ собственно съ Ильи, съ его частныхъ, спеціальныхъ подвиговъ *внѣ Святогора* и внѣ области Богатырей Старшихъ.

Всѣ три образца, взятыхъ нами въ основу, различимъ мы: *Щеголёнк. А)* (нами записанный), *Щеголёнк. Б)* (запис. Гильферд.), *Щеголёнк. В)* (запис. Гурьев. у Барсова). Остальные обозначимъ, большею частію по прозвищамъ пѣвцовъ, пѣвицъ и перескащиковъ (см. порядокъ выше): *Дмитр.*, *Богд.*, *Женид.* („Женидьба" Святогора у *Богд. и Рябин.*), *Рябин.* (№ 1-й и 2-й), *Роман.*, *Калин.*, *Третьяк.*, *Гурьб.* и *Менш.* (а пересказъ К. С. Аксакова—*Аксак.*).—Изъ нихъ, по Редакціямъ, образецъ *Дмитр.* представляетъ гибель отъ *сумы и тяги*, слѣдовательно ближе къ 4-й Редакціи, но безъ Ильи, такъ что это можно разсматривать какъ Былину *чисто* о Святогорѣ, исключительно о немъ самомъ, хотя въ связи уже съ Кіевскимъ творчествомъ (почему и гибель отъ земли), но съ господствомъ *символа*, до появленія еще того оттѣнка 4-й Редакціи, по коему тягѣ и землѣ приравненъ Илья въ лицѣ его и образѣ; другими словами, это образецъ *Чисто-Символической* Редакціи, какъ самостоятельной половины изъ состава Редакціи 4-й. Образецъ въ такой *чистотѣ Символа*, привитаго къ эпосу, на ступени между Старшимъ (до-Кіевскимъ, отчасти Сказочнымъ) и между Кіевскимъ - Владиміровымъ, между Былинами рѣдокъ. Потому онъ долженъ на своемъ мѣстѣ стать особо и къ нему должно подводить варіанты о сумѣ и тягѣ безъ Ильи или, лучше, до Ильи. Съ сей точки зрѣнія, къ этому образцу всего ближе *Рябин.* (Рыбник. т. III, № 1), гдѣ подъ именемъ Самсона передается о поѣздкахъ, встрѣчахъ и похвальбѣ Святогора, равно какъ объ дѣлѣ съ сумкою безъ Ильи. Къ *періоду* или *эпохѣ* сей же Редакціи (т. е. по времени сложенія въ процессѣ творче-

ства) примыкаетъ пересказъ *Женид.*: онъ начинается у *Богд.* въ 1-й половинѣ *встрѣчею Святогора съ Микулою*, образомъ и событіемъ до Ильи, передъ его богатырствомъ, нѣсколько раньше его подвиговъ; во 2-й же половинѣ, собственно о *женидьбѣ* Святогора, Редакція, какъ сказали мы, 1-я (Старшаго, до-Кіевскаго эпоса), переходящая въ Сказочную. У *Рябин.* же, въ помянутомъ немного выше образцѣ, гдѣ въ 1-й половинѣ также точно встрѣча съ Оратаемъ или Старцемъ, но они истолкованы *Ангеломъ* (и это убавляетъ старину), подъ конецъ *Женидьба* также точно относится къ Ред. 1-й (и даже выводитъ эпическое лицо *Луки Калѣки*), а въ остальномъ является Сказочною. Потому вмѣстѣ всё это Редакція *Промежуточная* или *3-я*.—Всѣ прочіе образцы (сверхъ первыхъ трехъ, *Щеголёнк. А) Б)* и *В)*, равно сверхъ приведенныхъ сейчасъ двухъ *Дмитрі*, *Рябин. и Женид.*), то есть *Богд.*, *Роман.*, *Калин.*, *Третьяк.*, *Гурьб. и Менш.* (а также *Аксак.*), въ общемъ составѣ своемъ суть Редакціи 4-й, въ связи съ Ильею или въ отношеніяхъ къ нему.

Но въ нихъ *Вставки* — изъ другихъ, и старшихъ. Таковы: *А)* въ образцѣ *Щеголёнкова А)* и *Б)*—о воспитаніи и жизни Святогора, на первыхъ годахъ, у *купца богатаго* (*темнаго*, какъ указываютъ другіе варіанты), къ званію котораго привито былевое имя *Садки Богатаго* (благодаря тому, что онъ и купецъ, и богатый); потомъ *Рябин.*, № *2 и Калин.*, объ *отцѣ* Святогора (*темномъ* же). Это изъ 1-й Редакціи (Старшаго эпоса, до-Кіевскаго), съ переходомъ въ 3-ю, Сказочную.—*Б)* Вставка *о блудной женѣ* Святогора и о посадкѣ Ильи въ *колчанъ* (позднѣе въ *карманъ*), *Щеголёнк. А) Б) и В)*, *Богд.*, *Роман.*, *Третьяк.*, *Гурьб.* и *Менш.*, при чемъ о *женѣ* собственно только въ *Богдан. и Роман.*, у прочихъ о *колчанѣ* или *карманѣ*, куда отнести нужно и *Щегол. В)*, черту о *колчанѣ*: это изъ той же 1-й Редакціи, съ переходомъ въ 3-ю Сказочную (а вмѣстѣ обѣ образуютъ *Промежуточную*). Именно: о *женѣ*, извѣстной по Былинамъ и Сказкамъ, удалой и дикой *Поляницѣ*, которая „блуждала“ и, что то же, „блудила,“ черта занесена *старшимъ* слоемъ и въ эпосъ героическій, Богатырскій, Кіевскій-Владиміровъ, какъ напр. о Настасьѣ, послѣдующей женѣ Добрыни, о Бабѣ Латы-

горкѣ при Ильѣ и т. п.; но преимущественно это стихія Сказочная, встрѣчаемая безпрестанно при Иванѣ въ разныхъ его видахъ и при прочихъ лицахъ Сказочныхъ; поелику же она рисуетъ все-таки спеціально Святогора, его лице и образъ, составляя продолженіе варіанта о *женидьбѣ*, то въ семъ „Сказочномъ" видѣ мы должны усматривать по праву и преимущественно слой Старшаго, Черноморскаго, Придунайскаго и Общеславянскаго Эпоса, т. е. Редакцію 1-ю. Что касается до *любовника* Поляницы, то здѣсь Илья только *подставленъ*, благодаря эпохѣ Редакціи 4-й, а могъ быть *всякій* и конечно былъ въ 1-й и 3-й Редакціи тотъ или другой герой *до Ильи*, и царь Афромей, Афронъ, и Идолище, и Змѣй (какъ послѣ Змѣевичъ Тугаринъ при Маринкѣ или Апраксіи), и даже Самсонъ (во 2-й Редакціи). Это *событіе* и *образъ эпически-сказочные*. Другое нѣсколько дѣло, хотя и связанное съ блудною женой, это—*колчанъ* съ юнымъ богатыремъ-губителемъ внутри (или, то же, *карманъ* какъ чрево Кроноса и Сатурна, поглощавшее юныя силы и новые организмы: это *миѳъ*, обратившійся позднѣе въ *символъ*—съ землею внутри (*Щегол. В*), а старше конечно со *стрѣлами-губительницами* (кои, разумѣется, собирался Святогоръ послать небу въ угрозу, но самъ погибъ отъ нихъ); наконецъ пріурочили сей миѳъ и символъ къ образу и лицу чисто-эпическому, къ Ильѣ въ 4-й Редакціи. Прибавимъ, что *сказочный ларецъ*, въ коемъ посажена жена Святогора, совершенно того же происхожденія и значенія, какъ колчанъ и карманъ (Святогоръ также хотѣлъ тутъ скрыть молодую силу, но она нашла случай и возможность *соблудить съ юнымъ героемъ*, какъ это извѣстно во многихъ миѳахъ о богахъ, въ *сѣти* Афродиты и т. п.).—*В*) Вставка третья, о Поляницѣ мущинѣ, совершенно въ Сказочномъ видѣ изъ 3-й Редакціи, то есть съ именемъ *Петра царевича Золотые Ключи*, изъ чего Кіевскій эпосъ сдѣлалъ при Ильѣ (да и прочихъ богатыряхъ, пытавшихъ съ нимъ силу, напр. Добрынѣ) Збута, Сокольника, Нахвальщика, Невѣжу, Жидовина, Татарина и т. п. Онъ собственно и не относится къ Святогору, развѣ какъ загадочный, столь извѣстный по Былинамъ, сынъ Ильи, явно выводи-

мый здѣсь отъ *блудной жены* Святогора, въ смыслѣ продолженія его исторіи (и потому онъ вставленъ въ Былину о Святогорѣ).—*Г*) Вставки о *Самсонѣ*, хотя и нѣсколько младшемъ, и менѣе сильномъ, чѣмъ Святогоръ,—о братѣ *меньшомъ*, но все-таки о Старшемъ Богатырѣ, а потому особой Редакціи 2-й, непосредственно слѣдующей за первою, именно: такова, во первыхъ, вставка въ Былину голаго имени *Самсона*, какъ у *Гурьб.*; во вторыхъ, цѣлая Былина у *Рябин.* № 1, подъ именемъ *Самсона* повѣствующая о Святогорѣ (и это доказываетъ тѣсную связь обоихъ); далѣе, о наслѣдствѣ *коня*, перешедшаго къ *Самсону* въ образцѣ *Щегол. А)* (въ 1-й Редакц. Святогоровъ конь погибъ); еще далѣе о наслѣдствѣ конечно имъ же, *Самсономъ*, *меча-кладенца* (черта, какъ и наслѣдство коня, по преимуществу Сказочная, о чемъ выше), хотя у *Богд.* получаетъ наслѣдство меча *подставленный* Илья (у Ильи собственно именуется *сабля*); всего же больше *миѳъ* о *гробѣ*, миѳъ очень древній, опредѣленный и потому дословно почти повторяемый, самъ по себѣ уже старшій, чѣмъ эпоха и эпосъ Ильи: мы доказали выше, что онъ идетъ прямо къ *Самсону*, какъ наслѣднику коня и меча Святогорова, какъ Старшему Богатырю, ближайшему къ Святогору, чѣмъ Илья (и какъ, на оборотъ, символъ *сумы* и *тяги* земной ближе къ Ильѣ). Таковы вставки этой *Миѳо-Эпической* (2-й) Редакціи въ образцахъ, сверхъ *Гурьб.* и *Рябин.* 1 (у которыхъ лишь *имя Самсона*, но нѣтъ *гроба* и все идетъ о спеціальностяхъ Святогора), въ *Богдан.*, *Роман.*, *Камн.* и *Меншик.* Вообще же вставки эти, касающіяся чѣмъ либо *Самсона*, истекали изъ Редакціи столь важной и обширной, что у *Щегол. Б)* образовали собою *цѣлую Былину*, гдѣ уже вездѣ и во всѣхъ роляхъ при Святогорѣ выведенъ *Самсонъ*, а Ильи вовсе нѣтъ, и гдѣ, стало быть, изъ Былины съ *Самсономъ* мы должны наоборотъ *исключить* всё то, что относится скорѣе *къ Ильѣ*.

По сему поводу скажемъ особо объ *исключеніи вставокъ*, гдѣ слѣдуетъ примѣнять сей способъ. А именно, на прим., а) изъ Былинъ, называющихъ или выводящихъ *Самсона*, равно какъ изъ обстоятельствъ, его касающихся, слѣдуетъ

исключить опытъ *единоборства* съ *утекомъ* младшаго героя, ибо это характернѣе для Ильи, соединено съ *гласомъ небеснымъ* (образомъ и событіемъ болѣе позднимъ, извѣстнымъ не разъ при Ильѣ), а напротивъ не естественно для Самсона, сверстника—хотя и слабѣйшаго—Святогору и также Старшаго Богатыря; вслѣдствіе сего самый разсказъ *Щеголёнк. Б)* о единоборствѣ Святогора съ *Самсономъ* не послѣдователенъ, не выдержанъ, не полонъ (ср. выше). Замѣтимъ, впрочемъ, это единоборство собственно *второе*; а *первое*, при первой встрѣчѣ (т. е. слабый ударъ Святогору), съ послѣдовавшею посадкою въ колчанъ или карманъ, могло относиться (какъ отнесено въ Былинѣ) равно и къ Ильѣ, и къ Самсону, ибо Самсонъ по всему былъ меньше и слабѣе, могъ и умѣститься въ колчанѣ или карманѣ, могъ и ударъ сдѣлать слабый или невѣрный; такъ что мы склонны даже эту *первую ошибку* отнести скорѣе къ Самсону, на ступени старшей, за коей послѣдовало *единоборство второе*, съ бѣгствомъ и безъ всякой ошибки, или, иначе, съ местью Святогора и съ укрывшимся Ильею (отъ того у *Щеголенк. Б)* Самсонъ, какъ замѣтили мы выше, укрывшійся,—вдругъ потомъ является снова при Святогорѣ какъ ни въ чемъ не бывало). Совершенно точно также и *братимство* со Святогоромъ мы можемъ оставить на равныхъ правахъ и при Ильѣ, и при Самсонѣ, даже скорѣе при Самсонѣ, ибо тутъ употреблено именованіе *крестнаго* братства (о чемъ выше), Самсонъ же старше Ильи, слѣдовательно и прежде его могъ брататься со Святогоромъ (на оборотъ, въ нѣсколькихъ образцахъ Илья представляется не братомъ, не родней, а прямо *ученикомъ* Святогора).—За то б) встрѣча *сумы и тяги земной*, при *старцахъ*, болѣе близкихъ къ Ильѣ, чѣмъ къ Самсону, непремѣннѣе относится *къ Ильѣ* и должна быть, на оборотъ, *исключена* изъ Былинъ, называющихъ *Самсона*: ибо это *символъ* той же *земли* и того же *земства-народа*, представителемъ коихъ былъ Илья. Связь сію доказываетъ самъ Илья весьма ясно, повторяя въ эпосѣ *лицомъ* своимъ и *образомъ* совершенно то же самое, что рядомъ изображается въ сумѣ и тягѣ земной какъ въ *символѣ*; хотя конечно мы должны были оговориться

(см. выше), что *употребленіе* этого *символа* сравнительно на нѣкоторую долю старше, чѣмъ повторительно выраженный тотъ же смыслъ въ геройскомъ и эпическомъ *лицѣ* или *образѣ* Ильи. Вотъ почему *Дмитр. и Рябин.* № *1*, описывая возню Святогора съ сумою и тягою, не выводятъ еще при семъ никакого другаго лица или героя рядомъ, въ качествѣ свидѣтелей, то же самое и *Щегол. В)*: ибо здѣсь спеціально царствуетъ еще *символъ*, предупреждая появленіе *лицъ* или *образовъ эпическихъ*. Съ другой стороны, вотъ почему прочіе образцы, въ дальнѣйшихъ шагахъ творчества, какъ *Гурьб.*, при гибели отъ сумы и тяги помѣщаютъ исключительно *Илью*, а не Самсона, или не кого либо другаго; вотъ почему у *Третьяк.* Святогоръ гибнетъ *при Ильѣ*, хотя безъ сумы, тяги и гроба; вотъ, наконецъ, отчего *Щегол. Б)*, выводя суму и тягу *при Самсонѣ*, впадаетъ въ запутанность, заставляетъ Святогора освободиться отъ сумы съ землею и подводитъ ex abrupto, vel deus ex machina, Самсона (только что укрывшагося), дабы при немъ, какъ и слѣдуетъ, описать гибель Святогора *въ гробу*.—Потому же в) мы должны исключить изъ миѳа *о гробѣ*, какъ онъ переданъ эпосомъ, и даже изъ самихъ Былинъ, сосредоточившихъ разсказъ *при гробѣ*, должны исключить, говоримъ, *дѣятельную роль Ильи*, хотя бы Илья тутъ и назывался (и это повсюду, гдѣ есть *гробъ*, ибо только у *Щегол Б)* при гробѣ Самсонъ, а не Илья); а наипаче нужно исключить *наслѣдство Муромцемъ меча* (какъ *Роман.*), связаннаго съ наслѣдствомъ *коня*; но, на оборотъ, гдѣ *сума и тяга*, тамъ требуется исключить изъ свидѣтелей имя *Самсона*, замѣнивъ *Ильею* (какъ *Щегол. В)*. Много, если въ событіи *при гробѣ* Илья былъ только *свидѣтелемъ*, а рубилъ и хитрилъ на вѣрное Самсонъ (ср. доводы сему выше). Вообще, тѣ образцы (какъ нѣкоторые изъ помянутыхъ выше), кои при *сумѣ и тягѣ* помѣщаютъ неизмѣнно *Илью*, вѣрнѣе своей 4-й Редакціи; а тѣ на конецъ, кои выводятъ смерть Святогора при *Ильѣ*, но не только безъ гроба, а даже и безъ сумы съ землею, какъ смерть естественную, не какъ гибель,—тѣ еще чище могутъ называться *Ильинскими*, еще рѣшительнѣе и глубже вошли въ роль 4-й Редакціи; ибо она постепенно высвободилась отъ *симво-*

лизма въ чистый эпосъ, и потому, вмѣстѣ съ симъ, таковые образцы *позднѣе, моложе*.

И такъ, на долю собственно 4-й Редакціи или, что то же, на долю *эпоса объ Илье, эпоса Ильинскаго*, за выдѣленіемъ вставокъ, въ образцахъ, означенныхъ выше, остаются намъ: *поѣздка къ Святогору* или, на *первыхъ* поѣздкахъ Ильи, *встрѣча со Святогоромъ*; далѣе, отчасти, хотя переноснѣе и даже отвлеченнѣе, *блудъ съ женою* Святогора; *первая ошибка* безвреднымъ *ударомъ* и несчастье попасть въ *колчанъ* или *карманъ* къ Святогору; столь же переносно или, такъ сказать, подражательно эпосу Старшему, *братанье* со Святогоромъ; несомнѣнно *поѣздки* съ нимъ по разнымъ мѣстамъ и въ томъ числѣ на родинѣ Святогора—по „Святымъ Горамъ," а при этомъ *ученье* у Святогора и переёмъ у него богатырскихъ ухватокъ, какъ начало послѣдующаго преемства въ нѣкоторой долѣ силы; столь же несомнѣнно—*покушеніе на единоборство и утекъ, бѣгство* во спасеніе отъ *мести* Святогора, оказавшейся безплодною и безвредною для Ильи; слышаніе предостерегающаго *гласа*, и съ неба, и отъ старцевъ, и изъ внутри себя; присутствіе *свидѣтелемъ* при гибели Святогора, особенно же отъ *сумы* и *тяги*; можетъ быть—присутствіе и при томъ событіи, когда Святогоръ сгибъ *во гробу* подъ безплодными или коварными ударами Самсона; *посредство* для передачи *коня Самсону* (*Щегол. А*); наслѣдство въ долѣ *силы*, съ осторожностію и умѣренностію, съ принятіемъ частицы *духа*, у иныхъ подъ видомъ *пота, пѣны* и т. п.; *похороны* Святогора и даже, по нѣкоторымъ образцамъ, водруженіе на могилѣ его *чуднаго креста* (позднѣйшая, христіанская черта эпоса, весьма идущая однако, къ строго-православному Ильѣ). И т. п., болѣе мелкое (какъ напр. оставленіе Святогора „лежать въ покоѣ," у *Аксак.*).

Когда такимъ образомъ мы исключимъ, отличимъ и обведемъ извѣстными предѣлами всё *Ильинское*, какъ область чистаго, технически называемаго Русскаго эпоса, Богатырскаго - Кіевскаго - Владимірова, куда *вошелъ* или *занесенъ Святогоръ* изъ Эпоса Старшаго: тогда, вмѣстѣ съ симъ и тѣмъ самымъ, мы съ достовѣрностію легко опредѣлимъ се-

бѣ остатки, а въ остаткахъ область *Эпоса Старшаго*, самого по себѣ. Въ семъ же послѣднемъ, по извѣстнымъ признакамъ, указаннымъ отчасти выше, останется намъ выдѣлить стихію *Сказочную* и, различивши въ средѣ Старшихъ Богатырей *Самсона*, окончательно выяснить себѣ *Святогора*, какъ *самаго Старшаго Богатыря*, а за одно выяснить и всю спеціальность повѣствующаго о Святогорѣ *Старшаго Эпоса*.

Любопытно также, оттѣнки разбираемой нами Редакціи 4-й въ отношеніи къ Святогору и Эпосу Старшему размѣстить по ступенямъ ихъ *относительнаго старшинства* другъ передъ другомъ. Для этого, минуя значеніе вставокъ, которыя не могутъ служить вполнѣ и всегда надежнымъ критеріемъ сравнительной древности образца (ибо часто въ самый—видимо—поздній образецъ, напр. *чисто*-Ильинскій, попадаетъ и естественно можетъ попасть любая древнѣйшая вставка), мы должны напротивъ наблюсти признаки болѣе внутренніе, примѣнительно не къ Святогору, а къ Ильѣ, къ эпосу не къ Старшему, а къ Кіевскому, то есть: что въ эпоху самого Ильи, при изображеніи его лица, его обстоятельствъ и подвиговъ, представляется относительно первичнѣе, прямѣе, проще и естественнѣе, а что моложе, позднѣе, искусственнѣе и искаженнѣе. Не пускаясь объ этомъ въ подробности (ибо это касается уже не столько Святогора, сколько Ильи, и предстоитъ намъ еще ниже), замѣтимъ вообще и вкратцѣ, что къ первому, наиболѣе автентичному разряду конечно слѣдуетъ причислять слѣдующіе Редакціи и образцы, предпочтительно предъ другими: тѣ, гдѣ встрѣча Ильи со Святогоромъ представляется *не случайною*, вдругъ, ни съ того ни съ сего, какъ напр. у *Гурьб.* и *Третьяк.*, а гдѣ, напротивъ, происходитъ въ одну изъ *первыхъ поѣздокъ* Ильи, какъ *Богд.*, *Роман.* и друг.; еще лучше, какъ у *Калин.* (очень древній образецъ), гдѣ Илья *самъ* начинаетъ этимъ всю свою дѣятельность и нарочно отправляется *искать* Святогора, ибо „хотѣлъ узнать,“ „захотѣлъ посмотрѣть“ его; далѣе, гдѣ, нашедши Святогора, „кланяется низёхонько“ (а не лѣзетъ тотчасъ задирать и драться, какъ въ другихъ—таковъ и основный типъ Муромца); гдѣ.

за симъ, ѣздили они со Святогоромъ „по многу времени“ (*Калин.* же); гдѣ Илья долго *учился* у Святогора и „выучился у него всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскіимъ.“ какъ у *Богдан.*; гдѣ, при покушеніи на единоборство, Илья изображается *трусливье*, а творчество не щадитъ его лица и геройства, какъ *Щегол. А) и В)*, ибо на оборотъ творчество позднѣе старалось бы своего перваго и старшаго Кіевскаго богатыря какъ можно болѣе выгородить изъ трусости, изобразить храбрѣе и оправдать; потомъ, гдѣ Илья служитъ только *свидѣтелемъ* кончины Святогора и послушнымъ *исполнителемъ* его завѣтовъ, а потому и мирнымъ, законнымъ преемникомъ силы, и счастливымъ наслѣдникомъ, какъ именно въ образцахъ *при тять* (и не столько *при гробѣ*). Наконецъ, обширные образцы, соединяющіе въ себѣ нѣсколько Редакцій, какъ *Щегол. А)*, уступаютъ въ древности состава и Редакціи такимъ, которые берутъ лишь одинъ моментъ, одно событіе, одно имя или лицо героя, какъ напр. *Щегол. Б)*, *Калин.* и т. п. Но, при этомъ, гдѣ, напр., ускользаетъ уже не только древнѣйшій *миѳъ и символъ*, а страдаетъ и самый *эпическій образъ* въ своихъ чертахъ и выразительныхъ подробностяхъ, напр. гдѣ Муромцу приходится подбирать лишь *потъ и пѣну* съ умирающаго Святогора, какъ у *Третьяк.*, или же оставлять Святогора—„лежать въ *покоѣ*,“ какъ у *Аксак.*:—такія Редакціи уже не суть краткія, а *сокращенныя*, такіе образцы *урѣзаны* или *убавлены* изъ обстоятельныхъ и полныхъ.

Есть еще, относительно Святогора, *Редакція пятая*, позднѣе предыдущихъ, Чисто-Эпическая и притомъ Кіевская-Владимірова-Богатырская: гдѣ Святогоръ либо теряетъ свое лицо и личность, даже имя, сливаясь съ *прочими* Богатырями *Старшими* въ одну кучу (особый разрядъ, названный нами давно „Богатыри *Скученные*“); либо только что *упоминается* въ ряду другихъ лицъ и богатырскихъ событій, хотя бы и Старшимъ еще (а подавно ровесникомъ и равнымъ), но совершенно уже *въ средѣ* богатырей Кіевскихъ, въ кругу Владиміровомъ, какъ сжившійся съ Землею и новыми ея представителями. Однако прибавимъ все-таки, что образцы, гдѣ это встрѣчается, большею частію

какъ вставка, не только важнѣе и старше тѣхъ, гдѣ вставки нѣтъ, но даже видимо старше многихъ такихъ, гдѣ подъ рядъ и спеціально повѣствуется о Святогорѣ. Образцевъ этихъ, а лучше сказать *чертъ*, разбросанныхъ по разнымъ образцамъ въ свидѣтельство существовавшей 5-й Редакціи, мы не перечисляемъ особенно и процитуемъ ихъ только на своемъ мѣстѣ въ общемъ сводѣ и выводѣ.

Наконецъ, по отношенію къ Святогору могутъ быть названы *6-ю Редакціей* тѣ образцы творчества, гдѣ нѣтъ уже ни имени, ни воспоминанія о лицѣ *Святогора*, но гдѣ миѳъ его или образъ и положеніе (ситуація) переведены *на другихъ богатырей*, такъ впрочемъ, что нельзя не узнать здѣсь *первообраза*, происхожденіемъ своимъ истекающаго отъ Святогора и Святогоровской эпохи: таковы, преимущественно въ Былинахъ о *Дюкѣ*, какъ напр. *Рыбник.* т. I №№ 47 и 49, препятствія Дюку при поѣздкѣ на Русь: тѣ же, что Егору-Святогору, а отношенія его къ Ильѣ совершенно и дословно тѣ же, что Ильи къ Святогору; или въ концѣ выпуска I-го (стр. XXXIV) нашъ разсказъ (въ сокращеніи *Безсон.*), гдѣ Илья *гибнетъ въ гробу* точь въ точь, какъ Святогоръ. Все это *процитуемъ* въ своемъ мѣстѣ.

Теперь же, указавши весь потребный путь изысканія, и указавши болѣе для другихъ, ибо сами мы уже продѣлали всю таковую операцію, изложимъ *догматически* (т. е. обратно ходу изысканія), какъ послѣдовательный по Редакціямъ и Образцамъ Сводъ, самую *быль* о Святогорѣ и особенно о его *гибели* разными способами. Здѣсь предстануть намъ: I) *Святогоръ самъ по себѣ*, какъ Старшій Богатырь и герой Старшаго Эпоса, или, что то же, какъ Старшій Эпосъ о немъ и судьбахъ его, на сколько уцѣлѣлъ таковой, безотносительно къ другимъ лицамъ и событіямъ эпическимъ, наипаче же младшимъ, хотя и съ миѳами или символами, рисующими отношеніе Святогора къ новому, наступившему вслѣдъ за симъ порядку вещей, притомъ въ такомъ сравненіи съ симъ послѣднимъ, что замѣтно носилось уже предчувствіе и представленіе о чемъ-то *иномъ*, долженствовавшемъ сгубить и антиквировать Святогора: тутъ въ *Эпосъ* привходитъ довольно элементовъ и *Сказочныхъ*. —

II) *съ Самсономъ*, отчасти при элементахъ *Миѳа* и—хотя менѣе—*Символа* или *Сказки*.—III) *Съ Ильею Муромцемъ, на первыхъ порахъ и среди зачатковъ Кіевскаго*, т. е. собственно-Русскаго, господствующаго и технически опредѣленнаго *Эпоса*, съ параллелью въ *Сказкѣ* и *Миѳѣ*, а болѣе еще въ *Символѣ*.—IV) Съ *прочими богатырями* и со всѣмъ *Кругомъ Владиміра*, изъ эпохи *зрѣлости* въ нашемъ Былевомъ творчествѣ, за которою слѣдовало уже ослабленіе, паденіе и разложеніе, такъ что здѣсь собственно уже не *разсказывается*, а только *упоминается* о Святогорѣ, *воспоминаніе* же легко можетъ исчезнуть изъ памяти и то творчество падаетъ, которое поддерживаетъ свою жизнь лишь одними воспоминаніями.

*

СВЯТОГОРЪ.

I.

(САМЪ ПО СЕБѢ).

Святогоръ былъ Богомъ-данный, не-Руській,
И жилъ Святогоръ во землѣ не-Руськія.
Щегол. А)

—

На тыхъ горахъ высокіихъ,
На той на Святой Горы [1])
5. Былъ богатырь чюдныи,
Что ль во весь же міръ онъ дивныи—
Во весь же міръ былъ дивныи.
Не ѣздилъ онъ на святую Русь:
Не носила его да мать сыра земля [2])...
10. «Я бы (Святогоръ) ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,—

[1]) Объясненія см. ниже, въ *Общихъ выводахъ о Старшемъ Эпосѣ*.

[2]) За симъ слова самого Святогора.

«Не носитъ меня мать сыра земля;
«Мнѣ не придано [1]) тутъ ѣздить на святую Русь:
«Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по высокіимъ
«Да по щелейкамъ [2]) по толстыимъ...,
15. «Да по Святымъ Горамъ [3]).»

Калик.

—

Святогоръ богатырь на Святыхъ на Горахъ.

Гильферд. № 66, стр. 359, отъ *Антонова*; *Рыбник.*, т. III, 37.

—

[Косогоры [4]) богатырь во Святыхъ во Горахъ.]

Гильферд. № 18, стр. 118, отъ *Ѳоминой.*

—

---

[1]) Не дано, не суждено, не обречено, не позволено.

[2]) Скалистымъ ущельямъ, скаламъ съ ущельями (*скал-а* и *щел-ь* одного корня; *скалить—щерить*).

[3]) Окончаніе рѣчи Святогора, въ объясненіе того, какія были эти горы, для руководства Ильѣ, коего звалъ онъ въ гости къ себѣ. Впослѣдствіи однако, какъ увидимъ, Святогоръ нарушилъ сей завѣтъ (и, можетъ статься, за то и пострадалъ): онъ сдвинулся со Святыхъ Горъ и, черезъ *Крымъ*, т. е. вообще чрезъ южные предѣлы нынѣшней Руси, въѣхалъ въ Кіевскую землю, по которой и разъѣзжалъ неуклонно, пока нашелъ здѣсь себѣ гибель. Разумѣется, это послѣдняя черта внесена уже въ Старшій Эпосъ изъ дальнѣйшаго Русскаго-Кіевскаго-Владимірова, ибо изъ его рукъ получаемъ мы нынѣ извлеченные остатки Эпоса Старшаго. Впрочемъ, въ другихъ отдѣлахъ (II-мъ и III-мъ) дѣло мѣстности поставлено нѣсколько иначе и тамъ мы его увидимъ.

[4]) Испорчено вмѣсто „Святогоръ.“

[Святополкъ [1]) богатырь на Святыихъ на Горахъ.]

Гильферд. № 60, стр. 322, отъ *Ѳедотова.*

—

Святыя Горы—Святогорово посельице—палаты бѣлокаменныя...

20. Старикъ, отецъ Святогоровъ,
Отец-о-тъ Святогоровъ былъ темный.

Рябин. 2.

—

(Святогоровъ) родитель—древныи батюшка,
Древныи да темныи...
[На горѣ на Палавонской] старичокъ древныи,
25. Престарыи дѣдушка, древныи да темныи [2]).

Калин.

*

[1]) Также испорчено, хотя Гильфердингъ и выводилъ отсюда догадку о древнемъ, извѣстномъ Славянскомъ князѣ. Прочія подобныя имена, ошибкою, порчею или преемствомъ вставленныя вмѣсто „Святогора,“ ср. ниже при сихъ именахъ.

[2]) Слѣпой. Онъ 1) связуется со Сказочнымъ эпосомъ Саламана и Саламаніи, у которыхъ отецъ старикъ (Давидъ) также былъ *темный*, ослѣпъ; 2) чрезъ Давида, Саламана и Саламанію связуется съ *купцомъ* темнымъ, который въ томъ же самомъ эпосѣ играетъ совершенно одинаковую роль и съ Давидомъ, и со Святогоромъ, въ исторіи ихъ прелюбодѣйствующихъ женъ (подробности у насъ при II-мъ т. Рыбник. стр. 237—243); 3) какъ купецъ, то же самое лицо является въ Сказочномъ эпосѣ и въ сказкахъ объ Иванѣ или о соотвѣтствующихъ ему сказочныхъ герояхъ: Иванъ либо самъ представляется Купеческимъ и Гостинымъ сыномъ, либо поступаетъ за моремъ въ услуженіе къ купцу, гостю торговому (Иванъ Гостиный, проданный матерью, и т. п.), либо женится на дочери купца, измѣняющей ему и прелюбодѣйствующей (Иванъ Годиновичь и гость Митри-

Жилъ-былъ (Садко̀) купецъ богатыя,
Во землѣ онъ во Крымскои [1]).
Какъ жилъ (Садко̀) купецъ богатыя,
А держалъ-то себѣ слуговъ вѣрныихъ,
30. Да ростилъ ли онъ да Святогора богатыря...

Щеголёнк. А)

—

Явилась у Святогора-то богатыря—
Явилась сила-то великая.

Щеголёнк. Б)

—

Да проговоритъ ему Святогоръ богатыря:
«Аи ты (Садко̀ ты), купецъ да богатыя!

ще), о чемъ подробности въ 1-мъ и 2-мъ изданіи нашего III-го выпуска; въ отцѣ Святогора и прочихъ старшихъ героевъ *темный* означаетъ начало *слѣпое*, *древнее*, *стихійное*, *глубокое*, *безвѣстное* и *неизмѣримое*, а въ купцѣ дальнѣйшаго эпоса означаетъ *богатство*, столь же глубокое и безмѣрное, *казну*, которая „не тощится,“ казну „несчетную,“ столь же слѣпую, молчаливую и нѣмую (какою непремѣнно изображается она въ Былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ); купецъ же и гость, съ постояннымъ прозваніемъ *богатаго*, переводитъ собою сложившійся эпосъ 4) къ *Садку*, окрѣпшему и отвердѣвшему образу всякого несмѣтнаго богатства, къ „Садку богатому,“ а отсюда въ предлежащихъ образцахъ Садко является хозяиномъ и воспитателемъ Святогора, именно въ *промежуточную*, Сказочную эпоху, между Эпосомъ Старшимъ въ его первобытности и между сложившимся Кіевскимъ, между житьемъ Святогора на собственномъ своемъ мѣстѣ, на Святыхъ на Горахъ, и между послѣдующимъ выѣздомъ на Русь.

[1]) Въ землѣ дальной и южной, на переходѣ отъ Святыхъ Горъ, гдѣ было собственное мѣстопребываніе Святогора, при Черномъ морѣ, при Дунаѣ и за Дунаемъ (явно, что здѣсь не Новгородскій Садко, а вообще типъ древнѣйшаго гостя, купца богатаго).

35. «Дай-ко ты мнѣ коня да богатырьского,
«И ѣхать мнѣ ко городу да ко Кіеву [1])...»
Проговорилъ (Садко̀) купецъ да богатыя:
— Поѣзжай-ко ты, Святогоръ да бога̀тыря,
— На томъ ли ты кони̇ да богатырьскоимъ.—
40. Какъ выходитъ Святогоръ тутъ бога̀тыря
На свой онъ ши̇рокъ на дворъ...
Берётъ себѣ коня да богатырьского [2])...
Какъ поѣхалъ Святогоръ тутъ бога̀тыря
Изъ этого изъ го̀рода и̇зъ Крыму
45. Ко этому ко городу ко Кіеву.
Да скакалъ-ли-то конь да съ горы на̀ горы [3])...
Ѣхалъ Святогоръ тутъ бога̀тыря,
Пріѣзжаетъ онъ ко городу близко Кіеву,
Ко этымъ го̀рамъ ко великіимъ,
50. И ѣдетъ Святогоръ тутъ бога̀тыря,
А ѣдетъ ли онъ да зе̇млей Руською [4])...

Щегол. А)

—

Задремалъ ли Святогоръ да бога̀тырь
Да на этомъ кони̇ си̇дячи богатырскоемъ.

Щегол. Б)

—

Богатырь ѣдетъ на кони̇ да дремлетъ онъ:

---

[1]) То есть, вообще на Русь. Варіантъ позднѣйшаго, сложившагося эпоса, разумѣется, прибавляетъ: „Ко тому ли князю ко солнышку ко Владыміру;“ и прочіе, подобные же, варіанты см. выше.

[2]) И прочее, снаряженье, одѣванье и вооруженье, обычнымъ, установившимся эпическимъ языкомъ: см. выше.

[3]) И прочее, обычное: см. выше.

[4]) За симъ, попадающееся мѣстами, изображеніе Святогора вслѣдствіе его чрезмѣрной, обременявшей и грузной силы: то онъ дремлетъ на конѣ, то конь грязнетъ въ землю, то самъ богатырь простирается недвижно по огромной горѣ, то ложится спать въ шатрѣ, и т. п.

55. «Что это за чудо есть?
«Сильніе и могучіе богатыре
«Могъ бы выспаться да во бѣломъ шатри [1])!»
Меншик.

—

Святогоръ богатырь—сила у него неизвѣстная [2])—
Поѣзжаетъ въ путь-дороженьку во широку...
60. Гдѣ конь идетъ, по колѣнъ въ землю гряжетъ...
Сдремалъ Святогоръ богатырь
На томъ конѣ да богатырскоемъ.
Щегол. В)

—

Есть одинъ богатырь силы непомѣрной,
Котораго и земля не держитъ,
65. Который на всей землѣ нашелъ
Одну только гору (могущую выдержать),
И лежитъ на ней...
На ней лежитъ огромный богатырь,
Самъ какъ гора [3])...
70. «Видишь, какой я уродъ:
«Меня и земля не держитъ,
«Нашелъ себѣ гору и лежу на ней [4]).»
Аксак.

—

Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею паленицею удалою:

---

[1]) Позднѣйшій эпосъ влагаетъ эти слова, отъ лица удивляющагося народа, въ уста Муромцу.

[2]) Не измѣренная, безмѣрная, безкрайная, то же, что выше „Богомъ-данный,“ или сынъ „темнаго.“

[3]) Таковъ народный слухъ про Святогора, передаваемый эпическимъ пересказомъ, который для удобства печатается (какъ и другое подобное) въ формѣ „стиховъ.“

[4]) Слова Святогора ко всякому подходящему, въ настоящемъ случаѣ къ Ильѣ.

75. А столько [1]) не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ [2])!

Рыбн. I, № 8, *Богд.*

*

Поѣхалъ Святогоръ путемъ-дорогою широкою,
И по пути встрѣлся ему прохожій [3]).
80. Припустилъ богатырь своего добра̀ коня
(Добра коня) къ тому прохожему,—
Никакъ не можетъ догнать его [4]):

---

[1]) Только, единственно.

[2]) Въ родѣ сложившейся у народа притчи и пословицы; въ эпосѣ повторяютъ это старцы, калѣки перехожіе, въ урокъ и напутствіе Ильѣ (ср. ниже).—За симъ начинается, какъ особый отдѣлъ, встрѣча Святогора, описанная эпосомъ такъ, какъ будто она совершилась на Русской землѣ: но собственно еще до нея, въ ея предчувствіи, въ прообразованіи грядующей ея силы. Это наитіе новыхъ началъ жизни, которыхъ Святогоръ не узнавалъ или не признавалъ во всей ихъ силѣ, но отъ которыхъ со временемъ долженъ былъ пострадать: *со временемъ*, ибо на первые разы онъ отдѣлывался благополучно и эпосъ еще не заставляетъ его гибнуть. Таковы: 1) Оратай, позднѣе съ эпическимъ именемъ Микулы; 2) Старецъ или калѣка перехожій, старцы или калѣки; 3) нѣсколько позднѣе, подъ вліяніемъ уже христіанскимъ, представляется Ангелъ. Въ свою очередь они указываютъ Святогору на дальнѣйшіе шаги и подвиги, которые со временемъ окончательно сгубили богатыря: на сумку-тягу, на женидьбу и жену, на вызваннаго блудомъ ея соперника въ лицѣ Ильи. Впрочемъ, повторяемъ, *пока* еще Святогоръ не погибъ отъ нихъ, а въ семъ очевидна постепенность наслоеній творчества.

[3]) Печатаемъ опять пересказъ, для удобства, въ формѣ стиховъ.

[4]) О смыслѣ сего образа, при Святогорѣ и Вольгѣ, см. выше и прежнія наши „Замѣтки.“

Поѣдетъ во всю рысь,—прохожій идетъ впереди,
Ступою [1]) ѣдетъ,—прохожій идетъ впереди.
85. Проговорилъ богатырь таковы слова:
«Ай же ты, прохожій человѣкъ!
«Пріостановись не со множечко:
«Не могу тебя догнать на добромъ конѣ.»
Пріостановился прохожій, снималъ съ плечь сумочку
90. И кладывалъ сумочку на сыру землю.
Говоритъ Святогоръ богатырь:
«Что̀ у тебя въ сумочкѣ?»
— А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь!—
Сошелъ Святогоръ со добра̀ коня,
95. Захватилъ сумочку рукою,—
Не могъ и пошевелить;
Сталъ здымать обѣма рукамы,—
Только духъ подъ сумочку могъ подпустить,
А самъ по колѣна въ землю угрязъ [2]).
100. Говоритъ богатырь таковы слова:
«Что̀ это у тебя въ сумочку накладано?
«Силы мнѣ не занимать стать,
«А я и здынуть сумочку не могу!»
— Въ сумочкѣ у меня тяга земная.—
105. «Да кто жь ты есть,
«И какъ тебя именемъ зовутъ,
«Звеличаютъ какъ по изотчины?»
— Я есть Микулушка Селяниновичь.—
«Ты еще скажи, Микулушка, повѣдай-ка:
110. «Какъ мнѣ узнать судьбину Божію [3])?»
— А вотъ, поѣзжай путемъ-дорогою,
— Прямоѣзжею до ро́зстани,

---

[1]) Ступая шагомъ.

[2]) Но еще не погибъ и выдрался.

[3]) Добраться до судьбы своей, что̀ рѣшено и обречено ему: по указанію встрѣчныхъ и добрался, и погибъ, и призналъ самъ, что „судьба искала его, пришла ему (ср. ниже).“

— А отъ рóзстани сверни въ лѣво,
— И пусти коня во всю прыть лошадиную,
115. — И подъѣдешь къ Сивернымъ Горамъ [1]).
— У тыхъ у горъ, подъ великимъ деревомъ,
— (Подъ великимъ деревомъ) стоитъ кузница,
— И ты спроси у кузнеца про свою судьбину.—
Поѣхалъ Святогоръ дорогою прямоѣзжею,
120. Отъ рóзстани свернулъ въ лѣво,
Пустилъ коня во всю прыть лошадиную...
Ѣхалъ Святогоръ богатырь три дня,
И доѣхалъ до Сиверныхъ Горъ,
До того до дерева великаго
125. (До дерева великаго) и до той кузницы:
Въ кузницы кузнецъ куетъ два тонкіихъ вóлоса.
Говоритъ богатырь таковы слова:
«А чтò ты куешь, кузнецъ?»
Отвѣчалъ кузнецъ:—Я кую судьбину,

---

[1]) Здѣсь „Святыя Горы," старшее поприще дѣйствій и поѣздокъ Святогора, именуются Сѣверными, откуда впослѣдствіи и жена Святогора, соблудившая съ Ильею и породившая отъ Ильи сына, называется „Сѣверьяничной," „бабой Латыгоркой," „Семигоркою" и т. п. И въ другихъ мѣстахъ имя „Святыхъ Горъ" чередуется съ „Сѣверными" (ср. ниже). О значеніи того см. въ подробности нашу „Замѣтку" при II-мъ т. Рыбникова (стр. 337—340 и дал.), равно какъ общіе выводы о Старшемъ Эпосѣ ниже. На старшемъ поприщѣ племенной жизни и дѣятельности Славянъ, въ ихъ числѣ и послѣдующихъ Русскихъ, относительно глубокаго Юга,- это Балканы, Старая Планина; далѣе, относительно Черноморья и Дуная,—горы Валахіи и особенно Малой, Сѣверскаго или Сѣверинскаго Края и Банства; потомъ, еще далѣе, горы Седмиградскія (откуда и „Семигорка"), отростки Татръ или Карпатъ (Хрѣбтъ, Хребты), и самые Татры, Карпаты; наконецъ, относительно ихъ и низовьевъ Днѣстра, Днѣпра,—горы Кіевскія, куда пришла Русь въ заключеніе, вмѣстѣ съ областью Сѣверской-Черниговской.

130. — (Кую судьбину), кому на комъ жениться [1]).—
«А мнѣ на комъ жениться?»
— А твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ,
— Въ престольномъ во городѣ,
— Тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ [2]).—
135. Стоитъ богатырь—пораздумался:
«Дай-ка я поѣду въ тые царство Поморское
«И убью тую невѣсту [3])!»
Пріѣхалъ онъ къ царству Поморскому,
Ко тому ко городу ко престольному;
140. Пріѣзжалъ къ домишечку убогому,—
Входитъ въ избу,—никого нѣтъ дома,
Одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ,
Тѣло у ней—точно еловая кора.
Вынулъ Святогоръ богатырь (пятьсотъ рублей [4]),
145. И положилъ на столъ,
И взялъ свой вострый мечь,
И билъ ее мечемъ по бѣлой груди;
А за тымъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго.
Проснулась дѣвка, смотритъ,—
150. Съ нея точно еловая кора спала,
А на столѣ лежитъ денегъ (пятьсотъ рублей),
И стала она красавицей,—
Такой на свѣтѣ не видано,
На бѣломъ не слыхано.

---

[1]) „Женитися“ (для склада). Образы, извѣстные изъ эпоса почти у всѣхъ народовъ.

[2]) Дѣвушка—во гноищѣ, какъ еловая кора (въ струпьяхъ), цѣленіе ея ударомъ и т. п.,—образы извѣстные и часто повторяемые въ Сказкахъ и Стихахъ (при Егорьѣ—Святъ-Егорѣ: сестры, мать).

[3]) Святогоръ предчувствуетъ, что это дѣйствительно его „судьбина,“ которая погубитъ его, и самъ замышляетъ предотвратить ее своимъ насиліемъ.

[4]) Черта позднѣйшая, встрѣчаемая однако и въ Сказкахъ, и въ Молодецкихъ пѣсняхъ („о Женѣ неудачливой“).

155. На тыя деньги почала она торговать,
И нажила безсчетну золоту казну,
Строила караблики черленые,
Накладала товары драгоцѣнные,
И поѣхала по славну по синю морю.
160. Пріѣхала она ко городу великому
(Ко городу великому) на Святыхъ Горахъ [1]),
И стала продавать товары драгоцѣнные.
Слухъ про нея красоту пошелъ
По всему городу и по всему царству.
165. Пришелъ и Святогоръ богатырь,
Посмотрѣть на красавицу:
Полюбилась она ему [2]).
Сталъ онъ ю сватать за себя,
И она пошла за него за мужь.
170. Какъ поженился на ней и легли спать,
Увидѣлъ онъ рубчикъ на нея бѣлой груди [3])
И спрашивалъ жену:
«Что у тебя за рубецъ на бѣлой груди?»
Отвѣчала ему жена:
175. — Въ наше царство Поморское
— Пріѣзжалъ невѣмъ [4]) человѣкъ,
— Оставилъ въ нашей избы денегъ (пятьсотъ рублей),
— А я спала крѣпкимъ сномъ.
— Какъ проснулась,—

---

[1]) Гдѣ царство и городъ Святогора, его собственное мѣстопребываніе.

[2]) Все это точь въ точь, какъ въ Сказочномъ эпосѣ, начиная отъ Елены Прекрасной (Геродотъ) до Саламана и подвиговъ нашего Ивана (ср. Замѣтку нашу при II-мъ т. Рыбник.), только обратно: тамъ это совершается героемъ и къ нему (на корабль) приходитъ героиня.

[3]) Извѣстное „язвено:“ символически — язва страсти, оставшаяся въ груди; родимое, роковое „знамечко,“ упоминаемое въ Былинахъ (особенно о Добрынѣ; ср. и Потыка).

[4]) Незнамъ, невѣдомый, незнакомецъ.

180. — У меня рубецъ на бѣлой груди,
— И точно еловая кора спала съ бѣла тѣла,
— А до той поры-времени я лежала во гноищѣ
— (Лежала) цѣло тридцать лѣтъ.—
Тутъ Святогоръ богатырь дозналъ,
185. Что «отъ судьбины своей никуда не уйдешь [1]).»

Богд., Рыбн. I, № 8.

—

Славный (Святогоръ) [2]), богатырь свято-руськiй [3]),
Ѣхалъ на добромъ конѣ богатырскоемъ
По славному раздольицу чисту полю.
И усмотрѣлъ идучись [4]) по чисту полю
190. Дородня-добра молодца пѣхотою.
Какъ припуститъ скакать коня богатырскаго
Во всю силу лошадиную,—
Идетъ добрый молодецъ пѣхотою,
Во слѣдъ не останется [5]);
195. Поѣдетъ (Святогоръ) тихою вольготою,
Добрый молодецъ во слѣдъ не наступываетъ [5]).

---

[1]) За симъ, размѣромъ уже стиха, повтореніе того же въ Былинѣ подновленной и подъ именемъ Самсона изображающей Святогора.

[2]) Въ Былинѣ вездѣ „Самсонъ."

[3]) Вліяніе позднѣйшаго, сложившагося и окрѣпшаго нашего эпоса.

[4]) Идущаго.

[5]) Не отстаетъ своею походкою въ той мѣрѣ, чтобы можно было перегнать его.

[6]) Не догоняетъ самъ, напротивъ отстаетъ отъ Святогора, какъ ни тихо ѣдетъ онъ; оказывается въ семъ случаѣ, что прохожій (Микула или Старецъ) намѣренно уклонялся, не желая имѣть дѣла со Старшимъ Богатыремъ (какъ послѣ уклонился и Муромецъ), но не отъ безсилья и не отъ боязни, доказавши напротивъ—ниже—превосходство силы своей и прыткости.

Становилъ коня богатырскаго
И ожидалъ къ себѣ добра молодца.
Оцы съ эстымъ человѣкомъ въ полѣ съѣхались,
200. Говорили разговоръ промежду собой:
«Что же ты, удаленькой-дородній-добрый молодецъ,
«Ходишь по чисту полю пѣхотою,
«Какъ припущу на добромъ конѣ богатырскоемъ
«Ѣхать во всю силу лошадиную,—
205. «Ты отъ меня не оставаешься [1]),
«Когда ѣду тихою вольготою,—
«Тогда ты на меня не наступываешь [2])?»
Тутъ, по Божью повелѣньицу,
Супротивъ ихъ явился камень синенькой,
210. Камень синенькой—плита зелёная [3]);
Этотъ удаленькой-дородній-добрый молодецъ
Полагаетъ онъ малыя сумочки
Со своихъ плечь со могучіихъ
На эту плиту на зелёную,
215. И говоритъ (Святогору) богатырю:
— Ай же ты, славный богатырь свято-руськіій!
— Отвѣдай взять мою ношицу
— На свои на плечи на могучіи
— И побѣжать по славному раздольицу чисту полю [4])?—
220. Тутъ славный богатырь свято-руськіій

---

[1]) Не отстаешь.

[2]) Отвѣтъ Микулы пропущенъ: но онъ извѣстенъ изъ предыдущаго и изъ разговоровъ съ Вольгою.

[3]) Не представляется лучше другаго толкованія, какъ то, что это *символъ* (такой же, какъ далѣе *сума*), символъ *черной земли* и покрывающей ее *зеленой нивы*.

[4]) То есть: ты не сможешь побѣжать при этой ношѣ въ ровень съ конемъ и, стало быть, я прытчѣе тебя и могу всегда перегнать; но ты не можешь и поднять сумки, а я несу, и потому не мудрено, если отстаю отъ тихаго конскаго шага; въ обоихъ же случаяхъ силы у меня больше и я не боюсь тебя.

Опущался со своего добра коня,
Принимался онъ за эты за сумочки,
За эты за сумочки одной рукой,—
Никакъ этыя сумочки малыя
225. На камешкѣ не своро́хнутся;
Принимался онъ обѣма ручкамы бѣлыма,—
Сумочки на камешкѣ не сворохнутся;
Принимался онъ со всей своей силой богатырскою
И припалъ своей грудью бѣлою
230. Ко этымъ ко сумочкамъ ко маленькимъ,—
И схватилъ всей силой великою:
По колѣну [1]) онъ угрязнулъ во зелёнъ камень,
Столько [2]) могъ подпустить малый духъ
Подъ эты подъ сумочки подъ малыя [3]).

235. И говорилъ (Святогоръ) таковы слова:
«Отъ роду я эдакой ношицы не здымывалъ!
«Кто ты есть, какой человѣкъ,
«Какого ты рода-племени,
«Откуда идешь, куда путь держи́шь?»
240. — Ай же ты, славный богатырь святоруськиій!
— Посланъ я ангелъ отъ Господа [4])
— Поотвѣдать твоей силы великія:
— Погружена вся тягота во эты во сумочки [5]).—

---

[1]) Двойственное число: ср. выше.

[2]) Только, единственно лишь.

[3]) Но не сгибъ еще, какъ и въ предыдущемъ образцѣ.

[4]) Черта позднѣйшаго эпоса, подъ вліяніемъ христіанскаго воззрѣнія и по мѣрѣ того какъ забывался образъ Микулы или Старцевъ; путь же, какимъ видоизмѣнилось представленіе, состоялъ въ томъ, что въ образѣ Микулы и Старца (Старцевъ) Святогоръ встрѣтилъ силу высшую, духовную, божественную—сравнительно съ его собственной стихійностію и матеріальностію.

[5]) Выше было замѣчено, какъ сподручно, легко и понятно было народу сложить въ творчествѣ символъ „земли“ и

Тутъ ангелъ Божій утаился (отъ Святогора) отъ богатыря,
245. А богатырь поѣхалъ по славному раздольицу чисту полю...
(И) наѣхалъ на судъ Божій—на кузнеца,
И выковалъ ему кузнецъ жениться [1]),
Въ Поморскомъ царствѣ [2]), на дочери Луки Калѣки *),

„сумы:“ то же простирается и на *тяготу, тягу*. Земецъ, трудящійся надъ землею и знающій хорошо тяжесть ея—и матеріальную, и физическую, и нравственную (вліяющую на духъ), называетъ себя въ народѣ „человѣкомъ *тяглымъ*,“ по юго-славянски „*тежак*“ („тежати землю“—обрабатывать). Члены, составляющіе рабочую единицу или силу, входятъ, по народному, въ *тягло*, какъ влагаются въ ярмо или подъ иго (jugum): стало быть, дѣло *всей земли* лежитъ *тягломъ на всемъ народѣ*, въ *тяготу* земную и земскую вкладываетъ совокупныя силы *цѣлый народъ*. Святогоръ, простершій дерзкую руку на эту тягу (лежавшую въ сумкѣ), простирался усиліемъ или насиліемъ на цѣлый народъ, вызывалъ противу себя весь, слагавшійся или сложившійся въ земство, народъ и, разумѣется, не могъ съ этимъ справиться. Но, народъ еще *не окончательно сложился*,—и вотъ, вмѣсто его *эпическаго образа*, предсталъ Святогору, Богатырю Старшему, въ раннюю эпоху Старшаго Эпоса, предсталъ *символъ* земли и народа: для толкованія же символа потребовалась сила *высшая*, разумѣется — духовная, которую во время Христіанства выражалъ *ангелъ*.

[1]) Женидьбу, коей суждено было покарать Святогора и довести его до гибели передъ юнымъ соперникомъ (женидьба и доселѣ именуется въ пѣсняхъ *Судомъ Божьимъ*, а женихъ и невѣста *сужеными*). Стихи разлагаемъ мы, для удобства печати, изъ прозаическаго пересказа, коимъ кончается Былина о Святогорѣ.

[2]) „Поморское,“ „Заморское,“ „Порово“ царство и т. п., выводятся постоянно въ Сказочномъ Эпосѣ Саламана и Ивана, а гость торговый (какимъ въ этомъ случаѣ была

Которая тридцать лѣтъ лежала во гноищѣ.
250 (Святогоръ) послѣ свадьбы долженъ былъ признать:
«Суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати [1])!»
И то поговорье впередъ пошло [2]).

Рябин. 1)

—

Ѣдетъ ли (Святогоръ) путемъ - дороженькой широкою,
Да идётъ-то вѣдь два старца впереди его,

героиня) „Замореннномъ," „Корабликовымъ" и т. д. (см. при II-мъ т. Рыбник.). Но, разумѣется, Онежане понимаютъ здѣсь *свое* „Поморье," какъ подъ „Сѣверными Горами" и „Сѣверьяничною"—свой „Сиверъ," „Подсиверную сторону."

*) Впервые выводимое эпосомъ лицо, не извѣстное позднѣйшему и обще - распространенному: *Старшій* богатырь естественно долженъ былъ жениться на дочери одного изъ представителей Эпоса Старшаго,—*Старца*, Калѣки Перехожаго, съ именемъ коего сближается и отчество „Колывановича," попадающееся равно при Святогорѣ и Самсонѣ. Мы увѣрены, что самое имя *Луки* напоминало народному творчеству, въ осмысленіи, *лукавыхъ и лукавство*, свойственное въ значительной мѣрѣ калѣкамъ и всѣмъ представителямъ Эпоса Старшаго, подобно какъ осмысляется въ семъ же значеніи у народа и понынѣ.

[1]) Ср. въ Сл. о П. И. „Суда Божія не минути" (ни хитру, ни горазду). Не могъ объѣхать и Святогоръ, какъ ни погонялъ своего коня: напротивъ, наѣхалъ на Микулу, по его указанію на кузнеца, а кузнецъ выковалъ *судъ* (кризисъ старшему и начинавшемуся за нимъ новому быту, представителю его и сказателю—эпосу).

[2]) Пословица эта съ тѣхъ поръ распространилась въ народѣ.—За симъ мы должны помѣстить изъ другихъ Былинъ тѣ *вставки*, гдѣ, подъ символомъ *сумы* и *тяги*, *приближалась* гибель Святогору, но не доходила до рѣшенія (или кризиса), Редакція же одна перерывалась и продолжалась другая—направлявшая Святогора ко *гробу* (ср. выше).

255. Да несутъ за плечами да по сумочкѣ.
И онъ коня-то богатырскаго попуживаетъ,
Да не можетъ-то достать [1]) онъ старцевъ незнакомыихъ.
И остоялись [2]) эти старцы незнакомыи.
Положили они сумочки да на сыру землю,
260. И прогóворитъ тутъ старецъ единò слово:
— Ай же ты, Святогоръ да ты богáтырь!
— Опустись-ко ты со своего коня да богатырскаго
— Да на этую на матушку сырỳ землю:
— Да подписана [3]) на сумочкахъ—
265. — Да подписана вся земляная тягота [5]),—
— Ты попробуй, Святогоръ да ты богатырь,
— Своей силы ты великою?—
И онъ захватилъ-то сумочку однимъ перстомъ,
Другой разъ захватилъ да вѣдь одной рукой,
270. Да третей разъ-то Святогоръ да вѣдь богатырь
Потребилъ [4]) онъ свою силу всю великую:
Не могъ приздынỳть [5]) онъ сумочки-то старцевой,—
Онъ угрязнулъ во сыру землю по колѣночку.
Потерялись [6]) тутъ-то старци незнакомыи.
275. Да тутъ сѣлъ ли Святогоръ да вѣдь богáтырь,
Да онъ сѣлъ ли на своего коня да богатырскаго:
И уходилось ёго сердце богатырское
А у этой да вѣдь у сумочки [7]).
Да поѣхалъ ли Святогоръ да богáтырь,
280. Да дороженькой поѣхалъ да широкой [8]).

Щегол. Б)

*

---

[1]) Догнать.

[2]) Остановились сами.

[3]) Обозначена: эти сумочки *значатъ*, что въ нихъ вся земляная тягота; по нашему—„таково *значеніе* этихъ сумокъ.“

[4]) Употребилъ, примѣнилъ, положилъ.

[5]) Приподнять.

[6]) Исчезли.

[7]) См. смыслъ сего выше.

[8]) Испытавши тяжесть, но еще не сгибши.—Замѣчательно,

(Во томъ раздольицѣ) во чистомъ полѣ,
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
Долиной кровать десяти сажень,
285. Шириной кровать шести сажень [1])...
(Поднялся) великій шумъ съ-подъ Сиверныя сторонушки [2]):

что этотъ перерывъ Редакціи (съ продолженіемъ другой, направлявшей ко *гробу*) получилъ мѣсто въ Былинѣ, которая, подобно предыдущему образцу, выводитъ *Самсона*, и также точно здѣсь *нѣтъ свидѣтеля* напряженнымъ усиліямъ Святогора надъ сумкою.—Теперь, послѣ опыта надъ сумкою, когда истолкователь ея значенія указалъ Святогору на кузнеца, а кузнецъ выковалъ судьбину и подвелъ Святогора къ женидьбѣ, является сама *жена* и разсказъ, безъ сомнѣнія изъ Старшаго Эпоса, какъ богатырь *жилъ* съ нею, какъ возилъ ее, какъ она отъ него прелюбодѣйствовала. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ разсказъ переходитъ одинаково къ область „Сказочную" и въ Эпосъ вставляется *Редакція 3-я Сказочная* (ср. выше), изъ которой убѣждаемся, что *блудъ невѣрной жены, на деревѣ и подъ деревомъ, ларецъ*, въ которомъ она заключена, и *вмѣстилище*, куда попалъ ея юный *любовникъ*,—все это совершенно одинаково со Сказочными подробностями о *Давидѣ, Саламанѣ и Саламаніи, Купцѣ Темномъ* и т. п. (см. нашу „Замѣтку" при II-мъ т. Рыбник. стр. 237—242 и дал.). А вмѣстѣ является уже и *лицо любовника*, которымъ въ *нашемъ* Эпосѣ, на переходѣ отъ Старшаго, выведенъ обыкновенно *Илья*, но которымъ, въ Эпосѣ Старшемъ и въ области Сказочной, могъ быть *всякій*, только лишь *младшій* Святогора, герой болѣе юный, почему мы и выпускаемъ въ текстѣ *имя Ильи*.

[1]) Отсюда предлагается заключить о размѣрахъ величины Святогора и жены его.

[2]) Оттуда же, откуда, съ „Сѣверныхъ" или „Святыхъ Горъ," былъ Святогоръ и откуда жена его „Сѣверьянична," „Семигорка," „Латыгорка" и т. п.

Мать сыра земля колыба́ется,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются...»—
290. Ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ [1]).
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечь хрустальный ларецъ,
295. Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣлóмъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
300. Походка у ней щепливая [2]),
Очи яснаго сóкола,
Бровушки чернаго сóболя,
Съ платьица тѣло бѣлое [3]).
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ:
305. Полагала скатерти бра́ныя [4]),
Ставила на столъ ѣствушки саха́рнія,

---

[1]) Ларецъ, въ который завистливая древность замыкала опасную ей юность и всякую молодую жизнь, одного смысла съ ящикомъ Пандоры, сѣтью Афродиты, похищеніемъ (на корабль) Саламаніи, сундукомъ, гдѣ прятали Саламана, сходомъ его подъ землю и т. п. Въ подобное же вмѣстилище попалъ послѣ и самъ любовникъ. Но замѣчательно, что здѣсь, какъ и выше, въ остаткахъ Старшаго Эпоса лица поставлены въ *обратное отношеніе* къ области Сказочной: въ ней, на примѣръ, чаще укрывается *герой*, а здѣсь, какъ и выше мы видѣли, чаще въ той же роли и въ томъ же положеніи *героиня* (ср. при II-мъ т. Рыбник.). Во всякомъ случаѣ это *миѳъ*, а не *символъ*.

[2]) Мелкая, щегольская, вычурная.

[3]) Посмотрѣть на одежду тѣла,—видно тѣло бѣлое; или, такъ же бѣло, какъ бѣлое платье—полотно.

[4]) Тканыя, съ протканными узорами.

Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.
Пообѣдалъ Святогоръ богатырь
И пошелъ съ женою въ шатеръ проклаждатися,
310. Въ разныя забавы заниматися;
Тутъ богатырь и спать заснулъ
А красавица жена его богатырская
Пошла гулять по чисту полю,
И высмотрѣла (мо́лодца) въ сыромъ дубу [1]).
315. Говоритъ онъ таковы слова:
—Ай же ты, дородній-добрый мо́лодецъ!
—Сойди-ка со сыра дуба,
—Сойди, любовь со мной сотвори;
—Буде не послушаешься,
320. —Разбужу Святогора бога́тыря
—И скажу ему,
—Что ты насильно меня въ грѣхъ ввелъ [2]).—
Не́чего дѣлать (мо́лодцу):
Съ бабой не сговорить,

---

[1]) Молодецъ, въ позднѣйшемъ эпосѣ наименованный Ильею, заслышавъ о приближеніи Святогора къ шатру, взлѣзъ на дубъ,—мотивъ изъ Сказочной области: такъ въ повѣсти о Саламанѣ, жена Купца Темнаго взлѣзаетъ на дубъ, гдѣ у ней въ люлькѣ былъ спрятанъ полюбовничекъ (ср. при II-мъ т. Рыбник.); то же при Иванѣ Годиновичѣ съ купеческой дочерью Настасьею, которая измѣняетъ Ивану и совершаетъ грѣхъ подъ дубомъ, а на дубу то же творятъ голубь съ голубкою и подзадориваютъ Ивана (ср. нашь 3-й вып. въ 1-мъ и 2-мъ изданіи), и т. п. Мы пропустили это изложеніе, ибо подробнѣе увидимъ послѣ при самомъ Ильѣ. — Замѣтимъ однако опять *обратное отношеніе* сравнительно со Сказочною областью: тамъ героиня взлѣзаетъ на дерево, ложится въ люльку и творитъ грѣхъ, а здѣсь заставляетъ любовника слѣзать съ дубу.

[2]) Обыкновенный пріемъ прелюбодѣйствующихъ женъ, начиная съ Пентефріевой до Апраксіи при Потыкѣ (въ „Сорока калѣкахъ“).

325. А съ Святогоромъ богатыремъ не сладить.
Слѣзъ онъ съ того сыра дуба
И сдѣлалъ дѣло повелѣное.
Взяла его красавица богатырская жена—
Разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
330. Проснулся Святогоръ богатырь
(И) узналъ о невѣрности жены [1],—
Что не могла уже войти въ хрустальный ларецъ [2].

---

[1]) Это изъ прозаическаго пересказа: складнѣе—„узналъ о женѣ невѣрныя."

[2]) Этотъ варіантъ несравненно старше, ибо такъ сказать „миѳичнѣе," выдерживаетъ *миѳъ о ларцѣ: чистая* жена въ чистомъ и прозрачномъ, *хрустальномъ* ларцѣ, не могла уже войти въ него *осквернившись* и—грѣхъ обнаружился самъ собою; другими словами, *нечистота* жены тотчасъ же сдѣлалась *видима и замѣтна* сквозь стѣнки прозрачнаго ларца. Можетъ быть и то, что, соединившись съ пришельцемъ, она тотчасъ *понесла, пополнѣла* (и только послѣ родила пришельцу Ильѣ—незаконнаго сына, „Збута", „Петра Царевича" и т. п.), а потому не могла уже *умѣститься* въ прежній ларецъ (подобно какъ конь не могъ везти отъ прибавившейся тяжести; извѣстно, что по народному воззрѣнію животныя не выносятъ человѣческаго „блуда",—они бѣгутъ прочь, какбы стыдятся, пчелы роемъ снимаются и улетаютъ прочь, и т. п.). Другой же варіантъ, слѣдующій за симъ и повѣствующій, какъ жена посадила любовника мужу въ карманъ (опять тожество съ Саламаномъ) и какъ Святогоръ узналъ о семъ отъ коня, отказавшагося везти *лишнюю* прибавку, явно уже и во всякомъ случаѣ позднѣе: ибо 1) онъ совпадаетъ совсѣмъ съ другимъ, особеннымъ и болѣе позднимъ событіемъ, именно гдѣ, безъ всякого отношенія *къ женѣ*, совершается *первая ошибка* Святогора съ попавшимся Русскимъ богатыремъ, послѣдствіемъ чего послѣдній и попадаетъ въ колчанъ или карманъ, при чемъ выводится уже и опредѣленное *эпическое лицо;* 2) въ первомъ варіантѣ, т.-е. собственно въ Старшемъ Эпосѣ, Святогоръ конечно убилъ

Взяла его красавица богатырская жена—
Посадила къ мужу во глубокъ карманъ [1])
335. И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
Проснулся Святогоръ богатырь,
Посадилъ жену въ хрустальный ларецъ,
Заперъ золотымъ ключемъ,
Сѣлъ на добра коня
340. И поѣхалъ ко Святымъ Горамъ [2]).
Сталъ его добрый конь спотыкаться,
И билъ его богатырь плеткою шелкóвою
По тучнымъ бедрамъ,
И прогóворитъ конь языкомъ человѣческимъ:
345. ««Опережь [3]) я возилъ богáтыря да жену богатырскую,
««А нонь везу жену богатырскую и двухъ богáтырей,—

и жену, и *любовника*, а при посадкѣ въ карманъ Святогоръ послѣ вынимаетъ юнаго героя, братается съ нимъ и пробуетъ *новое единоборство*. Тѣмъ не менѣе мы все-таки помѣщаемъ здѣсь подъ рядъ и второй варіантъ, ибо въ немъ дѣйствуетъ еще *жена*, которой нѣтъ въ другихъ послѣдующихъ разсказахъ о первой сшибкѣ и посадкѣ въ карманъ.

[1]) Это то же, что при повѣсти о Саламанѣ любовникъ въ *люлькѣ на деревѣ*, или герой *спрятанъ въ сундукъ*, опускается въ *подполье* или *подземелье* и т. п. Но опять выступаетъ *отношеніе обратное:* въ Сказочной области прячется не рѣдко и *старое начало*, и *законный мужъ*, какъ на примѣръ самъ Саламанъ передъ любовникомъ жены или Потыкъ въ тюрьмѣ, въ подземельѣ, а здѣсь, въ остаткахъ Старшаго Эпоса, на оборотъ.

[2]) Доказательство, что сцена на Руси, откуда и возвращается Святогоръ домой: блудъ свершенъ съ новымъ, подходящимъ началомъ, представителемъ коего былъ молодецъ съ Руси, изъ слагавшагося народа, герой, принятый Старшимъ Эпосомъ „предупредительно“ изъ послѣдующаго Кіевскаго (подобно какъ на оборотъ Святогоръ занятъ изъ Старшаго въ новый Эпосъ).

[3]) Прежде сего.

««Дивья́ [1]) мнѣ потыкатися!»»
И вытащилъ Святогоръ богатырь изъ кармана (мо́лодца)
И сталъ его выспрашивать,
350. Кто онъ есть и какъ попалъ къ нему
Во глубокъ карманъ?
(Молодецъ) сказалъ все по правды по истины:
Тогда Святогоръ жену свою богатырскую убилъ [2]).

Богдан. Рыбн. т. I № 8.

—

Пріѣхалъ Святогоръ подъ тотъ сырой дубъ,
355. Раскинулъ шатеръ бѣлополо́тняный

---

[1]) Дивно ли, не чудо...

[2]) Убилъ конечно, въ Старшемъ Эпосѣ, и любовника: въ Сказочной области, когда сей Эпосъ разложился подъ вліяніемъ новой жизни и новаго ея духа, юный герой, какъ на примѣръ Саламанъ, изобрѣтаетъ проволочку, оттягиваетъ приблизившуюся гибель, изобрѣтаетъ средства и спасается; въ Эпосѣ еще болѣе позднемъ, въ новомъ, Кіевскомъ, изъ коего мы извлекаемъ предлагаемые остатки Старшаго, шагъ еще далѣе,—герой юный примиряется со старшимъ, они братаются. Также точно и героиня. Когда сгибъ Старшій богатырь и разъяренный мужъ, а вмѣстѣ заглохли права его; когда жизнь новая примирилась со старыми грѣхами, а юный герой, нѣкогда любовникъ, сдѣлался самъ главнымъ и передовымъ богатыремъ: творчеству потребовалось воскресить падшую. Она ожила вдовою: сперва сама пускалась еще въ поле поляницею, потомъ стала выпускать и дочь, и сына (собственно двойное существо), прижитыхъ прелюбодѣяніемъ; постепенно начала отправлять и съ мирною цѣлію, — поискать отца, поклониться ему. Дѣтище, въ первоначальныхъ образахъ, искало отмстить отцу (за позоръ свой и матери), либо самъ отецъ звѣрски терзалъ его какъ память грѣха: но есть Былины, гдѣ совершилось и примиреніе. Таковъ смыслъ извѣстныхъ сказаній о *дѣтяхъ Муромца*. Вслѣдъ за симъ помѣщаемъ еще третій варіантъ, подобный предыдущему.

И вынимаетъ изъ кармана [1]) жену красавицу.
Разстилала она скатерти бра́ныя,
Разставливала ѣства саха́рныя,
(Ѣства саха́рныя) и питьица медвяныя:
360. Наѣдался Святогоръ до́ еыта,
И напивался онъ до́ люби,
И сталъ опочивъ держать.
Этая жена богатырская
Обо́зрила (мо́лодца) въ сыромъ дубу [2])
365. И говоритъ ему таковы слова:
— Ай же ты, уда́лый-добрый мо́лодецъ!
— Сойди со сыра дуба:
— Буде не сойдешь со сыра дуба,
— Разбужу Святогора бога́тыря
370. — И предастъ [3]) тебѣ смерть скорую. —
Убоялся (молодецъ) Святогора бога́тыря
И слѣзъ со сыра дуба.
Опять говоритъ таковы слова:
— Сотвори со мной блудъ, добрый мо́лодецъ!
375. — Не то разбужу Святогора бога́тыря,
— Предастъ [3]) тебѣ смерть скорую.—
Сдѣлалъ онъ дѣло повелѣное.
Опять говоритъ таковы слова:
— Поди со мной въ карманъ [4]), добрый мо́лодецъ!—

---

[1]) Доказательство, что *колчанъ* и *карманъ* тотъ же по смыслу миѳъ, что *ларецъ*.—Печатаемъ изъ пересказа для удобства стихами. Дѣйствіе сцены представляется *на Руси*, молодецъ въ Кіевскомъ эпосѣ наименованъ *Ильею*.

[2]) Опять, онъ взлѣзъ туда изъ боязни, заслышавъ приближеніе Святогора, и опять, по указаннымъ выше причинамъ, описаніе сего мы выпустили.

[3]) Вѣрнѣе „придастъ“. - Между прочимъ доказательство, что въ Старшемъ Эпосѣ Святогоръ *долженъ* былъ *убить* любовника.

[4]) Къ Святогору, гдѣ сидѣла обыкновенно и жена. Замѣчательно, что въ предыдущемъ, лучшемъ варіантѣ, она *не*

380. Зашолъ съ нею вмѣстѣ въ карманъ.
Проснулся Святогоръ отъ крѣпкаго сна,
Обсѣдлалъ своего коня богатырскаго
И поѣхалъ ко Сватымъ Горамъ [1]).
Сталъ его добрый конь богáтырскій
385. По колѣна въ землю угрязывать.
И бьетъ богатырь коня по тучнымъ бедрáмъ,
И спрогóворитъ конь языкомъ человѣческимъ:
««Возилъ тебя, Святогоръ богатырь,
««И твою богатырскую молоду жену [2]),
390. ««А не могу возить двухъ богáтырей
««И третью твою молоду жену!»»
Сунулъ онъ руку въ глубокъ карманъ,—
И вынимаетъ оттуда молоду жену,
И вынимаетъ (добраго мóлодца):
395. «Ты кáкъ зашолъ во глубокъ карманъ?»
— Завела меня твоя молода жена наугрозою.—
И разсказалъ (добрый молодецъ) богáтырю,
Какъ попалъ во глубокъ карманъ.
Бралъ Святогоръ молоду жену,—
400. Оторвалъ ей буйную [3]) голову,

зоветъ къ себѣ или съ собою *въ ларецъ*: грѣхъ *объявился* бы въ прозрачномъ вмѣстилищѣ. А вмѣстѣ очевидно, что самый миѳъ о ларцѣ *прозрачнѣе*, свѣтлѣе, античнѣе, ближе къ прототипамъ Греческимъ, въ связи съ коими стояло и старшее творчество Славянъ, между ними послѣдующихъ Русскихъ; *карманъ* же, хотя по смыслу и тождественъ, но грубѣе, *Русѣе*, и вотъ почему онъ развитъ миѳомъ въ разсказѣ *болѣе позднемъ* — о *первой ошибкѣ*, гдѣ все-таки лучшій варіантъ помѣщаетъ вмѣсто „кармана“ *колчанъ*.

[1]) Опять, стало быть, сцена была *на Русѣ*, откуда Святогоръ возвращался домой.

[2]) Прежде, безъ остановки и безпрекословно.

[3]) Лучше для склада: „буйну.“

Раздёрнулъ тѣло бѣлое
На четыре на четверти,
Частиночки раскинулъ по чисту́ полю [1]).

Роман. Рыб. IV, № 1.

*

[1]) Какъ „раздернулъ“ невѣрную жену Иванъ Годиновичь и Потыкъ, герои, уже прошедшіе Сказочную область и вступившіе отсюда въ новый сложившійся эпосъ: но и они убили соперника, и Добрыня убилъ Тугарина, а подавно долженъ былъ это сдѣлать герой Эпоса Старшаго. Послѣ этого бросается въ глаза наивность предлежащаго образца, который, съ точки зрѣнія эпоса новаго, Кіевскаго, непосредственно переходитъ къ тому, что „назвались Илья да Святогоръ братьями названными и поѣхали ко Святымъ Горамъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, во сколько этотъ образецъ, смѣшивая *двѣ Редакціи,* хуже другихъ, слѣдующихъ *одной Редакціи—сшибкѣ* юнаго героя со старымъ, за которою естественно было побрататься: ибо на сшибку или лучше нападку, не причинившую никакого вреда, Святогоръ смотрѣлъ какъ на шутку, захватилъ молодца къ себѣ въ карманъ какъ игрушку, вынималъ и ставилъ къ себѣ на ладонь, любуясь и, разумѣется, склонился къ тому, чтобы назвать героя „меньшимъ братомъ.“ Другое совсѣмъ дѣло — соперникъ въ любви, любовникъ жены. Вотъ почему другіе, лучшіе образцы—по лучшей выдержкѣ своей Редакціи—вовсе и не думаютъ при сшибкѣ выводить на сцену жену Святогора. По порядку намъ бы и слѣдовало перейти здѣсь къ этой *сшибкѣ* или, какъ еще называли мы, къ *первому единоборству:* и безъ всякого сомнѣнія, она имѣла мѣсто еще „на Святыхъ на Горахъ,“ въ лонѣ Старшаго Эпоса, въ эпоху Старшаго Богатырства, когда зачинавшуюся Русь и ея народъ съ землею, въ лицѣ представителя, можно было засадить въ колчанъ, въ карманъ, играть ею какъ игрушкою, принимать ея нападки и наступательные шаги за шутку, любоваться ими какъ безвредными, не предчувствуя, что за ними впереди побѣда всѣмъ Старшимъ Богатырямъ и всему Старшему Эпосу. Но, такъ какъ при этомъ является уже

(Говорилъ Святогоръ) [1]) таковы слова:
405. «Аще [2]) въ небеси было бы кольцо

опредѣленное лицо, названное *эпосомъ по имени,* съ характеромъ прямо *представителя Русской земли,* то мы лучше находимъ перевести сей эпизодъ, тѣсно связанный съ послѣдующими, на свое мѣсто ниже. Здѣсь же слѣдуетъ теперь *похвальба* Святогора, какъ тотъ актъ, который, по воззрѣнію эпоса, привелъ его къ *гибели.* Правда, похвальба эта разбросана Былинами по *разнымъ* мѣстамъ и даже замѣтно, что иныя не могутъ справиться, куда ее дѣвать приличнѣе; правда, что она могла *предшествовать* и *первой* встрѣчѣ Святогора съ тягою, и *всякимъ* первымъ встрѣчамъ. ибо онѣ всѣ одинаково привели въ концѣ концовъ къ гибели: но, именно, еще естественнѣе было *похвалиться* Святогору, когда онъ счастливо *на первый разъ* отдѣлался отъ *первыхъ роковыхъ встрѣчъ,*—подъ суму подпустилъ духъ и уходилъ на ней свое сердце, старцы сами „потерялися.“ невѣрную жену убилъ, молодца засадилъ въ карманъ, и т. д. Посему тутъ-то лучшіе образцы и выводятъ *похвальбу,* и тутъ же, непосредственно, рисуютъ за нее конечную кару. На семъ основаніи мы извлечемъ ее—предупредительно (anticipando)—изъ тѣхъ Былинъ, въ коихъ спеціально дѣйствуетъ *Илья* и кои мы ниже изложимъ въ своей связи.

[1]) Въ образцѣ, откуда это взято, *Самсонъ* (ср. выше) и выражено „отвѣчалъ,“ тогда какъ вопроса впереди нѣтъ и нѣтъ никакой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, развѣ только „фактическая“ та связь, что передъ симъ Святогоръ (Самсонъ) счастливо отдѣлался отъ сумки и *могъ* похвалиться.

[2]) Книжное, указывающее на ту книжную связь, которую мы видѣли выше при Аникѣ и гдѣ, по рукописямъ, подобная похвальба приписывается *Александру;* книжное вліяніе видно также отчасти и въ желаніи смѣшать земныхъ съ *небесными* (жителями и предметами), чего нѣтъ и не могло быть въ чисто-народномъ творчествѣ, особенно старшемъ, развѣ только допустить античное вліяніе языческой миѳологіи и ѳеософіи.

«И протянута оттуда цѣпь желѣзная,—
«Притянулъ бы я небо ко сырой земли
«И своей бы силой богатырскою
«Смѣшалъ бы земныхъ со небесныма [1]);
410. «И есть бы было кольцо во матушки сырой земли.—
«Могъ бы я повернуть матушку сыру землю,
«Повернулъ бы краемъ къ верху
«И опять перемѣшалъ бы земныхъ съ небесныма [2])!»

Рябин. 1)

—

Да вѣдь ѣдетъ Святогоръ-то богатырь,
415. Ѣдетъ вѣдь путемъ-дороженькой,
Палицу булатнюю выкидываетъ изъ виду вонъ.

---

[1]) *Первая* половина похвальбы, о *кольцѣ въ небѣ*, образъ сравнительно старшій и болѣе миѳичный, чѣмъ въ другихъ исканіе простаго *рычага* и *точки упора*, чтобы повернуть вверхъ дномъ землю.

[2]) У собирателя и издателя здѣсь ошибкою—*ми.*—*Вторая* половина (не вездѣ встрѣчаются *обѣ* или замѣнены часто какимъ либо *однимъ* образомъ): о *кольцѣ въ землѣ*. Въ первой обернулъ бы сверху внизъ, во второй снизу вверхъ: смѣшеніе, нарушеніе строя и органическаго космоса, а чрезъ то уничтоженіе—замашка классическая, титаническая. Любопытно, что землю хочетъ обернуть къ верху *не дномъ* (какъ обычно по народному воззрѣнію и выраженію), а *краемъ*, т. е., вѣроятно, утвердивши и ввернувши кольцо *на краю*, *съ конца*, и при переворотѣ имѣя въ виду самъ остаться цѣлымъ, *съ краю* совершившагося событія, какъ ни въ чемъ не бывало („моя хата съ краю"): иначе, еслибы это совершить *на середкѣ*, обернутое къ верху придавило бы обернувшаго и не уцѣлѣть бы ему самому подъ развалинами. Въ соотвѣтствіе сему, когда въ ту пору земля и народъ еще не сложились окончательно, мудрено было найти среди нихъ центръ жизни, Старшій и стихійный богатырь подходилъ къ сему лишь съ краю, съ боку, соприкасаясь (ср. ниже).

Разъяренилъ-то [1]) свое сердце богатырское
И прогóворилъ-то Святогоръ тутъ богатырь:
«Какъ бы было кольцё въ небѣ въ Божьеёмъ,
420. «Да друго кольцё во сырой землѣ во матушки,
«Поворотилъ бы я землю-то матушку,
«Поворотилъ бы я краемъ къ верху ю [2])!»

Щегол. Б)

*

[1]) Разъярилъ, раззадорилъ: пѣвецъ выставляетъ это намѣренно, чтобы объяснить послѣдующую за симъ похвальбу, ибо въ ближайшихъ *фактахъ* и *обстоятельствахъ* не указано къ тому повода и за нею слѣдуетъ не гибель, а встрѣча съ Самсономъ.

[2]) Опять *два кольца* и опять поворотъ земли *краемъ*. Кстати, мы приведемъ здѣсь, помянутое выше, книжное свидѣтельство (изъ рукописи) о *похвальбѣ Александра*, важное еще потому, что здѣсь, въ разговорѣ Аники со Смертію, въ числѣ сильныхъ богатырей, сгибшихъ своею очередью, перечисляется и Святогоръ: „Отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ... Царь Александръ Македонскіи храбръ и мудръ и самъ былъ силный, и онъ говорилъ тако: „аще было (бы) кольцо въ землю вдѣлано (здѣсь *одно*)..., азъ бы и всѣмъ свѣтомъ поворотилъ!“ Прочія похвальбы въ устахъ Аники, Ильи, Добрыни, Алеши и прочихъ богатырей, см. выше. За симъ слѣдуютъ у насъ образцы, гдѣ *похвальба* тѣсно связана съ *гибелью* и непосредственно ведетъ къ сей послѣдней. Не говоримъ, что способы и орудія гибели, въ этихъ образцахъ выведенные, старше или первичнѣе другихъ: напротивъ, *сума* и *тяга земли*, въ этой роли представленныя, какъ *символъ*, уступаютъ во многомъ старшинству миѳа, изображающаго погибелью *гробъ*, и скорѣе служатъ переходомъ отъ Эпоса Старшаго, частію отъ Сказочной области, къ эпосу новому, Кіевскому. Но, здѣсь происходитъ гибель *безъ свидѣтелей*, стало быть Святогоръ гибнетъ здѣсь *самъ по себѣ*, впослѣдстіе собственной похвальбы, безъ присутствія, содѣйствія и орудованія *другихъ лицъ эпическихъ*,

Поднималося [1]) Святогоръ да богатырь
На этого коня да богатырскаго,
425. Поѣхалъ-то по этому по полю по чистому,
Говоритъ-то онъ да таково слово:
«Было бы кольцо да во сырой землѣ,
«Друго бы кольцо да въ высокомъ небѣ, —
«Поворотилъ бы я мать сыру землю
430. «(Сыру землю) вверхъ крайчикомъ [2])!.»
Поѣхалъ путемъ-дороженькой Святогоръ богатырь:
Отъ этой думы крѣпкоей [3])
(Изъ-подъ нимъ) [4]) конь-то пошахиваетъ [5]),
Приздынулъ да своей-то головы богатырской
435. Этотъ Святогоръ-богатырь.
Утупилъ-то опять свои очи ясныи
Во сыру землю [6]):

и это очень типично, древне и антично. Изъ такихъ образцовъ, по *чистотѣ* и *простотѣ* въ изображеніи *символа*, конечно выдается *Дмитр.*: за то *Щегол. Ву* первичнѣе образомъ *колчана* вмѣсто *сумы* и обильнѣе подробностями со стороны обстановки и послѣдствій гибели Святогоровой. Почему съ него и начинаемъ.

[1]) На коня, послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ и тревогъ, для коихъ слѣзалъ на землю.

[2]) Пѣвецъ въ варіантѣ примѣнилъ похвальбу къ Ильѣ, чтобы „догнать его:“ „Не уѣхалъ бы отъ меня стар. каз. Илья Мур., И. М. сынъ Ивановичъ;“ это частность, занесенная позднѣйшею *Ильинскою* Редакціей.

[3]) Выше приведенной, горделивой похвальбы.

[4]) Такъ исправляемъ вмѣсто страннаго „измѣна:“ ср. выше при отдѣльномъ текстѣ образца. (Впрочемъ есть еще возможность толкованія: гордой похвальбою Святогоръ навлекъ себѣ гнѣвъ небесъ и кара готова, а *измѣнникъ-конь, конь проклятый* шагаетъ себѣ впередъ столь же гордо, и съ каждымъ шагомъ приближаетъ хозяина къ погибели).

[5]) Выступаетъ горделиво. — Приподнялъ горделиво голову и самъ богатырь.

[6]) Но снова (опять) опустилъ голову (послѣ похвальбы, обращенной къ небу) внизъ, къ землѣ, въ уныніи и жалобѣ.

«Не съ кѣмъ испытать силы богáтырской,
«Нѣтъ-то, видно, попáрщичка [1])
440. «И нѣтъ-то мнѣ да поединщичка [2])!»
Лежитъ-то [3]) колчанъ да о шúроку путь-дороженьку [4]),
Подпись на колчанѣ да подписана [5]):
««Въ этомъ колчанѣ вся земная тягота [6]).»»

---

[1]) Пары, достойнаго супротивника и соперника: на это жалоба и отъ того уныніе.

[2]) За симъ-то непосредственно кара и гибель, роковая встрѣча, сгубившая окончательно.

[3]) Вдругъ, очутившись, послѣ крайней похвальбы Святогора.

[4]) Возлѣ, около.

[5]) Свидѣтелей и истолкователей, въ родѣ Старцевъ, не было при семъ и потому подпись приводится цѣликомъ, собственными ея словами.

[6]) Таково значеніе колчана, вотъ что онъ значитъ: ну-ка, подними эту тяготу, ты, гордившійся силою! — О значеніи *колчана* подробности выше при спеціальномъ текстѣ образца: онъ тотъ же, что̀ упоминается за спиною, куда сажался и юный соперникъ; онъ наполнялся *стрѣлами*; древнѣе, въ образцѣ, откуда велъ традицію предлежащій, вѣроятно *роковой* колчанъ, данный *судьбиною*, принадлежалъ богамъ и вмѣщалъ стрѣлы божескія, Перуновы; посягая на него, чтобы поднять собственною силою, Святогоръ посягалъ на силу божественную. Ступенью позднѣе, когда сцену силъ божескихъ, демоническихъ и стихійныхъ смѣняла сцена жизни народной и земской, въ колчанъ попала уже *земля:* какъ символъ, какъ знакъ, что въ предѣлы старшей области вошла и водворилась здѣсь иная, народная жизнь земства; съ симъ вмѣстѣ образовалась уже *своя* „тягота," земская, мірская, тяглая, пахотная. Колчанъ сдѣлался обликомъ воинскихъ доспѣховъ, воинскою оболочкою, такъ сказать скорлупою и кожурою, подъ которою притаилась сила мирная, сельская, гражданская,—но все-таки сила рабочая и потому *тяжкая* высокомѣрному богатырю, гулякѣ

Остановилъ-то Святогоръ богатырь
445. Своего-то коня да богатырскаго;
Выходитъ [1]) съ коня да богатырскаго
На эту на матерь на сыру землю;
Глядитъ на коня да богатырскаго [2]):
«Служилъ ты, конь богатырской,
450. «(Служилъ ты) вѣрой-правдой мнѣ!»
Стоитъ-то конь—да голова повѣшена [3]).
Хочетъ Святогоръ-то богатырь
Испытать своей силы богатырскоей,—
Принимается за этотъ колчанъ подписанный [4]):
455. Первый [5]) приздынулъ колчанъ съ сырой земли—
Угрязнулъ во сыру землю по косточки [6]);
Второй разъ колчанъ да приздымываетъ, —
Угрязнулъ Святогоръ да богатырь по колѣночка [7]).
Заревѣлъ-то конь богатырской по звѣриному,
460. Самъ проговоритъ голосомъ человѣческимъ:
— Некому больше ѣздить будетъ
— На конѣ да богатырскоемъ! —

по полямъ не для тяги, рала или сохи, а для воинской добычи, забавы и славы. Во всякомъ случаѣ это старше *сумы*, при которой обязательно должны были явиться *старцы*.

[1]) Слѣзаетъ.

[2]) Слѣзши, невольно оборачивается на коня и говоритъ, какбы прощаясь, въ предчувствіи кончины, ибо подпись ясна и зоветъ на борьбу, а борьба влечетъ къ себѣ роковою судьбою.

[3]) Раздѣляя предчувствіе.

[4]) На коемъ была подпись, имѣвшій *назначеніе, роковой*.

[5]) Разъ, первой.

[6]) Выше ступни: по щиколотки.

[7]) Двойственное. Послѣ втораго раза, когда ясно уже обозначилась судьбина Святогора и нечего было ожидать спасенія; конь, единственный свидѣтель гибели, поднимаетъ ревъ,—громкій, какъ реветъ звѣрь, или реветъ звѣремъ,

Вздохнулъ конь богатырской отъ своихъ печеней [1]),—
Лопнули стремена булатніи,
465. Оборвались свастожки шелковыи:
Увалился конь на сыру землю [2]),
Проговорилъ Святогоръ да таково слово [3]),—
И поднялъ колчанъ со сырой земли [4]):
И принялъ себѣ смерть Божью [5]).

Щегол. В)

---

[1]) Изъ послѣдней глубины, что было силы.

[2]) О семъ, рѣдкомъ у насъ, изображеніи умирающаго коня см. подробности выше при спеціальномъ текстѣ образца; о явной связи его съ конемъ *Марка Королевича* и вѣроятно съ *Букефаломъ Александра*, упоминаемаго, какъ знаемъ, на ряду со Святогоромъ и также похвалившагося; съ другой стороны, въ нисходящей линіи, о связи съ конемъ *Ильи*, также погибшимъ—окаменѣвшимъ.

[3]) Слово въ образцѣ выпущено, но мы знаемъ его: „Видно, судьбина поискала меня, Видно, мнѣ къ суду пришло, Суждена мнѣ смерть скорая" и т. п.

[4]) Въ *третій* разъ, въ третій пріемъ (чего нѣтъ въ большинствѣ другихъ образцовъ), напрягши послѣднія силы, и дѣйствительно *поднялъ*, но уже погибъ въ послѣднемъ напряженіи.

[5]) Не человѣческую, не отъ людей и не отъ руки ихъ, а Богомъ посланную. Такой же конецъ Святогора, каково его начало и происхожденіе,—*Богомъ-данное* (ср. выше), роковое, отъ безвѣстной и невидимой, высшей силы, какъ при Сербскомъ Маркѣ Кралевичѣ—„Од Вога од старог крвника",—стараго, древняго мстителя.—У всѣхъ народовъ и во всякомъ эпосѣ, *рогъ* (напр. „изобилія") несъ въ себѣ жизнь, развитіе, богатство, счастіе, *колчанъ*—стрѣлы и гибель, хотя бы въ него всыпана была послѣ и земля (ибо и земля, и земство-народъ, обратно, отъ мира могли переходить къ грозной роли воинственной, убивать и давить, обращая тягло свое въ тяготу для сторонникъ). Любопытно, что корень колч-

470. Снарядился Святогоръ
Вовъ чисто поле гуляти [1]).
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.

чрезъ *клач-* роднится съ корнемъ имени *колѣнъ*: ближайшіе преемники Старшихъ богатырей, смѣняя ихъ, они понесли за плечами, какъ нѣкогда богатыри колчанъ,—суму и, при послѣдующихъ образахъ творчества, явились толкователями смысла ея передъ лицомъ Святогора, свидѣтелями его гибели отъ сумы. Юный герой, напр. Илья, попавшій нѣкогда также въ колчанъ за плечи къ Старшему богатырю, былъ въ этой роли прообразователемъ той же губительной силы, имѣвшей „устрѣлить" Святогора: ему суждено было антиквировать Старшее богатырство. Онъ былъ *лицомъ* земства и земскаго эпоса: какъ лицо, повторялъ собою однозначущій миѳъ—колчанъ и однозначущій символъ—суму съ тягою земли. Потому, и при переходѣ колчана въ суму, Илья явился такимъ же свидѣтелемъ гибели Святогора, какъ раньше того старцы.

Толкуемый нами образецъ имѣетъ много порчи (о ней выше); но онъ же, особенно въ послѣднихъ стихахъ своихъ, цѣненъ, высокъ, выразителенъ и художественъ, такъ что съ нимъ сравняться могутъ немногіе, и у насъ, и во всякомъ извѣстномъ эпосѣ. Пѣвецъ его, старикъ Щеголенковъ, этимъ памятникомъ, во всѣхъ трехъ его пѣтыхъ Редакціяхъ, заслужилъ себѣ высокую память, ни сколько не меньше Рябинина. Не даромъ Былины о Святогорѣ велъ онъ въ традиціи отъ Ильи Елустаѳьева. Слѣдующій образецъ, какъ замѣтили мы, отличается *чистотою символа*, строго выдержаннаго, и, хотя моложе по Редакціи, искупаетъ многое своею *изящною простотою*, свойственною даровитой пѣвицѣ.

[1]) Стихъ такъ называемый, т. е. технически нами названный,—„двойной" (о немъ см. во всѣхъ нашихъ изданіяхъ многочисленныя замѣтки): при разложеніи основнаго эпическаго стиха, онъ усвоился многимъ „Стариннамъ" *женскимъ* и послѣдующимъ „*Пѣснямъ Историческимъ*.

Не съ кѣмъ Святогору
Силой помѣряться:
А сила-то по жилочкамъ
475. Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки—
Какъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ [1]):
«Какъ бы я тяги [2]) нашелъ,
480. «Такъ я бы всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи [3])
На маленькую сумочку перемётную [4]):
Берётъ погонялку [5]), пощупаетъ сумочку,—
Она (сумочка) не скрянется [6]),
485. Двинетъ перстомъ её,—не своро́хнется,
Хватитъ съ коня рукою,—не подымется.
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
«А эдакова чуда не наѣзживалъ,
«Такова дива не видывалъ:
490. «Маленькая сумочка перемётная
«Не скрянется, не своро́хнется, не подымется!»
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра̀ коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама [7]),
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ [8]):

---

[1]) Замѣчателенъ этотъ вызовъ къ *похвальбѣ* не изъ удачь, не изъ встрѣчь, а изъ собственнаго *сознанія*, изъ *существа* Святогорова.

[2]) Здѣсь не то, что̀ въ другихъ образцахъ, не тяжесть, не тягло, не кольца, а *рычаги, равновѣсные землѣ*, чѣмъ бы можно своротить и поднять ее.

[3]) Безотносительно *къ Руси*, какъ и выше,—разгуливаетъ Святогоръ самъ по себѣ и у себя.

[4]) Съ плеча на плечо, какъ у старцевъ-калѣкъ.

[5]) Лошадиную плеть; кнутовище у кнута.

[6]) Не переворотится.

[7]) Двойственное; лучше для склада: „Ухв. об. рук. сумочку.“

[8]) Это уже *третій* пріемъ, и успѣшный, но успѣвшій окон-

495. И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу́ лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ,
Тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.
500. Тяги-то земли онъ нашелъ,
А Богъ его и попуталъ за похвальбу [1]).

Дмитр.

—

Святогоръ кончался на Кіевьской земли [2]).

Щегол. А.

* * *

чательно сгубить Святогора: ср. то же въ предыдущемъ образцѣ.

[1]) Два стиха раздѣлены изъ добавочнаго пересказа. — Оказывается, что *сумочка* была *тягами-равновѣсками цѣлой земли*, физически и матеріально, а нравственно *символомъ земли*. Въ первомъ смыслѣ, поднявъ сумочку или тяги земли, можно было бы вмѣстѣ съ симъ поднять и цѣлую землю,— равновѣсный рычагъ былъ готовъ въ рукахъ; во второмъ смыслѣ, кто одолѣлъ бы символъ, одолѣлъ бы и наличность, и дѣйствительность, имъ символизованную. Но пѣвица заключила по выводамъ столь же *нравственнымъ*: Святогоръ сгибъ не отъ физическаго напряженія и разрыва силъ, а попалъ въ собственную сѣть и *запутался* въ ней; обратилъ похвальбу противу неба и Бога, и она-то его *попутала*, сдавила, вдавила въ землю за мѣсто неба и въ землѣ удушила.

[2]). Таково важное показаніе Щеголёнкова, коему не имѣемъ права не вѣрить. И точно, въ лучшихъ остаткахъ Старшаго Эпоса о Святогорѣ, собранныхъ здѣсь нами, *съ величайшей строгостію выдержана* и намѣренно, „пословечно“ *указана сцена дѣйствій на Руси*: по рожденіи, воспитаніи и выѣздѣ на Русь, Святогоръ *неуклонно* вращается на семъ поприщѣ и только прибавлено порою, что *ѣдетъ* (возвра-

СВЯТОГОРЪ

II

(съ самсономъ).

Да вѣдь ѣдетъ Святогоръ-то богатырь,
Ѣдетъ вѣдь путемъ-дороженькой...
Задремалъ ли [1]) Святогоръ да богатырь
Да на этомъ кони сидячи богатырскоемъ.
5. И наѣхалъ-то ли сзади Русской могучой богатырь [2]):
Ёнъ ударилъ-то копьемъ по плечамъ могучіимъ,
Ёнъ ударилъ-то концемъ да не вострыимъ.
Да проговорилъ ли Святогоръ да вѣдь богатырь,
Да проговорилъ ли таково слово:
10. «Какъ кусаютъ мухи Русскіи [3])—да до—больня!»
И онъ [4]) другой разъ ударилъ по плечамъ могучіимъ,
А копьемъ да концомъ не вострыимъ [5]):
И взялъ онъ [6])—росправилъ свою руку богатырскую,

щается) отсюда ко *Святымъ Горамъ*, т. е. *на пути домой*, но все же черезъ Русь.—Совсѣмъ не то въ отдѣлахъ послѣдующихъ, гдѣ мы это и разберемъ.

[1]) Ср. выше обычную, частую у Святогора дремоту отъ грузовъ силы.

[2]) Самсонъ, играющій здѣсь роль, постоянно такъ называется, на ряду съ Муромцемъ и прочими Кіевскими богатырями, хотя и Старшій: совсѣмъ не то о Святогорѣ, „не-Руськомъ,“ хотя позднѣе также отчасти обрусѣвшимъ.

[3]) Доказательство, что Святогоръ ѣхалъ *по Руси* и отъ того не сомнѣвался, что это мухи *Русскія*.

[4]) Самсонъ.

[5]) Замѣчательно, отчего *не вострымъ, тупымъ*: такъ затрогивали, *вызывали на бой*; Самсонъ не убить хотѣлъ, а лишь вызывалъ на поединокъ.

[6]) Святогоръ.

Захватилъ-то Русскаго могучаго богáтыря,
15. Посадилъ въ свой кóлчанъ [1]) богатырской-то,
Да поѣхалъ ли путёмъ да онъ дороженькой [2]).
Да конь богатырской у Святогора у богáтыря
Да идётъ дорожкой—потыкается.
И [3]) проговóрилъ-то конь и голосомъ человѣчьимъ:
20. ««Ай ты, Святогоръ да богáтырь!
««Отъ того [3]),—я не могу нести двухъ богáтырей:
««И клáденъ у тебе [4]) да во свой колчанъ.»»
Онъ и вынялъ изъ колчáна да богáтыря,
И со этыимъ конёмъ да богатырскіимъ,
25. И прогóворилъ ли Святогоръ да тутъ богáтырь:
«Да ты кто есть, Русской [5]) могучей богáтырь?»
Онъ [6]) прогóворитъ ему таково слово:
— Я богатырь отъ стольняго отъ города отъ Кіева,
— Да Самсонъ да и Самойловичь [7]).—

[1]) Опять – объясненный нами выше *колчанъ* (а не карманъ); доказательство Редакціи болѣе древней; это *вторая* по нашему разбору, о чемъ выше.

[2]) Какъ ни въ чемъ не бывало, случай, конечно уже бывалый со Святогоромъ: онъ важивалъ за спиною и жену, и любовниковъ ея, и прочихъ „малосильныхъ“ мóлодцевъ. Но здѣсь очутился *богатырь равносильный*, по крайности равноправный, какъ разсказано и объ *Илье*: отъ того конь началъ спотыкаться.

[3]) Въ отвѣтъ на вопросъ Святогора (извѣстный по другимъ образцамъ)—„отчего спотыкаться сталъ?“

[4]) *Другой* богатырь.

[5]) Опять доказательство, что сцена *на Руси* и Святогоръ увѣренъ былъ въ захватѣ богатыря *Русскаго*, не какого либо иного.

[6]) Самсонъ.

[7]) Какъ доказали мы выше, это *Редакція* совершенно *самостоятельная*, самыми передержками кое-гдѣ свидѣтельствующая о томъ, вездѣ строго выдержавшая *имя Самсона*, пропѣтая въ образцѣ *Щеголёнковымъ*, которому, по

30. Да прогóворилъ ли Святогоръ тутъ тырь; богá
«Ай же ты, Самсонъ да ты Самойловичь!

богатству его сообщеній о Святогорѣ, не можемъ не довѣрять, и подтверждаемая, относительно *роли Самсона*, разными подробностями изъ другихъ образцовъ. — *Самсонъ Самойловичь* (иногда *Колывановичь*), иногда смѣшиваемый со Святогоромъ)—самостоятельный *Старшій богатырь* (о немъ подробности ниже въ особомъ цѣломъ): но онъ *весьма рано* зашелъ на Русь, въ ея эпосъ. Вмѣстѣ съ принятіемъ Христіанства, равно съ примѣсью Еврейско-Караимскихъ сказаній на глубокомъ Югѣ, на этомъ старшемъ поприщѣ всѣхъ Славянъ и Руси въ ихъ нѣдрѣ (самъ Святогоръ, видѣли мы, выводился изъ Крыму—отъ Караимовъ), Самсонъ, какъ библейскій крупный герой, раньше и скорѣе другихъ поразилъ вниманіе своими богатырскими подвигами, а потому скорѣе другихъ Старшихъ Богатырей сжился съ Русью, освоенный и присвоенный ея спеціальнымъ эпосомъ. Эти *двѣ особенности* составляютъ повсюду *преимущественное отличіе* Самсона: 1) обиліе *чертъ библейскихъ* въ его образѣ и 2) быстрое и глубокое *обрусѣніе*. Съ этой, особенно послѣдней, точки зрѣнія, онъ раздѣляетъ во многомъ участь и судьбу Старцевъ, Калѣкъ Перехожихъ, съ которыми и дѣйствительно въ связяхъ по Былинамъ. И Святогоръ не безъ связи со Старцами (ср. выше его тестя Луку Калѣку, встрѣчу Старца и Старцевъ, и т. п.), равно какъ ихними Стихами; но Святогоръ раздѣлился, столь же рано, *на двое*: объ немъ выдѣлился особый разрядъ Стиховъ, какъ о Святъ-Егорѣ или Егорьѣ Храбромъ, съ примѣсью исконныхъ богатырскихъ образовъ, но съ господствомъ чертъ Христіанскихъ; съ другой же стороны, весьма немного понесши на себѣ вліянія Христіанскаго, Святогоръ цѣликомъ перешелъ въ Эпосъ, и Эпосъ Старшій, рисовавшій его по самымъ глубокимъ основамъ Обще-Славянскаго и древнѣйше-Русскаго богатырства, такъ что остатки сего Эпоса, попавши въ послѣдующій, новый Кіевскій и уцѣлѣвши здѣсь до насъ отрывками, поражаютъ своею *особенностію*, *спеціаль-*

«По крестовому по брáтовству я бóльшой братъ,

ностію, архаическимъ пошибомъ сѣдой старины. Между тѣмъ о Самсонѣ Стиховъ не сложилось, всѣ его черты пошли цѣликомъ въ Эпосъ и потому преобладаютъ здѣсь *библейскія*, но притомъ глубоко, въ другую сторону глубины—въ *Русскую* сторону — вдавшіяся и такимъ способомъ обрусѣвшія. Потому и для самого творчества, въ Кіевѣ и въ кругу Владиміра, да и для насъ на самый первый взглядъ, даже *наглядным* образомъ, не говоря уже объ анализѣ, Самсонъ всегда представлялся и представляется *моложе* Святогора, *меньшимъ* его *братомъ*, хотя также, повторяемъ, и Старшимъ Богатыремъ. „Святогоръ *старше* всѣхъ богáтырей" — твердитъ эпосъ и братаетъ Самсона со Святогоромъ на правахъ *младшаго*, а для *прочихъ* Кіевскихъ богатырей, не-Старшихъ, дѣлаетъ его безпрестанно „Крестовымъ *батюшкой*" или „*дядюшкой*." Еслибы представить Святогора и Самсона *живыми*, *исторически* существовавшими *лицами*, въ томъ однако же образѣ, какъ они представлены эпосомъ, то конечно слѣдовало бы признать, что они жили въ одну, ближайшую другъ къ другу, эпоху, жили вмѣстѣ, вмѣстѣ разъѣзжали по Святымъ по Горамъ, вмѣстѣ „бились и ратились," какъ равный съ равнымъ и по крайности съ малымъ различіемъ силы или доблести; съ этой же точки зрѣнія, на сколько эпосъ имѣетъ отношеніе или хочетъ близиться къ исторической дѣйсткительности, событіе при *гробѣ*, въ коемъ погибъ Святогоръ и который, по яркости миѳа и рѣдкости эпоса, восходитъ въ область образовъ самыхъ древнихъ,—въ этомъ, говоримъ, событіи, *свидѣтелемъ* и *соучастникомъ* долженъ былъ явиться *Самсонъ*, не кто другой, а именно онъ, *столь* же Старшій, и равный, и сверстникъ. Вотъ почему и мы, съ своей стороны, также видимъ здѣсь *Самсона*, и *такъ* располагаемъ свой сводъ образцовъ. Но, съ точки зрѣнія эпоса Русскаго, уже сложившагося среди сложившейся Руси, — а мы не должны забывать, что лишь *отсюда*, *изъ этихъ рукъ* принимаемъ показанія въ отрывкахъ образцовъ,—съ этой точки зрѣнія, по основаніямъ, указан-

«А ты будешь ли, Самсонъ да ты Самойловичь!

нымъ выше, Самсонъ, будучи моложе и Русѣе, при встрѣчѣ со Святогоромъ долженъ былъ представляться богатыремъ *Русскимъ*, представителемъ *Руси*, по крайности — если и на Святыхъ Горахъ, то—зашедшимъ *съ Руси*. Потому естественно, что онъ можетъ явиться, сравнительно со Святогоромъ, и *маленькимъ*, и попасть въ колчанъ или карманъ, и умѣститься здѣсь; и мы нисколько не находимъ противорѣчія, если *Самсонъ* выставляется въ этой роли, хотя бы послѣ въ нее вводили и Муромца, и даже другихъ молодцевъ (какъ выше, при женѣ): съ насъ довольно, что Самсонъ „дотыкается тупымъ концомъ,“ то есть смѣло вызываетъ на *равный бой*, какъ *ровный ровнаго*. На оборотъ, въ Старшемъ Эпосѣ онъ со Святогоромъ долженъ былъ, вѣроятно не разъ, испытать *единоборство*, и не бѣжалъ бы какъ Илья, да это и не было интересно сложившейся Руси, постепенно антиквировавшей Старшее Богатырство и любопытной къ столкновеніямъ съ *Русью младшей*. Такого, сего послѣдняго рода единоборство и очерчено, какъ знаемъ мы, эпосомъ: но оно *усвоено* по преимуществу *Илье*, какъ *исключительному*, верховному представителю Руси новой, хотя вмѣстѣ и „старому“ передъ сверстниками, и сильнѣйшему ихъ; и тутъ-то онъ *бѣжалъ*, чего не сдѣлалъ бы Самсонъ; а Щеголенковъ, разъ промахнувшись (см. выше изслѣдованіе) и подведши подъ такое горе Самсона, спохватился и снова *свелъ* его со Святогоромъ въ дружбу, въ соучастіе при гробѣ. Потому, разумѣется, *единоборство*, въ *наличной* его формѣ съ *бѣствомъ*, мы исключительно усвоиваемъ *Илье*. Поелику же въ творчествѣ не нормальны *построенія* и излишне *возвращеніе*, то *первую ошибку*, на старшей ступени, мы по праву относимъ къ *Самсону* и такъ точно располагаемъ образцы въ предлежащемъ сводѣ.— *Братимство*, послѣдовавшее за нею, хотя бы и *крестовое*, не отрицая при Ильѣ, мы *равно* допускаемъ при *Самсонѣ*, тѣмъ больше, что онъ повсюду играетъ передовую роль въ всякихъ братимствахъ и конечно *раньше* еще Ильи былъ уже собратомъ Святогору.

Да ты будешь мнѣ меньшой братъ [1])!...

35. И во той пути широкоей дороженьки
Да свернулъ-то вѣдь Самсонъ да вѣдь Самойловичь,
Да свернулъ-то по праву руку въ дороженьку окольнюю [2])...

Да поѣхалъ ли [3]) Святогоръ да богатырь,
Да дороженьной поѣхалъ да широкой:
40. Попадаетъ-то на встрѣчу [4]) Самсонъ да вѣдь Самойловичь.
Оны поѣхали [5]) ко городу ко Кіеву [6]).

Щегол. Б).

---

[1]) За тѣмъ два стиха, какъ богатыри разсержали коней и разъяряли сердце, относятся къ единоборству, на которое они готовились; если оно и имѣло мѣсто съ Самсономъ, въ Старшемъ Эпосѣ, то описаніе кануло въ бездну забвенія и остались намъ лишь помянутые два стиха, кои мы приведемъ при Ильѣ, ибо тамъ ихъ *настоящее* мѣсто по большинству и главенству образцовъ.

[2]) А со Святогоромъ послѣ сего совершились роковыя встрѣчи—встрѣчи *сумы-тяги* и *Ильи*, при чемъ Самсонъ *не былъ свидѣтелемъ*, а подавно не участвовалъ, оставшись *въ сторонѣ*, куда уклонился.

[3]) Покончивши удачно—на первый разъ—съ сумою и потерявши изъ виду бѣжавшаго Муромца.

[4]) Свернувшій прежде и теперь выѣхавшій снова на дорогу широкую.

[5]) Вмѣстѣ, чего не могли бы сдѣлать, если бы изъ неудавшагося единоборства вышли такими заклятыми врагами, какъ Илья со Святогоромъ.

[6]) Значитъ опять, мѣстность *на Руси* и послѣдующее событіе *при гробѣ* здѣсь же совершилось.—Слѣдуютъ *подобные* образцы, откуда мы *устраняемъ* вставленное имя *Ильи*, замѣняя болѣе подходящимъ *Самсономъ*, или, по крайности, безразличнымъ „богатыремъ.“

Поѣхалъ (Самсонъ, богатырь) да по чисту полю:
Засталъ бога́тыря онъ во чистомъ поли.
И думалъ:—Бога́тыр-ё-тъ невѣрные!—
45. Розгорѣлось (у Самсона, богатыря) да ретивò сердцо,
Нага́нивалъ коня онъ со чиста̀ поля,
Со чиста̀ поля онъ во первòй наконъ [1]),
Ударилъ бога́тыря онъ палкою [2])
И думалъ:—Бога́тыря съ конёмъ убилъ [3])! —
50. Сидитъ бога́тырь на добрòмъ кони, —
Назадъ богатырь не оглянется.
Розгорѣлось (у Самсона, богатыря) да ретивò сердцо [3]),
Наганивалъ коня онъ со чиста поля,
Со чиста поля онъ во второй наконъ,
55. Ударилъ бога́тыря онъ палкою
И думалъ:—Бога́тыря съ конёмъ убилъ! —
Сидитъ богатырь на добромъ кони, —
Назадъ богатырь не оглянется.
Розгорѣлось (у Самсона, богатыря) да ретиво сердцо,
60. Наганивалъ коня онъ со чиста поля,
Со чиста поля онъ во третій [4]) наконъ,
Ударилъ бога́тыря онъ палкою
И думалъ:—Богатыря съ конёмъ убилъ!—
Сидитъ бога́тырь на добромъ кони,
65. Назадъ бога́тырь отогля́нется:
«Я думалъ—кусаютъ Русскіе [5]) комарики,—
«Ажно [6]) славной богатырь (Самсонъ Самойловичь)!»
Взялъ (Самсона, богатыря) онъ и со конемъ въ корманъ,

---

[1]) Разъ.

[2]) Палицею.

[3]) Этотъ „задоръ," неумѣстный у Самсона, скорѣе идетъ къ Ильѣ, жаждавшему кроваваго единоборства (ср. ниже), но прочія обстоятельства, кои увидимъ ниже, предпочтительнѣе напоминаютъ Самсона.

[4]) „Третéй."

[5]) Опять доказательство, что дѣло на Руси.

[6]) Анъ, напротивъ.

Возилъ-то онъ вѣдь трои сутки.

70. Свят-игóровъ [1]) конь провѣщился язы́комъ человѣ-
ческимъ:
««Ты славный богáтырь Свя́т-игóръ [1])!
««Тяжело возить мнѣ двухъ богáтырей—
««Третью лошадь богатырскую [2])!»»
Онъ вынялъ (Самсона, богатыря) да изъ кармана вонъ [3]).

Третьяк.

—

---

[1]) Это явно „Святъ-Егòръ," съ обычнымъ выговоромъ *и* вм. *е* безъ ударенія.

[2]) Вотъ почему еще отказывался конь везти, кромѣ того, что два богатыря равносильные: прежде важивалъ въ ларцѣ, колчанѣ и карманѣ *безъ лошадей,* а теперь *еще съ лошадью.*

[3]) И *непосредственно* за симъ Святоторъ предлагаетъ ѣхать на *Святыя Горы*, гдѣ будетъ онъ *преставляться* и ляжетъ въ гробъ, предчувствуя сію кончину также, какъ Марко Кралевичь, скончавшійся одинаково *на горѣ.* Отсюда истекаетъ много любопытныхъ выводовъ: а) хотя *первая сшибка* и представляется иногда, какъ здѣсь, въ мѣстности *Русской,* подобно предыдущему образцу (ибо сшибается со Святогоромъ богатырь *Русскій),* но, непосредственно за симъ, богатыри ѣдутъ съ Руси на *Святыя Горы*, заставляя предполагать, что подобныя сшибки могли случаться и на сихъ послѣднихъ, въ лонѣ Старшаго Эпоса, со Старшими богатырями и Самсономъ;—б) и въ семъ образцѣ, и въ слѣдующихъ подобныхъ, между сею сшибкою и поѣздкою ко Святымъ Горамъ *нѣтъ ничего* (и это связуетъ оба событія вмѣстѣ), стало быть *встрѣча сумки-тяги* и *горячее единоборство* есть дѣло *совсѣмъ другой Редакціи*, а гдѣ оно встрѣчается, тамъ вставлено какъ *эпизодъ;*—в) такъ какъ кончина, послѣдующая за сшибкою, есть кончина *во гробу,* то явно, что ея подлинное мѣсто, по крайности по воззрѣнію нѣсколькихъ Былинъ и Редакцій, суть *Святыя Горы*, т.-е. опять въ собственной области *Эпоса Старшаго*, между *Старшими Бо-*

75. Ѣздилъ-то (Самсонъ, богатырь) да по чисту полю,
Наѣхалъ (С. б.) на Святые Горы [1]),
Да наѣхалъ (С. б.) да на богатыря [2])...
Да розъѣхался (Самсонъ, богатырь),
Да ударилъ богатыря крѣпко на крѣпко [3]),—
80. Богатырь ѣде всё впередъ:
— Ахъ да что я за сильніи богатыре [4])!
— Отъ моей руки никакой богатырь
— Не могъ на кони усидѣть [5]):
— Дай-ко розъѣдусь во второй разъ!—
85. Какъ розъѣхался (Самсонъ, богатырь),
Да ударилъ крѣпко на крѣпко,—
Богатырь ѣде всё впередъ:
— Что это за чудо есть, —
— Видно, я ударилъ худо ево!—
90. Какъ розъѣхался (Самсонъ, богатырь),
Да онъ вѣдь въ третій разъ,
Какъ ударилъ богатыря крѣпко на крѣпко,
Да ударилъ ево плотно на плотно,—
Тутъ-то богатырь пробудился ото сна [6]):

гатырями; — г) а стало быть и *свидѣтелемъ* или *участникомъ* кончины въ гробѣ естественно долженъ быть *Старшій Богатырь Самсонъ* и такъ представлялся онъ, хотя позднѣйшіе и испорченные образцы вставили здѣсь болѣе привычное имя Ильи. За симъ слѣдуетъ образецъ, гдѣ не только кончина *во гробу*, но и *сшибка* представляются на *Святыхъ Горахъ*, и тѣмъ умѣстнѣе роль *Самсона*.

[1]) Вотъ и сцена сшибки и кончины во гробу.

[2]) За симъ стихи о *дремотѣ*, приведенные выше въ *общую* характеристику Святогора.

[3]) Горячность нападенія опять идетъ больше къ Муромцу и *перенесена отъ него* по вліянію памяти о *горячемъ единоборствѣ* со Святогоромъ.

[4]) Сильный богатырь.

[5]) Бывало прежде сего, а теперь сидитъ не шевелясь.

[6]) Дополненіе объ отчаянной дремотѣ Святогора.

95. Хватилъ-то (Самсона, богатыря) да своей правою рукой,
Положилъ-то (С., бог.) да къ себѣ въ корманъ [1]).
Возилъ-то (Самсона, богатыря) да двои суточки,
Да на третьи суточки конь и сталъ потыкатися,
У коня-то стали ножки подгибаться [2]).
100. Какъ ударилъ Святогоръ да своего добраго коня:
«Что̀ ты, конь, потыкаешься?»
Говорилъ-то конь таково слово:
««Какъ мнѣ-ка-ва да не поткнутися?
««Вожу я третьи суточки
105. ««Двухъ сильніехъ-могучіехъ богатырей,
««Третьёго вожу коня да богатырскаго [3])!»»
Тутъ Святогоръ вынималъ (Самсона, богатыря) да изъ кормана вонъ [4]).

Но раздернули [5]) шатеръ бѣлополо̀тняной,
Стали (съ Самсономъ, богатыремъ) да опочивъ держать,
110. А побратались они крестами [6]) (съ Самсономъ, богатыремъ),

---

[1]) Моложе „колчана;"—стихъ замѣтно „двоится."

[2]) „Подгибатися?"

[3]) Ср. выше.

[4]) За симъ нѣту и помину о какомъ ни будь раздраженіи и приготовленіи къ единоборству, напротивъ бесѣды вмѣстѣ въ шатрѣ, опочивъ, братимство, общія поѣздки—прогулки: все это а) идетъ болѣе къ Самсону, б) показываетъ, что самъ Святогоръ смотрѣлъ на сшибку или, лучше, на первые удары, какъ на шутку и на игру, въ родѣ турнира или вызова на турниръ, а Самсонъ, выше мы видѣли, на подобный турниръ и вызывалъ „тупымъ концомъ." Забывъ значеніе сего пріема — „тупого конца," пѣвцы и пѣвицы стали вводить другое орудіе, уже не копье, не саблю и не мечь, а тупую же *палку* и *палицу*.

[5]) „Ино раздернули" или, лучше, „пораздернули?"

[6]) Черта христіанская, но „братимство" было у Славянъ и раньше крестовъ, и доселѣ остается, иногда безъ ихъ посредства.

Назвались они крестовыми братьями.
Но ѣздили-гуляли [1]) по Святымъ Горамъ [2]).

Меншик.

*

Они поѣхали (Святогоръ да Самсонъ) [3]) ко городу ко Кіеву [4]).

---

[1]) Опять „ино“ ѣздили или „поѣздили?“—Ѣздили-гуляли—не разъ, совершали прогулки и поѣздки.

[2]) Вотъ опять и сцена, какъ сшибки, такъ и послѣдующаго за симъ непосредственно гроба. Къ этому послѣднему мы и переходимъ въ слѣдъ за симъ (остальныя описанія сшибокъ ниже, тамъ, гдѣ характеръ ихъ тѣсно связанъ съ Ильею и его единоборствомъ).

[3]) Стихъ, приведенный выше (потому опускаемъ его въ счетѣ, а повторяемъ для связи).—Напомнимъ, что здѣсь, у Щеголёнкова, въ особомъ варіантѣ, *прямо* и *вездѣ* выведенъ и названъ *Самсонъ*.—Поѣхали, послѣ эпизода о сумкѣ и единоборствѣ съ Ильею, въ чемъ Самсонъ не участвовалъ.

[4]) Т. о. мѣстность послѣдующей смерти во гробу указана *Русская*: она притянута сюда участіемъ и именемъ *Самсона*, глубоко *обрусѣвшаго*. Но это не мѣшаетъ предыдущимъ соображеніямъ, по коимъ смерть во гробу относится наиболѣе къ Эпосу Старшему и слѣдовательно ко Святымъ Горамъ: напротивъ, черта „къ Кіеву“ характеризуетъ скорѣе подлинность остатковъ Старшаго Эпоса, такъ какъ онъ, — убѣдимся еще ниже,—направляется обыкновенно *къ Руси*, тогда какъ Младшій Эпосъ обратно *съ Руси къ Святымъ Горамъ*. И смерть отъ *сумы-тяги* также относится къ области Эпоса Старшаго и богатырей Старшихъ (о чемъ и трактуемъ, что̀ и демонстрируемъ образцами); и она, въ зародышѣ образовъ, могла обрисоваться Южнѣе Кіева, раньше Руси сложившейся, по ту сторону Чернаго Моря, за Дунаемъ, на Святыхъ Горахъ и даже за Балканами: тѣмъ не менѣе, обратно кончинѣ во гробу, она переводится Младшимъ Эпосомъ, откуда мы черпаемъ, по преимуществу *на Русь*, въ связь съ *Ильею* и въ объясненіе его обстоятельствъ

110. Лежитъ-то вѣдь о путь о дороженьку [1])
Да гробница тутъ да каменна [2]):
Она óбнята обручами [3]) да желѣзныма.
Да прогóворилъ ли тутъ Святогоръ да вѣдь богáтырь:
«Ай же ты Самсонъ да вѣдь Самойловичь!

или подвиговъ. Потому же, съ *нынѣшней* точки зрѣнія, да не соблазнитъ кого ни будь, что кончина Святогора, совершившаяся, какъ мы видѣли выше, въ области Старшаго Эпоса и Богатырства, отъ *сумы-тяги,* повторяется теперь *снова* и *въ новомъ видѣ, во гробу*, равно какъ ниже, послѣ гроба, мы опять ее встрѣтимъ *при Илѣѣ* — отъ *сумы-тяги.* Это произошло и происходитъ отъ разныхъ *слоевъ* первобытной (Обще-Славянской) и вторично-народной (Русской) жизни, въ постепенномъ историческомъ ходѣ ея развитія, а съ тѣмъ вмѣстѣ отъ *слоевъ* въ творчествѣ и эпосѣ, изъ коихъ каждый имѣлъ *свое спеціальное* представленіе. Потомъ эти слои, сами по себѣ весьма различные, попали еще *наслоеніемъ* въ Младшій, чисто-Русскій, отвержденный эпосъ, занявши здѣсь разныя мѣста себѣ, въ зависимости отъ тысячи условій. Далѣе это наслоеніе реализовалось такъ или иначе, тою или другою редакціей, тѣмъ или другимъ способомъ, въ *образцахъ*, записанныхъ *недавно,* изъ устъ пѣвцовъ и пѣвицъ совершенно рознаго преданія, воспитанія, пріема, возраста, умѣнья. И *отсюда*-то, проводя сквозь многогранную призму всѣхъ этихъ лучей, разбившихъ собою первобытный, чистый и бѣлый, цѣльный и густой лучъ творчества, извлекаемъ мы нынѣ, сводя въ одинъ сводъ и размѣщая по усмотрѣнію болѣе или менѣе опытнаго и глубокаго взгляда. Разумѣется, при этомъ многіе герои и героини умираютъ, и снова воскресаютъ, и снова гибнутъ иначе, и снова возстаютъ для того же погруженія въ лоно творчества общаго.

[1]) Возлѣ, около.

[2]) Напомнимъ, что это разнится отъ древняго *гроба* — могилы, ямы и пещеры, а тѣмъ паче отъ нынѣшняго деревяннаго.

[3]) Обручамы?

115. «Розруби-т-ко ты саблей вострою [1])
«Да вѣдь эти обручи желѣзныи!»
Ёнъ ударилъ ли, Самсонъ да вѣдь Самойловичь,
Да вѣдь по этыимъ обручамъ желѣзныимъ:
И отвалились эты обручи желѣзныи
120. И отъ этой отъ гробницы отъ каменной.
И открылъ-то онъ доску-то гробо́вую [2])
И отъ этой отъ гробницы-то отъ каменной.
Да прого́ворилъ ли тутъ Самсонъ да вѣдь Самойловичь:
— Ай ты, бо́льшой братъ, Святогоръ да бога́тырь!
125. — Да ты лягъ во эту во гробницу во каменну [3])!—
Опустился [4]) Святогоръ да бога́тырь
Да на этую на матерь на сыру́ землю;
Да прошли-то его слёзы-то горючія,

---

[1]) Ср. объясненія выше. — Старше *мечь*, еще миѳичнѣе *кладенецъ*: его и завѣщалъ послѣ Святогоръ Самсону (а по нѣкоторымъ, хотя хуже, Ильѣ), до того же у Самсона является, болѣе Восточная и Азіатская, *сабля*. Ее богатыри наши, особенно начиная съ Муромца, заняли отъ мѣстныхъ Азіатцевъ-Восточниковъ, съ коими имѣли дѣло на Руси и ея окраинахъ, Самсонъ же могъ сохранять еще со своей, Восточной и Библейской, прародины (хотя и тамъ *древнѣе мечь*).

[2]) Здѣсь—крышку каменную.

[3]) Это рѣчи, судя по другимъ образцамъ, послѣ желанія примѣрить гробницу, кому она въ пору, и послѣ предложенія Святогора сотоварищу, который сослался, что слѣдуетъ *прежде* лечь брату *большему*, названному такъ въ побратимствѣ.—За симъ пропущены нѣкоторыя обстоятельства постепенности, и Святогоръ сразу сталъ умирать, повиновавшись судьбинѣ; но эта простота древнѣе и болѣе согласуется съ ролью Самсона, не имѣвшаго нужды, какъ Илья, въ спорѣ, борьбѣ, постепенномъ преемствѣ и наслѣдствѣ (ср. ниже).

[4]) Съ коня.

А прошли-то óны изъ ясныхъ очей [1]);
130. Ёнъ и лёгъ-то во гробницу вѣдь во каменну,
Да сложилъ они свои руки богатырскія
И на свои-то онъ да на бѣлы груди,
На бѣлы груди да богатырскіи:
Да тутъ принялъ сéби Святогоръ да вѣдь богáтырь,
135. Принялъ сéби тутъ онъ смерть великую [2]).
Да тутъ Святогору да богáтырю славу̀ поёмъ [3]).

Щегол. Б).

—

---

[1]) Ради того, что судьбина нашла его и не отдѣлался такъ, какъ первый разъ отъ сумки.

[2]) Ср. выше „Божью“ и т. п.: серіозную, страшную, посланную свыше.

[3]) Тутъ и конецъ его жизни, и сталъ онъ героемъ сложенной *объ немъ* Былины. Послѣ этого образца, гдѣ при гробѣ утверждена роль *Самсона* (и она согласуется со многими обстоятельствами), слѣдуютъ образцы, гдѣ роль *Муромца*. Жаль конечно устранить сію послѣднюю,—такъ она характерно разрисована и живописуетъ преемство Ильи въ богатырствѣ, тѣсную связь богатырства по разнымъ ступенямъ развитія: да мы эту роль и не устраняемъ, и согласны напротивъ, что всѣ подробности о кончинѣ Святогора въ гробницѣ обязаны вліянію эпоса Младшаго и эпохи *Ильинской*; мы согласны даже, въ дальнѣйшемъ размѣщеніи образцовъ, при Ильѣ повторить ихъ со всѣми обстоятельствами о гробѣ и съ именемъ *Ильи*, по скольку онъ, самъ „старый“ и старшій между богатырями Кіевскими, связывался со Святогоромъ, *прообразовательно* или *началами своего образа* входилъ въ область Старшаго Эпоса и богатырства, а равно привлекалъ его остатки къ центру своей личности въ эпоху младшую, и здѣсь развивалъ ихъ, благодаря своему „живому“ вліянію, расцвѣчая ихъ красками собственнаго яркаго образа. Но, тамъ, какъ здѣсь, гдѣ мы желаемъ *выдѣлить* остатки Эпоса Старшаго, по возможности въ ихъ *собственномъ* видѣ, и размѣстить *на*

И назвались [1]) (Самсонъ, богатырь) да Святогоръ
(Назвались они) братьями на́званными [2]),
И поѣхали ко Святымъ Горамъ [3]).
140. Наѣхали гробницу великую,
Выложена гробница краснымъ золотомъ [4]).
Лёгъ въ тую гробницу [5]) Святогоръ богатырь:
Какъ по немъ и устроена.
«Покрой меня сверху досками [6]), братъ на́званный [2])!»
145. Какъ покрылъ его досками,
Доски Божьимъ изволомъ [7]) приросли.
«Открой меня, братъ на́званный [2])!»
(Самсонъ, богатырь) и открыть не могъ;

своемъ мѣстѣ, по степени генетической, тамъ обязаны, какъ ни жаль, входить, сколько можемъ, въ воззрѣнія *старшія*, въ *черты* образцовъ *старшихъ*, и, сколько онѣ требуютъ, *вычеркивать* младшее; а потому, на основаніи извѣстныхъ данныхъ, частію уже доказанныхъ, вставляемъ *при гробѣ* имя *Самсона* или, по крайности, опять простаго „богатыря" вмѣсто Ильи.

[1]) Послѣ событія съ *женою* Святогора и блуда ея, относящагося несомнѣнно къ области Эпоса Старшаго, съ переходомъ въ Сказочную;—изъ пересказа раздѣляемъ стихи для удобства.

[2]) Лучше „назваными," „названый."—Побратавшись.

[3]) Образецъ возвращаетъ сцену отъ Кіева на собственное, старшее ея мѣсто,—къ Святымъ Горамъ, хотя еще позволяетъ держаться *на пути къ нимъ*, на самой Руси или въ промежуткѣ, а не на самихъ Горахъ въ ихъ глуби.

[4]) Изукрашена,—по камню.

[5]) Изъ послѣдующаго видно, что это испытаніе, для опыта, даже изъ шутки.

[6]) Крышею; но здѣсь видно вліяніе понятія о *нынѣшнемъ* гробѣ, изъ досокъ деревянныхъ.

[7]) Изволеніемъ: вліяніе Христіанскихъ понятій; впрочемъ и самъ Святогоръ признаетъ въ подобныхъ случаяхъ „судьбину," высшую волю.

Сталъ рубить доски саблей [1]),—
150. Куда махнетъ саблей,—
Тамъ станетъ желѣзный обручь.
«Возми, братъ названный, мою саблю [1])!»
(Самсонъ, богатырь) сабли и подынуть [2]) не могъ.
«Поди, братъ названный, я тебѣ силы дамъ!»
155. Припалъ (Самсонъ, богатырь) къ [3]) гробницѣ:
И дунулъ Святогоръ духомъ богатырскимъ [4]).
Взялъ (Самсонъ, богатырь) тую саблю:
Гдѣ ударитъ, тамъ станутъ желѣзные обручи.
«Припади ко мнѣ другой разъ,
160. «Названный братъ: еще силы придамъ!»
(Самсонъ, богатырь) говоритъ [5]) на мѣсто [6]):
— Если еще припасть,
— То не понесетъ мать сыра земля [7]).
— Силы у меня довольно [8])!—

---

[1]) Ср. выше.—У Святогора долженъ быть *мечь*.

[2]) Поздынуть, и здынуть (приподнять)?

[3]) Ко?

[4]) Тѣмъ придалъ силы поднять саблю (мечь).

[5]) Вѣроятнѣе - самъ съ собою, про себя, догадавшись объ опасности, вслѣдствіе чего не припалъ и Святогоръ оправдалъ догадку.

[6]) Тотчасъ, немедленно, за симъ.

[7]) Видно, что Муромецъ, здѣсь названный, выросъ на эту пору сознаніемъ отъ того былаго періода, когда Старцы должны были сами *умѣрять* даруемую ему силу; но еще лучше эта быстрая догадка идетъ къ Самсону, который хорошо зналъ мѣры силъ, принадлежа всѣмъ періодамъ богатырства, начиная со старшаго.—На этихъ словахъ вѣроятно кончилась рѣчь *про себя* и за симъ уже громкій отвѣтъ Святогору.

[8]) Конечно: „довольно *есть*“ (записано или отпечатано не совсѣтъ ловко).—За симъ обычно Святогоръ: „Хорошо ты сдѣлалъ (что не припалъ другой разъ)!“

165. «Когда бы ты припалъ,
«Дунулъ бы я мертвымъ духомъ [1])—
«И ты бы подлѣ меня легъ спать [2])!»
Тутъ и остался Святогоръ богатырь.

Роман., т. IV Рыбник

—

И поѣхали они [3]) (Святогоръ да Самсонъ, богатырь)
къ Сивернымъ Горамъ [4]).
170. И наѣхали путемъ-дорогою на великій гробъ [5]),
На томъ гробу подпись подписана:
««Кому суждено во гробу лежать,

---

[1]) Первый духъ былъ „живымъ," оживляющимъ; такова и вода, извѣстная „живая" и „мертвая."

[2]) Умеръ бы; въ Эпосѣ часто смерть называется сномъ.— За симъ образецъ еще обстоятельнѣе и живописнѣе подробностями, а тѣмъ ближе въ обработкѣ къ Ильѣ и Ильинской эпохѣ творчества.

[3]) Д. б. Святогоръ да *Самсонъ*, но въ образцѣ вставленъ Илья; подобно предыдущему—послѣ событія съ *женою* Святогора.

[4]) Здѣсь на мѣсто „Святыхъ," выведенныхъ выше: новое подтвержденіе нашему выводу, что это одно и то же, а стало-быть „Сѣверьянична"—жена Святогора со Святыхъ Горъ.—Стихи съ трудомъ раздѣляются: Былина разложилась и обратилась въ пересказъ.

[5]) Здѣсь со значеніемъ нѣсколько инымъ: не въ смыслѣ древнемъ, не могила и пещера, и не въ новомъ,—очевидно *гробница*, а изъ послѣдующаго (посыпали при ударѣ искры) замѣтно, что *каменная*; однако прибавлено ниже и *„домовище"*—о внутренности и вмѣстилищѣ *деревянныхъ гробовъ* (нынѣ деревянный гробъ часто, особенно въ творчествѣ и Стихахъ, именуется *домомъ*, а *домовищемъ* внутренность, внутренній объемъ). Пѣвецъ, кажется, представлялъ себѣ высѣченное въ камнѣ или утесѣ *углубленіе* (гробъ) съ крышею изъ камня, но внутри сего особо гробъ или колоду въ родѣ нынѣшнихъ (домовище).

««Тотъ въ него и ляжетъ [1]).»
Ложился Святогоръ богатырь:
175. Гробъ пришелся по немъ.
Говоритъ богатырь таковы слова:
«Гробъ точно про меня дѣланъ.
«Возми-т-ко крышку, (Самсонъ, богатырь),
«Закрой меня.»
180. Отвѣчаетъ (Самсонъ, богатырь):
— Не возьму я крышки, бо́льшой братъ,
— И не закрою тебя!
— Шутишь ты шуточку не малую [2]):
— Самъ себя хоронить собрался!—
185. Взялъ богатырь крышку
И самъ закрылъ ею гробъ;
Да какъ захотѣлъ поднять ю,
Никакъ не можетъ;
Бился онъ и силился поднять,
190. И проговорилъ (Самсону, богатырю):
«Ай, ме́ньшій братъ!
«Видно, судьбина поискала меня [3]):
«Не могу поднять крышки!

---

[1]) Обратно, кто ляжетъ, тотъ и останется лежать, не встанетъ. Потому слѣдующіе два стиха, о томъ, что Муромецъ легъ на пробу, несоотвѣтственны,—Муромецъ побоялся бы, а шутить не хотѣлъ; пошутившій Святогоръ былъ наказанъ. И такъ, по праву мы ихъ выпускаемъ и выигрываемъ еще устраненіе, вмѣстѣ съ ними, слова *домовище*, которое путаетъ. Стихи эти можно возстановить ниже, гдѣ на мѣстѣ самое имя *Ильи*.

[2]) Обычай „шутить" съ опасностью и смертью, тѣмъ самымъ навлекая ее, очень извѣстенъ въ эпосѣ: о Вольгѣ, Буслаевѣ, самомъ Святогорѣ (ср. выше), отдѣлавшемся отъ сумки шуткою. Напротивъ, не любилъ шутки Муромецъ, какъ и его—во многомъ—преемникъ К. С. Аксаковъ.

[3]) Настигла, пришелъ судъ, кризисъ; очень часто при Святогорѣ.

«Попробуй-ка приподнять ю [1])!»
195. Попробовалъ (Самсонъ, богатырь) поднять крышку [1]):
Да гдѣ ему!
Говоритъ Святогоръ богатырь:
«Возьми мой мечь-кладенецъ [2])
«И ударь поперегъ крышки!»
200. (Самсону, богатырю) не подъ силу
И поднять Святогорова меча-кладенца.
Зоветъ его Святогоръ богатырь:
«Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ,—
«Я дохну на тебя духомъ богатырскіимъ [3]).»
205. Какъ наклонился (Самсонъ, богатырь),—
И дохнулъ на него Святогоръ богатырь
Своимъ духомъ богатырскіимъ:
Почуялъ (Самсонъ, богатырь), что силы въ немъ
Противъ прежняго прибавилось въ трое.
210. Поднялъ онъ мечь-кладенецъ
И ударилъ поперегъ крышки:
Отъ того удара великаго
Посыпались искры [4]),
А гдѣ ударилъ мечь-кладенецъ,
215. На томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная.

---

[1]) То же, что приподнять сумку.

[2]) Настоящій мечь Святогоровъ, древнѣйшее орудіе Славянъ и всѣхъ древнихъ народовъ.—*Кладенецъ*—въ эпосѣ и сказкѣ отъ *клада*, *кладовой*, гдѣ завѣтно хранился и откуда извлекался; но миѳъ—старше, связуясь съ языческою *клад-ою*, *колод-ою* и даже именемъ *Коляд-ы*, Латинск. *glad-ius*, *clad-es*. Представленіе *наслѣдства и преемства*, черезъ гробъ—кладу, колоду—старшаго предшественника, также присуще эпосу и здѣсь равно у мѣста.

[3]) Живымъ; то же, что выше подпустить *духъ* подъ сумку, приподнимая ее, только здѣсь обратно,—не *подъ*, а *исподъ* крыши.

[4]) Ср. выше.

Зоветъ его Святогоръ богатырь:
«Душно мнѣ, мéньшій братъ,—
«Попробуй еще ударить мечемъ
Вдоль крышки!»
220. Ударилъ (Самсонъ, богатырь) вдоль крышки,—
И тутъ выросла желѣзная полоса.
Опять прогóворитъ Святогоръ богатырь:
«Задыхаюсь я, мéньшій братецъ!
«Наклонись-ко ко щелочкѣ:
225. «Я дохну еще на тебя
«И передамъ тебѣ всю силушку великую [1]).»
Отвѣчаетъ (Самсонъ, богатырь):
— Будетъ съ меня силы, бóльшій братецъ!
— Не то земля на собѣ носить не станетъ [2]).—
230. Промолвился [3]) тутъ Святогоръ богатырь:
«Хорошо ты сдѣлалъ, мéньшій братъ,—
«(Что) не послушалъ моего послѣдняго наказа:
«Я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ,—
«И ты бы легъ мертвъ подлѣ меня.
235. «А теперь прощай, владай моимъ мечемъ-кладенцомъ [4]),
«А добрà коня моего богатырскаго
«Привяжи къ моему гробу:
«Никто кромѣ меня
«Не совладаетъ съ этимъ конемъ [5]).»

---

[1]) Здѣсь уже Святогоръ лукавилъ: сознавъ смерть неизбѣжную, изъ зависти къ жизни хотѣлъ погубить преемниковъ.

[2]) Ср. выше.

[3]) Обмолвился, проговорился про затаенную мысль.

[4]) Несовмѣстно съ именемъ Ильи, сюда подставленнымъ, ибо, если кто получилъ *вещественное* наслѣдство отъ Святогора, это былъ Самсонъ (ср. ниже), и противно другимъ чертамъ Кіевскаго эпоса, гдѣ мечь и коня достаетъ Илья особымъ способомъ (ср. ниже).

[5]) Это согласно съ другимъ, вышеизложеннымъ, описаніемъ смерти Святогора, при чемъ погибъ конь [illegible] Маркомъ Кралевичемъ Сербскимъ, вообще по[illegible] близкимъ къ Святогору.

«Попробуй-ка приподнять ю [1])!»
195. Попробовалъ (Самсонъ, богатырь) поднять крышку [1]):
Да гдѣ ему!
Говоритъ Святогоръ богатырь:
«Возьми мой мечь-кладенецъ [2])
«И ударь поперегъ крышки!»
200. (Самсону, богатырю) не подъ силу
И поднять Святогорова меча-кладенца.
Зоветъ его Святогоръ богатырь:
«Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ,—
«Я дохну на тебя духомъ богатырскіимъ [3]).»
205. Какъ наклонился (Самсонъ, богатырь),—
И дохнулъ на него Святогоръ богатырь
Своимъ духомъ богатырскіимъ:
Почуялъ (Самсонъ, богатырь), что силы въ немъ
Противъ прежняго прибавилось въ трое.
210. Поднялъ онъ мечь-кладенецъ
И ударилъ поперегъ крышки:
Отъ того удара великаго
Посыпались искры [4]),
А гдѣ ударилъ мечь-кладенецъ,
215. На томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная.

---

[1]) То же, что приподнять сумку.

[2]) Настоящій мечь Святогоровъ, древнѣйшее орудіе Славянъ и всѣхъ древнихъ народовъ.—*Кладенецъ*—въ эпосѣ и сказкѣ отъ *клада*, *кладовой*, гдѣ завѣтно хранился и откуда извлекался; но миѳъ—старше, связуясь съ языческою *клад-ою*, *колод-ою* и даже именемъ *Коляд-ы*, Латинск. *glad-ius*, *clad-es*. Представленіе *наслѣдства и преемства*, черезъ гробъ—кладу, колоду—старшаго предшественника, также присуще эпосу и здѣсь равно у мѣста.

[3]) Живымъ; то же, что выше подпустить *духъ* подъ сумку, приподнимая ее, только здѣсь обратно,—не *подъ*, а *исподъ* крыши.

[4]) Ср. выше.

Зоветъ его Святогоръ богатырь:
«Душно мнѣ, меньшій братъ,—
«Попробуй еще ударить мечемъ
Вдоль крышки!»
220. Ударилъ (Самсонъ, богатырь) вдоль крышки,—
И тутъ выросла желѣзная полоса.
Опять проговоритъ Святогоръ богатырь:
«Задыхаюсь я, меньшій братецъ!
«Наклонись-ко ко щелочкѣ:
225. «Я дохну еще на тебя
«И передамъ тебѣ всю силушку великую [1]).»
Отвѣчаетъ (Самсонъ, богатырь):
— Будетъ съ меня силы, бо́льшій братецъ!
— Не то земля на собѣ носить не станетъ [2]).—
230. Промолвился [3]) тутъ Святогоръ богатырь:
«Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,—
«(Что) не послушалъ моего послѣдняго наказа:
«Я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ,—
«И ты бы легъ мертвъ подлѣ меня.
235. «А теперь прощай, владай моимъ мечемъ-кладенцомъ [4]),
«А добра̀ коня моего богатырскаго
«Привяжи къ моему гробу:
«Никто кромѣ меня
«Не совладаетъ съ этимъ конемъ [5]).»

---

[1]) Здѣсь уже Святогоръ лукавилъ: сознавъ смерть неизбѣжную, изъ зависти къ жизни хотѣлъ погубить преемниковъ.

[2]) Ср. выше.

[3]) Обмолвился, проговорился про затаенную мысль.

[4]) Несовмѣстно съ именемъ Ильи, сюда подставленнымъ, ибо, если кто получилъ *вещественное* наслѣдство отъ Святогора, это былъ Самсонъ (ср. ниже), и противно другимъ чертамъ Кіевскаго эпоса, гдѣ мечь и коня достаетъ Илья особымъ способомъ (ср. ниже).

[5]) Это согласно съ другимъ, вышеизложеннымъ, описаніемъ смерти Святогора, при чемъ погибъ конь его, и съ Маркомъ Кралевичемъ Сербскимъ, вообще по многому близкимъ къ Святогору.

240. Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ [1]).
Простился (Самсонъ, богатырь) съ Святогоромъ,
Привязалъ его добра̀ коня
Ко тому ко гробу,
Опоясалъ Святогоровъ мечь-кладенецъ
245. И поѣхалъ въ раздольице чисто̀ поле [2]).

Богдан.

—

Говоритъ (Свят-иго́ръ Самсону, богатырю)'[3]) таково слово:
«Ты поѣдешь, (Самсонъ, богатырь), да на Святы Горы [4]),—
«Я буду тамъ да преставлятися [5]).
«Пойде отъ меня ужо великой потъ [6]):

---

[1]) Пошелъ на волю въ чистое пространство, не вредя уже никому.—Въ физическомъ отношеніи, весьма важномъ для простаго народнаго смысла, это духъ отъ мертвеца, распространяющій заразу.

[2]) Самая распространенность и живописность этого образца, въ связи съ предыдущими, доказываетъ собою позднее время его развитія, возникшее подъ вліяніемъ эпоса объ Ильѣ и всюду имя это вставившее. А если отбросить отсюда цвѣты и выжать суть, останется простота, наиболѣе примѣнимая къ Самсону.—За симъ помѣщаемъ образцы, коихъ начало привели выше и гдѣ, непосредственно за сшибкою, передается то же (въ существенномъ) о гробѣ, въ мѣстности Святыхъ Горъ.

[3]) Непосредственно за сшибкою, безъ всякого другого эпизода.

[4]) Опять указаніе подлинной мѣстности событія.

[5]) Замѣчательная увѣренность въ настигающей судьбинѣ и простота отношенія къ ней; разумѣется смерть *во гробу*, описанная безъ всякихъ прикрасъ и потому, хотя лишенная миѳа, но древнѣе „Ильинской“ цвѣтистой Редакціи.

[6]) Конкретнѣе, но по смыслу то же, что „духъ,“ живой и мертвый.

250. «Ты моéво поту-то накóнъ [1]) лизни,
«Наконъ лизни да ты другой лизни,
«Третьяво накóну, (Самсонъ, богатырь), нé лижи [2]),—
«Не стане нóсить матушка сырà земля,
«Не станутъ вóзить кони богатырскіе.»
255. Пріѣхали онѣ да на Святы Горы [3]).
Сталъ Свят-игóр-о-тъ преставлятися,
Пошолъ отъ нево ужо великой потъ:
(Самсонъ, богатырь) тово поту-то наконъ лизнулъ,
Наконъ лизнулъ да онъ другой лизнулъ,
260. Третьяво накóну (Самсонъ, богатырь) не лизалъ [4]).

Третьяк.

—

(Ино) ѣздили-гуляли (Святогоръ съ Самсономъ, богатыремъ) по Святымъ Горамъ [5]),
Съѣзжали-то они да со Святыхъ вѣдь Горъ
На тѣ-ли на площади широкіе,
На тѣ-ли лужкà они зеленые [6]).
Какъ увидѣли-то они чудо чудноё.
265. Чудо чудноё да диво дивноё [7]):
Какъ состроенъ стоитъ да вѣдъ бѣлой гробъ [8]).

---

[1]) Разъ.

[2]) Не то, иначе.

[3]) Ср. выше.

[4]) Слѣдующіе за симъ три стиха относятся къ погребенію и принадлежатъ эпохѣ Ильи, даже съ позднѣйшей еще точки зрѣнія (см. ниже).—Послѣ этого другой, подобный же образецъ, начало коего приведено выше.

[5]) Стихъ приведенный выше и повторяемый здѣсь для связи, а въ счетъ не кладется. — Мѣстность опять подлинная.

[6]) За чѣмъ это? Не уступка ли обратно въ сторону Руси и Кіева?

[7]) Также, какъ при Аникѣ, когда встрѣтилась Смерть.

[8]) Изъ сихъ словъ и послѣдующаго видно, что гробъ *нынѣшній*, изъ деревянныхъ досокъ.

Говорилъ-то (Самсонъ, богатырь) да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брáтелко,
— Для кого жь этотъ гробъ состроенъ есть?—
270. Соходили они да съ кóней добрыихъ,
Ложился-то (Самсонъ, богатырь) да во се-ё-тъ гробъ [1]).
А Святогор-о-тъ говорилъ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брáтелко,
«Не для тебя сей гробъ состроенъ есть, —
275. «Дай-ко—я вѣдь лягу да во се-ё-тъ гробъ [2])!»
Дакъ лёгъ Святогоръ во сей гробъ спать [2]).
Говорилъ Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко.—
«Да закрой-ко меня дощечками дубовыми.»
280. Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой мнѣ ты брателко,
«Хорошо здѣсь во гробѣ жить [3])!
«Ну-тко, крестовой мой ты брателко,
«Открой-то [4]) дощечки дубовые?»
285. Какъ (Самсонъ, богатырь) сталъ открывать дощечки дубовые,
Да не можетъ оторвать никакой доски:
— Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
— Не могу я открыть никакой доски!—
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
290. «Да (Самсонъ) вѣдь (Самойловичь, богатырь):
«Бей-ко своей боевою-то палицею [5])!»
(Сáмсонъ-то, богатырь-то) началъ палицей бить:
Куды ударитъ,—туды обручи желѣзные.

---

[1]) Вотъ чего, для шутки и пробы, никогда бы уже не сдѣлалъ Илья Муромецъ, здѣсь—вставочно—именуемый.

[2]) Для шутки и насмѣшки (какъ дѣлали недавно иные въ Москвѣ), Святогоръ задумалъ въ гробу выспаться.

[3]) Опять шутка и насмѣшка, послѣ которой: „Открой, однако!“

[4]) Ко?

[5]) Избѣгнуты и мечь, и сабля.

Говорилъ-то (Самсонъ, богатырь) да таково слово:
295. — Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
— Куды ударю,—туды обручи желѣзные! —
Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
«Видно, мнѣ-ко туто Богъ и смерть судилъ [1])!»
300. Тутъ Святогоръ и помирать онъ сталъ,
Да пошла изъ его да пѣна вонъ [2]).
Говорилъ Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
«Да лижи ты, возьми, вѣдь пѣну мою:
305. «Дакъ ты будешь ѣздить по Святымъ Горамъ [3]),
«А не будешь ты бояться богáтырей,
«Никакого сильнаго - могучаго богáтыря [4])!»

Меншик.

—

На тыхъ горахъ высокіихъ,
На той на Святой Горы,
Былъ богáтырь чюдныи,
Во весь же міръ былъ дивныи:
Не ѣздилъ онъ на святую Русь [5])...

---

[1]) Ср. выше.

[2]) Ср. выше.

[3]) Это не нужно было Муромцу и не могло къ нему адресоваться: идетъ къ Самсону и вообще къ Старшимъ богатырямъ, совмѣстникамъ Святогора.

[4]) За симъ образецъ, который, можетъ статься, ближе всѣхъ подходитъ къ роли Ильи Муромца: мы и помѣстимъ его *на переходѣ* къ сему послѣднему; однако и тутъ встрѣтимъ черты, указывающія на *Самсона* и оправдывающія насъ въ употребленіи его имени предпочтительно предъ Ильею.

[5]) Эти пять стиховъ уже приведены нами выше, а потому здѣсь не считаются и повторены для связи. — Самое начало указываетъ, что мѣстность не на Руси и это подтверждено далѣе самимъ Святогоромъ, заявившимъ, что

И назвались [1]) (Самсонъ, богатырь) да Святогоръ
(Назвались они) братьями на́званными [2]),
И поѣхали ко Святымъ Горамъ [3]).
140. Наѣхали гробницу великую,
Выложена гробница краснымъ золотомъ [4]).
Лёгъ въ тую гробницу [5]) Святогоръ богатырь:
Какъ по немъ и устроена.
«Покрой меня сверху досками [6]), братъ на́званный [2])!»
145. Какъ покрылъ его досками,
Доски Божьимъ изволомъ [7]) приросли.
«Открой меня, братъ на́званный [2])!»
(Самсонъ, богатырь) и открыть не могъ;

своемъ мѣстѣ, по степени генетической, тамъ обязаны, какъ ни жаль, входить, сколько можемъ, въ воззрѣнія *старшія*, въ *черты* образцовъ *старшихъ*, и, сколько онѣ требуютъ, *вычеркивать* младшее; а потому, на основаніи извѣстныхъ данныхъ, частію уже доказанныхъ, вставляемъ *при гробѣ* имя *Самсона* или, по крайности, опять простаго „богатыря" вмѣсто Ильи.

[1]) Послѣ событія съ *женою* Святогора и блуда ея, относящагося несомнѣнно къ области Эпоса Старшаго, съ переходомъ въ Сказочную;—изъ пересказа раздѣляемъ стихи для удобства.

[2]) Лучше „назваными," „названый"—Побратавшись.

[3]) Образецъ возвращаетъ сцену отъ Кіева на собственное, старшее ея мѣсто,—къ Святымъ Горамъ, хотя еще позволяетъ держаться *на пути къ нимъ*, на самой Руси или въ промежуткѣ, а не на самихъ Горахъ въ ихъ глуби.

[4]) Изукрашена,—по камню.

[5]) Изъ послѣдующаго видно, что это испытаніе, для опыта, даже изъ шутки.

[6]) Крышею; но здѣсь видно вліяніе понятія о *нынѣшнемъ* гробѣ, изъ досокъ деревянныхъ.

[7]) Изволеніемъ: вліяніе Христіанскихъ понятій; впрочемъ и самъ Святогоръ признаетъ въ подобныхъ случаяхъ „судьбину," высшую волю.

Сталъ рубить доски саблей [1]),—
150. Куда махнетъ саблей,—
Тамъ станетъ желѣзный обручь.
«Возми, братъ названный, мою саблю [1])!»
(Самсонъ, богатырь) сабли и подынуть [2]) не могъ.
«Поди, братъ названный, я тебѣ силы дамъ!»
155. Припалъ (Самсонъ, богатырь) къ [3]) гробницѣ:
И дунулъ Святогоръ духомъ богатырскимъ [4]).
Взялъ (Самсонъ, богатырь) тую саблю:
Гдѣ ударитъ, тамъ станутъ желѣзные обручи.
«Припади ко мнѣ другой разъ,
160. «Названный братъ: еще силы придамъ!»
(Самсонъ, богатырь) говоритъ [5]) на мѣсто [6]):
— Если еще припасть,
— То не понесетъ мать сыра земля [7]).
— Силы у меня довольно [8])!—

---

[1]) Ср. выше.—У Святогора долженъ быть *мечь*.

[2]) Поздынуть, и здынуть (приподнять)?

[3]) Ко?

[4]) Тѣмъ придалъ силы поднять саблю (мечь).

[5]) Вѣроятнѣе - самъ съ собою, про себя, догадавшись объ опасности, вслѣдствіе чего не припалъ и Святогоръ оправдалъ догадку.

[6]) Тотчасъ, немедленно, за симъ.

[7]) Видно, что Муромецъ, здѣсь названный, выросъ на эту пору сознаніемъ отъ того былаго періода, когда Старцы должны были сами *умѣрять* даруемую ему силу; но еще лучше эта быстрая догадка идетъ къ Самсону, который хорошо зналъ мѣры силъ, принадлежа всѣмъ періодамъ богатырства, начиная со старшаго.—На этихъ словахъ вѣроятно кончилась рѣчь *про себя* и за симъ уже громкій отвѣтъ Святогору.

[8]) Конечно: „довольно *есть*“ (записано или отпечатано не совсѣтъ ловко).—За симъ обычно Святогоръ: „Хорошо ты сдѣлалъ (что не припалъ другой разъ)!“

165. «Когда бы ты припалъ,
«Дунулъ бы я мертвымъ духомъ [1])—
«И ты бы подлѣ меня легъ спать [2])!»
Тутъ и остался Святогоръ богатырь.

Роман., т. IV Рыбник

—

И поѣхали они [3]) (Святогоръ да Самсонъ, богатырь)
къ Сивернымъ Горамъ [4]).
170. И наѣхали путемъ-дорогою на великій гробъ [5]),
На томъ гробу подпись подписана:
««Кому суждено во гробу лежать,

---

[1]) Первый духъ былъ „живымъ," оживляющимъ; такова и вода, извѣстная „живая" и „мертвая."

[2]) Умеръ бы; въ Эпосѣ часто смерть называется сномъ.— За симъ образецъ еще обстоятельнѣе и живописнѣе подробностями, а тѣмъ ближе въ обработкѣ къ Ильѣ и Ильинской эпохѣ творчества.

[3]) Д. б. Святогоръ да *Самсонъ,* но въ образцѣ вставленъ Илья; подобно предыдущему—послѣ событія съ *женою* Святогора.

[4]) Здѣсь на мѣсто „Святыхъ," выведенныхъ выше: новое подтвержденіе нашему выводу, что это одно и то же, а стало-быть „Сѣверьянична"—жена Святогора со Святыхъ Горъ.—Стихи съ трудомъ раздѣляются: Былина разложилась и обратилась въ пересказъ.

[5]) Здѣсь со значеніемъ нѣсколько инымъ: не въ смыслѣ древнемъ, не могила и пещера, и не въ новомъ,—очевидно *гробница*, а изъ послѣдующаго (посыпали при ударѣ искры) замѣтно, что *каменная*; однако прибавлено ниже и *„домовище"*—о внутренности и вмѣстилищѣ *деревянныхъ гробовъ* (нынѣ деревянный гробъ часто, особенно въ творчествѣ и Стихахъ, именуется *домомъ*, а *домовищемъ* внутренность, внутренній объемъ). Пѣвецъ, кажется, представлялъ себѣ высѣченное въ камнѣ или утесѣ *углубленіе* (гробъ) съ крышею изъ камня, но внутри сего особо гробъ или колоду въ родѣ нынѣшнихъ (домовище).

««Тотъ въ него и ляжетъ [1]).»»
Ложился Святогоръ богатырь:
175. Гробъ пришелся по немъ.
Говоритъ богатырь таковы слова:
«Гробъ точно про меня дѣланъ.
«Возми-т-ко крышку, (Самсонъ, богатырь),
«Закрой меня.»
180. Отвѣчаетъ (Самсонъ, богатырь):
— Не возьму я крышки, бо́льшой братъ,
— И не закрою тебя!
— Шутишь ты шуточку не малую [2]):
— Самъ себя хоронить собрался!—
185. Взялъ богатырь крышку
И самъ закрылъ ею гробъ;
Да какъ захотѣлъ поднять ю,
Никакъ не можетъ;
Бился онъ и силился поднять,
190. И проговорилъ (Самсону, богатырю):
«Аи, ме́ньшій братъ!
«Видно, судьбина поискала меня [3]):
«Не могу поднять крышки!

---

[1]) Обратно, кто ляжетъ, тотъ и останется лежать, не встанетъ. Потому слѣдующіе два стиха, о томъ, что Муромецъ легъ на пробу, несоотвѣтственны,—Муромецъ побоялся бы, а шутить не хотѣлъ; пошутившій Святогоръ былъ наказанъ. И такъ, по праву мы ихъ выпускаемъ и выигрываемъ еще устраненіе, вмѣстѣ съ ними, слова *домовище*, которое путаетъ. Стихи эти можно возстановить ниже, гдѣ на мѣстѣ самое имя *Ильи*.

[2]) Обычай „шутить" съ опасностью и смертью, тѣмъ самымъ навлекая ее, очень извѣстенъ въ эпосѣ: о Вольгѣ, Буслаевѣ, самомъ Святогорѣ (ср. выше), отдѣлавшемся отъ сумки шуткою. Напротивъ, не любилъ шутки Муромецъ, какъ и его—во многомъ—преемникъ К. С. Аксаковъ.

[3]) Настигла, пришелъ судъ, кризисъ; очень часто при Святогорѣ.

«Попробуй-ка приподнять ю [1])!»
195. Попробовалъ (Самсонъ, богатырь) поднять крышку [1]):
Да гдѣ ему!
Говоритъ Святогоръ богатырь:
«Возьми мой мечь-кладенецъ [2])
«И ударь поперегъ крышки!»
200. (Самсону, богатырю) не подъ силу
И поднять Святогорова меча-кладенца.
Зоветъ его Святогоръ богатырь:
«Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ,—
«Я дохну на тебя духомъ богатырскіимъ [3]).»
205. Какъ наклонился (Самсонъ, богатырь),—
И дохнулъ на него Святогоръ богатырь
Своимъ духомъ богатырскіимъ:
Почуялъ (Самсонъ, богатырь), что силы въ немъ
Противъ прежняго прибавилось въ трое.
210. Поднялъ онъ мечь-кладенецъ
И ударилъ поперегъ крышки:
Отъ того удара великаго
Посыпались искры [4]),
А гдѣ ударилъ мечь-кладенецъ,
215. На томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная.

---

[1]) То же, что приподнять сумку.

[2]) Настоящій мечь Святогоровъ, древнѣйшее орудіе Славянъ и всѣхъ древнихъ народовъ.—*Кладенецъ*—въ эпосѣ и сказкѣ отъ *клада*, *кладовой*, гдѣ завѣтно хранился и откуда извлекался; но миѳъ—старше, связуясь съ языческою *клад-ою*, *колод-ою* и даже именемъ *Коляд-ы*, Латинск. *glad-ius*, *clad-es*. Представленіе *наслѣдства и преемства*, черезъ гробъ—кладу, колоду—старшаго предшественника, также присуще эпосу и здѣсь равно у мѣста.

[3]) Живымъ; то же, что выше подпустить *духъ* подъ сумку, приподнимая ее, только здѣсь обратно,—не *подъ*, а *исподъ* крыши.

[4]) Ср. выше.

Зоветъ его Святогоръ богатырь:
«Душно мнѣ, мéньшій братъ,—
«Попробуй еще ударить мечемъ
Вдоль крышки!»
220. Ударилъ (Самсонъ, богатырь) вдоль крышки,—
И тутъ выросла желѣзная полоса.
Опять прогóворитъ Святогоръ богатырь:
«Задыхаюсь я, мéньшій братецъ!
«Наклонись-ко ко щелочкѣ:
225. «Я дохну еще на тебя
«И передамъ тебѣ всю силушку великую [1]).»
Отвѣчаетъ (Самсонъ, богатырь):
— Будетъ съ меня силы, бóльшій братецъ!
— Не то земля на собѣ носить не станетъ [2]).—
230. Промолвился [3]) тутъ Святогоръ богатырь:
«Хорошо ты сдѣлалъ, мéньшій братъ,—
«(Что) не послушалъ моего послѣдняго наказа:
«Я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ,—
«И ты бы легъ мертвъ подлѣ меня.
235. «А теперь прощай, владай моимъ мечемъ-кладенцомъ [4]),
«А добрà коня моего богатырскаго
«Привяжи къ моему гробу:
«Никто кромѣ меня
«Не совладаетъ съ этимъ конемъ [5]).»

---

[1]) Здѣсь уже Святогоръ лукавилъ: сознавъ смерть неизбѣжную, изъ зависти къ жизни хотѣлъ погубить преемниковъ.

[2]) Ср. выше.

[3]) Обмолвился, проговорился про затаенную мысль.

[4]) Несовмѣстно съ именемъ Ильи, сюда подставленнымъ, ибо, если кто получилъ *вещественное* наслѣдство отъ Святогора, это былъ Самсонъ (ср. ниже), и противно другимъ чертамъ Кіевскаго эпоса, гдѣ мечь и коня достаетъ Илья особымъ способомъ (ср. ниже).

[5]) Это согласно съ другимъ, вышеизложеннымъ, описаніемъ смерти Святогора, при чемъ погибъ конь его, и съ Маркомъ Кралевичемъ Сербскимъ, вообще по многому близкимъ къ Святогору.

240. Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ [1]).
Простился (Самсонъ, богатырь) съ Святогоромъ,
Привязалъ его добрà коня
Ко тому ко гробу,
Опоясалъ Святогоровъ мечь-кладенецъ
245. И поѣхалъ въ раздольице чистò поле [2]).

Богдан.

—

Говоритъ (Свят-игóръ Самсону, богатырю)'[3]) таково слово:
«Ты поѣдешь, (Самсонъ, богатырь), да на Святы Горы [4]),—
«Я буду тамъ да преставлятися [5]).
«Пойде отъ меня ужо великой потъ [6]):

---

[1]) Пошелъ на волю въ чистое пространство, не вредя уже никому.—Въ физическомъ отношеніи, весьма важномъ для простаго народнаго смысла, это духъ отъ мертвеца, распространяющій заразу.

[2]) Самая распространенность и живописность этого образца, въ связи съ предыдущими, доказываетъ собою позднее время его развитія, возникшее подъ вліяніемъ эпоса объ Ильѣ и всюду имя это вставившее. А если отбросить отсюда цвѣты и выжать суть, останется простота, наиболѣе примѣнимая къ Самсону.—За симъ помѣщаемъ образцы, коихъ начало привели выше и гдѣ, непосредственно за сшибкою, передается то же (въ существенномъ) о гробѣ, въ мѣстности Святыхъ Горъ.

[3]) Непосредственно за сшибкою, безъ всякого другого эпизода.

[4]) Опять указаніе подлинной мѣстности событія.

[5]) Замѣчательная увѣренность въ настигающей судьбинѣ и простота отношенія къ ней; разумѣется смерть *во гробу*, описанная безъ всякихъ прикрасъ и потому, хотя лишенная миѳа, но древнѣе „Ильинской“ цвѣтистой Редакціи.

[6]) Конкретнѣе, но по смыслу то же, что „духъ,“ живой и мертвый.

250. «Ты моёво поту-то накóнъ [1]) лизни,
«Наконъ лизни да ты другой лизни,
«Третьяво накóну, (Самсонъ, богатырь), нé лижи [2]),—
«Не стане нóсить матушка сырà земля,
«Не станутъ вóзить кони богатырскіе.»
255. Пріѣхали онѣ да на Святы Горы [3]).
Сталъ Свят-игóр-о-тъ преставлятися,
Пошолъ отъ нево ужо великой потъ:
(Самсонъ, богатырь) тово поту-то наконъ лизнулъ,
Наконъ лизнулъ да онъ другой лизнулъ,
260. Третьяво накóну (Самсонъ, богатырь) не лизалъ [4]).

Третьяк.

—

(Ино) ѣздили-гуляли (Святогоръ съ Самсономъ, богатыремъ) по Святымъ Горамъ [5]),
Съѣзжали-то они да со Святыхъ вѣдь Горъ
На тѣ-ли на площади широкіе,
На тѣ-ли лужкà они зеленые [6]).
Какъ увидѣли-то они чудо чудноё.
265. Чудо чудноё да диво дивноё [7]):
Какъ состроенъ стоитъ да вѣдъ бѣлой гробъ [8]).

---

[1]) Разъ.

[2]) Не то, иначе.

[3]) Ср. выше.

[4]) Слѣдующіе за симъ три стиха относятся къ погребенію и принадлежатъ эпохѣ Ильи, даже съ позднѣйшей еще точки зрѣнія (см. ниже).—Послѣ этого другой, подобный же образецъ, начало коего приведено выше.

[5]) Стихъ приведенный выше и повторяемый здѣсь для связи, а въ счетъ не кладется. — Мѣстность опять подлинная.

[6]) За чѣмъ это? Не уступка ли обратно въ сторону Руси и Кіева?

[7]) Также, какъ при Аникѣ, когда встрѣтилась Смерть.

[8]) Изъ сихъ словъ и послѣдующаго видно, что гробъ *нынѣшній*, изъ деревянныхъ досокъ.

Говорилъ-то (Самсонъ, богатырь) да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брáтелко,
— Для кого жь этотъ гробъ состроенъ есть?—
270. Соходили они да съ кóней добрыихъ,
Ложился-то (Самсонъ, богатырь) да во се-ё-тъ гробъ [1]).
А Святогор-о-тъ говорилъ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брáтелко,
«Не для тебя сей гробъ состроенъ есть, —
275. «Дай-ко—я вѣдь лягу да во се-ё-тъ гробъ [2])!»
Дакъ лёгъ Святогоръ во сей гробъ спать [2]).
Говорилъ Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко.—
«Да закрой-ко меня дощечками дубовыми.»
280. Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой мнѣ ты брателко,
«Хорошо здѣсь во гробѣ жить [3])!
«Ну-тко, крестовой мой ты брателко,
«Открой-то [4]) дощечки дубовые?»
285. Какъ (Самсонъ, богатырь) сталъ открывать дощечки дубовые,
Да не можетъ оторвать никакой доски:
— Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
— Не могу я открыть никакой доски!—
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
290. «Да (Самсонъ) вѣдь (Самойловичь, богатырь):
«Бей-ко своей боевою-то палицею [5])!»
(Сáмсонъ-то, богатырь-то) началъ палицей бить:
Куды ударитъ,—туды обручи желѣзные.

---

[1]) Вотъ чего, для шутки и пробы, никогда бы уже не сдѣлалъ Илья Муромецъ, здѣсь—вставочно—именуемый.

[2]) Для шутки и насмѣшки (какъ дѣлали недавно иные въ Москвѣ), Святогоръ задумалъ въ гробу выспаться.

[3]) Опять шутка и насмѣшка, послѣ которой: „Открой, однако!“

[4]) Ко?

[5]) Избѣгнуты и мечь, и сабля.

Говорилъ-то (Самсонъ, богатырь) да таково слово:
295. — Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
— Куды ударю,—туды обручи желѣзные! —
Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
«Видно, мнѣ-ко туто Богъ и смерть судилъ [1])!»
300. Тутъ Святогоръ и помирать онъ сталъ,
Да пошла изъ его да пѣна вонъ [2]).
Говорилъ Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
«Да лижи ты, возьми, вѣдь пѣну мою:
305. «Дакъ ты будешь ѣздить по Святымъ Горамъ [3]),
«А не будешь ты бояться богáтырей,
«Никакого сильнаго - могучаго богáтыря [4])!»

Меншик.

—

На тыхъ горахъ высокіихъ,
На той на Святой Горы,
Былъ богáтырь чюдныи,
Во весь же міръ былъ дивныи:
Не ѣздилъ онъ на святую Русь [5])....

---

[1]) Ср. выше.

[2]) Ср. выше.

[3]) Это не нужно было Муромцу и не могло къ нему адресоваться: идетъ къ Самсону и вообще къ Старшимъ богатырямъ, совмѣстникамъ Святогора.

[4]) За симъ образецъ, который, можетъ статься, ближе всѣхъ подходитъ къ роли Ильи Муромца: мы и помѣстимъ его *на переходѣ* къ сему послѣднему; однако и тутъ встрѣтимъ черты, указывающія на *Самсона* и оправдывающія насъ въ употребленіи его имени предпочтительно предъ Ильею.

[5]) Эти пять стиховъ уже приведены нами выше, а потому здѣсь не считаются и повторены для связи. — Самое начало указываетъ, что мѣстность не на Руси и это подтверждено далѣе самимъ Святогоромъ, заявившимъ, что

«Мы съѣздимъ-же-ко нунечу по щелейкамъ [1]),
«А поѣздимъ-ко со мной да по Святымъ Горамъ [2])!»
310. Ѣздили оны было (Святогоръ да Самсонъ, богатырь)
по щелейкамъ,
310. Разъѣзжали тутъ оны да по Святымъ горамъ [3]);
Ѣздили оны по многу времени,
Ѣздили оны да забавлялися.
Находили тутъ оны да чюдо чюдное,
Находили тутъ оны да диво дивное [4]):
315. Находили площаницу да огромную [5]).

ему даже и не придано ѣздить на святую Русь: т. о. все, и кончина, совершается на тѣхъ же горахъ.

[1]) Ср. выше: по горамъ съ ущельями.

[2]) Слова Святогора къ сотоварищу богатырю (въ образцѣ—къ Ильѣ).

[3]) Усиленно, намѣренно повторяется опредѣленіе мѣстности.

[4]) То же, что при Аникѣ: ср. выше.

[5]) „Плащаница" (отъ *плат-*) — полотно и куски полотна, коими обвертываютъ (на Востокѣ обвиваютъ, увиваютъ) мертваго; въ церкви — платъ, съ изображеніемъ; то же на катафалкѣ, обыкновенно бѣломъ, въ формѣ древнихъ *каменныхъ гробницъ*: и отсюда конечно могъ быть занятъ образъ пѣвцомъ. Но въ старшемъ слоѣ творчества конечно это отъ корня *плоск-плошт-площ-плоч-*, откуда у Сербовъ и доселѣ *плоч-а*, плита, именно каменная, по преимуществу бъзъискуственная, какихъ много среди дикихъ горъ и какія могутъ быть всегда употреблены, чтобы закрыть что либо, загородить отверстіе, пещеру и т. п. Въ соотвѣтствіе сему и согласно древнему словоупотребленію, *гробъ* означаетъ ниже яму, углубленіе, отверстіе между скалами или щельями, то, что́ можно покрыть или загородить *площею* (и на Сѣверѣ, особенно въ природѣ у сосѣдей Онежанъ, довольно такихъ). Гробъ рисуется *долгій, глубокій*, стѣнки его изъ *высокихъ и толстыхъ скалъ—щелій*, а вмѣстѣ съ *площею* или плитою образуетъ онъ форму *огромной гробницы* (въ родѣ церковной *плащаницы*). Разумѣется, пѣвецъ могъ нѣсколько сбиваться въ употребленіи древнихъ словъ.

Говоритъ богáтырь (Самсону, богатырю):
«Ты ложись-ко въ площаницу да въ огромную,
«Поглядимъ-ко [1]) площаницы мы огромною [2]),—
«Чтò она тебѣ, полáдится ль [3])?»
320. Спускается (Самсонъ, богатырь),
Опускался тутъ (Самсонъ, богатырь) да изъ добрà коня
А ложился было въ гробъ въ этотъ въ огромныи:
А этотъ гробъ-то (Самсону, богáтырю) да дóлогъ есть [3])
Опускается богáтырь Святогорскіи [4])
325. А съ того было добрá коня,
А ложился въ площаницу онъ во дивную:
Та же площаница да по немъ пришла.
Самъ же съ площаницы тутъ не выстанетъ [5]):
«Ахъ ты (Самсонъ, богатырь, да Самойловичь)!
330. «Ты повыздынь [6]) съ площаницы да огромныи?»
Приставае тутъ (Самсонъ, богатырь)
Къ Святогору да богáтырю [7]):

---

[1]) Попытаемъ, отвѣдаемъ.

[2]) Огромныя, огромной (Родит. пад.).

[3]) Чтò она, придется ли тебѣ въ пору? Это хитрость Святогора—пустить на опытъ *младшаго*. Но, если уже Самсонъ не рѣшился попытать, а предложилъ это сдѣлать *брату большему* (см. выше), то подавно не рѣшился бы Муромецъ. Вообще, если Муромецъ оказывался пигмеемъ, усаживался въ карманъ, на ладонь, то странно было предлагать ему опытъ, „не придется ли по немъ *огромная* гробница.“ Очевидно, эпоха гигантская, мѣстность старшая, а въ товарищахъ Святогору какой ни будь, болѣе или менѣе *ровный*, богатырь, во всякомъ случаѣ *Старшій*. Поелику же изъ дошедшаго эпоса мы не знаемъ другаго такого товарища Святогору кромѣ *Самсона*, отъ того ему и приписываемъ здѣсь роль.

[4]) Рѣдкая форма, отъ мѣста жизни Святогора.

[5]) Не можетъ вылѣзть на верхъ: черта, неизвѣстная другимъ образцамъ.

[6]) Подними и вытащи вонъ.

[7]) Нагибается, слѣзаетъ къ нему и берется за него.

Да не могъ поднять онъ Святогора тутъ богáтыря
А съ того гробà глубокаго.
335. Говоритъ же тутъ богáтырь Святогорскіи:
«Ты сломай-ко эти щелья да высокіи [1]),
«А повыздынь-ко съ гробà меня глубокаго?»
(Самсонъ, богатырь, да Самойловичь)
Какъ ударилъ своей палицей [2])
340. Да по щéлейки по толстыи,
А по той горы́ да по высокіи [3]):
Ставился тутъ обручь да желѣзныи
Черезъ тотъ да гробъ еще великіи,
Черезъ тую площаницу было дивную.
345. Бьетъ тутъ (Самсонъ, богатырь) да дру́гой разъ:
Что ударитъ, тутъ же обручь было ставится [4]).
Отвѣчаетъ тутъ богáтырь Святогорскіи:
«Видно, тутъ же есть богáтырь да кончается [5])!

---

[1]) Стѣнки глубокаго отверстія, ямы, расщелины.

[2]) Нѣтъ ни *сабли*, ни *меча*: палица умѣстнѣе въ дѣлѣ съ ломкою камня.

[3]) Очевидно, что стѣнки гроба были цѣлою горою, поднимались скалою.

[4]) По видимому здѣсь, если гробъ и былъ принакрытъ или задвинутъ огромной плитою, плочею, конечно то же огромнымъ обломкомъ скалы, то все-таки оставалось отверстіе, откуда Святогоръ былъ и видѣнъ, и слышанъ, къ нему можно было слѣзать, стараясь вытащить изъ глубокаго и продолговатаго ущелья; по крайности здѣсь не говорится о крышкѣ, на глухо прихлопнутой. Такимъ образомъ, обручь перекидывался по воздуху, одинъ на другой, образуя огромную рѣшотку, сквозь которую видѣнъ и слышанъ былъ умирающій, обреченный умирать постепенно, въ виду свѣта, и неба, и сотоварища, тѣмъ къ большей ярости и къ большему ужасу. Этотъ образъ еще рельефнѣе и далеко оставляетъ за собою всѣ остальные.

[5]) Видно, пришлось ему умирать и умираетъ (смерть началась, къ жизни не вернуться): *есть* при Настоящемъ Изъявит. объяснено выше *есть кончающійся*, *есть кончена*.

«А ты съѣзди-т-ко да къ моему было родителю,
350. «Къ древному да батюшку,
«Къ древному да темному [1]):
«Ты проси-ка у мойгò родителя у батюшка
«Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица [2]).»

---

[1]) Слѣпому, ср. выше.

[2]) Чтобы мнѣ, хотя заочно, проститься передъ смертію на вѣки: общій обычай, особенно у Славянъ; чтобы на умирающемъ не осталась какая либо, хоть случайная, клятва родителя или роднаго, „да на теби клетва не остане.“ Здѣсь начинается любопытный эпизодъ, куда пѣвецъ вставилъ имя Ильи и который потому объясняется въ связи съ Ильею. Но мы доказали уже отчасти, что это идетъ къ товарищу *Старшему богатырю*, а за неимѣніемъ другаго имени—къ *Самсону*. Съ Руси слишкомъ далеко было бы посылать къ отцу на Святыя Горы и Святогору слишкомъ долго было бы дожидаться посланца. Прибавимъ, что помянутая за симъ „Гора *Палавонская*,“ на которой (также на горѣ, какъ жилъ и умеръ сынъ) жилъ отецъ, конечно была также близко отъ прочихъ Святыхъ Горъ или въ связи съ ними. Очень легко было бы вспомнить Пѣліонъ (Πηλιον), связанный съ нынѣшними Албанскими преданіями и разсказами о героѣ, похожемъ по образу и смерти на Святогора (см. ниже): но намъ еще ближе вспомнить *Старую Планину* (Балканъ) и *Планину* Карпатъ (а древнѣе—Славянскую *Па-плагон-ію*, Пафлагонію, *Пелагон-ію* и *Пѣонію)*, откуда имя *Запланинья*, *Па-планинья*, *Планинъ* или *Полонинъ*, των Πλαγηνων,– *Сѣверинскаго Края*, откуда, мы видѣли выше, всего естественнѣе было появленіе къ намъ Святогора, откуда и его жена—вдова *Сѣверянична*, *Семпорка* и т. п. (ср. выше и нашу „Замѣтку“ при II т. Рыбник.).—Подставка же Ильи Муромца въ этомъ эпизодѣ, вмѣсто одного изъ Старшихъ Богатырей, возникла конечно изъ того, что по нашему эпосу (см. ниже) Илью дѣйствительно возилъ прежде Святогоръ къ отцу своему, для ознакомленія, а по смерти Ильѣ же пришлось отправляться

Отправляется (Самсонъ, богатырь)
355. Отъ того же Святогора прочь богáтыря
На ту Гору на Палавонскую [1]),
А къ тому же старичку да было древному,
Хоть бы [2]) древному да темному.
Пріѣзжае (Самсонъ, богатырь)
360. На ту на Гору Палавóнскую,
Къ древному да къ темному:
— Здравствуешь, престарыи да дѣдушка,
— Древныи ты, темныи [3])!
— Я привезъ тебѣ поклонъ да челомъ-битьицо
— Отъ твоего сынà любимаго,
— Отъ того же Святогора я богáтыря:
365. — Проситъ онъ прощеньица да вѣчнаго.
— Какъ лёгъ же въ площаницу онъ въ огромную,
— Да во тотъ было во гробъ во каменной,
— Я оттуль не могъ его повыздынуть.—
Розсердился нунь старикъ да было темныи,
370. Темныи старикъ да было древніи:
««Знать, убилъ же Святогора ты богáтыря [4])!
««Пріѣзжаешь тутъ ко мнѣ-ка-ва со вѣдома [5]),
««Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну.»»
Какъ хватитъ тутъ же палицу да богáтырскую,

съ наслѣдствомъ Святогора и завѣтомъ Старцевъ къ Самсону и „батюшкѣ князю" Владиміру (см. ниже). Такое посредство Ильи, въ особенности между Святогоромъ и *Самсономъ*, естественно должно было облегчить вставку имени *Ильи* вмѣсто *Самсона*.

[1]) Ср. выше.

[2]) Положимъ такъ, говоримъ.

[3]) Эти стихи приведены выше и здѣсь не считаны.

[4]) Подобная опасность недовѣрія и естественна, и встрѣчается въ нашемъ эпосѣ—далѣе, когда Илья явился съ вѣстью о смерти Святогора ко Владиміру (ср. ниже; оттуда и перенесено сюда въ образецъ имя Ильи) и при Дюкѣ.

[5]) Завѣдомо убивши его.

375. Да помáхне во богáтыря:
А й богáтырь тутъ увѐрнется,
Да старикъ тутъ образумится:
Далъ ему да вѣчное прощеньицо
Святогору да богáтырю
380. Да сыну да любезному.
Пріѣзжаетъ тутъ (Самсонъ, богатырь)
Къ Святогору да богатырю,
Онъ привозитъ тутъ прощенье ему вѣчное.
Съ имъ же онъ [1]) да тутъ прощается,
385. Святогоръ же тутъ же онъ кончается [2]).

Калин.

* * *

---

[1]) Со Святогоромъ Самсонъ или другой Старшій Богатырь.

[2]) Здѣсь и конецъ показаніямъ о смерти въ гробу, равно какъ 2-й Редакціи образцовъ съ ролью Самсона; о прочемъ, подходящемъ сюда же, см. ниже.

Вообще, при заключеніи сего II-го отдѣла, мы должны вывести или напомнить слѣдующее: 1) Весь сей отдѣлъ отличается строгою выдержкою того показанія, что событіе, особенно кончина въ гробу, совершается на *Святыхъ Горахъ*, въ мѣстности и области Старшаго Богатырства, Старшаго Эпоса. 2) По преимуществу сей отдѣлъ вращается разсказомъ вокругъ кончины *во гробу*, сюда подходитъ или къ сему направляется, а за тѣмъ, однако въ связи же, ставитъ первую *ошибку* или легкое *нападеніе* на *Святогора*. 3) Имя и мѣстность *Руси* заходятъ сюда слегка, по вліянію отъ обрусѣвшаго Самсона. Но, 4) въ лучшихъ образцахъ начинаясь съ имени *Самсона* или связуясь съ нимъ, отдѣлъ сей позволяетъ *отчасти* удержать повсюду это имя и по крайности упразднить, какъ позднѣйшую вставку, имя и роль Ильи Муромца. 5) Вообще, отдѣлъ въ сихъ чертахъ творчества очень *выдержанъ*, даже болѣе, чѣмъ I-й, а подавно III-й или IV-й. 6) *Эпосъ* здѣсь, хотя на всѣхъ правахъ своихъ, по преимуществу держится *миѳа*, устраняется отъ *символизма* и почти ничего не занимаетъ изъ области *сказочной*.

*

СВЯТОГОРЪ

III.

(съ Ильею Муромцемъ).

На тыхъ горахъ высокіихъ,

Совсѣмъ не то или въ иной обстановкѣ видимъ при отдѣлѣ III-мъ, къ коему переходимъ.

1. По мѣстности, попеременно—то восходитъ онъ на *Святыя Горы*, то спускается оттуда *на Русь* до самаго *Кіева* (хотя въ Кіевъ и не входитъ). Первое вполнѣ понятно. Русскіе и съ послѣдующаго, отвердѣвшаго поприща своей исторической дѣятельности, безпрестанно и охотно устремлялись на Югъ, до Царяграда и вообще въ свою бывшую прародину, гдѣ поддерживали связи съ оставшимся, родственно-племеннымъ, Славянствомъ. Изъ отдѣльныхъ лицъ, еслибы на примѣръ представить Муромца, какъ изображенъ онъ, живымъ историческимъ существомъ, естественно и необходимо было ему, при началѣ подвиговъ, сулившихъ великую славу, съѣздить къ еще славнѣйшему и старшему богатырю, прославленному „по всему міру," хоть бы изъ одного любопытства, не говоря уже о потребности науки своего рода и уроковъ изученія. Еще легче и необходимѣе это было для народной памяти, которая, дойдя до извѣстнаго рубежа развитія, обращалась къ воспоминанію пути пройденнаго. А наконецъ, творчеству это было уже неизбѣжно, ибо оно не творится вдругъ, а истекаетъ изъ предыдущаго, тѣсно связуясь съ симъ послѣднимъ, эпосъ же весь живетъ преданіемъ и повтореніями въ постепенно развивающейся формѣ. Когда онъ сложился образнѣе и надежнѣе, на первую пору сложившагося народа и при свѣтѣ просіявшей народности, онъ обязанъ былъ больше всего хвататься за творческую память о началахъ своихъ.—Тѣмъ больше легокъ и естественъ былъ спускъ „подъ горку," съ Горъ Святыхъ на равнины Руси. Мыслить, смотрѣть вокругъ, дѣйствовать, поступать могъ народъ и эпосъ не иначе, какъ былъ зарожденъ, воспитанъ, пріученъ и обыкъ. Элементы новой жизни притекали отъ

На той на Святой Горы,

старины, съ Юга, корнями питая древо и плодъ новаго развитія. Святогоръ былъ не чужой, и только въ сравненіи, въ противуположеніи съ богатырствомъ юнымъ, съ витязями Кіевскими, могъ быть отрицаемъ, а отрицаніе всегда болѣе или менѣе отвлеченно. Въ дѣйствительности же Святогоръ со своею массивностью, грузностью, тяжестью, насильственнымъ характеромъ, грубостью, безмѣрною силою, матеріальностію или стихійностію, съ завистію къ новизнѣ, съ отрицаніемъ новыхъ началъ, съ местью или съ лукавствомъ и т. д., Святогоръ живъ еще былъ между тогдашнею Русью, ходилъ въ живѣ между ея сынами, видѣнъ былъ и слышанъ повсюду, его приходилось *доживать*, а если вымиралъ онъ, то *смерть* его многимъ приходилось *раздѣлять*, *участвовать* въ ней и не лишать ея *участія*, *присутствовать* при ней, хоть бы для того, чтобы стать счастливыми преемниками и не лишиться порядочнаго наслѣдства. Эпосъ, разумѣется, отвѣчалъ этому своимъ творчествомъ, образами, словомъ.

2. Изъ двухъ сихъ направленій, туда и оттуда, изъ двухъ областей, простертыхъ по такимъ направленіямъ, что̀ старше, что̀ первичнѣе въ творчествѣ, въ слояхъ его, въ Редакціяхъ образцовъ, а отсюда въ извлеченіи нашего III-го отдѣла? Кажется, первое: ибо, прежде, чѣмъ *притянуть къ себѣ*, естественно *пойти самому* къ предмету исканія и на вызовъ родства. Былымъ живетъ исторія, подавно былина творчества, прошлымъ—настоящее, отдаленнымъ—воспоминаніе и надежда ближайшаго. Образъ прожитаго всегда радужнѣе, имъ дорожатъ, имъ питаются, его расцвѣчаютъ, ему удивляются, ему многое прощаютъ и, забывая его, забываютъ чаще дурное. И народу, и эпосу въ настоящемъ оказывалось слишкомъ много содержанія и дѣла, еще болѣе и невольно пугала безвѣстность будущаго: отраду скорѣе искали въ прошломъ и туда устремлями жадные взоры, тамъ было все готово, закончено, завершено, туда устремлялись какъ на брошенный хлѣбъ за спиною. Мы имѣемъ теперь лишь остатки сего, „воспроизведеннаго,“ „возсозданнаго“ и „вторимаго“ Старшаго Эпоса: но̀ и въ нихъ, съ какою ревностію подобрано уцѣлѣвшее, взлелѣяны блѣд-

Былъ богатырь чюдныи,

вѣвшія черты, сбережены исчезавшія, высмотрѣны и удержаны крайнія мелочи!

3. Такъ, уносясь къ минувшему или придерживая минующее, охотнѣе переносясь *туда* сами со всѣмъ существомъ своимъ, и только уже послѣ, вторичнѣе, примѣняя далекое къ себѣ и къ настоящему, подъ страхомъ невыгоды практическаго сравненія и съ тяжелою обязанностію аналитическаго, болѣе—менѣе холоднаго и отвлеченнаго вывода, живой народъ и все-оживляющій эпосъ воскрешалъ старину: но, тѣмъ самымъ, незамѣтно себѣ самому, безсознательно воскрешалъ больше *себя* и обновлялъ *собственную* живучесть. Въ старшемъ и прошломъ, ушедшемъ въ глубь, скорѣе усматривали и видѣли *себя самихъ*, себя тамъ искали, себя находили, своими привычками и образами любовались. Не трудно перенестись куда ни будь всѣмъ существомъ своимъ: но еще легче тамъ задавить собою самостоятельность, и подлинность, и вѣрность; подводя отсталаго за руку къ зеркалу—взглянуть прежде на себя самого и увидать собственный образъ свой. Перемѣщаясь—не всегда, и рѣже, передѣлываешься: чаще остаешься тѣмъ же наличнымъ, передвигаешь туда лишь свои привычки и насущный обиходъ свой. Извѣстно, что и помня, и намѣренно возстановляя, и ненамѣренно воспоминая минувшее, за частую ищемъ, усматриваемъ и опредѣляемъ *не то*, что̀ было, и *не такъ*, какъ было; самое лучшее *расположеніе* къ прошлому помогаетъ только разукрашивать и—измѣнять подлинныя черты его; въ прошломъ любимъ размѣщаться своимъ собственнымъ настоящимъ. Много наговорилъ и даже оставилъ намъ Кіевскій—Владиміровъ—собственно-Русскій и сложившійся Эпосъ отъ себя самого, о себѣ самомъ: сравнительно не много, судя по всему успѣлъ сберечь изъ Старшаго, а передалъ намъ еще меньше: но и въ переданномъ онъ по всѣмъ вѣкамъ развитія *понаставилъ* себя самого, свои собственные образы, а за образами лица исторіи и олицетвореніе исторической дѣйствительности; на всѣхъ точкахъ поразлилъ онъ свои личныя краски и освѣтилъ ихъ удачнѣе собою, чѣмъ предоставилъ имъ собственный свѣтъ свой. Разъ разло-

Что ль во весь же міръ онъ дивный,

жился крупный бѣлый лучь,—трудно подобрать радужныя разлучины, еще труднѣе намъ, удаленнымъ отъ практической операціи, снова собрать отцвѣты и оттѣнки къ первобытной цѣльности, чистотѣ и бѣлизнѣ нѣкогда единаго простаго луча. Народъ и эпосъ въ Старшемъ Эпосѣ, такъ сказать, „насовалъ" всюду щедро *Русь-матушку* и своего любимаго *Илью Муромца*. Мы это видѣли на примѣрахъ и мы въ этомъ убѣдились, а тѣмъ паче убѣждаемся въ отдѣлѣ III-мъ. Русь на Святыхъ горахъ, Русь тамъ мухами и комарами, Русь повсюду — повсюду, куда только можно просунуться въ скалу высокаго Свято-горскаго эпоса. Самые слои его и наслоенія симъ перемѣшались: къ Ильѣ сведены почти всѣ, онъ участникъ во всѣхъ волею и неволею. Когда же, обратно, образы спущены съ Горъ подъ Кіевъ: подъ Кіевомъ, на лугахъ Леванидовыхъ, оказались при Ильѣ и жена Святогора, и гробъ его, и смерть при сумѣ-тягѣ, и дѣятельность цѣликомъ, и жизнь, и смерть, и смерть по-дважды, по-трижды.

4. Дѣлать нечего, съ этимъ нужно примириться и — постараться: кое-что выдѣлить, то очистить, это убавить, другое перемѣстить, переименовать. Впрочемъ, дѣйствительность и жизнь, какъ народа, такъ и творчества, имѣла на такой способъ свое полное право. Мы упомянули выше объ ея тѣсной, *реальной* связи со стариною, съ прошлымъ старшимъ: связь и оправдывала. Муромецъ, величавый и великій Муромецъ, онъ не какой ни будь молокососъ или „голо-щапъ:" онъ самъ „старый старикъ," у него у самого забѣлѣлася борода до пояса, бизла му прошла поясъ брада, онъ въ состояніи поверстаться со многими изъ Старшихъ Богатырей, развѣ только не съ Святогоромъ. Давно зародился онъ, по ту еще сторону Славянскаго Дуная, за Старой Планиной, есть еще и на дальнемъ Востокѣ, тамъ же, гдѣ зародилось Славянство и въ лонѣ его вѣтвь Руси Великой: если удержалось тамъ Славянство и прожило Славянство доселѣ,— это можетъ быть отъ того, что оно знало уже въ средѣ своей зарождавшагося Муромца, который сидѣлъ тамъ долго сиднемъ и зашагалъ лишь исполинскими ша-

Во весь же міръ былъ дивныи.

гами по землѣ Русской, чтобы отсюда притти еще спасать братьевъ и на Югѣ. И Муромецъ былъ малюткой, и малюткой особеннымъ: въ дѣтствѣ уже, на печкѣ еще, видѣли у у него бороду, знакъ его степенности и серіозности. Онъ былъ изъ числа тѣхъ Греческихъ Пигмеевъ (Πυγμη) и сказочныхъ героевъ, гдѣ и значится, за одно съ Микулою, какъ „мальчикъ съ пальчикъ, а бородка съ локотóчекъ", „мужичокъ самъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ." Не мудрено, что онъ усаживался въ колчанъ ко Святогору, ѣзжалъ у него въ карманѣ и сиживалъ у него на ладони, какъ игрушка: Святогоръ не одно, что боролся съ нимъ,— онъ любовался имъ и тѣшился, онъ ростилъ въ немъ своего преемника и надежду своей будущей Руси. Не хуже другихъ былъ Муромецъ и на то, чтобы плѣнить жену Святогора, и вызвать его на бой кровавый — хоть и убѣжать отъ „невѣжи-пахвальщика." и порубить желѣзную рѣшетку захваченнаго звѣря. Поѣздилъ онъ со старшимъ братомъ не мало малюткою, строгимъ и внимательнымъ малюткою, послушнымъ ученикомъ, по Святымъ Горамъ, поѣздилъ и по Россіи сильнымъ богáтыремъ, „первымъ на Руси и однимъ какъ одно красное солнышко." Святогоръ не могъ не знать его силы и значенія, хотя бы въ глубокомъ сознаніи и предчувствіи, въ своемъ собственномъ сердцѣ, тяготившемся ношею жизни и чаявшемъ жизни лучшей: Святогоръ могъ передать наслѣдство Муромцу со Святыхъ Горъ, отъ гроба досягая Кіева, а Муромецъ могъ рубить враговъ Россіи мечемъ, рубившимъ враговъ Славянства далеко на Югѣ и Востокѣ. Такъ, скорѣе не *смѣшивались* эти слои и періоды, а *непрерывно соединялись* цѣпью звѣньевъ въ народѣ и эпосѣ: такъ, раздѣливъ ихъ анализомъ на долю участія въ той или другой эпохѣ и расположивъ по отдѣламъ, мы бы въ III-мъ при Муромцѣ должны собственно *повторить* всё то, что помѣстили выше, только снова окаймивъ свѣтлою чертою *Ильина имени*, какъ прежде въ анализѣ ее урѣзывали.

5. Есть однако событія и явленія въ этой амальгамѣ старшаго и младшаго эпоса, гдѣ нельзя уже урѣзывать: такъ

Не ѣздилъ онъ на святую Русь,

глубоко врѣзались въ нихъ черты отличій Муромца. Это, гдѣ съ первыхъ же многотрудныхъ поѣздокъ своихъ по землѣ Русской, добровольно отправился онъ искать Старшаго, чтобы поклониться ему и поучиться у него, выдержалъ тяжкую и долгую науку, проводилъ учителя и на Русь, не стерпѣлъ его тяжелаго и грузнаго характера, какъ не стерпѣлъ и Одо́лища среди Кіева, вызвалъ на бой и приготовился, уже „разъѣхался на первыя ро́зстани" для удара богатырскаго, какъ свыше небеснымъ и изнутри сознающимъ голосомъ остановленъ былъ, ибо „смерть ему на бою не была писана" съ равными и съ врагами невѣрными, а не съ „Богатырями Старшими," родными и прародителями: и уклонился, и пальцемъ не тронулъ, не ускорилъ судьбины Святогоровой, дождался его „самовольной" погибели „смертью Божьею," отъ Бога, не отъ человѣкъ посланною; дождался, приступилъ къ усопшему, поклонился и похоронилъ его, поставилъ надъ нимъ „чуденъ крестъ" и отнесъ—передалъ наслѣдство другимъ, а вѣсть Владиміру. Самому же, знаемъ давно, ничего не было ему надобно, и „жениться ему не къ лицу было, и богатство ему не́ къ чему, а силы у него самого довольно есть." Тутъ Муромецъ не потому, что онъ *можетъ* быть и въ *правѣ* быть, какъ во всемъ помянутомъ, а потому, что *другому быть не́кому*, и *замѣниться ему здѣсь не кѣмъ*, и *нѣтъ ему на это товарищей*. Это и помѣстимъ мы въ III-мъ отдѣлѣ, легко выдѣливши изъ остальнаго.

6. Наконецъ, все, касавшееся Муромца, касалось сути и существа народа Русскаго; а еще больше то, что̀ *не могло не касаться*, все то конечно повторялось въ народѣ, въ его жизни, сознаніи и творчествѣ не тысячи, а многія тысячи тысячь разъ. *Эпосъ* не могъ объ этомъ довольно *наговориться*, *миѳа* же было *недовольно* и *недоставало*, ибо миѳовъ потребовалось бы столько же тысячь, а пора ихъ прошла вмѣстѣ съ миѳологіей классической; самая *сказка* на эту пору *поглощена* была *Иваномъ* и при Муромцѣ должна бы повторять на новые лады давно извѣстное по его старшему собрату (ибо Иванъ такой же былъ старшій братъ

Не носила его да мать сыра земля [1]).

Ильѣ, какъ Святогоръ, только отъ другой матери, изъ другаго дому взятой): остался для остатковъ Эпоса Старшаго въ связи съ Ильею, для выраженія плеяды Ильиной и Святогоровой, остался способъ одинъ для творчества, — это былъ *символъ*. Не говорливый какъ эпосъ, не цвѣтистый самъ по себѣ, не способный распространяться какъ миѳъ, сухой и молчаливый какъ папирусъ и бумага, скрытный какъ свертокъ,— откуда и имя его, — символъ способенъ былъ забрать въ себя и совмѣстить хоть тысячи наслоеній, всѣ ихъ сгустить въ одну форму, всѣ сжать въ сжатое и краткое слово: оставалось послѣ *толковать* его и объ немъ хоть тысячу лѣтъ на тысячу ладовъ, развертывать его и смыслъ перевертывать, и всякому народному человѣку было надъ чѣмъ здѣсь задуматься, объ чемъ посудить, изъ чего вывести и въ чемъ развернуться. Достаточно было указать или сказать, — *сумка, тяга, земля, тягота земная, тяги земныя, кольцо въ землю, кольцо въ небо, старецъ, гласъ съ неба, судъ:* и всякій понялъ бы и рѣшилъ,—„Святогоръ и Муромецъ!“ А рѣшивши, могъ по волѣ и въ волю натолковаться о прочемъ, о сшибкѣ и битьѣ ихъ, о судьбѣ ихъ и судѣ Божьемъ или кризисѣ историческомъ, о всемъ томъ, что́ хорошо знаетъ народъ въ вопросѣ земли, и тяги, и сумы, и всего подобнаго. И такъ, символъ здѣсь воцарился, а вокругъ него нѣсколько *сценъ*, но столь *типичныхъ*, что онѣ сами, каждая перипетія и слово ихъ—почти что *символъ*: возьмемъ зачинавшееся *единоборство* и титаническую *месть* Святогора, съ этимъ грохотомъ брошенныхъ имъ, летѣвшихъ по горамъ каменьевъ и цѣлыхъ оторванныхъ скалъ, въ догоню спѣшно убравшагося за утесъ и завернувшагося утесистымъ загибомъ, а потомъ, подъ горой и по дорожкѣ, тихохонько и шажкомъ, мирно, смиренно и спокойно, ѣхавшаго Ильи Муромца....

Съ этимъ всѣмъ пора намъ къ тексту.

*

[1]) Эти семь стиховъ приведены выше и здѣсь только для связи, а потому не считаны.

1. Хотѣлъ узнать казакъ нашь Илья Муромецъ
Славнаго Святогора нунь богáтыря,—
Отправляется казакъ нашь Илья Муромецъ
Къ тому же Святогору тутъ богáтырю
5. На тыи было Горы на высокіи.

Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
А на тыи было Горушки высокіи
Къ тому же Святогору да богáтырю,
Пріѣзжаетъ-то къ ему да поблизёхонько,
10. Ай поклонъ ведетъ да понизёхонько:
— Здравствуешь, богáтырище [1]) пóрныи [2]),
— Пóрныи богáтырь ты да дивныи!—
«Ты откуда, добрый мóлодецъ,
«Какъ тя нарекаютъ по отечеству?»
15. — Я есть города нунь Муромля
— А села да Карачаева [3]),
— Я старый казакъ да Илья Муромецъ.
— Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора нунь богáтыря:
— Онъ не ѣздитъ нунь на матушку сырý землю [4]),
20. — Къ намъ богáтырямъ [5]) да онъ не явится.—
Отвѣчаетъ богáтырь было порныи:
«Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сырý землю,—
«Не носитъ меня мать сырà земля;
«Мнѣ не прúдано тутъ ѣздить на Святую Русь:
«Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по высокіимъ
«Да по щéлейкамъ по толстыимъ.
«А ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!

---

[1]) Огромный и старый богатырь (*ще*—огромность и старость).

[2]) По корню то же, что *у-порный*: прямой; напористый; жесткій и жестокій; твердый и сильный.

[3]) По дальности вездѣ измѣнено изъ „Карачарова.“

[4]) Постоянно отождествляется съ земствомъ, а это со сложившеюся тогда Русью.

[5]) Кіевскимъ.

«Мы съѣздимъ-же-ко нунечу пощелейкамъ,
«А поѣздимъ-ко со мной да по Святымъ Горамъ!»
Ѣздили оны было по щелейкамъ,
Розъѣзжали тутъ оны да по Святымъ Горамъ,
Ѣздили оны по многу времени,
Ѣздили оны да забавлялися [1]).

Калин.

—

....Илья Муромецъ [2])
Сѣдлалъ добра̀ коня—зауздывалъ,
25. Бралъ у батюшка у матушки
Прощеньице-благословеньице
И поѣхалъ въ раздольице чисто̀ поле.

Наѣхалъ Илья въ чисто̀мъ полѣ
На шатеръ бѣлополо́тняный [3])...
30. Привязалъ Илья добра̀ коня къ сыру̀ дубу,
Лёгъ на тую кровать богатырскую
И спать—заснулъ.
А сонъ богатырскій крѣпокъ:
На три дня и на три́ ночи.
35. На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ-подъ Сиверныя сторонушки [4])...
Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру́ землю,—
Не можетъ розбудить Илью Муромца.
Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:

---

[1]) Изъ всѣхъ сихъ послѣднихъ 12-ти стиховъ только одинъ помѣщается вновь: „А ты стар. каз. да И. Мур.“ Потому всѣ прочіе, приведенные здѣсь для связи съ Ильею, не считаны.

[2]) Передъ самою первою поѣздкою изъ дому.

[3]) Дальнѣйшія подробности объ этой встрѣчѣ со Святогоромъ и женой его см. въ отдѣлѣ 1-мъ, стихи 281 и дал.: здѣсь помѣщаются только промежуточные, спеціально относящіеся къ Ильѣ.

[4]) Этотъ стихъ см. выше, тамъ же.

««Ай же ты, Илья Муромецъ!
40. ««Спишь себѣ—проклаждаешься,
«‹Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
««Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатыры!
«‹Ты спущай меня во чисто̀ поле,
««А самъ полѣзай на сы́рой дубъ!»»
45. Выставалъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Спущалъ коня во чисто̀ поле,
А самъ вы́сталъ [1]) во сы́рой дубъ,
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго [2])...
И поѣхалъ ко Святымъ Горамъ...
Святогоръ жену свою богатырскую убилъ [3]),
А съ Ильей помѣнялся крестомъ [4]),
И называлъ меньшимъ братомъ.

50. Выучилъ Святогоръ Илью
Всѣмъ похваткамъ-поѣздкамъ богатырскіимъ.
И поѣхали они къ Сиверпымъ Горамъ [5]).

Богдан.

—

---

[1]) Взлѣзъ.

[2]) Стихъ, приведенный выше, тамъ же (потому здѣсь не считанный), гдѣ смотри и прочія обстоятельства разсказа о женѣ Святогора, вставляя „Илью“ вмѣсто „молодца.“— Когда же сотворенъ блудъ и Святогоръ посадилъ Илью въ карманъ, идетъ слѣдующій стихъ, также нами здѣсь не считанный.

[3]) Также приведенный и здѣсь не считанный.

[4]) Вліяніе христіанское.

[5]) Такой же, здѣсь не считанный стихъ: его и продолженіе о встрѣчѣ гроба см. въ отдѣлѣ II-мъ, ст. 169 и дал., гдѣ можно вставить „Илью“ вмѣсто „Самсона“ или „богатыря“ (какъ и вставилъ предложенный выше образецъ эпоса), а послѣ „подписи на гробѣ“ вставить, впрочемъ неумѣстную, вставку (см. о ней примѣчаніе выше. — „Легъ Илья Муромецъ,—Для него домовище и велико, и широко).“

Святогоръ богатырь позвалъ Илью Муромца
Къ себѣ въ гости, на Святыя Горы,
И на поѣздкѣ Ильѣ наказывалъ [1]):
55. «Когда пріѣдемъ въ мое поселыце [2])
«И приведу тебя къ батюшкѣ,
«Ты моги [3]) нагрѣть кусокъ желѣза,
«А руки не подавай!»
Какъ пріѣхали на Святыя Горы,
60. Къ Святогорову посельицу,
И зашли въ палаты бѣлокаменныя,
Говоритъ старикъ, отецъ Святогоровъ:
««Ай же ты, мое чадо милое,
««Далече ль былъ?»»
65. «А былъ я, батюшка, на Святой Руси [4]).»
««Что̀ же видѣлъ и что̀ слышалъ,
««Сынъ мой возлюбленный, на святой Руси?»»
«Я что не [5]) видѣлъ, что не [5]) слышалъ,
«А столько [5]) привезъ богатыря со святой Руси.»
70. Отец-о-тъ Святогоровъ былъ темный [6]),
То говоритъ сыну:

---

[1]) Это пересказъ, для удобства лишь печати и ссылокъ раздѣленный нами на стихи.—Объ *отцѣ* Святогора ср. также выше, въ отдѣлѣ I-мъ, стихи 19—21, которые однако извлечены тамъ въ отрывкахъ и потому здѣсь *считаны*, а равно въ отдѣлѣ II-мъ, при гробѣ, стихи 349—383.

[2]) Гдѣ я живу, поселился.

[3]) Ты имѣешь, долженъ—глаголъ Вспомогательный.

[4]) Гдѣ происходило событіе съ женою и откуда поѣхали къ Горамъ Святымъ-Сѣвернымъ. Впрочемъ, если исключить это событіе изъ исторіи Муромца, то его прибытіе *съ Руси* къ Святогору равнозначуще *побывкѣ Святогора на Руси* (ср. выше о тѣсной связи *туда и оттуда*).

[5]) Ни: что̀ бы тамъ я ни видалъ и ни слыхалъ, а только вотъ что—привезъ я.

[6]) Слѣпой.

««А приведи-ко ко мнѣ Русскаго богатыря,
««Поздоровкаться!»»
Илья тымъ временемъ нагрѣлъ желѣзо [1]),
75. Пошелъ по рукамъ ударить [2])
И даваетъ старику въ руки
Кусокъ желѣза [3]).
Какъ захватилъ старикъ желѣзо,
Сдавилъ его и говоритъ:
80. ««Крѣпкая твоя рука, Илья!
««Хорошій ты богатырёкъ!»»

Рябин.

—

Илья Муромецъ, послѣ многихъ,
Совершенныхъ имъ богатырскихъ подвиговъ [4]),
Не найдя себѣ ровнаго силою, заслышалъ,
Что есть одинъ богатырь силы непомѣрной [5]),

---

[1]) „Желѣзо нагрѣлъ."

[2]) Поздороваться.

[3]) Иначе нельзя было сноситься со слишкомъ древними, старшими и слѣпыми (слѣпыми ко всякой новой жизни): либо *огрѣть* ихъ, обжечь, либо самому обжечься, либо сшибиться нападеніемъ (какъ въ первой сшибкѣ), либо рисковать погибелью при *единоборствѣ*, либо угодить *женѣ*, либо погибнуть отъ ней. Это было въ родѣ—„пальца въ ротъ не клади;" мягкой и теплой дружбы не понялъ бы древній и темный отъ новой жизни,—сдавилъ бы ее и сжалъ бы до смерти; и при смерти Святогора, отецъ ушибъ было палицей въ отвѣтъ на мягкое слово о прощеніи.—Слѣдующее за симъ, пожалуй, шло бы выше, къ первому прибытію для знакомства со Святогоромъ: но здѣсь предначинается и *сшибка*, развитая далѣе.

[4]) Это невѣрно: въ самой первой же поѣздкѣ, какъ убѣждаютъ другіе образцы.—Весь пересказъ лишь для удобства печати раздѣленъ нами на стихи.

[5]) Этотъ и слѣдующіе четыре стиха (здѣсь не считанные) см. также выше, въ отд: I-мъ, 63—67.

Котораго и земля не держитъ
И который на всей землѣ нашелъ
Одну только гору (могущую выдержать)
И лежитъ на ней.
Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться [1]).
85. Пошелъ [2]) онъ искать этого богатыря:
И нашелъ гору,
И на ней лежитъ огромный богатырь,
Самъ какъ гора [3]),
Илья наноситъ ему ударъ:
«Никакъ, я зацѣпился за сучокъ,»
Говоритъ богатырь,
90. Илья, напрягши всю свою силу,
Повторяетъ ударъ.
«Вѣрно я за камешекъ задѣлъ,»
Говоритъ богатырь.
Оборотясь, онъ увидѣлъ Илью Муромца
95. И сказалъ ему:
«А, это ты, Илья Муромецъ [4])!
«Ты силенъ между людьми,
«И будь между ними силенъ:
«А со мною нечего тебѣ мѣрять силы!

---

[1]) Вѣрнѣе—ознакомиться, а желаніе помѣряться развилось уже послѣ первой сшибки, неудачной для многихъ, тѣмъ паче для Ильи и его раззадорившей (см. выше и ниже).

[2]) Поѣхалъ.

[3]) Эти два стиха, не считанные здѣсь, см. тамъ же выше.—Слѣдующее есть уже такъ названная у насъ „первая сшибка:“ но при Ильѣ, какъ здѣсь, она носитъ естественный на первую пору характеръ—попробовать, испытать, что̀ за богатырь.

[4]) Весьма согласно съ эпосомъ (ср. выще)—узнать Илью Святогору такимъ образомъ, съ разу (*образъ* Ильи давно уже носился въ древнѣйшей жизни, такъ сказать *до* живаго *лица* Ильи).—Въ другихъ однако образцахъ Святогоръ сперва выспрашиваетъ, кто такой.

«Видишь, какой я уродъ:
«Меня и земля не держитъ,
«Нашелъ себѣ гору и лежу на ней [1])!»

Аксак.

*

---

[1]) Эти три стиха см. выше, 70—72, а здѣсь не считаны.

За симъ слѣдуютъ у насъ образцы, гдѣ изъ Старшаго Эпоса подобраны почти всѣ главныя черты и подъ рядъ сгрупированы при лицѣ Ильи. Здѣсь и сцена со Святыхъ Горъ переведена *на Русь*; Илья *возмужалъ*, ищетъ помѣряться, хотя бы со Старшимъ богатыремъ, а когда послѣдній заѣхалъ на Русь, какъ „невѣрный" и „нахвальщикъ," то и подавно; *первая сшибка* характеризована *страстностью* и *задоромъ* Ильи, даже *завистью* его къ силѣ и огромности незнакомца,—она тѣсно связана съ развившимся отсюда *единоборствомъ*: за первою, неудачною, сшибкой, Илья попалъ въ колчанъ или карманъ не потому, что *самъ былъ еще малъ*, какъ прежде на Святыхъ Горахъ, а потому, что *несоразмѣренъ* съ *непомѣрнымъ* или *безмѣрнымъ*, и даже, подобно другимъ образцамъ, Илья готовъ здѣсь *гордиться* своею, добытою трудомъ среди опредѣлившагося народа, *мѣрою, умѣренностью*; мѣра не мѣшаетъ *силѣ* и Муромецъ, вездѣ отличающійся отвагой, храбро готовится на кровавый бой, лишь только вышелъ изъ кармана (боя этого нѣтъ во П-мъ отдѣлѣ, гдѣ дѣйствительно герой былъ слишкомъ безсиленъ); описывается сей *бой*, и описывается нарочито, со всею яркостію и силою красокъ; но Илью *отводятъ Старцы*, либо высшій и внутренній голосъ, а разъяренный Святогоръ доходитъ до крайняго предѣла гордой похвальбы и дерзкой самоувѣренности; когда же онъ отъ сего сгибъ, обрѣтши кару въ *сумкѣ-тягѣ*, которая спеціально *сюда пріурочена изъ I-го отдѣла*, дабы ввести Илью въ наслѣдство,—тогда Илья *подходитъ*, по близости случившагося—въ мѣстности Русской, хоронитъ, а наслѣдство передаетъ *Старшимъ же*, именно изъ нихъ наиболѣе *обрусѣвшему Самсону* и только *вѣсть* о роковомъ событія несетъ съ собою въ Кіевъ ко Владимі-

Святогоръ богатырь—сила у него неизвѣстная [1])—
Поѣзжаетъ во путь-дороженьку во широку [2]),
100. Со этыма съ доспѣхамъ богатырскима;
Беретъ онъ плеточку шелковую,
Коня-то богатырскаго попуживать,
Палицу булатную—поигрывать.
Гдѣ конь идетъ, по колѣно въ землю гряжетъ [3])
Подъ этымъ Святогоромъ богатыремъ.

Сдремалъ Святогоръ богатырь
На томъ конѣ да богатырскоемъ [4]):
105. Вдругъ изъ заду его наѣхалъ человѣкъ неизвѣстенъ.
Ударилъ палицей булатною.
И проговорилъ Святогоръ таково слово:
«Русскіе мухи кусаютъ больно [5])!»
И другой разъ ударилъ Святогора богатыря,—

ру. Наслѣдство, принятое Ильею отъ Старшихъ, особенно отъ Святогора, копилось и водворилось *внутри* Ильи, въ силѣ его, а не въ такихъ внѣшнихъ знакахъ, какъ мечь, конь или тому подобный достатокъ. Потому *наслѣдующій* Илья *при гробѣ*—принадлежитъ эпохѣ старшей, нуждавшейся въ наслѣдствѣ, на Святыхъ Горахъ, у насъ во II-мъ отдѣлѣ: здѣсь же, въ III-мъ, самъ Святогоръ *занялъ* у Ильи—*погребеніе*, *поминовеніе* и распространеніе *славы* въ потомствѣ, какъ героя.—Ближайше помѣщаемъ пересказъ, для удобства лишь сносокъ раздѣляемый на стихи.

[1]) Ср. выше. Вообще всѣ главнѣйшія объясненія—выше при анализѣ сего текста, равно какъ при выдержкахъ оттуда въ предыдущихъ отдѣлахъ, здѣсь же только необходимыя пополненія—съ точки зрѣнія, вновь выигранной.

[2]) Два стиха выше, въ отдѣлѣ I-мъ, 58—59 (здѣсь не считаны).

[3]) То же, стихъ 60.

[4]) То же, два стиха, 61—62.

[5]) Какъ и въ другихъ образцахъ, доказательство, что Святогоръ ѣдетъ по землѣ *Русской*.

110. И прогóворилъ Святогоръ таковò слово:
«Садко! Терпѣть не могу [1])!»
Оглянулся назадъ Святогоръ богатырь
Со этого коня богатырскаго,
Со этого со стремени булатнаго,—
115. Поворотъ держалъ да на правý руку,
Схватилъ онъ человѣка неизвѣстнаго
Съ сырóй земли,
Положилъ онъ человѣка во свой колчанъ [2]).
Поѣхалъ Святогоръ богатырь
120. Путемъ—широкой дороженькой,
Плеточкой коня да онъ попуживатъ,
Палицу булатну съ руки на руку переметыватъ:
Конь-то идетъ—спотыкается.
Воспрогóворилъ Святогоръ богатырь:
125. «Чтò же ты, конь, да спотыкаешься,
«Чтò же ты служишь неправдою мнѣ?»
Прогóворитъ тутъ богáтырскій
Голосомъ человѣчьимъ,
Самъ говоритъ—самъ спотыкаатся:
130. ««Два богáтыря на верху сидятъ!
««Не могу нести, Святогоръ богатырь,
««(Не могу нести) двухъ багáтырей!
««Выпусти изъ колчана богáтыря
««На сырý землю:

---

[1]) Если это не обмолвка пѣвца, не ошибка записавшаго или печатавшаго (ср. выше, при анализѣ текста), то можетъ быть еще толкованіе: воспитанный Садкою (ср. выше), купцомъ,въ такихъ эпическихъ обстоятельствахъ придирчивымъ и назойливымъ (отъ чего такъ терпѣлъ и Саломонъ, и Иванъ), Святогоръ привыкъ къ разнымъ потычкамъ и такъ сказать „подзатыльникамъ;“ и теперь по привычкѣ думалъ то же, что Садко и тутъ продолжаетъ свою манеру, выпустивши богатыря на волю въ поѣздку.

[2]) За симъ нѣсколько сбитыхъ и повторенныхъ стиховъ: возстановляемъ въ предполагаемый видъ по анализу текста.

135. ««(На сырой землѣ) побрата́итесь,—
««Одинъ будь бо́льшій братъ,
««Другой будь ме́ньшій братъ [1]).»»
Прого́воритъ [2]) Святогоръ богатырь таково слово:
«Кто же [3]) ты есть за бога́тырь?»
140. Отвѣчаетъ Русскій могучій бога́тырь:
— Есть [4]) Русскій могучій бога́тырь,
— Старый ко́закъ Илья Муромецъ,
— (Илья Муромецъ), сынъ Ивановичь.—
Прого́ворилъ Святогоръ таково́ слово:
145. «Ай же ты, Илья Муромецъ,
«(Илья Муромецъ), сынъ Ивановичь!
«Какой же ты Русскій могучій богатырь?
«Везъ тебя въ колчанѣ три поприща—
«Со тымъ конемъ да богатырскіимъ,
150. «Со этой плеточкой шелковоей,
«Со этой палицей булатноей [5])!»
И говорилъ Святогоръ богатырь:
«Когда ты называешься Русскимъ могучимъ богатыремъ,—
«Старый козакъ Илья Муромецъ,
155. «(Илья Муромецъ), сынъ Ивановичь,—
«А я Русскій [6]) могучій богатырь Святогоръ:
«Кони у насъ мѣрныи,—
«Сила у насъ неизвѣстная,

---

[1]) Для краткости, пѣвецъ это постепенное событіе вложилъ разомъ въ уста коню.

[2]) Выпустивши богатыря и поставивши на землю.

[3]) По нашему нынѣшнему „что же,“ но здѣсь *при лицѣ* „кто.“

[4]) Я.

[5]) Извѣстная намъ насмѣшка, начало взаимнаго задора. За симъ должно быть, извѣстное по другимъ образцамъ, объясненіе Ильи объ его „мѣрности,“ силѣ степенной, а за тѣмъ уже Святогоръ мѣряетъ его глазами и предлагаетъ— помѣряться силою.

[6]) Безъ особаго значенія, по привычкѣ эпическаго языка.

«У Русскіихъ могучіихъ богатыревъ [1])!»
160. Вышли [2]) они со тѣхъ коней богатырскіихъ
Отдохнуть на матерь на сыру землю,
Насыпали конямъ пшены да бѣлояровой.
Кони стоятъ да все пшено идятъ,
Пшено идятъ да бѣлоярово,
165. Сами ревомъ ревутъ да богатырскіимъ [3]):
Сѣдла у коней потрескиваютъ.
Пробудились Русскіи могучіи богатыри
Отъ сна да богатырскаго,—
Не много не мало спали
170. Русскіе могучіе богатыри,
Не много не мало спали
На сырой землѣ—трои сутки [4]),—
Стали стремена булатны перелаживать [5]),
Прикрѣпить [6]) поспѣхи всѣ богатырскіи
175. На тыхъ коняхъ да богатырскіихъ.
Садятся эты Русскіи могучіи богатыри
На этыихъ коней да богатырскіихъ
Со этыма поспѣхамъ богатырскима:

---

[1]) Кони у насъ въ мѣру, ровные, но сила не смѣрена, не испытана,—и такъ, давай помѣряемся! Но прежде обычный *опочивъ* передъ битвою.

[2]) Сошли, слѣзли.

[3]) Огрызаясь другъ на друга и ссорою предвѣщая единоборство хозяевъ (это обычно въ эпосѣ, особенно Сербскомъ).

[4]) За симъ 2) *приправляютъ* коней, готовясь въ битву.

[5]) Какъ удобнѣе и крѣпче; обычно „прилаживать."

[6]) Прикрѣплять.—За симъ 3) *посадка на коней* и *выѣздъ* на испытаніе силы, чтобы опредѣлить, кому быть большимъ кому меньшимъ *братомъ*, ибо братимство, по замѣчательному указанію этого образца, должно опредѣлиться *послѣ* битвы, какъ и бываетъ обычно въ прочихъ Былинахъ. Но Святогоръ видимо не такъ хотѣлъ,—хотѣлъ погибели Ильи, и отъ сего-то не предостерегли его *гласы* съ неба.

Хочутъ ѣхать по сырой землѣ
180. И испытать своя сила богатырская [1]),—
Который буде бо́льшій братъ
И который буде ме́ньшій братъ.
Говорили со Святогоромъ бога́тыремъ
Слова да оны крѣпкіи,—
185. Испытать своей силы богатырскоей
На томъ полѣ да на чистоемъ [2]).
Поѣхали оны по сырой земли по матери,
Коней стали попуживать
Этыма плёточкамъ шелко́выма,
190. Палицами булатныма поигрывать,
Палицы кидаютъ подъ облако [3]).
И наладили разъѣзды на сырой землѣ
Эты Русскіи могучіи богатыри
Не на много не на мало—на три поприща,—
195. Испытать-то [4]) своей силы богатырскоей.

---

[1]) Извѣстный тематическій падежъ при неокончательномъ.

[2]) Это (ср. анализъ) 4-я ступень—*уговоръ* („крѣпко слово"), гдѣ имъ „разставаться" и „состаться," чтобы испытать силу богатырскую. Разстояніе же между „розстанями" и „съѣздомъ" называется „*разъѣздомъ*:" здѣсь разъѣздъ опредѣленъ былъ въ *три поприща*.

[3]) Все это въ образцѣ, благодаря „пересказу на словахъ" и торопливости Щеголенкова, перебито или переставлено; а возстановлено на свое мѣсто анализомъ, который см. выше.

[4]) Съ тѣмъ, чтобы испытать.

Это уже 5) самыя *розстани*, когда уже пустились въ *разъѣздъ* (вступили на уговоренное *поприще*) и въ разъѣздѣ началось извѣстное *разыгрываньє*—коней и собственной силы богатырской, при чемъ обыкновенно и щегольство другъ передъ другомъ своей силою и ловкостью.

За этимъ 6) оказывается внезапный *страхъ* и *ужасъ*, охватившій Муромца, когда онъ разсмотрѣлъ въ „разъѣздахъ" необъятную силу Святогора, а въ слѣдъ за тѣмъ *бѣгство* и *утёкъ*, до всякого гласа съ неба и безъ гласа,—страхъ

Поѣхали эты богатыри по чисту полю,
Коней стали попуживать
Плеточками шелковыма,
Тымы ль палицами булатныма поигрывать,
200. Выкидывали палицы булатныи подъ облако [1]).
Разгорѣлося сердце богатырское
У этого Святогора богáтыря:
Ужáхнулось сердечко у старá козака,
(У стара козака) Ильи Муромца,
205. Ильи Муромца, сына Ивановича.
Прогóворитъ коню своему богатырскому:
— Ай же ты, конь мой богáтырскій!
— На уходъ уходи [2]): будемъ мы убиты
— Отъ этого Святогора, отъ богáтыря!—
210. Разгорѣлось сердце богатырское [3])
У старà козака Ильи Муромца,
(Ильи Муромца) сына Ивановича:
Поѣхалъ онъ дорожкой широкою [4]),
Въ умѣ держитъ—уѣхать отъ Святогора богáтыря
215. (Не охота получить смерти напрасныя [5])!).
Коня сталъ богатырской плеточкой попуживать
(Палицей булатной поигрывать) [6]),

такъ называемый „паническій,“ безотчетный и не давшій одуматься.

[1]) Ср. анализъ.

[2]) Какъ можно скорѣе.

[3]) Противуположно Святогору: не на битву, а какъ бы утечь поскорѣй.

[4]) Т. е. *съѣхалъ* съ *поприща*, прекратилъ *разъѣздъ*, а выѣхалъ на широкую, прямоѣзжую, обыкновенную путническую дорогу, по которой до того ѣхалъ со Святогоромъ и теперь пустился по ней утекать.—Размѣщеніе стиховъ см. по анализу.

[5]) Сужденіе пѣвца, какъ это дѣлается со временъ Гомера, въ родѣ Сербскаго „Ние ласно поти на Косово!“

[6]) Это уже по привычкѣ языка, къ слову: а едва ли до того было струхнувшему.

Шпорамы коня да богатырскаго потыкивать,
Плеточкой шелковой помахивать,
220. Самъ говоритъ старо́й козакъ
Илья Муромоцъ да сынъ Ивановичь:
— И служи-т-ко ты, конь бога́тырскій,
— (Служи) безъизмѣнно мнѣ!—
Малыи рѣки конь перешахиватъ,
225. Озера не-широки перескакиватъ,
Лѣса дремучи подъ себя пущалъ [1]),
Болота на кругъ оббѣгалъ.
Укрылся старый козакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
230. Со этого да со чиста̀ поля;
Уѣхалъ старый козакъ Илья Муромецъ
Со этого со поля со чистаго [2]).

На томъ ли онъ (Святогоръ) да на чисто̀мъ полѣ [3])
Размялъ свою силу богатырскую [4]):
235. Оглянулся [5]) Святогоръ тутъ богатырь,—
Не видать Русскаго могучаго бога́тыря,
(Не видать) на чисто́мъ полѣ,
Уѣхалъ Русскій могучій бога́тырь—

---

[1]) Извѣстное—„Хоботы металъ по частымъ лѣсамъ.“

[2]) Вмѣстѣ и съ „поля битвы,“ короче и технически въ данномъ случаѣ называемаго „полемъ.“ Впрочемъ настоящее „поле“ опредѣляется точками *съѣзда*.

[3]) Гдѣ было поприще *разъѣзда* послѣ розстаней и откуда бѣжалъ Муромецъ. Это 7-я ступень въ описаніи единоборства,—догадка обманутаго Святогора, ярость и погоня за Ильей.

[4]) *Разыгравши* ее: расходилась сила и готова была въ бой.

[5]) Еще на полѣ разъѣзда и розыгрыша, а въ Былинѣ варіанта А) на другой уже ступени—подъѣхавши къ уговоренной мѣтѣ, миновавъ три поприща, давъ такимъ образомъ Ильѣ уѣхать далеко, что̀ и лучше.

(Уѣхалъ) со чиста̀ поля [1])!
240. Разсмотрѣли очи ясныя [2]),
Что нѣтъ Русскаго могучаго бога́тыря,
(Нѣтъ бога́тыря) на чистòмъ полѣ!
Расходились печени богатырскіи [3]),
Прого́ворить своему коню да богатырскому
245. Святогоръ богатырь таково слово:
«Служи-т-ко ты мнѣ да безъ измѣнушки!»
Разгорѣлось сердце богатырское
У Святогора да богатыря,—
Догнать надо стара̀ козака
250. (Стара̀ козака) Илью Муромца!
Шпорамы коня да онъ потра́гиваетъ,—
Конь подъ бога́тыремъ почувствиваетъ,
Плеточкой шелко́вой полаживаетъ [4])
(Коня да надо ему богатырскаго
255. Попуживать да пріударивать),
Палицу булатну съ ножней да вытягиватъ,
А палицей булатной поигрываетъ
И палицу подъ облако выкидываетъ.
Малыи рѣчки конь перешахиватъ,
260. Озера не-широки перешахиватъ,
Лѣсы дремучи подъ себя пущалъ:
Не досталъ Святогоръ богатырь
Стара̀ козака Ильи Муромца!
Разгорѣлось сердце богатырское
265. У того ль Святогора да бога́тыря,—

---

[1]) Разумѣется, это было преступнымъ нарушеніемъ всѣхъ правилъ богатырскихъ-рыцарскихъ въ глазахъ Святогора, и это его естественно взбѣсило еще болѣе, сверхъ потери намѣченной жертвы.

[2]) Повтореніе, совершившееся и на дѣлѣ: вторично посмотрѣлъ хорошенько,—„Да, точно уѣхалъ!“

[3]) Отъ желчи и гнѣва.

[4]) Похаживаетъ?

Выходитъ онъ [1]) со добра̀ коня,
Со добра̀ коня да богатырскаго,
Становится онъ да на сыру̀ землю,
Самъ прого́воритъ, Святогоръ богатырь, таково̀ слово:
270. «Удержи-т-ко ты, мать сыра̀ земля,
«Русскіихъ могучихъ бога́тыревъ,
«И Святогора да бога́тыря,
«И стара̀ козака Илью Муромца [2])!»
Поднимается Святогоръ-то богатырь
275. На эту на щелью [3]) великую:
Спущаетъ каменья огромныи
По всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ сторонамъ—на три поприща [4]).
Разсмотрѣлъ Святогоръ-то богатырь
280. По всѣмъ по четыремъ сторонамъ [5]):

---

[1]) Слѣзаетъ.

[2]) Не успѣвъ догнать, Святогоръ начинаетъ *месть* свою (ступень 8-я) замѣчательнѣйшимъ *заклятіемъ къ землѣ* — чтобы *удержала* Илью, дабы догнавъ его сразиться, и битва обоихъ состоялась бы, а если убѣжитъ, дабы достать его по крайности каменьями; въ обоихъ случаяхъ предстоитъ побоище страшное и кровавое, пожалуй *дрогнетъ* земля, и ее молитъ Святогоръ, чтобы удержала на себѣ такихъ разъяренныхъ противниковъ. Можетъ быть это относится еще и къ началу—*предъ* рѣшеннымъ единоборствомъ: ср. выше анализъ.

[3]) Скалу.

[4]) На удачу, повсюду, во всѣ стороны, на разстояніи *трехъ поприщъ*, гдѣ былъ уговоренъ разъѣздъ и гдѣ *могъ* застрянуть или укрыться Илья Муромецъ. Здѣсь уже, видимо, Святогоръ, поднявшись на гору, достигъ *мѣты* битвы и оттуда мечетъ по пространству разъѣзда.

[5]) Уже разбросавши каменья, еще разъ присмотрѣлся, нѣтъ ли гдѣ Муромца а, послѣ того, убѣдившись въ бѣгствѣ его, взлѣзъ снова на коня, поѣхалъ своею дорогою, и съ крайняго ли отчаянія, съ того ли, что богатырь Русскій

Нѣтъ Русскаго могучаго богатыря,
Стара козака Ильи Муромца,
(Ильи Муромца) сына Ивановича!
Поднимался Святогоръ да богатырь
На этого коня да богатырскаго,
Поѣхалъ-то по этому по полю по чистому,
Говоритъ-то онъ да таково слово:
«Было бы кольцо да во сырой землѣ,
«Друго бы кольцо да въ высокомъ небѣ,—
«Поворотилъ бы я мать сыру землю
«(Сыру землю) вверхъ крайчикомъ,—
«Не уѣхалъ бы отъ меня старый казакъ,
285. «Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!»
Поѣхалъ путемъ-дороженькой Святогоръ богатырь [1]).

Щегол. В).

—

оказалъ безсиліе, произноситъ свою горделивую *похвальбу*, примѣненную здѣсь *къ Ильѣ* (степень 9-я,— чтобы поворотомъ земли *достать его*), а потому и у насъ повторяемую, съ устраненіемъ лишь счета въ стихахъ, кой см. выше въ отдѣлѣ I-мъ, 423—431.

[1]) За симъ *еще* похвальба и—встрѣча сумы-тяги, а вмѣстѣ *кончина*, но старшая, изъ Эпоса Старшаго, *безъ свидѣтелей*, только лишь *вставленная* въ Эпосъ Ильинскій, а потому нами помѣщенная выше, въ отдѣлѣ I-мъ, стихи 232—469.

Слѣдующій за симъ образецъ, *Щегол. А)*, начиная воспитаніемъ Святогора и пріѣздомъ его въ Русь, соединяетъ въ себѣ полнѣе и обстоятельнѣе другихъ все, касающееся Святогора и совершившееся съ нимъ *на Руси, въ сношеніяхъ съ Ильею* или гдѣ *Илья свидѣтелемъ*, т.-е. первую ошибку, единоборство, утёкъ Ильи, месть Святогора, встрѣчу тяги при Старцахъ, возвращеніе Ильи къ трупу умершаго, исполненіе порученій о наслѣдствѣ. Подробности объясненій см. при спеціальномъ текстѣ сего образца и анализѣ его. Изъ образца же *Щегол. Б)* слѣдуетъ прибавить сюда только, какъ варіантъ, вставку о *единоборствѣ*, отнесенную тамъ къ *Самсону*.

Ѣдетъ Святогоръ тутъ [1]) богáтыря,
А ѣдетъ ли онъ да зéмлей Руською [2]).
Наѣхалъ на Святогора изъ зáду на богáтыря—
Наѣхалъ ли Руськой ли могучій да богáтыря,
Старòй козакъ Илья Муромець,
Илья Муромець да сынъ Ивановичь [3]);
290. Розгорѣлось его серьцё богатырьское:
Подъ старымъ козакомъ Ильёй да вѣдь Муромьцёмъ
Да степéнной [4]) ли конь да богатырьскія,
Да подъ этымъ ли Святогоромъ богáтыремъ—
Подъ Святогоромъ конь повыше его,
295. Богáтырь-то онъ сидитъ [5])—ёнъ потолще его—
Да старòго козака Ильи Мурьмьця [6]).
Онъ ударилъ ли, старòй козакъ Илья Муромець,
Илья Муромець сынъ Ивановичь,
И этого ли богáтыря своёй палицёй да богатырьскою,—

---

[1]) Выѣхавши „изъ Крыму“ на землю Русскую.

[2]) Два стиха, приведенные выше въ отдѣлѣ I-мъ, 50—51, а потому здѣсь не считанные.

[3]) Приписанное *Илье* (хотя первоначально идетъ и къ Самсону), нападеніе на Святогора отличается особенной горячностію, объясняется здѣсь даже *завистью* Ильи (ибо онъ уже созрѣлъ и не могъ стерпѣть себѣ на Руси *старшаго*) и тѣснѣйшею связію съ послѣдующимъ *единоборствомъ*.

[4]) „Рядовой,“ „рядовичный,“ порядочный, такъ себѣ, обыкновенный.

[5]) Святогоръ.

[6]) Побужденіе къ зависти, близкое къ дерзости; по другимъ образцамъ „степенность“ Ильи, старость, малорослость, воздержность,—особенно въ сравненіи съ Идолищемъ, да и передъ другими—Старшими богатырями служатъ въ творчествѣ мотивомъ *превосходства* и *преимущества*; богатыри Кіевскіе „хвалятся“ этими качествами передъ Старшими и разными чудовищными.

300. Только онъ [1]) пошшу́палъ онъ своёй рукой да богатырьскою.
Да прого́ворилъ Святогоръ да тутъ бога́тыря:
«Какъ Руськіи-то мухи кусаються!»
Дру́гой разъ ударилъ ли старо̀й козакъ Илья Муромець,
Илья Муромець да сынъ Ивановичь.
305. Этой палицёй да булатнёю
Этого бога́тыря великого;
Какъ взялъ ли Святогоръ тутъ бога́тыря
Да прого́ворилъ ещё таково̀ слово:
«Видно, вы Руси́ [2]) мухи злый!»
310. Огленулся назадъ да на праву́ руку,
Захватилъ-то онъ и этого коня да богатырьского,
Посадилъ-то онъ, Святогоръ-онъ тутъ бога́тыря,
Во свой-то колчанъ богатырьскій-то,
Понёсъ-то онъ, Святогоръ-онъ бога́тыря.
315. И нёсъ только мѣста—стрѣлища [3]),
Потну́лся-то конь богатырьскій подъ нимъ,
Потнулся-то онъ до сыро̀й земли,
Да палъ онъ на сыру̀ землю колѣнкамы.
Да прого́ворилъ ли онъ, Святогоръ бога́тыря:
320. «Ай жо ты, конь ли мой да богатырьскій ты!
«Что̀ жь ты, не можь да служи́ [4]) ты мнѣ вѣрой-правдою,
«Спотыкаешься ли подо мною ты?»
Да прого́ворилъ-то конь го́лосомъ человѣчьеимъ:
— Ай жо, Святогорѣ ты бога́тыря!
325. — Не могу нести на себѣ я-то двухъ бога́тырей!—
Да сунулъ праву̀ руку Святогоръ тутъ бога́тыря
Во свой колчанъ богатырьскій-то:

---

[1]) Святогоръ.

[2]) Во Руси, на Руси.

[3]) Сколько стрѣла дострѣлитъ; въ варіантѣ В) *три топрища*.

[4]) Ср. выше при спеціальномъ текстѣ и анализѣ.

Попа́лъ ёму во праву́ руку,
Бога́тырь съ конёмъ съ богатырьскіимъ.
330. Поставилъ ли Святогоръ тутъ бога́тыря
И этого коня да богатырьского:
Да сидитъ на томъ кони да бога́тыря,
Да сидитъ на нёмъ тутъ бога́тыря [1]).
Онъ прого́ворилъ тутъ, Святогоръ тутъ бога́тыря:
335. «Да хто ты есть, и Руськой и могучій бога́тыря?»
— Я есть-то ли бога́тырь—старо̀й козакъ Илья Муромець,
— Илья Муромець сынъ Ивановичь.—
Да прого́ворилъ старо̀й козакъ Илья Муромець:
— Ай жо, Святогоръ да ты бога́тыря!
340. — Да пусть-ко ты будешь да бо́льшой братъ,
— И я-то буду да ме́ньшой братъ [2])!—
Да поѣхали тутъ тыи бога́тыри
Да по этой ли дороженькѣ да по ши́рокой.
Да прого́воритъ Святогоръ тутъ бога́тыря:
345. «Ай жо ты, старо̀й козакъ Илья Муромець,
«Илья Муромець сынъ Ивановичь!
«Мы-то бу́дёмъ ли пытать съ тобоі силы да великія [3])?»

---

[1]) Илья.

[2]) Илья *самъ первый* предлагаетъ побрататься, побратимство: въ этомъ еще память объ ученьѣ у Святогора, а здѣсь, кромѣ того, послѣ задора—страхъ, чтобы не потерпѣть отъ сильнѣйшаго и побратимствомъ связать ему руки, впредь до единоборства. Тамъ же, гдѣ выведенъ Самсонъ, богатырь Старшій и равноправный, на оборотъ (*Щегол.* Б), ср. при спеціальномъ текстѣ и анализѣ; а въ варіантѣ *Щегол.* В), Святогоръ сначала предлагаетъ *единоборство*, чтобы *по успѣху* его опредѣлить, кто будетъ братомъ *большимъ*.

[3]) Не помѣряться ли намъ силою въ единоборствѣ?—За симъ порядокъ нѣсколько иной, чѣмъ въ предыдущемъ образцѣ: тамъ Илья *изъ разъѣзда* прямо кинулся на *широкую дорогу*, по которой ѣхали они со Святогоромъ, и далъ тягу

Да прогóворилъ ли Святогоръ тутъ богáтыря:
«Ай жо ты, старòй козакъ Илья Муромець,
350. «Илья Муромець сынъ Ивановичь!
«Поѣзжай-ко ты горою да вѣдь высокою,
«Я поѣду дороженькой вѣдь шúрокой!»
Какъ вы́сталъ ли [1]) старòй козакъ Илья Муромець
На эту ли на гору да на высокую,
355. Прогласилъ съ неба гласъ Господёнь:
««Ай жо ты, старòй козакъ Илья Муромець,
««Илья Муромець сынъ Ивановичь!
««Хоть тебѣ не сказано на страженьи смерти гóрькои,
««Только [2]) ты поѣдешь съ этымъ Святогоромъ да богáтырёмъ,
360. ««Умертвить тебя Святогоръ да вѣдь богáтыря [3])!»»
Онъ ѣдетъ ли, старòй козакъ Илья Муромець,
А по этой ли горы́ онъ высокою,
А на своёмъ кони да богаты́рьскоемъ [4]),
Роздрожáеть ёго жилы богáты́рьскія.

по ней, а Святогоръ кружился пока въ разъѣздѣ („разыгрывался") на протяженіи *трехъ поприщь* и, оглянувшись, замѣтилъ, что Ильи нѣтъ; тогда-то отправился самъ къ *мѣсть* и *на гору*, откуда началъ кидать *по сторонамъ* каменья; а здѣсь Илья поѣхалъ сперва *на гору* и съ нея *вернулся* на прежнюю *широкую дорогу*, и поѣхалъ по ней *назадъ*.

[1]) Поднялся, взобрался.

[2]) Но только если.

[3]) Это представленіе и рѣшеніе могло создаться только уже въ болѣе позднюю, чисто-Ильинскую эпоху, хотя еще въ страхѣ и опасеніи за роднаго богатыря, стало быть когда сила Святогора въ народѣ и эпосѣ ощущалась или представлялась въ наличности весьма дѣйствительною, опасною.

[4]) Не смотря на гласъ продолжаетъ ѣхать по условному пути—по горѣ и продолжаетъ горячиться, разгорячая и коня: въ готовности на битву.

355. Вто́рый разъ гласи́лъ съ неба гласъ Господёнь:
««Воротись, старо̀й козакъ Илья Муромець,
««Илья Муромець сынъ Ивановичь!»»
Воротился старо̀й козакъ Ильл Муромець,
По этой ли горы по высокою,
370. Вы́ѣхалъ онъ на путь онъ на старую,
Да уходъ ли онъ держалъ [1]) на кони богатырьскоемъ,
Наряжалъ ли [2]) старо̀й козакъ Илья Муромець
Своего-ли-то коня богатырьского.
Онъ пріѣхалъ, Святогоръ да бога́тыря,
375. Гдѣ они сговаривались съѣхаться,
Съѣхаться ко низу̀ горы:
Нѣту стара̀ козака Ильи Муромьця,
Ильи Муромьця, сына Ивановича!
Какъ поѣхалъ ли Святогоръ ли вотъ да бога́тыря—
380. Поѣхалъ ли этой ли горой-то да вѣдь высокою:
«Если отъ ѣдетъ по пу́дгорью,—
Завалю́етъ каме́ньёмъ ёго, каме́ньёмъ великыма [3]).»

Онъ [4]) проѣхалъ всю гору да высокую [5]),
Да выѣхалъ онъ на путь да на дороженьку [6]).

Щегол. А).

—

---

[1]) Давалъ тягу.

[2]) Приправлялъ къ тому, торопилъ.

[3]) Поѣхалъ Святогоръ горою, съ тою мыслію—мыслитъ и говоритъ про себя,—„Если И. Муромецъ ѣдетъ или поѣдетъ тамъ внизу, по спуску горы или подгорью, то онъ, Святогоръ, отрывая и кидая съ горы каменныя скалы, завалитъ ими и побьетъ Муромца.

[4]) Святогоръ.

[5]) Все высматривая, нѣтъ ли Ильи, по спуску или по дорогѣ, а самъ продолжаетъ бросать каменья.

[6]) Но, когда уже убѣдился, что Ильи нѣтъ нигдѣ, самъ снова выѣхалъ на прежнюю прямоѣзжую широкую дорогу и продолжаетъ по ней путь, а Илья между тѣмъ (по разнымъ варіантамъ) либо успѣлъ уѣхать по той же дорогѣ *да-*

385. Розсержаютъ они своихъ коней богатырскіихъ,
Розгоряется ихъ сердце богатырское... [1])
И пріѣхалъ-то Святогоръ да богатырь
И ко этой ко щельи ко великіи [2]):
И вѣдь вышелъ [3]) изъ коня да богатырскаго,
390. Розгорѣлось его сердце богатырское [4]);
Оглянулся вѣдь назадъ Святогоръ богатырь:
А вѣдь нѣтъ (Ильи-то Муромца)!
Онъ поднялся на эту-то щельгу на великую,
Каменьевъ кидать своима руками богатырскима:
395. «Если поѣдетъ (Илья вѣдь Муромецъ),
«Я убью его камнями великима
«Со щельги со крутою!»
Да не могъ дождать Святогоръ-то богатырь,
Да садился на коня своего да богатырскаго,
Онъ ѣдетъ ли путемъ-дороженькой широкою [7]).

Щегол. Б).

—

леко впередъ, либо *вернулся назадъ* и отсталъ также далеко (совершенно та же исторія, что съ *оратаемъ* или *старцемъ,— не догонишь* его, а поджидаешь—*отстаетъ.*—Прибавимъ за симъ помянутый варіантъ *Щегол. Б),* гдѣ вмѣсто *Самсона* поставимъ, какъ слѣдуетъ, *Илью.*

[1]) Въ *разгьздѣ*, въ приготовленіи къ бою.

[2]) Къ скалѣ, гдѣ уговорена *мѣта* единоборства.

[3]) Слѣзъ.

[4]) Въ ожиданіи.

[5]) Послѣдній стихъ помѣщенъ уже для связи выше, въ отдѣлѣ I-мъ, 253, а потому здѣсь не считаемъ его. За симъ, въ томъ же образцѣ, *Щегол. Б),* встрѣча *двухъ старцевъ* и *тяги* (отдѣлъ I-й, стихи 254—280), отъ которой Святогоръ *пока отдѣлался на первый разъ,* но за то не отдѣлался въ образцѣ предлежащемъ, который печатаемъ здѣсь и гдѣ Святогоръ погибъ, хотя при старцахъ, но безъ Ильи, а Илья подъѣхалъ послѣ.

400. Да идетъ спереди ёго два старьца незнакомыихъ:
Несуть они за своима-то плечамы за могучима—
Несуть они по сумочки по бархатной [1]).
Какъ тутъ Святогоръ-тотъ богáтыря
Своего коня онъ наряживаетъ [2]),
405. Плёточкой шелкóвой попуживаетъ
По этой степи́ [3]) лошадиною,
Да дотрáгиваетъ Святогоръ да тутъ богáтыря—
Дотрагиваетъ своима ли шпорамы да вострыма
И того коня да богаты́рьского,
410. Дотрагиваетъ ёго подъ круты́ ребрà.
Да прогóворилъ тутъ конь гóлосомъ да человѣчыимъ:
— Ай жо ты, Святогоръ да ты да богáтыря!
— Не натя̀гай поводòвъ да ты шолкóвыихъ,
— Не хлыщи-ко ты меня по степи́ лошадиною,
415. — Не хлыщи меня ты плёточкой шолкóвою,
— Не жми меня ты шпорамы да вострыма,
— Не жми-т-ко ты меня подъ круты́ ребрà:
— Я-то чтò-то [4]) достану этихъ старьцёвъ на своёй на воли́.—
Онъ поѣхалъ Святогоръ да вѣдь богáтыря
420. По этой по дороженькѣ по ши́рокой,
Да спустилъ онъ поводà шолкóвые нá-слабку
Достáлъ [5]) онъ, конь этотъ богаты́рьскія,
Досталъ этыхъ старьцёвъ на пути-дороженькѣ,
Остановились эты стáрьцы на земли на матери.
425. Прогóворитъ тутъ старець [6]) таково слово:
««Ай жо, Святогоръ да ты богáтыря!
««Да ты думушку-ту думаёшь великую,

---

[1]) Какъ всѣ вообще „старцы“ и „калѣки“ въ Эпосѣ и Стихахъ.

[2]) Приправляетъ и торопитъ.

[3]) Ср. выше при спеціальномъ текстѣ.

[4]) Я и безъ того, во всякомъ случаѣ, какъ бы то ни было.

[5]) Достигъ.

[6]) Одинъ изъ старцевъ.

««Великую думушку да тяжолую,—
««Роскидываёшь свою ты силу богатырьскую [1]),—
430. ««Да ты думаёшь,«—Какъ было бы
««— Кольцё во неби во Божіемъ,
««— Да друго бы кольцё бы во сырой земли,
««— Во сырой земли да во матушки,
««— Поворотилъ бы я землю крайчикомъ,
435. ««— Добрался бы стара козака Ильи Муромьця,
««— Ильи Муромьця сынъ Ивановича!— [2])
««Ай Святогоръ да ты богатыря!
««У меня кладена сумочка [3]) на землю на матушку:
««Подоймй-т-ко-ка ты своей да силой богатырьскою!»»
440. Да тутъ-то Святогоръ да тутъ богатыря
Захватилъ онъ ногой да правою
Эту сумочку у старьця-то единаго,—
Увязнулъ ли ёго конь да богатырьскій-то—
Увязнулъ конь да во сыру землю—
445. Во сыру землю да по щуточки [4]).
Розгорѣлась ли Святогора тутъ да богатыря—
Розгорѣлась ёго сила да великая [5]),
Опустился Святогоръ тутъ богатыря—
Опустился со своёго коня богатырьского—
450. Опустился ёнъ на матерь на сыру землю,
Захватилъ ёнъ эту сумочку за лямочку [6]),
Какъ подписано во этой во сумочки
Вся-то земная тутъ тягота [7]).

---

[1]) Раскидываешь не умомъ-разумомъ (какъ бы слѣдовало), а силою, и въ ея распущенности самонадѣешься.

[2]) Похвальба примѣнена здѣсь къ Ильѣ.

[3]) Вотъ я положилъ сумочку.

[4]) По щиточки, по щиколотки.

[5]) То же, что выше разгорѣлось „сердце:“ разъярился (отъ дасады и желанья преодолѣть трудность).

[6]) На которой носятъ сумку.

[7]) Какъ захватилъ,—оказалось, увидалъ, испыталъ (какъ бы прочелъ надпись и понялъ значеніе), что тутъ тяжесть всей земли. Тогда, въ слѣдъ за симъ, онъ захватилъ уже не за лямку, а прямо сумку своими голыми руками.

Захватилъ ли Святогоръ да тутъ богáтыря
455. Эту сумочку своима ли рукамы богатырьскима,—
Угрязнулъ онъ да по колѣночку [1]).

Какъ третій разъ [2]) переправилъ [3])
Святогоръ да тутъ богáтыря
Да здынýть эту сумочку великую,—
460. Пересѣлся [4]) Святогоръ да тутъ богáтыря.
Кóнчился Святогоръ да тутъ богáтыря,
При этыихъ при старьцихъ [5]) да на пути-дорожки,
Остался только ёго конь да богатырьскія [6]).

Да приворотился тутъ съ пути
465. Старóй козакъ Илья Муромець [7]).
Пріѣзжаетъ къ Святогору-ту богáтырю,
Прогóворятъ-то старьцы незнакомыи:
««Ай жо ты, старóй козакъ Илья Муромець,
««Илья Муромець сынъ Ивановичь!
470. ««Возьми-тко ты этого коня да богатырьского,
««Этого Святогора да богáтыря,

---

[1]) Двойственное.

[2]) Уже угрязнувъ до колѣнъ, но еще имѣя силу въ рукахъ и въ послѣдній разъ ее напрягши.

[3]) Приготовился, напрягся, изловчился.

[4]) Надорвался, осѣкся силами (ср. выше).

[5]) Въ другомъ варіантѣ (ср. выше) они исчезли, когда онъ завязъ *окончательно*.

[6]) Это уже *воскрешеніе* коня, въ эпоху Ильи и Самсона, чтобы передать сему послѣднему въ наслѣдство: а въ *собственной* области Старшаго Эпоса конь погибъ вмѣстѣ съ хозяиномъ (ср. выше отдѣлъ I-й).

[7]) Чтобы быть *свидѣтелемъ* кончины (но не убійцею и не виною смерти) Святогора, чтобы поклониться его праху, похоронить и распорядиться наслѣдствомъ, былина *возвращаетъ* Илью на мѣсто гибели Святогора, вѣроятно по гласу съ неба, высшему голосу внутренняго сознанія.

««Гони-тко ты ко городу ко Кіеву,
««Ко солнышку ко князю ко Владымеру.
««Скажи ёму тогда таково̀ слово:
475. «‹— Ай жо ты, солнышко Владымеръ князь,
««— А Владымеръ князь стольнё-Кіевьскій!
««— Этотъ конь на́йденъ [1]) на пути̇-дорожкѝ,
««— Былъ это конь богаты́рьскія,
««— Былъ ли подъ Святогоромъ тутъ бога́тыремъ.
480. ««— Только мнѣ наказалы [2]) ста́рьцы незнакомыи
««— Да отъ этой ли отъ горы высокія:
««— «Да кончавши [3]) тутъ Святогоръ тутъ бога́тыря,
««— ‹Не могъ-то поднять ту сумочку великую,
««— «Тяготы̇ тутъ со всёй земли [4]).»—»»
485. Наказалы ли [5]) эты старьцы незнакомыи:
««Ай жо ты, старо̀й козакъ Илья Муромець,
««Илья Муромець сынъ Ивановичь!
««Скажи солнышку князю Владымеру:
««— Этымъ конёмъ богаты́рскіемъ
490. ««— Только будетъ владать Самсонъ да вѣдь Самуйловичь,
««— Руской да могучой да бога́тыря [6]).—»»

---

[1]) Дабы не подумали даже, что Илья *отбилъ* коня у Святогора или взялъ *убивши* хозяина, какъ подумалъ подобное про Илью отецъ Святогора (см. выше) или думали про *Дюна* при появленіи въ Кіевѣ и т. п.

[2]) Поручили передать.—слѣдуютъ *рѣчи старцевъ*, кои имѣлъ передать Муромецъ Владиміру.

[3]) Скончался.

[4]) Не смогши поднять земной тяготы, заключавшейся въ сумкѣ.

[5]) Еще поручили передать.

[6]) Вмѣстѣ съ мечемъ Святогора, какъ думаемъ и объяснили выше. Самъ же Илья такимъ образомъ ничего не взялъ себѣ, кромѣ внутренней силы, „живаго духа“ Святогорова, сдѣлавшись по уполномочію отъ старцевъ *душеприкащикомъ* Святогора и отъ гроба его восприняв преемство богатырства (ср. выше при гробѣ). Замѣчательно еще, что Му-

Да тебѣ-то [1]) вѣдь старинушку-славу поютъ.

Щеол. А).

—

Свят-игорово было преставленіе,
Ильи Муромца было погребеніе [2]):
495. Надъ верхомъ воздвигъ-то онъ чуденъ крестъ [3]).

Третьяк.

* * *

СВЯТОГОРЪ

IV

(СЪ ПРОЧИМИ БОГАТЫРЯМИ, ВЪ КРУГУ ВЛАДИМІРА. ВЪ КІЕВѢ, ВЪ ВОСПОМИНАНІИ ЭПОСА).

Ѣздилъ-то Илья да по чисту полю,
Да наѣхалъ Илья на поляницу тутъ.

ромцу первому достается передавать *вѣсть* о Святогорѣ, *славу* его подвиговъ, повѣсть или эпосъ объ нихъ, чтобы въ потомствѣ вѣчно „пѣли славу" Святогору: какъ и заключаетъ вслѣдъ за симъ пѣвецъ. Старцы же, калѣки, не взяли себѣ самимъ эту „славу," этотъ эпосъ, а остались при своихъ „Стихахъ," какъ и поминали мы выше, раздѣляя Свята-Егорья въ Стихѣ и Святъ-Егора или Святогора въ Эпосѣ.

[1]) Кому собственно? Ильѣ по ближайшей связи, но по смыслу и по названію былины у самого пѣвца—Святогору.

[2]) А погребалъ его Илья Муромецъ.

[3]) Вліяніе позднѣйшихъ христіанскихъ воззрѣній и обычаевъ.—Ср. выше о *кончинѣ* его *на Кіевской земли* (отд. I, стихъ 502) и ниже *о похоронахъ* стараніемъ *Ильи.*

*

Начинается сей отдѣлъ тѣми двумя образцами, похожими на цѣльную былину, въ коихъ *Святогоръ, Самсонъ* и *Илья*

И да ѣдутъ съ поляницей по чисту̀ полю:
Да ударилъ е́во [1]) палицей по буйной главы,
5. Да ударилъ ёнъ тутъ во дру́гіе разъ,
Да ударилъ ёнъ вѣдь тутъ да въ третій разъ.
И розгорѣлось у ёво сердцо бога́тырско—
У тово ли у Самсона—Свят-иго́ра [2]) у бога́тыря:
Далъ-то-ко [3]) Илью да за бѣлы́ руки,
10. И положилъ-то-ко Илью да во корманъ къ себѣ,
И далъ-то-ко Илью да во кормани у себи.

Еще сталъ туто вѣдь конь да попинатисе [4]):
«Еще что̀ ты туто, волчья сыть [5]) да травяной мѣшокъ,
«Еще что̀ ты туто да запинаешься,
15. «Еще развѣ ты незгоду мнѣ-ка вѣдаёшь?»
И да провѣщился вѣдь конь язы́комъ человѣческимъ:
««Еще гдѣ мнѣ-ка возить да двухъ бога́тырей съ конёмъ!»»
И вынималъ туто Самсонъ [6]) Илью да изъ кормана тутъ,
Да поѣхали съ Ильей да по Святымъ Горамъ [7]).
20. Еще сталъ Самсонъ — Свят-иго́ръ тутъ выспрашивать:

соединены *вмѣстѣ*, событія не связаны, а *смѣшаны*, и *редакція* не полная, какъ бы казалось, а *сокращенная* изъ нѣсколькихъ. — Впрочемъ все-таки это ближе къ редакціи *Ильинской*.

[1]) Илья поляницу.

[2]) Сдѣлано существо *двойное*; Святъ-Иго́ръ=Святъ-Его́ръ.

[3]) Старинное *дѣти*: задѣлъ, захватилъ, или наше *дѣлъ*, *дѣвалъ*=сунулъ.

[4]) Запинаться, спотыкаться.

[5]) Ср. въ прежнихъ выпускахъ.

[6]) Тутъ уже одинъ Самсонъ.

[7]) Начинается *поѣздками* Ильи—*на Руси*, а тутъ являются уже *Святыя Горы*.

«Да велика ли въ тебѣ да еще сила есть?»
— Ай во мнѣ вѣдь еще сила не большая есть:
— Еще только побиваю я вѣдь храбростью своей [1])!—
«И да славные Илья да вѣдь ты Муромецъ!
25. «Да вѣдь во мнѣ-то сила да такая есть:
«Кабы въ земною-то обширности [2]) былъ столбъ [3]),
«Да какъ былъ бы то въ небесной вышины [4]),
«Да кабы было въ столби въ этомъ кольцо [5]),—
«Поворотилъ бы я всю землю подвселенную [6])!»

30. И поѣхали-то тутъ они да по Святымъ Горамъ,
И наѣхали на тѣхъ они на Святыхъ Горахъ,—
Да лежитъ туто вѣдь двѣ сумы перемётные.
И говоритъ тутъ Самсонъ [7]) да таково слово:
«Ужь ты славные Илья да ты Муромецъ!
35. «Сходи-ко ты, Илья, да со добра коня,
«И каки тутò лежатъ двѣ сумы перемётные,—
«Поздымай-то [8]) ты сумы перемётные!»
Сходилъ-то-ко Илья да со добра коня,
И онъ примается за ты сумы за перемётные:
40. Еще тѣ ли сумы съ мѣста не здымаются [8]).
Сходилъ, де, вѣдь Самсонъ да со добра коня,
Еще самъ-то за сумы да принимается:

---

[1]) Изъ первой эпохи Ильи: слабъ, умѣренъ, готовъ учиться. Отношенія къ Святогору мирныя. Какъ бы въ отвѣтъ Ильѣ и слѣдующая *похвальба* Святогора.

[2]) Книжное и позднее.

[3]) Похвальба возвращается къ приведеннымъ выше—о погибели *прочихъ* богатырей; въ особенности примѣнима къ *Самсону*.

[4]) Столбъ вышиною до неба.

[5]) Замѣтьте—одно.

[6]) *Вселенную*—населенную людьми, сколько ея населено народомъ *подъ* небомъ,—*поднебесную*.

[7]) Опять одинъ вмѣсто двойнаго лица или Святогора.

[8]) Подымай; не подымаются.

Еще тѣ ли, де, сумы да съ мѣста не адымаются.
А всѣ жилы и суставы у Самсона роспущаются
45. И по колѣну-то [1]) въ землю Самсонъ убирается.

Тутъ Илья его и похоронилъ [2])!

Гурьб.

—

Во чистòмъ поли соѣзжалоси
Три сильніихъ-могучіихъ богáтыря:
По имени первòй Колывáнъ [3]) богáтырь,
50. Дрýгой Муромля́нъ [4]) богáтырь,
Третей Самсонъ богáтырь.

Промежду собою рѣчи говорили:
««Которыя изъ насъ будетъ бóльшій брáтъ [5])?»»
Говори́тъ Самсонъ богáтырь:
55. «Кабы былъ столобъ въ земли̇̀,
«Кабы было кольцё въ столбý,
«Я бы землю всю вокругъ повернулъ!»
Говоритъ Муромлянъ богáтырь:
«Я бы такожде повернулъ!»
60. Говоритъ Колыванъ богáтырь:
«Я бы такожде могъ повернуть!»

Господь всевышнія творецъ
За нихнеё похваленіё
Далъ имъ привидѣніё [6]):

---

[1]) Двойственное число.

[2]) Доказательство Редакціи *Ильинской.*

[3]) Подъ именемъ его явно *Святогоръ*, но самое имя *Колыванъ Колывановичь*—въ ближайшей связи съ *Самсономъ*, о чемъ ниже подробности.

[4]) Муромецъ.

[5]) Память о *братимствѣ* Святогора съ Самсономъ либо Ильею, въ связи съ *единоборствомъ*, а за симъ *похвальба.*

[6]) Чудо, диво, въ образѣ земномъ скрытая сила не здѣшняя: то же, что̀ мы называли и называемъ *символъ.*

65. Куда у нихъ было нóрчено [1]) въ путь ѣхать,—
Лежитъ на дороги сумка,
Въ таковой сумкѣ сложенъ
Весь земныя грузъ [2]).
Выскакиваетъ со своего со добраго коня
70. Самсонъ богáтырь,
Хватаетъ таковую сумкỳ:
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Выходитъ Муромлянъ богáтырь
Со своего со доброго коня,
75. Хватаетъ таковую сумкỳ:
По колѣнамъ въ землю усѣлъ,
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Выходитъ Колыванъ богáтырь
Со своего со доброго коня,
80. Хватаетъ таковую сумкỳ:
По грудямъ въ землю сѣлъ,
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Съ небесѝ имъ гласъ прогласѝло [3]):
««Сильніи-могучіи богáтыри!
85. ««Отстанете [4]) прочь отъ таковыя сумкѝ:
««Весь земныя грузъ въ сумку сложенъ [5])!»»

Впредки [6]) не похваляйтесь
Всёю землёю владѣти!
Наблюдайте своё доброё [7]),
90. Ѣздите по Русеи,
Дѣлайте защиту,

---

[1]) Наречено, назначено, уговорено.

[2]) То же, что выше *тяга, тягота*.

[3]) Что-то проговорило гласомъ, кто-то прогласилъ (безвѣстное и неопредѣленное—въ среднемъ родѣ).

[4]) Отстаньте.

[5]) Слѣдующее очевидно уже не гласъ съ неба, а измышленіе и витійство нескладнаго позднѣйшаго пѣвца.

[6]) Напредки, впередъ.

[7]) Достатокъ, имущество.

Сохраняйте Русею отъ непріятеля,
А хвастать по пустому вного [1]) не знайте!

Висаріоновъ [2]).

*

Втапоры [3]) Илья Муромецъ
95. Пошелъ съ великимъ княземъ
На широкой дворъ,
Смотрѣть его удачи богатырскія [4]).
Выходили туто князи-бо́яра,
Всѣ Русскіе могучіе бога́тыри:
100. Самсонъ богатырь Колывановичь,
Суханъ богатырь сынъ Домантьевичъ,
Свѣтогоръ [5]) богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залѣшана,
105. А еще два брата Ха́пиловы [6]);
Только было у князя ихъ—
Тридцать молодцовъ [7]).

Кир. Вып. I [8]), *Кирша Даниловъ.*

*

---

[1]) Много.

[2]) *Алексѣй Висар. Бато́въ*, молодой, отъ отца, считавшагося знатокомъ былинъ на Выгозерѣ; записано *Гильфердингомъ* въ Даниловѣ, 1871, іюля 17; „Онежск. Был.“ 1873, № 185, стр. 904—905. Слѣдуютъ болѣе отрывочныя черты.

[3]) Когда Илья первый разъ пріѣхалъ въ Кіевъ и привезъ съ собою Соловья-Разбойника (Святогоръ съ прочими Старшими богатырями былъ уже на лицо).

[4]) Что́ удалось Ильѣ добыть богатырскимъ подвигомъ.

[5]) Букву *ѣ* конечно поставилъ уже отъ себя старшій издатель Калайдовичь.

[6]) Обо всѣхъ нихъ особо ниже.

[7]) Когда засвисталъ и зашипѣлъ Соловей, всѣ, въ томъ числѣ перечисленные богатыри, „на корачкахъ по двору наползалися.“

[8]) Стр. 45, стихи 139—150, 163—165.

««На бою тебѣ (Ильѣ) смерть не писана,
««Бейся же со всею силой невѣрною
110 ««И противу всея поленицы удáлыя:
««А сильнѣе тебя на бѣлòмъ свѣтѣ
««Самсонъ Самойловичь да Святогоръ Колывановичь;
««Еще сильнѣе—отъ матушки сырòй земли—
««Микула Селяниновичь [1]).»»

Рыбник. II, № 2, отъ старика калики [2]).

*

115. На славноей на зáставы на Московьскія [3])
Тамъ стояло двѣнадцять богáтырей,
Прогòворилъ Святогоръ богатырь,
Онъ и старше всѣхъ богáтырей:
««Вы Руськіи могучіи богáтыри,
120. ««Ай же вы, поленицы удáлыя!
««Кого же намъ послать во землю во Талаяньскую?
««Да послать ли Святогора богáтыря,—
««Такъ вѣдь нéкому стоять на зáставы...
««Да послать ли намъ Добрынюшку Никитича!»»
125. Да прогòворилъ-то Святогоръ тутъ богатырь:
««Ай же ты, Добрынюшко Никитиничь!
««Поѣзжай,—тебе выбралъ ли солнышко Владиміръ князь,
««Подписались [4]) Руськіи могучіи богáтыри

---

[1]) Слова старцевъ, когда силою нездѣшнею подымали Илью изъ сидней на подвиги: ср. въ отдѣлѣ I-мъ, стихи 73—77, слова тѣхъ же старцевъ и при томъ же случаѣ, въ былинѣ, гдѣ изображена встрѣча Ильи со Святогоромъ и кончина послѣдняго.

[2]) Записано отъ стараго Калики, Каргопольскаго уѣзда, изъ деревни Ляги, въ Іюнѣ 1861 г.

[3]) Кіевской, въ сторону Москвы.

[4]) Подъ приговоромъ; приговорили.

««И вси поленицы-тѣ удалыя [1]).»»

Кир. Вып. 2, изд. 2, отъ Щеголёнкова, въ дополненіяхъ № 1 [2]).

*

---

[1]) Святогоръ, какъ *старшій* между богатырями, на заставѣ (сторожевой границѣ), назначаетъ подвиги и посылаетъ на нихъ, подписываясь (конечно первымъ) подъ приговоромъ.

[2]) Стр. 97, 98, стихи 1—11, 18—20, 29—31; записано *Безсоновымъ* 1873; варіантъ у *Гильфердинга*, „Онежск. был.“ 1873, № 118, стр. 636, 637, запис. въ Кижахъ, 1871, Іюля 4, отъ того же Щеголёнкова; то же запис. отъ того же *Гурьевымъ* у *Барсова*, „Записки“ 1873, стр. 559.—Въ той же былинѣ мать Добрыни упоминаетъ о типической (высшей) *силѣ* у *Святогора*.

Слѣдующія выдержки взяты изъ Былинъ того же рода, какъ помѣщенныя въ I-мъ отдѣлѣ, стихи 16—18. Это именно разрядъ Былинъ, повѣствующихъ о нашествіи на Кіевъ *Калина*, коего смѣняетъ *Батый*, а Батыя *Мамай*; здѣсь же обыкновенно помѣщаются и *похвальбы* разныхъ богатырей, за чѣмъ послѣдуетъ *гибель*, и мы именно послѣ Аники начали разсмотрѣніемъ сихъ любопытныхъ эпизодовъ. На основаніи сходства ихъ съ похвальбою и гибелью Святогора, нѣкоторые, на примѣръ П. Н. Рыбниковъ, пришли даже къ выводу, что здѣсь имя *Ильи* поставлено позднѣе *вмѣсто Святогора*. Съ этимъ мы не можемъ согласиться, ибо въ большинствѣ лучшихъ образцовъ сего рода Илья на первомъ планѣ и *усиленно отыскиваетъ* Старшихъ Богатырей, именно многихъ, не одного Святогора, упрекаетъ ихъ въ лѣни и бездѣятельности (ибо они ослабѣли уже), склоняетъ пойти на выручку Кіева, но все-таки чаще обходится въ концѣ безъ нихъ и *самъ* совершаетъ нужное, смѣняясь только позднѣйшимъ *Ермакомъ* (ср. подробности выше), а иногда (при Батыѣ) *Васильемъ Пьяницей*; изъ Старшихъ же *Самсонъ* принимаетъ участіе больше и рисуется рельефнѣе, чѣмъ *Святогоръ*. Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что со-

130. Самсонъ, Святогоръ за синимъ морёмъ [1]).

Гильферд. отъ Кропачева [2]).

—

Самсонъ [3]) богатырь на Святыхъ на Горахъ.

Рыбник. I, № 29, ст. 108, стр. 177 [4]).

*

бытіе и эпосъ съ *Калиномъ* старше прочихъ однородныхъ (съ Батыемъ и Мамаемъ), что дѣйствительно уходитъ довольно далеко въ глубь эпоса Старшаго, весьма близко къ извѣстной *ссорѣ Ильи съ Владиміромъ* (эпизоду древнему) и т. п. Но, какъ смѣняются враги-насильники въ постепенномъ развитіи исторіи (Калинъ, Батый, Мамай), такъ и защитники,—богатыри Старшіе, за ними Наличные Кіевскіе и Младшіе (Святогоръ и Самсонъ съ товарищами, Илья, Василій, при Ильѣ Добрыня, всѣхъ позднѣе Ермакъ): каждый дѣйствуетъ самъ по себѣ на свое время и свою пору, а если *хвалится* и *гибнетъ*, то *самъ за себя* и подъ *собственнымъ именемъ*.—Таково значеніе былинъ, откуда и слѣдующія выдержки *дополнительныя*.

Обыкновенно при нашествіи, „богатырей въ Кіевѣ" или близко „не случилося:" при этомъ-то случаѣ они и *перечисляются* (подобно какъ выше, при случаѣ разсказа о *заставѣ*, на которой стоитъ такой-то и такой-то), съ поясненіемъ, что такой-то былъ въ ту пору тамъ-то, именно *Святогоръ* обыкновенно *на Святыхъ Горахъ*, и т. п., Илья же или посланный его ѣдетъ отыскивать, сзываетъ, направляетъ. Въ семъ послѣднемъ очевидно Редакція *Ильинская*.

[1]) Рѣдко; обычнѣе (Святогоръ) на Св. Горахъ, какъ выше въ отдѣлѣ I-мъ, 16—18.—При нашествіи *Батыя*, при *Васильѣ*.

[2]) Крест. *Ив. Мих. Кропачевъ*, прозвищемъ *Лядковъ*, изъ Кенозера, въ 1871 г. лѣтъ 65, научился отъ отца, хорошаго пѣвца былинъ, грамотенъ; запис. въ Кенозерѣ 11 Авг. 1871; „Онежск. Был." 1873, № 258, стр. 1180.

[3]) Очевидно „вмѣсто" *Святогора*; при нашествіи Батыя, при Васильѣ Игнатьевѣ Пьяницѣ; но пѣвецъ, забывши помѣстить въ своемъ мѣстѣ, отнесъ въ *припѣвъ* на концѣ былины.

[4]) Запис. въ Пудожскомъ уѣздѣ, дер. Большой Дворъ; при

«Надо послать къ Мамаю [1]) скорà гонца
«Попросить сроку на три мѣсяца,
«Чтобы силой намъ поисправиться,
135. «А могучимъ богатырямъ посъѣхаться;
«Есть на полѣ на Кулйковѣ [2])—
«Есть у насъ тридевять богáтырей:
«Алеша Поповичь, Самсонъ богатырь,
«Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичь,
140. «Иванъ Колывановичь [3])...
«Гой еси вы, тридевять богáтырей!...
«Проситъ васъ Володимiръ князь
«Изъ бѣды его выручить:
«Наступаетъ на него царь Мамай
145. «Со своею невѣрною силою [4]).»

Кир. I, стр. 58, 60 и друг. [5])

*

По морю-морю Синему,
Что по Синему по морю по Хвалынскому [6]),
Плаваетъ-гуляетъ Сокóлъ-корабль,
И онъ плавалъ-гулялъ ровно тридцать лѣтъ,
150. На якоряхъ Сокóлъ-корабль не стаивалъ,
Ко крутому бережку не причаливался,
Желтаго песочку въ глазъ не видалъ,
Церквей и монастырей не видывалъ,
Колокольнаго звона не слыхивалъ.

чемъ разнорѣчіе изъ Бережной Дубровы, гдѣ стихи на своемъ мѣстѣ.

[1]) При его нашествіи; слова Ильи.

[2]) Поздняя вставка, ибо дѣло о Мамаевомъ нашествіи.

[3]) О каждомъ изъ нихъ особо ниже.

[4]) Послѣдствія тѣ же, какъ въ другихъ образцахъ, появленіе Ермака и проч., вообще же содержаніе равно Калину.

[5]) Записано *Гуляевымъ* отъ крест. *Быкова* въ у. Лужскомъ, дер. Чернь.

[6]) Вар. „Каспійскому."

155. Атаманомъ былъ на немъ Святогоръ [1]) богатырь,
Подъатаманъ [2]) молодецъ Илья Муромецъ [3]).

Кир. I, стр 22; VII, стр. 305—308 [4]).

*

---

[1]) Вар. „*Свѣтогоръ*;“ „Полканъ богатырь.“

[2]) „Есауломъ.“

[3]) Образъ корабля, въ сторонѣ отъ сообщенія съ Русью, съ начальниками—Старшими и старыми богатырями, въ число коихъ прибавляется и Соловей, Настасья Микулична, Алеша Поповичь,—изъ древнѣйшаго быта, о Славянскомъ, гостиномъ и купеческомъ, мореходствѣ (ср. при Святогорѣ *отца* и *купца темнаго*, *Садку купца богатаго*, *купцовъ* при *Иванѣ—Иванѣ Гостиномъ* и *Годиновичѣ*).

[4]) Множество разнорѣчій и мѣстъ, гдѣ записано отъ разныхъ лицъ, равно какъ старшихъ Пѣсенниковъ: ср. о семъ и догадки о значеніи корабля у насъ вып. I, IV, VII (стр. 308), Рыбник. ч. I, II, III.

За симъ слѣдуютъ выдержки изъ Былинъ (довольно древнихъ по редакціи), гдѣ Добрыня, посылаемый на подвигъ Старшими богатырями или Владиміромъ, не имѣя на то особенной охоты и жалѣя покинуть домъ, жалуется матери, за чѣмъ она его „несчастнаго спородила,“ безъ лучшей участи и доли. Мать же, возражая, что такъ Богъ судилъ и у сына много своихъ *исключительныхъ* достоинствъ, прибавляетъ, что, если бы отъ нея зависѣло, рада бы она породить такимъ-то и такимъ-то, со *всевозможными* достоинствами, имѣющимися *спеціально у разныхъ* богатырей, при чемъ *силу* обыкновеннѣе приписываетъ, какъ наибольшую, *Святогору* (такъ эпоха Добрыни сознавала въ семъ смыслѣ Святогора, такъ о немъ помнилъ или вспоминалъ эпосъ, дошедшій до насъ образцами). Разумѣется, по мѣрѣ сравнительной новизны образцовъ и порчи редакцій, вмѣсто Святогора постепенно подставляется *Самсонъ*, потомъ *Илья*, но *типическая сила* все-таки остается за *Святогоромъ*.

«Я бы рада тебя, дитятко, спорóдити
«Силой въ Святогора богáтыря»...

Рыбник. I, № 25, стр. 130, ст. 17, 19 [1]).

—

«Я силою снорóдила бы
160. «Супротивъ Святогора да богáтыря [2])»..

Кир. II, изд. 2, отъ Щегол. [3]).

—

«Я бы рада тя спорóдити
«Силою во Святогора тутъ богáтыря,
«Ай богачествомъ въ купца Садка Богатаго [4])».

Гильферд., Калининъ, № 5, стр. 40 [5]).

—

«Я бы рада была тебя спорóдити
165. «Силою во Собóра [6]) во богáтыря»...

Гильферд. отъ Гришина, № 33, стр. 161 [7]).

—

---

[1]) Олон. Губ. Вѣдом. 1859; Кир. вып. II.

[2]) Вар. „Въ Святогора да богáтыря."

[3]) Стр. 100, 101; запис. *Безсоновымъ*, 1873; вар. *Гуръевымъ* у Барсова; у *Гильф.* въ „Онежск. Был."—Ср. выше: изъ той же Былины, гдѣ на заставѣ Святогоръ—„старше всѣхъ богáтырей."

[4]) Замѣчательно сопоставленіе Святогора съ купцомъ богатымъ Садкомъ (ср. выше).

[5]) Изъ отличной и огромной Былины, запис. въ дер. Римъ на Пудожской горѣ, 22 и 23 Іюля 1871, ср. „Онежск. Был."—Калининъ—замѣчательный пѣвецъ, отъ котораго мы получили (ср. выше) замѣчательную Былину о Святогорѣ.

[6]) Испорчено вмѣсто „Святогора."

[7]) См. „Онежск. Былины".—*Гришинъ, Ив. Артем.*, крест. изъ Загубья у Толвуя, глубокій старикъ; запис. въ Толвуѣ, 12 Іюля 1871.

«Я бъ спорóдила бъ тобя да и Добрынюшку—
«Тобе силушкой Добрынюшку спорóдила
«Да й во славна Святогора во богáтыря.»

Гильферд. отъ Рябинина, № 80, стр. 484 [1]).

—

«Я бы рада тебя, дитятко, спорóдити—
170. «Я бы силой въ Святогора богáтыря.»

Гильферд. отъ Касьянова, № 157, стр. 804 [2]).

*

«Былъ на землѣ Самсонъ богатырь,
«Былъ на землѣ Свѣтогоръ богатырь:
«И я ихъ (Смерть) искосила.»

Вологодск. губ., около 1840 года [3]).

—

«Жилъ на землѣ сильной-могучой Святъ-игóръ [4]) богатырь,

---

[1]) Запис. въ Кижахъ 7 Іюля, повѣрено въ Петербургѣ 26 Ноября 1871 г.; то же записано г. Рыбниковымъ (т. I, № 27, стр. 150, ст. 166, 167), но при этомъ „Силушкой во славнаго *Самсона* во богáтыря."

[2]) „Онежск. Был.;" *Иванъ Аник. Касьяновъ*, извѣстный крестьянинъ изъ Космозера, гостившій и у насъ въ Москвѣ (мы также у него записали), лѣтъ подъ 50; запис. въ Чолмужахъ, 19 Іюля 1871.

За этимъ слѣдуютъ выдержки изъ Былинъ, помѣщенныхъ выше въ семъ выпускѣ, объ Аникѣ, гдѣ Смерть, убѣждая его покориться, въ примѣръ перечисляетъ другихъ и „Старшихъ" богатырей, уже покорившихся ей въ свою очередь, какъ ни были они сильны.

[3]) „Современникъ" 1840, „Р. Слово" 1859, „Лѣтоп. Р. Литер." 1859; у насъ выше стр. 121, 128.

[4]) Святъ-Игóръ, Святъ-Егоръ, ср. выше.

175. Жилъ на землѣ сильной-могучой Молоферъ [1]) богатырь,
«Жилъ на землѣ сильной-могучой и Самсонъ богатырь:
«И тѣ мнѣ, Смерти, покорилися,
«И тѣ мнѣ, Смерти, поклонилися,»

Ср. выше этотъ вып. IV-й.

—

«Былъ на землѣ богатырь Малафей,
180. «Былъ на землѣ богатырь Соловей [2]),
«Былъ на землѣ богатырь Егóръ-Святогóръ [3]),—
«Былъ богатырь [4])—надъ семидесятью землями богатырь:
«И то они мнѣ покорились,
«И то они мнѣ поклонились.»

Нолинскъ, Вятск. губ. [5]).

*

Разсказъ о смерти Святогора въ гробу, перенесенный на Муромца, см. ниже при семъ послѣднемъ.

*

Остальныя сказанія и преданія, указывающія на Святогора у другихъ народовъ или перешедшія въ „Духовные Стихи," см. ниже въ „Общихъ выводахъ о нашемъ Старшемъ Эпосѣ."—За симъ же въ слѣдъ идетъ о *прочихъ Старшихъ богатыряхъ,* одинаково подвергшихся *гибели.*

* * *

Конецъ 1-й половины IV выпуска по 2-му изданію.

---

[1]) Библейскій Олофернъ и можетъ быть нашъ лѣтописный Мальфредъ.

[2]) Разбойникъ; но по связи рѣчи и по другимъ образцамъ вѣрнѣе передѣлано изъ имени „*Самсонъ.*"

[3]) Ср. выше: изъ „Святъ-Егóръ" еще отдѣлено „Егоръ." По замѣчанію пѣвца—„сынъ Самсона:" что указываетъ лишь на извѣстную намъ тѣсную связь ихъ (у Самсона было „три ангельск. вóлоса").

[4]) Святогоръ.

[5]) „Сборн. Варенцова." Ср. у насъ выше въ текстѣ объ Аникѣ.

БИБЛІОТЕКА ... ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ... ІНСТИТУТА

ОТЪ РЕДАКТОРА И ИЗДАТЕЛЯ.

Кто имѣетъ у себя IV-й выпускъ въ прежнемъ 1-мъ изданіи, тому необходимо пріобрѣсти и это 2-е, ради обширныхъ его дополненій, новыхъ изслѣдованій и объясненій. А кто впервые пріобрѣтаетъ себѣ это изданіе 2-е, тому совѣтуемъ мы запастись и 1-мъ, такъ какъ тамъ есть примѣчанія, не повторенныя здѣсь, и особенно обстоятельный „Указатель" ко всѣмъ четыремъ выпускамъ, который не скоро еще появится во 2-мъ изданіи, по причинѣ огромныхъ, вновь накопившихся, пополненій.

П. Безсоновъ, Харьковъ, 1879.

ОГЛАВЛЕНІЕ 4-го ВЫПУСКА ПО 2-му ИЗДАНІЮ.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл.
Пѣсни Былевыя, время Владимірово. — Богатыри:

Стран.

Илья Муромецъ..... 1— 46
Онъ же и Никита Заолѣшанинъ..... 46— 52
Потокъ (Потыкъ) Михайло Ивановичь..... 52— 59
Ставръ Годиновичь..... 59— 68
Гордѣнъ (Гордей) или Хотѣнъ (Хотинъ) Блудовичь..... 68— 77
Чурило Пленковичь..... 78— 90
Михайло Казарянинъ..... 91— 99
Соловей Будиміровичь..... 99—107
Съ какихъ поръ перевелись витязи на святой Руси, № 1..... 108—115
Аника Воинъ №№ 1—5..... 115—138
Объясненіе о способахъ и пріемахъ 2-го изданія. 138
Приложенія, дополненія и объясненія..... 139—342
Аника Воинъ, №№ 6 и 7..... 139—144
Замѣтка о немъ..... 145—152
Гибель Русскихъ богатырей, №№ 2—8, и Замѣтка о переводѣ богатырей на Руси, Калѣкахъ Перехожихъ, Богатыряхъ Старшихъ..... 152—184
Старшіе Богатыри: I. Святогоръ, №№ 1 (записанный П. А. Безсоновымъ) и 2, три варіанта и Замѣтка объ эпосѣ, сюда относящемся..... 184—228

Стран.

Сведенный текстъ эпоса о Святогорѣ: Святогоръ I, самъ по себѣ; II, съ Самсономъ; III, съ Ильею Муромцемъ; IV, съ прочими богатырями, въ кругу Владиміра, въ Кіевѣ, въ воспоминаніи эпоса.... 228—341

Отъ редактора и издателя..... 342

—

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	*Исправить:*
Выпускъ 3-й, по 2-му изданію, стран. 56, строка 17 снизу:	
ЛАСКОВО	ЛАСКОВА
Вып. 4, по 2-му изданію, стран. 138, строка 2-я снизу:	
ОПОЛНЕНІЯ	ДОПОЛНЕНІЯ
Здѣсь же, стр. 241, помѣта (конциферъ) внизу:	
(листъ) 19	16

* * *

Конецъ 1-й половины 4-го выпуска по 2-му изданію.

Stanford University Libraries
3 6105 124 447 702

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.